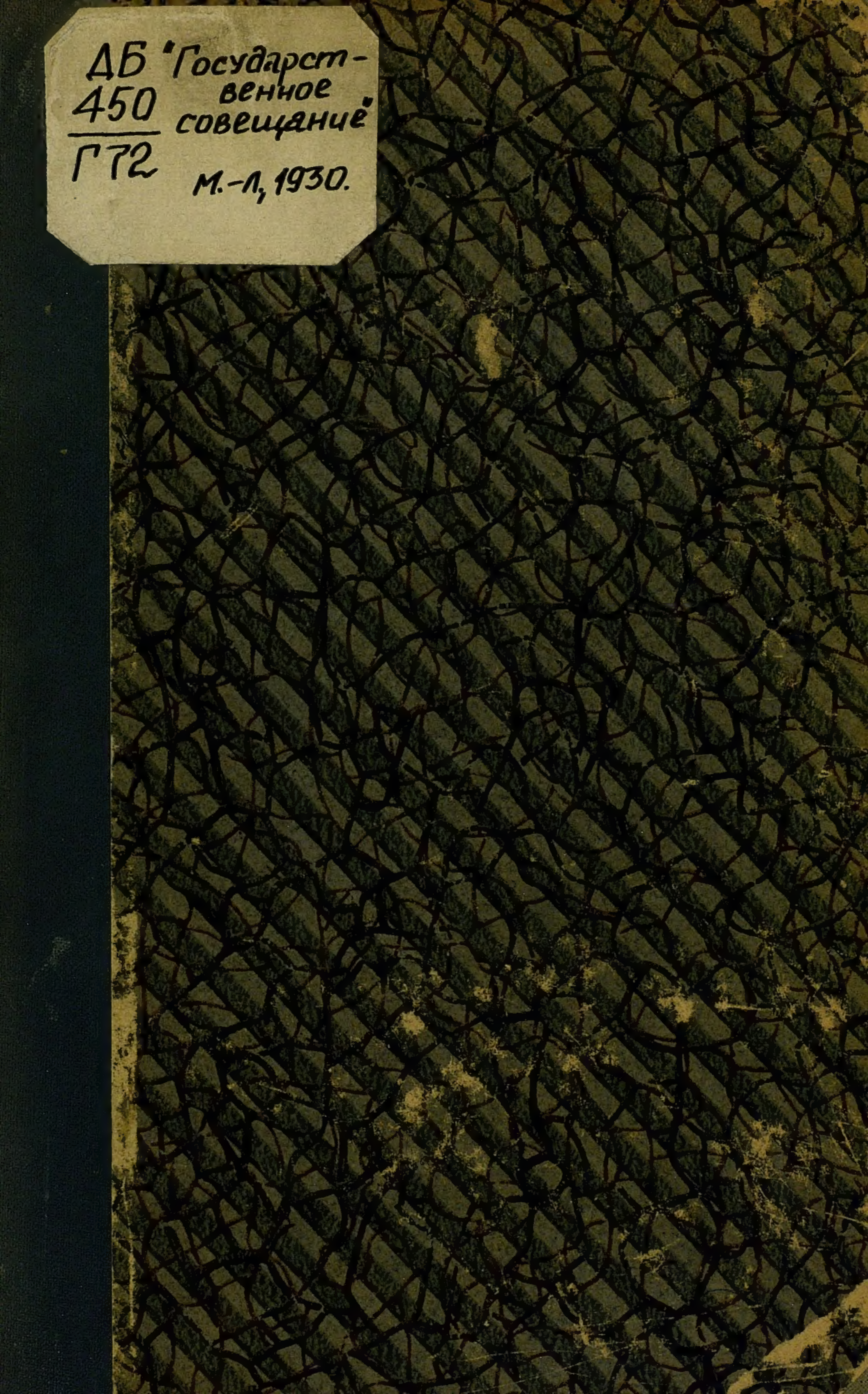

ДБ
450
Г72
"Государственное совещание"
М.-Л., 1930.

ЦЕНТРАРХИВ

1917 ГОД В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. Н. ПОКРОВСКОГО [redacted]

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1930 ★ ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Валовая, 28.
Главл. А-31928. С-54 Гиз 27547
Зак. № 2162. Тир. 3.000 экз.
24¾ п. л.

ОТ РЕДАКЦИИ

Подготовка к печати материалов Государственного Совещания началась сейчас же после закрытия Совещания. Подготовка эта производилась московской городской думой в течение сентября и октября 1917 года. К этому времени, как указывается в документе, хранящемся в делах Государственного Совещания, озаглавленном: «От председателя комиссии по устройству Государственного Совещания в Москве», были подготовлены к изданию, кроме стенографического отчета, также и «материалы, относящиеся к установлению личного состава Совещания и к характеристике обстановки, в которой протекали работы Государственного Совещания». Во время октябрьских боев часть материалов была уничтожена или утрачена. Впоследствии, как указывается в том же документе, «при участии лиц, руководивших первоначальными работами по сборке и подготовке материалов, удалось произвести реставрацию основной части намечавшегося издания», т. е. стенографического отчета. Отчет этот поступил в Архив Октябрьской Революции и лег в основу настоящей публикации. Что касается материалов, относящихся к личному составу Совещания, а также делопроизводства по созыву Совещания, то таковые до нас дошли далеко не полностью.

Стенографический отчет, хранящийся в Архиве Октябрьской Революции имеет 573 стр., из них 52 стр. рукописных и 14 гранок набора (7 гранок представляют собою оттиск сделанного набора издания и 7 гранок являются корректурным оттиском из № 138 «Известий Московского Совета»); остальной текст машинописный, напечатанный на одной стороне листа, с рукописными поправками и вставками, указывающими на то, что первоначальный текст отчета подвергся редакционной обработке; кроме того, отдельные речи, как указывается в цитированном выше документе, «имевшие наиболее ответственное значение», вошли в стенограмму Совещания «в редакции, просмотренной и утвержденной их авторами».

Кроме полного стенографического отчета, в архиве сохранились разрозненные листы стенографического отчета и ряд гранок первоначального набора.

В виду наличия в тексте отчета некоторых редакционных и авторских попра-

вок, редакция, желая дать текст, наиболее приближающийся к первоначальной записи, сочла необходимым просмотреть газеты, в которых печатался стенографический отчет Государственного Совещания.

Почти все крупные московские и петроградские газеты: «Известия Московского С. Р. и С. Д.», «Известия Петроградского С. Р. и С. Д.», «Вестник Временного Правительства», «Русские Ведомости», «Русское Слово», «Речь», «Утро России», «Голос Солдата», «Власть Народа», печатали отчеты заседаний Совещания, однако ни в одной газете не дано полного отчета.

Так, в «Известиях Московского Совета» (№№ 137—139, от 14—18 августа) напечатаны две речи Керенского, речь Чхеидзе, затем речи министров Авксентьева, Прокоповича и Некрасова, в выдержках и полностью первая речь Церетели; остальные речи даны в изложении или с большими купюрами.

В «Русском Слове» (№№ 115—118, от 13—18 августа) даны стенографические отчеты первой речи Керенского, декларация Государственных Дум, речи Алексеева, Каледина, Корнилова, Чхеидзе, Рябушинского, Бубликова, Гучкова, Родзянко, Милюкова и последняя речь Керенского. Речи министров Авксентьева, Прокоповича и Некрасова даны с купюрами. Полностью дана также речь есаула Нагаева, причем реплики с мест, отношение правой и левой части Совещания к происшедшему инциденту даны более полно, чем в архивном отчете.

В газете «Утро России» (№№ 197—199 от 13—17 августа) даны полные стенограммы речей: первой и второй Керенского, обе речи Церетели, Чхеидзе, речи Алексеева, Каледина, Корнилова, Рябушинского, Бубликова, Гучкова, Милюкова, Маклакова, Набокова, Шульгина, Большакова и Сироткина; остальные речи либо вовсе не приведены, либо даны в изложении. Газета «Вестник Временного Правительства» (№№ 131 (177) от 15 августа) приводит полностью только первую речь Керенского, а речи министров приводит в сокращенном виде. В сокращенном виде печатался отчет Государственного Совещания и в других газетах.

В печатаемом нами стенографическом отчете имеются все выступления, имевшие место на Государственном Совещании.

При сверке текста речей в отчете с речами, опубликованными в газетах, оказалось, что все имеющиеся в архивном тексте рукописные поправки отсутствуют в газетах и таким образом являются чисто редакционной правкой, по ликвидации которой архивный текст оказался настолько близок к газетному, что расхождение их можно легко объяснить, с одной стороны, редакционной правкой текста в газетах и, с другой, авторской правкой отдельными ораторами своих речей. Поэтому мы при печатании отчета не сочли нужным воспроизводить редакционные поправки комиссии. Однако, газетные отчеты, особенно отчет «Русского Слова», содержат в себе значительное количество мест, в виде реплик, возгласов, аплодисментов, которыми характеризуется отношение собрания к тому или иному оратору, или выступлению, или же инциденту, как, например, инциденту с На-

гаевым, отсутствующих в архивном отчете, поэтому редакция сочла необходимым поместить их в подстрочных примечаниях. В отдельных случаях неясности архивного текста нами производились небольшие вставки по газетным отчетам. Все эти вставки заключены в квадратные скобки.

В конце книги нами публикуется список лиц, участвовавших на Государственном Совещании. Список этот, составленный на основании сохранившихся мандатов и данных мандатной комиссии и делопроизводства, является далеко не полным [1]). Список заключает в себе около 1500 человек. По данным же комиссии, организовавшейся 9 августа под председательством с.-р. Коварского, число членов Государственного Совещания было равно 2414.

Эта же комиссия опубликовала в газетах следующий состав Государственного Совещания: от четырех Государственных Дум — 488 человек, представителей Крестьянского Союза — 100, Советов Р. и С. Д. — 100, Исполнительного Комитета объединенных Советов Р., С. и Кр. Д. — 129, городов — 147, земского и городского союзов — 118, торгово-промышленных организаций и банков — 150, технических организаций — 99, трудовой интеллигенции — 83, армии и флота — 117, духовенства и духовных организаций — 24, национальных групп — 58, продовольственных комитетов — 90, сельскохозяйственных обществ — 51, кооперативов — 313, профессиональных союзов — 176, комиссаров Временного Правительства — 33, представителей военного ведомства — 16, представителей союзных армий — 3, чинов судебных установлений Москвы — 4, членов Временного Правительства и представителей министров — 15. 13 августа прибавилось еще — 100, итого — 2414 человек.

Самый перечень представленных на Совещании организаций говорит сам за себя. Организациям «демократии» предоставлено минимальнейшее количество, да и представлены они были в подавляющем большинстве случаев меньшевиками, эсерами и т. п. «социалистическими» партиями. Инструкция ЦИК фактически лишала слова и тех большевиков, которые в незначительном количестве были посланы на Совещание. Меньшевики и эсеры, в союзе с представителями крупной и средней буржуазии, генералами, офицерами и правительственными чиновниками, были господами положения на этом «Земском Соборе», где, по словам В. И. Ленина, совершалась «коронация» контрреволюционного правительства».

---

[1]) См. предисловие к списку.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ

12—15 августа 1917 года

(*Стенографический отчет*)

ЗАСЕДАНИЕ 12 АВГУСТА.

Керенский *). По поручению Временного Правительства объявляю Государственное Совещание, созванное верховною властью государства Российского, открытым под моим председательством, как главы Временного Правительства.

От имени Временного Правительства приветствую собравшихся здесь граждан государства Российского. В особенности приветствую наших братьев-воинов, ныне с великим мужеством и с беззаветным геройством, под водительством своих вождей, защищающих пределы государства Российского. (Аплодисменты.)

В великий и страшный час, когда в муках и в великих испытаниях рождается и создается новая свободная великая Россия, Временное Правительство не для взаимных распрей созвало вас сюда, граждане великой страны, ныне навсегда сбросившей с себя цепи рабства, насилия и произвола. (Бурные аплодисменты.) Не для обсуждения программных вопросов и тем паче не для попыток, откуда бы они ни исходили, воспользоваться настоящим совещанием и исключительно трудным положением государства Русского для каких бы то ни было попыток колебания власти, волей революции и народа всей полнотой суверенной власти до Учредительного Собрания обладающей и на страже спасения родины и на защите завоеванных революцией прав народа поставленной. Временное Правительство призвало вас сюда, сыны свободной отныне нашей родины, для того, чтобы открыто и прямо сказать вам подлинную правду о том, что ждет вас и что переживает сейчас великая, но измученная и исстрадавшаяся родина наша. Мы призвали вас сюда, чтобы сказать эту правду всенародно в самом сердце государства Российского, в городе Москве. Мы призвали вас для того, чтобы впредь никто не мог сказать, что он не знал, и незнанием своим оправдать свою деятельность, если она будет вести к дальнейшему развалу и к гибели свободного государства Российского. (Аплодисменты.)

Много и часто, чем ближе наступал срок этого высокого собрания, овладевала многими тревога, а другие думали, что этот час может быть использован против спокойствия в государстве и против безопасности родины и революции.

---

*) *По машинописному тексту.*

Великая вера в разум и совесть народа русского руководила и руководит Временным Правительством, в своем составе меняющимся, но в своих основных задачах остающимся неизменным с момента низвержения старой деспотической власти и до Учредительного Собрания почитающим себя единственным вместилищем суверенных прав народа русского. (Бурные аплодисменты.)

Пусть знает каждый и пусть знают все, кто уже раз пытался поднять вооруженную руку на власть народную, пусть знают все, что эти попытки будут прекращены железом и кровью. (Бурные, продолжительные аплодисменты.) И пусть еще более остерегаются те последователи неудачной попытки, которые думают, что настало время, опираясь на штыки, ниспровергнуть революционную власть. (Возгласы: «Браво!» и бурные аплодисменты.) Наша власть опирается не на механическое принуждение, не на тот аппарат насилия и произвола, которым правила низвергнутая власть. Наша сила в великом доверии, которое питают к нам широкие массы народа (возгласы: «Браво», аплодисменты) и все наши братья, которые миллионами, взяв штыки и оружие, защищают на границах родину, а также и революцию. Для нас, для Временного Правительства, с самого начала и до сих пор идущего единственной возможной с нашей точки зрения дорогой, дорогой возможного, самого широкого объединения всех подлинно преданных революции сил во имя подчинения своих групповых, личных и классовых интересов единственному, великому и ныне священному долгу, долгу спасения наследия наших предков и защиты чести и достоинства свободной русской демократии... (Аплодисменты.) Временное Правительство глубоко уверено, не только уверено, но знает, что здесь, собравшись в сердце государства нашего, каждый из нас забудет все, кроме долга совести перед родиной и перед великими завоеваниями революции: свобода, равенство и братство. (Аплодисменты.)

Мы верим, что можем свободно, открыто сказать правду. Мы не боимся, что эту правду услышат не только наши друзья, но и наши враги, и те, которые уничтожают наши войска, и те, которые здесь ждут времени, когда можно поднять голову и броситься на свободный русский народ. (Аплодисменты.) Они все равно через своих агентов часто знают лучше правду, чем многие русские граждане. (Возгласы: «Правильно».)

И на этот раз нет от вас тайн. Мы приходим после революции в первый раз, как Временное Правительство, к вам, граждане русские, с открытым сердцем и с великим сознанием невыносимой, нечеловеческой, бесконечной ответственности, которая лежит на нас и которую мы несем и будем нести, несмотря на все удары, которые мы выносим. И только через нашу жизнь можно погубить и разорвать тело великой демократии русской. (Аплодисменты. «Ура».)

А положение, граждане, очень тяжелое, и государство наше переживает час смертельной опасности. Пусть каждый, из [вас], в ком еще трепещет сердце,

граждане *), и у кого старая власть не выжгла в душе окончательно чувство преданности и любви к общему и великому делу, пусть все они поймут это наше главное, это наше единственное заявление, которое Временное Правительство своим долгом считало сделать. Нам говорят, что, может быть, мы нарочно сгущаем краски, преувеличиваем опасность, чтобы запугать кого-то, застращать кого-то и тем усилить авторитет своей собственной власти. Но вы знаете, граждане, что до сих пор мы такого собрания не созывали. Мы только, каждый из нас в частности, и Временное Правительство все в целом, и я, неоднократно предупреждали о том страшном часе, который может настать. Я не буду пред вами подробно излагать положение государства нашего. Все вы люди земли, каждый из вас кровными узами связан с той или другой территорией, с тем или иным классом, с теми или другими служебными, гражданскими или профессиональными обязанностями. И я думаю, все мы ощущаем в душе своей смертельную тревогу. Все мы это знаем, но нехватает у нас великого мужества самоограничения, и у многих из нас нехватает достаточно стремления и чувства к жертве, к подвигу и к великому самоотвержению. А между тем то небывалое в истории нашего государства дело, которое мы творим, — создание свободной нации из распыленных масс, стонавших под пятой варварского самодержавия, — эта задача, одновременно выпавшая на нас с великой борьбой с организованным, мощным, беспощадным врагом, эта задача подлинно требует жертвенности, подвига, великого пламени любви к родине и самоограничения и отказа от своих личных, групповых и классовых интересов. (А п л о д и с м е н т ы.) Голодающие города, все более и более расстраивающийся транспорт, эта артерия питания и армии, и тыла, и всех граждан государства Российского, падение производительности в промышленной и заводской работе, открытый отказ поддерживать государство великими жертвами имущества и достояния своего со стороны многоимущих и многим владеющих (а п л о д и с м е н т ы) — привело к тому, что падение производительности, т. е. расхищение, исчезновение национальных богатств и орудий защиты и творчества, одновременно сопровождается опустошением государственной казны и великим финансовым и денежным кризисом [1]). Но то же и еще большее мы видим и в политических настроениях, где процесс распада и распыления на все новые и новые враждующие между собою партии и группы сталкивается с все более и более поднимающим голову стремлением некоторых национальностей государства Русского искать спасения не в более и более тесном единении с живыми силами государства Российского, а в стремлении все больше и определеннее отмежевать судьбу свою от нас, одинаково и бескорыстно боровшихся и борющихся за свободу и самоопределение всех народов державы нашей. (А п л о д и с м е н т ы.) И, наконец, все это было покрыто великим испытанием и непереносимым позором, который

---

*) *Далее в подлиннике следует:* и кто.

свершился на фронте, когда части русских войск не под напором и натиском враждебных сил, а по малодушию и презренной трусости уходили назад, забывая свой долг перед родиной и завоеванной свободой [2]). (Аплодисменты.)

Я был сам участником великого порыва и энтузиастического стремления вперед, который пережила русская армия и который показал, что есть еще сила в нашем народе и в нашем государстве. Великий порыв этот был разбит, и надежды наши были растоптаны. Все лучшие силы народа и армии великое торжество демократии, приближение мира и торжество русской революции, связывали с торжеством нашим и на фронте. Но надежды наши были растоптаны, и вера наша была оплевана. И это зло было принесено в армию извне,—оно было результатом того великого распада, того великого проклятия, которое овладело народом русским, который забыл о своем долге, который забыл о своем прошлом. (Аплодисменты.) И он сам своими руками со всех сторон стал ковать для себя же новые цепи деспотизма и произвола. (Аплодисменты.) Здесь нет хлестких фраз. Здесь есть правда голая, которую мы вам даем. Я говорю, что мы дошли до этого падения только потому, что мы забыли о своем прошлом, что мы, живя столетия в цепях рабства *), забыли, как нужно любить до конца и как нужно ненавидеть до конца. Мы забыли все, что то, что разъедает наш организм, то, что разрушает великую силу народа нашего и великое обаяние идей революции, которой мы служим, — это есть проклятое наследие прошлого: это старая власть, которую все ненавидели, но которой почти все подчинялись, потому что все боялись ее. Теперь, когда власть не защищает себя ни штыками, ни интригами, а силу свою полагает только в правде, в доверии к разуму и совести народа и почитает себя облеченной этим доверием (аплодисменты), теперь на эту власть перенесено то наследство недоверия ко всякой власти, борьбы со всякой властью и дискредитирования всякого общегосударственного авторитета. И те, кто боялись и потому молчали, теперь — одни идут с оружием в руках, а другие на своих собраниях осмеливаются произносить против верховной власти государства Российского слова, за которые бы они, как за «оскорбление величества», были бы раньше поставлены «вне пределов досягаемости». (Аплодисменты.) И здесь, в попытках открытого нападения или скрытых заговоров, здесь предел нашему терпению. Каждый, кто перейдет эту черту, тот встретится с властью, которая в своих репрессиях заставит этих преступников вспомнить, что было в старину при самодержавии. (Аплодисменты.) И мы это будем делать не потому, что дорог нам престиж и наше собственное положение, а потому, что все мы здесь одинаково уверены, что только в этой власти, объединяющей, регулирующей, примиряющей, ограждающей, и в возвышающей авторитет новой власти силе верховной—только в ней есть спасение нашего государства от распада и гра-

---

*) *В подлиннике далее следует:* перестали и.

жданской войны. (Аплодисменты.) И я направо и налево скажу вам, непримиримым, что ошибаетесь вы, когда думаете, что потому, что мы не с вами и не с ними, мы бессильны. Нет!.. В этом и есть наша сила (аплодисменты, возгласы: «Браво»), что мы позволяем и имеем право позволить себе роскошь восстаний и конспиративных заговоров. (Аплодисменты.) Но помните, что, нападая и борясь с единым источником власти до Учредительного Собрания, вы — одни сознательно, другие бессознательно — готовите торжество тех, кого вы мало ненавидели, и потому скоро начинаете забывать... (Аплодисменты. Голоса: «Правильно, верно».)

Недоверие к власти, неуменье творчески работать, стремление только разлагать и только критиковать, восторг и наслаждение не от творчества, не от подчинения своих личных желаний и иногда партийных интересов железному закону государственного уклада и государственной необходимости, — не в этом свободные русские граждане черпают для себя вдохновение и великий восторг творчества (голоса: «Браво»), а только в разрушении, только в новой критике, только в стремлении каждую творческую попытку, если она в чем-нибудь не совпадает с абсолютным желанием той или другой группы, превращать в средство нового разрушения и в средство нового распыления России. (Аплодисменты.) И здесь мы также будем непримиримы. Здесь те граждане, которые близки ко мне, к моим убеждениям, и те, которые неразрывно связаны с русской подлинной демократией, они знают, что когда было нужно, я, сколько было сил у меня, полагал предел тем домогательствам отсюда, которые могли разрушить государство Русское. И ныне я с такой же решимостью и с такой же волею с помощью всего Временного Правительства поставлю предел стремлениям великое несчастье русское, в котором может быть великое возрождение, использовать во вред общенациональным интересам. И какие бы и кто бы мне ультиматумы ни предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе ее... (Бурные аплодисменты.)

Это отсутствие творчества и стремления к нему, эта постоянная борьба между собою — это есть наследство от старой власти, это русская болезнь, которая прививалась столетиями к телу русского народа, потому что ненавистная государству власть могла управлять, только натравливая части населения друг на друга и развращая отдельные элементы населения подачками и привилегиями на службе врагам народа. (Аплодисменты.) Но к этому, господа, прибавилось то, о чем мы часто говорили во всех Государственных Думах: это — насилие, издевательство над правом и правосудием, это — воспитание всего населения не в нормах закона, не в праве и справедливости, а в подчинении права и справедливости интересам имущих и власть имеющих. Если теперь мы встречаемся с великим разгулом, произволом, неуважением к человеку и его правам, издевательством над новым правом, то мы, стоящие во главе государства и умудренные

не летами, может быть, но опытом управления, мы знаем, с каким наследством мы имеем дело, и с великим терпением и с великой любовью мы стремимся возродить, вернуть, а если понадобится, и заставить признать общее право и великие нормы всемирной человеческой справедливости.

И, наконец, с тем же наследством мы имеем дело в той драме, которая произошла на полях сражения. Все знают, кому были открыты секреты армии самодержца всероссийского, что эта армия была телом на глиняных ногах и почти без головы. Это армия, где не было отвечающего требованиям современной войны и строительства военного начальствующего элемента; это армия, где не было достаточно обученных и, главное, граждански просвещенных рядовых воинов; это армия, которая была спаяна не великим энтузиазмом общей цели и общей любви, а, к сожалению, ненавистными цепями механического принуждения и бессмысленного подчинения человека железной, но часто бессмысленной воле, стоящей над ним. И сейчас в этой армии, которую, я беру на себя смелость сказать, я знаю достаточно, чтобы говорить не только перед всероссийскими врагами, но и перед нашими врагами и союзниками, если бы они меня слушали, — в этой армии все ее будущее, все ее спасение в разуме, в сознательности и в тех, кто при настоящих тяжелых условиях умеет понимать не только необходимость войны, но и новые потребности времени *); и здесь, перед всероссийским собранием, я должен засвидетельствовать глубокое преклонение и великую любовь, которую питает Временное Правительство и, полагаю я, вся страна к мозгу русской армии, к рядовому боевому, карьеры не делающему, но безропотно, при тяжких условиях, а иногда и испытаниях, погибающему за родину офицерству. (Бурные аплодисменты.) С этим офицерством все сознательное в армии: и огромное большинство рядового воинства, и те новые, необходимые и неотъемлемые в армии войсковые комитеты [3] (аплодисменты), и представители центральной революционной власти, ограждающие армию от анархии слева и от попыток восстановления старых порядков справа — комиссары, мною в армию посылаемые [4]). И это основное ядро. Эта центральная сила русской армии, потому что это есть плоть от плоти и кость от кости русского народа и русской интеллигенции, привлекает к себе все лучшее в верховном командовании армиями и фронтами, но вместе с тем борется против анархии, развращения и трусости в низах и против всякой попытки великую силу, принадлежащую только народу, использовать в интересах какого-нибудь класса, а тем более политической партии. (Аплодисменты.)

Вот, граждане, в [каких] условиях малодушия, распыленности, хозяйственного развала и центробежных, все усиливающихся, сил приходится народу русскому, во главе с Временным Правительством, защищая родину, спасать свободу,

*) *В подлиннике:* временные.

или, спасая свободу, защищать родину. Для вас и для меня нет родины без свободы и нет свободы без родины. (Бурные аплодисменты и крики: «Браво».)

Я хотел бы найти какие-то новые нечеловеческие слова, чтобы передать вам весь трепет, весь смертельный ужас, который охватывает каждого из нас, когда мы видим все до самого конца, видим во все стороны и понимаем, что опасность и там и здесь. И когда мы, облеченные великими и непосильными полномочиями довести страну до спасения, до Учредительного Собрания, во что бы то ни стало, должны втягивать, притягивать узами любви, узами сознания и совести, а иногда и силой железных законов, вызывающих страх [5]), всех, где есть и где нет совести, мы должны дело довести до того конца, к которому мы ведем русское государство не по произволу, а по присяге, всенародно данной нами клятве перед всем народом российским. (Аплодисменты.)

Граждане, Временное Правительство хотело сказать и еще скажет вам правду. Может быть в моих словах не было всего, что нужно было бы сказать, потому что исчислить неисчислимое, изобразить неизобразимое во всем ужасе, а иногда во всем величии невозможно. Я бы хотел только одного: чтобы вы все здесь и каждый в отдельности понесли бы наши слова к людям, партиям и группам, с вами связанным, так, как мы по совести вам сказали, не перетолковывая, не истолковывая, не вкладывая в них смысла, в них не заключенного, не извращая в сознательных или бессознательных целях, с тем, чтобы еще больше увеличить развал, распад и гибель нашей родины. Видеть все и говорить только радостное и всем приятное невозможно. Нужно говорить все, рассчитывая, что каждый имеет в себе силы в этом сказанном найти ту долю горькой истины, которая к нему и к его друзьям относится. Еще раз: задача наша, от которой мы не отступимся, задача, которую мы в великом напряжении исполним, это — задача спасения государства, ограждение чести и достоинства всего народа русского и государства Российского и борьба со всем, что разрушает эту единственную силу, и с теми, кто мешает и препятствует задачам Временного Правительства, им себе поставленным.

Я не буду говорить о подробной программе. Мы остановимся на том, что неоднократно было сказано перед всем населением в декларациях Временного Правительства [6]). (Аплодисменты.) И если был период русской революции, по преимуществу разрушительный, разрушивший старые устои и создавший новые начала права самоуправления жизни всего народа, то теперь настало время управления, укрепления и обороны завоеванных прав самого государства Российского, и мы откровенно, открыто, как власть, уважающая своих граждан, но и уважающая себя, мы сказали вам и скажем, что нужно, что мы делаем и к чему стремимся. И мы ждем от вас, представителей земли русской, граждане Российского государства, мы ждем от вас не распрей, не междоусобных столкновений,

не злостной критики и высокомерных указаний, а мы ждем от вас единственного, что нужно стране: это—вы чувствуете ли в себе это великое горение, самоотвержение во имя общего целого, вы чувствуете ли в себе силу и волю к порядку, жертвам и труду, чувствуете ли вы, что не в словах, не в распрях, а в самоограничении каждого из всех классов, в работе не урочной, а день и ночь, в жертвах не по спискам, а все до конца, — вот что нужно, вот что требуется. Погибающие, осмеянные в прошлом и оскорбляемые в настоящем нашими врагами, явите ли вы здесь, в Москве, собравшиеся люди великой родины, явите ли вы здесь перед миром и перед нашими врагами зрелище спаянной великой национальной силы, прощающей друг друга во имя общего, или вы явите миру новую картину распада, развала и заслуженного презрения, которое бросят нам наши враги и те, кто ждет момента, чтобы нанести удар свой в спину?! (Аплодисменты.)

Конечно, граждане, вас не может не интересовать, что же хотим мы, где мы видим скрытую и самую страшную опасность, куда мы зовем разум и совесть народа нашего, куда? Это, конечно, граждане, армия, это, конечно, та великая надежда и та единственная сила, которая в великом единении с волей народа и с Временным Правительством есть ultima ratio, есть последний разум, последний долг. Всем, кто доводам совести и разума не внемлет, и вам, представителям демократии, это особенно нужно знать. Мы видим, как, быть может, наверное даже, в большинстве в своем искренние, но не освещенные государственным разумом и действительной, до безумия любовью к родине течения не приблизили желанного мира, а отдалили его в неизвестное будущее, потому что к грехам самовластия, к недостаткам управления они прибавили свою часть, свою долю развращающего армию призыва забыть общее и целое во имя частного и часто во имя собственной драгоценной, но презренной жизни.

Мы, опираясь на демократическую вооруженную силу, на революционную волю и на свободное заявление народа нашего, мы пришли в мир с высоко поднятой головой и мы остались там, как равные с равными в великом бою и на смертном пиру народов великой Европы. Но пришли мы туда со своим словом и со своей волей, и бойтесь, чтобы эти удары по армии, эти удары по воле и авторитету суверенной верховной власти народа российского, чтобы они не пробили брешь в самых идеях, за которые мы боремся, и не открыли ворота ненавистникам идеи свободы, которую, вы думали, мы плохо защищаем. Мы хотим и мы добьемся, чтобы никто не смел считать Российскую державу на втором месте в хоре мировых государств. (Бурные аплодисменты). Мы милости не просим и в снисхождении не нуждаемся. («Браво!» Аплодисменты.) Но во имя этой авторитетной силы, клянусь вам, кто бы ни наносил удары, кто бы ни усиливал возможности позора нашего, он встретится с теми, кто не боится и не бежит от пулеметов.

Мы только что пережили гнусную попытку после неудачных предложений сепаратного мира нам обратиться к нашим союзникам через нейтральное святейшее лицо с таким же предложением сепаратного мира [7]), потому что среди упомянутых там субъектов права не было имени России. (Голоса: «Браво». Аплодисменты.) Несколько месяцев тому назад подобные попытки врага, направленные в нашу сторону, были волей народа с негодованием отброшены. Теперь я рад засвидетельствовать, что не в случайных испытаниях и не в минутных невзгодах сила и единение наше с теми, кто вместе с нами борется во имя свободы и равенства всех. С таким же негодованием и презрением эти попытки, направленные в другую сторону, были отвергнуты дружественными нам правительствами. И я от имени великого народа русского скажу только одно: другого мы не ожидали и ожидать не могли. (Бурные продолжительные аплодисменты собрания по адресу представителей союзных с Россией стран переходят в овацию. Все встают и, обращаясь к ложе представителей союзных стран, продолжают аплодировать*). Несчастье связывает. Из всех, кто перенес великие испытания, я не могу не упомянуть об особенно пострадавшем народе румынском и не сказать, что если, вследствие общих несчастий и общих ошибок, ему придется временно оставить родную страну, то он найдет в пределах державы нашей достаточно места и гостеприимства.

Мы эти признаки ослабления нашего военного фронта, вследствие прорыва, а также признаки ослабления авторитета фронта в международной и внутренней жизни нашей свободной, революционной, демократической России, — эти признаки, угрожающие нам, Временное Правительство видит не только в том недостаточно объективном и нейтральном шаге престола папского, но мы видим также и в тех устремлениях, которые замечаются среди некоторых народов самой державы Русской, казалось, неразрывно, кровно, навсегда связанных с русской свободной демократией общей беспощадной борьбой за общую свободу. Мы могли бы предъявить счет, мы могли бы сказать, что, изнывая и погибая в цепях царского самодержавия, власти, чуждой и ненавистной русскому народу, мы не щадили нашей крови, мы не боялись наших жертв и часто, во имя благ всех народов, живущих у нас, мы силой и волей большого человека забывали иногда свои собственные нужды. (Аплодисменты.) И когда сброшено это иго самодержавия, когда исстрадавшийся, израненный, опозоренный русский свободный народ расправляет свои руки, свой организм, когда еще есть места гангренозные, когда мы еще не сладили со всем проклятым наследством прошлого, мы можем сказать: где же вы? Почему мы не слышим голосов беспредельно, без торга и переторжки отдающих

*) *В «Русском Слове» далее следует:* Встают все, кроме некоторых представителей крайней левой и тех большевиков, которые прошли под флагом профессиональных союзов. Из ложи военных раздается возглас солдат: «Мартов, встать!».

себя вместе с нами во имя борьбы с великим страшным деспотизмом за общую свободу? Мы не слышим их; мы не слышим потому, что недоверие и ненависть к старой власти, которая наносила еще большие удары по телу инородных национальностей, так как ко всему ужасу прибавлялось издевательство над самым святым — над званием еврея или украинца, шведа или армянина, — эта ненависть теперь, как болезнь, на нас переносится и в нас видит преемников старого насилия. Но слабости малых недоступны сильным, и как бы нам ни тяжело было, нам, русской демократии, нам, русскому народу, это испытание дружбы, не оправдавшейся в несчастии, перенести, — мы от того, что мы обещали, от того, что мы дали, и от того, что еще даст полномочный хозяин русской земли на Учредительном Собрании, не отказываемся и не откажемся. Временное Правительство, как власть, имеющая право беспредельного распоряжения наследием предков наших и будущим страны нашей, мы долг свой перед всем государством исполним. И там, где борьба переходит пределы возможного, там, где желают затруднениями нашими воспользоваться для насилия над свободой воли народа русского, мы говорим и скажем: руки прочь. (Аплодисменты.) Я не могу с великой скорбью не сказать, что, может быть, в ближайшие дни нам предстоит испытание: в северной нашей автономной и внутри себя совершенно свободной Финляндии, которая, вопреки нашему волеизъявлению, засвидетельствованному и занесенному в особый акт государственный и давшему или вернувшему всю полноту внутренней власти великому княжеству Финляндскому [8]), — там, может быть, на-днях будет попытка использовать наши затруднения во имя насильственного торжества путем физической силы, задач и целей, в настоящее время невозможных и для всего государства гибельных. Я, как глава Временного Правительства, как военный министр, сделаю соответственное распоряжение. Это не будет допущено... (Шумные аплодисменты. Крики: «Браво!») И мы надеемся, что всей силой авторитета целого народа, всей нации, это наше решение и эта наша воля будут поддержаны. (Аплодисменты.) Мы ни разу не вышли из рамок конституции. Мы остаемся охранителями и хранителями как русской, так и финляндской свободы. И в самом ближайшем будущем народ финляндский убедится, что если нет насилия, то русская власть не забывает и еще больше дает.

Я не хочу касаться другой интимной и братской распри. Я верю, что многомиллионная трудящаяся крестьянская, рабочая и городская масса наших братьев по крови и по общей судьбе — украинцев, несмотря на многие, может быть по недоразумению, происходящие обиды и взаимные расхождения [9]), никогда не пойдет по пути, на котором мы могли бы сказать: почему же и ты, брат мой, целуешь меня и кто дал тебе 30 сребренников? Но, граждане, это внешнее напряжение, эти моменты, когда мы переживаем некоторую тревогу за самое ближайшее будущее, это—все признаки того же, признаки падения авторитета и веры в разум, в мощь и в волю к жизни нашего родного народа. (Шумные аплодисменты.)

Наша армия, эта сила, которую мы должны иметь чистой и ясной и самой в себе прекрасной, эта армия, она затронута разъедающей язвой того же наследства, которое досталось нам от прошлого, тем же недостатком разумения, сознательной мужественности и жертвенности, которые владеют всем народом русским. И прежде чем бросить камень в тех, кто не выдержал там, посмотрите, граждане, в ваши собственные души: выдержали ли вы, были ли вы всегда на посту и шли ли отсюда туда не только слова о жертвах, а жертвы (шумные аплодисменты) и видели ли вы во главе этих на деле жертвующих, что идут по добровольному порыву, как действительно было когда-то, не тех, кто нищие, невежественные и голодные, а тех, кто образованы, богаты и разумны. И видели ли они, что тогда, когда день и ночь в окопах, в грязи, под удушливыми газами врагов, плохо кормленные, полураздетые, они медленно умирают сплошные сутки, видели ли они, что здесь не во имя только своего интереса, не во имя только отстаивания своих личных групповых или классовых задач, а во имя любви беззаветной к ним, видели ли они еще новую энергию, еще новое напряжение, еще новый порыв к труду, к работе без счета, без расчета—день и ночь? (Аплодисменты.)

Они слышали, что сзади одни другим грозят и при малейшем ослаблении и при малейшем поводе то там, то здесь подымается не красное, а обагренное братской кровью знамя во имя бунта, во имя своеволия. Они слышат о тех попытках, которые делаются каждую минуту, чтобы свалить ненавистную демократическую революционную власть. (Бурные аплодисменты.) И вам здесь, приехавшим с фронта, вам говорю я, ваш военный министр и ваш верховный вождь, я правлю, как член Временного Правительства, и его волю передаю вам, и нет воли и власти в армии выше воли и власти Временного Правительства. (Бурные продолжительные аплодисменты. Возгласы: «Браво».) Будьте спокойны: мы оградим вас от разлагающих влияний, ползущих в армию снизу и уничтожающих в низах самое страшное, что есть стыд, и дающих возможность людям, боящимся смерти, говорить, что они не хотят сражаться по идее. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы: «Браво».) Мы боремся с ними, сколько есть силы у нас. Эта анархия слева, этот большевизм, как бы он ни назывался, у нас, в русской демократии, пронизанной духом любви к государству и к идеям свободы, найдет своего врага. (Аплодисменты.) Но еще раз говорю: всякая попытка большевизма наизнанку, всякая попытка воспользоваться ослаблением дисциплины, она найдет предел во мне. (Бурные, продолжительные аплодисменты) *). Когда я скажу, что настал час защиты свободы, поверьте, никого не останется, кто бы осмелился возражать нашей воле, воле Временного

*) *Далее по рукописному тексту.*

Правительства, которое идет единым прямым путем спасения родины и свободы, путем защиты свободы родины. (Аплодисменты.)

Еще министром юстиции я внес во Временное Правительство вопрос об отмене смертной казни. (Аплодисменты. Возгласы: «Браво».) И я же, как военный министр, внес во Временное Правительство частичное восстановление смертной казни. (Возгласы: «Правильно»; шумные аплодисменты, которые неожиданно прерываются резким, взволнованным возгласом председателя): Кто смеет аплодировать, когда речь идет о смертной казни?! Разве вы не знаете, что в этот момент и в этот час была убита частица нашей человеческой души?! (После наступившего молчания министр-председатель продолжает свою речь.)

Но если будет нужно для спасения государства, если голос наш, предвещающий великие испытания, не дойдет до тех, кто в тылу развращает и разнуздывает армию, мы душу свою убьем, но государство спасем. (Бурные, долгие аплодисменты.) Но пусть знает каждый, что эта мера — великое искушение, что эта мера — величайшее испытание, и пусть никто не осмеливается на этом пункте нам ставить какие-нибудь безусловные требования. Мы этого не допустим. Мы говорим только: если стихийное разрушение, развал, малодушие и трусость, предательское убийство, нападение на мирных жителей, сожжение жилых и нежилых строений, грабежи, — если все это будет продолжаться, несмотря на наше предупреждение, хватит сил у Временного Правительства бороться так, как укажет это тот час *). И, граждане, то, что завоевано русским народом и русской армией, — этого никто не отнимет. Вы помните, что свободу нашу мы завоевали только потому, что в великий час смертельной опасности, этой зимой, вооруженный и невооруженный народ подал друг другу руки на союз жизни или смерти. Мы вместе победили и все — одинаковые господа у нового свободного кормила правления государством русским. Опыт этих месяцев показал, что все то, что создано было случайно, иногда судорожно, иногда недостаточно продумано, ныне подлежит пересмотру и правильному введению в рамки как прав, так и обязанностей каждого служащего и несущего службу в русской армии. И, господа, то, что теперь многие ставят на счет революции, это была сила стихии, а не игра сознательной воли злых сил революции. И это видно из того, что все, чем потрясаются и возмущаются нынешние возродители армии, все проведено до меня и помимо меня и их руками. (Голоса: «Правильно».) Это была стихия, это был только процесс распада старых связей и случайной наспех постройки. Этот спех был нужен, иначе вся эта огромная масса материала после падения деспотической военной власти распылилась бы. Она была удержана в своем стремлении рас-

---

*) *Далее по машинописному тексту.*

пасться. Теперь эта черновая работа будет превращена в беловую. Все будет поставлено на свое место, каждый будет знать свои права и обязанности, но будут знать свои обязанности не только командуемые, но и командующие. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно».) Не только будут знать свои права бывшие безграничными командующие, но также и командуемые. И комиссары, и комитеты, и дисциплинарные суды будут сохранены... (Аплодисменты преимущественно на местах военных представителей.) Но все получит те формы, которые нужны ныне для армии и которые должны быть не преходящим явлением, а неизменной частью армейского организма. И мы, люди армии и в армии бывшие, мы знаем, где предел возможного и где начинается невозможное и авантюра. И там, где есть этот предел, Временное Правительство скажет: дальше ни шагу! Временное Правительство сумеет сделать свой голос настолько сильным, чтобы никто не подумал, что полнота власти Временного Правительства оказывается полнотой только в одну сторону и открывает свободный вход с другой стороны..

Позвольте мне, граждане, не останавливаться подробно на этих мерах. Я должен только засвидетельствовать одно: что со времени моего вступления в военное министерство ни одна мера, которая могла бы разрушить силу армии или авторитет командного состава, не прошла. (Аплодисменты.) С самого начала мною начата систематическая, планомерная работа по пересмотру, кодификации, введению в рамки всех новых институтов в армии, которые должны превратиться в закон. И больше всего я считаю нужным и важным сказать отсюда всей армии, снизу доверху и сверху донизу: вся армия, независимо от чина и положения, должна являть собою образец дисциплинированности и подчинения младшего старшему, а всех — власти верховной. (Аплодисменты.) Я, как военный министр, смею сказать вам: граждане земли русской, так же преходяща и так же случайна была болезнь армейского организма, как случайна и преходяща была болезнь и всего государства Российского. И под ошеломляющими ударами великих испытаний рождается воля к жизни, воля к дисциплине, воля к исполнению долга, и в этой воле, в этом разуме и в этой совести — залог возрождения и спасения и России и русской армии. (Продолжительные аплодисменты.)

Мои товарищи, члены Временного Правительства, изложат перед вами более подробно те стороны жизни и хозяйства государства русского, которые они ближе меня изучили. Я только хочу сказать, что и там перед вами откроется картина великого распада, великих процессов разрушения, часто обнищания. Вы увидите картину угрозы голода, который стоит перед нами. И потому, граждане, я думаю, вы поймете, почему мы позвали вас, почему в настоящий час мы говорим с вами о том, главным образом, не что нужно, а как нужно достигать этого. Я опять повторяю, что этого можно достичь только великим подъемом любви к свободной родине, завоеваниям революции, любви и беззаветной жертвенности и отказа от всех своих

своекорыстных, личных и групповых интересов, во имя общего и целого, а наш долг, наша обязанность — тяжелая, непосильная и часто нечеловеческая. В этом нам, творящим новую жизнь, в этом беспримерном столкновении, сбросившем с себя старые путы страстей, интересов и столкновений, в этом стихийном вихре распадающейся страны должно (и в этом наш долг) оставаться утесом, о который разбивались и будут разбиваться те волны безудержной разнузданной стихии, откуда бы она ни исходила, которая может захлестнуть все государство русское. И с самого начала нашего правления, с 27 февраля, мы ставим себе не в недостаток то, что мы были слишком терпеливы, что мы были слишком выносливы в той борьбе, которую нам пришлось вести. И не потому она была трудна, что нет разума и нет совести у русского народа. Нет, именно потому она оказалась нам возможной, что каждый раз, когда высоко поднимался гребень опасности государственной, к нам приходила на помощь сама воля и само сознание честных граждан русского государства. (Голоса: «Правильно».) И мы поэтому спокойно во имя своих задач и нужд государства призвали вас сюда, чтобы услышать от вас свободный, жертвенный, полный огня и любви к свободе и родине голос, который сделает нас, ваших представителей, еще более сильными в глазах врагов нашего государства и еще более близкими широким народным массам и всему гражданству русскому. И, смею вас уверить, ничем другим мы не руководимся, ничего другого мы не хотим, как только блага государства. И если — повторяю еще раз — нехватит разума и совести, если — повторяю еще раз — мы будем захлестнуты волною развала и распада своекорыстных интересов и междупартийных распрей, то прежде чем погибнуть, мы скажем об этом стране, — мы позовем ее на помощь, а сейчас мы сами, своей неограниченной властью, там, где есть насилие и произвол, придем с железом и со всею силою принудительного аппарата государственной власти. (Аплодисменты.)

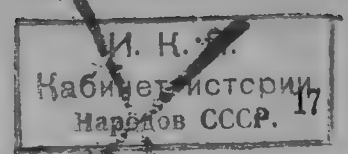
Объявляю перерыв на 15 минут. После этого к собранию обратится министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев.

Заседание возобновляется в 5 часов 35 минут.

Керенский. Прошу занять места. Заседание возобновляется. Слово предоставляется министру внутренних дел.

Авксентьев. Граждане. Мне немногое, как министру внутренних дел Временного Правительства, остается добавить к тому, что сказано было министром-председателем, ибо он в значительной степени коснулся той раны, целить которую во внутренней жизни России, в согласии со всеми живыми силами страны, призвано министерство внутренних дел.

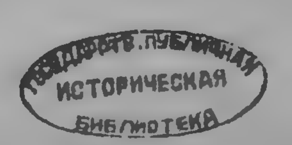
Граждане. Тому назад пять месяцев упали с русского народа путы, которые механически связывали его и давали ему видимость цельности. Я говорю: «видимость», ибо на самом деле та великая распыленность над преодолением которой обя-

зан трудиться каждый гражданин в настоящее время, та великая распыленность, от которой страдает Россия, досталась нам в наследие от старого. Упали старые путы. Было создано Временное Правительство, и перед этим Временным Правительством встали колоссальные задачи органического творчества и созидания. И здесь, мы не должны забывать этого, пришли ему на помощь те общественные организации, роль которых в этом сплочении государственного целого была неизмеримо велика. (Аплодисменты.)

Теперь часто из некоторых кругов указывают на ошибки некоторых общественных организаций. Я готов согласиться, что, быть может, эти ошибки были и их нужно исправлять. Когда спешно строится великое здание, тогда могут быть ошибки,—не ошибается тот, кто ничего не делает; но не об ошибках мы должны говорить, а о тех великих заслугах, которые совершили они во имя созидательных укрепляющих задач построения нового государства. (Аплодисменты.) Но и правительственное строительство и все усилия общественности, здоровой общественности, откуда бы они ни исходили, не могли успеть сорганизовать все, не могли поспеть за тем процессом распада, за тем процессом распыления, который теперь во внутренней жизни страны поставил нашу родину на краю гибели, который создал положение, грозящее гибелью и самому государству Российскому, гибелью нашему отечеству, гибелью тому великому приобретению, которое дало смысл нашему существованию,—приобретению великой русской революции.

Теперь мы можем охарактеризовать внутреннее положение России как положение развала, распыленности власти, распыленности воли, групповых устремлений, где часто царствуют частные интересы, которые далеки от общего, которые не ставят во главу угла общих интересов и которые полагают, что они преследуют действительные цели, когда на самом деле преследуют лишь мираж: ибо в силу этих частных и групповых устремлений погибает то общее и главное, что подводит единый возможный фундамент под все наши цели, погибает самая наша государственность. И поэтому я говорю, что мы, Временное Правительство, во внутреннем строительстве должны при помощи всех живых сил страны поставить во главу угла идею государственности и идею порядка (аплодисменты), идею новой государственности, идею революционного порядка во имя спасения нашей родины, во имя спасения завоеваний революции, во имя спасения самого смысла существования каждого сознательного российского гражданина и того великого демократического союза, который вмещает в себе все истинно живые, все истинно свободные силы страны. (Аплодисменты.) Ради этого порядка революции, ради твердого и определенного проведения идеи государственного строительства Временное Правительство обладает и должно обладать сильною властью. Оно, опираясь на общественность, покажет, что́ оно может в области государственной созидать и что́ оно будет созидать. Оно будет бороться против антигосударственной распыленности со всей полнотой власти. И вы должны ясно

сознать, что если правительство не будет в состоянии обладать этой полнотой власти, то придет кто-то другой, который возьмет эту власть, но уже не во имя общественности, а во имя антиобщественных интересов и проявлений. (Аплодисменты.)

Временное Правительство смеет заверить тех, которые собрались сюда с тем, чтобы дать ему моральную поддержку, смеет заверить их, что если появятся такие, то они прежде всего переступят через трупы Временного Правительства, стоящего на страже защиты революции и порядка. О сильной власти, единой, государственной власти говорю я. Но Временное Правительство понимает эту власть не как власть только одного подавления, но как власть органическую, как власть, опирающуюся на *) волю широкой организованной общественности. Необходимо, чтобы навстречу этому повелительному стремлению Временного Правительства, на котором оно настаивает и будет настаивать и провести которое оно чувствует в себе достаточно сил, необходимо, чтобы навстречу этому стремлению пробудилась идея государственности и в широких слоях народа, и в широких слоях живых сил страны, и чтобы навстречу этому утверждению государственной воли Временного Правительства потянулась широкая общественность. Если будет создано это единство, тогда твердая воля правительства будет тысячекратно повторена в стране и сумеет уверенно и быстро создать тот порядок, который теперь один только может дать ему страна. Я позволю себе сказать, что именно исходя из этих задач построения твердой государственности наверху и создания этой государственности внизу, на местах, создавалась до сих пор и создается политика министерства внутренних дел.

Задачей министра теперь является неуклонное построение жизни на местах, на твердом основании закона, создаваемого в разных областях жизни представителем революции — Временным Революционным Правительством. (Аплодисменты.)

Министерство внутренних дел еще до моего вступления в него проделало колоссальную творческую работу. Эта работа была — выработка законов, касающихся органов самоуправления. Это была работа, стремившаяся узаконить общественность, новую общественность во всех формах ее местного проявления. И я думаю, что задачей нового министра внутренних дел является скорейшее проведение в жизнь этой единой, основанной на законе, формы самоуправления. Необходимо теперь этот законодательный скелет облечь плотью и кровью для того, чтобы не самочинность действовала на местах, не те или иные сталкивающиеся отдельные группы или интересы, а определенная, охватывающая всех и основанная на законе самоуправляющаяся общественность, спаянная с Временным Правительством. (Аплодисменты.) Органы самоуправления теперь создаются всюду.

*) *Далее по рукописному тексту.*

Начались выборы в волостные земства *), и потому надо спешить это здание, все здание самоуправления увенчать тем, чего мы все жаждем, что мы все призываем, что действительно, наконец, подведет широкий и незыблемый фундамент под власть Временного или всякого другого правительства: я говорю о великом Учредительном Собрании. Я полагаю, что дальнейшей задачей министерства внутренних дел в области законодательства явится объединение власти на местах. И это объединение власти на местах должно итти двояким путем: во-первых, путем проведения ряда законов, которые отдельные отрасли **) управления постепенно переводили бы в ведение самоуправляющихся единиц, находящихся под наблюдением тех, которые призваны блюсти закон на местах — под наблюдением комиссаров Временного Революционного Правительства, и, во-вторых, путем установленных для наблюдения за закономерностью действий и тех правительственных органов на местах, которые были созданы ***) потребностями, возникшими после переворота, — комитетов земельных [10]), комитетов продовольственных [11]), комитетов промышленных [12]).

Все эти комитеты, все эти отдельные проявления государственной воли не только в центре, не только наверху, но и на местах, должны быть объединены определенной общей волей. Закономерность их действий должна быть под контролем местного органа Временного Правительства. Если эти положения будут проведены, то Временным Правительством будут достигнуты те цели, которые оно может и должно себе ставить. Временное Правительство тем самым создает единство власти, построенное на самоуправлении, единство власти, построенное на законе, на сознании закона и ответственности. Государство, таким образом, будет иметь свои органы, чтобы творить единую волю, руководимую одним стремлением к спасению свободной России.

Дальнейшим этапом построения власти, проникновения организаций сознанием государственности и государственной ответственности на местах будет построение краевых организаций, о которых Временное Правительство уже заявило и план которых должен разрабатываться [13]). Эти краевые организации послужат, с одной стороны, переходом от высшей власти к власти местной, тем связующим звеном, которое только еще больше закрепит общность стремлений и требований. Эти краевые организации сплотят новой цепью отдельные места между собою, создадут из них великие общегосударственные коллективы.

---

*) *В «Русских Ведомостях» начало этой фразы приводится в следующей редакции:* Начались выборы в волостные земства. Должны дальше следовать выборы в уездные и губернские земства *и т. д.*

**) *В подлиннике:* отдельные органы.

***) *Исправлено по «Русским Ведомостям»: В подлиннике первоначально:* путем установленных тех правительственных органов; *исправлено:* путем установления наблюдения правительственного за закономерностью действий тех органов...

Наконец, ради все той же цели борьбы с распыленностью, борьбы за государственность, министерство создает институт разъездных комиссаров Временного Правительства, которые гарантировали бы постоянную живую связь центра с местами, которые являлись бы выразителями тех положений, которые проводит Временное Правительство, выражали бы его волю.

Я полагаю, что именно таким путем мы должны итти, чтобы строить новую Россию. Мы не должны останавливаться в этом стремлении своем ни на один момент. Мы должны помнить теперь великое изречение великого Петра: «Промедление времени — смерти подобно». Мы требуем от тех, в интересах которых мы теперь хотим действовать, от всех тех, которые считают себя искренними сторонниками нового порядка, созданного пять месяцев тому назад, безусловной поддержки той власти, которая во имя проведения порядка революции и идеи государственности готова отдать себя без остатка и до конца.

Временное Правительство будет итти дорогой, которую начертали ему государственный разум, подчеркнутый всей историей России, и понимание ее задач. Временное Правительство будет итти этим путем непреклонно, будет итти во что бы то ни стало и чего бы это ему ни стоило. (Бурные аплодисменты.)

Прокопович. Временное Правительство, граждане, поручило мне изложить перед вами общую характеристику современного положения народного хозяйства в стране и те общие принципы экономической политики, которых придерживается Временное Правительство и которые осуществляются его органами. Само собой разумеется, поскольку идет речь о современном положении народного хозяйства, доминирующим фактором, определяющим все и вся, является война. Война взяла у нас массу работников из народного хозяйства. Война нам стоит колоссально дорого.

Позвольте огласить основные цифры: в первый год войны, с июля 1914 года по июль 1915 года война нам обошлась в 5,3 миллиарда рублей. Во второй год — в 11,2 миллиарда, в третий год мы израсходовали на войну уже 18,6 миллиардов. Чтобы оценить значение этих цифр, мы должны сопоставить их с размерами народного дохода, с совокупностью всех материальных ценностей, которые в нормальное время, до войны, производило наше народное хозяйство. По моему распоряжению в Экономическом совете [14]) был произведен подсчет народного дохода страны в 1913 году, в последнем году перед войной. Итоги получились следующие: весь наш народный доход в рублях довоенного времени, в нормальных рублях, исчисляется приблизительно в 16 миллиардов рублей. Вот чем мы располагали. И к этому национальному фонду война предъявила колоссальные требования. Конечно из этих 16 миллиардов рублей мы никаким образом не могли бы покрыть $18^1/_2$ миллиардов, которые мы израсходовали в третий год*) войны, если бы, конечно, величина

*) *Далее по корректурным гранкам.*

этого рубля резко не упала. В общем надо считать, что на войну в третий год ее мы израсходовали до 40—50% нашего народного дохода, от 40 до 50% всей той массы материальных ценностей, которую создает страна и которою она живет. Несомненно, мы были плохо подготовлены к ведению такой колоссальной, такой дорогой войны.

Затем чрезвычайно тяжело на нашем хозяйственном положении отзывается еще другое обстоятельство, — то, что мы с самого начала, с первого года войны, были отрезаны от мирового рынка. Наши союзники имеют возможность получать те материальные ценности, те изделия, орудия, которые им нужны: пушки, хлеб, одежду, материал для одежды, все это они могут получать с мирового рынка. Благодаря этому, отягощение их народного хозяйства, национального хозяйства, происходит в относительно незначительной мере по сравнению, конечно, с нашим: нам все приходится брать изнутри. По тем данным, которыми мы располагаем, приблизительно только около 16% расходов на войну покрывается привозом из-за границы, 84% покрывается на внутреннем рынке. При таком положении вещей, если нам приходится отдавать около 40—50% народного дохода на войну, само собой разумеется, в стране прежде всего должно было создаться бестоварье. Масса товаров, масса тех материальных благ, которыми жило, которыми существовало население, оттекает на войну, и при таком положении, если бы не было регулирующего вмешательства государства, фатально мы имели бы следующее: наряду с бестоварьем, наряду с оскудением внутреннего рынка материальными ценностями происходил бы колоссальный рост их цен, создалась бы колоссальная дороговизна, колоссальное их вздорожание. Затем в области распределения мы имели бы чрезвычайный рост прибыли на капитал, рост земельной ренты и резкое падение заработной платы. Мы имели бы чрезвычайное ухудшение бюджета трудящихся и чрезвычайное благополучие имущих классов.

Наконец, что касается производства, то, при таком положении вещей, фатально должно было произойти падение производства, падение, которое в настоящее время в Донецком бассейне на одну рабочую силу достигает 50% выработки. Добыча упала приблизительно на половину. Вот что неизбежно создается таким оттоком материальных ценностей на войну, и это было бы совершенно фатально, если бы тут не вмешалось своей регулирующей властью государство.

При таком положении вещей абсолютная свобода торговли, абсолютная, неограниченная собственность на продукты и на средства производства должны были бы привести к обнищанию народных масс, к чрезвычайно тяжелому положению этих масс, и поэтому регулирующее вмешательство государства, — регулирующее в смысле установления твердых цен, в смысле определяющего влияния на распределение продуктов в стране между различными классами населения, и, наконец, в смысле регулирующего вмешательства в известных случаях в производства, — является государственной необходимостью. По этому пути пошло правительство [15]).

Я убежден, что в этом зале нет ни одного сторонника абсолютной свободы торговли и неограниченного права частной собственности во время такой тяжкой войны, как настоящая. Конечно, регулирование народно-хозяйственной жизни, регулирование обращения товаров предполагает существование необходимого аппарата. И вот тут мы столкнулись с двумя затруднениями: во-первых, с неправильной организацией распределительной власти в центре, во-вторых, с недостаточным развитием общественной инициативы на местах, которая могла бы действительно осуществить и провести в жизнь те распоряжения из центра, которые необходимы для регулирования национального рынка. С этими затруднениями нам приходится считаться каждый день.

В настоящее время, граждане, Временное Правительство создало Главный экономический комитет, который явится регулирующим центром для всей нашей народно-хозяйственной жизни. Проект его организации в последние дни рассматривался в Экономическом совете, утвержден им и в ближайшие дни будет представлен Временному Правительству [16]).

До сих пор положение было таково: отдельные ведомства все те заготовки, которые нужны были для армии и для населения, осуществляли своими особыми ведомственными путями. Чуть не в каждом ведомстве все эти заготовки шли по своему особому пути; в некоторых ведомствах заготовки шли не по одному, а по нескольким путям. Унификации этих путей не было, не было однотипности работы ведомств по обслуживанию нужд армии и населения. От этого получался большой разнобой, огромная потеря времени, потеря сил *).

В настоящее время по соглашению со всеми ведомствами, работающими на нужды страны и армии, всю эту работу удается унифицировать, и мы накануне планомерного развития этой деятельности. С другой стороны, мы чрезвычайно страдали от того, что на местах мы не располагали надлежащими органами. Наряду с колоссальным стремлением к самодеятельности, обнаруженным в некоторых местах в доброй половине России, в других местах мы не видали эт й самодеятельности в достаточных размерах. Теперь мы принимаем экстренные меры к тому, чтобы в этих отсталых местах все-таки были созданы необходимые органы, нужные нам для регулирования национального рынка. Можно надеяться, что в недалеком будущем мы будем располагать тем общественно-административным аппаратом, который сможет полностью удовлетворить нужды как армии, так и населения. Между тем, поскольку идет речь об удовлетворении этих нужд, положение дела чрезвычайно тяжелое. Я должен это сказать прямо, граждане.

Я начну с работы министерства продовольствия. Прошу вас всмотреться в эту картину, которую рисует нам это министерство. Положение страны в продовольственном отношении является в настоящее время очень тяжелым. Все заготовки,

---

*) *Далее по рукописному тексту.*

которые возложены на министерство продовольствия по хлебному и зерновому фуражу, достигают размеров от 700 до 800 миллионов *) пудов на этот четвертый год войны. Между тем на первый год нужно было всего 300 миллионов пудов, на второй — 500 миллионов и на третий — 600 миллионов пудов. Вы видите, как растут заготовки, как растет спрос в стране на хлеб. Жиры приходится заготовлять для одной только армии в количестве $8^1/_2$ миллионов пудов, мясо — в размере 50 миллионов пудов. Эти требования, предъявленные к народному хозяйству, колоссальны. А между тем основным продуктом питания — хлебом — население во многих местах не обеспечено. Петроград и Москва все время получают уменьшенный паек — $^3/_4$ фунта хлеба на душу, уменьшенный даже против той довольно низкой нормы одного фунта на душу, какая была установлена для городского населения законом 25 марта. Таким образом удалось составить в Петрограде и в Москве небольшие $2^1/_2$—3-недельные запасы, но и те за последнее время, вследствие задержки транспорта, иссякли. В настоящее время запасы в этих городах упали до минимума, и приходится принимать экстренные меры, чтобы население не осталось без хлеба. Острую нужду в хлебе в течение всего лета испытывали также губернии: Калужская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Тверская, Смоленская, Витебская, Могилевская, где не только городское, но и сельское население питается в это время привозным хлебом.

Нужда в хлебе среди городского и фабричного населения в некоторых из этих губерний сейчас не только не устранена, но достигает особой остроты. Острую нужду в хлебе, правильнее сказать, голод, испытывает также Туркестан, который постиг неурожай и в который доставка хлеба сопряжена с неимоверными затруднениями. В связи с острым недостатком хлеба настроение населения названных местностей крайне возбужденное. За последние месяцы на почве продовольственной нужды зарегистрирован ряд эксцессов (самовольный разбор баржей с хлебом, покушения на разгром продовольственных управ и т. п.). Несомненно, что на этой почве возможны и крупные беспорядки. На-днях таковые разыгрались в Астрахани, где управление пришлось передать в руки военных властей [17].

Запасы хлеба, имеющиеся в распоряжении министерства, упали в последнее время до очень низкой цифры (на 1 августа — 26 миллионов пудов), быть может, до критического минимума. Таких незначительных размеров они достигали лишь в конце февраля (на 1 марта — около 20 миллионов пудов, не считая такого же количества, находившегося на пристанях и ждавшего навигации), т. е. в момент переворота. Вдобавок, крайнее расстройство транспорта до-нельзя затрудняет использование этих запасов для устранения наиболее острых случаев нужды.

---

*) *В подлиннике первоначально* 700—800, *исправлено на* 1 000—1 100; *в газетных отчетах также* 700—800.

На фронтах в начале июля запасы хлеба удалось довести до полуторамесячной нормы, т. е. до состояния сравнительно благоприятного. Но Тарнопольский прорыв на Юго-Западном фронте, сопровождавшийся гибелью его запасов и замешательством в его тылу, поставил этим фронт в очень тяжелое положение. Для поддержки его были передвинуты запасы с других фронтов, в частности с Западного и Северного, куда подавать хлеб особенно трудно. Кроме того, в середине июля отправка хлеба в армию заметно упала. В результате продовольственное положение фронта сильно ухудшилось.

Несомненно, август является самым трудным месяцем в продовольственной кампании, ведущейся в государственном масштабе. Во время страдной поры, которая далеко еще не везде окончилась, подвоз хлеба к пристаням и станциям, естественно, падает до минимума. Можно рассчитывать, что в ближайшее время положение несколько улучшится. Сельское население потребляющих губерний собирает теперь урожай, и на ближайшие месяцы будет обеспечено своим хлебом. А на юге можно приступить к заготовке из нового урожая для городов и армии. В общем, хлебные ресурсы страны нужно считать очень напряженными. При довольно остром недостатке в крупе, хлеба хватит и еще останется. Но взять и распределить этот хлеб в высшей степени трудно. Равновесие в обмене нарушено и восстановить его при данных условиях немыслимо: деревня ни в коем случае не может получить в обмен на свои продукты равновеликое количество ценностей. И те требования, какие предъявляет в этом отношении деревенское население, если бы эти требования были удовлетворены, не могут дать надлежащего эффекта.

Требования же эти таковы:

а) Повышение твердых цен. Это требование идет главным образом из среды крупных помещиков, которые в некоторых местах успели захватить в сферу своей агитации и некоторые слои крестьян. Не говоря о других последствиях, в высшей степени тяжелых, к каким привело бы удовлетворение этого требования, в данном отношении повышение твердых цен привело бы к тому, что деревня еще больше стала бы получать денег, которых и без того у нее имеется избыток, и в результате стимулы к отчуждению продуктов у нее еще более ослабели бы.

б) Установление твердых и справедливых цен на мануфактуру, железо и другие необходимые деревне продукты индустрии. Это требование является со стороны крестьян особенно настойчивым и безусловно справедливым. Удовлетворить его, во что бы то ни стало, необходимо. Но не следует упускать из виду, что удовлетворение его лишь в психологическом отношении даст большой плюс, в экономическом же отношении даст скорее минус.

Дело в том, что доставить деревне нужные ей продукты индустрии и тем более покрыть весь спрос, какой она может предъявить на них теперь, при избытке денежных знаков, государство совершенно не в силах. Таких продуктов может быть дано ограниченное и притом очень небольшое количество. Само собой разумеется,

что чем ниже будут цены на них, тем более будет оставаться в деревне денег, за которые она не может получить никаких благ, и тем слабее, стало быть, будет экономический стимул у нее сбывать свои продукты. Но зато деревня не будет считать себя обиженной, и это, несомненно, очень облегчит проведение политики жертв, каковая неизбежна в данных условиях. С своей стороны, министерство продовольствия, кроме снабжения населения сельскохозяйственными машинами и инвентарем, уже приступило к снабжению деревни железом и мануфактурой. К сожалению, при наличности металлического голода в стране, оно получает в свое распоряжение далеко недостаточное количество железа. А именно, с марта до августа оно получило железа для распределения среди населения 1 060 миллионов пудов (нормальное потребление — 9 миллионов пудов). Кроме того, им было заказано 222 тысячи пудов гвоздей. С августа количество гвоздей, отпускаемых министерству, увеличено до 75 тысяч пудов в месяц. К снабжению населения мануфактурой министерство приступило в июле и распределило к началу августа 33 миллиона аршин. Деятельность его в этом отношении имела пока характер опыта. В последнее время оно приступило к учету тканей и в ближайшее время внесет в правительство ряд предложений, чтобы поставить всю мануфактурную торговлю под контроль.

в) Установление трудовой повинности. (Аплодисменты.) Это требование, и притом с особой настойчивостью, крестьяне начинают выдвигать лишь в самое последнее время. Насколько можно уяснить себе его, оно является наиболее сознательным и целесообразным. С одной стороны, оно продиктовано, повидимому, сознанием, что никто не вправе при данных условиях выдвигать свои эгоистические классовые требования. Отказываясь от таких требований, с своей стороны, крестьяне желают, чтобы и городской рабочий класс встал на путь жертв, а не защиты только своих классовых интересов. С другой стороны, в этом крестьяне и как класс заинтересованы. Уменьшение производительности труда и чрезмерно высокие оплаты его в городах влечет за собой уменьшение количества полезных и нужных, в частности деревне, продуктов и резкое повышение цен на них.

Что касается технического аппарата, которым располагает продовольственная организация, то он очень слаб и во многих местах не удовлетворяет самым скромным пожеланиям. Это объясняется тем, что за продовольственное дело вынуждены были взяться люди, нередко совершенно неопытные в нем, не располагающие профессиональными знаниями, и затем должны были вести это дело, не имея в распоряжении надлежащего технического оборудования. Таким образом, им приходится вести дело при крайне неблагоприятных и в высшей степени трудных условиях. Естественно, что ими допускаются промахи, ошибки, и дело нередко валится у них из рук. Нужно сказать, что для привлечения к делу торгового аппарата нет препятствий в законе, не ставилось таких препятствий и со стороны министерства. Это всецело предоставлено местным органам. В некоторых местах они пользуются торговым аппаратом в довольно широких размерах. Например, в Уфимской

губернии из 376 ссыпок 320 ведутся крупными и средними торговцами, рекомендованными особой общественной организацией и работающими под контролем и наблюдением местных продовольственных и других комитетов. В Самарской губернии таких ссыпок 40%. В других местах пользуются торговым аппаратом в более скромных размерах, предпочитая ему кооперативный, земский и даже свой, специально для этого созданный. Во многих же местах торговым аппаратом совсем не пользуются. Главная причина — резко недоверчивое и даже прямо враждебное отношение к торговому классу со стороны местного населения. Преодолеть это продовольственные деятели не в силах даже при их желании. Не редки случаи, что продовольственные управы и даже комитеты низвергались за попытки, и даже только намерение, воспользоваться услугами торговцев. Резко отрицательное отношение населения к торговому классу объясняется отчасти теми тенденциями, которые они вносят в дело хлебной монополии, их нежеланием или неумением примириться с ролью комиссионеров и государственных агентов, действующих под строгим контролем и в определенных рамках, а главное, тою ненавистью, какую, особенно за время войны, торговцы в лице спекулянтов и мародеров пробудили к себе в населении. Министерство не теряет, однако, надежды, что технический аппарат, постепенно улучшающийся, удастся в дальнейшем усовершенствовать. С одной стороны, торговый класс, быть может, сумеет своими лойяльными и организационными действиями преодолеть враждебное к нему отношение со стороны населения и таким путем предоставить свой профессиональный опыт и свой технический аппарат в распоряжение государственных учреждений, отказавшись, по крайней мере на время войны, от своекорыстно-классовых домогательств и не противясь самому строгому контролю со стороны органов демократической власти. Кроме того, быстро расширяющаяся и все лучше сорганизовывающаяся сеть кооперативов еще полнее приспособится к выполнению публично-правовых обязанностей, какие на нее возлагаются теперь в продовольственном деле. Разовьется и собственный аппарат продовольственных органов. Главное же, — постепенно приобретаемый ими опыт и профессиональные навыки гарантируют от новых ошибок и промахов.

Аналогичная регулировка, как и в деле снабжения страны предметами первой необходимости, нужна также и в области сельского хозяйства. Общая земельная реформа должна быть делом Учредительного Собрания. Проект ее разрабатывается государственным земельным комитетом, но некоторая регулировка пользования частной земельной собственностью необходима уже в настоящее время. Конечно, до Учредительного Собрания регулировка земельных отношений может совершиться исключительно в общегосударственных интересах под планомерным руководством Временного Правительства, не допуская ни предрешения вопросов, подлежащих разрешению Учредительного Собрания, ни предоставления определения земельной политики каким-либо местным учреждениям или организациям. Так именно смотрит на свои задачи в области земельной политики и Временное Правительство и

министерство земледелия. Много нареканий в этом отношении вызывает деятельность земельных комитетов. Считаю необходимым установить одну хронологическую дату: положение о земельных комитетах утверждено 21 апреля (министерство Шингарева), и тогда же, в особом воззвании, на эти комитеты было возложено «решение споров и недоразумений по земельным делам». Задачей Временного Правительства и министерства земледелия в настоящее время является ограничение компетенции, урегулирование и подчинение закону деятельности местных земельных комитетов. В каком направлении предполагается эта регулировка, можно судить по трем проектам, внесенным министерством земледелия, об охране лесов и их рубке, об упорядочении земельных отношений и о примирительных камерах *).

Я читал в газетах совершенно ложное сообщение, будто проект правил об охране лесов и их рубке был отвергнут Временным Правительством. В заседании Временного Правительства были внесены в него некоторые поправки, но никакого отвержения внесенного министерством земледелия проекта не было. Это сообщение газет не отвечает действительности, оно не верно. Для того, чтобы судить о том направлении, в каком предполагается регулировка земельных отношений, я несколько остановлюсь на этом проекте. Существо его состоит в том, что заведывание рубкой леса, которая необходима для удовлетворения общенациональных нужд, поручается центральной организации по удовлетворению топливочных нужд так называемому «Особому совещанию по топливу», или вкратце — «Осотопу» [18]). Что же касается местных земельных комитетов, то им поручается урегулирование пользования теми лесами, которые нужны для удовлетворения нужд местного населения.

Таким образом, мы видим, что этот проект одинаково стремится удовлетворить как общегосударственные нужды страны по сохранению лесных богатств и ограждению их от иногда невольного и никому ненужного расхищения, так и общегосударственные нужды по топливу и строительному материалу, а рядом с этим удовлетворить и нужды местного населения. Вот собственно существо этого проекта. Эти основные положения его встретили полное сочувствие в рядах Временного Правительства. К сожалению, обсуждение этого проекта было прервано нашим отъездом в Москву. По возвращении отсюда будет поставлено продолжение обсуждения этого проекта в первую очередь, и в среду или четверг, вероятно, этот законопроект будет утвержден. Вот вкратце та основная линия в области регулировки аграрных и сельскохозяйственных отношений, которая проектируется министерством земледелия. Что касается законопроекта об упорядочении земельных отношений, то он, главным образом, имеет в виду урегулирование арендных отношений.

---

*) *Далее по корректурным гранкам.*

Перехожу теперь к третьему министерству, министерству торговли и промышленности. Я подчеркиваю: «министерству промышленности», а не промышленников. Я думаю, что в развитии промышленности заинтересовано все государство весь народ, все — как потребители, так и производители, как промышленники, так и рабочие. (Шумные аплодисменты.) Мы все заинтересованы в развитии производительных сил страны, в развитии промышленности в стране. И для социалиста, не менее чем для лица каких-либо иных политических убеждений, не подлежит сомнению, что всестороннее развитие промышленности внутри государства есть величайшее благо всего народа. Поэтому основные задачи министерства торговли и промышленности бесспорны для всех политических течений: 1) необходимо оберегать промышленность, уже существующую, 2) необходимо содействовать развитию новых ее отраслей и 3) необходимо заботиться о развитии в каждой отдельной отрасли промышленности наиболее совершенных ее форм *).

На пути к осуществлению этих задач три ряда вопросов стоят перед министерством торговли и промышленности в данное время; наиболее неотложный и трудный ряд вопросов: приостановить разрушение промышленности, происходящее в силу многообразных причин, и всячески усиливать ее производительные способности в большинстве отраслей народного хозяйства; второе место занимает подготовка плана перехода промышленности к условиям мирного времени, чтобы для тех отраслей промышленности, которые заняты исключительно работой на войну, этот переход не сопровождался остановкой дела; третий — разработка стройного плана тех положений, которые в интересах русского народного хозяйства вообще, и промышленности в частности, надлежит отстаивать при заключении послевоенных, торговых договоров **).

Таким образом, сохранение и поддержание производительных сил промышленности в настоящее время и подготовка ее к процессу демобилизации, к переходу на мирное положение, и всестороннее развитие производительных сил в будущем, в том числе по пути заключения соответствующих торговых договоров, — вот три основные задачи, которые стоят в настоящее время перед министерством торговли и промышленности. Я не буду останавливаться подробно на всех трех вопросах. Остановлюсь на первом, как основном, как довлеющем дню и не терпящем ни малейшего отлагательства.

Как основные меры — необходимо усилить добычу топлива и сырья всех видов и поднять до максимума работу железнодорожных, вагоностроительных и паровозостроительных мастерских, так как главное зло, из которого вытекает большая часть других, — это плохой транспорт и недостаток топлива и сырья. Другой важный фактор промышленной разрухи — конфликты в области промыш-

---

*) *Далее по рукописному тексту.*

**) *Далее по корректурным гранкам.*

ленности и упадок производительных сил. Основные меры борьбы с этим злом министерство торговли и промышленности, в полном согласии с министерством труда, усматривает в следующем: 1) необходимо обеспечение прав владельцев предприятий в руководстве делом путем надлежащего разъяснения прав рабочих и ограждения интересов, задеваемых анархическими выступлениями, надлежащими мерами власти *); 2) необходим государственный контроль над предприятиями, дающий уверенность рабочим в отсутствии злостных мер, подготовляющихся предпринимателями против рабочих (аплодисменты); 3) необходимо установление твердых цен на большую часть предметов потребления, установление твердой заработной платы в важнейших отраслях труда (аплодисменты); 4) ограничение уровня прибыли предпринимателей нормальным процентом (аплодисменты слева), обеспечивающим работу денежного капитала в промышленности и в то же время гарантирующим население от чрезмерного обогащения за его счет владельцев промышленных предприятий; 5) издание общего закона о трудовой повинности или ряда законов частичных, вводящих обязательный минимум числа рабочих дней в месяц и минимум дневной производительности; 6) объединение всех экономических мероприятий по снабжению страны в Главном экономическом комитете, проводящем единый государственный план снабжения во всех отраслях народного хозяйства. Таковы, граждане, задачи министерства торговли и промышленности. Как я уже сказал, в вопросах регулирования труда министерство торговли и промышленности идет в полном согласии с министерством труда.

Теперь я перехожу к краткой характеристике основных положений, которыми руководствуется в своей деятельности министерство труда. Оно прежде всего считает, что все те насильственные меры, которые до сих пор имели место, к сожалению, во многих местах России и во многих промышленных предприятиях, в роде вывоза на тачке и насилий над администрацией, являются совершенно недопустимыми проявлениями анархии. (Аплодисменты.) Против виновников этих насильственных мер должны быть приняты всяческие меры ограждения от них администрации, вплоть до привлечения виновных этих насильственных мер к уголовной ответственности. (Аплодисменты справа. Возгласы: «Правильно».) Вмешательство рабочих в управление предприятиями признается министерством труда недопустимым. Прием и увольнение служащих и рабочих принадлежит всецело администрации, если на этот счет нет особого соглашения между рабочими и администрацией и если оно не установлено в законе. Относясь резко отрицательно ко всякому вмешательству рабочих в дело управления, министерство труда всячески поддерживает распространение коллективных договоров

*) *В «Русском Слове» далее следует:* Бурные аплодисменты на местах промышленников.

найма, так называемых тарифных договоров, которые, по убеждению министерства труда, одни только и могут урегулировать рабочий вопрос. Что касается обычных конфликтов, не заключающих в себе ни насильственных моментов, ни вмешательства в права администрации на управление предприятиями, — все эти конфликты, по мнению министерства труда, должны подвергаться прежде всего третейскому разбирательству в тех предприятиях, которые признаны имеющими государственное значение, принудительному третейскому разбирательству. Исходя из этих основных положений, министерство труда разработало целый ряд законопроектов, и некоторые из этих законопроектов утверждены уже Временным Правительством и получили силу закона. Таковы закон об охране женского и детского труда, изменение старого закона страхования от болезни и от несчастных случаев и далее — закон о примирительных камерах. В настоящее время министерство труда разрабатывает законопроекты о свободе стачек, о биржах труда, законопроект о трудовом договоре, о промысловых судах и о страховании от безработицы.

Что касается того вопроса, которого я уже коснулся, излагая вам руководящие начала политики министерства торговли и промышленности, вопроса о повышении производительности труда, то министерство труда проводит уже в своих вмешательствах в конфликты, которые в настоящее время имеют место в промышленности, следующие мероприятия. В коллективных договорах проводится сдельная оплата труда и принимаются меры к недопущению уменьшения рабочего дня ниже установленной 8-часовой нормы. Эта норма проводится из расчета на месяц,— следовательно, министерство борется против сокращения числа рабочих дней в месяц, сокращения рабочих часов в один день. Затем оно стоит за недопущение в рабочее время всяких собраний и митингов. (Аплодисменты и возгласы: «Правильно».) По глубокому убеждению министерства труда все эти меры могут быть систематически проведены только при условии установления государственного контроля над предприятиями и ограничения прибыли. (Аплодисменты.)

Перехожу к деятельности министерства путей сообщения. В связи с крайне напряженной работой всего железнодорожного механизма в течение всей текущей войны, а также с резким за последнее время падением производительности труда, авторитета руководителей на железных дорогах и дисциплины у служащих, равно и в связи с недостатком материала и запасных частей, положение на железных дорогах создалось крайне тяжелое. За 7 месяцев текущего года не догружено против того же периода прошлого года 980 000 вагонов, из коих 250 000 падает на один лишь июль месяц. Это приблизительно составит в нормальном торговом обороте на наших дорогах около 15%. (Голоса с мест: «Громче, пожалуйста, ничего не слышно».)

Граждане, я громко говорю, громче я не могу. (Голоса с мест: «Тогда, пожалуйста, медленнее: нам ничего не слышно».)

Не довывезено твердого минерального топлива из Донецкого бассейна 120 миллионов пудов, при чем в течение первой недели августа замечается дальнейшее резкое падение погрузки твердого минерального топлива даже против июля сего года на 200 вагонов ежедневно, вызванное отчасти непредъявлением груза к отправлению и отсутствием запасов на некоторых копях.

Вы знаете, что с 1 августа введена монополия на донецкий уголь. К сожалению, эта монополия функционирует еще недостаточно правильно. Мне пришлось принять экстренные меры. Главноуполномоченный по топливу сейчас экстренно выехал в Харьков для принятия тех мер, которые на местах окажется нужным принять. Нужно, чтобы эта монополия функционировала правильно, и я надеюсь, что со средины августа нам все-таки угольную монополию наладить удастся. (Аплодисменты.) Запасы твердого минерального топлива на железных дорогах не только не повысились за летние месяцы, как это обычно происходит, но даже стали падать, составляя менее 20 миллионов пудов на всех дорогах при расходе около 50 миллионов в месяц, в то время как в предыдущем году запасы эти составляли около 50 миллионов пудов. Вследствие недостатка продовольственных грузов в районе судоходных рек и неурядиц с рабочими не использован даже и речной тоннаж, и мы встретим осень без необходимых запасов топлива, сырья и продовольствия, что не может не создать крайне тяжелых последствий. Необходимо откинуть всякие иллюзии в отношении возможного усиления перевозок на ближайшее время на железных дорогах, так как рассчитывать на американский подвижной состав нельзя, ибо до января поступит не более 375 паровозов; в то же время приближается осень, а процент больных паровозов с 16,8% в январе текущего года, прогрессивно увеличиваясь, достиг на 1 августа небывалой цифры в 25% и имеет тенденцию дальнейшего роста, между тем как в прошлом году процент этот составлял всего 18%. Имея на 1 августа в наличии на 800 паровозов более прошлого года, мы в то же время имеем работающих паровозов на 1 427 единиц менее прошлого года. Количество неисправных вагонов увеличилось против прошлого года почти вдвое. Этот колоссальный рост больных паровозов, обусловливаемый, с одной стороны, изношенностью этих паровозов за время войны, за время этих трех лет чудовищной работы, которая выпала на их долю, с другой стороны, вызван недостаточной работой железнодорожных мастерских, в которых починка больных паровозов и их исправление идет в настоящее время чрезвычайно медленно. Раньше она шла медленно в силу отсутствия сырья и металлов. В настоящее время паровозные мастерские снабжены сырьем и металлами в полной мере тех требований, которые были предъявлены на июль и август управлением железных дорог, и в настоящее время главное затруднение лежит в медленности производства работ в этих железнодорожных мастерских. Независимо от передачи паровозов для ремонта на паровозостроительные и судостроительные заводы Временное Правительство наметило ряд решительных мер для оздоровления железных дорог и восста-

новления на них нормальной работы, каковые меры в ближайшие же дни будут опубликованы и проведены в жизнь. Тем не менее, нельзя закрывать глаза на то, что в зимние месяцы предстоят крупные затруднения в перевозках и необходимость всемерного сокращения даже перевозок первейшей и неотложной необходимости.

Такова, граждане, неприглядная, тяжелая картина нашего экономического положения.

Упадок производительных сил страны прогрессирует с каждым месяцем.

Спасти нашу родину, спасти Российское государство, спасти революцию, дело революции, нашу свободу — могут только жертвы. И к ним призывает вас Временное Правительство. Правительство просит, правительство требует от вас жертв. Пусть капиталист откажется от излишней прибыли (аплодисменты), пусть рабочий откажется от излишнего отдыха. (Аплодисменты.)

Как изменилась прибыль за годы войны, мы знаем. Она росла. Теперь настал критический момент. Нужно отказаться от нее, нужно спасти родину.

Мы знаем, как падает производительность рабочего труда. Я говорил уже, — в Донецком бассейне, в среднем, выработка на одного рабочего упала почти на 50%, в металлургической промышленности это падение меньше, — оно достигает 30%. Граждане, нет ни одной отрасли промышленности, в которой не наблюдалось бы резкое падение производительности труда, и лишь в немногих местностях, где эта болезнь изжита, как например, — это последние сведения, которые я получил, — в Богословском горном округе уже замечается некоторый подъем. Некоторый подъем наблюдается и в отдельных местностях московского промышленного района. Но это все единицы. А в общем мы наблюдаем колоссальное падение производительности труда. Конечно, и это падение в значительной мере, быть может по большей части, обусловливается изношенностью рабочего аппарата, изношенностью машин, но, вместе с тем, отчасти это падение обусловливается и ослаблением труда рабочих, — и с этим нужно считаться. Это несомненная истина, и мы должны ее прямо сказать.

Граждане, так дальше наша хозяйственная жизнь итти не может. Дальнейшее падение производительных сил угрожает гибелью всему государству, всему народу, армии, всем нам, делу революции. Граждане-капиталисты, отдайте в распоряжение Временного Правительства ваши предпринимательские способности и ваши капиталы. Граждане-рабочие, отдайте государству ваш труд. Граждане-крестьяне, накормите вашим хлебом армию и города, работающие на оборону страны. Спасение родины в ваших жертвах. (Аплодисменты. Движение в зале*.)

---

*) *Далее по машинописному тексту.*

[Председатель]. Заместитель министра-председателя и министр финансов Некрасов *.

[Некрасов]. Граждане, представители русской земли. Во время речей моих товарищей по Временному Правительству можно было ясно различить, к кому относились те или иные слова, те или иные призывы и напоминания. Вместе с тем можно было ясно видеть и тот сочувственный отклик, который отдельные выражения и призывы встречали в разных местах. Роль министра финансов в настоящий момент иная: ему нечего рассчитывать на сочувственные отклики со стороны кого бы то ни было, ибо его задача в данное время не давать, а брать.

Если министерство финансов во все времена и во всех условиях считается одним из наиболее тягостных по этой роли хранителя государственного кошелька, то во сколько раз она тяжелее и труднее, когда этот кошелек пуст, когда в нем лежат лишь неоплаченные векселя, когда в перспективе лишь требования новых и новых жертв со стороны населения. Я не могу сказать, чтобы, принявши по настойчивому требованию министра-председателя портфель министра финансов, я был озадачен и удивлен той картиной финансового положения, которая раскрылась предо мной при ближайшем ознакомлении с делами финансового ведомства. Как член Временного Правительства, я слушал доклады своих двух предшественников и знал достаточно точно общее тяжкое положение, всю картину финансового бедствия, которое является, я скажу, не обинуясь, самым грозным из всех бедствий, которые сейчас висят над страной, и это потому, что в финансовой разрухе, как в зеркале, отражаются и усиливаются все те неблагоприятные факторы общегосударственной жизни народного хозяйства, которые слагаются как следствие войны и революции.

Вы слышали уже в докладе предшествующего докладчика — министра торговли и промышленности — те цифры, которые характеризуют задачи министерства финансов в настоящий момент. Я позволяю себе только напомнить их вам еще раз для того, чтобы эта картина была вам вполне ясна. Она очень проста и определенна. Она, в сущности, сводится к одной только цифре: 15 миллиардов рублей, не покрытых на срок по 1 января 1918 года. Дальше этой цифры, мне кажется, нет надобности приводить подробности, нет надобности говорить о деталях. Эта цифра говорит сама за себя, и перед ней невольно бледнеет все то, что приходится сказать в других областях.

Как дошли мы до этого положения?

Граждане, сейчас чрезвычайно распространено мнение о том, что революция была тем фактором, который повлиял особенно пагубным образом на финан-

---

*) *По отчету «Русского Слова»*: Появление на кафедре Н. В. Некрасова встречается жидкими аплодисментами; правая и часть центра демонстративно молчат.

совое хозяйство России. И я скажу, что в этом утверждении есть известная доля истины. Объективный язык цифр говорит нам, что даже учитывая весь рост неблагоприятных обстоятельств, который накопился к моменту революции, учитывая все те неблагоприятные обстоятельства, которые сложились и которые произвели то, что в математике именуется возведением в степень, — что все эти факторы не объясняют еще того финансового бедствия, при котором мы присутствуем, если не учесть влияния революции и тех особых обстоятельств, которые были ею созданы. Деятели революции должны в этом отношении смотреть правде прямо в глаза.

Ни один период российской истории, ни одно царское правительство не было столь расточительно, — я не касаюсь мотивов этой расточительности, — ни одно не было столь щедро в своих расходах, как правительство революционной России. Граждане, эту истину нам нужно помнить потому, что сейчас приходится рассчитываться за все грехи прошлого, и было бы ошибкой, с одной стороны, слагать всю вину на прежнюю царскую власть, а с другой стороны, перелагать результаты всего этого на плечи будущих поколений наших заместителей. И вот эти две основные мысли являются руководящими для Временного Правительства.

Сейчас необходимо искать ошибки и погрешности не только в деятельности старой власти, но и смотреть совершенно объективно и беспристрастно на деятельность революционного периода. Я скажу прямо, и не обинуясь, что без такого отношения Временного Правительства к рассмотрению финансовых условий ни для меня, ни для моего товарища по управлению министерством финансов было бы невозможно взять на себя то тяжкое бремя ответственности за российские финансы, которые мы вынуждены держать на своих плечах. Если говорить на языке цифр, то я не знаю другой более красноречивой таблицы, характеризующей эту роль революционного периода, чем цифры выпуска кредитных билетов за весь период войны.

В 1914 г., за последние его военные месяцы, в среднем ежемесячно выпускалось 219 миллионов рублей, в 1915 г. — 223 миллиона, в 1916 г. — 290 миллионов, в первые два месяца 1917 г., в среднем — 423 миллиона и с 1 марта по 16 июля, в среднем — 832 миллиона. Я привожу эти цифры не для того, чтобы производить панику, не для того, чтобы кого бы то ни было обвинять. Я говорю так для того, чтобы поставить перед всеми это сознание ответственности, которое может сейчас помочь выйти из того исключительно тяжелого положения, в котором мы находимся. Мой присутствующий здесь предшественник по министерству финансов вспомнит, как предостерегал он Временное Правительство о грозящей опасности чрезмерного выпуска кредитных билетов. И мы видим, как эти его предостережения сбываются теперь. Не преувеличивая опасности, а лишь смотря ей прямо в глаза, я должен сказать, что мы находимся действительно в таких тяжелых условиях, чтобы найти которые придется вернуться в историю России не к прошлому столетию, а, быть может, еще к более далеким. И если нам удастся

сейчас путем напряженной работы тех тружеников, которые заняты этим печатанием кредитных денег, если путем труднейших технических мероприятий мы спасем нынешнее, — я уверен, что спасем, — и дальнейшее положение в этом же смысле, то мы все же не должны забывать, что пред нами не только опасность кризиса по существу, не только опасность кризиса в смысле недостаточности ценностей в распоряжении государства, но и опасности кризиса формального, кризиса, обусловленного недостаточным количеством денежных знаков, невозможностью их своевременно напечатать. Граждане, революция французская знала бедствие невозможности своевременного печатания денежных знаков. И мы должны помнить горькие уроки этой революции, и мы должны помнить и остановиться во-время для того, чтобы не впасть в эти роковые ошибки, чтобы, вернее сказать, не повторить те шаги, на которые вынуждены были деятели французской революции. Здесь должен быть положен предел. Граждане, то расходование средств, которое было до сих пор, нам не по карману. Россия должна это прямо и определенно сказать. (Аплодисменты.)

Принимая портфель министра финансов, я вместе с своим товарищем, управляющим министерством, поставил перед Временным Правительством во весь рост этот вопрос [о] немедленном и решительном пересмотре всего нашего бюджета с основания доверху. (Аплодисменты.) Я поставил вопрос о том, чтобы этот пересмотр был произведен людьми вполне осведомленными и вне каких бы то ни было групповых и классовых влияний. (Аплодисменты.) Я знаю, что те, к кому Временное Правительство обратится за помощью в этом деле, не откажут в ней, потому что обращение это будет сделано к тем, кто знает по-истине наш русский бюджет, наши русские финансы, и в этом обращении Временное Правительство не будет считаться ни с какой партийностью, а исключительно со знанием дела. (Аплодисменты.)

Для того, чтобы вам было ясно, что предстоит нам сделать, позвольте снова, в нескольких лишь цифрах, привести вам основы нашего нынешнего государственного бюджета и позвольте сказать вам, прежде всего, что этот бюджет глубоко ненормален по своей конструкции, что он совершенно не отражает той картины действительных расходов, с которой мы имеем дело. Виною тому та 18-я статья сметных правил, с которой долго и тщетно боролись Государственные Думы. Это—статья, выделяющая все расходы по подготовке и ведению войны в особый военный фонд из нормального бюджета. В результате мы получаем сейчас два бюджета: один, являющий картину сравнительно призрачного благополучия, другой — таящий в себе все элементы грозной предстоящей нам опасности. Объясняется это тем, что в военное время не только все чрезвычайные расходы военного времени относятся на этот военный фонд, и не из обыкновенного бюджета извлекаются и те военные расходы, которые в мирное время покрывались из этого нормального бюджета. И в нормальном бюджете остается лишь небольшая сравнительно часть расходов.

Позвольте вам сказать, что если мы сведем бюджет за все эти годы, то он распадается на две части: бюджет обыкновенный, в который входят и чрезвычайные расходы по номенклатуре мирного времени.

Я не буду утруждать вас всеми цифрами. Скажу лишь, что за все четыре года— 1914, 1915, 1916 и 1917 — этот бюджет сводится с превышением доходов в 1.779 миллионов рублей, т.-е. по этому нормальному бюджету мы как-будто живем даже ниже своих средств. И только обратившись к бюджету военному, вы видите действительную картину. За четыре года вы видите 49 миллиардов расхода и 35 миллиардов дохода. Вот где источник этого нашего колоссального дефицита: это—необходимость покрыть громадный расход, перед которым мы стоим сейчас. Временное Правительство не могло остаться равнодушным к тому, с чем оно встретилось при расходовании этих средств из военного фонда. Здесь больше, чем где-либо, было это расходование средств не по карману. Здесь больше, чем где-либо, мы встретились с преступным легкомыслием, которое доходило до грани всего допустимого. Еще при моем предшественнике, министре финансов А. И. Шингареве, был оставлен один из таких предметов расхода, это — наши укрепления в Финляндии, бывшие поводом больших разногласий с финляндцами и предметом тяжких расходов для государственного казначейства, расходов совершенно бессмысленных, вопиюще нецелесообразных, я скажу прямо, не обинуясь, преступных по той постановке, которую мы увидали перед собой. Эти расходы из военного фонда должны быть поставлены в такие условия, в которых проверка и контроль их могли бы происходить не через четыре месяца после их производства, а в тот момент, когда они намечаются. (А п л о д и с м е н т ы, г о л о с а: «Правильно».) И эти условия Временным Правительством были приняты. Представители министерства финансов были введены во все те учреждения, в которых им необходимо быть вместе с государственным контролем для того, чтобы быть в момент самого производства расходов у источника их, чтобы иметь возможность во-время, без всякого ущерба для боеспособности армии, приостановить те излишние расходы, с которыми мы, как видно из этого примера Финляндии, слишком часто имели дело.

Граждане, вместе с тем мы должны сказать, что, призывая к экономии на фронте, мы не можем пройти мимо экономии в тылу. И мы не можем этого сделать в особенности потому, что тыл не может удовлетворять так просто свои потребности, как это удовлетворял фронт, благодаря своим исключительным условиям работы. Но требования в тылу, я скажу, не меньше, а в некоторых случаях и больше того, что предъявляет фронт. Эти требования в тылу иногда точно так же совершенно несоразмерны с теми ценностями, с теми возможностями, которыми располагает государственное казначейство.

И опять позвольте привести вам только один пример: специальная комиссия, работавшая при министерстве внутренних дел по вопросу о так называемых солдатских запасных пайках, эта комиссия предъявила министерству финансов тре-

бование, исчисляемое в сумме 11 миллиардов рублей в год. (Возгласы изумления.) Мне нечего говорить вам, что не только у российского министерства финансов, но и у министерства финансов всякой иной, гораздо более сильной экономически страны не оказалось бы возможности произвести расход, хотя сколько-нибудь подобный тому, что испрашивается в данном случае. Граждане, в этом, я скажу, гиперболическом случае вы видите лишь один из примеров тех требований, которые предъявляются к министерству и которые так хорошо знали мои предшественники, как хорошо успел уже узнать и я. Мы должны коснуться еще одного больного вопроса.

В этом собрании нельзя говорить иначе, как правду, как бы горька она ни была. Я должен сказать, что новый революционный строй обходится государственному казначейству гораздо дороже, чем обходился старый строй. Граждане, мимо этой истины нельзя пройти. Те цифры, которые я должен буду вам назвать, точно также выходят за пределы того, что мы могли знать в прошлом. Мы не знаем еще сейчас всей полноты тех расходов, которые будут возложены на государственное казначейство этими новыми условиями государственного строя. Но кое-какие штрихи уже имеются в нашем распоряжении. Они заставляют с чрезвычайной осторожностью подойти к этому новому революционному строю для того, чтобы внушить всем, имеющим к нему прикосновение, всем владеющим способностью приказывать в этих условиях, призыв к бережливости. По предварительным расчетам, расходы продовольственных комитетов на их организации могут достигнуть 500 миллионов рублей в год. (Возгласы изумления.) Расходы земельных комитетов исчислены по предварительным соображениям министерства финансов в 140 миллионов в год. (Возгласы изумления.) Мне нечего говорить вам, что такого рода расходов государственное казначейство выдержать не может и что им должен быть положен предел. (Бурные аплодисменты, возгласы: «Верно»!) Самое появление их я могу объяснить лишь одним обстоятельством: тем, что в каждой отдельной ячейке, в каждом отдельном случае эти расходы кажутся мало заметными, и только слагаясь из рублей и десятков рублей в сотни тысяч и десятки миллионов, только тут, в центре, они приобретают то грозное значение, которое заставлят всех вас смущаться перед этими цифрами. Об этом, граждане, надо сказать громко и ясно.

И я скажу, что есть еще другая сфера, которая чрезвычайно сильно влияет на государственное казначейство. Она незаметна в первый момент, она тоже делается явной и очевидной лишь после, это — повышение заработной платы рабочих. (Возгласы: «Верно».) Позвольте сказать вам, что по одному Путиловскому заводу требования, предъявленные до конца нынешнего года, требования кредита из государственного казначейства поднимаются до 90 миллионов рублей. (Движение в зале.) Для того, чтобы вам стала ясна вся непосильность этих расходов для государственного казначейства,— я не хочу утруждать вас дальнейшими

цифрами, этих цифр в моем распоряжении, к сожалению, больше, чем достаточно,— я хочу лишь сказать вам, что и те цифры, которые на первый взгляд незаметны для государства, в конечном счете восходят к нему же.

В первые моменты революции требования повышения заработной платы особенно легко были удовлетворены в тех предприятиях, которые работали на оборону, и особенно легко в некоторых частных предприятиях, и казалось, что это дело домашнее, так сказать, что это промышленники и рабочие между собой урегулировали этот вопрос. Это глубокая ошибка. Все эти требования в конечном счете появляются в памятном листе министра финансов, ибо и частная промышленность, не выдерживая тех расходов, которые ей приходится производить, в той или иной форме появляется либо у министра финансов, либо в Государственном банке с требованием чрезвычайных кредитов, с требованием внеуставных ссуд, на которые министерство финансов итти не может. И характерно, что при этом поддерживать эти требования являются прежде всего представители рабочей демократии.

В последнее время это стало обычным явлением, что о ссуде предприятию хлопочет не хозяин предприятия, не управляющий, а представители рабочих. От этих ходоков мы узнаем, что предприятия действительно не могут дальше существовать без государственной помощи, но мы узнаем, вместе с тем, что эти случаи, до нас уже дошедшие, лишь случаи частные, лишь первые ласточки тех требований, которые неизбежно будут обращены к государственному казначейству в дальнейшем со всех концов Российского государства. И вот в этом отношении министерство финансов и Временное Правительство в целом не могут пройти без грозной, тревожной заботы о том, связано ли это повышение заработной платы с повышением производительности труда, может ли государство, кредитуя промышленность, облегчая и удовлетворяя требования рабочих, может ли государство рассчитывать на то, что повышение производительности труда, что создание новых ценностей даст тот базис для государственного хозяйства, который один может позволить государственному казначейству выдержать эти невероятные требования? (А п л о д и с м е н т ы.)

Вы слышали из доклада министра торговли и промышленности о действительном положении дела, и вы знаете, что всем ведомствам приходится вместе с ответственными руководителями рабочего класса напрягать все усилия к тому, чтобы эта производительность была поднята хотя [бы] до прежней нормы дореволюционного периода. Об этой грозной опасности, стоящей на пути министерства финансов, мы забыть не можем. Мы должны помнить, что это отражается не только на каждом данном производстве, но и на всем балансе государственного хозяйства, который один может дать министру финансов возможность вести правильную финансовую политику. Это в особенности важно потому, что и другая сторона дела, вопрос об источниках доходов наших, далеко не обстоит так благополучно, чтобы мы могли спокойно к этому относиться. В моем распоряжении нет еще данных за сколько-

нибудь большой промежуток времени о поступлениях и доходах государственных, но и то, чем я располагаю, дает мне основание сказать, что мы в этом отношении сталкиваемся с партийным, недостаточным пониманием государственных задач момента.

За первые три месяца поступления государственного поземельного налога упали на 32% по сравнению с 1916 г., с городских недвижимых имуществ — на 41%, квартирных — на 43%, военного — на 29%, промыслового — на 19%, закладных — на 11%, с наследственных пошлин — на 16%, страховых пошлин — на 27%, выкупных платежей — на 65%. Граждане, эти цифры не могут не заставить министра финансов очень и очень задуматься, особенно если посмотреть на апрельские цифры, где эти недопоступления продолжаются и растут, где государственный поземельный налог дал уже 31% недобора, недвижимые имущества — 24%, военный налог — 39% и выкупные платежи — 69%. И только повышение податного пресса, усиление налогового давления даст возможность до некоторой степени скрадывать эту разницу в поступлении доходов.

Источники наших доходов точно так же напряжены до чрезвычайности, и я скажу, что в особенности напряжена та их часть, которая именуется прямым обложением. Эти прямые налоги по той характеристике, которая дается председателем совещания по налоговым вопросам, сводятся к следующему: если провести еще две те меры, которые уже намечены Временным Правительством, можно сказать, предрешены и проработаны, — наследственный налог и поимущественный налог, то после этого, — говорит председатель комиссии, — в России будет проведена финансовая реформа, которая по справедливости займет одно из первых мест, если не прямо первое место, среди всех финансовых реформ, когда-либо осуществленных в каком-либо государстве. После проведения этой по-истине грандиозной реформы можно будет уже смело сказать, что у нас с имущих классов будет взято все, что с них можно будет взять. Но как этого все же далеко недостаточно для покрытия финансовой нужды государства, то становится совершенно неизбежным прибегнуть к обложению широких слоев населения, т. е. к усилению косвенных налогов.

Граждане. Я должен сказать вам, что ближайшее ознакомление с вопросами прямого обложения привело меня и моего товарища по работе к заключению, которое мы должны доложить Временному Правительству: что, с точки зрения технической, эта последняя реформа прямого обложения подлежит неизбежным исправлениям и поверкє, ибо эта реформа в известных случаях бьет уже хозяйственный аппарат страны, бьет промышленность, а не промышленников. Временное Правительство не понимает пересмотра и исправления этой реформы в том смысле, чтобы податное бремя отдельных лиц, имущих классов было облегчено. Оно позаботится о том, чтобы баланс был подведен при помощи поимущественного налога, но Временное Прави-

тельство помнит, что хозяйственный стимул требует того, чтобы промышленность наша имела возможность существовать и развиваться, и эти ограничения прибыли,—в полном согласии со мной о них говорил министр торговли и промышленности, — они должны оставить целым хозяйственный аппарат промышленности, ибо в этой промышленности в первую очередь заинтересовано государство. (Продолжительные аплодисменты.)

Я должен сказать, граждане, что здесь Временное Правительство должно будет проводить свою линию с полной непреклонной решимостью. Оно не отступит перед тем, чтобы до конца провести взимание того обложения, которое Временным Правительством будет признано необходимым. Итальянских забастовок в этом направлении оно не допустит ни с чьей стороны. (Бурные аплодисменты.) Будет ли это мотивироваться тем, как значится в одной резолюции рабочих заводов Нобель в Петрограде, что «пока не отменены все косвенные налоги, [подоходный налог] нельзя вносить», или тем, что эти налоги непосильны, потому что они захватывают доходы отдельных лиц в слишком крупной сумме, — ни в том, ни в другом случае Временное Правительство не сочтет возможным отступить от своих требований, ибо это не его требования, а требования всего государства. (Аплодисменты.) И, становясь на этот путь, Временное Правительство сознает ясно и определенно ту мысль, которая проведена в словах председателя комиссии: без повышения косвенного обложения, повышения серьезного и значительного, мы в настоящее время не можем выйти. И я прошу помнить настоящее собрание, что при этом мы отнюдь не задаемся намерением за счет этих налогов покрывать военные расходы. Мы твердо стоим на определенной точке зрения, что повышение налогов должно быть базисом нашего нормального бюджета. Мы должны иметь возможность встретить не только будущий 1918 год, но мы в особенности должны быть готовы встретить первый год после войны по заключении мира, этого почетного мира, которого мы все жаждем. После заключения этого мира встанет наиболее грозная и наиболее страшная задача перед министерством финансов. Мы должны помнить, что к этому моменту мы должны подойти с здоровым, нормальным бюджетом, ибо если мы не сделаем этого сейчас, то потом на нас хлынут такие грозные следствия войны, которые лишат нас уже возможности принять меры в нужный момент. И, граждане, в этом отношении Временное Правительство, по докладу министра финансов, рядом с соблюдением строжайшей бережливости в современных расходах считает невозможным отказываться от тех из них, которые носят определенно производительный характер. Мы не можем, Временное Правительство нынешнего состава, и нынешние руководители министерства финансов не могут и не смеют отмахнуться от той грозы, которая надвинется на нас с окончанием войны, от того момента, когда культурные расходы будут беспощадно по принуждению подавляться и уничтожаться. Мы должны подойти к этому моменту с такого рода

производительными мероприятиями, которые обеспечили бы нам хотя бы в известной мере возможность пережить тот экономический кризис, который перед нами встанет. И в этом отношении министерство финансов считает необходимым прежде всего рядом со всеми теми финансовыми мероприятиями, которые предпринимаются сейчас для получения непосредственных доходов, содействовать тому, чтобы источники этих доходов к моменту окончания войны были в возможно большей готовности воспринять то бремя, которое на них свалится. В этом отношении мы считаем необходимым подготовить программу железнодорожного строительства. Мы считаем необходимым подготовить все те меры, которые обеспечили бы возможность технического приступа к этим мероприятиям возможно скорее по окончании войны. Мы считаем необходимым подготовить и возможность финансирования этого мероприятия в таких условиях, которые сделали бы его по возможности независимым от общего состояния государственного кредита. Мы считаем необходимым не отказываться сейчас от тех расходов, которые сулят нам большие хозяйственные выгоды в будущем. Мы не отступим перед немедленным использованием белого угля, так как знаем, что эта водная энергия при таком топливном кризисе, который нам предстоит после войны, сослужит большую службу. Не утомляя вашего внимания перечнем этих мероприятий, я считаю своим долгом сказать лишь, что в этом отношении Временное Правительство твердо стоит на определенной линии подготовки тех мероприятий, которые будущие носители власти должны будут проводить впоследствии. Здесь также встанет перед нами тот принцип, о котором говорил министр торговли и промышленности: необходимость сохранения и поддержания частной хозяйственной инициативы. Мы вынуждены будем, вероятно, неизбежно вступить на путь своеобразных торговых монополий: сахарной, чайной, спичечной. Но я считаю своим долгом заявить, что для нас этого рода монополия не является насаждением новых основ государственного социализма. Мы считаем эти мероприятия определенно фискальными, считаем необходимым провести их для более полного и лучшего извлечения доходов и отнюдь не видим в них планомерного стремления сузить частную хозяйственную инициативу. Мы знаем, что после войны нам предстоит быть в семье народов, которые эту частную хозяйственную инициативу не подорвали, не уничтожили и с которой нам придется считаться в состязании равных на общем экономическом поприще всего мира. К этому моменту Временное Правительство считает необходимым готовиться и помнить о нем, дабы не оказаться в решительный момент неподготовленными и захваченными врасплох.

Министерство финансов со своей стороны сочтет необходимым одновременно принять все меры к тому, чтобы наша способность государственного кредита была использована в возможно полной мере. Те займы, разнообразные, своеобразные, которые проектируются министерством финансов с согласия Временного Правительства, дадут возможность нам воззвать к стране с призывом о помощи,

основанной не только на сознании государственного долга, который должен быть у всякого, но и на определенной хозяйственной заинтересованности. В этом отношении я считаю должным заявить, что Временное Правительство чуждо намерений каких-либо финансовых авантюр. Доколе нынешнее Временное Правительство стоит у власти с нынешними руководителями финансового ведомства, какие бы то ни было мероприятия, имеющие характер принудительных изъятий, не проведенных в планомерном законном порядке, совершенно исключены. В тревожное время распространяются всякие слухи и среди них предположения о готовности Временного Правительства конфисковывать частные имущества для получения государственных доходов. Я считаю своим долгом заявить, что Временное Правительство ничего подобного таким авантюрам не имеет в виду, что оно твердо стоит на основах научно-подготовленной финансовой политики и на путь рискованных экспериментов этого рода ни в коем случае не вступит. (Аплодисменты.)

Вместе с тем я считаю своим долгом сказать еще одно последнее: это — обращение к внутреннему и внешнему кредиту, которое необходимо для того, чтобы избежать в возможно большей степени дальнейшего роста выпуска кредитных билетов. Это обращение к внешнему и внутреннему кредиту теснее, чем что-либо, связывает финансовую политику с общей политикой Временного Правительства.

Я уже сказал вам, граждане, вначале, что в финансах, как в зеркале, отражаются все неблагоприятные факторы современности, и я должен заявить вам, что в этом отношении министерство финансов является действительно чрезвычайно чувствительным показателем всех перемен. На тех таблицах подписки на «заем свободы», которые имеются в моем распоряжении, вы можете твердо, определенно и точно проследить, как меняется с внутренним положением эта подписка. Она неизбежно показывает падение в те моменты, когда государственная власть находится в кризисе, когда происходят перемены и затруднения. И она вырастает в тот момент, когда эти затруднения преодолены, когда в стране накопляется доверие к прочности современного положения. И вот в этом отношении я должен сказать, что министерство финансов, быть может, больше, чем какое-либо другое ведомство, заинтересовано в твердой, определенной и решительной политике порядка, о которой говорил наш министр-председатель. Министерство финансов является и представителем того особого требования о жертвах, с которым также выступил министр-председатель. И, наконец, эта наша финансовая политика теснейшим образом связана с обороной государства; она теснейшим образом связана с тем доверием, которое к силе государства существует не только внутри, но и вне страны. Я не буду говорить вам о задачах нашего иностранного кредита. Скажу лишь одно,—что в этом отношении наша внутренняя мощь и наша сила

на фронте прямо пропорциональны тем возможностям *), которыми располагает министерство финансов. Временное Правительство в целом обратилось сегодня к нам, граждане, с этими тремя основными положениями: порядок, жертвы и оборона. От имени Временного Правительства министр-председатель ставил вам тот же вопрос, который и я считаю себя в праве поставить вам от имени всего Временного Правительства: для спасения родины нам нужны все эти три элемента,— и порядок, и жертвы, и оборона. Я спрашиваю вас вместе со всем Временным Правительством, готовы ли вы и те, кто послал вас, принять эти все три основные условия и проводить их в меру ваших сил? (Продолжительные аплодисменты.)

Керенский. Прежде чем закрыть заседание, я предоставляю слово городскому голове гор. Москвы **).

Руднев (встречен аплодисментами). От имени московской городской думы и от имени всего московского населения я приветствую вас, собравшихся здесь представителей организованных общественных сил всей России, и революционное Временное Правительство, поставленное в эту тяжелую годину у кормила государственной власти. (Аплодисменты.) Временное Правительство обратилось к стране с призывом ко всем живым силам ее, способным стать выше групповых эгоистических интересов, в грозное для нашей родины время, в час, когда поставлены под угрозу не только блага завоеванной народом свободы, но и самое существование государства.

В только что заслушанных речах представителей Временного Правительства мы вновь и, может быть, более полно, чем раньше, услышали о тяжком положении страны. Истощенная войной, не укрепившая еще начал нового строя в государственной жизни, раздираемая борьбой классовых и национальных противоречий страна поставлена перед выбором: или найти в себе силу и готовность преодолеть все затруднения и все противоречия или погибнуть. Но страна и народы, ее населяющие, хотят и будут жить. Революция не только не исчерпала себя, но еще не развернула всех своих творческих сил. Путь, который является единственным в настоящее время для разрешения этих задач, ясен всему народу. Этот путь — коалиция всех живых сил страны (бурные аплодисменты), коалиция как в организации центральной государственной власти, так и в практической работе общественности на местах. Эта коалиция категорически требуется жизнью, и это требование должно быть исполнено. Коалиция должна включать в себе все, что способно в настоящий грозный час стать выше своих групповых интересов. В этой коалиции нет места только тем, кто подобных интересов забыть не может, равно как и тем, кто тяжкие удары, понесенные русской революцией,

*) *Далее по рукописному тексту.*

**) *Далее по корректурным гранкам.*

хотел бы использовать для того, чтобы повернуть колесо истории вспять. Я не останавливаюсь в своем кратком слове на конкретной программе. Она та же, о которой говорил министр-председатель, — программа самого энергичного ведения войны, пока усилиями международной демократии не будет достигнут мир; программа усиления государственности и гражданского порядка в стране; программа гарантий, что народные массы не будут лишены завоеваний революции. Все то, что теперь предрешено народным сознанием в смысле широких социальных и политических реформ, может быть осуществлено лишь через Учредительное Собрание. Но народное сознание требует, чтобы гарантия незыблемости завоеваний революции в интересах народных масс была дана уже теперь. (Аплодисменты.)

Московское Государственное Совещание открылось в момент сгущенной политической атмосферы. Здесь, в Москве, существовали опасения, не станет ли Московское Совещание опасностью для демократии. В широких слоях населения московского возникло возбуждение в связи со слухами о замыслах контрреволюции использовать Московское Совещание в своих интересах. Эти известия вызвали возбужденное настроение в рабочих массах, на почве которого могла разъиграться безответственная агитация анархических элементов, — та агитация, которая в данный момент вызвала в Москве остановку трамвайного движения и некоторых заводов и создала положение, при котором мне, как представителю московского городского самоуправления, трудно было принести Государственному Совещанию слова приветствия на этом заседании от всего московского населения[19]). Но я повторяю их, потому что население Москвы не может быть солидарно с тем анархическим меньшинством, которое осуществляет эти меры. (Аплодисменты.) За это меньшинство, отрицающее авторитет и Временного революционного Правительства, и демократической думы, и Советов Р., С. и Кр. Д., а также большинства социалистических партий, за это меньшинство Москва, в данный момент предоставившая свое гостеприимство Государственному Совещанию и Временному Правительству, не несет ответственности.

Еще одно слово о тех условиях, при которых Московское Совещание может и должно дать положительные плоды для всего государства, для судьбы революции. Это условие, которое подчеркивали представители Временного Правительства, — полная правдивость, правдивость не только в изложении положения вещей, положения политического и хозяйственного, но и полная правдивость и искренность в оценке, быть может, имевших место ошибок прошлого для того, чтобы они не повторялись. Как представитель московской городской думы, я присоединяюсь к призыву Временного Правительства о преодолении во имя спасения родины и революции всех противоречий, раздирающих страну, к призыву к сплочению всех живых сил. Московская городская дума отдаст все свои силы, все свое разумение на службу этой задаче. Мы верим, что, выражая эту

свою готовность, мы будем солидарны с голосом всей страны. (Продолжительные аплодисменты.) *)

Керенский. Заявление московского городского головы, представителя городской думы, избранной ныне на началах всеобщего избирательного права, идущее от населения старейшего города — Москвы, центра духовных и жизненных сил государства, внушает Временному Правительству новую веру и дает ему новые силы. Я вполне присоединяюсь к словам городского головы, что народ и страна хочет жить и будет жить, и я прошу вас, граждане и братья, вспомнить о тех, кто смертью своей на полях бранных нашу будущую светлую жизнь утверждает, и память их молчаливо почтить. (Все встают.) Я верю, что, преодолевая естественные противоречия внутренних между классами и партиями отношений, вы, граждане, найдете в себе силы, разум и мужество воли сказать то, что нужно сейчас стране. Я повторяю, что, с открытым сердцем и с единым намерением все отдать на благо государства, Временное Правительство идет к вам навстречу, ожидая и справедливой критики и существенной поддержки. Завтра целый день предоставляется на обсуждение сделанных Временным Правительством заявлений, и следующее заседание Государственного Совещания будет открыто в понедельник, в 11 часов утра. Временное Правительство, считая, что в настоящее время чрезвычайно ценна работа, а не слова, просит Государственное Совещание на завтрашний день вырешить взаимные отношения и указать членам Временного Правительства, на это поставленным, именно, — министру почт, министру земледелия, министру исповеданий, и с ними установить по взаимному соглашению порядок и количество ораторов. Мы полагали бы, что самым желательным было бы закончить наше совещание в возможно краткий срок. (Голоса: «Правильно».)

Объявляю первое заседание Государственного Совещания закрытым. (Аплодисменты.) **)

---

*) *Далее по машинописному тексту.*
**) *Далее по рукописному тексту.*

ЗАСЕДАНИЕ 14 АВГУСТА

(Утреннее)

Заседание возобновляется в 11 часов 50 минут утра *).

Керенский. Возобновляю заседание Государственного Совещания. Прошу собравшихся помнить только о государстве и сохранять все нужное в настоящий страшный час спокойствие. Предлагаю всем, в лице присутствующего здесь верховного главнокомандующего, приветствовать мужественно за свободу и родину погибающую армию. (Весь зал поднимается и бурно рукоплещет **) в сторону Корнилова.) Ввиду того, что Государственное Совещание обладает очень небольшим количеством времени, я прошу ораторов строго держаться указанного времени. Каждого из них заранее предупреждаю, что не буду исполнять просьб, обыкновенно подтверждаемых с мест возгласами «просим», и никому сверх срока говорить не дам. (Возгласы: «Правильно», аплодисменты.) Член Государственной Думы Набоков.

Набоков. Несмотря на все несовершенства этого***) собрания, несмотря на то, что вся обстановка этого пышного театрального зала мало подходит для той серьезной государственной работы, которая теперь одна только нужна и одна только необходима, я думаю, что все здесь присутствующие граждане, прежде всего, объединены чувством признательности Временному Правительству за то, что оно созвало это Государственное Совещание. (Аплодисменты.) Этот созыв дал нам возможность еще раз углубиться во все трудности нашего положения, еще раз оценить и понять всю нашу историческую ответственность, так как мы должны знать и помнить, что дальнейший ход революции, выход России из того ужасного тупика, в котором она находится, это есть наше дело и за вы-

---

*) *По «Русскому Слову»*: представители Совещания *(при появлении членов Временного Правительства с Керенским во главе)* встают со своих мест и бурно и демонстративно аплодируют министру-председателю. «Да здравствует революция, да здравствует революционный народ и революционная армия!» — слышится на скамьях левого сектора.

**) *По «Русскому Слову»*: за исключением крайней левой.

***) *Далее по машинописному тексту.*

полнение этого дела нас благословят, как и за гибель этого дела проклянут нас будущие поколения. Мы должны еще раз быть признательны за то мужество, за ту искренность и откровенность, с которыми Временное Правительство, в лице министра-председателя и других министров, развернуло перед нами картину тех бедствий, в которых мы живем. Среди этих бедствий едва ли не самое худшее и самое страшное,—это есть та глубокая внутренняя междоусобная рознь, которая раздирает нашу страну. И вот тут мы имеем в том, что сегодня происходит, луч надежды. Может быть, это начало перелома, может быть, наступила минута, когда мы должны и сможем преодолеть эту внутреннюю рознь и объединенными силами вернуться к тому великому порыву, которым отмечены были первые дни революции. Мы все помним хорошо этот первый порыв, и мы помним *) того человека, который заявил с болью глубокой в сердце, с горячей искренностью, что он жалеет о том, что он не умер в первые дни революции, после того, как пережил все последующее. Это последующее и явило картину падения великого порыва. Я не буду говорить о том, кто ответственен, кто виновен в этом падении. Я хотел бы только внушить вам ту силу разумения, которая открыла бы вам и всему русскому народу, которая бы сделала понятным и ясным для всей страны, для каждого человека в ней, что сейчас, когда нам на шестом месяце революции говорят: бойтесь контрреволюции, мы должны сказать: не та контрреволюция страшна, которая зреет в скрытых заговорах, не та контрреволюция страшна, которая выходит на улицу с оружием в руках, — та контрреволюция страшна, которая под влиянием ужасов окружающего зреет и таится в наших сердцах, когда великие завоевания народные — братство, свобода и равенство ставятся под знаком вопроса, когда, говоря о свободе, мы говорим лишь о попираемой свободе, когда, говоря о равенстве, мы говорим лишь о равенстве перед голодом, холодом, бедствием и нуждой, и когда, говоря о братстве, нам приходится вспоминать, что Каин и Авель тоже были братьями. (Шумные аплодисменты.) И теперь мы должны бороться с этой контрреволюцией. Но эта борьба не есть борьба словами, как бы громки и как бы сильны они ни были. С этой контрреволюцией нельзя бороться железом и кровью. С ней можно бороться единым разумным государственным творчеством власти и готовностью всей страны к самоограничению и самопожертвованию. (Аплодисменты.)

Члены Государственной Думы первого созыва, объединенные сейчас перед этим Совещанием так, как они были объединены в течение короткой жизни первой Государственной Думы [20]), возложили на меня высокое поручение огласить перед Временным Правительством то заявление, к которому они, принадлежащие ко всем фракциям Государственной Думы, все присоединяются

---

*) *Далее по рукописному тексту.*

и которое является подлинным голосом первой Государственной Думы (читает): *)

«Временное Правительство обратилось к Государственному Совещанию российских граждан с призывом к подвигу и жертве, к отказу от личных и классовых интересов, к самоограничению во имя спасения родины. Оно раскрыло картину гибели, угрожающей государству. Оно сказало о мерах, необходимых для предотвращения этой гибели, для охраны завоеваний революции, для ограждения чести и достоинства всего народа российского. Оно заявило о своей непреклонной решимости всей полнотой принадлежащей ему власти и не останавливаясь ни перед чем бороться с попытками открытого нападения или скрытых заговоров, стремящихся к низвержению революционной власти, которая поставлена на страже спасения родины и защиты завоеванных революцией прав народа. Оно хочет услышать голос страны, объединенной и спаянной единым порывом, забывшей внутренние раздоры и междупартийные распри, голос разума государственного и совести народной.

Мы, члены первой Государственной Думы, не являемся ныне существующей действенной организацией. Но в великих исторических воспоминаниях о первых шагах российского народного представительства мы черпаем надежду, что наше слово отзовется в широких кругах и глубоких слоях нашего народа и поможет найти спасительный выход из грозного положения, с такой беспощадной ясностью и откровенностью развернутого перед нами.

Когда 27 апреля 1906 года впервые собрались народные избранники, они сознавали всю тяжесть лежащей на них ответственности перед страной. Избранные на основании несовершенного, с трудом вырванного у самодержавной бюрократии избирательного закона, они должны были выразить во всей полноте и со всею силою чаяния и требования народные. Они должны были говорить от имени всего народа, а для этого им нужно было стать выше классовых интересов, партийных программ и найти общий язык, их всех объединяющий и достойный великой цели. Это было достигнуто. История не забудет тех минут высокого воодушевления, когда единогласно принятым ответом, обращенным к верховной власти, первая Государственная Дума выполнила общенациональное дело. И когда в ответ на голос народных требований раздался бездушный и самонадеянный отказ правительства вступить на указанный ему путь, первая Дума осталась единой и цельной в своем протесте. Ей не удалось избегнуть в течение ее краткой деятельности внутренних разногласий и трений, но в решительные моменты ее жизни и позже, после насильственного роспуска и на скамье подсудимых, первая Дума хотела лишь одного: быть достойной своего

---

*) *Текст декларации первой Государственной Думы исправлен по тексту, опубликованному в газетах.*

великого призвания, духовно связанной со всем народом, быть глашатаем его воли.

С тех пор прошло одиннадцать лет. И вот теперь, в неизмеримо тягчайших условиях, когда над родиной нависла катастрофа, нам хотелось бы, чтобы найден был вновь тот общий язык, который связывает, а не разъединяет, те слова, которые доходят до сознания и совести каждого, зовут к деятельному подвигу, пробуждают от мертвого равнодушия. И теперь, как и тогда, такие слова должны звучать, как голос всей нации, в котором сливаются и тонут отдельные голоса, отдельные, порою противоречивые, требования.

Вникая в основные причины бедствий, переживаемых страной, члены первой Государственной Думы приходят к убеждению, что для борьбы с ними необходима единая власть, независимая, твердая и сильная как в центре, так и на местах. Нужно, чтобы власть эта стояла вне партий и вне классовых различий, осуществляя общие демократические начала, стремясь к установлению порядка, к восстановлению силы закона и обеспечивая личную безопасность и гражданскую свободу.

С введением в жизнь органов самоуправления, на началах всеобщего избирательного права, все возникшие во время революции местные исполнительные комитеты, созданные для функций управления, должны быть упразднены. В деятельности других общественных организаций не должно быть вмешательства в сферу государственного управления или посягательства на права новых местных учреждений. Повсеместно в государстве должна быть установлена правильная и постоянная деятельность судебных учреждений, осуществляющих судебную власть, независимую от всяких политических влияний и воздействий.

Оборона страны — первая жизненная задача, долженствующая объединить все классы и все национальности. И Временное Правительство в полном своем составе должно быть неизменно объединено сознанием этой задачи.

В организации командования армией должно быть проведено сверху и до низу начало ответственной и единой военной власти [21]).

Высшему командованию должны быть обеспечены большая устойчивость и независимость в осуществлении им возложенных на него задач.

Приветствуя твердое и решительное заявление министра-председателя по вопросу о сепаратистских проявлениях, обнаружившихся в государстве, члены первой Думы полагают, что сохранение единства России, вполне совместимое с установлением местных автономий властью Учредительного Собрания, является исторической задачей, и что в трагическую ныне переживаемую минуту всякие попытки к расчленению нашего отечества должны быть осуждены как сознательная или бессознательная помощь врагу.

Оставаясь на почве провозглашенного первой Думой начала, требующего передачи земли в руки трудового населения, члены первой Думы полагают, что

разрешение земельного вопроса, а равно и осуществление всех других коренных социальных реформ принадлежит Учредительному Собранию. Временные же государственные меры должны приниматься для смягчения обострившихся социальных отношений и быть проникнуты началом подчинения личных и групповых интересов общенациональным и государственным. Они не должны ни в коем случае санкционировать захваты и беззакония. Признавая, что спасение страны требует напряжения всех сил и жертвенного порыва, члены первой Государственной Думы полагают, что только ясная и твердая политика власти, направленная к осуществлению общегосударственных задач может подвинуть страну к этим усилиям и жертвам и вывести ее на путь спасения» *).

Позвольте к этим словам прибавить еще два слова. Мы не говорим здесь о задачах войны и об условиях мира. Мы не откликнулись на слова министра-председателя, отвергшего с негодованием и презрением попытки соблазнить нас и наших союзников сепаратным миром, потому что в среде членов первой Государственной Думы недопустимо и самое предположение о возможности сепаратного мира. (Аплодисменты.) О почетном мире говорил министр финансов. О нем не говорил министр-председатель, но мы помним тот великий порыв русской армии, который имел место месяц тому назад, который в это страшное время вписал одну новую светлую страницу, и мы знаем, что этот порыв был вдохновляем, в нем принял участие тот человек, который сейчас стоит во главе Временного Правительства. Этого история ему не забудет. (Шумные аплодисменты, все встают.). И мы хотим почетного мира, но почетным миром не может быть «германский мир». (Возгласы: «Правильно».) «Германский мир» может быть результатом только германской победы, а почетный мир должен быть результатом победы России и ее союзников. (Аплодисменты.) И мы счастливы видеть сегодня перед собой вождя русской армии, ее верховного главнокомандующего. Мы верим, что доблестный вождь русской армии, ее верховный главнокомандующий, через победу приведет Россию к почетному миру. (Аплодисменты. Возгласы: «Браво!» «Ура!» Все, кроме левой части партера, встают и приветствуют генерала Корнилова **).

Семенов. Трудовая группа 1-й Государственной Думы [22]), в лице сюда съехавшихся из Петрограда на Совещание, с живейшей радостью, с глубоким сознанием ответственности перед народом и страной, явилась в настоящее заседание по призыву Временного Правительства. Члены трудовой группы Первой Думы, избранные одиннадцать лет тому назад всем крестьянством России, всеми трудящимися массами и демократической интеллигенцией, всегда стояли

*) *Далее по рукописному тексту.*
**) *Далее по машинописному тексту.*

за защиту трудящегося народа. Они были призваны в тяжелое время после неудачной войны. Они были призваны создать государственное дело, призваны были к государственному строительству. В настоящий момент, неизмеримо тягчайший, мы все сюда призваны для того же дела, и с этим чувством члены трудовой группы 1-й Думы считают нужным поделиться с Совещанием и с Временным Правительством своими мыслями. Первым делом Государственной 1-й Думы — это было обеспечение *) прав гражданина, обеспечение его личности. Это дело, которое было начато 1-й Думой, остается неисполненным и доныне. Это также лежит в задачах первых шагов Временного Правительства и всех нас, граждане. (Возгласы: «Правильно».) Второй вопрос, главный российский, это вопрос земельный. И трудовая группа первая в Государственной Думе поставила этот вопрос на первый план, на первое место. Она его также ставит и сейчас. Без разрешения этого вопроса нельзя строить государственную жизнь, нельзя кончить войну почетным миром. (Аплодисменты. Возгласы: «Правильно».) Вопрос этот в двух словах: «Земля и воля». (Аплодисменты в центре и слева.)

Этот вопрос, земельный, должен быть разрешен. Это и справедливо и государственно. Это исторически так, и будет так, как желательно народу. (Аплодисменты слева.) Но он должен быть разрешен в интересах народа с сохранением его интересов, с сохранением интересов всей страны, всего государства, чтобы интересы частные не проглотили интересов целого, и этим самым не подорвали свою собственную жизнь. Этот вопрос должен быть всесторонне и полно рассмотрен в Учредительном Собрании и разрешен так, чтобы эти интересы части и целого были бы выполнены и согласованы. (Аплодисменты.) С этими чувствами, с этими мыслями и с этими делами члены трудовой группы не прерывали своей связи с народом и в эти одиннадцать лет, и в момент революции, и за время революции они работали и работают почти во всех общественных организациях, созданных революцией, и всемерно поддерживают те принципы, которые были высказаны и прочитаны здесь в декларации от 1-й Думы. Под ней подписались и все присутствующие члены трудовой группы, с этими принципами мы идем и боремся, [с ними] мы укрепляем то, что завоевано революцией, те права, которые мы желаем, чтобы были сохранены, а не были утрачены. Для этого должно быть государственное строительство и государственное устройство. (Возгласы: «Верно».)

Правительство говорит нам о государственном строении, о сильной власти, и к этому оно нас призывает. Мы это уже дали. Мы уже дали ту власть, которую Временное Правительство получило от нас, от народа. Мы ее усилили тем, что говорим, что это—власть правительства спасения родины, спасения свободы, [завое-

*) *В подлиннике*: составление.

ванной революцией]. Раз мы дали такую власть, мы должны сознательно ей подчиняться, чтобы задачи, которые берет на себя правительство, были бы проведены в жизнь. Но никакое правительство не может провести своих задач, если оно не будет поддержано всем населением, всеми гражданами страны. (Аплодисменты.)

Мы ответственны за будущее, мы ответственны за то, какое примет направление наша политическая государственная жизнь, а правительство лишь будет наблюдать и охранять. Никакое правительство само этого сделать не может. Правительство нам заявило через министра-председателя, что оно не будет опираться или склоняться к течениям направо или налево, и всякие попытки препятствовать той власти, которою правительство облечено народом, оно будет пресекать. (Голос: «Правильно».)

Но на чем же правительство может основывать свою политику, свою власть? Оно может основывать только на действительных требованиях, сознанных всем народом, на тех требованиях, желаниях и нуждах, которые удовлетворяют всем потребностям всего народа. Только такое правительство будет и сильно. Под тем правительством, которое министр-председатель назвал «скалой», должен быть и соответствующий фундамент. Этим фундаментом может быть только народ и государство, его задачи, его цели, его нужды. Какие же задачи стоят прежде всего на первом месте, кроме государственного строительства, укрепления того, что было высказано в нашей декларации? Конечно,— оборона страны. Я скажу свое личное мнение, что правительство будет сильно то, получит доверие то, укрепит наши финансы и приведет экономическую разруху к известному порядку [то], которое приведет нас к почетному миру. (Аплодисменты справа.) Дайте нам хорошую политику — вы получите хорошие финансы. Что нужно делать нам?

Мы от трудовой группы высказываем свои мысли, выслушиваем мысли других групп. Мы пришли сюда несомненно с тем чувством, с той надеждой, что мы пришли не к умирающему и не к мертвецу. Мы пришли в надежде, что наши голоса, слившиеся в одном голосе всей страны, будут трубным гласом, который призовет страну к воскрешению, и что мы после настоящего собрания не увидим ангела смерти. Мы все должны стремиться к одному: чтобы обороне страны соответствовало надлежащее [положение] в тылу, чтобы внутренняя политика соответствовала и внешней, чтобы обязательства, честно принятые, должны быть и честно выполнены. Много дела не только не под силу не только правительству, но в такой момент непосильно и призванной той демократии, тех широких масс, которым принадлежит историческая судьба. Но нужно это делать. Есть русская пословица, которая говорит: «Глаза страшат, а руки делают». И мы тогда спасем то, что на нас возложено исторической судьбой. И, может быть, меч, который уже занесен над головой России, остановится, если мы жертвами, сознанием обя-

занности принести все жертвы для нашей страны, несмотря на то, будут ли принесены они имущими или неимущими, сознаем, [что] впереди только гибель родины, которую мы желаем поднять, если мы скажем: «За дело, вперед, за честь, за свободу, за светлое будущее России!» (Аплодисменты.)

[Председатель]. Председатель 2-й Государственной Думы Головин [23]).

Головин. «Государство наше переживает сейчас смертельную опасность.» Такие слова произнес наш председатель-министр в первом заседании Государственного Совещания. Мы все, здесь присутствующие, отлично знаем, что это не фраза, а это есть грозная, страшная действительность. Далее, наши министры в ряде речей указали, в чем заключается эта смертельная опасность. Картина, нарисованная нашими министрами, поистине страшна. Они указали и ту программу своей деятельности, которая, по их мнению, спасет Россию и сделает ее великой и мощной. Мне, как представителю 2-й Государственной Думы, — как известно Думы весьма различного состава по своим политическим взглядам и убеждениям, — довольно трудно было бы критиковать программу правительственных действий. В этой критике, самой благожелательной, конечно, преследующей единственную цель — поддержать всеми мерами правительство в его тяжком, страшном бремени, я думаю, все же трудно будет мне удержаться на исключительно беспартийной точке зрения. Так или иначе я мог бы в своей критике затронуть такие вопросы и так их осветить, что это встретило бы, быть может, возражения кого-либо из членов 2-й Государственной Думы. Поэтому я в своей речи ограничусь исключительно таким вопросом, который, думаю, не может встретить решительно никаких разногласий во всех гражданах Российской империи, которые, конечно, не принадлежат к анархистам, а стоят на государственной точке зрения.

Думаю, что требованием, которое может быть предъявлено правительству со стороны решительно всех слоев русского общества, без различия партий и убеждений, является требование, чтобы правительство обладало полнотой власти, чтобы оно было сильно, чтобы его воля проявлялась и осуществлялась в жизни без каких-либо задержек. Я думаю, что если мы коснемся этого вопроса, обладает ли наше правительство достаточно сильной властью, то, я думаю, мы все согласимся, что мы хотим верить, что такой властью наше правительство обладает.

«Наша сила в великом доверии, которое питают к нам широкие массы народные», — так охарактеризовал основу своей власти глава Временного Правительства. Думаю, что это так. И мы хотим быть убеждены, что это именно так и есть. Но здесь приходится сказать все же некоторое слово предостережения правительственной власти, приходится невольно посмотреть и подумать, действительно ли наше правительство обладает всей той полнотой власти, которая столь необходима, когда государство стоит на краю гибели. И вот, рассматривая этот вопрос,

возникает невольно некоторое робкое как бы сомнение, и вот по каким основаниям.

Мы выслушали блестящую речь министра-председателя, полную огня, полную силы. Но я бы сказал, что общий тон этой речи был таков, что невольно будил некоторые сомнения, насколько эта власть правительственная обладает всею полнотой. Невольно эту речь нам, членам 2-й Думы, приходится сравнивать с знаменитой речью покойного министра-председателя Столыпина, когда после знаменитой декларации правительства он выступил с ответной речью на выступление левых ораторов [24]). Конечно, здесь это сравнение является, в сущности говоря, полной противоположностью. Здесь положение совершенно изменилось. Тогда мы видели, что левые, не обладая полнотой власти, чувствуя колеблющуюся почву под их ногами, резко и определенно выступили против правительства; они как бы диктовали правительству то, что оно должно делать. В ответ, в спокойной речи, полной действительного сознания своей силы, потому что тогда Столыпин был действительно сила физическая, [он] ответил на это: «Не запугаете».

Затем некоторые сомнения вызывает и то, что наше правительство, правительство государства свободного, правового, роковою необходимостью вынуждено было вступить на путь суровых мер для восстановления дисциплины в армии, на путь административных высылок без суда, т. е. на путь, против которого мы, и на который], конечно, прежде всего сам глава Временного Правительства не хотел бы, чтобы когда либо вставала государственная власть. Это, я думаю, также свидетельствует о том, что сила и единство государственной власти, быть может, как бы колеблются. Но если это так, то на нас всех, гражданах Российского государства, какая лежит обязанность?

Прежде всего, я полагаю, что мы должны дать тот фундамент правительственной власти, который подкрепляет ее и который, в сущности, является единственною основою правительственной силы в правовом государстве. Я имею в виду, что мы, следовательно, должны оказать полное доверие Временному Правительству. Только при полном доверии Временному Правительству со стороны народа, оно будет сильно, оно будет в состоянии осуществить те великие задачи, которые возложила на нее история. Если мы посмотрим на источник правительственной власти, то мы увидим, что правительственная власть, зародившаяся в великие мартовские дни, получила свои полномочия и свои силы от коалиции двух революционных [сил]: народного правительства и широких масс демократии. В этой коалиции есть одновременно и сила и слабость правительственной власти настоящего состава. Коалиция, несомненно, является силой, как нечто, объединяющее все живые силы страны в момент государственной опасности. Но эта коалиция будет силой только тогда, когда она является коалицией не только по форме, но и по существу.

И вот, я думаю, что для того, чтобы правительство коалиционное было сильно, оно должно устранить всякие сомнения в том, что оно является правительством партийным или однобоким. Оно должно все силы напрячь на то, чтобы осуществить общенациональную задачу, чтобы быть внепартийным, чтобы быть выше каких-либо политических партий. Мы хотим верить, что имеем именно такое правительство, правительство внепартийное, правительство, преследующее общенациональные задачи. Я думаю, что правительство, которое взяло на свои плечи невыносимую нечеловеческую, бесконечную ответственность, по словам председателя совета министров, я думаю, что такое правительство мы обязаны поддерживать всеми силами для того, чтобы оно осуществило возложенные на него задачи. (Аплодисменты.)

Граждане великой России, дадим же это доверие нашему Временному Правительству, дадим ему силу окончить громадный труд, который лежит на нем, [и] тем спасти Россию от гибели и сделать ее великой и свободной. (Аплодисменты.)

Керенский. Член 2-й Государственной Думы Алексинский.

Алексинский*). Гражданин первый министр, граждане члены Временного Революционного Правительства, граждане разных званий, профессий и занятий, представители производительных сил и представители сил духовных великой освободившейся от старого строя страны. Совещание членов 2-й Государственной Думы уполномочило меня заявить вам, что оно признает необходимым создание такой власти, поддержку такой власти, которая в своей деятельности руководилась бы следующими решительными условиями: 1) продолжение войны в единении с нашими союзниками ([возгласы:] «Браво», аплодисменты) до полного изгнания неприятельских войск из пределов России и союзных стран) ([возгласы:] «Браво», аплодисменты), 2) организация революционной власти в виде коалиционного правительства национальной обороны, которое бы включало в свой состав как представителей партий и групп буржуазных, так и представителей партий социалистических, но лишь тех, которые стоят на почве государственного переворота и не желают восстановления старого режима. В этом правительстве, далее, должны быть представлены только такие элементы, которые определенно стоят на почве активной обороны страны ([возгласы:] «Браво», аплодисменты) и которые не только не отрицают этой обороны, но даже не допускают ни малейших колебаний в вопросе о национальной обороне. (Голоса: «Правильно», аплодисменты.)

Россия не может перенести поражения по следующим причинам: экономически это значило бы господство в России германского капитала, каковое господство было бы вредным для развития всех производительных сил России и прежде

*) *По «Русскому Слову»*: встречен аплодисментами справа и шиканием слева.

всего для интересов рабочего класса (аплодисменты), тесно связанных с развитием этих производительных сил. Мы утверждаем, что если бы Россия не вышла с победой из этой войны, то рабочий класс ее потерял бы даже и те завоевания, которые он приобрел со времени государственного переворота. ([Возгласы:] «Несомненно», аплодисменты.)

Мы утверждаем далее, что вопрос земельный теснейшим образом связан с вопросом о победе или поражении, ибо, в случае поражения, Германия превратила бы временную оккупацию территорий России в постоянное обладание ими. И к тем миллионам беженцев, которые уже согнаны с родных мест, прибавились бы многие миллионы людей, которых выживали бы немецкие колонизаторы оттуда, и русским крестьянам пришлось бы не только не удовлетворить свои справедливые требования, но делиться землей с этими миллионами людей, потерявшими свою землю (аплодисменты), потому что русский народ не нашел в себе достаточно мужества и силы для того, чтобы защитить ее. Мы верим, что русский народ найдет это мужество и силу, мы верим, что он поймет, что политические интересы страны теснейшим образом опять-таки связаны с необходимостью победы над германской реакцией, ибо если бы семь передовых демократий,—российская, английская, французская, американская, сербская, итальянская и бельгийская,—были бы побеждены союзом четырех монархов, то население всех стран мира сказало бы, что, с точки зрения элементарной безопасности страны, монархический режим стоит выше демократического, республиканского. Во имя защиты республиканских и демократических идеалов, мы не можем допустить победы четырех хищных монархий над семью передовыми демократиями мира. [Возгласы:] «Браво», аплодисменты.)

Наши солдаты, которые сейчас защищают Россию, защищают не только свободу этой земли, но и свободу всего мира, ибо свобода всего мира поставлена на карту в этой войне. Спор о том, как выйти из положения, созданного войной, в настоящее время можно признать законченным. Если бы три месяца тому назад можно было надеяться на то, что словами и мирными увещеваниями, обращенными к тем, кто эти увещевания не слышит и не хочет слышать, мы можем создать выход из положения, созданного войной, то в настоящее время положение определилось совершенно ясно в виде той раны, которую носит на своем теле Россия, той раны, которая именуется прорывом на Юго-Западном фронте, сквозь которую течет русская кровь, с одной стороны, и сквозь которую, с другой стороны, вливается раскаленная лава немецкого войска.

Мы верим, [что] подобно тому, как старый режим мог быть низвергнут только силой, мы, представители революционной демократии (смех на скамьях демократических представителей), верим и утверждаем, что только вооруженной силой (шумные продолжительные аплодисменты), мы верим и утверждаем, что только вооруженной силой будет

спасена Россия и от другого деспота, угрожающего ей, не менее грозящего, чем грозил тот, который недавно сидел на русском троне. Мы верим, что только вооруженная сила может спасти Россию от подпадения ее под гнет русской реакции. Но эта сила, которая имеется в изобилии технически, отсутствует морально. Нет той нравственной мощи, которая необходима для того, чтобы всякая страна, и страна революционная, где внешняя дисциплина, конечно, не может быть так развита, как должна быть и может быть в ней развита внутренняя дисциплина, — нет той нравственной мощи, которая необходима для революционной страны, чтобы она могла защищать свои пределы, и мы говорим, что до тех пор пока эта нравственная мощь не будет создана, до тех пор пока не будет создано объединение всех живых общественных сил страны, отечество останется в опасности. И, может быть, близок тот момент, когда эта опасность станет непреодолимой, когда Россия будет стоять уже не на краю гибели, а когда нам придется плакать над ее трупом, когда она из великой народной страны превратится в ряд разрозненных частей, которые сойдут со счета в мировом, политическом и хозяйственном обороте.

Граждане, для того, чтобы этого не было, нам надо, я скажу, организовать правительство национальной обороны, коалиционное правительство. Почему коалиционное? Потому что одни буржуазные группы не могут стоять у власти, ибо к ним относятся с недоверием представители рабочей и крестьянской массы. С другой стороны, это правительство не может быть и чисто социалистическим, ибо наша Россия, бесконечно более отсталая, чем ее передовые союзники, не стоит накануне социализма, и мы должны решительно и определенно сказать это рабочим массам нашей страны, чтобы предостеречь их от всех гибельных шагов, которые они могут сделать, увлекшись несбыточной мечтой о том, что они стоят у преддверия социалистического строя. (Шумные аплодисменты.) Но такое правительство, коалиционное правительство, из представителей классов имущих и классов трудящихся, может быть создано только путем взаимных уступок. Если этих уступок не будет сделано, тогда восторжествуют те, чьи идеи признал здесь пагубными от лица Временного Правительства гражданин министр-председатель, и о которых сказал, что их действия, их дерзновенные попытки он будет преодолевать железом и кровью.

Мы обращаемся с призывом как к имущим, так и к трудящимся классам, чтобы они нашли в себе достаточно гражданского мужества и политического сознания для того, чтобы обеспечить возможность создания единой и объединенной коалиционной власти. Имущие, вы должны быть более уступчивы для того, чтобы рабочий класс не заподозревал вас в том, что вы свои частные временные интересы ставите выше постоянных и вечных интересов великого народа. (Аплодисменты.)

Рабочие и крестьяне России. Следуйте примеру ваших западно-европейских товарищей — французских рабочих, наиболее революционных, которые дали наилучшие полки на французский фронт. ([Возгласы:] «Браво», аплодисменты.) Следуйте примеру ваших английских товарищей, которые дали армии пять миллионов добровольцев, защищающих даже не свою, а чужую землю. ([Возгласы:] «Браво! Браво!», аплодисменты.) И вот, если мы будем следовать этому примеру, только тогда мы будем уверены, что Россия с честью и успехом выйдет из ее теперешнего положения. Пока этого нет. Надо создать священный энтузиазм, который подобает иметь стране во время революции и который имеется у нас в зародыше, но, к сожалению, в зародыше слишком часто и слишком неосторожно угашаемом. Я говорю об энтузиазме, зародыши которого имеются. Разве ударные батальоны смерти, которые идут добровольно, жертвуя собою за родину, разве женские батальоны — явление, равного которому, не знала история ни одной другой страны (бурные аплодисменты), — разве они не являются проявлением такого энтузиазма? Разве тот рабочий батальон Обуховского завода, который на-днях был создан для отправки на фронт, не свидетельствует о том, что и рабочий класс России желает внести свою лепту в общее дело освобождения страны? (Аплодисменты.)

Граждане, мы желаем, чтобы правительство было твердо и самостоятельно, чтобы до Учредительного Собрания оно не зависело от тех или иных групп, потому что если оно будет зависеть от тех или иных отдельных групп, оно не будет правительством общенародным. Да здравствует же коалиционное правительство национальной обороны, которое защитит, при участии всех народных масс, свободу страны и ее земли! Да здравствует борьба до изгнания неприятельских войск из пределов России и союзных стран! (Бурные аплодисменты.)

Председатель. Предупреждаю, за две минуты до окончания срока я буду давать предупредительный звонок. Слово принадлежит члену и бывшему председателю 3-й Государственной Думы Гучкову. (Голоса: «Его нет».) Слово принадлежит члену 3-й Государственной Думы Родичеву [25]).

Родичев. Граждане, великий ответ взяла на себя русская земля в день 1-го марта, когда в ее распоряжение попала судьба великого столкновения народов. Кто устоит в этой борьбе? Тот [ли] стан, который сражается за свободу, за силу права, за право малых народов, за справедливый мир всего человечества, или победит тот стан, который сражается под знаменем монархизма, милитаризма?

Граждане, нам говорили до сих пор: «Разве Россия, раба и угнетательница, может сражаться за право и свободу?» Мы, знающие русский народ, мы, веровавшие в него, мы говорили: «Да, правительство это не может сражаться за свободу и право, но русский народ за него льет свою кровь». И были друзья и союзники, которые это понимали. Из Англии раздался голос, пророчивший русскому народу свободу. Ллойд-Джордж предсказал, что ядро германской пушки разобьет

оковы на русском народе. Он оказался прав. Оковы разбиты, и армия наша сделалась святым воинством свободы на глазах всего мира. Граждане, пред грядущими поколениями, далеко в глубь веков будущего, мы отвечаем за исход этой борьбы. Мы отвечаем перед нашими потомками, мы отвечаем перед Россией за сохранность того великого наследия свободы, которое мы получили в день 1-го марта. Мы отвечаем перед всеми миллионами нашей благородной молодежи, которая пролила русскую кровь, защищая родную землю, защищая русскую свободу, веря в нее, когда она еще не наступила. Но, граждане, ослабла русская сила, и русский лев, по выражению одного иностранца, разбив свои оковы, обратился к врагам, указывая на то, что у него нет зубов, что он не грозен.

Граждане, если мы, обращаясь к старой власти, говорили: Россия никому не простит мира вничью, — напираю на слово: «никому», — то тем более должно быть среди нас живо сознание, что потомство и Россия никому не простят мира «вничью» и тем более сдачи врагу не простят.

Граждане, сколько я знаю историю родной земли, она не переживала таких дней несчастья и позора, которые переживает теперь. Она не переживала той опасности, которую переживает теперь.

Где сила русского войска? Куда она ушла? У нас есть все материальное, что нужно для победы: миллионы людей, миллионы пар ног и рук, снаряжение и вооружение, орудия, данные нам союзниками, ружья и снаряды,— все, чего не было у старой власти, теперь у нас есть. Но, граждане, духа победы нет. Дух свободы не осенил русскую армию, и сила ее рушилась, сила сцепления пропала, и миллионы людей бредут розно, предавая русскую землю, предавая русскую честь и русскую свободу. Ликует враг, указывая на то, что принесла русскому народу революция, предостерегая своих не поступать так. И торжествует милитаризм. Он будет жив, ибо провозглашают его сторонники: милитаризм и армия есть закон жизни государства.

Граждане, победа Германии, еще более, — поражение русской революционной армии, — означает оподление человечества. Наши потомки, если придется России пережить стыд последнего поражения и сдачу, наши потомки для того, чтобы жить, вынуждены будут отрицать свободу и правду и право. Нет свободы тому народу, который не умеет отстаивать границ своих. Нет свободы тому народу, который не умеет в минуту опасности создать национальное единство. Да, граждане, задача, которая перед нами стоит, это — задача не накопления и организации материальных сил. Это — задача организации народного единства, единства духа. Пропало это единство в армии, граждане. Есть ли в стране, есть ли оно здесь, в этом помещении? То, что я видел до сих пор, не свидетельствует о нем. Надо смотреть правде в глаза. Граждане, настал последний двенадцатый час. Там враг, там голод, там мор, там гражданская война, если вы не умеете объединиться. Граждане, когда в эту минуту среди нас есть люди, думающие

о внутреннем буржуазном фронте и радующиеся его призыву, можете вы рассчитывать на образование этого единства, на победу и на спасение России? От людей так мыслящих и так чувствующих мы требуем жертв, мы требуем сознания своего долга перед страной. Граждане, я не хочу говорить о сделанных ошибках. Но ведь все знают о том пути, идя по которому, разрушалась сила русской армии. Нам Савинков рассказал, как митинги расшатали армию, и русская армия, увы, в противоположность наполеоновской гвардии, нередко отвечает: «Армия митингует, но не сражается».

Вот, граждане, тот путь, те приметы, по которым мы можем проследить, как росла разруха и как она восторжествовала. Единство власти, единство власти нужно для того, чтобы армия попрежнему превратилась в единую силу, и долг каждого гражданина подчиняться этой власти, и долг каждого гражданина содействовать повиновению единой власти, и долг каждого гражданина не путаться в ее приказания. Граждане, в момент паники, одно общее чувство повинования единому лозунгу, только оно может спасать. Вмешательство многих в дело спасения приводит к Ходынке. Граждане, и не только там, на фронте, внутри нужно тоже воссоздание народной силы, нужна единая власть, единая, и нужно свободное повиновение. Граждане, много труднее свобода, нежели подданство и рабство. Подданные повинуются, не рассуждая и ожидая приказания власти. Гражданин повинуется праву, идя вперед со своей жертвой, с исполнением своего долга. Граждане, нужно чтобы Россия заработала. Во времена XIX столетия во Франции был брошен крик, постыдный лозунг: «обогащайтесь». Граждане, разве вы в течение войны не слышите в России раздающегося во всю ее ширь того же лозунга: «обогащайтесь, пользуйтесь обстоятельствами». Раньше, граждане, обогащались те, кого мы называем буржуазией. Нынче этот лозунг раздается в пролетарских кругах. (А п л о д и с м е н т ы.) Граждане, с этими призывами страна гибнет. Там, где народ не работает, там нет спасения. Последнее слово, граждане: не забудьте долга перед человечеством. Не забудьте: когда мы в разрухе — блестящая победа союзников. Италия делает то, что мы должны делать. Франция и Англия делают то, что мы должны делать. И Америка выступает. Нам нужно только держаться стойко, и спасена свобода, спасена Россия. Но залог этого спасения — создание единства. Нужно воодушевление этого единства. Нужна жертва во имя свободы. Граждане, я должен кончить, но крик мой: Да здравствует единство во имя свободы и спасения родины! Да объединится вся земля в едином порыве, иначе позор и смерть! (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.) *)

К е р е н с к и й. Временное Правительство вчера обрисовало вам общее положение армии и те мероприятия, которые предполагаются Временным Пра-

---

*) *Далее по рукописному тексту.*

вительством и будут проведены в жизнь. Вместе с тем, Временное Правительство признало нужным вызвать верховного главнокомандующего и предложить ему изложить перед Государственным Совещанием положение фронта и состояние армии. (Обращаясь к Л. Г. Корнилову): Ваше слово, генерал.

(Верховный главнокомандующий Л. Г. Корнилов поднимается на трибуну, встреченный бурными продолжительными аплодисментами всего зала, за исключением левого сектора в партере. Присутствующие в собрании все, за исключением представителей Советов Р. и С. Д., поднимаются с своих мест и приветствуют стоя аплодисментами взошедшего на трибуну верховного главнокомандующего. Из разных концов зала по адресу сидящих в левой части партера солдат несутся все усиливающиеся крики негодования. Слышатся возгласы: «Хамы!», «Встаньте!» На левых скамьях не встают и оттуда доносится возглас: «Холопы». Шум, стоящий все время, усиливается еще более. Председательствующий пытается успокоить собрание и по достижении некоторого успокоения обращается [к залу со следующими словами:]) *)

Я предлагаю собранию сохранять спокойствие и выслушать первого солдата Временного Правительства с долженствующим к нему уважением и уважением к Временному Правительству. (Возгласы: «Правильно», аплодисменты.) **)

Корнилов. Как верховный главнокомандующий, я приветствую Временное Правительство, приветствую все Государственное Совещание от лица действующей армии. Я был бы счастлив добавить, что я приветствую вас от лица тех армий, которые там, на границах, стоят твердой и непоколебимой стеной, защищая русскую территорию, достоинство и честь России. Но с глубокой скорбью я должен добавить и открыто заявить, что у меня нет уверенности, чтобы русская армия исполнила без колебания свой долг перед родиной.

Моя телеграмма от 9 июля о восстановлении смертной казни на театре военных действий против изменников и предателей всем известна [26]). Ближайшая задача этой телеграммы, причина, вызвавшая эту телеграмму, это—позор Тарнопольского прорыва. И доныне этот погром, которого русская армия за все время существования не знала, продолжается. Позор Тарнопольского разгрома, это — непременное и прямое следствие того неслыханного развала, до которого довели нашу армию, когда-то славную и победоносную, влияния извне и неосторожные меры, принятые для ее реорганизации. Меры, принятые правительством после моей телеграммы, несомненно, внесли некоторое оздоровление в армию, но разрушительная пропаганда развала армии до сих пор продолжается, и я вам приведу факты.

---

*) *Слова, заключенные в прямые скобки, дополнены по «Известиям Московского Совета Р. Д.».*

**) *Далее по машинописному тексту.*

За это короткое время, с начала августа, озверевшими, потерявшими всякий образ воина солдатами убиты командиры: командир стрелкового гвардии полка полковник Быков (голоса: «Почтить память вставанием»), того же полка капитан Колобов; убиты на ст. «Калиничи» братья офицеры Абрамовичи, тяжело избиты и ранены командиры полков 437-го и 43-го Сибирского, поднят на штыки своими солдатами командир Дубненского полка Пургасов. (Возгласы: «Повешены ли виновные?») Но когда отказавшийся выдать зачинщиков и преступников полк был окружен сводным отрядом, и комиссар, под угрозой немедленного, обстрела всего полка, обратился к ним с требованием их выдать, то пронесся плач, мольбы о пощаде. (Возгласы: «Позор!») Преступники были все выданы. Они преданы военно-революционному суду и теперь ждут своей участи, которая их не минует. (Возгласы: «Правильно».) Полк после этого обещал смыть позор своей измены. Так, перед лицом непоколебимой революционной власти, без единой капли крови, было ликвидировано преступление и пресечена возможность его дальнейшего развития. Все эти убийства совершены солдатами в кошмарной обстановке безрассудного, безобразного произвола, бесконечной темноты и отвратительного хулиганства. Несколько дней тому назад, когда обозначилось наступление немцев против Риги, 56-й Сибирский стрелковый полк, полк, столь прославленный в прежних боях, он самовольно оставил свои позиции и, побросав оружие и снаряжение, бежал... (Возгласы: «Позор».) И только под давлением оружия, после того, когда по телеграфу я приказал истребить полк, полк вернулся. (Возгласы: «Правильно», аплодисменты справа.) Таким образом, с анархией... (Председатель прерывает Корнилова словами):

Керенский. Простите, генерал. Я прошу собрание выслушать те места доклада, которые говорят о великом несчастии и страданиях нашей земли, не сопровождая их недостойными знаками внимания.

Корнилов. Таким образом, с анархией в армии ведется беспощадная борьба, и анархия будет подавлена. Но опасность новых разгромов еще висит над страной, еще висит угроза новых потерь территорий и городов и висит опасность непосредственно самой столице. Положение на фронтах таково, что мы вследствие развала нашей армии потеряли всю Галицию, потеряли всю Буковину и все плоды наших побед прошлого и настоящего года. Враг в некоторых местах уже перешел границы и грозит самым плодородным губерниям нашего юга, враг пытается добить румынскую армию и вывести Румынию из числа наших союзников, враг уже стучится в ворота Риги, и если только неустойчивость нашей армии не даст нам возможности удержаться на побережьи Рижского залива, дорога к Петрограду будет открыта. В наследие от старого режима свободная Россия получила армию, в организации которой, конечно, были крупные недочеты. Но тем не менее, эта армия была боеспособной, стойкой и готовой к самопожертво-

ваниям. Целым рядом законодательных мер, проведенных после переворота людьми, чуждыми духу и пониманию армии, эта армия была превращена в безумнейшую толпу, дорожащую исключительно своей жизнью. Были примеры, когда отдельные полки выражали желание заключить мир с немцами и готовы были отдать врагу завоеванные губернии и уплатить контрибуцию, считая по 200 рублей на брата. Армия должна быть восстановлена во что бы то ни стало, ибо без восстановленной армии нет свободной России, нет спасения родины. Для восстановления армии необходимо немедленное принятие тех мер, о которых я доложил Временному Правительству. Мой доклад представлен, и на этом докладе без всяких оговорок подписались управляющий военным министерством Савинков и комиссар при верховном главнокомандующем Филоненко. (Возгласы: «Браво!»)

Я в кратких чертах доложу вам главные основы своего доклада. Выводы истории и боевого опыта указывают, что без дисциплины нет армии. Только армия, спаянная железной дисциплиной, только армия, ведомая единой, непреклонной волей своих вождей, только такая армия способна к победе и достойна победы. Только такая армия может выдержать все боевые испытания. Дисциплина должна быть утверждена, и повседневной, будничной работой армии, путем предоставления соответственной власти начальникам, офицерам и унтер-офицерам, за ними должна быть обеспечена действительная возможность наладить необходимую внутреннюю работу, заставить солдат чистить и кормить лошадей, убирать свои помещения, невероятно теперь загрязненные, и тем спасти весь живой состав армии от эпидемий и страну от мора. Тем, кто целью своих стремлений поставил борьбу за мир, я должен напомнить, что при том состоянии армии, в котором она находится теперь, если бы даже к великому позору страны возможно было заключение мира, то мир не может быть достигнут, так как не может быть осуществлена связанная с ним демобилизация, ибо недисциплинированная толпа разгромит беспорядочным потоком свою же страну. (Возгласы: «Правильно», аплодисменты.)

Необходимо поднять престиж офицеров. Офицерский корпус, доблестно сражавшийся за все время войны, в громадном большинстве сразу ставший на сторону революции и оставшийся верным ее делу, и теперь должен быть вознагражден нравственно за все понесенные им не по его вине унижения и за систематические издевательства. (Возгласы: «Правильно».) Должно быть улучшено материальное положение офицеров, их семей, вдов и сирот павших героев, причем справедливо отметить, что это чуть ли не единственная корпорация в России, которая до сих пор не заикнулась о своих нуждах, которая не требовала улучшения своего материального положения. А каково это положение показывает недавний пример того прапорщика, который был поднят на улице Петрограда упавшим от истощения сил, вследствие голода за неимением средств.

Я не являюсь противником комитетов. Я с ними работал, как командующий восьмой армией и как главнокомандующий Юго-Западного фронта. Но я требую, чтобы деятельность их протекала в круге интересов хозяйственного и внутреннего быта армии, в пределах, которые должны быть точно указаны законом, без всякого вмешательства в область вопросов оперативных, боевых и выбора начальников. Я признаю комиссариат как меру, необходимую в настоящее время, но гарантия действительности этой меры, это — личный состав комиссариата, из людей, демократизм политического мышления которых соответствует такту, энергии и отсутствию страха ответственности, часто весьма тяжелой. Армии без тыла нет. Все проводимое на фронте будет бесплодным, и эта кровь, которая неизбежно прольется при восстановлении порядка в армии, будет неискупленным благом родины, если дисциплинированная боеспособная армия останется без таких же пополнений, без продовольствия, без снарядов и одежды. Меры, принятые на фронте, должны быть приняты также и в тылу, причем руководящею мыслью должны быть только целесоответственность их для спасения родины. Между тем, по моим сведениям, по точным сведениям, которыми я располагаю, наша железнодорожная сеть в настоящее время в таком состоянии, что к ноябрю месяцу она будет не в состоянии подвозить все необходимое для армии, и армия останется без подвоза. Я не стану указывать подробно на дальнейшие последствия такого факта.

На Юго-Западном фронте, долженствовавшем по местным условиям [быть] наиболее обеспеченным в настоящее время, когда наступила реализация урожая, положение таково,—я доложу вам телеграмму, только что мною полученную от главнокомандующего Юго-Западным фронтом: «На фронте мучной голод, в магазинах на базе муки совершенно нет. Прибытие от губернских продовольственных комитетов ничтожно. Все сухарные заводы остановились, бездействуют. Имеющиеся запасы сухарей начинают расходоваться впервые за все время войны на довольствие тыловых гарнизонов. Но их хватит ненадолго. Считаю своим долгом довести об этом бедствии, как о чрезвычайном происшествии. В войсковом районе уже две недели тому назад пришлось перейти к войсковой эксплоатации местных средств района. Ныне для временного спасения положения, во избежание голодных бунтов, начальник снабжения Юго-Западного фронта одновременно с этим приказал в Киеве экстренным порядком организовать гарнизонные комиссии, которые под руководством губернских продовольственных комитетов приступили бы немедленно к заготовке в тылу района, в случае надобности к реквизиции. Вмешательство правительства тем не менее экстренно необходимо, ибо так фронт дальше жить не может.»

Я приведу вам несколько цифр, которые могут очертить вам положение вопроса о снабжении [армии] другими средствами, в частности, боевыми средствами. В настоящее время призводительность наших заводов, работающих на

оборону, понизилась до такой степени, что теперь в крупных цифрах производство главнейших потребностей армии, по сравнении с цифрами периода с октября 1916 г. по январь 1917 г., понизилось таким образом: орудий на 60%, снарядов на 60%. Я приведу только эти цифры. Следовательно, если дальше так пойдет, то наша армия очутится в таком точно положении, в котором она была в начале весны 1915 г., что как вам самим известно, вызвало отход наших армий из Польши, из Галиции и с Карпат.

Я подчеркну еще одну цифру. В настоящее время для успешного действия армии ей необходимы «глаза». Я «глазами» называю самолеты. Для действия артиллерии нужны тоже самолеты. Положение нашего воздушного флота таково, что мы теперь не можем средствами, получаемыми из-за границы и средствами, получаемыми с наших заводов, пополнять убыль в наших самолетах. Не имея возможности пополнять убыль, мы не в состоянии также пополнить и убыль в наших летчиках, потому что не на чем их учить. В настоящее время производительность наших заводов, работающих по авиации, понизилась почти на 80%. Таким образом, если не будут приняты какие-нибудь меры, самые решительные, то наш воздушный флот, наш доблестный воздушный флот, столько принесший для победы, он вымрет к весне. Если принять решительные меры на фронте по оздоровлению армии и для поднятия ее боеспособности, то я полагаю, что разницы между фронтом и тылом относительно суровости необходимого для спасения страны режима не должно быть. Но в одном отношении фронт, как непосредственно стоящий перед лицом опасности, должен иметь преимущество. Если суждено недоедать, то пусть недоедает тыл, а не фронт.

К тому, что я считал долгом доложить вам, я присоединю то, во что я сердцем верил всегда и наличие чего я теперь наблюдаю: страна хочет жить. И как вражеское навождение уходит та обстановка самоубийства великой независимой страны, которую создали брошенные в самую темную, невежественную массу безответственные лозунги. Для действительного воплощения воли народа в жизнь необходимо немедленное проведение в жизнь тех мер, которые я только что наметил. Я ни одной минуты не сомневаюсь, что эти меры будут проведены безотлагательно. Но невозможно допустить, чтобы решимость проведения в жизнь этих мер каждый раз совершалась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали, как результат Тарнопольского разгрома и утраты Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги, и чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии.

Я верю в гений русского народа, я верю в разум русского народа и я верю в спасение страны. Я верю в светлое будущее нашей родины и я верю в то, что боеспособность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены. Но я заявляю,

что времени терять нельзя, что нельзя терять ни одной минуты. Нужна решимость и твердое непреклонное проведение намеченных мер. (Аплодисменты.)

Председатель. Слово принадлежит архиепископу Платону [27]).

Архиепископ Платон. Вы выслушали сейчас, вы видели сейчас убийственную картину армии. И я взошел сюда, чтобы с этого места сказать России: не смущайся, дорогая, не бойся, родная: господь с тобою. Трудное время переживаем мы. Другого по трудности такого момента не знает наша история. Но тяжесть эта должна удвоить силу и мощь народной воли, должна не убить, а поднять народный дух. (Шум. Звонок председателя.) Крайне стесненная, страна наша все-таки должна отстоять свое мировое положение и должна устроить свою внутреннюю жизнь на новых началах, при новых условиях, соответствующих ее благу, ее счастью... (Шум.)

Председатель. Я решительно прошу собрание не мешать говорящему и не выходить, пока не объявлен перерыв. (Голоса: «Правильно». Аплодисменты.) Вы собрались сюда не на митинг, где каждый может слушать тех, кого он хочет. Я предлагаю собранию показать, что по крайней мере внешне оно может отвечать серьезности переживаемого времени.

Архиепископ Платон. Только в подобном состоянии находилась наша родина три века тому назад, когда также стояла на краю гибели. Тогда лучшие люди своему избраннику дали самодержавные права. И вот через три века после того, как под сенью Костромской обители зародилась гражданственность русская, через три века выросшая Россия сама с себя сбросила тогдашние пеленки и взяла в свои руки самодержавные права. Этим актом своим наша родина, наш народ, засвидетельствовали свою политическую зрелость и свое гражданское совершеннолетие. Но после этого, взяв на себя такие права, наш народ взял на себя великую работу, разрешение великой задачи. Поскольку он в этом решении подвинулся вперед, мы все это знаем.

Кажется, ни на один народ не возлагалась такая трудная задача, какая возложена на плечи нашего народа. Народ достиг свободы, гражданин стал свободным. И хочется со всею силою русской груди крикнуть: свободный гражданин, иди к этому очагу, вздуй пламя этого огня, чтобы к нему устремились, подошли все народы, населяющие Россию, чтобы им у этого очага было тепло и уютно. Трудная задача для нашего народа, но он должен ее разрешить, и он ее разрешит. Не даром существует вера в то, что наш народ призван к разрешению идеи царства божия на земле. Как в царстве божием «несть эллина и иудея», нет варвара и скифа, но все, как дети божии, могут оставаться там на свободе, так и в нашей стране, в русской земле, все народы, населяющие ее, могут оставаться собою и быть в то же время детьми общей родины.

И рисуется мне возможность того роскошного букета разнонациональных цветов России, который издает благоухание любви к общей родине России, и который этой любовью связан крепко и неразрывно.

Но то ли мы видим? Видим ли мы на деле это? Совсем не то мы видим. Мы видим, к нашему горю, не объединение, а разъединение. Здесь мы в прошлом заседании услышали твердое слово о Финляндии и вместе услышали мягкий намек об Украине. Украина, родная для нас, малороссов, страна. Любим мы свою Украину, безмерно любим ее, любим свой милый народ с его обычаями, его песнями, любим наши реки, горы, леса и поля. Эти деревни, города, Днепр, Полтава, Киев, Харьков, дороги они нам. Дорога нам Украина, но нам дороже еще наша Россия.

Москва — родной нам город, и имя Москвы ласкает наш слух и будит в душе нашей чистые, высокие и чисто русские воспоминания. И вот из этого отношения Украины, которое наблюдается сейчас, и из того отношения к тому движению, которое там имеется, я бы не сказал, что Россия в данный момент в этом вопросе здорова. Есть там в жизни Украины факты, с которыми никак нельзя согласиться, примириться, и которые указывают на то, что в настоящее время допускается часто недопустимое. Так, например, чествование, это триумфальное шествие заядлого, «защирого», как говорят, врага этого православия, митрополита Шептицкого. Спросить бы, так ли шествовал по Австрии наш священник Рыжков. Но я не буду об этом говорить, оставлю эти вопросы тем, кто специально ими занимается.

Я скажу о другом. Когда я сидел и был здесь в прошлом заседании и теперь в нынешнем, я ни разу не слышал даже и обмолвкой слово «бог». И вот, когда удалялся из заседания, я думал: боже мой, не выполнится ли то, что выражено в словах: «Аще не господь созиждет дом, то всуе трудится созиждущий». Вспомнился мне немецкий канцлер Михаэлис. Тот, приступая к своему делу, к своей работе, вспомнил бога, просил себе его в помощь. Вспомнилось мне и то, что в этом святом городе, где каждый камень говорит о прошлом, седом, религиозном нашего народа, где реет дух архимандрита Дионисия, где лежат и почивают нетленные мощи великого патриарха Гермогена, где лежат мощи защитника нашей земли русской святителя Алексея, в этом городе, где [все] живет и развивается под сенью святого и праведного труженика св. Сергея, здесь именно, здесь более, чем где-либо можно и должно помнить о боге и его помощи. И я скажу, что если и карает нас бог теперь, то потом и скоро, и может быть очень скоро, он нас и помилует.

Но я не мог бы сказать одного, что мне представляется, что в этом, я бы не сказал совершенно правильном, я бы сказал неправильном отношении к вере, отношении тех, которые возглавляют сейчас наш боголюбивый народ, в отношении их, не коренится ли отчасти причина того, что армия в настоящее время расшатана и что через это, может быть [расшатан] частью и тыл. Я вспо-

минаю эту присягу, учиненную нашим правительством. Я вспоминаю формулу присяги, присланную для нас [28]), и я должен сказать, что без креста и евангелия мы жить не будем. Когда погибает даже неверующий в бога, и тот вспоминает о боге. Я убежден в том, и я это убеждение исповедую перед вами, что мы все, мы все должны помнить, вспомним и вспоминаем нашего милостивого небесного отца, который спасет нас и выведет из этих бед. Это несомненно. Церковь наша молит его о том, и она умолит его, она теперь близка, кровно связана судьбою своей с судьбами народа.

И скажу более того, теперь то она именно любит, бесконечно любит свой народ, оплеванный и униженный. Она именно теперь, как сердобольная мать, сострадает ему и соболезнует ему. И вот завтра открывается всероссийский церковный поместный собор, загорается заря новой соборной церковной жизни. Она с завтрашнего дня начинается в новой форме. И бог даст жить и церкви. И вот она рука об руку пойдет с обновленной Россией и выйдет путем прямым, путем божьим к светлому, лучшему будущему. Если надо будет чудо для спасения России, то по молитвам церкви бог совершит это чудо, и наша родина будет спасена. (Аплодисменты.)

Председатель. Слово принадлежит представителю старообрядцев Большакову [29]).

Большаков. Ни одна общественная организация в России не выдержала столь долгого и тяжкого искуса своей силы и крепости, как всероссийское старообрядчество. Два с половиной века нечеловеческих пыток и казней, ссылок, тюрем, гонений и политических преследований перенесло старообрядчество только во имя одного, во имя права свободно жить, свободно по-своему организоваться и иметь свободную от всякого давления совесть. Отношение правящих было столь жестоко к старообрядцам, что, казалось, должно было породить у них вражду и ненависть к стране, в которой их жизнь делали сплошным страданием. Но... эта страна была их родина, эта страна была Россия. И чувство любви к родине, к отечеству, основанное на чувстве здоровой государственности не только поставило старообрядцев превыше вражды, но и помогло им стать непоколебимыми поборниками государственной идеи, идеи строительства и крепости государства Российского. Без вражды и ненависти старообрядцы уходили на окраины государства, несли туда свою грамотность, трезвость, любовь к труду, к созиданию. Благодаря, главным образом, старообрядцам колонизованы были Урал и Сибирь. На окраинах государство Российское, со всеми населяющими его народами, защищали казаки, почти сплошь в те времена старообрядцы. Весь Север, являющийся ныне единственной дверью, через которую идет к нам помощь союзников, колонизован исключительно старообрядцами.

Не для восхваления себя дерзаем мы, от имени старообрядцев, напомнить вам, людям земли и правительству, деяния старообрядчества, а совершаем

это для того, чтобы знали все, что старообрядчество памятует и несет на себе великую ответственность за дело государственного строительства, таковая ответственность из глубины времен возложена на него достопамятными его предками. Это чувство ответственности зиждется на неискоренимой, всеобъемлющей любви старообрядчества к своей стране, на чувстве патриотизма. И да будет ведомо, что многомиллионное старообрядчество, сельское и городское, имущее и маломощное в этом чувстве любви к родине, в этом чувстве патриотизма — едино. Оно и повелевает нам в настоящую грозную годину исполнить долг свой перед родиной и указать, в чем мы зрим главную для страны опасность и где из этой опасности выход. Опасность эта, так называемый «интернационализм», который, при совокупности всех условий настоящего положения России, значит — нелюбовь к родине, равнодушие к ее судьбе, возможность оправдания всякой трусости и даже предательства, полное попрание интересов всех ее классов и народностей. Старообрядчество не ошибается в оценке отношения всего народа к отечеству. Поведав о себе, оно, озирая всю необъятную Россию, видит и знает, что великие миллионы русского крестьянства и казачества — патриотичны, что в целом патриотичны армия и флот, патриотичны люди церкви, люди науки и знания, люди труда, промышленности, торговли и землевладения... Куда ни направить взор, везде сердца, горящие болью за отечество, везде глаза, ждущие призыва, отверстые и трепетные души. И рядом с этим святым чувством всенародным пришло и стало чуждое России веяние. Оно стало и призывает Россию забыть, как патриотичны просвещеннейшие страны, наши союзники, и забыть, что самая патриотическая страна в мире, соединяющая все классы населения единым чувством родины, — прославляемая этим веянием наш враг Германия. И среди всех этих отдельных стран, любящих каждая свою историю, свою культуру и свои духовные ценности, среди будущего международного их единения, основанного на чувстве взаимного уважения, этим течением готовится для России в будущем положение какого-то мирового отверженца.

Старообрядчество не преувеличивает силы или распространенности по Руси того, что именует себя ныне у нас «интернационализмом» и не в этом считает его опасностью, а зрит опасность в том, что это веяние при новом строе стало в числе других браздою правления, направляющей государство совершенно по иному пути, чем путь патриотизма. От этого в стране создалось пагубное колебание, отсутствие единства цели, разбилось напряжение патриотического подъема, змеиным шипением прошел призыв к забвению родины. И источник живого духа, готовый оживить страну, закрыт каменной бездушной глыбой «интернационализма». Страна великого духа, страна исторического самопожертвования становится пустыней духовной. И вы, ныне правители государства, к вам наше патриотическое обращение. Из ваших воззваний здесь явствовать стало, что для правительства, как всегда для глубин народных, патриотизм стал единственным путем

спасения государста. Памятуйте же, что доколе между вами и живым духом страны будет стоять каменная стена «интернационализма», дотоле все ваши призывы будут тщетны и бесплодны. Сильной рукой разбейте эту духовную стену, откройте широкий и свободный путь патриотизму, а остальное... с божией помощью приложится нам.

Председатель. Слово принадлежит старообрядцу Сироткину.

Сироткин. Граждане. После декларации от всего старообрядчества, позвольте занять ваше внимание на несколько минут вопросами, тесно связанными с настоящим политическим положением нашей страны. Старообрядчество, поселившееся вольно и невольно на Севере, вместе с другим населением испытывает голод: по климатическим, почвенным условиям в губерниях от центра России на север и прилегающих к столицам хватает своего урожая хлеба до Рождества, а в лучших случаях — до масленицы. Остальное время население питается привозным покупным хлебом. Ежегодно в распределительные пункты Севера подвозилось по рекам Волжского бассейна около 120 миллионов пудов сырых хлебов. В прошлую навигацию было вывезено до 1 августа к Рыбинску 44 миллиона пудов; в текущую навигацию к Рыбинску вывезено всего 12 миллионов пудов, т. е. $^1/_{10}$ часть всех нужных запасов. В прошлом году недовезенная часть водой довозилась по железным дорогам. В текущую зиму нет никакой надежды довезти это количество по железным дорогам по известным вам причинам. Часть завоза водой уходит в Финляндию. По самому скромному подсчету, нужно завезти по распределительным пунктам водой для Севера и средних от центра губерний около 30 миллионов пудов сырых хлебов.

Обращаюсь в настоящем Государственном Совещании к Временному Правительству с горячим призывом, не найдет ли оно возможным срочно собрать нужный для Севера хлеб и организовать вывоз его водой, ибо осталось навигационного времени всего полтора месяца. Не только каждый день, но каждый час промедления в заготовке хлебов вызывает неисчислимые жертвы. Конечно, первые пострадают самые слабые: женщины и дети. Во имя их спасения мы должны принять сверхчеловеческие меры, чтобы заготовить этот хлеб. При правильном распределении хлебов, Россия не помрет с голоду; впроголодь хватит ей своего хлеба провести этот тяжелый год. Если полуголодная петроградская толпа ускорила историю освобождения России, то голодная толпа может в своем стихийном движении за спасение жизни растоптать полученную нами давножданную свободу, и воцарится опять прежняя духовная и материальная нищета.

Председатель. Слово принадлежит представителю от евангельских христиан Проханову.

Проханов. Братья, граждане! Я являюсь представителем новой демократической религиозной России, представителем организации свободных народных

религиозных общин, объединенных во «Всероссийский союз евангельских христиан», являющихся результатом глубокого народного религиозного движения. До дней революции, у нас, в России, было два свободных движения: одно, — чисто политическое, а другое—чисто религиозное. Политическое движение завершилось революцией, а религиозное народное движение имеет своей целью достичь реформации в религиозной жизни нашего народа, реформации не в смысле приставления новой заплаты к ветхой одежде, а в смысле духовного возрождения народа и коренного преобразования церкви на началах евангелия и по образцу первых веков. Деятели первого движения были активны в области политики и пассивны в отношении религии, деятели второго, наоборот, были пассивны в отношении политики и активны в области религии. Как то, так и другое движение встречало самое упорное сопротивление со стороны старой власти. Мы знаем, какие страшные жертвы должны были принести борцы за политическую свободу. Но мне известно, какие преследования и гонения выпали на долю борцов за свободу совести. Люди, искавшие истины в евангелии, принявшие его руководство и основание для переустройства их личной, семейной и общественной жизни, такие люди предавались суду, подвергались разгрому, истязаниям, тюремным заключениям, ссылались в Сибирь и т. п.

Когда-нибудь историк займется этим вопросом, исследует и опишет его, что сделала старая власть в направлении угашения религиозной совести народа, и тогда мы будем иметь нашу русскую страшную мартирологию. Я вспоминаю об этом не с чувством вражды или неприязни, ибо это все со стороны тех, кто страдал, уже давно покрыто христовой любовью и чувством прощения в отношении гонителей. Я говорю это только для того, чтобы ознакомить хотя отчасти Государственное Совещание с теми, кем я сюда послан. В ответ на главный вопрос, поставленный перед лицом Государственного Совещания: что нужно для спасения родины и свободы, — я сделаю следующее заявление от имени Всероссийского союза евангельских христиан:

«Приветствуя мужественное решение Временного Правительства сказать всю правду стране на Государственном Совещании и признавая, что для ближайшего спасения родины и свободы в этот страшный час от надвинувшейся с запада грозы прусского милитаризма и внутренних опасностей анархии и контрреволюции, для доведения целой и неразделенной страны до Учредительного Собрания и укрепления в России навсегда строя народовластия необходима твердая и сильная власть, опирающаяся на нравственную силу поддержку и доверие всех организованных живых сил страны, необходимы: оздоровление армии, упрочение дисциплины и порядка в стране, упорядочение транспорта, финансов, продовольствия, промышленности и другие решительные политические и социально-экономические мероприятия. Всероссийский союз евангельских христиан полагает, что главное средство, без которого

означенная система мер успеха иметь не может, заключается в психологическом факторе веры в материальные и духовные ресурсы страны и в великое провиденциальное назначение России,—веры, которою должно проникнуться Государственное Совещание, которую оно должно выразить в виде общей, хотя бы краткой, декларации и которою каждый участник Совещания должен почесть своим долгом вдохновлять членов своего кружка, группы, партии или класса; что только такая вера, если она воспламенит все части населения, может придать силу указанным мероприятиям и открыть неиссякаемый источник энергии, воли к труду, готовности к взаимным уступкам, к подчинению частного общему, к жертвам и героическим подвигам и произвести согласие, сотрудничество и спайку всех членов в одном порыве к спасению родины и свободы в настоящий грозный момент. Для спасения России в самом широком смысле, обеспечения ее процветания в будущем, необходимо помимо всех политических и социально-экономических реформ самое широкое умственное и нравственное просвещение народа; необходимо законодательство, которое благоприятствовало бы всему, что содействует укреплению и развитию чувства нравственного долга в народе и, прежде всего, религии в чистом и общем смысле, и в частности: 1) раскрепощение государственной церкви, реформации ее в смысле возрождения духовного мира и демократизации ее строя, отделение ее от государства, освобождение ее от подавляющего влияния иерархии и церковного бюрократизма, восстановление первобытной поместной церкви, как самостоятельного общества верующих и т. п.; 2) утверждение свободы совести в полном ее объеме, действительное уравнение перед законом всех религий и церквей и вероисповеданий и обеспечение полной свободы религиозных собраний, съездов, союзов и религиозной проповеди, полной свободы перехода из одного вероисповедания в другое, укрепление свободных религиозных народных общин, уже восстановивших на местах церковь по образцу первобытных христианских общин на началах свободы, равенства и братства и положивших в основу своей жизни евангелие, облегчение образования и регистрации таких общин и т. п.; 3) возникновение обществ и организаций, имеющих своею целью распространение евангелия и этических начал в народе и популяризация великих заветов Христа, а также всяких начинаний личных и общественных, направленных к борьбе с алкоголизмом и другими народными пороками».

По осуществлении этой программы, Россия превратится в дом, утвержденный на скале, которого никакие ветры и бури не поколеблют и в котором не будет ни раба, ни обездоленного, и будут только свободные и счастливые граждане.

Граждане и братья! Нам нужна вера. Вы знаете изречение: «Если мы теряем деньги, мы ничего не теряем, если мы теряем время, мы теряем кое-что, но если мы теряем дух, теряем мужество, то мы теряем все». И если мы обретаем дух и мужество, мы приобретаем все. Я призываю всех к вере, но не к вере фанатической, а к вере, которая имеет свои реальные основания. Эти основания вы най-

дсте в теперешних ресурсах нашей страны. Я убежден,что в России имеется достаточно материальных ресурсов в настоящее время, хотя мы и говорим о недостатках в том или другом отношении. Я убежден, что Россия имеет неисчерпаемые духовные ресурсы. Россия, которая выдвинула в критические моменты своей истории таких людей, как Гостомысл, Минин, Пожарский, как Петр Великий, как Герцен, как ныне живущие великие деятели революции, которых мы отчасти видим здесь, — эта Россия таит в себе источник великих духовных сил, и это должно служить для нас основанием нашей веры... Для тех, кто склонен принять веру в чистом ее значении, я напоминаю то, что говорит Толстой...

П р е д с е д а т е л ь. Ваше время истекло.

П р о х а н о в. ...который говорит в своей эпопее «Война и мир», что Россия из неудач вышла в то время победоносной только потому, что она верила не в видимые средства, а верила в невидимую волю. И я призываю всех поверить в эту невидимую волю, и Россия будет спасена. (А п л о д и с м е н т ы.)

П р е д с е д а т е л ь. Представитель областных организаций и Совета казачьих войск Каледин.

К а л е д и н. Выслушав сообщение Временного Правительства о тяжком положении русского государства, казачество, в лице представителей всех двенадцати казачьих войск: Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Яицкого, Астраханского, Сибирского, Амурского, Забайкальского, Семиреченского, Енисейского и Уссурийского, — казачество, стоя на общенациональной государственной точке зрения и отмечая с глубокой скорбью существующий ныне в нашей внутренней государственной политике перевес частных, классовых и партийных интересов над общими, приветствует решимость Временного Правительства освободиться, наконец, в деле государственного управления и строительства от давления партийных и классовых организаций ([в о з г л а с ы:] «Браво», а п л о д и с м е н т ы), вместе с другими причинами приведших страну на край гибели. (Г о л о с: «Верно».)

Казачество, не знавшее крепостного права, искони свободное, независимое, пользовавшееся и раньше широким самоуправлением, всегда осуществлявшее в среде своей равенство и братство [30]), не опьянело от свободы. Получив ее вновь, вернув то, что было отнято царским правительством, казачество, крепкое здравым своим смыслом, проникнутое здоровыми государственными началами, спокойно *), с достоинством приняло свободу и сразу воплотило ее в жизнь, создав в первые дни революции демократически избранное войсковое правительство и сочетав свободу с порядком. Казачество с гордостью заявляет, что полки его не знали дезертиров (а п л о д и с м е н т ы, [в о з г л а с ы:] «Браво»), что они сохранили свой крепкий строй, и в этом крепком свободном строю защищают и впредь будут защищать многострадальную отчизну и свободу. (А п л о д и с м е н т ы.)

---

*) *В подлиннике:* свободно; *исправлено по газетным отчетам.*

Служа верой и правдой новому строю, кровью запечатлев преданность порядку, спасению родины и армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы на него, обвинения в реакции и контрреволюции, казачество заявляет, что в минуту смертельной опасности для родины, когда многие войсковые части, покрыв себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством. Вместе с тем казачество отмечает, что это обвинение в контрреволюционности было брошено именно после того, как казачьи полки, спасая революционное правительство, по призыву министров-социалистов 3 июля вышли решительно, как всегда, с оружием в руках для защиты государства от анархии и предательства. (Возгласы: «Правильно», аплодисменты справа.)

Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов, предъявления к правительству неисполнимых требований, преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан, не грубого нарушения свободы слова, печати и собраний, казачество отбрасывает упреки в контрреволюционности. Казачество не знает ни трусов, ни измены и стремится установить действительные гарантии свободы и порядка. С глубокой скорбью отмечая общее расстройство народного организма, расстройство в тылу и на фронте, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительство в деле расхищения государственной власти безответственными организациями как в центре, так и внутри на местах, отмечая центробежное стремление групп и национальностей, грозное падение производительности труда, потрясение финансов, промышленности и транспорта, казачество призывает все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения родины и укрепления демократического республиканского строя. (Аплодисменты на всех скамьях, возгласы: «Браво».) В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение родины требует прежде всего доведения войны до победного конца (возгласы: «Браво», аплодисменты справа) в полном единении с нашими союзниками. (Возгласы: «Браво», аплодисменты справа*). Этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны и, следовательно, всю деятельность Временного Правительства. Только при этом условии правительство встретит полную поддержку казачества. (Аплодисменты справа, возгласы: «Правильно».) Пораженцам не должно

---

*) *В «Русском Слове» далее следует:* Демонстративно аплодирует Е. К. Брешко-Брешковская.

быть места в правительстве. (Бурные аплодисменты справа *), возгласы: «Верно», «Браво».)

Для спасения родины мы намечаем следующие главнейшие меры: 1) армия должна быть вне политики (аплодисменты справа, возгласы: «Браво»), полное запрещение митингов, собраний (возгласы справа: «Правильно»), с их партийной борьбой и распрями; 2) все Советы и комитеты должны быть упразднены (шум слева, аплодисменты справа, возгласы: «Правильно» **) как в армии, так и в тылу (возгласы справа: «Правильно», «Браво», шум слева), кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распорядков ***) (аплодисменты справа, возгласы: «Правильно», «Браво»); 3) декларация прав солдата должна быть пересмотрена (аплодисменты справа, возгласы: «Правильно»; шум слева) и дополнена декларацией его обязанностей (возгласы: «Браво», «Верно», аплодисменты); 4) дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами (шум, возгласы справа: «Правильно»); 5) тыл и фронт — единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу (возгласы: «Правильно», «Браво»); 6) дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены (возгласы справа: «Браво, правильно», бурные аплодисменты; шум и свист слева), вождям армии должна быть предоставлена полная мощь. (Возгласы справа: «Правильно», аплодисменты.)

В грозный час тяжких испытаний на фронте и полного развала от внутренней политической и экономической разрухи страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных и умелых руках (возгласы справа: «Браво, браво») лиц, не связанных узко-партийными групповыми программами (возгласы справа: «Правильно», аплодисменты), свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и Советы (аплодисменты справа, возгласы: «Правильно»), отдающие себе ясный отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп. (Возгласы справа: «Браво», бурные

---

*) *В «Русском Слове» далее следует:* Шиканье слева. Все взоры устремлены на Чернова, низко склонившегося над столом.

**) *По «Русскому Слову»:* сильное движение на левой; возгласы: «это контрреволюция»; звонок председателя.

***) *В «Русском Слове» далее следует:* «Караулов с места: «совершенно правильно».

аплодисменты.) Власть должна быть едина в центре и на местах. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и Советами должен быть немедленно и резко поставлен предел *). (Возгласы: «Правильно».) Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше. В области государственного хозяйства необходима строжайшая экономия, во всех областях государственной жизни планомерно, строго и неумолимо проведенная до конца. Должно быть немедленно приступлено к разработке и проведению в жизнь закона о трудовой повинности, безотлагательно ввести нормировку заработной платы и прибыли предпринимателей; безотлагательно привести в соответствие цены на сельскохозяйственную и фабрично-заводскую промышленность; принять самые строгие и самые действительные меры к прекращению подрыва производительности сельскохозяйственной промышленности, чрезвычайно страдающей от самочинных действий отдельных лиц и всевозможных комитетов, нарушающих твердый порядок землепользования и в арендных отношениях **).

В заключение мы не можем не остановиться перед предстоящим государству величайшим событием, на которое весь русский народ смотрит, как на свою конечную надежду получить для нашей многострадальной родины прочные и твердые основы новой государственной жизни.

Мы говорим об Учредительном Собрании. Мы требуем, чтобы во всей подготовительной обстановке и течении самих выборов в Учредительное Собрание Временное Правительство приняло бы все меры, обеспечивающие правильность и закономерность выборов на всем пространстве земли русской. Мы полагаем, что местом созыва Учредительного Собрания должна быть Москва (аплодисменты), как по своему историческому значению и центральному положению, так и в интересах спокойной и планомерной работы Учредительного Собрания. Мы обращаемся, наконец, к Временному Правительству с призывом, чтобы в тяжкой борьбе, ведущейся Россией за свое существование, Временное Правительство использовало бы весь народ государства Российского, все жизненные народные силы всех классов населения и чтобы в самом своем составе Временное Правительство подчинилось бы необходимости дать России в эти тяжкие дни все, что может дать наша родина по части энергии, знания, опыта, таланта, честности, любви и преданности интересам отечества. Время слов прошло, терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения родины. (Бурные, долго не прекращающиеся аплодисменты ***).

---

*) *В «Русском Слове» далее следует:* Бурные протесты на левой. Слышны возгласы: «Долой»!, «Контрреволюционер!» Шумные аплодисменты справа.

**) *В подлиннике:* и в арендном отношении.

***) *В «Русском Слове» далее следует:* Генерал Каледин покидает трибуну при неслыханном волнении в зале. Правая и часть центра бурно рукоплещут. На

Председатель. Я предлагаю собранию решительно воздержаться впредь от каких бы то ни было оскорбительных восклицаний или знаков при речах того или другого оратора. Собрание должно знать, что Временное Правительство желает выслушать совершенно свободно и до конца откровенное мнение всех здесь присутствующих и имеет на это достаточно спокойствия и преданности только родине. Но прошу также присутствующих помнить, что мы призвали вас и что не подобает в настоящем собрании кому бы то ни было обращаться с требованием к правительству настоящего состава *). (Бурные аплодисменты. Голос: «Мы на роли статистов у правительства». Голос: «Это—Пуришкевич» **).

Чхеидзе. (Встречен бурными продолжительными аплодисментами на скамьях левых. При появлении на трибуне возгласы: «Да здравствует вождь русской революции», аплодисменты). Граждане. Несмотря на то, что только что была провозглашена необходимость немедленного упразднения демократических организаций, каковыми являются Ц. И. К. Советов Р. и С. Д. и И. К. [Совета] Кр. Д., я свое слово должен начать ссылкой на эти учреждения. Итак, от Ц. И. К. Советов Р. и С. Д., от И. К. Совета Кр. Д., от Исполнительного Комитета объединенных общественных организаций, от кооперативных организаций, от председателей продовольственных комитетов, членов Государственного Совещания, от представителей фронтовых и армейских организаций и солдатской секции Ц. И. К. Советов Р. и С. Д., от Центрального Комитета Всероссийского союза увечных воинов, от Исполнительного Комитета петроградского союза увечных воинов, от представителей ***) Всероссийского союза земских рабочих, от Центрального союза служащих правительственных, общественных и частных учреждений, от Всероссийского железнодорожного учредительного съезда и большинства представителей городских самоуправлений, я имею честь сделать следующее заявление ****):

«Дни грозной, почти смертельной опасности переживает Россия. Вражеские войска вторгаются в глубь страны. Армия отступает. Финансы страны подорваны. Железные дороги находятся в полном расстройстве. Промышленность разрушается и не удовлетворяет потребностям ни армии, ни населения. На города надвигается голод. И в то же время явления разложения в армии

левой возгласы протеста и возмущения. Волнение долго не утихает. Поднимается А. Ф. Керенский. Левая встает как один человек и устраивает министру-председателю бурную овацию.

*) *В «Русском Слове» далее следует:* Бурные и нескончаемые аплодисменты на левой. Представители Советов встают со своих мест и устраивают министру-председателю грандиозную овацию.

**) *Далее по рукописному тексту.*

***) *Далее по машинописному тексту.*

****) Текст декларации исправлен по тексту, опубликованному в «Известиях Московского Совета».

и анархические вспышки в стране показывают, что неудовлетворенность народных масс, измученных трехлетней войной, грозит вылиться в форму, подвергающую опасности самое существование государства. И все явные и скрытые враги революции жадно пользуются всеми несчастиями на фронте, всеми затруднениями и смутой внутри страны, чтобы ценой гибели России купить свое собственное благополучие и вернуть великую революционную страну к порядкам, приведшим ее на край гибели и единодушно осужденным народом.

В это грозное и тяжелое время перед лицом всей России объединившиеся организации революционной демократии еще раз свидетельствуют свою непоколебимую решимость не останавливаться ни перед какими усилиями и ни перед какими жертвами, чтобы спасти страну и спасти революцию. С самого возникновения своего эти организации поставили себе целью объединение всех живых сил страны для выполнения тех великих задач, которые выдвинула перед Россией революция, и для борьбы с тем гниением и разложением, которыми заразил все части народного организма трупный яд самодержавия. В лице своих Советов Р., Кр. и С. Д. революционная демократия не стремилась к власти, не искала монополии для себя. Она была готова поддерживать всякую власть, способную охранять интересы страны и революции. В хаосе разрушения она стремилась организовать и дисциплинировать народные массы для государственного творчества, направлять стихийное движение народа-гиганта, сбрасывающего вековые цепи, в русло планомерности работ над восстановлением боеспособности армии, до самого основания разъеденной старыми порядками, организовать народное хозяйство и всегда и во всем интересы целого, интересы страны и революции ставить выше интересов отдельных классов или групп населения.

При тех бесчисленных затруднениях, через которые приходится пробиваться революционной России, при тех невыносимых тяготах, от которых хотят освободиться народные массы, при том отсутствии навыков к организованной деятельности, которое воспитано в народе вековым рабством, и при том противодействии, которое работа революционной демократии встречала со стороны всех защитников привилегий и своекорыстия, не все еще сделано, что нужно, и не все сделано так, как нужно. Если в явлениях разложения армии и в анархических вспышках еще сказывается гибельное наследие старого режима и грозный призрак непобежденной анархии, то все же, окидывая взглядом истекшие пять месяцев революции, когда переустройство огромной страны совершается под обстрелом врагов, мы можем смело сказать: только благодаря организациям революционной демократии сохранился творческий дух революции, спасающий страну от распада и власти анархии, и только при ее деятельном участии возможно возрождение армии, возрождение страны, спасение России и революции. Демократия неотделима от революционной страны.

В неслыханных испытаниях, обрушившихся на Россию, только самодеятельностью и сознательностью народа может быть спасена страна, уже дышавшая живительным воздухом свободы. И только власть, опирающаяся на силы многомиллионного народа, сосредоточенная в его бесчисленных организациях, способна вывести страну из трагического положения, способна справиться с натиском внешних и внутренних врагов. В этих условиях всякая попытка разрушить демократические организации, подорвать их значение, вырыть пропасть между ними и властью и сделать власть орудием в руках привилегированных и имущих есть не только измена делу революции, — это есть прямое предательство родины, которая погибнет в тот самый день, когда на страже ее не будут стоять сознательные, дисциплинированные, самодеятельные и организованные массы трудящегося народа. Требуя от власти более решительного и последовательного проведения в жизнь программы 8 июля, революционная демократия защищает не исключительные интересы каких-либо отдельных классов или групп, а общие интересы страны и революции.

Программа 8 июля не есть исключительно программа демократических классов, — она не выражает всей полноты их требований. Эта программа есть не что иное, как развитие программы 6 мая, на почве которой создалась коалиция и которая включила в себя лишь то, без осуществления чего не может быть и речи ни об организации обороны страны, ни о поднятии уровня народного хозяйства, ни о политическом устроении России, ни об охранении завоеваний революции.

В дни, когда самому существованию революционного государства угрожает вражеское нашествие, демократия требует от всех граждан и от правительства напряжения всех усилий для организации обороны страны от военного разгрома. Правительство должно помнить, что, только опираясь на деятельное участие демократических организаций в тылу и на фронте, оно сможет выполнить эту огромную задачу *). Оно должно внушить эту мысль всему командному составу и должно пресекать всякие попытки, под предлогом организации обороны, вернуться к порядкам, разлагающим армию и неизбежно ведущим к поражению и предательству родины. Оно должно требовать от военных властей безусловного подчинения себе, как носителю верховной власти государства.

Правительство должно помнить, что энергичное продолжение внешней политики в духе отказа от всех империалистических целей и стремление к скорейшему достижению всеобщего мира на демократических началах явится могучим оружием поднятия боеспособности армии и обороны страны. Отчетливое сознание, что достижение этого мира, столь необходимого для возрождения страны, является един-

---

*) *В «Русском Слове» далее следует:* Шумные аплодисменты. Левая встает, как один человек, и устраивает бурную овацию фронтовой делегации.

ственной целью политики правительства, даст революционной армии, проливающей свою кровь, бодрость духа, энтузиазм и готовность к великому самопожертвованию.

Правительство должно помнить, что скорейшая организация тыла страны, упорядочение хозяйственной жизни ее повелительно требуются интересами обороны. В годину, когда ручьями льется народная кровь и расточается народное достояние, и демократия готова на всякие жертвы для спасения страны и революции, — перед высшими интересами страны должны склониться и интересы привилегированных и имущих, для которых в течение трех лет самые бедствия войны служили источником безмерного обогащения.

Исходя из всего вышеизложенного, объединенная революционная демократия признает, что жизненные интересы страны и революции настоятельно требуют непреложного применения следующих мер:

I. В области продовольственного вопроса и снабжения. Считая обеспечение армии и населения продовольствием одной из важнейших задач и признавая необходимость единой и целостной политики правительства в деле продовольствия и снабжения, мы полагаем: 1) монополия на хлеб и твердые цены на продукты сельского хозяйства должны оставаться неизменными, несмотря на жертвы, возлагаемые этим на крестьянство; возврат к свободной торговле или хотя бы колебание цен на сельскохозяйственные продукты при настоящих условиях были бы гибельны для страны и привели бы к неминуемому распаду экономической жизни; 2) с другой стороны, такой способ обеспечения армии и населения продовольствием настоятельно требует системы мер к действительному снабжению массового сельского населения произведениями промышленности, поскольку это возможно при современном ее состоянии. При этом необходимо установление твердых цен и на все основные предметы промышленности, а также регулировка заработной платы. Только при этом условии твердые цены на хлеб не будут разрушать крестьянского хозяйства, в особенности в эпоху падения ценности рубля; 3) успешное проведение мер по продовольственной политике и по снабжению населения продуктами промышленности немыслимо без самого широкого участия как в заготовке, так и в распределении продуктов сельского хозяйства и промышленности всех видов кооперации, под общим руководством государственных продовольственных органов; 4) на ряду с широким привлечением кооперации к делу продовольствия и снабжения, нужно использовать в меру возможности и необходимости весь еще оставшийся частный торговый аппарат, так как привлечение его к работе по продовольствию под особо строгим контролем продовольственных органов диктуется государственной пользой и предупреждает развитие спекуляции.

II. В области торгово-промышленной. 1) Задачи обороны страны и организации снабжения повелительно диктуют самые решительные

меры к урегулированию транспорта и поднятию производительности промышленности; 2) поднятие производительности требует, прежде всего, со стороны государства установления контроля над производством и деятельного вмешательства в руководство предприятиями, вплоть до государственного синдицирования и трестирования и введения монополий; 3) такой контроль над производством и регулирование промышленности в действительных интересах страны, а не в интересах отдельных групп, возможны лишь при широком участии демократических организаций; 4) немедленное осуществление такого регулирования промышленности является главным условием поднятия ее производительности, падение которой объясняется низким техническим оборудованием, крайней изношенностью орудий производства, расстройством транспорта и снабжения сырьем, резким ухудшением питания рабочих, изменением состава рабочих, вследствие ряда мобилизаций, и нередко промышленников; 5) поскольку же падение производительности может быть отнесено на счет нерадения рабочих и проявления несознательности рабочих масс, рабочие организации с еще большей энергией будут продолжать борьбу с этими проявлениями несознательности, способствующими усилению общей разрухи и тем подвергающими опасности дело революции; 6) правительство не должно приостанавливать проведения в жизнь программы неотложных мероприятий по охране труда, способствующих поднятию его производительности. Вместе с тем, необходимо создание сети бирж труда для учета и распределения рабочих сил, создание сети примирительных камер и неуклонное охранение права коалиции для рабочих всех отраслей труда. С своей же стороны, рабочие организации должны активно стремиться к усилению производительности труда в интересах спасения страны и революции. С этой целью они должны: а) установить повсюду в предприятиях, соответственно техническим условиям каждого предприятия, минимум выработки; б) строго наблюдать за соблюдением восьмичасового рабочего дня, с допущением сверхурочных работ в тех случаях, когда того требуют, при отсутствии безработных в данной отрасли промышленности, интересы обороны страны и революции; в) всемерно содействовать улажению конфликтов путем примирительного разбирательства, прибегая к стачке лишь после исчерпания всех других средств в разрешении конфликтов; вместе с тем, рабочие организации, решительно осуждая насилия над членами фабрично-заводской администрации, должны добиваться передачи в примирительные камеры всех конфликтов между рабочими и административно-техническим персоналом; г) рабочие организации должны стремиться всеми силами к заключению тарифных коллективных договоров, как непременного условия нормальной работы предприятий; 7) вышеуказанное регулирование производства, снабжения и установка твердых цен должны сопровождаться регулировкой взаимных отношений между трудом и капиталом, заработной платы и рабочего дня, а также, в случае надобности, введением трудовой повинности, которая должна распространяться на все

классы населения, служить исключительно интересам страны и ни в коем случае не принимать форм милитаризации труда, способной в конец разрушить народное хозяйство; 8) напрягая силы для обеспечения интересов обороны, правительство должно в то же время принять подготовительные меры для постепенной и безболезненной демобилизации народного хозяйства и для уменьшения бедствий от неизбежной и катастрофической безработицы. В частности, должен быть теперь же выработан план общественных работ, имеющих задачею восстановление хозяйств, разрушенных войной.

III. В области финансовой. 1) Необходимо, на ряду с проведением в жизнь без всяких урезок и ограничений последних законов Временного Правительства о подоходном налоге и налоге на военную прибыль, проведение также реформы наследственного обложения, налога на прирост ценностей и налогов на предметы роскоши; 2) рядом с этим, для предотвращения финансовой катастрофы безусловно необходимо проведение в ближайшую очередь исключительной меры — установления высокого единовременного поимущественного налога, как единого важнейшего источника покрытия чрезвычайных расходов государства; 3) в той мере, в какой обложение имущих классов и займы окажутся недостаточными для покрытия чрезвычайных нужд государства, необходимо повышение существующих налогов на предметы массового потребления и установление новых, при чем оно должно осуществляться преимущественно в виде финансовых монополий с широким привлечением кооперативов и других общественных организаций к распределению продуктов монополий; 4) для успешного проведения в жизнь всех налоговых преобразований необходимо переустройство всех приемов налоговой оценки, органов взимания налогов и проведение в жизнь широких контрольных мер, не дающих кому-либо возможности уклониться от правильного платежа налогов; 5) в отношении займа должны быть применены государством решительные меры принудительного размещения его; 6) рядом со всеми этими финансовыми мероприятиями выпуск кредитных билетов может быть замедлен и сведен до минимума установлением твердых цен на все важнейшие продукты и нормированием прибыли и заработной платы в связи с общим регулированием всей экономической жизни страны, а также строгой экономией в расходах государственного казначейства с устранением всех непроизводительных расходов; 7) в целях усиления ресурсов государственного казначейства необходимо проведение ряда мер по привлечению средств в кассы Государственного банка, который должен быть преобразован. Чрезвычайно важное привлечение вкладов от широких слоев населения лучше всего может быть осуществлено при содействии кредитных ссудо-сберегательных товариществ и других кооперативных учреждений и их союзов; 8) частные кредитные учреждения должны быть подчинены строгому контролю, чтобы их политика не шла в разрез с интересами государства; 9) со своей стороны, объединенная демократия считает необходимым приложить все усилия к поддержке

финансовых мероприятий правительства в деле успешного взимания налогов и размещения займа свободы.

IV. По земельному вопросу. Так как до революции землепользование не регулировалось точным законодательством и определялось при поддержке царского правительства интересами имущих классов, то с падением старой власти поземельные отношения оказались совершенно неурегулированными законом. Справедливое стремление трудового крестьянства к удовлетворению своей земельной нужды приняло поэтому в ряде местностей бессистемные формы все растущего стихийного движения, которое в одних случаях, осложняя поземельные отношения, вызывает столкновения, недоразумения и споры из-за земли, в других случаях — создает затруднения в деле организации снабжения страны продуктами первой необходимости и, наконец, ставит препятствия планомерному решению земельного вопроса в Учредительном Собрании. Поэтому необходимо энергичное, целесообразное и планомерное урегулирование земельных отношений. В основу такого урегулирования в настоящее переходное время до Учредительного Собрания должны быть положены следующие основные принципы: 1) необходимо отвергнуть всякие захваты чьих-либо земель (аплодисменты) как отдельными лицами, так и группами лиц или обществами; 2) непосредственное упорядочение поземельных отношений должно быть возложено на местные земельные комитеты, в ведение которых должны, без нарушения существующих форм землевладения, перейти земли сельскохозяйственного назначения для наиболее полного использования их в целях спасения народного хозяйства от окончательной разрухи; 3) с этой целью необходимо немедленное издание центральной властью законов и инструкций, точно определяющих права и обязанности земельных комитетов (аплодисменты), а также и формы их деятельности, при чем означенные законы и инструкции должны всемерно ограждать как интересы земледельческого населения в отношении землевладения, так и интересы продовольственного дела и сельскохозяйственного производства в целом. (Продолжительные аплодисменты.)

V. По вопросу об организации армии. Считая, что в настоящий момент от возрождения сил армии зависит спасение страны и революции, демократия настаивает на осуществлении в этой области следующих мер: 1) должны быть точно и определенно разграничены права и обязанности командного состава, комиссаров и армейских организаций: а) командному составу должна быть предоставлена полная самостоятельность в области оперативной и боевой деятельности и решающее значение в области строевой и боевой подготовки; б) комиссары должны быть проводниками единой революционной политики Временного Правительства и органом, стоящим на страже революционной законности в армии. Деятельность комиссаров должна быть поставлена в тесную связь с армейскими организациями; в) армейские комитеты, являясь органами солдатских масс

и руководителями общественно-политической жизни этих масс, должны получить законодательное закрепление своих прав, органически вытекающих из их действительной роли в жизни армии; 2) чрезвычайные меры революционного воздействия, вводимые в исключительных обстоятельствах, должны быть проводимы только в согласии с комиссариатом и ни в коем случае не должны распространяться на здоровые элементы армии; увлечение и злоупотребление системой принуждения и репрессий разрушает боевой дух и боевую мощь армии. Поэтому же недопустимо и восстановление дисциплинарной единоличной власти начальников. В целях поднятия авторитета командного состава необходимо удаление с командных постов лиц, явно проявивших себя как контрреволюционеры, и замещение этих постов лицами, выдвинувшимися из состава рядового офицерства, в большинстве своем стойко и самоотверженно переносящего вместе с солдатской массой все тяготы войны (бурные аплодисменты; солдатская секция—левое крыло—стоя приветствует товарищей офицеров, членов фронтовых комитетов); 3) должна быть усилена работа тыла по удовлетворению нужд солдатской массы. При этом необходимо признать обязанностью государства и общества оказание всесторонней помощи увечным воинам и их семьям и более полное, в пределах финансовой возможности, обеспечение семей всех призванных на войну.

VI. В области местного самоуправления и управления. 1) Скорейшая организация местных самоуправлений и управлений является необходимой как в интересах укрепления революционного порядка, так и в интересах планомерного проведения в жизнь некоторых мероприятий Временного Правительства; 2) органы местного самоуправления, избранные на основе всеобщего избирательного права, должны выполнять функции местного государственного управления, при чем им не должны противостоять какие-либо иные органы местного самоуправления. Представителю же центральной власти должен быть предоставлен надзор за законностью действий местных самоуправлений; 3) в соответствии с этим, необходима срочная переработка и взаимное согласование положений городового, земского, о милиции и расширении компетенции местного самоуправления в вопросах общественного порядка и безопасности, финансов, рабочего законодательства и т. д.; 4) комиссары Временного Правительства, избираемые на местах и утверждаемые в центре, являются органами административного управления исключительно на переходное революционное время; 5) с момента выборов органов местного самоуправления полномочия исполнительного комитета общественных организаций в соответствующей области прекращаются.

VII. По национальному вопросу. В трудное и ответственное дело государственного строительства, которое властно требует от демократии спасения страны и революции, должны и могут быть вложены все живые творческие силы всех народов России. Могучим орудием государственного творчества

послужат эти национальные усилия народов России. Пробуждая широкие массы к организованной свободной национальной жизни, они создадут надежную опору для революционной власти. Признавая, что разрешение национальных вопросов во всем их объеме подлежит решению Учредительного Собрания и считая необходимым охранить единство революционных сил, демократия высказывается против попыток разрешения национальных вопросов явочным порядком, путем обособления от России отдельных ее частей. Но в то же время демократия настаивает на незамедлительном осуществлении правительством тех частей демократической национальной программы, которые удовлетворяют самые насущные нужды народностей, населяющих Россию, и спаивают их в единое и мощное орудие революционной государственности. В частности, демократия считает необходимым: 1) издание декларации Временного Правительства о признании за всеми народностями права на полное самоопределение, осуществляемое путем соглашения во всенародном Учредительном Собрании; 2) издание декрета о равноправии языков: предоставление гражданам всех народностей права и возможности пользоваться родным языком при осуществлении гражданских и политических прав, в школе, суде, органах самоуправления и при сношении с государственной властью и т. д.; 3) образование при Временном Правительстве совета по национальным делам, куда входили бы представители всех национальностей России, в целях как подготовки материалов по национальному вопросу для Всероссийского Учредительного Собрания, так и выработки способов регулирования самих национальных отношений и форм, предоставляющих нациям возможность разрешать вопросы своей внутренней жизни.

Таковы те задачи, скорейшее и полное осуществление которых безусловно необходимо в интересах спасения страны и революции. К их выполнению демократия зовет правительство и все общественные силы, которым действительно дорого дело революционной России. Пусть же правительство, облеченное всей полнотой власти и пользующееся поддержкой демократии, найдет в себе силы и энергиию неуклонно и последовательно итти по этому пути. В грозный час испытаний, когда требуется напряжение всех сил для обороны страны от военного разгрома, пусть не будут принесены интересы России в жертву домогательствам безответственных или своекорыстных групп. Подавляя всякие проявления анархии, пусть революционная власть беспощадно пресекает все поползновения контрреволюционнных заговорщиков, эксплоатирующих население родины для своих преступных целей. Пусть народные массы видят, что все делается для спасения страны. Пусть они знают, что власть не потерпит ни малейшего посягательства на революционные завоевания народа. Такая власть будет иметь несокрушимую опору в широких народных массах. Такой власти не страшны будут ни анархические бунты, ни контрреволюционные заговоры. (А п л о д и с м е н т ы.) К исключительным мероприятиям, которые такая власть сочтет нужным применять

в интересах утверждения революционного порядка, народ отнесется с доверием, потому что увидит в них не проявление произвола, не политическую месть, не малодушные уступки давлению каких-либо групп, а необходимость, продиктованную жизненными интересами страны и революции. Такая власть сумеет справиться со стоящими перед ней тяжелыми и ответственными задачами: обороны страны, охраны завоеваний революции, безотлагательного созыва Учредительного Собрания, которое закрепит в России демократическую республику, фактически уже провозглашенную народом». (Шумные аплодисменты. Левые депутаты и часть центра устраивают тов. Чхеидзе бурную овацию.) *)

[Председатель]. Представитель Центрального Комитета Крестьянских Депутатов Мартюшин **).

Мартюшин. С чувством глубочайшей ответственности перед родиною и завоеваниями революции выступаю я здесь. От имени Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Кр. Д. [31]) присоединяюсь к той декларации, которая была оглашена здесь. Я должен заявить, что в оценке переживаемого нами момента мы вполне сходимся с теми заявлениями, которые были сделаны Временным Правительством. И мы, вместе с тем, поскольку представляется нам это возможным, принимаем ***) все меры к тому, чтобы предотвратить, делаем все для того, чтобы миновала эта смертельная опасность, которую переживает сейчас наша страна. Я должен здесь заявить, что как та разруха на фронте, как та величайшая опасность, которая находится там, как вся та разруха хозяйственная и экономическая, которая находится здесь, в тылу ****), мы, наш Всероссийский Совет это признал в самом начале своей организации, именно в конце апреля месяца. И я вам скажу, какие меры мы считали необходимым принимать для того, чтобы предотвратить эту величайшую опасность. Но, прежде чем перейти к этим мероприятиям, я должен в нескольких словах указать на те причины, которые, по нашему мнению, породили все те последствия, от которых сейчас страдает наша родина. Мы должны сказать прежде всего, что весь наш государственный организм, все наше народное хозяйство подточено и подорвано небывалой еще во всем мире трехлетней войной. Мы должны еще сказать, что если эта война во всех странах имела колоссальные последствия, принесла громадные, неисчислимые бедствия, то мы должны здесь заявить, что у нас это сугубо в высокой степени, потому что у нас на ряду с этой войной наш государственный организм раскачивало наше самодержавие. (Аплодисменты.)

---

*) *Далее по машинописному тексту.*

**) *В подлиннике:* Мартюшев.

***) *В подлиннике:* принимать.

****) Так в подлиннике.

Вместе с тем, мы должны сказать, что в тот момент, когда этот подгнивший дуб, который еще для многих казался еще таким гигантом, который еще многие годы и, может быть, даже десятки и сотни лет должен существовать, когда этот гнилой дуб повалился, тогда страна получила тяжелое наследство как в виде той разрухи, последствия которой мы сейчас ощущаем, так точно и того положения, следствием которого у нас являются печальные события, которые имели место на фронте. Я должен сказать вам, граждане, что к числу таких тяжелых наследств, которые мы получили от царского самодержавия, относится невежество, темнота народных масс и, прежде всего, темнота трудового крестьянства. (Голоса: «Верно, правильно», аплодисменты.)

Для тех, которым, быть может, казалась наша русская революция победоносной и величественной, и [что она] может с небольшими сравнительно потерями достигнуть великих завоеваний, [я укажу, что] мы должны были заранее знать, что то тяжелое наследство должно будет сказаться, и эти противоречия должны будут развиться немедленно, в самом ближайшем будущем. И мы действительно видим, что наше трудовое крестьянство, наша крестьянская рабочая масса, которая является в громадной своей массе необразованной и неграмотной и без политических навыков, мы знаем, что эта масса, как у нас на съезде сравнивал один оратор, она была в то время, когда совершилась революция, подобно мешку с картошкой, и когда этот мешок с картошкой разорвался, тогда надо было принимать все меры к тому, чтобы эта картошка не рассыпалась в разные стороны. Мы, по нашей совести и по нашему глубокому разумению, полагали, что тем организациям рабочих, крестьянских, которые возникли, мы обязаны тем, что сейчас наша революция не разбита, и мы надеемся, что она не будет разбита.

И вот я говорю, что были приняты, насколько в силах возможно, меры, для того, чтобы доказать возможность сосредоточения, организующего начала государственного порядка в лице различных революционных организаций, в лице Советов Р., Кр. и С. Д., в лице земельных комитетов, в лице целого ряда других организаций, которые тесным кольцом опутали всю нашу страну. Мы должны вместе с тем сказать, что за такой короткий срок и при таких невероятных условиях совершенно невозможно было создать такую прочную организацию, которая могла бы спасти завоевания революции, которая могла бы без тяжких испытаний вывести нашу страну из тупика. И вот здесь мы должны сказать, что в тот момент, когда стали создаваться эти организации, когда они стали намечать различного рода мероприятия, когда они стали их проводить в жизнь, мы должны сказать, что здесь были ошибки, но ведь не ошибается тот, кто ничего не делает, и мы должны сказать словами евангелия: «Пусть невинный первый бросит в него камень». (Аплодисменты.) И вот, товарищи-граждане, я должен вам сказать, что Первый Всероссийский Съезд Кр. Д., который собрался в Петрограде в конце апреля этого года, когда он признал и тогда уже тяжелое положение, в котором нахо-

дится наша страна, он вынес целый ряд постановлений, целый ряд решений, от которых нам в настоящее время не приходится отказываться, а, наоборот, которые мы считаем своей обязанностью и сейчас проводить в жизнь. Я укажу вам, в частности, что Всероссийский Съезд Кр. Д. вынес постановление по наболевшему для всей трудовой крестьянской России вопросу, такое постановление, которое естественно вытекало из всей той мечты нашего крестьянина, всей той земельной нужды и того тяжелого положения, в котором веками находился наш русский крестьянин. Съезд провозгласил тот лозунг, под знаменем которого погибали наши лучшие борцы, погибали наши все лучшие люди, это лозунг — «земля и воля». (Шумные аплодисменты.) *)

Но, вместе с тем, этот съезд постановил, что осуществление этого пожелания, этой наболевшей нужды может быть проведено только через Учредительное Собрание. (Аплодисменты на скамьях правых.) Наш съезд не пошел по тому пути, на который его толкали, по тому пути, что сейчас же, немедленно, необходимо нужно все это осуществить, все это проводить в жизнь. Он не пошел по тому пути, который называется большевизмом, будь то справа, будь то слева. Этот большевизм в общей форме выражается в том, что отдельные группы и отдельные слои, частью по заблуждению, частью по преступности, стараются воспользоваться тяжелым моментом, в котором находится наша родина, для того, чтобы растаскать сейчас, в этот тяжелый момент, то, что представляется возможным. Мы знаем, что большевизм, это — до известной степени зараза, которая то здесь, то там вспыхивает. Трудовое крестьянство в лице своих органов не стало на этот путь. По вопросу продовольственному этот съезд вынес постановление о том, что необходима хлебная монополия, что вместе с тем необходимо установить твердые цены на предметы первой необходимости. Вместе с этим, этот съезд посвятил особое, сугубое внимание вопросам военным, вопросам обороны страны. Наш съезд вынес постановление о том, что необходимо все силы приложить к тому, чтобы наша армия была боеспособной, потому что только при этом условии мы можем осуществить как наши завоевания революции, так можем осуществить и те заветные мечты, которыми жило трудовое крестьянство. Вместе с тем, Всероссийский съезд постановил, что необходимо добиться мира справедливого, без насилия какой-либо народности, и мира, без урезывания каких-либо прав каких-либо других народностей. (Аплодисменты.)

Вместе с тем, этому первому съезду уже пришлось заняться вопросом о том, каким образом он смотрит и каким образом он считает наиболее целесообразным организацию власти. Как раз к этому моменту случился кризис правительства, как раз в это самое время создалось коалиционное правительство. И вот Совет

---

*) *В «Русском Слове» далее следует:* Весь зал встает и устраивает бурную овацию сидящей в ложе Е. К. Брешко-Брешковской и шлиссельбуржцам.

Кр. Д. занял ту позицию, которая указана в его декларации, в том, что он не стремится к власти, что он не идет за теми, может быть, группами или за теми течениями, что нужно той или иной группе взять власть в свои руки. Он не стал на эту точку зрения, он не занял этой позиции. Он признал, что является наиболее желательным для спасения страны и завоеваний революции коалиционное правительство. И вот в течение своей деятельности Совету Кр. Д. еще раз приходится снова и снова заняться этим вопросом. И Совет Кр. Д. подтвердил свое решение, которое он тогда принял, а именно, что власть Временного Правительства должна быть коалиционной, что в состав Временного Правительства должны войти не только элементы революционной демократии, не только той демократии, которая группируется вокруг Советов, но и должны туда войти и все другие группы и другие слои, которые, может быть, не во всем согласны, но которые являются вместе с тем живыми силами страны и с которыми [мы] вместе считаем необходимым спасти родину и завоевания революции. (Аплодисменты.)

Но, граждане, что здесь указывалось и на то, что эта правительственная коалиция, она должна быть честной, — я с этим совершенно согласен. Но главный залог успеха, по моему мнению, является в том, чтобы не только эта коалиция правительства была честной, но чтобы была честной та коалиция, которая поставила эту правительственную коалицию на ее место. (Аплодисменты.) Вот поэтому еще раз подтверждаю, что Совет Кр. Д. в ряду других демократических организаций не стремится к власти. Он считает совершенно невозможным в настоящее время и в настоящих условиях взять эту власть в свои руки, потому что наша страна неорганизована, потому что [существует] целый ряд элементов, которые совершенно неорганизованы, потому что здесь есть другие группы, которые не могут занять его позиции, но которые должны, обязаны вместе спасать завоевания революции. И вот я говорю, что когда нам указывают здесь на то, что эта коалиция правительства должна быть честной, на то, что [необходимо выполнить] ту программу, которую одобрило коалиционное правительство, которую признает этот орган, эти группы *), признавшие Временное Правительство, мы, вместе с тем, должны сказать, мы, вместе с тем, должны задать себе вопрос, а что делаем мы, в частности каждый в отдельности из нас, что делают эти группы, эти классы населения, чтобы все, как это сегодня здесь заявлялось неоднократно, чтобы все отдавать на алтарь нашей родины для спасения нами завоеванных прав. И мы этот вопрос должны себе поставить и мы на этот вопрос должны дать определенный ответ и ответ должны дать все те, которые здесь говорили и которые признают, что спасение родины только возможно путем объединения всех живых сил страны. (Возгласы: «Правильно».)

---

*) *Далее в подлиннике зачеркнуто:* последние туда и.

И вот, когда здесь нам говорят об ответственности, которую мы, которую наша страна будет нести перед всем миром, я с этим совершенно согласен. Я думаю, что мы должны думать о той ответственности, которую мы несем перед нашими потомками, перед нашей родиной. Я еще думаю, что мы должны прибавить еще ту ответственность, которую мы несем перед теми десятками, сотнями тысяч борцов, которые десятками страдали и гибли за народное дело, за дело революции. (Бурные аплодисменты.)

Заканчивая свою речь, я должен от имени И. К. Всероссийского Совета Кр. Д. и, по нашему мнению, от имени того крестьянства, которое послало их в Совет, дать тот же самый ответ, который мы дали нашему министру-председателю в тот момент, когда он 24 июля сообщил нам о том, что образовалось Временное Правительство, и о том, что его нужно поддерживать, и мы сказали ему, что мы обещаем всю нашу поддержку Временному Революционному Правительству, но мы оставляем за собой право критиковать все его действия, делать те или иные указания [по поводу тех из них], которые, по нашему мнению, являются вредными для дела революции, вредными для спасения нашей родины, но мы все, что у нас есть, и если понадобится, если будет нужно, и нашу жизнь, мы отдадим в распоряжение Временного Правительства. (Бурные аплодисменты.)

По мере наших сил, по мере нашего разумения этот лозунг мы будем нести в народную массу, мы будем нести в трудовое крестьянство, в рабочую массу. И мы надеемся, что трудовая масса, которая заинтересована, как и все другие граждане, в охранении нашей родины и завоевании революции, они отдадут все, что они могут ему отдать, как наше трудовое крестьянство, которое составляет подавляющую часть нашего государства, отдавая свой труд и отдавая свою жизнь. (Аплодисменты.)

Председатель. Слово принадлежит члену Совета Кр. Д. Кондратьеву.

Кондратьев. Перед нами поставлен в ясной форме в сущности один вопрос: какими путями возможно и нужно спасать свободную родину? И в тот момент, когда мы здесь подходим к этому вопросу, я позволю напомнить, что в этот момент к решению его, к самому подходу к нему, прислушивается многомиллионное основное население Российского государства — трудовое крестьянство. Изнывая в тяжелом труде на полях, крестьянство теперь уже не может равнодушно и безучастно относиться к решению государственных вопросов. И на вопрос о спасении родины у крестьянства есть определенный ответ. Этот определенный ответ крестьянство позволило бы выразить в немногих словах: у него есть родина. Если эта родина до сих пор обращалась к крестьянству лицом мачехи, если крестьянское население было именно тем классом, который находился в наиболее тяжелых и моральных и экономических условиях, то это крестьянство тем не менее верило в родину. Сама родина представляется ему не как нечто раз навсегда данное, но как нечто развивающееся, и в этом развитии, в борьбе за разви-

тис родины, крестьянство не могло не верить, что его заветные мечты когда-нибудь сбудутся, и родина станет свободной. Крестьянство понимает, что без свободы *) и счастья его родины, невозможно никогда и свободное братство народов. Теперь это совершилось, Россия стала свободной, и ради нового облика родины крестьянство совершило вместе с другими слоями демократии величайший патриотический порыв. Этим порывом была сама революция. Я утверждаю, что именно революционным порывом крестьянских масс, как и других слоев демократии, Россия была спасена. Она была спасена от гнетущих условий старого режима.

Старый режим своей продажной и слепой политикой душил страну, останавливал ее рост, и народные массы в действительный момент поднялись во имя спасения ее. И потому сейчас, когда стоит вопрос о спасении родины от внешнего врага, это в сущности есть тот же вопрос, как и вопрос о спасении родины от врага внутреннего, губившего страну. Вот почему вопрос о защите страны для крестьянства решается легко. Крестьянство встает и будет стоять на страже родной страны и ее свободы. Крестьянство, до сих пор принесшее для войны, быть может, больше жертв, чем кто-либо другой, это крестьянство не может отказать и в этот момент принести все свои силы на алтарь спасения страны. (Аплодисменты.)

Но я должен указать, что теперь именно на народ, и на крестьянство в частности, легла двойная задача,— задача спасения страны от внешнего врага и задача полного переустройства жизни внутри в этот страшный момент. И теперь действительно сказалось все, в чем воспитан был народ, сказалось все то тяжелое наследие, которое задерживало развитие сил и организацию сил страны. Когда теперь очень часто бросаются упреки в том, что массы **) не на высоте призвания, что они грубы и невежественны, что их вожди ведут их по ложному пути, то эти упреки направлены не по адресу. Эти упреки не принимают во внимание законов стихийного исторического развития народа, когда воля вождей не может противостоять напору масс, когда слово бессильно, и если возможны упреки, то упреки эти должны быть направлены во всяком случае к старому строю. Положение страны и народа тяжело в высшей степени. Вот почему в этот момент только объединением и единством всех передовых сил страны возможно что-либо сделать. И это объединение должно, очевидно, совершиться на какой-то общей платформе, на каком-то общем договоре. И только та власть, которая на это объединение сможет опереться, в состоянии выполнить свою задачу. А задачи власти в данный момент до чрезвычайности тяжелы. Они тяжелы, потому что меньше всего поддаются ковкости, меньше всего поддаются велению государственной власти. Ведь эти задачи лежат прежде всего в сфере экономической, я подчеркну это, и в сфере международной.

*) *Далее по рукописному тексту.*
**) *Далее по машинописному тексту.*

Те и другие задачи принадлежат именно к числу тех, которые не поддаются легкой ковкости со стороны внутренней государственной власти. Экономика имеет свои законы, и одними словами здесь ничего не поделаешь. Международные отношения также стоят в значительной мере за пределами воли одного государства. Вот почему если и может здесь что-либо сделать, то сможет сделать массовое напряжение и сильная государственная [власть]. Я имею в виду здесь преимущественно экономические задачи. Я имею в виду, что задача спасения государства в области экономической требует действительных, а не словесных жертв. В данный момент высшая задача заключается в согласовании классовых и групповых интересов с интересами общегосударственными.

И я позволю себе указать, что крестьянство уже показало, что оно всегда шло этим путем. Кто не знает, что в течение трех лет войны крестьянское хозяйство подверглось глубокой государственной регулировке? Кто не знает, что крестьянство отдавало государству свою последнюю основу: хлеб,— хлеб, который всегда являлся основой его света и свободы? И в настоящее время, когда у крестьянства требуют сильнее, чем когда-либо хлеб, — ибо страна на краю голода и голодных бунтов, — крестьянство не отказывает. Если мы видим, что цифры показывают нам за последнее время страшное падение поставок хлеба, поставок скота, то это объясняется не злой волей крестьянства, а объективными условиями. Мешают летние работы, не собран еще достаточно полно новый урожай; по всем данным урожай этот слаб.

Но есть и еще помехи, мимо которых нельзя пройти. Вопрос о питании армии и населения, это — вопрос жизни и смерти страны. Вот почему мы должны исходить из этого вопроса в виду его основной важности для государства. Я утверждаю, что при страшном падении ценности денег, объективно, крестьянству при всем его желании, почти невозможно выполнить всех тех требований, которые предъявляются сейчас, если оно не будет получать предметы промышленности, орудия и средства производства, которые являются основой поддержания самой производительности крестьянского хозяйства. Поэтому, не настаивая на повышении цен и не протестуя против хлебной монополии, крестьянство выдвигает не только как классовую задачу, но как задачу общегосударственную, задачу снабжения деревни предметами необходимости, ибо только выполнение ее даст возможность государственной власти выполнить общегосударственную продовольственную цель. Одновременно необходимо выставить, как необходимость, требование регулировки цен на эти продукты необходимости и заработной платы. Экономически это необходимо для упорядочения народного хозяйства и для спасения страны от распада. Крестьянство именно должно указать, что необходимость принятия мер к снабжению этими продуктами, с установлением цен, диктуется не в целях классовых интересов крестьянства, а в целях поддержания устойчивости производительности этого крестьянского хозяйства, в целях дей-

ствительного спасения народного хозяйства, в целях избежать дальнейшего расстройства.

Но я должен пойти дальше и сказать, что самая возможность снабжения мыслима только при поддержании и поднятии производительности самой промышленности. Эта задача требует вмешательства со стороны государства и установления надлежащей регулировки как в области промышленности, так и в области труда. Торгово-промышленный и рабочий класс призываются во имя тех же общих задач и своих классовых задач, соподчиненных общим задачам, пойти навстречу данным требованиям, требованиям государства. И мы знаем, что в принятой нами декларации было заявлено, что урегулирование в области промышленности может быть в случае необходимости доведено до государственного синдицирования и трестирования ее, а в области труда — до установления трудовой повинности.

Вот та линия экономических жертв, которая протягивается от первых исходных моментов, от моментов питания всего государства. Позвольте теперь мне привести несколько соображений по вопросам финансового характера. Мы знаем то напряжение, которое приходится выносить государству, мы знаем, что дефицит в этом году достигает суммы в 15 миллиардов, что весь бюджет исчислен более, чем в 27 миллиардов. Но кто же виноват? Ужели виноваты те продовольственные комитеты, которые здесь выдвигают как одну из форм расточения государственных доходов? Мы думаем, что здесь другая основная причина. Эта причина прежде всего война, которая отнимает в этом году до 20 миллиардов.

Что касается трат на различные новые органы и трат, которые многими принимаются как непроизводительные расходы, то я должен спросить: если тратится на продовольственные комитеты от 300 до 400 миллионов рублей, то чьи же это деньги? Народные. Но сколько народ сможет сохранить, если будет он поставлен в указанные условия регулирования народного хозяйства? На одной мануфактуре, если бы цены были поставлены в соответствии с ценами на хлеб, крестьянство могло бы сберечь более, чем 500 миллионов рублей. Но этого мало. Мы признаем непроизводительными только те расходы, которые действительно расточают народное хозяйство. Но какое же расточительство народного хозяйства в тех расходах, без которых не может жить народное хозяйство? Как обойтись без продовольственных органов, когда мы ведем грандиозную продовольственную кампанию? В области финансов действительно нужно принимать все меры и призывать к бережливости и экономии, идя на жертвы: поддержку займов и платежи налогов, но нельзя пресекать необходимых расходов. Крестьянство должно снять с своих плеч обвинение в расточительности вместе с другими классами демократии. Крестьянство инстинктивно и как общее правило стоит на платформе, и эта платформа является не классовой, а общегосударственной. И всем другим группам нужно искренно сказать, идут они или не идут на нее. (Аплодисменты.) Эта искренность выразится не в словах, а на деле.

Меня поражает то, что здесь почти все сходились на поддержке коалиционного правительства, но я боюсь, что это схождение чисто словесное. Надо сказать точно и определенно, на что мы идем. Я утверждаю, что, в конце концов, в своем корне главные и действительные расхождения сходятся и переносятся в область экономики. Вот почему в этом основном вопросе нужно дать себе ясный отчет. Но во всяком случае, если народ даже при старом режиме терпеливо поддерживал страну в минуты опасности и напряжения, то этот народ не может не напрячь всех сил в последний момент грозящей нам опасности ради свободного государства.

Председатель. Ваше время кончается.

Кондратьев. Но я должен заявить, что и со стороны всех слоев населения нам нужны Минины, но Минины, не спасающие династию Романовых, а Минины, спасающие свободу России.

Керенский. Слово предоставляется представителю Всероссийского крестьянского союза Пономареву.

Пономарев. Господа члены Государственного Совещания, прошу иметь еще несколько терпения, так как в ближайшем будущем будет объявлен перерыв для обеда. Осталось очень немного. Господа члены Временного Правительства и граждане России. В момент грозных испытаний, переживаемых родиной, Всероссийский крестьянский союз считает долгом совести сказать по разумению своему искреннее и правдивое слово о положении страны, о мерах, необходимых для ее спасения. Главную причину разрухи, переживаемой страной, и главную трудность борьбы с этой разрухой Всероссийский крестьянский союз видит в быстром и неудержимом росте и обострении групповых и классовых интересов, раздирающих великий русский народ на части и лишающих его единой и объединяющей мысли и воли.

Стремление использовать переживаемый момент для узких, групповых или классовых интересов порождает раздоры в нашей среде, усиливает хозяйственную разруху, вызванную тяжелой войной, затрудняет управление страною и делает невозможным то сосредоточение и напряжение народных сил, которые необходимы для того, чтобы вывести страну на путь свободы и счастья. В час грозных испытаний, в условиях тягостной разрухи, нам необходимо сознательное подчинение всех частных интересов интересам государственным. Долг верных сынов родины призывает их к самоограничению, жертвам и бескорыстному подвигу, но как ни горько сознаваться, мало мы видим людей, верных этому гражданскому долгу. Ответственность, лежащая на Временном Правительстве перед родиной, обязывает его привлечь все классы общества к совместному несению тягот государственной повинности. Промышленность и торговля должны быть подчинены контролю государственной власти для того, чтобы производство было направлено прежде всего на удовлетворение наиболее насущных народных потребностей и чтобы продукты равномерно распределялись среди населения по справедливым ценам. Прибыли предпринимателей должны быть ограничены необходимым минимумом. Труд ра-

бочих должен быть доведен до наибольшей производительности, и заработная плата должна быть нормирована установлением всеобщей трудовой повинности. Все производительные силы страны должны быть использованы и подчинены трудовой дисциплине.

Трудовое крестьянство, принимая участие в несении общегосударственной повинности передачей всех излишков своих хлебных запасов в распоряжение государства по твердой цене, должно быть снабжено в возможной мере предметами первой необходимости по ценам, устанавливаемым Временным Правительством в порядке управления. Только твердым и последовательным привлечением всех и каждого к несению справедливой государственной повинности, Временное Правительство может положить конец взаимным раздорам, губящим нашу родину и нашу свободу. Только правительство, являющееся выразителем общенациональных интересов и опирающееся на все живые силы страны, преданное новому демократическому строю, может вывести страну из того опасного положения, в котором она находится.

В отношении земельного вопроса Всероссийский крестьянский союз полагает, что вся земля должна быть передана в пользование трудового народа, который крестьянский союз и стремится объединить на этом требовании. (Жидкие аплодисменты.) Но вместе с тем Всероссийский крестьянский союз полагает, что разрешить этот вопрос может лишь Учредительное Собрание. Всякие попытки немедленного, частичного разрешения земельного вопроса по произволу местного населения или по усмотрению каких бы то ни было местных организаций должны встретить решительное противодействие со стороны органов государственной власти в лице земельных комитетов. (Аплодисменты слева.) Ввиду того, что деятельность последних лишена в настоящее время точных правовых оснований, должен быть срочно издан закон, возлагающий на земельные комитеты обязанность регулировать местные земельные отношения в точных и определенных рамках временного закона. (Аплодисменты.)

Считая необходимым доведение войны, в согласии с союзниками, до скорейшего и прочного мира, Всероссийский крестьянский союз находит нужным немедленное восстановление дисциплины в армии как на фронте, так и в тылу (аплодисменты), для чего надлежит принять самые энергичные меры к применению всех средств, намеченных декларацией Временного Правительства. (Аплодисменты.) Восстанавливая революционный дух армии на фронте, Временное Правительство должно также озаботиться облегчением участи тех наших героев фронта, которые, оставаясь верными долгу службы и присяге, не покинули своих постов и были захвачены во вражеский плен. (Аплодисменты слева.)

Вполне разделяя крайнюю необходимость удержания окраин от разрушения целостности Российской федеративной демократической республики отделением от нее до Учредительного Собрания отдельных окраин, Всероссийский кре-

стьянский союз находит предпринимаемые Временным Правительством меры соответствующими интересам государства, как целого, и выражает надежду, что сами окраины не доведут русское государство до распада и гибели.

Всероссийский крестьянский союз, считая своим долгом призвать всероссийское крестьянство к жертвам до конца ради спасения родины, настаивает перед Временным Правительством, чтобы к классам, не выражающим готовность к таким же жертвам, были применены в интересах государства крайние меры принуждения, до принудительных займов, ограничения доходов и других чрезвычайных мер. (Аплодисменты.)

Председатель. Слово принадлежит представителю академической группы профессору Гримму [32]).

Гримм. На мою долю выпала высокая честь от имени академической группы, объединяющей представительство от академии наук, университетов и других высших учебных заведений и целого ряда ученых обществ прочитать нижеследующее заявление *) (читает:) **)

«Отечество на краю гибели; не только свобода, но и самое бытие государства русского находятся в смертельной опасности. Это чувствует каждый русский человек. Это сказало нам наше Временное Правительство. В столь грозный, быть может, последний час мы, представители русской науки, возвышаясь над всякими партийными, классовыми интересами, повинуясь только голосу своего дисциплинированного в объективной работе разума, считаем гражданской обязанностью сказать всей русской земле и всей ее временной власти следующее: неразумие и нравственный упадок старой власти, приведшие страну в тяжкое положение, вызвали переворот и низвержение монарха».

Обрисовав ход развития революции и подчеркнув целый ряд допущенных ошибок, Д. Д. Гримм продолжает:

«Настал момент, когда русскому правительству и обществу надо сознать сделанные ошибки и освободиться от них. Правительство должно стать властью единой и подлинно общенародной. Для него не должно быть любимцев и пасынков; оно не должно зависеть от безответственных влияний тех или других общественных элементов. Власть должна быть сильной и твердой. Всеми силами она должна восстановить расшатанную военную и гражданскую дисциплину, воспитывать в народе чувство правды и законности, бороться со всякими явлениями захвата и произвола. Власть должна

---

*) *Далее по рукописному тексту.*

**) Полный текст декларации академической группы утрачен. В настоящем издании приводятся лишь имеющиеся в распоряжении редакции извлечения прочитанной проф. Д. Д. Гриммом декларации. (*Примечание подлинника.*)

Прочитанная Д. Д. Гриммом декларация, в тех же самых извлечениях, приводится в «Русском Слове» № 186, от 15 августа.

быть культурной и просвещенной. Она не должна забывать свидетельств мировой истории и указаний компетентных специалистов. Всей силой своей энергии она должна стать на защиту культуры и ее вековых ценностей, внушать высокое уважение к ним и заботиться об интеллектуальном и моральном просвещении народа. Пусть гонимая старым режимом наука станет дорогим детищем свободной России. Русские граждане, с своей стороны, должны забыть о своих частных, классовых, групповых или местных интересах и помнить сейчас только одно — великий интерес всего государства, всего народа. Не будем более растравлять взаимных обид. Не будем множить взаимного раздражения. Помня о своих правах, не будем забывать об обязанностях. Возьмемся бодро за труд. Возродим в нашей душе чувство законности, тягу к тому, что составляет истинную и великую сущность русского народного духа к водворению правды божией в делах человеческих. В надежде на то, что Временное Правительство твердо станет на этот путь, деятели русской науки готовы поддерживать его всеми своими личными жертвами и трудом». (Аплодисменты.) *)

Председатель. Слово принадлежит представителю Всероссийского учительского союза Золотареву [33]).

Золотарев. На обращение правительства, призвавшего страну к сознательности и выдержке, организованная демократия ответила только что пред вами прочитанной декларацией. К государственной позиции, очерченной этой декларацией, присоединяется представляемый мною Всероссийский учительский союз (аплодисменты), уже немолодая организация, возникшая в огне революции 1905 года, не истлевшая под пеплом реакции и ныне возродившаяся вновь и считающая своей обязанностью отозваться на голос истекающей кровью родины. Для нас, так близко стоящих к самым глубинам народного сознания, уже в детском лепете отгадывающего стремление исторического инстинкта народа к жизни и воле, наступил час, когда не только наше право, но и наша обязанность сказать, что обращение этого инстинкта в сознательную волю к спасению, в волю к борьбе за национальное самоутверждение на основе международного равенства народов, равенства в свободе, а не равенства в рабстве, это — постоянная и единственная задача учителя, и не может быть иной формулы для нас в определении нашего поведения, как та, которая дана правительством. Нет свободы без родины и нет родины без свободы. (Продолжительные аплодисменты.) Вместе с народом, собирателем Руси, мы страдаем той страшной правдой, которая раскрыта здесь в правительственных речах. Мы не могли страдать беспечностью и не замечать опасности, а потому мы сейчас не переживаем панического испуга, с болью и страхом, но не с безнадежным отчаянием мы смотрим вперед. Не столько вина нашей профессиональной неподготовленности, сколько несчастье нашего

---

*) *Далее по машинописному тексту.*

правового и материального положения, что наша школа недостаточно сделала для производительности народного труда (читает):

«Здесь мы идем дружественно с учительством свободных демократических стран»...

«Пусть все знают, что мы можем быть кузнецами народного счастья». (Шумные аплодисменты.) *)

Шишкина-Явейн. Находя, что в настоящем Государственном Совещании должны быть отброшены все лишние слова, все лишние вопросы, не вызываемые прямой и настоятельной необходимостью момента, а каждый должен иметь в виду только одну основную мысль — спасение родной страны от грозящей ей и ее свободе гибели,— Всероссийская лига равноправия женщин [34]), как организованные женщины России, оставляя в стороне дорогие ей вопросы: полное уравнение женщин перед законом, страхование материнства, охрана труда женщин и детей, государственное обеспечение старости и т. д. и т. д., до Учредительного Собрания, единственного верховного хозяина земли русской, в этот критический момент истории обращает внимание на необходимость скорейшего использования всех производительных сил страны, именно всех, для чего необходимо, чтобы и женский труд, фактически уже применяемый во всех отраслях, был бы не добровольческий, случайный, поощряемый или лишь допускаемый правительством, но планомерно урегулированной силой, для чего необходимо немедленное же введение всеобщей женской трудовой повинности, не в порядке частной инициативы, а на основе государственной мобилизации женского труда, как одной из крупных, равнодействующих сил в деле спасения революции и созидания новой, молодой, свободной России, ибо не было, нет и не будет той жертвы, которую не принесла бы и того долга, которого не выполнила бы по всей своей совести русская женщина для спасения и счастья родного народа и родной страны, настоятельно требующей утверждения истинной свободы, равенства и братства и водворения прочного мира народов, которого так искренне, так безумно жаждет русская женщина-мать.

Керенский. Прерываю заседание точно до 7 часов вечера.

---

*) Текст декларации, прочтенной Золотаревым от имени Всероссийского учительского съезда, утрачен. *(Примечание подлинника.)*

ЗАСЕДАНИЕ 14 АВГУСТА

*(Вечернее) *)*

Заседание возобновлено в 7 часов 12 минут вечера.

Гучков. На-днях исполнится полугодовщина того переворота, который закончил собою уже давно начавшийся процесс разложения старой исторической власти. Переворот этот не явился результатом тайной работы каких-то заговорщиков. Он с самого начала вылился в форму широкого общенационального движения, которое охватило самые разнообразные общественные слои, самые противоположные политические течения. Припомните тот обвинительный акт, который был единодушно предъявлен старой власти русским народом в лице Государственной Думы. Власть преступно не подготовила страну к той мировой войне, которая неизбежно надвигалась. Бездарное ведение войны и нищенское снабжение армии затянули войну и вызвали неисчислимые жертвы.

Под влиянием каких-то темных вне-и надправительственных сил расстраивались и расхолаживались наши отношения к союзникам. Внутри страны народное хозяйство во всех своих отраслях быстро шло к упадку, и власть не имела ни творчества, ни силы остановить распад. Расстройство транспорта принимало подчас размеры общественного бедствия. Положение государственного казначейства становилось все серьезнее. Озлобленное недовольство быстро наростало в общественных кругах и народных массах. И **) с изумительной яркостью прояснилось сознание, что первопричиной гибельных неустройств нашей жизни являлось состояние самой государственной власти, окруженной темными, безответственными влияниями. Приближался час расплаты, и он наступил. Перед Россией открылись светлые перспективы. Творческий гений русского народа, раскрепощенный от старой неволи, казалось, легко справился со всеми затруднениями. То, что было не под силу старой царской России, то дается легко молодой, свободной России. Война будет быстро доведена до победоносного конца. Великодушная Россия в порыве бескорыстия откажется от территориальных приобретений, но в качестве

---

*) *Далее по рукописному тексту.*

**) *Далее по машинописному тексту.*

победительницы, в согласии со своими союзниками, продиктует такие условия, которые обеспечат ей экономический расцвет и экономическую независимость, оградят ее от германской эксплоатации и создадут прочные гарантии ненарушимого мира на долгие годы, а в годы мира новый свободный строй, опирающийся на властное народное представительство, поведет страну на путь прогресса и культуры, на тот путь, которым шли другие, более зрелые и более счастливые народы. В центре государственного внимания и забот будут поставлены интересы народных масс, столь обездоленных при старом строе. Новая социальная политика оградит интересы трудящихся, обеспечит их материальный и культурный подъем, а широкая земельная реформа создаст у нас тот класс зажиточного крестьянства, который явится лучшим оплотом государственного строя и хозяйственного уклада страны.

Но, господа, почему же все это не случилось, почему, выражаясь словами представителя правительства, надежды наши были растоптаны и вера наша была оплевана, почему представители власти пришли к нам со «смертельной тревогой» и «в смертельном ужасе», с какими-то болезненными, я бы сказал, истерическими криками отчаяния, и почему эта тревога, и этот ужас, и эти крики, почему они находят и в нашей душе ту же щемящую боль предсмертной тоски?

Господа, мы должны отдать справедливость и политическому благоразумию и гражданскому мужеству правительства, которое в этот роковой час не побоялось притти сюда, чтобы всенародно доложить стране о положении государства и выслушать ее голос, голос страны. Как мы отвыкли от этого за эти полгода. И этот голос должен раздаться смело и правдиво, и он должен помочь и общественному сознанию и власти разобраться в том сложном клубке явлений, из которого состоит современность.

Господа, мы воевали плохо. Теперь мы воюем еще хуже, а иногда и совсем не воюем. Проиграем ли мы войну? Не знаю, но мы к тому идем. Тяжкая моральная болезнь, охватившая армию и страну, протекает дальше своим роковым течением. Народное хозяйство расшатано в конец, непоправимо. Целые отрасли промышленности быстро идут к смерти, другие едва влачат свое существование. В частности, добыча топлива и металла падает в ужасающей прогрессии. Снабжение армии в боевом и интендантском отношениях встречает с каждым днем все новые и новые затруднения. Снабжение страны предметами первой необходимости становится чем-то несбыточным. Падение производительности народного труда — ужасающее. Продовольственный кризис приобретает уже характер народного бедствия, принимая местами самые острые формы. Сельскому хозяйству нанесены тяжкие, подчас непоправимые удары. Расстройство транспорта, особенно железнодорожного, приобретает размеры чудовищной катастрофы и грозит местами полным прекращением движения. Финансовый крах уже завершился, и благополучие государственного казначейства находится всецело в зависимости от быстроты

оборотов и исправности печатных станков в экспедиции заготовления государственных бумаг. Банкротство органов самоуправления грозит в ближайшем будущем оставить без удовлетворения ряд наиболее жизненных и культурных потребностей населения, и в общественной атмосфере грозно накапливается напряженная тревога и озлобленное недовольство.

Такова картина русской современной действительности, картина, которую вы можете восстановить по тем штрихам и фактам, которые рассыпаны в докладах, сделанных представителями правительства. И в этой картине русской современности есть еще одна характерная черта сходства, сближающая ее с дореволюционным периодом. В центре этого трагического хаоса русской жизни стоит, как первопричина, современная русская государственная власть. И все пути врачевания наших общественных недугов, которые в совокупности своей сливаются в ту смертельную болезнь, которая ведет наш государственный организм к гибели, все они приводят нас к одной проблеме, проблеме оздоровления нашей центральной государственной власти. Эта проблема оздоровления власти не перестает быть очередной и жгучей с первых же дней переворота. Господа, эта власть больна тем, что ее нет. Эта власть — тень власти (аплодисменты справа), подчас являющаяся со всеми подлинными и помпезными атрибутами власти, с ее жестикуляцией и ее терминологией, с ее интонациями, в которых слышатся подчас оттенки, от которых мы как-будто стали отвыкать, и тем трагичнее этот контраст между жизненной необходимостью создания подлинной, твердой, истинно государственной власти и между судорожными поисками и страстной тоской по этой власти.

Господа, почему же эта роковая, все повторяющаяся неудача? Можем ли мы рассчитывать, что проблема власти будет все же решена в тех путях, по которым шли до сих пор поиски? Я не буду говорить об основной ошибке, допущенной русским обществом, или, вернее, руководящими кругами русского общества, в том кризисе, который привел в конце концов к перевороту. Исторической виной этих руководящих кругов я признаю, что когда выяснилась невозможность дальнейшего мирного сотрудничества с властью, что когда удаление этой власти стало условием спасения родины, эти руководящие круги не взяли на себя самостоятельного руководства, а только присоединились к участию в нем наравне с другими, когда произошел стихийный сдвиг. (Голос: «Правильно»!)

Эта историческая вина предопределила и самый характер переворота и все последующие события. Переворот в тех условиях, в которых он совершился, выдвинул на одно из первых мест в нашей политической жизни демократические силы, или, вернее, силы так называемой «революционной демократии». Этот термин далеко не покрывал собой все те демократические группы населения, которые столь многочисленны в нашем действительно демократическом русском народе. Это была лишь часть русской демократии, демократии, из которой были исключены

некоторые наиболее культурные элементы демократии. Эта «революционная демократия», создавшая себе сперва в Петрограде, а затем и по всей России многочисленные организации, сделалась сейчас фактическим хозяином положения. Если юридически она являлась наравне с Исполнительным Комитетом Государственной Думы источником власти как первого состава Временного Правительства, так и последующих составов, то фактически, располагая значительной частью вооруженных сил среди солдат и рабочих, именно так называемая «революционная демократия» являлась носительницей государственной власти. Эта власть отнюдь не ограничилась моментами назначения и смены правительства. Это была постоянная, очень бдительная и очень деспотическая опека над той официальной властью, которую представляло собой Временное Правительство.

Вы вспомните знаменитую формулу: «постольку, поскольку», и горячий протест Исполнительного Комитета Государственной Думы, и мой уход из состава правительства, как последнюю попытку протеста против такого уродливого и опасного положения [35], когда вся власть принадлежит безответственным людям, а вся ответственность лежит на людях безвластных. (Аплодисменты справа.) Эта черта нашего политического строя сохранилась и до сих пор, и в ней первопричина хронической слабости нашей государственной власти и безнадежности попыток ее оздоровления. Вторая причина, столь же роковая, заключается в природе самой «революционной» демократии...

Председатель. Ваш срок кончился. (Возгласы справа: «Просим, просим!» Оратор покидает трибуну.)

Председатель. Бывший член Государственной Думы и председатель 4-й Государственной Думы Родзянко [36]).

Родзянко (встреченный аплодисментами). Граждане. Вы выслушали объяснения Временного Правительства и его доклады о положении России, а сегодняшний день правительство ждет от нас прямого, откровенного ответа и указания на то, что по нашему мнению надлежит сделать, чтобы спасти страну от гибели, и солидарны ли мы с теми мероприятиями, которые правительство нам предлагает. В тяжелую годину, в которой находится в настоящее время родина, в тот исключительный момент важности, который мы переживаем, несомненно, требуется полная откровенность и полная правда, и эту правду правительству говорить мы обязаны не за страх, а за совесть. «Я хотел бы найти нечеловеческие слова, чтобы обрисовать перед вами то страшное положение, в котором находится родина», — вот какими словами старался пояснить и возможно ярче изобразить ту страшную картину разрухи и разложения, в котором находится Россия, наш министр-председатель. В этот небывало трудный час жизни государственной от всех нас, граждане, требуется спокойное и сознательное к этому делу отношение, требуется, во что бы то ни стало, жертва своими политическими и классовыми убеждениями, требуется дружное единение всех

граждан во имя спасения родины от грозящей ей опасности. (Аплодисменты).

Граждане, вы, конечно, помните те настроения, в которых жило русское общество до памятных дней 27—28 февраля. Всем следует напомнить еще раз, насколько русское общество было встревожено в то время грозным призраком бессилия власти, старой власти, вывести нас на путь спасения. Вы хорошо помните, как в это время, предшествующее революции, уродливые события русской жизни нагромождались одно на другое. Вы помните знаменитую чехарду министров, вы помните отсутствие системы во всех отраслях управления, вы помните, как постепенно надвигался голод, как расстраивался транспорт, как тогда упорно говорили о недостатке снарядов, снаряжения. Государственная Дума еще с 1915 г. забила тревогу. В течение тех кратких сессий, которые выпадали на ее долю, благодаря страху прежней власти перед правдой, которая раздавалась в стенах Таврического дворца, Государственная Дума неустанно предупреждала правительство и верховную власть о том, что в стране неблагополучно, что народная война, навязанная нам, при существующих условиях не может быть кончена благополучно при том условии, что между правящими сферами и народом установилась глубокая пропасть, между тем народом, который нес неисчислимые жертвы, жертвы и жизнью и кровью своей во имя спасения блага родины. Тогда граждане были воодушевлены одной мыслью: дальше так итти нельзя,— так как нас ведет старая власть, мы быстро катимся к позорным страницам нашей истории. Так как управляла тогда старая власть, надеяться на победный исход войны и защиту чести и достоинство России было невозможно. И разыгралась руская революция, которая смела всю старую власть в уверенности, что воспрянут новые силы русского народа и война будет выиграна, и обновленная окрепшая Россия получит, наконец, те условия свободы и правильного политического устройства, на которые принесший столько жертв русский народ имел, конечно, неоспоримое право.

Да, граждане, руководящей идеей революции была, несомненно, идея необходимости победы над германским милитаризмом, идея уничтожения в корне и навсегда угрозы германской гегемонии над нами, была великая мощная идея создать сильную и мощную Россию. И идея революции была тогда идеей патриотической, и революция, бесспорно, должна быть названа всенародной. Вы помните, господа, как дружно, единодушно вся страна примкнула к Государственной Думе, возглавившей это движение и тем самым, конечно, принявшей на себя и ответственность за исход государственного переворота. Нам чудилось тогда, что мрак перед нами рассеялся, что новые условия государственной жизни, могущие дать свободный выход народному творчеству и способные вызвать к общегосударственной работе все то, что только было живого и сильного в России, дадут благодетельный выход накипевшему народному негодованию и возбудят его патриотиче-

ское чувство любви к родине до наивысших пределов. Всеобщее ликование о завоеванной свободе всех граждан подкрепляло силы тех деятелей, которые стали во главе движения. Но вот, граждане, прошло пять с половиной месяцев, и что же мы слышим здесь? Печальные доклады и сообщения о том, к чему мы пришли: отечество в опасности, родина гибнет. Встает угроза отвоевания хлебородных областей со значительными портами, как выразился в одной из своих речей наш министр-председатель. Что же случилось?

Почему после того великого подъема, после того патриотического чувства, которое охватило весь освобожденный народ, почему вдруг пала и боевая сила нашей армии и постепенно разлагалась она? Почему мы пришли к тому потрясающему положению, в котором в настоящее время мы находимся? Граждане, мне кажется, я обязан здесь впервые перед Государственным Совещанием, заключающем в себе представителей почти всех существующих организаций, перед представителями земли я должен дать вам то разъяснение, о котором неоднократно запрашивали меня, которое ставили в упрек общественным деятелям и которое теперь, конечно, следует разъяснить и вам представить. Я должен доложить, что не вина Государственной Думы в ее невольном молчании. Вы помните, что после первых дней революции, после отречения бывшего императора Николая II от престола, власть, возникшая по почину Государственной Думы, по соглашению с только что организовавшимся тогда Советом Р. и С. Д., была создана, и, как вышедшая из недр народного представительства, она стала народной. Но трагизм русской революционной власти заключался именно в том, что, вышедшая из народа, народного представительства, государственная власть Временного Правительства, она не пошла рука об руку с народным представительством, не только не пошла с ним рука об руку, но, отстранив его, никогда не хотела принять в сотрудничество этого единственного в России законного вполне и всенародного представительства. (Смех на скамьях левых. Возгласы: «3 июня».)

Задумываясь над этими причинами, над теми основаниями, по которым государственная власть отвергла работу, совместную с народным представительством, мне думается, что государственная власть ошибочно считала, что эта работа не стала бы возможной, так как предполагала, что Государственная Дума, выросшая в постоянной борьбе с властью, здесь применила бы те же приемы борьбы и помехи государственной власти. Но, господа, неосновательность этого мнения уже видна из того, что никогда Государственная Дума не вступала на этот путь и не прибегала ни к самовольным сборам, съездам и старалась во всем поддерживать и укреплять государственную власть и таким образом, не мешая ей, содействовать ей в ее государственной работе. Но, к сожалению, господа, отводя от себя работу народного представительства, государственная наша власть вынуждена [была] подпасть под влияние классовых организаций, и хотя она и боролась с их мощным влиянием, но не всегда оказывалась победительницей. И в этом, господа, трагизм

положения государственной власти, обреченной на могучее воздействие односторонних классовых организаций; [в этом] и кроется, мне кажется, первая причина того ряда ошибок, о которых так откровенно и прямо говорило нам в своих докладах Временное Правительство.

Не служит ли настоящее наше Государственное Совещание наглядным примером необходимости правительственной революционной власти черпать свои силы в одобрении, сочувствии и в даче ему поддержки всем народом. И причину, господа, этой разрухи я вижу в том, что государственная власть, подчиненная классовым интересам, часто забывала и вынуждена была забывать всенародные интересы. И в этом отношении лучшей иллюстрацией такого положения служит выслушанный здесь нами доклад министра финансов. Вы помните, как охарактеризовал министр финансов воздействие классовых и партийных организаций. Таковое воздействие, сказал он, ведет к подчинению общенародных интересов интересам классовым *). Министр финансов указал, что под классовым воздействием правительство вынуждено было пойти на уступки, которые поставили государственное казначейство лицом к лицу с перспективой государственного банкротства. Граждане, этих зловещих предостережений нельзя забывать. Нельзя забывать, что финансовое банкротство может повести к банкротству революции, и это есть самое могучее орудие в руках реакционных элементов. И я хочу сказать, что если за этот истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации, хотя в настоящее время и идущие к тому единению, которое необходимо в деле борьбы за целость родины, то в этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и [причина] всех невзгод, которые постигли нас.

В самом деле, какая самая грозная беда в настоящее время висит над нами? Идет война, а мы не имеем возможности ручаться, что дезорганизованная армия сумеет противостоять организованному дисциплинированному врагу. Мы знаем, что причина этой дезорганизации не лежит в войсках наших. Мы знаем [это], и я видел эти доблестные наши части тех же наших братьев-солдат, без ружей, без орудий сражающихся против могущественного врага и отбивающихся иногда лопатами и топорами от наседающих на них полчищ. И что же? Теперь эти самые воины оказываются неспособными к дисциплине, оказываются неспособными противостоять натиску неприятеля. И я спрошу правительство: неужели же оно не имело той силы, а если оно ее и имело, то почему оно не применяло ее, чтобы с полной энергией, с полной силой в корне уничтожить ту преступную агитацию в войсках, которая изуродовала его доблестного солдата и сделала его неспособным к борьбе? (Аплодисменты справа.) **) В этом отсутствии полной

---

*) *В подлиннике:* народным.

**) *В подлиннике:* слева; *исправлено по «Русскому Слову».*

независимости от классовых и партийных организаций, не представляющих собою, однако, весь народ, я вижу, как [и] один из говоривших уже до меня, мой предшественник, бывший председатель 2-й Думы Головин, я вижу слабость правительства, плохо скрытую. Я с тревогой слушал заявление министра-председателя о тех подымающихся сепаратистских тенденциях национальностей, населяющих нашу великую Россию, и в этом я вижу, что не государство слабо, а слаба та власть, которая не сумела своим авторитетом в корне пресечь то движение, которая не могла всею мощностью остановить все эти движения, которые грозят оторвать от нас коренные наши провинции. (Аплодисменты справа.) *)

Граждане, но мы не в первый раз встречаемся с трагическими минутами жизни в нашей армии. Припомните катастрофу, постигшую нас в 1915 году. Припомните, как тогда войска, встревоженные нашествием многочисленных полчищ, наши доблестные войска, лишенные снарядов, лишенные орудий, лишенные снаряжения, отступали и оставляли одну за другой крепости. Припомните ту ужасающую тревогу, которую русское общество тогда испытало. (Возглас справа: «А агитация была?»)

Вспомните, что в те времена была еще бóльшая агитация, но агитация не среди войск, а агитация здесь, на верхах, когда лица, призванные стоять здесь, у власти, оказались изменниками, оказались неспособными думать о чести и достоинстве России и достаточно снабдить всю русскую армию всем ей необходимым. (Аплодисменты слева.) **) И тогда, господа, в 1915 году, Государственная Дума всеми зависящими от нее средствами агитации и резкими требованиями перед правительственной властью добилась призвания к делу общественных сил, и тогда вы помните возникшие особые совещания. Вы помните, каким могучим духом была заражена вся наша промышленность, как дружно взялись за дело рабочие, как закипела работа и как под влиянием общего дружного воздействия общественных сил совершилось почти невероятное. Совершилось в короткое время такое возрождение нашей промышленности и такая интенсивная работа, обеспечивающая теперь армию, которая изумила всех иностранцев, которые приезжали сюда в Россию, с которыми приходилось видеться.

Вот, господа, этот самый подъем духа и общее единение во благо России,— вот что должно теперь объединить нас всех. И если мы здесь из Государственного Совещания не вынесем этого примирения, если мы путем всевозможных уступок, граждане, не придем к ясному, твердому сознанию, что только в единой воле всех граждан, способных уступить разделяющие их классовые и другие перегородки, что только в этой прочно скованной могучей русской среде, только в этом мы найдем силы и средства для того, чтобы выйти из затруднительного положения,

---

*) *В «Русском Слове».* Шумные аплодисменты справа.

**) *В подлиннике:* слева; *исправлено по «Русскому Слову».*

повторяю, если это Государственное Совещание этого единения не вынесет, то не благословение потомства будет на нас, а, как правильно здесь было сказано, проклятие грядущих поколений нас заклеймит и опозорит. (Аплодисменты слева.)*)

Я должен, господа, в силу предоставленного мне времени, сократить свою речь и доложить вам ту резолюцию, которую выработали члены Государственной Думы. Но не могу от вас скрыть, что так как резолюция эта содержит некоторые пункты требований, а властным распоряжением нашего уважаемого председателя заявлено, что требования им будут не допущены, я все же думаю, что уважаемый председатель нашего собрания, допустив после того оратора, которому он запретил объявлять и произносить слово «требовать», допустил другого оратора, который всю резолюцию прочел в тоне требований, я думаю и надеюсь, что, прочтя эту декларацию, я остановлен председателем не буду.

Керенский. Ваш срок истек. (Голоса справа: «Просим, просим!» Бурные аплодисменты.) Хотя каждая группа должна свою резолюцию включать в срок, как это было до сих пор, я беру на себя эту несправедливость в отношении других ораторов и прошу председателя Государственной Думы эту резолюцию огласить. (Аплодисменты справа.)

Родзянко. Председатель Государственной Думы никогда не позволит себе воспользоваться нарушением закона, и поэтому я от предоставленного мне слова отказываюсь. (Шум, аплодисменты справа.)

Шульгин. Господа члены Временного Правительства, господа члены Государственного Совещания, обратили ли вы внимание на одну удивительную особенность нашего совещания? Не помню, кем было вспомянуто знаменитое столыпинское «не запугаете». Зачем оно было здесь приведено? Ведь я был тогда в зале, когда эти слова были произнесены во Второй Государственной Думе. Там пугали, а кто пугает здесь? Почему же в то время, когда никакой угрозы нет, по крайней мере она здесь не раздается, почему все время говорят о том, что надо спасать революцию, и о том, что где-то, откуда-то грозит страшными, пока невидимыми, но ясно ощущаемыми, глазами контрреволюция? Господа, дайте себе в этом отчет.

Пять месяцев тому назад каждого, кто осмелился бы сказать что-нибудь против революции, растерзали бы на части. Значит, есть какая-то причина, почему настроение всех вас, господа, всех до последнего человека, изменилось, и причина— это, ошибки. Ошибки трех родов. Господа, есть ошибки, о которых говорится, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Такие были ошибки и у нас. Я должен сказать здесь несколько слов об этом тяжелом деле. Это была ошибка в отношении смертной казни. И я должен сказать, хотя некогда, при дру-

---

*) *В «Русском Слове»:* Аплодисменты справа.

гой обстановке мне приходилось защищать этот страшный институт, но я должен сказать, что когда она была отменена в этой обстановке, я всем сердцем присоединился к этому. Если это была ошибка, то свою ничтожную долю ответственности я готов тоже нести, потому что я должен сказать, я видел в первые дни революции самоотверженные и благородные усилия А. Ф. Керенского, чтобы Таврический дворец не обагрился кровью. И я помню, в одном из совещаний, которые у нас еще тогда бывали совместно, я помню, как он говорил: «Я долго состоял в партии, которая признавала террор, но я боялся, чтобы его не применяли, и мечтой всей моей жизни было, чтобы эта человеческая жизнь была охранена».

Господа, я понимаю всю боль, когда вот такие идеалы и такие мечты разбиваются в прах. Я понимаю это, может быть, больше, чем многие другие, потому что и нам пришлось пережить страшную душевную драму, и, может быть, мне, убежденному монархисту, которому пришлось по какой-то злой иронии судьбы присутствовать при отречении двух императоров, может быть, мне, более, чем другим, понятна вся боль, что то, что любили и во что верили, втаптывается в грязь. Я вполне понимаю главу Временного Правительства, когда он говорит: я душу свою погублю, но родину спасу. Но, господа, ужас в том, что мы можем все погубить наши души, но родину не спасти. (Голос слева: «Очень просто!») *) И тут я перехожу к тем ошибкам, которые лежат в иной плоскости. Они лежат уже гораздо больше в сфере логического мышления.

Господа, я думаю, что самая большая ошибка наших дней состоит в том, что мы не различаем того, что естественно, того, что надо в мирное время, и того, что диктуется железной рукой необходимости в военное время. Вполне естественно, и иначе быть не может, что демократия стремится управляться через выборные коллективы всякого рода. Но горе той демократии, которая не понимает, что управляться выборными коллективами во время страшной войны, — это значит вести себя на верную гибель. Я ожидаю, что слова мои звучат необычно для многих из вас, ибо вера в эти выборные коллективы действительно у многих совершенно еще непоколебима.

Но я прошу вас, отбросивши все предрассудки, как многие из нас отбросили свое самое глубокое убеждение, я прошу вас оценить этот механизм, который вы создали. Не кажется ли вам, что он непослушен, что он близорук, что он глубоко эгоистичен? Господа, о непослушании много говорить не приходится. О митинговой стратегии в этом зале говорить не нужно. Я только могу, как человек, который в течение полутора года следил за работой особого совещания по обороне, за каторжным трудом генерала Маниковского и его помощника, мне особенно больно сознавать, что значительная часть этого труда ухнула под Тарнополем. Но, господа, митинговая стратегия, она ведь совершенно одинакова и в других

---

*) *В «Русском Слове»:* Караулов с места: «И очень просто!»

областях. А знакомо ли вам митинговое исправление паровозов? *) Что коллектив выборный, коллектив — близорук, господа, [ужели] вы этого не видите? Ужели вы не видите, как вы повторяете через несколько месяцев то, что отдельные люди, не стесненные давлением, психическим давлением этого коллектива, вам неоднократно предсказывали это? Ужели вы не видите, как сбывается на ваших глазах то, что мы говорили в частном совещании Государственной Думы, которую вы так презрительно называли трупом.

Я вам напомню только один пример. 27 апреля у нас было общее совещание четырех Государственных Дум, и тогда я позволил себе сказать, что то, что тогда происходило в Петрограде, не могло быть иначе названо, как государственной изменой. И я помню, как гражданин Церетели, который тогда еще не был министром, который, вероятно, помнит этот случай, вышел после меня на эту же трибуну и говорил о Ленине, и говорил вещи, которые делали честь его сердцу, но, простите меня, не его дальновидности. И вслед за этим, уже будучи министром, если не ошибаюсь, Церетели поручился за Роберта Гримма. Я думаю, что если бы гражданин Церетели остался на некоторое время **) наедине со своими мыслями, тогда он не сказал бы того, что он говорил, и он бы не назвал тогда меня «ограниченным в своей буржуазности Шульгиным». (Смех и аплодисменты.) Но на него давил тогда психически его выборный коллектив. И Церетели говорил так, как требовалось. Что выборный коллектив эгоистичен, этого доказывать не приходится.

Вы простите, господа, мы здесь собрались не для сладких слов. Мы здесь присутствуем для того, чтобы, по приглашению нашего председателя, высказать все с полной искренностью. И говоря, что выборный коллектив эгоистичен, я напомню вам, что то самое слово, которое здесь запрещено было произносить генералу Каледину, стояло все это время как непрерывный вопль вокруг нас: «мы требуем»... «революционная демократия требует»... «требует»... бесконечно требует. И тогда мы говорили вам: «Господа, вам покажут когда-либо и обратную сторону медали: вы увидите ее, когда начнет «требовать» деревня». И вот она требует... Она говорит: «Я не дам хлеба, пока...» ну, словом, «постольку, поскольку». (Смех. Шумные аплодисменты.) Я, господа, тоже требую, то есть не требую, а рекомендовал бы и притом как раз то, что прежде всего способно обрушиться на мою же голову. Я хочу, чтобы вот эта власть (жест в сторону мест Временного Правительства), власть, среди которой, я не знаю, есть или нет лица, которые чуть ли не подозревают меня в контрреволюции, чтобы вот эта власть была действительно сильной.

---

*) *В «Русском Слове» далее следует:* Смех справа. Возгласы протеста слева.

**) *Далее по рукописному тексту.*

действительно неограниченной. А ведь мы знаем, что сила власти очень легко переходит в деспотизм. И я спрашиваю вас, на кого этот деспотизм обрушится? На вас ли, которые как-никак друзья этой власти, или на нас, которых подозревают в заговорах? Это лучший пример вам, лучшее доказательство, что мы не преследуем, как вы думаете, узко-классовых интересов или каких бы то ни было других узких целей. Если для *) вас этого примера мало, я вам скажу другое: 18 июня. Спросите когда-нибудь, не здесь, в публичном собрании, а наедине, спросите военных властей: кто шел 18 июня? И вы тогда, может быть, найдете ответ на то, как люди, которые, быть может, дальше многих стояли от этой власти, по первому ее призыву пошли и умерли.

Господа, мне хочется сказать об ошибках третьего рода. Эти ошибки я затрудняюсь квалифицировать. Но я должен сказать, когда я сравниваю, как триста лет тому назад разговаривал посол Москвы Бутурлин, умница Бутурлин, и талантливый демагог Богдан Хмельницкий, то, откровенно говоря, мне больно за XX век, когда я вспоминаю поездку наших трех министров в Киев [37]). Конечно, как вы только что слышали, господа, я требую сильной власти, даже, если хотите, неограниченной власти. Но есть вещи, которые я не отдам никакой власти: это вера и национальность. А ведь тут хотели быть не только неограниченными, хотели быть почти равноапостольными, хотели, как когда-то Владимир Святой крестил Русь в христианство, так крестить Русь в украинство. (А п л о д и с м е н т ы.) Господа, я должен сказать, что огромное тридцатимиллионное население южной Руси в своем большинстве малосознательное в национальном отношении, а потому о крестьянском слове, желая быть совершенно добросовестным, следовало бы сейчас не высказывать определенного мнения и ждать, пока будет возможность узнать его подлинные желания. Но я должен сказать, что культурный класс южной Руси, интеллигенция, давным давно ведет между собою спор, при чем часть этой интеллигенции определенно называет себя «малороссами» и оскорбляется, когда их называют «украинцами», а другая часть определенно называет себя «украинцами» и ненавидит «малороссов». (Г о л о с: «Вздор!»)

Что характеризует малороссов? Малороссов характеризует, во-первых, то, что они дорожат своим русским именем, которое заключается в этом слове: «Малая Россия», «Малая Русь», «малоросс». Во-вторых, то, что, вполне сознавая вековые и настоящие интересы своего края, они считают тесную связь с остальной Россией и в особенности Великороссией в высшей степени необходимой и важной не только для Великороссии, но и для Малой Руси. В-третьих, что малороссы до конца войны не желают слышать ни о каких автономиях и, в-четвертых, что они желают сражаться и умирать в одной русской армии, понимая, что только единая

---

*) *Далее по машинописному тексту.*

русская армия способна защитить всю Россию, и «великую», и «малую», от немцев. Что характеризует украинцев? Прежде всего название. Именно: они стараются елико возможно ограничиться от русского имени и потому называют себя «украинцами». Связь с Россией они признают опять-таки «постольку, поскольку», автономии желают немедленно (Голос: «Неправда!»), в лучшем случае, и желают иметь свою собственную армию. (Звонок председателя.) Так как я слышу предупреждающий звонок, то я не могу развивать свою мысль так, как я бы ее хотел, и должен закончить и заявить вам, господа, от лица Киева, что мы желаем... (Голос: «Кто вас уполномочил?» Голоса: «Что за вздор.» Шум.) Я сделаю поправку: я скажу, что я говорю от лица тех 25 000 голосов, которые я только что получил. От этих лиц я буду говорить. Вот от лица этих 25 000 голосов я заявляю, что мы, как и 300 лет тому назад жители этого края, желаем держать с Москвою крепкий и ненарушимый союз (Возгласы: «Браво!», аплодисменты) и просим вас об одном: если вы хотите стать вместе с Петроградом в этом вопросе на сторону украинцев, то сделайте нам одну справедливость, — не смешивайте нас, ибо это нас оскорбляет. (Аплодисменты.)

Керенский. Имею сделать следующие разъяснения. Я слышал некоторые возгласы о том, якобы все имеют неодинаковое количество времени. Я даю разное количество минут согласно тому соглашению, которое было заключено вчера. Каждая организация и группа имеет определенное количество минут или часов и по своему усмотрению делит это [время] между своими представителями. Поэтому одни имеют 10 минут, другие—15, третьи—25, и есть имеющие 50 минут. Для Временного Правительства безразлично от той или иной организации говорят несколько человек или одно лицо. Поэтому и впредь прошу вас знать, что время ораторов не одинаково, а различно, согласно их собственному желанию. ([Возгласы:] «Правильно!», аплодисменты.)

Позвольте также мне огласить сейчас полученную телеграмму от американского посла:

«Я имею честь передать следующее от президента Соединенных Штатов: «Беру на себя смелость послать членам великого Совещания, заседающим теперь в Москве, сердечные поздравления от их друзей, народа Соединенных Штатов, и выразить им уверенность в конечном торжестве идеалов демократии, самоуправлений против всех врагов внутренних и внешних и вновь выразить им уверение в готовности оказать всяческую материальную и моральную поддержку правительству России для успеха объединяющего оба народа общего дела, в котором они не преследуют никаких личных целей». Подписано: Вудро Вильсон». (Возгласы: «Браво!», Продолжительные аплодисменты перед дипломатической ложей.)

Предлагаю министру иностранных дел осведомить американского посла о тех чувствах, которые охватили российское Государственное Совещание при

оглашении телеграммы президента дружественного нам народа. (Аплодисменты. Возгласы: «Ура».)

Слово принадлежит члену 4-й Государственной Думы Маклакову [38]).

Маклаков. Господа, я всегда, всю свою жизнь, был сторонником единения и противником партийной вражды, а сейчас призыв к единению больше чем когда-либо находит отклик во мне. Ведь если возможно еще, что без соглашения тех сторон, на которые разбилась Россия, что без их соглашения каким-то чудом какая-то сила извне спасет нашу родину, то без этого соглашения свободы уже не спасти. Я хорошо понимаю, что здесь не место организовать соглашение. В стране, в которой в настоящее время нет представительства *), где правительство обладает диктаторской властью, ибо оно само говорит, что объем его прав неограничен, где оно и правит диктаторски, в такой стране не только полнота власти, но и полнота ответственности лежит на правительстве. Оно не может переложить ее ни на какую организацию, и поэтому нам приходится прежде всего слушать его и самое соглашение устанавливать через него. И я рад прежде всего сказать, что эта основная задача, которую, по словам правительства, оно ставит себе, что эта основная задача именно та, на которой единение может создаться. Правительство сказало, что его главная цель — довести страну до почетного мира, не дать победы Германии. Если слова эти искренни и обдуманны, — а я без оговорок верю в их искренность,— если слова эти есть действительная программа правительства, то соглашение уже есть. Те люди, которые согласны в главном и основном, во всех деталях всегда сговорятся, но зато, как бы ни были люди близки вчера, как бы они ни были единомышленны во всех частностях, если в этом главном вопросе хоть что-либо их разделяет, если для них есть хоть что-нибудь дороже благополучной войны и почетного мира, они не сговорятся уже ни в чем. И я счастлив сказать, что в этом главном вопросе у меня с правительством розни уже нет. И вот [естественно], и в дальнейших шагах уже образуется возможность нового соглашения: воевать до конца, до почетного мира. Ведь это значит отречься от праздности, удовольствий и выгод; это значит вступить на путь напряжения всех сил страны; это значит устранить все, что сеет между нами рознь и несогласие. И потому в практической программе, в деловой программе, которую изложили нам два министра, я уже вижу эти новые черты. Мы услышали у них отказ от того финансового и экономического дилетантизма, от тех социальных экспериментов, которые до сих пор осуществлялись явочным порядком, ибо входили в программу деятельности политических партий и органов. Мы видим отказ от этого и видим, что правительство становится на правильный путь. Да, во время войны иначе и невозможно.

Государство должно оказать всю разнообразную помощь трудящимся и неимущим, должно проводить широкое государственное вмешательство в экономическую

*) *В подлиннике:* правительства.

жизнь, но все это на почве настоящего социального строя, который, мы должны, должны это признать, еще будет не только существовать, но будет еще развиваться, ибо конец ему не только еще не пришел, но самое несчастье России в том, что он был только в зачатке. Конечно, государство имеет право требовать и жертв и труда, но, вместе с тем, оно должно охранять все права частных лиц, охранять самый порядок от его нарушений. Вот та новая программа, которую сейчас объявило правительство. На ней возможно соглашение между обеими сторонами. Оберегайте классы, которые нуждаются в защите государственной власти, но не фантазируйте, не подрывайте основ того строя, который изменить вы не можете. Это единственный государственный путь, обективно необходимый, тот путь, на который должна стать сейчас всякая власть, какие бы партии ее ни составляли. Но эта программа есть не только программа оздоровления России от тех ошибок, которые она до сих пор сделала, быть может, приходящая слишком поздно. Эта программа и покаянная.

Я не задаюсь мелкой радостью кого-то в чем-либо упрекнуть. Я открыто признаю, что во всех ошибках, которые были сделаны, мы все повинны. Сейчас нет места никакому самолюбию, никакому упрямству, и кто претендует на непогрешимость, невыносим. Мы все сделали много ошибок, которые мы все должны исправить. Я рад, что эта задача поставлена и что мы выступаем, наконец, как зрелые люди, отделавшиеся от этого угара, кошмара, от той горячки, которая неизбежна во всякой революции, которая естественна и простительна, ибо главные ошибки власти вызваны ее излишней верой в страну, а страна такие ошибки прощает. Все это понятно, естественно и исправимо, если только мы во-время сумеем от них отрешиться. Но когда правительство приходит сюда с открытой душой и требует откровенного слова, пусть оно не обидится, если я скажу, что во мне не все спокойно. Во мне есть тревога и сомнение, которые не рассеялись. Мой долг указать источник этой тревоги. Она в том, что, как ни разумна эта программа, во мне нет веры, что правительство доведет ее до конца, ибо хотя у него есть диктаторская власть и неограниченные полномочия, ибо хотя оно иногда не стесняется в проявлении этой власти, но правительство, к несчастью, и несвободно и недостаточно смело. Нужны ли доказательства? И да простит мне председатель Временного Правительства, я ничего не требую, но и не могу не указать на ту тревогу, которую испытывает общественная совесть, которая хотела бы верить правительству, этому правительству спасения страны, когда она видит, что в среду этого правительства приглашены вчерашние пораженцы. (Аплодисменты и крики: «Довольно!») Господа, всякий властен в своих взглядах (Овация левой стороны Чернову. Возгласы: «Браво, Чернов! Да здравствует мужицкий министр Чернов!»)

Председатель. Я прошу собрание сохранять спокойствие и предоставить каждому говорить все, что он хочет. Временное Правительство не было бы

ни одной минуты правительством, если бы в его среде были люди, которые не ставили бы благо государства выше всего. (Шумные аплодисменты.)

Маклаков. Я продолжаю. Если бы в правительство спасения родины не были приглашены вчерашние пораженцы... Я не знаю, господа, как думают они сейчас, но меня их вчерашняя линия смущает. (Шум, крики: «Довольно!») Господа, вы у меня отнимаете время. (Шум, крики: «Довольно!»)

Председатель. Я прошу члена Государственной Думы не злоупотреблять свободой слова. (Аплодисменты.)

Маклаков. С председателем спорить нельзя. Поэтому я должен оставить его замечание без ответа, хотя имел бы многое ответить. (Аплодисменты.) Господа, на этот инцидент ушло много времени. Я принужден опустить многое другое. Позвольте мне перейти к самому главному, и, может быть, здесь мне не будут мешать ни в зале, ни с председательского кресла. Если война есть первое дело, — а я искренно говорю, что со стороны правительства, в совокупности его, я не сомневаюсь, что это так, — то первое дело и первая обязанность, это — воссоздать в армии дисциплину. Если мы дисциплины в армии не создадим, то нет армии, нет и войны. Тогда смешно говорить о почетном мире и о войне до конца. Воссоздать дисциплину в армии всеми мерами, это — наш долг, который возложила на нас революция, революционный наш долг, потому что никакими криками вы [ничего] не измените в факте, что разрушение и падение в армии начались после переворота. Это было тоже неизбежно. Я за это никого не виню. Но это случилось, и случилось от неизбежных ошибок, которые делала власть. И вот, когда мы, наконец, поняли, что задача правительства всеми мерами, безусловно, безоговорочно, не медля восстановить дисциплину, то какая печальная нота звучала сначала только в газетных известиях, что правительство встречает препятствия сделать то, чего от него требуют военачальники армии, ответственные за исход войны, и какая тревожная нота звучала в словах председателя, который говорил о воссоздании армии, но с оговоркой, что не будут тронуты ни комитеты, ни революционные суды, ни комиссары. Если эти учреждения нужны для дисциплины, то удвойте их число и значение. Если цель сохранения этих институтов — воссоздание боевой армии, ставьте их на первую очередь. Я не буду разрешать разногласия между двумя военачальниками, из которых один высказался за их упразднение, а другой за их сохранение.

Для меня важно и глубоко печально то, что причина их воссоздания и поводы к их сохранению, по словам тех, которые стоят за них, лежат не в соображениях дисциплины. Никто не решится сказать, что командный состав офицеров, который полноты власти не имеет, не имеет даже дисциплинарной власти над теми, кто ему подчинен, который может приказывать, но не может взыскивать за ослушание, который свободен только в оперативной части, что такое положение офицеров совместимо с дисциплиною войск, — этого не скажет никто. Мы понимаем, что

эти институты комиссаров и комитетов возникли, когда разрушилась, разложилась прежняя власть и они заполнили пустоту, что они возникли, как естественное явление дней революции. Но когда в армии появилась, наконец, настоящая власть, воссоздающая дисциплину, которая ведет войско в бой, которая создает прежнее войско, этим суррогатам командного состава армии, казалось бы, делать уж нечего. И вот Н. С. Чхеидзе в декларации, которую он здесь прочел, дал ответ на это: комиссары и комитеты, это — проводники революционной политики. Это вот правда! Так это и есть: не соображения дисциплины, не они заставили стоять за комитеты и комиссаров, а соображения политики, необходимость иметь в армии свою руку, боязнь того, что без этого армия пойдет не тем политическим путем, которым ее хотели бы повести. Когда это случилось после переворота, это простительно и понятно.

С одной стороны, армия всегда казалась орудием, не скажу контрреволюции, но старого строя. А с другой стороны, у тех, кто вводил революционную дисциплину, были другие надежды. Они думали, что они обойдутся без войны, что один Циммервальд приведет нас к почетному миру. Они могли без опасения разрушать дисциплину, выводить армию из-под власти вождей. Но, господа, теперь, когда мы видим, что это утопия, что Циммервальд не избавил нас от войны, когда враг идет в наши пределы, когда армия должна воевать, когда стоит дилемма: или армия будет заниматься политикой, или будет повиноваться вождям, — как теперь относится к этому вопросу правительство? [Те элементы, которые] во что бы то ни стало стоят за эти институты, стоят на прежней позиции. Они — в настоящем ложном кругу: вернуть в армии дисциплину полностью, значит отдать армию во власть офицеров, которым они не верят, удаления которых они требуют. А если не воссоздать дисциплину, то армия не есть боевая армия, и сражения не будет. Из этой дилеммы нет выхода. Выход, который они указали — выход на полупуть, он ничего не спасет. Я с их стороны это готов понять и признать. Но почему правительство, которое хочет войны до конца, которое ответит перед Россией, если от промедления этих реформ несчастия на войне будут продолжаться, почему правительство, на котором лежит вся ответственность, которое не бежит этой ответственности, почему правительство в этом вопросе не станет вместе с вождями и не скажет: «О, этого урока довольно! Россия за него заплатила! Пора сделать армию армией, пора вернуть командному составу все его права и воссоздать в России прежнюю храбрую армию». Почему правительство этого не делает? Ответ только один: правительство недостаточно свободно, правительство недостаточно смело, оно не дерзает итти против политических партий, оно не дерзает итти против органов демократии. Но я скажу еще больше: оно, повидимому, само их опасения разделяет. А вчерашний день, как здесь не раз говорили, были в речи председателя какие-то неясные, непонятные намеки: кто-то угрожает штыками, которые хотят подавить революцию, кто-то придет сюда и приведет с собой

старый порядок. Вот что смущает председателя. Но на это просто ответить: штыками революцию не уничтожить, как штыками революцию не защитить. Сила революции в том, что она была единодушно принята населением. Сила революции в том, что ей верили и ее хотели. И покуда верят и хотят этой революции, покуда революционная власть исполняет свой долг, защищает Россию и ведет Россию, до тех пор смешны какие бы то ни было заговоры *).

Но, господа, может наступить время, когда этого не будет. Если разруха, которая началась, будет продолжаться, если многочисленная и хорошо вооруженная армия окажется не армией действующей, но митингующей, если будет все это, а на ряду с этим остановится транспорт, начнется безработица, финансовый крах, голод и холод, если Россия придет в это состояние распада и смерти, — тогда чем вы спасете Россию? Тогда будет та контрреволюция, которую штыками не победишь **). (А п л о д и с м е н т ы.) И вот почему ясно, что надо делать.

Есть одна программа, один способ спасти революцию, это—программа разумного управления России, без утопий, грехов и ненужных ошибок. Сумейте использовать ее, покажите, что вы на высоте положения, и тогда революция укрепится. И я хочу сказать правительству, которым эта программа уже начата, которое первые шаги по ней сделало: пусть оно по ней идет до конца. Почему в ряде тех деталей, о которых мне не дали говорить, оно не отрезает себя от этих хвостов политических предрассудков? Потому что правительство не видит, что политические партии, организованное меньшинство страны, это не все. Правительство не видит, что народ, это — даже не партия, не те, которые голосуют за партийные списки. Правительство не хочет видеть, что партии как таковые могут ошибаться, даже самые передовые, самые популярные. Каждый может знать, что он хочет, но не каждому дано видеть, что можно. Политическая программа момента диктуется не волей политических партий, а волей истории. Пусть поймет правительство, что нужно России, что ей действительно нужно, и пусть идет по по этой дороге смело, какие бы сопротивления это ни встретило. И я скажу больше: если правительство думает, что у них, разошедшихся с политическими партиями, не окажется фактической силы, то это ошибка, — за ним будет не организованное меньшинство, не партия, а та глубинная, темная масса народа, которая сейчас тихо, по недоразумению, подает свой голос за партийные списки. Эта масса, голос которой, как говорится, и есть «божий голос», эта масса своим инстинктом поймет, кто ее губит и кто ведет к спасению. (Ш у м н ы е а п л о д и с м е н т ы с п р а в а, в о з г л а с ы: «Правильно!») И того, кто ведет ее к спасению, она окружит той любовью, тем сочувствием и той преданностью,

*) *В подлиннике:* разговоры.
**) *В подлиннике:* оживишь.

против которых будут бессильны злопыхательства политических партий. (Аплодисменты.)

Правительство хотело найти нечеловеческие слова, чтобы заставить всю страну объединиться. Но нечеловеческих слов оно не найдет. Оно уже сказало все слова, которые можно сказать. Но так много и не нужно. Пусть только страна поверит, что правительство, которое ею управляет, способно вести ее к победе и жизни, как поверила когда-то, но оно сделала революцию *). Пусть она поверит, что они все любят родину так же, как любят и революцию, что для них родина дорога не только как честь революции, не только потому что она стала свободна, а что родина для них дороже всего, хотя бы несчастная, хотя бы и рабская. Пусть правительство опирается не на формальные резолюции политических партий, пусть оно опирается и верит тем, кто сейчас где-то там, на фронте, погибает за свою неблагодарную родину. Пусть оно их послушает, видит в них опору и найдет в себе мужество дерзать и вести страну за собой, ибо грозный суд приближается. Тем, кто взял власть и держит ее, тем оправданий не будет. Они не смогут сослаться на вотумы партий и резолюции комитетов. Вся ответственность ляжет на них, и они это знают. Пусть же они дерзают, пусть найдут мужество, начав программу, довести ее до конца, не останавливаясь и веря, что Россия, большая Россия, не партийное большинство, а большая настоящая Россия, пойдет за всяким, кто поведет ее к указанной цели. Россия, господа, за революцию себя не продаст! Для России нужно — спасать ее, а не революцию. И Россия любит революцию только за то, что революция, по ее мнению, спасет ее, и если она когда-либо в этом усумнится, никакими силами вы завоеваний революции не удержите. И те, кто дрожит сейчас над этими захватами и завоеваниями революции, увидят очень скоро, как они в своей политике ошибались. (Бурные аплодисменты справа.)

Керенский. Я прошу господ членов участников Совещания впредь не злоупотреблять своим правом совершенно свободного и до конца высказывания своего мнения; и это я понимаю, только в одном смысле: я прошу господ ораторов не повторять раз уже сказанного, если сказанное чересчур волнует собрание. (Аплодисменты. Шум. Слева возглас: «Ого! почему?») **). Это потому, что я одинаково охраняю спокойствие всего собрания. (Обращаясь вправо.) Вы спрашиваете, почему. Потому что это взволновало не вашу сторону, но я предвижу возможность и обратного, потому заранее говорю о том, что нужно нам сохранять спокойствие для общегосударственного дела. (Аплодисменты.) ***).

---

*) *Так подлиннике.*

**) *Далее по рукописному тексту.*

***) *Далее по корректурным гранкам «Известий Московского Совета».*

Церетелли. [39]) Граждане и товарищи. Я имею честь выступать от имени Всероссийского Центрального Комитета Советов Р. и С. Д., а также от имени Всероссийского Центрального Комитета Кр. Д. Всегда во всех своих действиях демократия соединяет свои усилия, чтобы достичь общей цели, не считаясь ни [с] местными *), ни [с] групповыми, ни [с] личными интересами. И в данном случае мы сочли [необходимым] в интересах дела соединить наше выступление, так как в общих основных чертах [мы не расходимся во взглядах] на ту трагическую проблему, от решения которой зависит судьба страны. Представители организованного крестьянства, организованного рабочего класса и организованной армии смотрят единодушно. Я выступаю здесь перед лицом Всероссийского Государственного Совещания не для того, чтобы вступать в полемику с представителями различных групп населения, как бы далеко ни стояли они от той точки зрения, на которой стоят организации, мною представляемые. Я считаю, что основная задача, основной смысл происходящего ныне совещания — определить ту единую линию, которая не на словах, не в принципиальных декларациях,а на деле объединит все силы, способные бороться во имя спасения страны. Они должны общими усилиями, подкрепляя революционную власть, взяться за дело спасения страны более напряженно, более энергично, чем это делалось до настоящего момента. Ибо, действительно, настал такой час, когда промедление грозит нашей свободной родине гибелью, и когда должны быть брошены на чашу весов все те силы, которые остались у народа для того, чтобы он мог отстоять свое существование и свою свободу.

И если я коснусь некоторых положений, с которыми я решительно расхожусь, то не для того, чтобы еще раз манифестировать здесь особенности точки зрения, мною представляемой, но потому, что я считаю, что выяснение до дна всех основных вопросов, разделяющих некоторые части от того целого, которое именуется революционной Россией, может лишь теснее сплотить эту революционную Россию для напряжения всех сил в деле спасения страны. И потому я должен начать с указания на одно неверное положение, сказанное здесь последним оратором. В. А. Маклаков сказал, что в настоящую минуту задача власти — действовать вне зависимости от общественных сил, которые до настоящего момента эту власть поддерживали.

По мнению гражданина Маклакова, если Временное Правительство определило пути спасения страны вне зависимости от того, как отнесутся к этим путям те или другие партии, те или другие группы, те или другие слои населения, и если оно, опираясь только на свою веру и свою прозорливость, двинулось бы смело вперед, то оно могло бы спасти Россию и повести за собой народные массы. Я говорю: если дело в этом, если это пути спасения России, то что же мешает любой

*) *В подлиннике:* местом.

группе, любому отдельному лицу, разделяющему взгляды гражданина Маклакова и принимающему его пути спасения, всенародно об этом заявить и объединить народные массы вокруг себя? (Аплодисменты, возгласы: «Правильно!») Очевидно, в настоящий момент спасти Россию может только сознание и усилие организованных народных масс. Я знаю: народ в его целом не получил законченной организации, народ в его целом еще не имеет органа, бесспорно выражающего общее мнение всего народа и уполномоченного на это выражение раз навсегда. Но все же с самого начала революции народ, низвергнувший старую власть, как за спасительное оружие, схватился за дело организации. И здравый разум народа, его инстинкт самосохранения, его живая мысль подсказали ему, что вне организации, вне этой сети, покрывающей всю Россию и объединяющей народные массы, нет спасения. Если была создана власть Временного Правительства, которая олицетворяла всю революционную Россию и явилась носителем власти этой революционной России, то потому, что она источником своим имела те организации, которые хотя и несовершенно объединяют народные массы, но получили всенародное признание.

В этом деле строительства новой жизни и в последующем всякий раз, при пересоздании состава власти, оно опиралось на все то, что было сильного, что было властного, что было связанного с народными массами. И это потому, что настал такой час после низвержения старой власти, когда народ понял, что у него нет другой защиты, кроме него самого, нет другой опоры, кроме него самого, и он сумел выделить из себя такие организации, которые с момента революции, несмотря на то, что переустройство государства совершалось в невероятно трудных условиях, под огнем, под обстрелом врага, смогли в целости и сохранности донести идею великого свободного народа, в целости и сохранности донести надежду освобождения этого народа от всяких опасностей и сохранить его единство, его целость, его великую будущность. Великая трудность положения трудящегося русского народа в том именно и заключалась, что он должен был совершить это переустройство один своими силами, без длительной организованной подготовки в тот момент, когда все другие от этой задачи отступили. Александр Иванович Гучков, который, к сожалению, не окончил своей речи, успел сказать одну истину: он признал, что руководящие классы, когда они убедились, что старая власть не в состоянии защитить страну от разгрома, спасти ее существование, когда они убедились в этом, все же не нашли в себе духа, не нашли в себе инициативы, чтобы освободить страну от этой губящей ее власти, и не они были инициаторами переворота, обеспечившего народу возможность спасения. (Аплодисменты.) Народ был предоставлен своим силам, и не создай он в этот момент тех самочинных, тех несовершенных, но все-таки являвшихся оплотом единства государственных организаций, не создай он этих организаций, рушилась бы, навсегда бы исчезла возможность спасения. (Шумные

аплодисменты.) Я не знаю, как думал закончить гражданин Гучков свою речь, думал ли он указать на другую еще более тяжкую вину некоторых руководящих слоев страны, но я скажу, что величайшая вина, величайший вред, который могли они принести делу спасения страны, в том именно и заключался, что они сами, не взяв на себя инициативу спасения страны от верной гибели, видя, что сам народ, в лице своих организаций, взял это дело [в свои руки] и тем только и спас страну от крушения под ударами внешнего врага... *) Все знают, что если бы не было русской великой революции, мы в настоящий момент уже имели бы сепаратный мир. (Голоса: «Браво!» Аплодисменты.) Ведь это все признают, все, даже справа, говорят о том, что великая революция совершилась во имя спасения страны; даже те, которые сердцем были связаны с царизмом, как, например, Шульгин, об этом сейчас заявивший, даже те говорят, что отшатнулись от царизма потому, что, по их собственному признанию, царизм вел и привел страну на край гибели, и от этой гибели только революция спасла страну. (Аплодисменты.) **)

Вы помните, граждане, говорили о том сыне, который сидит в бешено мчавшемся автомобиле, который на верную гибель несет его мать, и говорили о трагическом положении этого сына, обрекшего себя на бездействие. Но оказался тут же рядом другой более смелый сын, у которого рука не дрогнула сбросить на всем ходу того шофера, который вел к верной гибели мать-родину. И своею рукой, быть может, неумелой, но твердой рукой, с твердой надеждою и верою спасти свою мать, этот сын стал на место сброшенного, ведущего к гибели шофера. И те, которые боялись этого порыва, этого сдвига на всем ходу, когда совершился этот сдвиг, они признали: да, в этом единственный путь спасения страны. И в том, что они это признали, их заслуга. Но в том, что после этого они каждое неверное движение, совершенное неумелыми руками, хотели использовать для того, чтобы в еще более критическую минуту сбросить этого последнего шофера, для того, чтобы уже на верную гибель обречь мать, у которой бы не осталось никакого... (голоса: «Правильно!» Аплодисменты. Голос из ложи: «Неверно!»)... в этом, я скажу, вина еще большая, и мне безразлично, сознательна эта вина или бессознательна. Конечно, она бессознательна, но она все-равно погубит страну, если на этот путь будет увлечена страна. Я скажу: да, был момент, когда могли спасти от многих бедствий Россию силы, непосредственно вышедшие из глубин России. Был момент, когда губил страну царизм, и были промежуточные слои, так называемые руководящие слои, которые могли ослабить те опасности, которые налегли на страну, которые, прояви они больше инициативы, они, может быть, предохранили бы страну от тех

*) *В «Русском Слове» далее следует:* Голос справа: «ничего подобного».

**) *В «Русском Слове»: Бурные аплодисменты слева, возгласы справа:* «Неверно».

ужасных бедствий, в которых она теперь [находится]. Но если они этого не делали, если русскому народу, чтобы не погибнуть, надо было взять свою судьбу непосредственно в свои руки с помощью тех организаций, которые он сумел из себя создать, то пусть поймут они, что это — последняя опора. За эту последнюю опору взялся русский народ, и если бы он ее выпустил, он уже не имел бы спасения. И поэтому я говорю: преступление совершают те, кто в настоящий момент хочет разрушить эти опорные пункты, с помощью которых еще борется русский народ и народы, населяющие Россию, этот оплот хотят сокрушить *) и хотят какими-то иными путями, помимо народа, другими силами спасти страну. Русский народ в настоящий момент больше всего верит собственным силам, и всех тех, которые хотят его организованную силу устранить для того, чтобы начать дело его спасения, отметет, как отмел он тех, которые уже раз привели его этим путем на край гибели. Граждане! Здесь генерал Корнилов, верховный главнокомандующий, нарисовал перед нами ужасную картину. Да, под жестокими ударами **) приходится демократии получить своe крещение в деле государственного управления и в деле строительства своей судьбы. Да, она пришла к этому делу не вполне готовой, и она мужает и крепнет в суровую пору, напрягая все силы, но все-таки крепнет демократическая Русь. Суровые уроки приходится ей переживать. Очень образно и очень сильно, ударив по всем сердцам, верховный главнокомандующий сказал: «Если нам ценою потери частей нашей территории достается порядок в тех или иных отраслях народного управления, если ценою потери Риги будет восстановлен порядок железнодорожного сообщения и ценою других потерь другие отрасли жизни будут приведены в порядок, то это ужасно». Да, это ужасно, но все же при этих условиях, если, получая удары кровавые, народ смыкает свои ряды, все-таки есть надежда, что будут взяты обратно и Рига и утраченные части территории. (Аплодисменты.)

Но я вам скажу, есть одна цена, — и вы хорошо это заметьте, — есть одна цена, которой нельзя купить порядок в стране: нельзя купить порядка ценою потери веры народа в силы народные, силы демократии. Если бы вы создали такой порядок в стране, это был бы порядок не живого борющегося государства, а это был бы порядок кладбища, похороны судеб России. Это было бы потерей всей России. (Аплодисменты.) Задача власти — так организовать порядок, так организовать защиту страны и это величайшее дело, которое поставлено перед революционной властью, так организовать, чтобы в движение привести все народные силы, весь наличный капитал народных организаций для дела спасения страны. Вот эта опора не изменит ни в момент торжества народного, ни в момент поражения народного. Ибо эта опора есть сам народ, и его судьба неотделима

---

*) *В подлиннике:* извлечь.

**) *В подлиннике:* уроками.

от него самого. Вот на это надо опираться, и потому мы и отстаиваем демократические организации. Нельзя еще убирать эти леса, когда здание свободной революционной России еще не достроено... (Бурные аплодисменты.)

Именно для того, чтобы укрепить эту свободную Россию, чтобы дать ей силы отразить врага и строить свою свободную судьбу руками своего народа, именно для этого нельзя убирать этих лесов, пока не достроено, не укреплено здание революции. Здесь все говорили: власть не так сильна, как это диктуется интересами минуты. Но я вам говорю: власть может крепнуть, только опираясь на все живые силы страны и, в первую очередь, на организованную демократию, которая грудью будет отстаивать спасение страны, которая мужает, которая учится с каждым часом и готова не остановиться ни перед какими жертвами во имя спасения страны. (Голоса: «Правильно!» Бурные аплодисменты.) Здесь говорят: это самочинные организации, с созданием органов самоуправления они уже не нужны теперь России.

Но посмотрите: насколько в тех или других областях на смену Советам приходят другие демократические органы, они сами отдают им эту работу и оставляют за собой охрану тех позиций, где не пришла еще смена. Да, с созданием общественных самоуправлений, избранных на основе всеобщего голосования, все функции самоуправления, которые исполнялись раньше Советами, переданы ими этим демократическим организациям. И не как соперникам, а в полном единении сидят здесь все представители и самочинных демократических организаций, и органов самоуправления, избранных на основе нового закона. И вы имели возможность убедиться, что в настоящий момент общая линия спасения страны объединяет всю эту организованную демократию. (Аплодисменты.)

Здесь говорят о жертвах. Мы сказали в своей декларации, какие усилия демократия готова прилагать в деле спасения страны. Эти усилия демократия рассматривает не как жертвы, а как усилия спасти самое себя, свой народ, свою страну. Мы это сказали. Я не буду повторять, что по силам в настоящий момент демократии, что она имеет, чтобы положить все это для спасения страны. Но в нашей декларации не сказано одно: там не сказано, что на нашем языке могло бы быть названо величайшей жертвой, добровольно принесенной демократией для дела спасения страны. Скажите, то признание полноты власти правительства, та передача коалиционному правительству всех государственных функций, которая была всенародно заявлена революционной демократией в момент тяжелых испытаний, были ли вырваны у демократии силою? Она сознала, что настал такой момент, когда для спасения страны надо власть централизовать в руках коалиционного правительства. Настал момент, когда это стало возможным, ибо усилиями демократии упорядочились более или менее взаимоотношения разных групп. И те, которые говорят о недостатках прежнего управления, о вмешательстве демократических коллективов в функции центральной исполнительной власти, пусть не

забывают, что нельзя было создать вне этого коллектива, вне этой организованной демократии такой сильной и самодовлеющей власти, которая могла бы на деле проводить важнейшие государственные функции. Пусть не забывают, что огромная часть того, что осуществлялось демократией в области государственного или военного управления, осуществлялось при настойчивых просьбах тех, кто был поставлен наверху, но не имел достаточно авторитета.

Нам говорят: эти коллективы плохо управляли страной. Быть может, но во всяком случае они давали возможность управлять страной. Мудрено ли, что народные массы, брошенные в критический момент, как здесь признавал даже сам гражданин Гучков, в критический момент, когда страна гибла, брошенная теми, кто был руководящими кругами в момент гибели старой власти, мудрено ли, что народные массы, в сущности говоря, никому не верили, кроме как самим себе? Организованная демократия, самочинные Советы, когда оказалось, что в интересах спасения страны государственная власть должна быть целиком передана в руки коалиционной власти и когда оказалась объективная возможность это сделать, — она сделала [это], и история оценит этот шаг демократии, именуемой «захватчиком власти». Но она осталась политической организацией тех классов, которые она представляет на страже завоеванной свободы. И пока не будут гарантированы завоевания революции иным каким-нибудь столь же действительным способом, она должна остаться на посту. Здесь говорят: но зачем, к чему в настоящий момент этот часовой? Так говорят те самые люди, которые больше всего говорят о бессилии революционной власти. Эти люди приглашают нас: снимайте демократические организации, завоеваниям революции не угрожает ниоткуда никакая опасность. Но если в той атмосфере, в какой живет теперь Россия, в той атмосфере безответственных начинаний и выступлений, когда действительно критический период настал для страны, если в безумной голове какого-нибудь отдельного человека или отдельной безумной кучки зародилась бы мысль, что настал час, когда можно подвергнуть испытанию дело свободы, когда можно попробовать водворить порядок в стране ценою уничтожения всех рожденных самодеятельностью народа организаций, и если бы эти намерения претворились в дело, то кто стал бы грудью на защиту народной свободы и существования страны? (Аплодисменты.) Кто отстоял страну, когда с другой стороны безответственные выступления подвергали опасности самое ее существование? Кто тогда стал грудью на защиту страны от анархии для воссоздания революционного порядка? Казаки и юнкера *). Да, в этом деле принимали участие также и казаки, и эта заслуга не забудется перед делом революции теми, кто тогда защищал революцию. Но я вам скажу, если бы в этот момент авторитетная организация революционной демократии, к голосу которой больше, чем к кому-либо, прислушивались и

---

*) *В «Русском Слове»:* Голоса справа: «Казаки и юнкера».

солдатские массы, рабочие массы, и массы крестьян, если бы она дрогнула и зашаталась, эта организация, — скажите, смогли бы казаки спасти порядок в стране? (Возгласы: «Браво!» Аплодисменты.) Ведь все те, которые сейчас бросают обвинение демократии, до сих пор они по крайней мере одного не отрицали, что это был авторитет, способный влиять на поведение широких масс вооруженных и невооруженных. И я вам говорю, если есть надежда на сохранение целости России, если есть надежда на спасение России, то именно эта организация сохранила ее. Она выдвинулась вперед, когда гибель грозила стране, и она стала оплотом ее спасения, надеждой народа. Пусть не забывают одного: все те, кто в эту трудную годину берет на себя ответственность за судьбы страны, все те, что на виду стоят,— они отражают не только порыв народа, не только его высокий идеалистический порыв, они отражают также и все те язвы, которые нанесены народному организму старым режимом, они отражают также и все те раны, которые нанесены внешним врагом. Если вы слабость власти видите, если не сумела революционная демократия, стоящая на виду, справиться со всеми трудностями, поставленными перед страной, то не забывайте, — все это отражается в их лице потому, что они олицетворяют страну в годину несчастия. Когда все отвернулись, тогда демократия, тогда революционная власть взяла на себя спасение страны. И если бы шесть месяцев тому назад стояла бы какая-нибудь другая власть, если бы она отражала все те несчастия, которые переживала страна, она не уцелела бы и двух дней. И только народная власть, из глубины народа вышедшая, народная организация, спаянная с народом, она имеет силу показать стране всю правду и для излечения этих язв, этих ран пробуждать самодеятельность народа. (Аплодисменты.)

Здесь говорят о том, что есть один основной вопрос, которым определяется возможность совместной работы. Это вопрос об отношении к войне, вопрос о защите родины, вопрос о патриотизме. Власть, движимая патриотизмом, — говорит гражданин Маклаков, — найдет опору в тех, что стоят за гражданином Маклаковым. Но я скажу: есть два патриотизма *),—один был формулирован Вильгельмом Гогенцоллерном в атмосфере войны и в применении к войне. Он сказал, что любит свою родину так, что он хотел бы, чтобы этой его родины все боялись, как гуннов, как Аттилы. Это своего рода патриотизм, и в нынешней войне он с разных сторон тоже появляется.

Но есть другой патриотизм, воплощенный в русской революции: мы любим нашу страну и до последней капли крови будем отстаивать ее от всякого насилия, от всякого порабощения. Но великую гордость свою, но величайший идеал свой видим в том, что наша родина, защищая себя, отстаивая себя, свои права, несла миру факел свободы, факел права и братства народов. (Аплодисменты.) Вот так понимаем мы.

---

*) *Далее по машинописному тексту.*

И когда говорим мы: «борьба за всеобщий мир», разве это не лозунг борьбы, разве ослабевают, оскудевают силы демократии от этих идеалов в борьбе с внешним врагом, несущим порабощение? Настала такая година, такой час, что без пробуждения сил народа, без опоры на самодеятельность демократии никакая власть не может спасти Россию, и без решительных жертв не только интересами чужих классов, не только аплодисментами, когда говорят об обложении других классов, но и мужественным призывом своих классов к жертвам, призывом, обращенным ко всем классам, не может быть спасена Россия. Обещаете ли вы все это сделать? Вы говорите здесь о пути, намеченном коалиционным правительством, о пути спасения страны. Так вот на этом пути революционную власть мы будем укреплять, и мы хотим, чтобы не было напора, отклоняющего от демократического пути эту власть. Мы хотим, чтобы по крайней мере из рядов тех, кто принимает коалицию, не вносилась бы дезорганизация в общую работу. Мы хотим, чтобы объединились для спасения страны под этой платформой все классы, живые и способные бороться за будущность страны. Мы говорим: настал такой момент, когда претворение в жизнь всех демократических начал — единственный путь спасения страны. Маклаков говорил: не отделяйте страну и революцию, иначе мы выберем страну. Да разве вы не понимаете, что тот, кто отделяет страну от революции, вынимает душу из страны. (Голос: «Правильно!») Только революция может спасти страну. Другие пути все испытаны или не испытаны по малодушию тех, кто бы мог в свое время их испытать. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.)

И сейчас остался только один путь, это — решительный путь демократических преобразований, объединение сил всей революции не во имя угождения тому или другому классу, не во имя своекорыстных интересов, а во имя общих интересов, во имя всей страны. И мы глубоко убеждены, власть, которая не опиралась бы на демократию, на ее поддержку, на ее сочувствие, она не могла бы даже дерзнуть взяться за спасение страны. Здесь, когда из рядов организованной демократии раздавались слова о требованиях к власти, то многие иронически противопоставляли заявлениям министра-председателя о невозможности требований эти заявления, но я глубоко убежден, что это основано на недоразумении.

Когда говорил министр-председатель о верховной власти, носителем которой он является, то, конечно, министр-председатель имел в виду, что источник этой власти в народе, а не в нем самом. (Аплодисменты.) Он, вместе с другими министрами, — носитель этой верховной власти, облечен доверием народа, и все те, которые опираются на народ, на народные массы и выражают их волю, они имеют право предъявлять требования носителю власти, имеющему необычайно широкие права, но также и необычайно великие обязательства. Они обязаны [не только] поддерживать и охранять эти права, но и предъявлять требования исполнения обязательств. Только та власть будет сильна, которая сумеет в настоящий момент, когда не создан совершенный аппарат выражения народной воли, в заявлениях

различных слоев, различных организаций, демократических и недемократических, уловить ту *) общую **) волю народа, которая только и может быть поддержана усилиями народа. Внешнее выражение, в достаточной степени осязательное, воля народа уже получила, уже совершились всеобщие выборы на основании всеобщего равного, прямого и тайного голосования во всех углах России. И если вы искренне сомневались в том, насколько тесно демократические организации связаны с широким населением по лицу всей земли русской, то, я думаю, все-таки некоторые убедились, — в этом отношении уроки дала уже русская действительность.

Нельзя отрицать, особенно в такой момент, удельного веса и значения тех, кто силен своим имущественным цензом. Революционная власть не может этого скидывать со счетов, и если есть в этих рядах силы, способные поддержать общее дело спасения страны, не разрушая единства и общих народных усилий, — и власть, и организованная демократия должны сделать все, чтобы открыть им путь к делу спасения страны. Но если бы случилось так, если бы так случилось, что, рассчитывая на свой вес и на свое значение, эти цензовые имущие элементы поставили бы народную власть перед выбором опираться в деле спасения страны только на цензовые элементы, отметая чаяния и силы народа в его огромном большинстве, или же избрать своей опорой организованную демократию, то для народной власти выбор был бы ясен. Опираясь на организованное огромное большинство населения, она имела бы надежду спасти усилиями этих слоев страну и имела бы возможность заставить всех других склоняться перед высшими интересами государства. (Аплодисменты левых.) Но не может быть, чтобы помимо трудящихся классов не нашлись живые силы в деле общего спасения страны. Не только демократии нужно существование страны и ее защита. Слишком чудовищно отходить в сторону от страны за то, что она, стоя на краю гибели, сумела родить революцию, дать простор демократии и схватиться за это оружие, чтобы спасти себя. Не может быть, чтобы цензовые элементы все целиком отошли в сторону и заняли бы эту безответственную позицию, которая равносильна отказу от родины. Ибо в настоящий момент, когда родину иначе спасти нельзя, как решительной борьбой всех демократических сил на почве революционной демократической платформы, — и иных путей не могла избрать демократия, — ставить ультиматум огромному большинству народа: или сойти с этого пути, или лишиться поддержки, это — значит отказывать родине в своей поддержке. И вот здесь, на этом собрании, должен решиться этот вопрос. Дело не в принципиальном присоединении. Мы имеем коалицию, мы имеем коалиционную власть, и мы имеем определенные обещания определенной работы в будущем со стороны демократии, не во имя своих корыстных интересов, а во имя защиты страны, во имя демократической

---

*) *В подлиннике:* уложить.
**) *В подлиннике:* сущую.

революции, во имя буржуазной революции, которую должна была совершить буржуазия и которая главную тяжесть этой борьбы взвалила на плечи трудящихся. Во имя этого нецензовая демократия призывает бороться и цензовые, имущие элементы. Теперь в этот критический момент не на словах, а на деле надо всемерно способствовать осуществлению демократической программы, ибо демократическая программа и программа спасения страны в настоящий момент уже синонимы: одно от другого неотделимо. (Бурные аплодисменты слева.) И когда здесь раздались аплодисменты на заявления министра финансов, что коалиционная власть думает пересмотреть уже принятые финансовые законы, чтобы облегчить некоторое бремя для имущих, я бы хотел, чтобы представитель имущих сюда взошел и сказал, что не об облегчении бремени налогов должен думать имущий класс, что в эту неслыханную годину, когда истощенное, разоренное государство тратит 32 миллиарда в год, в эту годину имущие классы не должны останавливаться ни перед какими жертвами для государства. (Шумные и продолжительные аплодисменты слева.)

И если отсюда не раздаются эти протесты, то протест все-таки будет из рядов организованной демократии. Мы говорим, что мы обеспечиваем власти все, что в наших силах. Мы будем с нею вместе напрягать все силы в деле спасения страны. Но не такое теперь время, чтобы щадить какие бы то ни было интересы, расходящиеся с интересами целого. Пусть эта власть не останавливается даже перед тем, чтобы оттолкнуть от себя те или другие своекорыстные группы. Демократия обеспечит этой власти достаточно силы, чтобы она сумела привести мерами государственного принуждения эти слои к жертвам, которые требуются во имя спасения страны и которые добровольно [не] даются. (Аплодисменты слева.) Вы читали наши заявления. Они распадаются на две части: на ту, которая направлена на обложение имущих, на жертвы, которые государство должно взять от имущих, и на другую часть: то, что может дать трудящийся класс от себя. И никакая жертва не рассматривается, как способ увеличения благосостояния одного какого-либо класса. Все должно итти на укрепление целого.

Вы скажете: но ведь на деле бывали случаи и продолжаются случаи иного отношения к среде трудящихся. Да, бывали случаи и продолжаются случаи, и организованная демократия, передовая часть всех трудящихся классов, прилагает все усилия во имя спасения страны, чтобы эти случаи уменьшились, чтобы они исчезли. Где передовые слои ваших классов, где борьба в рядах ваших классов во имя общенародных [интересов с теми, кто не возвысился до понимания этих] *) интересов? Вы говорите: цвет интеллигенции, цвет образования — в этих классах. Да, действительно, цвет интеллигенции, цвет образования.

---

*) *Слова, заключенные в скобки, пропущенные в подлиннике, дополнены по «Известиям Московского Совета».*

И мы хотели бы видеть решительную борьбу передовых слоев этого класса совместно с демократией во имя привлечения к жертвам тех остальных слоев вашего класса, которые губят страну. Только в этом случае коалиция получит название реальной коалиции.

Здесь много возгласов раздавалось и были аплодисменты то с той, то с другой стороны. Я заявляю: да здравствует честная, реальная, не останавливающаяся перед жертвами, демократическая коалиция. Я знаю, что здесь будут аплодисменты. Но будут ли они там? (Жест направо.) (Бурные аплодисменты. Голос: «Да здравствует Совет Р., С. и Кр. Д.!» Бурные аплодисменты.) Да здравствует демократическая коалиционная революционная власть! (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию Временнному Правительству.) *)

Милюков [40]). (Встречен аплодисментами.) У меня нет достаточно времени для того, чтобы проследить за всеми причудливыми изгибами речи представителя органов так называемой «революционной демократии». Он не хотел спорить (шум слева), но все время спорил. Он выставил ряд сомнительных утверждений, в которых истина смешана с ошибкой. Верно, сказал этот оратор, что революция совершилась во имя спасения страны. Неверно, или во всяком случае не доказано, что при условиях иных, чем настоящие, мы в настоящее время имели бы уже сепаратный мир. Верно, что революция начата стихийным порывом народных масс, а не планомерным заговором. Неверно, что своей победой революция обязана неорганизованной стихии. Она обязана этой победой Государственной Думе (смех слева, аплодисменты справа), объединившей весь народ, а не отдельные партии, и давшей санкцию переворота. (Голоса: «А Михаил, Алексей?». «Верно»... Шум слева.)

Керенский. Прошу собрание соблюдать тишину, иначе я удвою срок оратору.

Милюков. Верно, что демократические организации пытались организовать революцию; неверно, что они могут спасти революцию от гибельных последствий их собственных ошибок. Верно, что **) задача власти, когда еще не создан аппарат, правильно выражающий волю народа, уловить эту общую волю; неверно, что общая воля народа выражается исключительно в наскоро сколоченных партийных организациях. Верно, что власть не должна опираться только на цензовые элементы; неверно, что нецензовые элементы сошлись клином в одних только так называемых органах революционной демократии. Верно, что неорганизованные массы населения в настоящее время подчинились тем партийным лозунгам, которые звучат наиболее многообещающе; неверно, что партии,

---

*) *Далее по рукописному тексту.*

**) *Далее по машинописному тексту.*

выставляющие эти лозунги, имеют монополию демократизма, ибо Россия не состоит из одних только социалистов. (Аплодисменты справа.)

Я выступаю от имени партии демократической, но не социалистической, от имени партии, которая исповедует демократическую программу и которая двенадцать лет тому назад, при самом своем возникновении, поставила на своем знамени — достижение народной свободы и самых широких демократических социальных реформ. Эта партия имеет все основания считать завоевания великой русской революции и своими завоеваниями. (Аплодисменты справа.) Она активно участвовала в борьбе, которая привела к этим завоеваниям, и теперь, в дни быстро возрастающей опасности, которая грозит новым перерывом победному развитию начал свободы и права, теперь эта партия считает себя обязанной поднять свой предостерегающий голос.

Я знаю обычное в наши дни возражение, когда мы говорим о тех бедствиях, которые обрушились на Россию вследствие уклонения революции с правильного всенародного пути на путь ложный и гибельный, на путь узко-партийный. Я знаю, мне скажут: но ведь корень этих бед заложен давно, еще тогда, когда вы сами были у власти, и вы, следовательно, тоже несете долю общей ответственности за случившееся. Да, это верно, и мой товарищ Маклаков прав, что среди нас нет безгрешных. Но нужно, чтобы ответственность была распределена равномерно, соответственно доле вины и участия в этих ошибках. Скажу больше: не только ошибках, а иногда и преступлениях, от последствий которых нам теперь приходится спешно лечить Россию.

Это правда, что семена всего происходящего посеяны в самом начале революционного периода, в те первые дни и первые месяцы (март и апрель), когда власть еще не была коалиционной. Эта власть тогда довольствовалась моральной поддержкой страны, которую она готовила к Учредительному Собранию. А партии, которые получили силу потом, в эти два месяца организовали страну для немедленного осуществления своих партийных целей.

С одной стороны, стало быть, мы видели теорию и практику непротивления. «Власть действует не принуждением, а добровольным подчинением граждан» — таков был постоянный припев наших речей. И отголосок их я слышал в речи министра-председателя. А с другой стороны... с другой стороны, развивалась та тактика, точную формулу которой я тогда же, в эти первые дни революции, слышал от одного видного социалистического деятеля, который говорил мне: «Все зависит теперь от того, за кем пойдет армия — за нами или за вами». Это не мы формулировали так задачу момента.

Я при этом вспомнил тот доклад, который за год до революции, уже во время войны, был представлен Аксельродом, Мартовым и Лапинским для известной конференции в Кинтале. Там говорилось: армия должна быть демократизи-

рована для того, чтобы обезоружить буржуазию. Я даже слышу с места подтверждение: «правильно».

Видите, не для того должна быть демократизирована армия, чтобы легче победить неприятеля, а чтобы дать классовой борьбе, которая намечалась уже тогда внутри, перевес физической силы. Таким образом, на фронте шла демократизация армии, а в стране для той же цели организовывались Советы. Я помню длинную вереницу депутаций от армии, тогда еще не разложившейся, проходивших перед нами в Мариинском дворце и тревожно спрашивавших нас, Временное Правительство первого состава: «Правда ли, что в Петрограде двоевластие, правда ли, что вам мешают самочинные организации? Скажите нам, и мы вас освободим от них». Я помню и наши смущенные ответы: «Нет, нет, это преувеличено... Были правда, попытки, но теперь все приходит в равновесие, в порядок».

Однакоже наступил момент, когда и это первое правительство не могло долее игнорировать последствий этой пресловутой поддержки — «постольку, поскольку». После дней 20 и 21 апреля правительство написало свое первое обращение к стране, обращение, которое в своем первоначальном виде было сильным обвинительным актом против Советов Р. и С. Д., вносящих беспорядок и разложение в страну, а потом, дня через три, после целого ряда поправок, превратилось в социологический трактат о том, что старые социальные связи разрушились, а новые пока еще не сложились. Кончался этот документ, вопреки моим личным возражениям, приглашением к социалистическим партиям Совета притти и разделить власть[41]). Я возражал, полагая, что смешанное правительство будет не сильнее, а слабее правительства, вышедшего из революции. Но вообще я тогда не находил отзвука моим мнениям среди моих товарищей. Я, например, считал тогда, что дни 20 и 21 апреля суть победа правительства (голос слева: «Ого!»), которая укрепила его власть. Другие находили, что это поражение, что это доказательство необходимости поделиться властью с теми, которые сами приходили к нам тогда и говорили: «Извините, мы пока еще не готовы».

Церетели только что подтвердил здесь, что в то время, тогда они не искали власти... (Церетели с места: «Мы никогда не искали власти». Голос слева: «В противовес вам».) Между этими двумя мнениями группа, которая с начала до конца существования правительства была в нем наиболее влиятельной, выбрала коалицию. И коалиция состоялась. Одновременно с переходом к коалиции совершились две первые капитуляции правительства перед утопизмом социалистических партий: капитуляция в армии, сопровождавшаяся уходом Гучкова, и капитуляция во внешней политике, сопровождавшаяся моим уходом.

Я помню мою последнюю поездку в ставку, где собрались главнокомандующие армиями в самые дни отставки Гучкова. Я помню общее мнение там, что опубликование декларации прав солдата, выработанной комиссией Поливанова, будет сигналом к окончательному разложению армии[42]). Министр-председатель, тепе-

решний военный министр, прав, что эти материалы были составлены до него, что он застал их уже готовыми. Но они были им опубликованы. Напоминать ли мне о победе Циммервальда в нашей внешней политике? Центральная идея Циммервальда — это ведь перенесение войны с фронта в тыл, превращение внешней войны в гражданскую. А главная цель при этом не столько достижение скорейшего мира, о котором так много говорят и для которого так мало делают, — точнее, делают все, чтобы его отдалить,—не столько заключение скорейшего мира, сколько союз пролетариата всех стран против буржуазных правительств для всемирной революции. Отголоски, правда слабые, этой идеологии я слышал и сегодня в речи Церетели. Трудно будет поверить впоследствии, что министры русского правительства могли называть себя циммервальдистами. Но это, господа, было. А один из них, министр земледелия, был сам в Циммервальде и в Кинтале и проводил там самые резкие резолюции. (Голос слева: «Чернов всегда был честен».) И существует документ этой несчастной эпохи, которую сегодня я хотел бы назвать прошедшей,— формальное заявление комиссии для иностранных сношений Совета Р. Д., что русские министры социалисты-интернационалисты вовсе не похожи на заграничных министров социалистов-патриотов. Те, входя в правительство, приносят с собою мир и единение. А наши министры-социалисты, — так сказано в этом документе, официальном документе Совета, — наши министры-социалисты приносят усиление классовой борьбы всеми силами доставшейся в их руки власти. (Аплодисменты.) [43]) До сих пор мы не слыхали отречения от этого злосчастного документа. (Церетели с места: «Я вам объясню».) Но мы знаем, что поставленные там задачи практически осуществлялись министром земледелия, а в настоящее время есть опасность, что они будут осуществляться также и министром внутренних дел. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно».) Я должен сказать, что циммервальдская идея и по существу тесно связывает более умеренные группы социализма с наиболее крайними течениями, с большевиками. Перед лицом очевидных фактов эти более умеренные группы принуждены были допустить, что среди большевиков есть преступники и предатели. Но они до сих пор еще не допускают, что самая основная идея, объединяющая этих сторонников анархо-синдикалистских боевых выступлений, преступна. (Аплодисменты.) Мы ждем от них этого признания. И до тех пор пока они этого не сделают, мы не можем с них снять ответственности за ту роскошь восстаний и конспиративных заговоров, которые, по словам министра-председателя, позволяет себе правительство. (Голос слева: «А роскошь ваших заговоров?»)

Я сказал, что вступление коалиции во власть ознаменовалось двумя капитуляциями перед циммервальдистами: капитуляцией в армии и капитуляцией во внешней политике. Два месяца управления этого министерства ознаменовались двумя другими капитуляциями: перед утопическими требованиями рабочего класса и перед крайними требованиями национальностей, требованиями, которые

предрешали будущий государственный строй России. Первая капитуляция вызвала уход министра Коновалова, вторая — уход остававшихся в правительстве членов партии народной свободы. Я не упомянул еще о пятой — о капитуляции перед захватными стремлениями масс в аграрном вопросе, капитуляции, которая вызвала уход первого министра-председателя кн. Львова.

Уходя из первого коалиционного правительства, товарищи мои по партии подчеркнули в своем заявлении, что причиной этого ухода является несоблюдение условий честной коалиции и подмена общенародных задач коалиции узкопартийными задачами социалистического блока, стремившегося направить буржуазную революцию в социалистическое русло руками самой так называемой «буржуазии». Я употребляю этот термин в том условном и неверном смысле, какой ему обыкновенно придают. Я не буду вспоминать подробностей трехнедельного правительственного кризиса, который разразился на этой почве и доказал невозможность того тезиса, который выставил сегодня Церетели,—невозможность существования коалиционного правительства без буржуазных партий, включая даже и цензовые элементы. Партию народной свободы часто обвиняли и за то, что она вышла из правительства, и за то, что она потом в него вошла. (Голоса: «Правильно».) Но и выход и вступление партии преследовали одну и ту же задачу: подчеркнуть перед страной ту общенародную программу, обязательную для всех правительств, для выполнения которой партия готова остаться, но уклонения от которой она не хочет прикрывать своим именем. (Голоса справа: «Правильно». Голос слева: «Саботаж!»)

Чтобы формулировать основные положения этой общенародной программы, партия народной свободы не дожидалась, пока ошибки революции дадут этим положениям общее признание. Уже в начале мая, мотивируя мой уход и оставление других членов правительства в правительстве, партия дала им поручение соблюдать: 1) чтобы общая линия нашей внешней политики, которая ведется в единении с союзниками, не была нарушена; 2) чтобы власть правительства была едина в смысле ее независимости от каких бы то ни было претендующих на власть общественных партийных организаций и 3) чтобы эта власть была сильна в смысле готовности восстановить порядок и подчинение себе не только моральным убеждением, но и средствами внешнего принуждения. Эти наши требования с тех пор были развиты и дополнены в наших условиях, представленных министру-председателю при переговорах о нашем возвращении 15 июля. Тогда нам помешало вступить в правительство заявление председателя, что для нас остается обязательной известная декларация 8 июля, содержащая рядом со многими вещами, для нас приемлемыми, и некоторые неприемлемые пункты. Но мы готовы были признать единство и преемственность основных задач всех составов Временного Правительства, и на этом основании, на основании той терминологии, которая была употреблена и в заявлении министра-председателя третьего дня, мы согласились

восстановить коалицию, пославши наших членов по выбору министра-председателя на указанные им посты.

Мы не могли рассчитывать при этом принести всю ту меру пользы, на которую мы чувствуем себя способными. Но мы хотели нашим вступлением запечатлеть важность и необходимость общего единения всех партий для спасения родины. Мы и сегодня, перед лицом встретившихся здесь общественных групп и политических течений, поддерживаем это единение. Но я не могу сказать по совести, что коалиционное правительство все сделало, чтобы осуществить основную мысль этого единения, — ту всенародную программу, вне которой нет спасения родины. Правительство продолжает колебаться, и, связанное узами той зависимости идейной и организационной, которую мы отвергаем и хотим устранить, оно не может осуществить с достаточной последовательностью и требуемой быстротой необходимые меры для спасения родины. По содержанию этих мер у нас нет разногласия, ибо теперь и в речи Церетели, да и во многих речах, теперь произносимых, повторяется то, что мы говорили три месяца тому назад. Но одно дело — признание принципа, другое — его применение. Три области жизни вызывают особые заботы страны: области эти — военное дело, область внутреннего управления и область социального мира. Мы все признаем заслуги нашего министра-председателя для поднятия духа наших войск. Но доклад верховного главнокомандующего только сегодня подтвердил недостаточность мер морального воздействия. И мы желали бы, чтобы требования специалистов и знатоков, признающих необходимым немедленное принятие других мер, указанных верховным главнокомандующим, не служили предметом подозрений, словесных угроз или даже увольнений, а [были бы] предметом серьезного и внимательного обсуждения и немедленного исполнения. (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)

Мы выслушали доклад по министерству внутренних дел. Мы слышали в этом докладе частое повторение слов: «государственность», «порядок» и «сильная власть». Но мы ничего не узнали о системе, которая должна быть основана на этих началах, и мы сильно опасаемся, что теперешний состав исполнителей не обеспечивает восстановления порядка и не дает гарантии безопасности личности и собственности. В области главного из социальных вопросов — земельного — мы вообще не можем говорить о политике правительства, ибо дело идет о политике министра земледелия, бездействующего тогда, когда он хочет, и действующего тоже тогда и так, когда и как он хочет. Нам остается ждать, когда и в каком виде наша земельная политика сделается правительственной. Но мы не можем не тревожиться за ее исход по той же причине, по причине партийной зависимости некоторой части нашего правительства. Я не хочу сегодня делать окончательных выводов из всех этих замечаний. Министр-председатель желал получить поддержку партий, и он ее получил. Министр-председатель желал получить поддержку представителей этого собрания, представителей земли русской, и, вероятно, он ее тоже

получил. Дальнейшее же зависит от того употребления, которое правительство сумеет сделать из этой поддержки, которую мы даем ему добровольно и без споров. (Аплодисменты.)

Председатель. Благодаря соглашению внутри комитета, будет говорить снова Церетели. (Голоса: «Перерыв».) Объявление перерыва явочным порядком я не могу допустить.

Церетели. Граждане, (аплодисменты) я хотел бы дать гражданину Милюкову прежде всего ответ на тот вопрос, который его больше всего интересует. Было заявление международного отдела Совета Р. и С. Д. о том, что министры-социалисты, вступая в коалицию, служили не тем принципам, каким служат министры-социалисты, вступающие в коалицию в западных странах. Гражданин Милюков объяснил это заявление международного отдела так, что министры-социалисты, вступая в коалицию, имели намерение воевать с министрами, оставшимися в коалиции, и вести классовую борьбу внутри вошедших в коалицию классов. (Голоса: «Ничего подобного».) На самом деле, смысл заявления был тот, что, прежде чем русские социалисты вступили в министерство и оказались во главе государства рядом с другими министрами, произошло низвержение империалистического царского правительства, и, прежде чем министры-социалисты оказались в правительстве, правительство провозгласило платформу отказа от старых царских империалистических стремлений и новую демократическую международную платформу. Хорошо это или худо, но во всяком случае надо представить дело так, как было заявлено самим Советом Р. и С. Д., и если это требование,— требование международной политики, основанной на демократических началах,— объявляется здесь партийным, то мы сами были свидетелями в течение этих шести месяцев, какую оценку дала всенародная проверка той и другой политике и какая была признана всенародно активной, призывающей к действию, и какая была отвергнута всем народом. Только с того момента, как эта программа была провозглашена, разложение армии удалось остановить настолько, что наша революционная армия перешла в наступление. Гучков отрицательно качает головой, но я спрошу: кому легче было двинуть войска русского революционного государства — военному министру А. И. Гучкову или военному министру А. Ф. Керенскому? ([Возгласы:] «Браво!» Аплодисменты. Гучков. «Я отвечу».) Наши войска отброшены назад, разложение в армии не было ликвидировано, но во всяком случае активная борьба с этим разложением силами самой демократии началась именно с того момента, как была провозглашена общенародная демократическая платформа, и эту задачу с наибольшим успехом до настоящего момента призван выполнить тот, кто международную политику русской революции считает не партийной политикой той или другой группы, а политикой, утвержденной в сознании и совести всего русского народа. (Аплодисменты.)

Я не хотел бы продолжать эту полемику, но оговорюсь, что, если я до настоящего времени останавливался на некоторых положениях с целью их опровергнуть, то я думаю, что это есть полемика, которая единственно только способна дать сплочение действительно способных к сплочению сил. Этот вопрос нужно окончательно выяснить здесь, где впервые лицом к лицу не отдельные представители, а целые организации и цензовой и нецензовой России сошлись, чтобы, наконец, дать реальные основы той коалиции, которая была уже идейно *) провозглашена. И вот мы заявляем: если есть сомнение у вас в том, что демократия будет напрягать все силы до достижения того момента, который вы считаете утопией, и во имя чего мы боремся, и до достижения чего мы не сложим оружия, то мы заявляем: борясь за всеобщий мир, выдвигая этот всенародный идеал, мы не сложим оружия до тех пор, пока подвергается нашествию Россия в ее целом, [пока] ее свободе грозит внешняя опасность. (Аплодисменты всего зала.) Мы употребим всю свою власть. Чудес совершать мы не можем.

Да, далеко зашло разложение во всех частях, во всех слоях русского народа. Вы знаете, чье это наследие. Но мы вам говорим: можно прикрыть малодушие какими угодно высокими лозунгами и можно воспользоваться всякими великими идеалами для того, чтобы свою усталость, свое нежелание служить родине, свое малодушие скрыть под этими высокими лозунгами. Но мы только тогда были бы ответственны за это, если бы не напрягали всех сил, чтобы нашим лозунгам дать действенную основу в рядах организованной, вооруженной и невооруженной русской демократии. Если бы не усилия русской демократии укрепить и поднять русскую армию, нашлись ли бы силы в России, которые совладали бы с этой задачей? (Голоса: «Правильно».) **) И если есть такая сила, то она преступница, что не вышла на сцену и не взяла в свои руки дела. (Аплодисменты одной части.)

В области внутренней политики также надо сказать до конца. Вы говорите о власти независимой, о постановлении отдельных партий. Совет Р. и С. Д. ответил вам, что в настоящий момент он признает необходимость, в интересах спасения страны, существование такой власти, которая, действуя независимо от тех или других организаций, опиралась бы на поддержку всех живых сил страны и всей демократии. Оказалось возможным вне формальной зависимости от Советов создание революционной власти, осуществляющей дело спасения страны. Прежние взаимоотношения между Советом и властью, взаимоотношения, которые определялись не только волей Совета, но в значительно большей степени волей той власти, которую гражданин Милюков назвал сильной и которая постоянно в делах

---

*) *В подлиннике:* идеально.

**) *В «Русском Слове»:* Возгласы слева: «Правильно». Возгласы справа: «Нашлись-бы».

управления обращалась за поддержкой Совета, изменились. Если это было для вас препоной поддерживать правительство, спасающее революцию, то мы заявляем: этой препоны нет, — вот коалиционная власть, действующая вне прежней формальной связи с Советами Р. и С. Д. Поддержка Советов, всемерная поддержка демократии обусловливается единым: чтобы эта демократическая власть осталась демократической, революционной и последовательно осуществляла революционную программу, ею провозглашенную. На этих условиях мы [ее] поддерживаем. Поддерживает ли кто другой? Ей должно быть это прямо сказано, без обиняков. Если можно отказаться от поддержки внешней политики нашего правительства только потому, что на знамени этой внешней политики в стране, изнемогающей под ударами врага, написана защита своей территории и не выдвигается лозунга захвата чужих территорий, если на этом основании чья бы то ни было энергия в деле спасения страны ослабевает, пусть здесь будет это сказано. Если же говорят о необходимости связи с союзниками, тогда мы эту связь поддерживаем и не порываем с ними, и не имеет идея сепаратного мира более решительных противников, чем в рядах демократических представителей. (Бурные аплодисменты на всех скамьях.)

Я вам предсказываю, что если бы случилось это несчастье, если бы сепаратный мир стал перед Россией, то для того, чтобы его заключить, многим из тех, кто демократию обвиняет сейчас в таких стремлениях, пришлось бы перешагнуть через труп революции, чтобы заключить сепаратный мир. (Продолжительные аплодисменты на всех скамьях.) И кто говорит о требованиях? *) Да, требования надо предъявлять. Конечно, Временное Правительство источником своей силы имеет народную волю и организованные силы всего народа, и цензовые и нецензовые. И те, которые войдут в коалицию, которые ее поддерживают, они могут и должны требовать, чтобы то, что провозглашено, осуществлялось на деле, и они обязаны дать правительству реальное основание, реальную поддержку в осуществлении этих мероприятий и не останавливаться перед борьбой в рядах своего собственного класса, если эгоистические, своекорыстные интересы возьмут там верх. (Бурные аплодисменты.)

Еще одно различие должно быть сделано между требованиями. Требования из рядов народа,— да, но требования, обращенные к власти от подчиненных, в момент, когда требуется восстановление дисциплины, гражданин Милюков, недопустимы. Военную дисциплину мы хотим восстановить всюду, сверху и донизу. (Аплодисменты на всех скамьях.) Наши демократические организации сохранят свое влияние, используют это влияние для того, чтобы воссоздать разумную дисциплину, и они не останавливались и не остановятся в борь-

---

*) *В «Известиях Московского Совета» и в «Русском Слове»:* Я вам говорил о требованиях.

бе с бессознательностью масс, в том числе и солдатской, чтобы сказать им, что там, где призванные к командованию приказывают итти в наступление не время рассуждать, правильно или неправильно это приказание. (Аплодисменты.) Но те, которые, может быть, влиятельнее в верхах командного состава, те должны были бы там прививать сознание, что, восстанавливая дисциплину, надо подавать пример дисциплины. ([Возгласы:] «Правильно!» Аплодисменты слева.) Нет власти в России выше власти Временного Правительства, ибо источник этой власти, суверенный народ, непосредственно через все те органы, какими он располагает, делегировал эту власть Временному Правительству. (Аплодисменты на левых скамьях.) Вот те основания, на которых только и может быть построена реальная, осуществленная на деле коалиция. И не такое теперь время, чтобы откладывать реальную поддержку коалиции тем, кто к ней примкнул.

Я не знаю, я бы хотел быть в данном случае непроницательным, но моя проницательность мне подсказывает, что очень мало надежды здесь высказавшийся П. Н. Милюков имел на то, чтобы эта коалиция была сохранена. С таким настроением итти в коалицию — это значит подвергать опасности не только самую коалицию, но также и устои страны в этот момент. Мы говорим: мы обеспечим нашу поддержку этой власти, и мы уверены, что она не сойдет с этого пути. Конечно, если политика этой власти изменилась бы, если бы это случилось, ни одна из групп не могла бы, оставаясь верной своим идеям, поддерживать эту власть. Но если она будет в том же направлении, в каком провозгласила, реально осуществлять внешнюю политику, то вы непременно должны не только примириться, но и поддерживать это. Павел Николаевич Милюков, те, кто принимает коалицию, должны требовать не перемены, а сохранения той внешней политики, на основании которой возведена коалиция. Но если этого нет, то, конечно...

Председатель. Я прошу оратора не вступать в пререкания.

Церетели. Я должен сказать: задача настоящей власти — всемерно подавлять все, что служит к разложению революции и революционной власти и подтачиванию основы свободной страны. Здесь говорили: мы не с политическими партиями боремся репрессиями, но самую основу большевизма признайте вредной. (Голос: «Преступной».) Но поскольку опасность [анархии] проявляется в действиях, поскольку это грозит проявлением в действиях, предохранительные меры не только должны быть приняты, но уже приняты. Уже проведен исключительный закон [44]). Я вам говорю: революция была неопытна в борьбе с анархией, пришедшей слева (бурные аплодисменты слева), но, во всяком случае, как только эта опасность явилась реальной угрозой и первые уроки были получены, революция не остановилась ни перед какими средствами, чтобы гарантировать и свободу, и страну от этой опасности. (Голос справа: «Неправда».) Но слишком хорошо революция

научена уже относительно опасности справа. (Возгласы: «Правильно». Аплодисменты слева.) Она хотела бы, чтобы эта власть учла не те уроки, которые нам предстоят, а те, которые мы уже прошли, и избавила бы страну от возможности каких бы то ни было опытов с правой стороны, наносящей удары свободе и революции, не останавливаясь ни перед какими мерами. Есть эта реальная опасность, гражданин Шульгин, есть возможность безответственных выступлений справа, если не будет предупреждена и пресечена эта опасность. Мы бы хотели видеть революционную власть, действующую против этой опасности с полной уверенностью и опирающуюся в такой борьбе не только на эту часть *), но также и на ту часть **). Все эти меры выдвигаются нами как единственное средство спасения страны. Иного пути мы не видим. К этому мы призываем всех тех, кто способен оценить великий, исключительный момент и тот исключительный метод, которым может быть спасена страна. Так поставлен вопрос. Я хотел бы, если невозможно подчинение этим общегосударственным интересам целых организаций цензовой буржуазии, чтобы тем глубже сказалось там то разделение и несогласие в основных ***) вопросах внешней и внутренней политики, на которые здесь считал нужным пожаловаться представитель одной из влиятельных цензовых партий.

И я бы хотел выразить надежду, что если бы наступил такой момент, когда на деле во всей целости не могла бы быть сохранена нынешняя коалиция при решительном осуществлении этой программы, то все живые силы каждой отдельной группы, каждой отдельной партии из цензовых классов примкнут к этой программе во имя спасения страны с той же решительностью, как и вся демократия в целом. (Аплодисменты, переходящие в овацию ****).

Председатель. Представитель городских самоуправлений городской голова города Москвы Руднев [45].

Руднев. Я говорю сегодня здесь от имени обновленных городских самоуправлений, от имени тех общественных сил, которые создались волею населения городов российских, осуществивших свое право, первое светлое право, воплощенное в жизнь революцией, право народа свободно творить новые формы жизни. Положение представителей обновленных самоуправлений на Государственном Совещании, как представителей не только новой общественности, но и новой государственности, местной государственности, обязывает нас вдвойне. Нам население городов, вся совокупность классов, партий и национальностей, доверило в пределах местного строительства жизни в момент величайшей в мире революции великое дело: на месте низвергнутого народным гневом старого строя насилия

*) *Далее в отчете «Русского Слова» следует:* жест налево.

**) *Далее там же следует:* жест направо.

***) *Далее по рукописному тексту.*

****) *Далее по машинописному тексту.*

и рабства воздвигнуть светлое здание нового демократического строя. Мы, представители демократических самоуправлений, люди местной государственной работы, мы знаем, что нет другого пути к осуществлению истинного народоправства в государственном масштабе, как только через укрепление и расширение базы самоуправления. Завоевания народа в революции не могут быть укреплены даже самой сильной властью, если только вся жизнь нашей необъятной родины, ее безмерная распыленность не вольется в рамки новой государственности на началах самодеятельности местного населения. В сознании ответственности перед многомиллионным городским населением, оказавшим нам доверие своим избранием, в сознании общегражданского долга и ответственности перед родиной в дни ее тягчайших испытаний и смертельной опасности в ответ на призыв Временного Правительства, на крик боли и тревоги, который мы слышали из уст министра-председателя, в ответ на вопрос: есть ли в нас великое горение, самоотверженние во имя общего целого, — от имени обновленных самоуправлений с чувством глубокого удовлетворения повторяю я спокойно и твердо то же самое, что было сказано мною в первый день от имени Москвы: да, есть. (Аплодисменты.)

Небывалый в истории прыжок из ада рабства в царство полной свободы не может быть безболезненным. Страшнейший враг революции, на почве которого пышно расцветают ядовитые цветы и анархии и контрреволюции, это — недостаток гражданской сознательности, темнота народная. И в суровое время, когда решается вопрос: быть или не быть России,— мы готовы на ряду с другими жертвами на тягчайшие, готовы мириться даже с временным ограничением самой свободы. И мы, представители обновленных самоуправлений, — я говорю от большинства гласных этих самоуправлений, — будем снова и снова звать все классы, и в том числе классы трудящихся, к самоограничению. Но, призывая все классы, и в частности тех, кто составляет большинство населения и несет на себе главную тяжесть испытаний, к самоограничению и к жертве, мы должны иметь возможность честно и убежденно сказать, что народ, разорвавший цепи рабства, народ, истекающий кровью в защите границ родины, не будет обманут. Призывая к коалиции все живые силы, призывая к преодолению всех противоречий, и в частности классовых, в данный момент мы должны иметь возможность честно, также и с убеждением сказать трудящимся, что за спиной у них не куют новых цепей и не готовят реставрации. Сознательная демократия связывает эти гарантии революции с неуклонным курсом Временного Правительства во внешней и внутренней политике в направлении декларации 8 июля. (Аплодисменты.) Для нас этот исторический документ является не пустым партийным символом, а той предпосылкой, той минимальной гарантией, искреннее признание и добросовестное исполнение которой даст нам возможность открыто и без опасений невольного предательства призывать трудовые массы к максимальному самопожертвованию. Мы, представители общественности и государственности на местах, обязаны указать

здесь, что и в нашей незаметной, но чрезвычайно ответственной работе по борьбе с развалом страны, по укреплению нового строя, коалиция столь же повелительно, как и в организации центральной власти, диктуется требованиями жизни, интересами всего населения. Временное Правительство положило в основу своей деятельности сумму принципов, содержащихся в исторических декларациях, и на этом пути мы принимаем на себя обязанности действенной поддержки Временному Правительству, несущему непосильную ответственность перед страной. Ибо только на этой поддержке, не исключающей и критики отдельных мероприятий правительства, критики, которую мы осуществляем в повседневной нашей общественной работе, только на этой поддержке возможно укрепление живой и деятельной связи органов центральной власти со страной. Мы считаем необходимым скорейшее установление нормальных взаимоотношений органов центральной и местной государственности, которые мы мыслим в проведении только надзора за законностью действий органов местного самоуправления со стороны представителей Временного Правительства. С введением демократических органов местного самоуправления, естественно, прекращаются на местах полномочия комитетов общественных организаций.

Что касается Советов и взаимоотношений с ними органов местного самоуправления, то вопрос этот, сам по себе ясный и несложный для всех, приобретает сложность и возбуждает страстное к себе отношение только в связи с общеполитической кампанией против Советов. Как для нас, деятелей нового самоуправления, так и для самих Советов является бесспорным, что с момента образования избранных всеобщим голосованием органов самоуправления, им одним принадлежит вся полнота власти в делах местного управления и хозяйства. Но работа укрепления новой государственности, в которой залог завоеваний революции и спасения страны от развала, будет делаться и делается уже теперь при полном сочувствии и поддержке Советов, что мы считаем долгом засвидетельствовать. Я должен сказать даже больше: молодое городское самоуправление в вопросах, например, труда может справиться с затруднениями без серьезных потрясений городского хозяйства только при содействии Советов и смело на него рассчитывает. Я кончаю. Министр-председатель пытался найти какие-либо новые нечеловеческие слова, чтобы разбудить дремлющее в стране гражданское чувство. Их, этих слов, не надо; те же чувства живут и в нашей душе. И призыв, полный скорби и муки за родную страну, тревога за честь и свободу народа заставляют звучать ответные струны и в наших сердцах. (Аплодисменты.)

Керенский. Представитель группы городских самоуправлений бывший московский городской голова Астров [46]).

Астров. Я обращаюсь к вам, граждане свободной России, граждане, взявшие на себя великий подвиг управления страной, которая в своем историческом ходе приблизилась к роковому пределу, за которым смерть и разрушение.

Я обращаюсь к вам от имени меньшинства тех общественных групп, которые ныне составляют городские управления, от групп несоциалистических. Граждане, после речей, поднявших вопрос на вершину политической мысли, трудно говорить сейчас о предметах долин, о простых интересах городских управлений, как бы важны ни были эти интересы в связи с той трагической обстановкой, в которой живет вся страна. Но я нахожу смелость говорить об этих предметах потому, что если мой политический слух меня не обманывает, я слышу ноты как бы некоторого примирения между теми политическими течениями, которые казались непримиримыми. Я хочу верить, что политический слух меня не обманывает, и это примирение будет найдено здесь, в этом Государственном Совещании. От имени меньшинства тех общественных групп, которые теперь входят в состав городских управлений, я обращаю к вам, носители власти, слово признательности за то, что вы пожелали сказать России слово правды, всей правды без остатка. Мы понимаем ваше обращение к стране как призыв, чтобы страна поднялась вся на дело собственного спасения, ибо надеяться ей не на кого, помощи ждать не от кого. Она должна сама воспрянуть и совершить подвиг своего спасения в единении со своими доблестными союзниками. Час настал! Каждый должен пойти на подвиг и быть готовым к смерти ради жизни, чести и спасения родной России. (Аплодисменты.) Власть и народ, правительство и страна, все освобожденные граждане должны найти общий язык, общее понимание в эти минуты великие, грозные и торжественные.

В эти минуты вглядимся в лица друг друга. Глянем в глаза друг другу. Неужели в этих глазах мы усмотрим только жгучую и острую ненависть друг к другу? Нет... в глубинах этих глаз мы увидим, что мы братья, что мы сыны одной великой и погибающей родины *).

Русские города,— что могут они сказать в этот час, когда Россия с распутья царского попала на новое распутье. Не время нам, горожанам, жаловаться на грозящий нашим бедным и нищим городам голод, на идущий и неминуемый холод, на разорение финансов, на разорение всей хозяйственной жизни городов, на грядущее умирание жизни в городах, на их роковое истощение.

Не время, говорю я, нам жаловаться, когда города от своих недостатков, от своего оскудения все-таки должны дать все, что будет нужно для армии, для исполнения ее подвигов. Города должны будут дать все то, о чем огневыми, призывными и грозными словами сегодня Государственному Совещанию поведал верховный главнокомандующий русской армии. Болеющую армию, но, как мы

---

*) *Далее в «Русских Ведомостях», следует:* Мы должны найти общий язык, иначе исполнится страшное библейское сказание о вавилонском строительстве. Неужели это сказание — прообраз нового строительства России?

все единодушно и глубоко верим, армию, долженствующую исцелиться, мы должны поддержать и должны ей дать все, как бы мало ни было наше достояние. Все, что нам сказал здесь третьего дня министр финансов и министр торговли и промышленности о государственном истощении, мы, представители городов, могли бы сказать и о жизни и умирании городов. Наш гнилой, нездорово распухнувший городской бюджет представляет громадную опасность. Города в тяжелых условиях. Что им делать? Просить помощи? У кого? У министра внутренних дел? Мы ждали и слушали с затаенным вниманием речь министра внутренних дел и, да простит мне министр, ничего ровно не услыхали, кроме разве указаний на каких-то блуждающих комиссаров, роль и значение которых непонятны нам, а, может быть, недостаточно ясны и самому министру. Будут ли эти комиссары насаждать законность в городах, или их назначение действовать силой убеждения, быть чем-то в роде партийно-правительственных агитаторов, хорошо известных России по агитации в области земельного расстройства и по выборам в волостные земства? (А п л о д и с м е н т ы.)

Министр не сказал, однако, того, что он должен был бы сказать, если бы пожелал указать нечто действительно ценное, реальное из деятельности его ведомства. Он мог бы сказать, что свыше четырехсот русских городов произвели выборы в новые городские управления, что в августе месяце, повидимому, процесс образования новых городских управлений в стране будет закончен, что общественные организации на местах, законные организации, будут, наконец, в стране созданы, а параллельно с этим процессом должен совершаться и другой процесс изменения, перерождения и преобразования органов, возникших в начале революции, органов, исполнивших уже свою большую, ценную, громадную историческую роль по организации страны и в осуществлении власти,—я разумею комитеты общественных организаций, Советы Р. и С. Д., роль которых должна в историческом ходе вещей, в исторической эволюции, неизбежно должна измениться с возникновением единообразно по всей стране создающихся городских общественных управлений, избранных на общем для всей страны законе. Министр не указал, что власть на местах получает для себя действительную опору и что граждане теперь могут надеяться на защиту своих законных прав своей жизни и имущества. Это и есть то творчество, которое мы тщетно ищем и не находим за громкими фразами и носящимися по стране лозунгами о революционном творчестве и внутреннем правотворчестве снизу. (А п л о д и с м е н т ы.)

Мы, горожане, хотим верить, что в этих условиях безответственные, разлагающие русскую жизнь силы потеряют почву для своей пагубной работы, в результате которой происходит жестокое падение производительности труда, разорение государственных и городских финансов, непомерный рост заработной платы, мы хотим верить, что тогда окончится вредное вмешательство, анархическое вмешательство безответственных сил в управление городскими предприятиями и

учреждениями. В этих условиях свободные русские города сложатся в сильный союз, который, продолжая историческую роль всероссийского союза городов, поможет завершиться образованию органов жизни на местах, что даст власти твердую опору, на которой она будет стоять и возвышаться над землей русской. Так верим мы, представители меньшинства русских городов. Громко, сердечно и страстно нас призывал председатель-министр к жертве, к самоограничению, к труду, порядку и обороне. Святые слова! В этом долг свободных граждан. Но почему слова эти не действуют больше? Почему нет порыва? Почему нет крыльев энтузиазма? Я живу верой, что порыв этот наступит; не будем только связывать этого порыва условным, случайным, искусственным положением, которому хотят придать значение священного символа, положением, изложенным в полузабытом документе — декларации 8 июля. Не будем себя ограничивать этим актом. Не будем подрезать крылья у энтузиазма. Я хочу верить, что порыв наступит, но он наступит только тогда, когда за этими прекрасными словами, с которыми обратился к Государственному Совещанию министр-председатель, за этими прекрасными словами Россия увидит, что власть окружена ярким, сияющим светом, светом и лучезарным сиянием права, правды и справедливости. Тогда подвиг и увлечение будут естественным и неизбежным порывом каждого сердца. Тогда к вам, носителям власти, лицом обернется вся страна, и вы сразу почувствуете ту силу, которой не чувствуете сейчас сами и которой не чувствуем и мы за вашими зовущими, прекрасными и угрожающими словами. Тогда вы освободитесь от угнетающих вас вредных для родины влияний, переживающих себя и разлагающихся органов, которые узурпируют у вас власть, долженствующую принадлежать только вам одним.

Итак, будьте носителями правды, справедливости и права. Освободитесь и освободите Россию от захватчиков, от не забывающих Циммервальда. (Шум.) Будьте велики в вашем великом одиночестве, которого требует от вас великая власть и бремя, нести которое вы призваны судьбой! Вы исполните тогда долг перед Россией, спасете ее, а ваши имена сохранит навек благодарная Россия. (Аплодисменты.)

Исаев[47]) (читает свою речь). Граждане и товарищи. Власть, жизненными корнями спускающаяся в толщу широких народных масс, есть и будет действенна и народна. Этой власти не страшны самостоятельность, рост влияния и углубления задач демократических организаций, будь то созданы эти организации для осуществления функций управления, или они созданы самостоятельной, творческой рукой трудовых масс для поднятия их сознательности, организованности и культурности. Те и другие из хаоса устремлений, из распыленности интересов должны выковывать волю организованного строительства как государства в его настоящем, так и государства в его будущем, где в новых социальных и политических условиях будет гореть огнем великого творческого воодушевления

новая жизнь и будут творить эту жизнь новые люди. В жертвенном порыве ценой своей жизни утверждать могучие начала свободы и социальных преобразований в рожденной революцией государственности идут на призыв Временного Правительства те слои городской демократии, для которых революция была и есть не только разрушительницей старого, но и великой созидательницей нового строя. Перед миром как внешних, так и внутренних опасностей для страны городская демократия должна, по присяге верности благу страны, переживающей революцию, всенародно сказать, что ее друзьями, а не врагами, ее попутчиками, а не препятствиями в деле строительства страны являются организации трудовых масс, Советы Р. и Кр. Д., профессиональные и кооперативные организации. Через них только возможна организация и самоограничение трудовых масс, в их единой творческой воле к революционному порядку и свободам. И городской демократии, которая имеет большинство в делегации от городов на Государственном Совещании, известно, что меч, занесенный над этими организациями, будет разбит, и работу городских самоуправлений по утверждению власти на местах, той власти, которая получает свое крещение у святых источников всеобщего избирательного права *).

Во имя того, чтобы скорее окрепло местное самоуправление, как орган государственного управления на местах, эти революционные организации, творящие дело организации масс, а вовсе не дела местного управления и хозяйства, должны быть сохранены. Эти органы понимают свою роль. Они сказали это в декларации объединенных демократических организаций. Понимая это, они стали в этой декларации на высоту государственного понимания задач местного самоуправления.

Пред вами была уже развернута программа революционной демократии. Позвольте повторить, что есть и что нужно для городов. Местное самоуправление уже демократизировано. Но органы местного самоуправления должны быть полновластны, и их власть должна быть едина в рамках, очерченных законом, а эти законы должны быть гибки, чтобы итти вровень с требованиями жизни. Никакой другой власти не должно быть, не должно быть средостения между центральной властью и местной властью, не должно быть органов опекающего по существу его действий надзора (так называемых комиссаров — будут ли они называться разъездными или оседлыми). К этому обязывают пространства России, которой нельзя управлять из центра. К этому обязывают ее особенности национального строения. Местное самоуправление должно быть самостоятельно. Надзор за ним должен быть, как говорят наши государствоведы, со стороны общественности, высший надзор должен быть в руках каждого гражданина, с правом народного иска опорачивать постановления его и привлекать к ответу за нерадивость органов его. Этот надзор с имущественной стороны должен заключаться в народном

---

*) *Так в подлиннике: очевидно фраза не закончена.*

референдуме, контролирующем в отдельных случаях возможность новых финансовых тягот новых ответственных городских предприятий. Таковы эти первые основы местного самоуправления. Это три свободы: свобода пополнения на началах всеобщего избирательного права, свобода определения с ведома и согласия центральной власти круга полномочий и свобода действий под контролем народного иска и народного референдума. Городская демократия свято верит, что этих свобод города достигнут, они их сохранят, если начала политических свобод и социальных завоеваний будут сохранены за народом, если они через анархию, разруху и абсентеизм отдельных слоев населения в деле строительства не будут отняты контрреволюцией. Пусть Временное Правительство всей тяжестью своих властных требований о внутреннем строительстве и по защите страны для завоевания всеобщего мира опирается на местное самоуправление. Местное самоуправление будет ему надежной опорой, ибо Временное Правительство и демократические городские самоуправления рождены одной матерью — великой российской революцией.

Председатель. Представитель всероссийского союза земских и городских служащих и рабочих. [48])

Артемьев. Граждане. Земские и городские работники, объединенные на бывшем в начале июля всероссийском съезде их общей программой, выдвинутой Всероссийским Съездом Р., С. и Кр. Д., присоединяются ныне к программе, изложенной на Государственном Совещании представителями полномочной революционной демократии. (Аплодисменты.) Находясь в самом тесном соприкосновении с городской и земской жизнью, городские и земские работники видят могучие ростки новой жизни, выдвинутой великой российской революцией, и считают, что наветы на революцию, которые относят к ней в настоящий тяжелый момент, и все те шипящие крики «распни ее, распни», эти наветы и эти крики происходят из того же источника своекорыстия, малодушия и трусости, которые так же катастрофически потрясают фронт революции, как и фронт армии. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно!»)

Ход истории революции других стран повторяется и в России, но, конечно, в огромном масштабе, масштабе, ни с чем не сравнимом. Великому устроению государственной жизни предшествуют личные, классовые, партийные переустроения. Эти переустроения по существу своему могут быть своекорыстны, но ход истории заставляет их приспособляться к великому строю государственной жизни, и это будет в России. Мы, земские и городские работники, видим, как на наших глазах революционная мудрость демократии превращается в глубокую государственную мудрость, и мы с верой и с мужеством приступаем к новому строительству страны, к которому приглашает нас Временное Правительство. Призыв Временного Правительства к дисциплине и к работе находит в нас самый широкий отзыв. К воинской повинности Временное Правительство прибавляет и тру-

довую повинность. Как оборона страны опирается на эту воинскую повинность, так и устранение разрухи, устранение объединения *) должно в стране опираться на трудовую повинность. Но мы понимаем воинскую повинность, как проведенную до конца, — что окопавшиеся в тылу, работавшие здесь на самооборону, должны быть передвинуты на фронт. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.) И мы понимаем трудовую повинность, идущую на пользу государства только тогда, когда она идет на пользу не отдельным классам, только тогда, когда она идет вместе с третьей повинностью, капиталистической. (Аплодисменты слева.) Мы разумеем под ней принудительную работу промышленных предприятий, беспрерывно, может быть, в течение двадцати четырех часов, но с ограничениями прибылей, соразмерно с теми процентами, которые приносит военный заем. Мы считаем необходимым, чтобы было сделано обложение безумного прироста промышленного капитала, вложенного в предприятия, без увеличения оборудования этих предприятий. Мы считаем, наконец, необходимым, чтобы в эту капиталистическую повинность был вложен принудительный заем в любое время, когда правительство найдет это необходимым. (Аплодисменты слева.) Земские и городские работники находят необходимым также, чтобы твердые цены на продовольственные продукты и на предметы первой необходимости для определенности положения в стране и для уверенности в завтрашнем дне были бы нормированы на сколько-нибудь продолжительный срок и во всяком случае не менее одного года. Что касается укрепления фронта, то мы считаем, что укрепление фронта — это есть укрепление тыла, что мужество и самопожертвование фронта — это есть мужество и самопожертвование тыла. Только тогда **) всякий солдат, а не герой, пойдет беспрекословно вперед на верную смерть, когда он увидит в тылу нашу готовность пожертвовать всем на благо страны, пожертвовать своим благополучием, здоровьем и жизнью ***). (Аплодисменты слева.) Земские и городские работники уверены, что могучий русский народ с твердостью вынесет на своих плечах все тяготы, все повинности на благо родины и революции, но пусть будет неусыпно бодрствующим глаз стоящих у кормила правления и ведущих страну к Учредительному Собранию и к светлому будущему. (Аплодисменты.)

В частности, касаясь нашей непосредственной деятельности и указаний министерства финансов на чрезмерные расходы в продовольственных и земельных комитетах, земские и городские работники полагают, что призыв членов их организаций к помощи в этом деле значительно сократит государственные расходы. Земские и городские работники уверены, что при значительном числе членов их

---

*) *Так в подлиннике.*

**) *В подлиннике*: тот.

***) *В подлиннике*: смертью.

организаций — около полмиллиона — и готовности к самопожертвованию, к которому призывает Временное Правительство, они хотя немного приудержат отчаянный, пагубный ход станков, печатающих бумажные деньги, понижающих стоимость рубля, способствующих дороговизне и разрухе, ведущих страну к банкротству. Выражая свое мнение в коротких словах, земские и городские работники полагают: признавая настоящий момент моментом перехода к широкому строительству государственной жизни России, направленным к закреплению завоеваний революции, установлению организованного порядка, поднятию производительных сил России и обеспечению обороны ее, — земские и городские работники считают для этого строительства безусловно необходимым, чтобы единственным носителем власти было бы Временное Правительство. (Возгласы: «Браво!» Аплодисменты.) Успех этого строительства они видят в участии всех живых сил страны и в широком привлечении к делу строительства полномочных органов революционной демократии в лице Советов Р., Кр. и С. Д., органов новых местных самоуправлений, а равно кооперативных и профессиональных организаций, муниципальных работников, земских и городских. (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.) *)

Жбанков. (Читает.) «Объединенные советы депутатов трудовой интеллигенции Москвы, Петрограда, Киева, Казани, Орла, Харькова и др., [49]) вместе с присоединившимися к настоящей резолюции союзами союзов служащих во всех отраслях сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности [50]) и союзом интеллигентных работников киевского областного военно-промышленного комитета, [51]) Пироговского общества, [52]) общества петроградских врачей, [53]) всероссийского союза военных врачей, [54]) центрального, петроградского и московского комитета военно-технической помощи, обсудив исключительно тяжелое положение родной страны, считают своим долгом высказать следующее:

Трудовая интеллигенция, подготовившая пути свершенной революции и являющаяся неразрывной частью революционной демократии, всегда и всюду стояла в ряду передовых борцов за те идеи свободы, права и прогресса, которые начертаны на знамени революции. Трудовая интеллигенция является той действенной силой, без которой не могут функционировать ни органы власти, ни армия, ни сельское хозяйство, ни промышленность, ни просвещение. Во всех областях жизни страны ей принадлежит сила, ибо она—носитель специальных познаний, в ее руках опыт и в ее груди горячая любовь к отечеству. И потому, в полном сознании своего значения, как идейной силы, направляющей жизнь на всех ее ступенях, трудовая интеллигенция считает, что в эту критическую минуту и ее голос должен быть громко заявлен в настоящем Государственном Совещании.

---

*) *Далее по рукописному тексту.*

Прослушав сообщение членов Временного Правительства, советы депутатов трудовой интеллигенции и перечисленные организации заявляют нижеследующее:

1) Ставя со дня своего появления на арене русской истории выше всего благо народа, трудовая интеллигенция пойдет, как и раньше шла, на всевозможные жертвы для возрождения родной страны и утверждения всех завоеваний революции и предлагает немедленно произвести учет и мобилизацию всех научно-технических и специальных сил. Необходимо принять все меры для поднятия производительности страны и сохранения ее культуры, а потому необходимо введение всеобщей, без различия пола, трудовой повинности именно теперь, когда производительность как умственного, так и физического труда угрожающе понизилась. 2) России в настоящий момент необходима твердая, самоотверженная, демократическая власть, свободная от каких бы то ни было партийных и классовых требований и обязательств и опирающаяся на волю всех слоев населения. 3) До Учредительного Собрания настоятельно необходимо полное прекращение всеми средствами партийных, классовых и национальных посягательств и захватов, откуда бы таковые ни исходили, во избежание насилия над сокровенной волей народа, которая будет выражена Учредительным Собранием. 4) Необходимо восстановление боеспособности и духа нашей армии, на которую вся наша надежда в борьбе за свободу, честь и достояние родины, а потому необходима немедленная коренная ее реорганизация, с сохранением демократических основ, с введением полной дисциплины и принятием всех мер, какие найдут необходимым признанные военные авторитеты. 5) В глубоком убеждении необходимости отложить до Учредительного Собрания осуществление коренных реформ, могущих разрушить единство нации и целостность государства, трудовая интеллигенция обращается ко всем классам, партиям и народностям, населяющим Россию, с горячим призывом к единению и соглашению, самоотречению и самопожертвованию, которые настоятельно требуются переживаемым грозным моментом. 6) Горячее желание всех сынов России едино: да живет Россия в силе и чести и да выйдет она скоро из паралича власти, разрухи хозяйства, падения труда и анархии воли. Да обретет она скорее порядок в армии и в тылу, ибо без того нельзя мыслить о борьбе с врагом, сильным единением своих классов, своей промышленной и военной организацией, дисциплиной своих граждан и волей их к победе. Мы хотим и должны выйти из этой борьбы политически и экономически свободным народом, и мы, трудовая интеллигенция, приносили и принесем на этом пути самоотречения и труда все жертвы, какие понадобятся». *)

---

*) *Далее по машинописному тексту. По газете «Дело народа» после Жбанкова выступает второй представитель трудовой интеллигенции приват-доцент Мураевич, речь которого отсутствует как в подлиннике, так и в газетах.*

Председатель. Слово предоставляется представителю московского Совета присяжных поверенных Доброхотову. [55])

Доброхотов. По поручению моих товарищей, представителей советов некоторых судебных округов, и в форме, ими мне предложенной, разрешите мне огласить и их скромные пожелания в той скромной области, которая судьбой им отмежевана. Прошу вас при этом не испытывать чувства страха. Я буду очень краток, потому что я полагаю, что я обязан дорожить временем здесь всех присутствующих и помнить о том, что они все заняты, а когда притом совершается политическое землетрясение, называемое революцией, надо помнить, что у человека тем более ответственности, чем более у него свободы. Должен сказать, что и не особенно много было времени для того, чтобы предложить что-нибудь такое, что могло бы претендовать на ваше неослабное внимание. При этом мы помним, как много иногда пишут и говорят для того, чтобы ничего не сказать, и отнимают у себя сон, составляя свои речи и статьи, чтобы одарить ими своих слушателей и читателей.

Представители советов присяжных поверенных, стоящих во главе адвокатуры, выслушав декларацию правительства, произнесенную 12 числа в Государственном Совещании, приветствуют заявление Временного Правительства о необходимости в России твердой власти... *)

Председатель. Слово принадлежит представителю Всероссийского союза георгиевских кавалеров. [56]) [Скаржинскому] **) (Аплодисменты.)

[Скаржинский.] (Собрание приветствует оратора.) Я извиняюсь перед высоким собранием, что по независящим от нас обстоятельствам мы лишены возможности выступить с той программой, с которой мы хотели выступить, так как один из наших ораторов, слепой на оба глаза, полковник Залогин, с выжженными газами глазами, не мог дождаться очереди, которая нам была предоставлена вчера на совещании под председательством товарища Никитина. Не имея возможности подробно осветить мою речь, я считаю возможным только прочесть конспект этой речи.

На нашу долю, граждане, выпала честь приветствовать вас, лучших представителей нашей родины и ее Временного Правительства, от имени громадного, могучего союза георгиевских кавалеров, от 128 отделов его по всем местам России, и показать вам наше лицо и ясно, определенно и реально выяснить перед всей страной и возглавляющим ее правительством всю полноту того, что мы можем еще дать России в этот грозный час надвигающейся непроглядной тучи иноземного порабощения и внутренней распри, тучи, которая может скрыть навсегда от наших взоров благо свободы и счастья

---

*) *На этих словах в подлиннике обрывается речь Доброхотова.*

**) *Фамилия установлена по «Делу Народа».*

родины, к которым мы стремимся всеми нашими помыслами, всей нашей душой и всем нашим сердцем. Право на свободу нами добыто. Обладание счастьем свободы зависит только от нас. (Аплодисменты.) Теперь настал роковой момент, когда весь народ, вся земля русская может стать во сто крат несчастнее, чем была прежде в цепях рабства, созданного самодержавием, добровольно накладывая на себя кандалы, выкованные руками глупцов, трусов или предателей. (Возгласы «Правильно!» в ложе военных. Аплодисменты справа.) И вот, мы, георгиевцы, пережившие уже возможность испытывать какой бы то ни было страх смерти и угрозы, откуда бы они ни исходили (аплодисменты справа и в ложе военных), из боязни потерять нашу воинскую честь, потерять счастье и свободу родины и народа, не верим больше в несбыточные обещания и не желаем видеть пьяного угара желаний вырвавшихся на волю мечтателей с невоспитанной волей, мечтателей, не понимающих границ возможности. 12 августа мы напряженно внимали Временному Правительству, его горячему призыву к самоотречению и самопожертвованию. Сегодня мы стоим перед вами, граждане, обращаем к вам наше лицо, лицо георгиевцев. Взгляните вашими честными глазами и судите, есть ли в нем признаки каиновой печати, иудова пятна, способно ли оно на полное бесстрашное и окончательное самопожертвование для блага родины и народа? Наш лозунг «все для отчизны» мы начертали в сердцах наших кровью наших искромсанных, искалеченных тел, слезами выжженных в боевой сечи глаз, и о нем мы больше никому повторять и твердить не будем, какие бы нападки и гнусности на нас ни сыпались тем, кто родину представляет себе громадной вкусной кулебякой, от которой можно отхватить солидных размеров лакомый кусок. (На скамьях военных возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.) Имея слишком мало времени, я принужден выражать наши мысли вкратце и ограничиться лишь перечислением тех мер, которые, по нашему мнению, необходимы для блага страны, для восстановления поруганной чести армии и флота, для устранения всяких призраков анархии и монархии во всем ужасе их самодержавия. (Аплодисменты.)

Страна, в особенности в годину стихийного бедствия войны, только тогда способна выйти с честью из тяжких испытаний и не бояться катастрофических переворотов, когда возглавляющее ее правительство облечено исключительно твердой неограниченной властью, когда верховное руководительство всеми вооруженными силами страны всецело и нераздельно вручено одному лицу, избранному по своим боевым познаниям и личным качествам народом. Правительство может быть сильным и стоять на страже государственности и пользоваться всей полнотой власти, если весь состав его заключает в себе лиц, пользующихся безусловным доверием народа. (Аплодисменты.) Армия только тогда будет способна и мощна и может честно выполнить свой долг, когда принцип подчиненности,

от верховного главнокомандующего до младшего в звеньях боевой цепи, вполне уяснен себе каждым членом великой боевой семьи, тогда, когда как на фронте, так и в тылу он находится в руках верховного вождя, руководящего им своей непреклонной волей, своим испытанным боевым опытом и ответственного за свои действия либо перед народом, либо перед возглавляющим народ правительством, которому мы верим. Это азбука для всякого мало-мальски знакомого с военным искусством человека.

Перехожу к целому ряду вопросов, что нужно для восстановления мощи армии и флота, для их оздоровления, для спасения страны от разгрома извне и внутри. Армии нужна прежде всего, — пусть это не пугает товарищей солдат, которые не бывали с нами в многократных кровопролитных боях, — нужна железная дисциплина. (Аплодисменты.) Тот не имеет права считать себя солдатом и гражданином, который в самом себе не имеет дисциплины, контролирующей все его поступки. Кстати, как в индийской легенде бездомные бродяги, мы, георгиевские кавалеры, нищие сейчас телом, но крепкие в достаточной степени духом (крики: «Браво!», аплодисменты), считаем себя вправе сказать нашему великому вождю русской революции, не ответственному за те уродливые формы, в которых она вылилась помимо его искреннего и честного желания, гражданину министру Керенскому: «Будда, ты не прав». Не из-под палки, не нагайками, не в угоду какой бы то ни было форме правления, не в силу изуверства и подлости незначительного меньшинства начальствующих лиц, видящих в дисциплине средство личного произвола, шли мы вместе, и солдаты и офицеры, на смерть, сотнями тысяч ложились костьми, голыми руками, грудью нашей брали немецкие пулеметы и батареи. Руководила нами безграничная любовь к родине, беспредельное уважение к чести наших старых боевых знамен. (Аплодисменты.) И этот наш боевой уклад, эту нашу спайку, это знание души истинных солдат мы приобрели не кратковременным посещением боевых линий, а многими и многими месяцами беспрерывного взаимного общения друг с другом перед лицом смерти. Пусть об этом вам, граждане, скажут молчаливые свидетели — деревянные кресты, изобильно разбросанные на громадном пространстве областей и стран, охваченных мировой бойней, скажут пусть и тем воинам, которые поустраивались в тылу, самоокопались и творят в армии политику, места которой нет нигде в мире и не должно быть и у нас. (Возгласы: «Правильно!» Бурные аплодисменты.) Наша политика, политика георгиевских кавалеров, это — белые кресты на груди, либо белые деревянные кресты над братской могилой. (Аплодисменты.) Я извиняюсь: бунт возмущенной несправедливостью души, бессмертной души человека, не властен смирить даже бог. И как бы не настал тот час, когда из этих братских могил встанут все как имевшие счастье получить этот крест, так и незаметные герои, павшие за родину и честь смертью храбрых. Мертвецы тогда бросят проклятие живым за поруганную честь,

за раны, наносимые родине! (Аплодисменты.) Что бы ни случилось в России, суровый приговор истории не будет особенно жестоким ни по отношению к правительству, ни по отношению к народу. Но он будет беспощаден, он заклеймит позором армию, и каждый младенец в праве будет спрашивать: «А где же была пятнадцатимиллионная военная семья?» (Звонок председателя. Оратор заявляет, что у него 30 минут). Керенский заявляет: «Прошу собрание не говорить «просим, просим», ибо я каждому даю столько времени, сколько полагается».

Скаржинский *). Господин министр, разрешите окончить.

Керенский. Прошу подчиняться моим словам. (Аплодисменты.)

Скаржинский *) (продолжает). Где же была пятнадцатимиллионная военная семья, когда погибало отечество?! Ответ один, — говорила: нужна или не нужна дисциплина, отдание чести, наказания, спасение родины либо революции, нужно или не нужно сохранить в целости и неприкосновенности свою шкуру, хотя высшая справедливость заключается вовсе не в том, чтобы был закон возмездия, а в том, чтобы правого и виноватого сделать правым и равным. Нет преступления без наказания. И этот закон страшен только для преступников. И чем суровее и страшнее мера наказания, тем меньше преступлений. Есть еще один мировой закон, закон души человеческой: нет преступления без искупления. Не пора ли нам вспомнить этот закон и перестать разворачивать зловонные кучи старых грехов и новые грехи базировать на прежней грязи. Наказания, самые ужасные наказания нас не устрашают. И мы не были и не будем никогда преступниками...

Керенский (перебивая оратора). Ваш срок кончился.

Скаржинский *) (отвечает). Слушаю-с. (Сходит с трибуны. Продолжительные аплодисменты.)

[Председатель.] Председатель центрального комитета всероссийского союза увечных воинов Н. И. Вишневский. [57])

Вишневский. От лица центрального комитета всероссийского союза увечных воинов приветствую Временное Правительство и вас, граждан, собравшихся на Государственное Совещание. (Аплодисменты.) Мы, присоединяясь к декларации органов организованной демократии (слева возгласы: «Браво!» «Ура!»), мы хотели бы обратить внимание граждан, со всех концов земли русской здесь собравшихся, на то, что мы только впервые выступаем с формулировкой наших взглядов и чаяний. Долго и много надо было бы говорить о нуждах увечных воинов, но мы находим, что в этот критический для страны момент личным интересам нет места. (Справа возгласы: «Браво!») И с открытой душой и чистым сердцем мы сегодня говорим вам, граждане: мы исполнили свой

*) *В подлиннике:* Оратор.

долг. На далеких полях брани лежат миллионы наших братьев. Они отдали все Мы, увечные, в борьбе за счастье и независимость родины мы отдали почти все, что только может отдать человек и гражданин, но мы отдадим и все без остатка. (Аплодисменты.) И мы верим, что не напрасны были и будут наши великие жертвы на алтарь отечества и революции и что не погибнет и не распадется, а во-веки будет стоять крепкая, свободная, могучая и республиканская Россия. (Аплодисменты слева.) Мы верим, что Временное Правительство, неуклонно отметая всякие покушения на добытые революцией народные права, приведет страну к справедливому и почетному миру, Учредительному Собранию и демократической республике. (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.) И мы, как пожертвовавшие всем, заявляем: мы ждем, что все классы нашей родины, все, кому дорога свободная и независимая Россия, забудут все распри и соединятся в одном могучем порыве помочь Временному Правительству выйти из затруднений и вывести Россию на путь спасения! (Аплодисменты слева.) *)

Вармин. По поручению И. К. петроградского союза увечных воинов, образовавшегося в первые дни революции и послужившего к образованию всероссийского союза увечных воинов, представитель которого только что выступал, я выступаю здесь не с критикой каких-либо деяний правительства, не с заявлением о своих насущных нуждах, не с указанием на положение, создавшееся в стране, а с заявлением по поручению всех моих товарищей, проживающих в городе Петрограде, что мы всемерно, всеми своими силами готовы служить делу закрепления завоеванной революцией свободы и спасению страны в настоящий тяжелый момент. Мы всеми силами готовы помогать Временному Правительству в том, чтобы оно могло вывести нашу родину на путь свободы, равенства и братства. Я никак не мог без возмущения слушать слова здесь выступавшего передо мной товарища, георгиевского кавалера, который указал, что армии нашей в данную минуту нужна железная дисциплина. Я говорю: нет, не железная дисциплина нужна нашей армии, а разумная дисциплина, и тогда она защитит нашу страну от нашествия неприятеля и защитит нашу свободу и революцию. (Аплодисменты слева. Крики: «Браво!») **)

Председатель. Представитель союза эволюционного социализма Борис Гуревич. [58])

Гуревич. В тяжком сознании роковой значительности для всего будущего России переживаемых нами дней разрухи и безвластия, союз эволюционного социализма, объединяющий всех, кто только через великую Россию зовет к социализму, считает своим долгом высказать следующее.

---

*) *Далее по рукописному тексту.*
**) *Далее по машинописному тексту.*

Великим несчастьем для родины была победа над национальной революцией течений, попустительствовавших преступной пропаганде крайнего интернационализма на фронте в час, когда решалась судьба России. Грех тех, кто не боролись своевременно с этой пропагандой, находившей почву в невежестве и усталости измученных масс, велик. Но велик и наш грех, людей, более умеренных, не сумевших покорить народное сердце, зажечь великий пламень жертвенного энтузиазма для спасения той единой, нераздельной, великой России, вне которой нам не будет мил и священный для нас путь социального прогресса. И в этот грозный час, когда в овеянной воспоминаниями о созидавшейся России Москве мы собрались для создания всенародного единого фронта, обращенного к страшному и ненавистному врагу родины, простим и забудем старые грехи, как бы тяжелы они ни были. Но забудем только тем, кто подчинится великой задаче спасения родины и закует в железные латы, латы военно-трудовой дисциплины, то, что уцелело от нашей многострадальной родины. Только те, кто признает необходимость дать всем органам революционной демократии деловую, конкретную, живую работу для нужд обороны и милитаризации страны, способны войти в то общенациональное единение, которое могучим нравственным подъемом должно охватить сердца всех сынов истомившейся, но не потерявшей веру в себя России и поднять их на последний и великий правый бой. Революцией французской были посажены деревья свободы в странах, где властвовали до нее тираны. Засыпая на гнилой соломе, вожди якобинцев посылали приговоры к смерти тем, кто был недостаточно патриотичен. Кого должна была бы казнить, следуя их примеру, революционная демократия России? Не свое ли собственное недавнее прошлое? Но сейчас, повторяю, все забыто, и если те, кто охотно повторяют сейчас сказанные нами еще в февральские дни слова о национальной революции, действительно чувствуют себя способными спасти от прусских дворян русскую землю и волю, пусть они введут железную дисциплину в армии, пусть они подчинят экономическую жизнь потребностям войны и не пугаются поднять честь и достоинство командного состава, рядом с которым их организации должны будут взять на себя частичные, но ответственные задачи. Наша задача в этом собрании не политическая, а нравственная. Есть ли еще у великой России те силы, которые способны превыше всего на свете поставить спасение русской культуры и русской государственности для ее светлого и благородного будущего? Если есть, пожмем друг другу руки и вернем революции тот характер национальной революции, изгнавшей изменников, какой она имела в феврале. Если кто-либо не сможет понять этой великой задачи, мы, которые верим в нравственные силы русского народа, пойдем своей дорогой и верим, что великая Россия жива и бессмертна, и только в великой России пойдет народ наш к социализму путем широких демократических реформ. Страшный суд истории настал. Пусть любовь к родине сделает нас братьями и спасет великую свободную Россию, навеки единую, нераздельную и не знающую позора.

Представитель почтово-телеграфного союза.[59]) (Читает.) Для согласованности действий, для единения против великого врага России — экономической разрухи — созвало Временное Правительство сынов земли русской на это Государственное Совещание. От имени центрального комитета Всероссийского почтово-телеграфного союза, придушенного реакцией 1906 года и ныне возродившегося после 11 лет безмолвствия, я уполномочен заявить о следующем:

Почтово-телеграфные служащие, в общей своей массе представляющие одну из ячеек демократии, всецело присоединяются к декларации, прочитанной от имени объединенной демократии председателем И. К. Совета С. и Р. Д. Чхеидзе. Все пожелания, все планы и проекты, которые предлагают здесь для спасения страны, и те из них, которые будут приняты и проведены в жизнь, с одной стороны, распространяясь, оповещая и будя весь русский народ, с другой, собирая в центр желания и творчества народа, необходимо должны пройти через руки особого отряда государственных служащих,— это работников почтово-телеграфного ведомства. Это ведомство, являясь необходимо важной и весьма ответственной отраслью государственного дела, в то же время играет в обществе, благодаря своей работе, громадную культурную роль. В ближайшем будущем, в наши дни, этому ведомству придется вынести на своих плечах подготовительную предвыборную работу по созыву Учредительного Собрания и во время занятий Учредительного Собрания играть ту связывающую роль между всей страной и созданным ею в революционном творчестве Учредительным Собранием, какую играют нервы в нашем организме по отношению головного мозга. Сознавая все это, почтово-телеграфный союз ставит своей задачей не только ограждение прав и материальное обеспечение работников почтово-телеграфного дела, но и принимает и с удвоенной энергией примется за уничтожение всеобщей российской болезни — разрухи — всеми в его распоряжении имеющимися средствами. Но для деятельного участия в новом строительстве центральный комитет должен констатировать, что только проведенная законодательным путем свобода коалиций правительственных служащих, полная свобода самостоятельности их организаций на местах дадут возможность поднять производительность труда правительственных служащих, ибо свободное применение служебного опыта членов союза, служба в созидательной работе министерства, только и может поставить всю систему центральной власти на должный путь продуктивного ведомственного творчества.

Останавливаясь на призыве министра-председателя к самопожертвованию и единению всех *) граждан для спасения гибнущей родины, центральный комитет считает своим долгом заявить всем здесь сидящим вообще и в частности Временному Правительству, что члены почтово-телеграфного союза, проникнутые пони-

*) *Далее по рукописному тексту.*

мапием момента, считающие себя не только членами союза, членами той или другой политической партии, но и сынами единой, истекающей кровью нашей матери-России, все принесут безропотно на алтарь ее спасения, не только свои силы и знания, но и самих себя. Являясь организацией беспартийной, почтово-телеграфный союз еще на втором всероссийском своем съезде, в июне месяце, вынес постановление о своем отношении к тогдашнему политическому моменту. Это постановление остается в полной силе и по отношению к настоящему моменту. Сущность этих постановлений сводится к тому, что, во-первых, союз поддерживает все группы, которые направляют свои усилия к установлению в России через Учредительное Собрание демократической республики, как единственной формы государственного строя, обеспечивающей всю полноту прав человека и гражданина. Во-вторых, союз всемерно поддерживает коалиционное Временное Правительство, опирающееся на органы революционного народа в виде Совета Р., С. и Кр. Д. и на все живые силы страны в его работе по закреплению завоеваний революции и скорейшему спасению родины и созыву Учредительного Собрания. В-третьих, союз будет отстаивать принципы равенства всех национальностей России. В-четвертых, будет оказывать активную всемерную поддержку «Займу свободы», как источнику усиления средств истощенной государственной казны *).

Долгов (читает). Объединенные технические организации России, названия которых будут оглашены впоследствии, в лице своих представителей, членов Государственного Совещания, уполномочили меня передать всей стране и Временному Правительству свой горячий отклик на призыв государства к жертвам. Технические организации, исчисляющие своих членов многими десятками тысяч работников разных специальностей, совершенно разного социального положения, рады громко заявить, что обе жертвы, о которых говорил глава Временного Правительства, они в своей области, области одностороннего технического труда, приносят и будут приносить до конца в полной мере, так как их положение в промышленности аналогично положению офицеров армии. И не затем брали мы слово, чтобы говорить о своих нуждах, своих интересах. Нам сегодня, стоящим по самому своему положению у горнила промышленно-хозяйственной жизни страны людям, обязанным и способным объективно разбираться в вопросах промышленности и техники в ее всероссийском масштабе, необходимо высказаться именно об этих жгучих и грозных вопросах современности. Прежде всего мы заявляем, что, в общем и целом, мы вполне примыкаем к взглядам Временного Правительства на положение промышленности и на те меры, направленные к ее спасению, которые были обрисованы министром торговли и промышленности С. Н. Прокоповичем.

---

*) *Далее по машинописному тексту.*

Мы вполне разделяем их, и этим объясняется, почему в нашей декларации мы не сочли возможным разграничивать то, что намечено Временным Правительством, от того, что мы предлагаем с своей стороны. Надо лишь ясно, определенно и твердо отметить следующее. Многие из нас почти три месяца тому назад слышали из уст товарища министра труда, гражданина Колокольникова, который посетил наш делегатский съезд, почти в тех же выражениях, как и сегодня, общую обрисовку намеченных мероприятий, как предстоящих к выполнению в ближайшее же время. Но, к сожалению, очень и очень многое из того, что говорилось три месяца тому назад, и до сих пор остается неосуществленным, а может быть,— об этом мы вправе лишь предполагать,— и конкретно неразработанным. Между тем, промышленно-хозяйственная жизнь страны не терпит промедления в уврачевании ее болезней, и мы со всей горячностью и энергией настаиваем на немедленном, неотложном приступе к практической работе по борьбе с промышленной и экономической разрухой.

После этих кратких, вступительных слов, позвольте мне огласить следующее наше заявление:

«Отвечая на призыв правительства, представители объединенных технических организаций России, а именно: Всероссийского союза инженеров, Русского технического о-ва, Комитета военно-технической помощи, Всероссийского союза инженеров и техников, работающих на путях сообщения, Всероссийского союза военных инженеров, Союза инженеров путей сообщения, Всероссийского союза техников министерства почт и телеграфов, Всероссийского союза техников всех специальностей, Всероссийского союза техников-десятников по строительному делу, — считают своим долгом указать на необходимость самых решительных действий Временного Правительства в направлениях, изложенных его представителями на Государственном Совещании. Дело снабжения промышленности топливом и сырьем находится в отчаянном положении; транспорт, почта и телеграф, болеющие сами теми же недугами, как и вся Россия, бессильны справиться с задачами, которые возлагает на них жизнь; падение производительности труда во всех его видах, достигшее ужасающих размеров, усугубляет общую разруху, приводит к чрезвычайному вздорожанию сырья, полуфабрикатов, готовых изделий и всей жизни страны. Наконец, неурегулированность взаимоотношений между различными группами работников государственных, общественных и промышленных предприятий и учреждений создает крайне тягостную атмосферу взаимного недоверия и озлобления и не находит законного выхода из создавшихся условий. Положение ухудшается с каждым часом.

Проявление твердой правительственной власти до сего времени отсутствует. Для борьбы с этой разрухой, по мнению объединенных технических организаций, [являются] совершенно необходимыми и подлежат немедленному проведению в жизнь следующие меры: 1) энергичная борьба правительственной власти путем

установления наказуемости с анархическими выступлениями и действиями, направленными к ограничению законных прав предпринимателей, с вмешательством в дело управления предприятиями и учреждениями, с применением угроз и насильственных действий по отношению к административному, техническому и рабочему персоналу; 2) сосредоточение дела урегулирования технически производительной жизни страны в руках местных правительственных органов, компетентных и независимых, действующих в предоставленной им области на основании специального закона, ответственных только перед ним и обладающих необходимой полнотой власти для проведения на местах соответствующих мероприятий; 3) законодательная регламентация прав и обязанностей комитетов рабочих и служащих; 4) разрешение обычных конфликтов в промышленности путем обязательного третейского разбирательства и притом не только в предприятиях, работающих на оборону, но и во всех областях труда; 5) по отношению к усилению производительности труда: а) неуклонное производство работ в течение всего установленного рабочего времени, с недопущением отвлечения рабочих и служащих в урочное время от их прямых занятий, б) возможно широкое восстановление сдельной оплаты труда, в) проведение принципа обязательной минимальной производительности для каждой данной отрасли труда; 6) привлечение технических сил к выработке и проведению в жизнь законодательных норм по охране труда, наиболее соответствующих нуждам промышленности и интересам рабочих; 7) немедленное издание закона о временном введении всеобщей трудовой повинности во всех главнейших отраслях труда и планомерное распределение рабочих сил по предприятиям, с одновременной широкой мобилизацией технических и научных сил страны; 8) законодательное ограничение прибылей торговых и промышленных предприятий с одновременной нормировкой цен на предметы первой необходимости, а также нормировкой заработной платы по отдельным районам и отраслям промышленности и труда; 9) учреждение над промышленными предприятиями общественно-государственного контроля, опирающегося на определенные законоположения, устраняющие современное многообразие форм этого контроля и гарантирующие широкое участие специалистов из технических сил страны; 10) по отношению к реорганизации дела снабжения и регулирования промышленности: а) планомерное и последовательное объединение как в центрах, так и на местах деятельности различных органов, ведающих регулированием промышленности и делом снабжения, б) привлечение к работе в этих органах специалистов — людей действительного знания и опыта, привлечение, не руководствующееся принадлежностью этих последних к той или иной партии или классу; 11) постановка на ряду с активной военной обороной страны, ведущейся в полном единении с союзниками, планомерной организации всесторонней экономической обороны государства, при чем на первый план выдвигаются: а) подготовка к предстоящей демобилизации промышленности, б) лучшее использование производительных

сил страны, в) правильное решение вопросов, связанных с предстоящими торговыми договорами,— в этом направлении необходима непрерывная работа Временного Правительства с широким участием техников и экономистов и освещением существа дела перед трудовыми массами; 12) устранение наблюдаемого в последнее время расточительного отношения к промышленным рессурсам страны и проведение в жизнь разумной бережливости в расходовании материальных средств и целесообразного использования *).

Объединенные технические организации полагают, что только быстрое, энергичное и планомерное проведение в жизнь намеченных мероприятий в полном их объеме и во всех областях промышленно-хозяйственной жизни страны сможет предотвратить дальнейший распад ее и спасти положение как в области добывающей, так и обрабатывающей промышленности. И для выполнения этой работы мы предоставляем в распоряжение страны и Временного Правительства все наши силы, знания и технический опыт. Вместе с тем, мы считаем, что успешное проведение в жизнь всех вышеперечисленных мероприятий возможно лишь при немедленном осуществлении твердой правительственной власти, опирающейся на все общественно-народные слои, готовые подчинить свои классовые, групповые и узко-партийные интересы общегосударственным. Временное Правительство, дабы избежать анархии и довести Россию единой и сильной к всенародному Учредительному Собранию, которое единственно правомочно выковать будущий государственный социальный строй России, должно решительно бороться с центробежными течениями и попытками произвести политический и социальный переворот, откуда бы они ни исходили» **).

П р е д с е д а т е л ь. В виду того, что намеченные в списке ораторы отсутствуют, а также в собрании оказалось уже сравнительно мало народа, я вынужден прервать заседание до завтра, 10 часов утра. Я прошу членов Государственного Совещания иметь в виду, что Временное Правительство предполагало выслушать очень многих лиц, желавших высказаться с минимальной для Временного Правительства и для страны потерей времени, поэтому я предполагал сегодня вести заседание значительно дольше. Я предупреждаю Государственное Совещание, что завтра во всяком случае необходимо будет наше Государственное Совещание довести до конца, так как чрезвычайная неотложность и масса государственных дел лишат нас возможности пробыть еще дольше в Москве.

Объявляю заседание Государственного Совещания закрытым до 10 часов утра вторника.

---

*) *Далее по рукописному тексту.*

**) *Далее по машинописному тексту.*

ЗАСЕДАНИЕ 15 АВГУСТА

(Утреннее)

Председатель. Возобновляю заседание Государственного Совещания. Слово принадлежит представителю группы земского собрания председателю московской земской управы Грузинову. [60] (Аплодисменты.)

Грузинов. Я говорю по поручению группы представителей губернских земств. В эту группу входят земцы как уже демократизированного земства, так и земства недемократизированного, цензового. Но мы, представители цензового земства, представители учреждения, пятьдесят лет стоявшего на страже общественности России, того учреждения, которое сыграло свою роль во время революции, мы считаем, что наш голос должен быть теперь услышан, и считаем потому, что те деятели, которые входят в эту группу, остались на своих местах и их не смыла волна революции. Мы работали не за страх, а за совесть при том правительстве, против которого мы боролись. Так же работали мы и при том правительстве, которое мы поддерживали, работали потому, что знаем всю нужду в работе в теперешнее время тяжкой войны и тяжких испытаний родины. Мы и впредь будем работать не за страх, а за совесть, работать для родины, для страны, вне партий, вне классов. Но мы не можем не указать на то, что сейчас творится в стране. Мы не можем не сказать, по наблюдениям нашим с мест, к чему мы идем. Положение в высшей степени тяжелое. Мы здесь говорим об единении. Но и здесь, в этом зале, мы видим разъединение, и на местах это разъединение также существует. Мы говорим о совместной работе, а на местах целый ряд культурных работников и в земстве, и в иных учреждениях, и на железных дорогах, и на фабриках, и где угодно, устранен от работ только потому, что он причисляется к тому классу, который называется «буржуем».

Дело в том, что эти люди составляют мозг и волю страны. Они могут принести громадную пользу, а, между прочим, в тех учреждениях, которые вновь возникли на местах во время революции, им не нашлось места, а между тем каждая культурная сила на счету. И вот, во многих местных учреждениях, мелких учреждениях, которые могли бы принести свою пользу, культурных работников не оказалось, и многие эти учреждения не только были бесполезны, но и принесли вред.

Нужно дальше смотреть. С самого начала революции революционная демократия образовала на основах центростремительных крупные Советы С. и Р. Д. И эти Советы имели свое значение. Затем постепенно, под влиянием тех же Советов, частью самочинно, частью же по распоряжению Временного Правительства по всей России и в армии было организовано бесчисленное множество всевозможных комитетов и Советов, функции которых не были определены, задачи которых переплетались между собою, переплетались с задачами, обязанностями и правами представителей Временного Правительства. И вот на местах продовольственные, земельные, исполнительные комитеты были организованы, но согласованной и правильной работы на местах не получилось. Результаты вскоре сказались. Все эти не имеющие определенных полномочий органы приняли на себя бесконечное множество обязанностей, но никакой власти в действительности не оказалось. Они все являлись, так сказать, вместилищем власти, но внутреннего содержимого, т. е. самой власти, у них не существовало. Почему? Очень просто, почему. Потому что все эти комитеты являлись волеизъявлением снизу, в то же время Временное Правительство представляло из себя аппарат для волеизъявления сверху, и волеизъявление снизу во многих случаях сталкивалось с волеизъявлением сверху и с волеизъявлением того или иного промежуточного комитета. Получалось, что эти комитеты не стали исполнять ни указаний высших, ни указаний Временного Правительства. И получилось полное разнообразие, полная разруха на местах и отсутствие всякой власти, отсутствие личной и имущественной безопасности, отсутствие возможности даже поддерживать те права, которые дала революция.

Вот к чему мы пришли благодаря спешно и недостаточно продуманной организации. И мы хорошо видим на местах, и я бы указал маленький пример того, к чему ведет иной раз неосмысленное решение. Вот, например, некоторыми комитетами земельными установлено не брать у помещиков по-одиночке, а брать только целыми обществами. В нашей губернии есть большие молочные товарищества, в которые входят крестьяне, имеющие 5—6—10 коров. Вот когда общество взяло целиком землю, то поделило поровну по дворам и, следовательно, тем, у которых имеется большое количество скота, досталось столько же, как тем, у кого скота почти нет. В конце концов, целый ряд лиц остались без корма для скота. Молочные товарищества начинают закрываться, и крупные города остаются без молока. Из таких, казалось бы, мелких случаев вытекали громадные экономические пертурбации.

Дело в том, что получение молока городами, получение продовольствия городами, это — такая вещь, от которой зависит существование государства. Меньше молока городам, меньше продовольствия городам, это — такие вещи, от которых зависит существование государства. А между тем, благодаря тому, что на местах эти комитеты не могут провести полностью все то, чего требует Временное Правительство, а то, что они проводят самочинно неразумные меры, — это ведет

к расстройству экономической жизни страны. И вот здесь, вне каких-либо партий, вне классов, я заявляю, что экономическая разруха идет от этой несогласованности, самочинности, неумения правильно повести дело. Если мы возьмем вопрос о хлебной монополии, то можем ли мы сказать, что эта монополия пройдет в жизнь? Я еще полтора года тому назад говорил, — я был уполномоченным по продовольствию Московской губернии, — что мы уже вводим хлебную монополию, но хлебная монополия может только тогда целиком исполнить свои намерения, когда будет аппарат, который эту монополию может провести. Теперь такого аппарата, который мог бы провести монополию в жизнь, нет, и доколе мы не создадим его, монополия будет написана на потолке и больше ничего. И потому я говорю: нам нужно создать власть, а не распыление власти.

Нам нужно, чтобы на местах была власть такая, которая могла бы в действительности исполнять то, что указывает наше Временное Правительство. Доколе это будет распыленная и лишь себя признающая власть,— комитеты на местах,— никакого порядка в жизни страны не будет. Это распыление власти на местах в высшей степени вредно.

Затем пойдем дальше. У нас был суд. Суд сейчас существует, но суд в большинстве случаев не работает. И таким образом то, что необходимо для правильного существования государства, — правосудие,— сейчас атрофировано. Почему? По разным причинам. Я не стану их выяснять здесь. Частью опять-таки просто потому, что нет органов, которые могли бы оказывать суду ту помощь, которая ему необходима для проведения в жизнь судебных решений, отчасти потому, что в функции суда вмешиваются те же организации на местах. А между тем основное положение: это — независимость суда. Таким образом, сейчас суд в большинстве случаев в параличе. Исполнительная судебная власть также в параличе, потому что нет органов, которые могли бы взять на себя эти функции. Поэтому мы полагаем, что суд должен в ближайшее время начать свои действия, и исполнительная власть должна быть сорганизована.

Относительно продовольствия я уже говорил, и я думаю, что для всех определенно ясно, что если работа местных комитетов не будет так или иначе урегулирована, если эти комитеты не будут подчинены строго представителям Временного Правительства, то ни в коем случае никакого порядка у нас не будет.

Теперь мы подходим к вопросу очень серьезному, к вопросу финансовому. Я опять-таки буду говорить относительно земства, которое представляет весьма важный орган в правлении государства Российского и настолько важный, что ему в будущем придется нести почти все функции власти на местах. Что же теперь происходит с этим органом? То же отсутствие местной власти, то же отсутствие сознательности в населении ведет к тому, что земство шаг за шагом идет к финансовому краху. Подати не поступают, взимать их некому, расходы безумно растут, и, должен отметить, что всюду на местах,

в земствах, в старых и новых, и в комитетах появилось какое-то странное сознание, что деньги, — это есть тоже что-то буржуазное и по этой причине денег можно тратить сколько угодно. Никогда таких безумных трат не было, какие происходят теперь. (Аплодисменты.) И вот, когда мы подходим к этому пункту, я должен отметить, что многие земства сейчас живут за счет поедания своих неприкосновенных капиталов, а некоторые даже, как я имею сведения, живут за счет поедания касс мелкого кредита. Если это так, то мы стоим на границе финансового краха. Если это так, то в ближайшее время земства принуждены будут закрывать свои учреждения, которые в высокой степени важны для народа. В ближайшее время земства должны будут прекратить уплату жалованья своим служащим. Вот к чему мы подходим. Надо смотреть на вещи с реальной точки зрения, и мы здесь смотрим с точки зрения земли, на которой мы живем. И вот мы, которые здесь видим все, о чем я говорил, мы должны сказать, что не только крах общефинансовый, но и финансовый крах внизу могут окончательно разрушить те культурные начинания, которые у нас существовали, благодаря тому же земству, которое пятьдесят лет работало на этой почве.

Теперь перейдем к общим вопросам. Общие вопросы, широко захваченные, для нас, земцев, конечно, также понятны, и мы их обсуждали, обсуждали в полном сознании, что нас призвали сюда для решения широких вопросов. В общей резолюции наша группа присоединяется к той резолюции, которую вынесла четвертая Государственная Дума, и так как эта резолюция не была оглашена, то я позволяю себе ее сейчас огласить. (Аплодисменты.) Позволю себе читать ее полностью *):

«Государственная Дума, обеспечившая своим активным участием славную и бескровную победу народа над старым порядком, ныне, в дни внутренней разрухи, уже оказавшей пагубное влияние на ход внешней борьбы и грозящей самому существованию государства, считает необходимым в лице своих членов, присутствующих на Государственном Совещании в Москве, вновь указать стране и правительству на те необходимые условия, без соблюдения которых революция нанесла бы стране непоправимый вред и привела бы к собственной гибели:

1) Главнейшей задачей текущего момента является спасение России от неприятельского разгрома, расчленения и унижения и доведение мировой борьбы, в единении с союзниками, до победоносного конца, могущего обеспечить человечество от повторения подобных войн в будущем. Всякое правительство, которое не стремилось бы всеми средствами к достижению этой первейшей национальной цели, потеряло бы смысл своего существования и не могло бы оставаться у власти. 2) Для достижения указанной цели боеспособность армии должна быть восста-

---

*) *Декларация публикуется по «Русским Ведомостям». В подлиннике — рукописная копия.*

новлена в кратчайший срок, путем полного устранения политики из армии, вплоть до избирательной кампании в Учредительное Собрание, восстановления дисциплинарной власти начальников, ограничения деятельности комитетов исключительно хозяйственными пунктами, приведения прав солдата-гражданина в строгое соответствие с его гражданскими и воинскими обязанностями и предоставления верховному главнокомандующему возможности осуществить во всем объеме права, предоставляемые ему законом и необходимые для единого руководства действиями армии. 3) Правительство не должно вносить в определение задач войны наших и союзников тенденций международного социализма и должно исключительно руководиться национальными интересами России. В международном совещании с союзниками не должны быть допущены безответственные делегаты, и правительство должно сохранить полную независимость от решений интернациональной социалистической конференции, допустившей в свой состав граждан воюющих с нами стран. 4) Во внутреннем управлении правительство должно сохранить полную независимость от решений Исполнительных Комитетов Советов и т. п. организаций, не выражающих мнения и воли всего народа. Органы административной власти в стране должны быть повсеместно установлены и притом не только с целью контроля, но и с целью непосредственного управления страной. Их функции должны быть тщательно разграничены с функциями органов самоуправления. Последние должны заменить все местные организации, созданные явочным порядком и присвоившие себе власть управления. Эти начала должны быть положены в основу деятельности министерства внутренних дел. 5) В вопросах национальных и социальных деятельность правительства и его местных органов не должна предрешать воли всего народа, выраженной в Учредительном Собрании, избранном при условии полной свободы агитации для всех без различия политических партий на всем пространстве России. В частности, в национальных вопросах, при полном сохранении прав гражданского равенства и национально-культурного самоопределения, завоеванных революцией, далее идущие стремления национальностей должны быть введены в пределы, совместимые с полным сохранением государственного единства России. В вопросах социальных правительство должно предотвратить всякие попытки обострения социальной жизни и тем более открытой классовой борьбы, поставленной на очередь некоторыми социалистическими партиями. Оно не должно также допускать самочинного разрешения социальных вопросов заинтересованными группами населения под предлогом предварительного улажения распри. С этой точки зрения Государственная Дума считает чрезвычайно тяжелым для страны положение дела в области сельского хозяйства, где гибнут ценности труда, не скоро восстанавливаемые, вследствие ничем не сдерживаемых захватных стремлений частей населений. Жертвы эти, нанося громадный ущерб интересам продовольственной обеспеченности и государственно-культурному уровню сельского хозяйства, совершенно излишни и с точки зрения социаль-

ной реформы. Как бы радикальна она ни была, этим она облегчена не будет, а, наоборот, будет затруднена. В частности, в интересах улучшения продовольственного дела, продовольственные и земельные комитеты в их настоящем виде должны быть упразднены, и их функции должны быть переданы органам местного самоуправления, с одновременным упрощением и удешевлением всей организации и с обязательным использованием торгово-промышленного аппарата. То же самое должно быть признано и относительно тех чрезмерных требований рабочего класса, которые вызывают остановку предприятий и крушение промышленности, принося тем вред самому рабочему классу и облегчая в будущем преобладание иностранной промышленности в России. 6) В вопросах финансовых Государственная Дума признает правильными общие основания финансовой политики, изложенные правительством, настаивая на решительных для усиления производительности труда, в особенности в области производства для целей обороны, мерах, самой строгой экономии в расходах, заменяющих производительный труд части населения готовым содержанием за счет государственного казначейства.

Высказывая эти требования, Государственная Дума обращает внимание на строго беспартийный характер этих требований, к которым уже присоединился целый ряд общественных групп. Пусть на этой общенародной программе объединятся все живые силы страны, пусть на ней же сосредоточит всю свою деятельность Временное Правительство до тех пор, пока состав Учредительного Собрания не покажет, каким специально партийным задачам отдала свое предпочтение страна *).

Председатель. Ваше слово кончено. (Аплодисменты и шиканье.)

Слово принадлежит представителю губернских земств Сергею Салазкину [61]).

Салазкин. Граждане и товарищи. На совместном заседании представителей губернских земств, собравшихся для выработки общего ответа Временному Правительству, выяснилось, что общего ответа не может быть дано. Обнаружились два течения, сообразно которым представители губернских земств распались на две группы. Представителя одной из них вы сейчас выслушали, представителем другой, поручившей мне выступить от ее имени, являюсь я. (Голоса: «Почему он не сказал»? «Забыл должно быть»?) Я позволю себе перечислить те земства, от имени которых выступаю, причем я должен предварительно отметить, что представители некоторых земств раскололись между собою, и одни из них присоединились к первой группе, другие — ко второй. Сначала я перечислю, земства, которые целиком сходятся на том заявлении, которое я сделаю, и затем укажу те, которые раскололись. Присоединились целиком: Рязанское, Витебское, Саратовское, Костромское, Вологодское, Владимирское, Нижегородское, Симбирское, Казан-

*) *Далее по машинописному тексту.*

ское, Оренбургское, Херсонское, Лифляндское, Таврическое, Тверское, Астраханское, Екатеринославское, Эстляндское и Уфимское. Затем, из трех представителей по одному или по два присоединились от следующих земств: Минского, Пензенского, Харьковского, Петроградского, Могилевского, Черниговского, Калужского, Вятского, Киевского, Новгородского, Тамбовского, Самарского и Курского. Всего тридцать одно земство, из которых в восемнадцати все представители присоединяются к заявлению, которое я сейчас сделаю. (Бурные аплодисменты.)

Как известно, в настоящее время новых демократических земств еще нет. Земства частично демократизированы и притом не во всех земствах одинаковым образом. Это обстоятельство создает некоторое затруднение при выступлении. Этим, может быть, объясняется и то, что представителям земств не удалось сойтись на одной общей платформе. Платформу первой группы вы только что слышали; что касается нашей платформы, то ей вполне отвечает декларация объединенных демократических организаций, оглашенная вчера товарищем Чхеидзе. (Шумные аплодисменты. [Возгласы:] «Браво!») Поэтому мы заявляем, что всецело к ней присоединяемся и просим включить нас в перечень тех организаций, от имени которых была оглашена эта резолюция. (Аплодисменты.) Я сказал, что земства только демократизированы, но они не являются еще широко демократическими учреждениями. Я сказал, что это обстоятельство создает некоторые затруднения для нашего выступления. Приходится поэтому задать себе вопрос: сойдется ли точка зрения нас, представителей доживающего последние дни хотя демократизированного, но еще не демократического земства, с той точкой зрения, которая будет у нового земства? Этот вопрос мы задали себе и мы ответили на него: «да, сойдется». И мы ответили так вот почему. Будущее земство, несомненно, будет земством широко демократическим. В нем демократия по праву займет первенствующее положение, а мы за все прошедшее со дня революции время были свидетелями того, в чем могли убедиться с положительностью, не подлежащей никакому сомнению, что вся демократия представляет сплоченную массу, идет совместно, и что ее чаяния и желания отражаются, как в зеркале, в постановлениях и резолюциях Советов Р., С. и Кр. Д. (Аплодисменты.) Мы вполне признаем, что эта декларация объединенных демократических организаций вполне отвечает всем чаяниям и желаниям русской демократии. Поэтому мы, опять повторяю, к ней присоединяемся всецело без всяких оговорок (аплодисменты) и думаем, что наше присоединение к этой резолюции, вместо составления самостоятельной декларации, не уменьшает силы и значения выступления земства, напротив, мы думаем, что оно придает этому выступлению еще больше силы и значения, потому что указывает, что земства идут совместно со всей русской демократией. А с другой стороны, мы смеем думать, что наше присоединение к этой резолюции придаст ей еще больше сил. (Аплодисменты. Возгласы: «Правильно!»)

Заявляя о своем присоединении к этой декларации, я должен остановиться на некоторых вопросах, на которых мне было поручено остановиться лицами, уполномочившими меня здесь выступить. Прежде всего, мы считаем, что новые демократические земства являются тем фундаментом, на котором будет построено все будущее здание государства Российского. Эти демократические органы местного самоуправления должны быть не только органами, ведающими дела местного хозяйства, но и органами местного государственного управления. Будучи правильно организованы, они заменят существующие не совсем удачно составленные комитеты, оживят хозяйственную жизнь, поставят на надлежащую высоту народное образование и будут твердым оплотом против контрреволюционных выступлений, и для того, чтобы новое земство могло проявить во всей полноте свою деятельность, чтобы демократия могла вполне выявить в этих демократических учреждениях свой творческий дух и свою самодеятельность, эти органы местного самоуправления должны быть самостоятельны и свободны от опеки.

Излагая свой взгляд на значение и роль органов местного самоуправления, мы должны отметить один вопрос, который вызывает в нас тревогу. Это — вопрос продовольственный. Мы очень хорошо знаем, что во многих местах вопрос этот стоит крайне остро. Необходимо принять немедленные срочные меры для смягчения этого положения, и мы обращаемся к правительству, чтобы оно со своей стороны взяло на себя организацию этого дела для того, чтобы на местах мы могли бы спокойно работать. С другой стороны, мы обращаемся и к рабочим, чтобы они со своей стороны приложили все усилия к ремонту существующих паровозов и вагонов, чтобы в этом отношении не было затруднений в транспорте хлеба. Мы должны указать, что необходимо использовать водный путь, благодаря тому, что железнодорожные транспорты являются расстроенными. И говоря об этом, мы обращаем внимание, что времени для водного пути остается немного. Мы обращаемся с просьбой и к крестьянам, чтобы они со своей стороны охотно давали хлеб. Мы понимаем, что со стороны крестьян это есть известная жертва, потому что, выручая деньги за хлеб, они не могут в то же время получить в достаточном количестве и по нормальным ценам предметы первой необходимости. Правительство стало на путь снабжения населения этими предметами, но не нужно закрывать глаз на то, что этих предметов будет мало и не потому, что правительство не хочет это сделать, а потому, что, в силу существующего положения, достать их в надлежащем количестве невозможно. И мы просим крестьян, несмотря на это, делать все для того, чтобы хлеб можно было взять как для армии, так и для потребляющих губерний и уездов. Принося жертву, крестьяне в то же самое время делают дело и для себя, потому что если на местах будет голод, будут голодные бунты, то самый вопрос о положении страны станет остро, и эта острота положения отразится и на тех, которые имеют хлеб.

Кроме того, необходимо урегулировать земельные отношения. Для этого должны быть изданы временные правила, которые, не предрешая всего вопроса о земле, давали бы возможность земельным комитетам принимать те или иные меры, потому что в настоящее время положение земельных комитетов представляется особенно затруднительным ввиду отсутствия соответствующих мер, регулирующих эти земельные отношения. Необходимо, чтобы была более точно и ясно разграничена сфера компетенции продовольственных и земельных комитетов. Настаивая на издании правил, регулирующих земельные отношения, мы удивляемся, почему издание этих временных правил, даже разговор о них, вызывает с некоторых сторон возражения. Мы думаем, что для самих частных владельцев наличие таких временных правил является крайне выгодным, потому что дает возможность земельным комитетам эти отношения поставить на более точные основы, на более точные базисы. Затем необходимо, конечно, установление твердой власти на местах, но, создавая твердую власть, необходимо в то же самое время провести и известные социальные реформы, и потому мы считаем необходимым осуществление тех мероприятий, которые перечислены Временным Правительством в декларации 6 июля. (Аплодисменты слева.)

Говоря о власти на местах, мы не можем не отметить, что Советы вовремя, наступившее после революции, оказывали значительные услуги и были теми организациями, которые дали возможность избежать стране анархии, избежать больших насилий над личностями, избежать «красных петухов». (Аплодисменты слева.) Так как все наши взгляды и мнения полно выражены в декларации объединенных демократических организаций, то я не буду дальше излагать наши взгляды, а укажу только на следующее. Мы вполне приветствуем то заявление, которое было сделано товарищем Церетели во второй его речи. Им определенно и ясно были указаны те условия, на почве которых может быть соглашение демократии со всеми живыми силами страны. Поэтому ответ всех живых сил страны покажет, кто ради спасения страны, кто ради спасения революции согласен пожертвовать всем, что он имеет. И здесь мы, в противоположность гражданину Маклакову, должны ответить, что между спасением революции и спасением страны мы не делаем различия (аплодисменты; возгласы: «Правильно!»), и не потому, что мы предпочитаем революцию родине и стране, а именно потому, что мы любим родину, готовы за нее положить все и отдать все, что можем. Мы говорим: «Если спасете революцию—спасете родину, не спасете революцию — погубите и родину». (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)

Орехов. Гражданин министр-председатель, граждане министры и граждане высокого Государственного Совещания.

Порядок, жертвы и оборона — вот к чему призывало правительство нас на этих днях. Порядок, жертвы и оборона — вот что стоит на знамени Все-

российского железнодорожного союза. Порядок мы видим в том, что организованные железнодорожники прилагают свои усилия к тому, чтобы упорядочить дело транспорта и спасти в эту тяжкую годину родину от тяжелых испытаний. Сильные стальной сетью, работая не на отдельных лиц, не на отдельные классы, а на весь народ, живущий в пределах Российского государства, мы по роду своей работы являемся людьми общественными, служащими обществу, служащими всему народу и в своей организации, как организации чисто демократической, мы идем руку об руку с Советами Р., С. и Кр. Д. Несомненно, что и в нашей среде найдутся люди не совсем общественные, и трудно, чтобы в двухмиллионной армии были люди одной высоты моральной и умственной. Возможны [и] в нашей среде недочеты. Мы их видим, не закрываем глаз и спешим их исправить. И если мы встретим поддержку и сочувствие со стороны правительства, эта часть нашей работы будет успешной. Необходимо, чтобы союз в целом нашел поддержку в правительстве. Нельзя, чтобы велись переговоры с отдельными группами из нашего союза, чтобы шли на уступки одним и не шли на уступки другим, потому что основное наше правило: или всем, или никому, и работа наша по организации железнодорожного союза является работой по установлению порядка. Жертвы? В материальном отношении — мы нищие. Мы можем жертвовать свой труд, как это делаем теперь, и мы можем пожертвовать своей жизнью, как это, очевидно, мы сделаем в самом непродолжительном времени. Из всех категорий труда железнодорожники являются самыми обездоленными из самых обездоленных. В какой категории труда вы найдете расценку в 72 и 90 копеек в день? Увеличенная различными подачками, она доходит в настоящее время до трех рублей в день для большинства железнодорожных служащих, рабочих и мастеровых. Но наступит момент, когда пройдут затруднения, испытываемые государством, и это число не поднимется. Эта цифра не станет выше. Она опять превратится в 72 и 90 копеек. Наши машинисты, квалифицированные рабочие получают от 111 до 172 и 200 рублей в месяц. Наши начальники станций, помощники получают 134—150 рублей. Это цифры, которые при настоящем положении рынка крайне незначительны. И от лица железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих я должен сказать, обращаясь к правительству, что мы понимаем, в каком тяжелом положении находится сейчас государство и что обращаться в этот момент с требованием удовлетворить наши нужды мы не можем. Мы можем сказать: возьмите от нас то, что вы нам даете и дайте взамен этого нам и нашим семьям обувь, одежду и пищу. Вот та жертва, которую мы можем принести, если это жертва. И, наконец, оборона. Оборону страны мы считаем своей священной обязанностью.

Гражданин министр-председатель. В своей телеграмме от 15 июля, приветствуя съезд [12]), вы приветствовали нас, как организованных железнодорожников, и приглашали нести свой общественный труд в целях единения всего революционного народа. По этому пути мы и идем. И если вы признаете, что организация железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих, занятых на одной из важнейших отрас-

лей государственного хозяйства, представляет большой интерес, так как она питает все население страны, что она одна может помочь трудному делу питания нашего фронта и питания нашего тыла, когда эта задача является задачей государственной, неотложной, и в этот момент, если вы признаете это, вы обратите внимание на тех, кто старается разрушить этот союз.

Я спрашиваю: в каких целях делается это разрушение? Является ли организация железнодорожников опасной в государственном смысле организацией или она является полезной? И если бы она была вредна, то несомненно, что представители правительства не приветствовали бы нас и не помогали бы нам. Если же с точки зрения правительства она полезна, а не вредна, то чем, повторяю, руководствуются те, кто направляет удары на нас, как на организацию?

Последнюю неделю перед Государственным Совещанием особенно сильно сыпались удары на местах на организации. Съезд был завален телеграммами, письменными заявлениями, депутациями с мест и терялся в вопросах, что же это такое.

Ведь, несомненно, идет какая-то работа, работа организованная, потому что в разных местах нашей обширной сети появляются одни и те же действия по одним и тем же вопросам. И в тот момент, когда Государственное Совещание должно здесь собраться, несознательная масса железнодорожников подвигается на какие-то эксцессы и выступления, с нашей точки зрения, организованных железнодорожников, преступные. (Аплодисменты.) И в момент, когда Государственное Совещание собралось, удары затихли. Мелкая повседневная борьба на дорогах, отстранение от службы, увольнение массами железнодорожников на постройках, отмена восьмичасового рабочего дня не в мастерских, а в других отраслях службы, там, где этот восьмичасовой рабочий день был введен с согласия начальствующих лиц, признавших необходимость его, в настоящий момент отменяется, а излишнее число рабочих увольняется. Предание суду в ничтожных, в сущности говоря, случаях целых общих собраний, целых комитетов и наших председателей главных железнодорожных комитетов посыпались на нас в последние дни. И мы, съезд, суммируя все эти факты, пришли к заключению, что организованные силы, руководимые какими-то неизвестными для нас центрами, выступают, желая иметь железнодорожников в своих руках, как игрушку. (Возгласы слева: «Правильно!») Мы признали это за вызов и 6 августа в своем заседании приняли этот вызов. Мы полагаем, что выступление железнодорожников хотя бы и в защиту своих экономических прав в настоящий момент, момент войны, является изменой отечеству. (Аплодисменты, возгласы справа: «Правильно!») И если в отношении железных дорог контрразведка дремлет, а прокурорский надзор спит, то мы, организованные железнодорожники, считаем своим долгом заявить, что если те действия, которые мы называем контрреволюционными, будут продолжаться, и гидра контрреволюциии поднимет свою голову, мы выступим и задушим ее своими руками.

(Аплодисменты слева и частью справа. Возгласы: «Браво!»)

Байдак. Милостивые государи. Представителем правительства и последующими ораторами было указано на ту разруху, которая существует на железных дорогах. Что разруха эта... (Голоса: «Громче, громче!»)

Керенский. Прошу быть спокойнее, потому что оратор не может громче говорить, значит, надо быть тише.

Байдак. Я постараюсь громче говорить, насколько возможно. Что разруха эта существует, конечно, вам всем известно. Вопрос лишь только в том, отчего она происходит и какие меры могут быть приняты или рекомендованы для восстановления нормального обращения на железных дорогах. Частные железные дороги, представителем которых я являюсь, уполномочили меня в данном случае выступить перед высоким Совещанием. Железные дороги состоят из двух основных элементов: это — самые железные дороги по своему устройству и те силы людские, которые ими управляют. За это время, за время войны, железные дороги со стороны первого элемента, т. е. своей конструкции и по своим механическим средствам поднялись, в значительной мере увеличились в протяжении, приобрели подвижной состав и, казалось бы, что нет никаких оснований и для того, чтобы работать хуже, чем они работали вначале. Всем известно, что в начале войны, т. е. при мобилизации, они превзошли даже все планы, которые были намечены. И очевидно, что это могло произойти только от той энергии, которая была проявлена в данном случае всем персоналом, от старшего и, главным образом, до младшего агента на железных дорогах. Этот персонал проявил в этом случае такую энергию, проявил такой патриотизм, что все предположения были превзойдены. Потом постепенно это начинает падать. И вот это-то падение и привело к современному положению.

Я не буду утруждать вас длинными объяснениями и прочту то заявление, которое я уполномочен советом частных железных дорог сделать, — советом, который объединяет все частные железные дороги. Прибавляю лишь к этому, что все, что совершается на частных железных дорогах, ничем не отличается в сущности от казенных, т. е. частные железные дороги следуют в этом случае по стопам казенных железных дорог. (Читает):

«Объединяющий все русские частные железные дороги совет, отбрасывая всякую мысль о материальных и классовых интересах, памятуя лишь об исключительной важности переживаемого момента и грозящих родине бедствиях, опираясь на свои знания и долгий опыт, пользуется предоставленным ему словом, чтобы исполнить свой гражданский долг и заявить о состоянии русских железных дорог и указать на меры, необходимые немедленно для выхода из того тяжкого положения, которое было ярко обрисовано членами Временного Правительства и последующими ораторами. Правительство за-

свидетельствовало здесь, что железные дороги недовывезли уже миллиарда пудов груза, что более четвертой доли паровозов не исправлены, и не работают и что с каждым днем железнодорожный транспорт ухудшается. Между тем, во время мобилизации и в первое время войны русские железные дороги работали безукоризненно, и если на них и слышались иногда нарекания, то лишь потому, что предъявлявшиеся к ним требования временами значительно превышали возможную их конструктивную провозоспособность. Напряжение железных дорог за время войны вызвало усиленный износ всех частей железнодорожного механизма, выразившийся в усталости людей, изношенности подвижного состава и недостатке металлов и топлива. Начало серьезного ослабления железных дорог должно быть отнесено к концу второго года войны. Начиная с апреля этого года, положение резко ухудшается, и с тех пор расстройство транспорта увеличивается с все возрастающей быстротой. Количество негодного для движения подвижного состава ежемесячно резко увеличивается, количество перевозимого груза угрожающе падает, и если ничто не изменится, то при суровой и снежной зиме железные дороги если и не остановятся в буквальном смысле слова, то во всяком случае работа их неизбежно понизится до небывалых размеров. Такое положение железных дорог грозит стране неисчислимыми бедствиями: прекращение работы фабрик и заводов, голод, холод, полный паралич государственного аппарата и тягчайшее положение армии будут неизбежны. Чтобы спасти страну от грозящих ей бедствий, необходимы немедленные чрезвычайные меры. Нет сомнений, что данное правительством в первые дни переворота направление привело железные дороги к разрухе. Главнейшими причинами развала на железных дорогах было уничтожение дисциплины, резкое падение производительности труда, обезличение и массовое отстранение ответственных руководителей под давлением образовавшихся организаций служащих и рабочих и создавшееся таким образом на дорогах двоевластие или, вернее, безвластие. Немало дурного влияния на работу дорог оказало и постоянное вмешательство в их дела ряда часто самочинных посторонних организаций. Только устранением указанных причин, только установлением той власти, которая в полном сознании лежащей на ней ответственности способна без колебаний срочно проводить в жизнь необходимые меры, может быть еще спасена страна от бедствий, которыми ей угрожает остановка транспорта. Для этого железные дороги должны быть немедленно объявлены на особом положении, а служба на них в военное время — обязательной государственной повинностью, в соответствии с чем снабжение железнодорожных служащих и рабочих продовольствием и другими предметами первой необходимости должно составлять такую же обязанность государства, как и снабжение армии.

Одновременно с предоставлением профессиональным организациям служащих, мастеровых и рабочих широкой и определенной самодеятельности в области их профессиональных и культурных интересов должно быть совершенно

устранено право какого бы то ни было вмешательства этих организаций в распорядительные действия администрации. Что же касается контроля и надзора за действиями администрации на железных дорогах, присваиваемого себе ныне не только служащими, но и многими совершенно посторонними организациями, то следует совершенно твердо установить, что этот контроль и надзор составляют право всего народа, в лице правительства и его органов, а не группы подчиненных администрации дорог служащих. Управление дорогами вверяется народным правительством ответственной администрации, на обязанности которой лежит организация дела, выбор всех исполнителей и надзор за исполнением ими их обязанностей. Права этих лиц должны регулироваться законом. Немедленное, особенно срочно необходимое увеличение производительности труда должно быть достигнуто широким применением сдельных методов оплаты работ. Для водворения и поддержания порядка и устранения вмешательства в действия железнодорожной администрации посторонних дорогам лиц и организаций, необходимо немедленное введение на дорогах общегосударственной милиции. Выяснившееся тягостное положение сети, угрожающее неисчислимыми бедствиями всей стране, и краткий срок, остающийся еще до наступления зимы, требуют, чтобы Временное Правительство проявило во всей полноте предоставленную ему народом власть и безотлагательно провело в жизнь перечисленные меры, являющиеся, по глубокому убеждению совета частных железных дорог, совершенно необходимыми для восстановления работы русской сети. Железнодорожный механизм глубоко расстроен, но его крепкий организм хранит еще жизненные силы. Чтобы поднять эти силы и заставить их напряженно работать на спасение родины, нужно немедленно осуществить на железных дорогах то, что было провозглашено здесь правительством. Надо усилить труд и восстановить дисциплину».

Председатель. Ввиду необходимости деловой отлучки, временно передаю председательствование министру торговли. Слово принадлежит представителю союза инженеров и техников, работающих по путям сообщения, — Фролову [63]).

Фролов. Граждане. До революции в железнодорожном транспорте царила рутина. Совершалось много ошибок, делались глупости, но, невзирая на это, работа железных дорог непрерывно во время войны росла, количество перевозок непрерывно возрастало. После революции работа железных дорог непрерывно падает, и в июле месяце, в это легчайшее время для железнодорожного движения, работа железных дорог была меньше, чем в январе, когда половина наших железных дорог была засыпана снегом, и если дело будет итти так и дальше, то все авторитеты, все сведущие люди сходятся на том, что транспорт наш к ноябрю месяцу станет. И если мы теперь стоим на краю пропасти, то тогда эта пропасть перед нами разверзнется, и мы будем на дне ее .И сейчас необходимо на одно мгновение заглянуть в нее. Когда транспорт станет, в больших городах будет холод

и голод, будут народные волнения, голодные бунты, создадутся условия, условия стихийные, для государственного переворота, для реставрации. Но не в этом еще весь ужас. Ужас будет на фронте. Если по отношению к городам не приходится спрашивать, захотят они голодать или нет, — им ничего не остается, как голодать, — то по отношению к армии приходится этот вопрос задать, и при ответе на него, если бы мы имели перед собой нашу прежнюю армию, армию чудо-богатырей, армию страстотерпцев, армию, которая в 1915 году голыми руками и голой грудью отбивалась от вооруженного до зубов противника, армию, которая в 1916 году выиграла кампанию, — мы не сомневались бы в ответе. Армия бы пошла на подвиг и на жертву голода, пошла бы так же просто, как она просто усеивала своими телами поля сражения. Но когда мы имеем перед собою армию 1917 года, которой целые полки, целые дивизии, целые корпуса, вооруженные до зубов, бежали от меньшего численностью неприятеля, армию, которая выдвинула из себя героев Калуша, на заданный вопрос: согласится ли армия голодать, — мы, к сожалению, не сумеем дать положительного ответа. И мы должны допустить и такую вариацию, что армия не захочет разделить со страной подвиг голода, и что же тогда произойдет? Эта армия не останется на своем посту, она двинется в пределы России, она двинется к путям сообщения, и если пути сообщения к тому времени еще не станут, то, конечно, они не смогут принять эту массу, и они тогда станут окончательно, вся эта армия двинется вдоль путей сообщения. Но ведь ей нужно кормиться. Она будет как саранча все истреблять на своем пути: каждый город может подвергнуться участи Калуша (возгласы: «Наши чудо-рысаки!»), но так как ей не будет хватать пропитания, между нею возникнут междоусобия и, господа, разразится такая катастрофа, которой мир не знал и люди никогда не видали. И что самое ужасное... может быть, тогда многие будут обращать свои взоры к германскому вахмистру, чтобы он пришел и восстановил порядок. Вот ужас, который, может быть, нас ждет, если страна пойдет так, как она идет теперь. (Голос слева, из ложи бель-этажа: «Верно!»)

Господа, в этой катастрофе транспорт в сущности не при чем. Транспорт болен, конечно, но транспорт болен не тем, что у него больны паровозы и вагоны. Транспорт болен той же болезнью, которой больна вся Россия. Транспорт, как и вся Россия, болен духом. (Голоса справа: «Верно!») Господа, та революция, от которой мы ждали, что этот дух будет вознесен на недосягаемые высоты, эта революция, к нашему ужасу, низринула этот дух в такие низины, до которых он никогда не падал, и тот чистый источник, к которому мы прикасались тогда, оказался отравленным. (Голоса справа: «Верно!») И это произошло ясно отчего. Потому что идеалистические цели революции заменились целями материальными. (Аплодисменты справа.) Ведь смысл революции был один: вывести из темницы душу русского народа, чтобы перед ней раскрылись все возможности для расцвета и выявления всех сторон жизни русского народа, но вза-

мен этого не знаем, кто разъяснил, что революция — это значит брать, значит хватать, это значит рвать, и началась вакханалия. (Аплодисменты справа.)

Господа, я все-таки с некоторым чувством удовлетворения должен сказать, что в этом натиске, в этом штурме государственного и народного достояния железнодорожная армия не была в авангарде и не принимала заметного участия. Я должен сказать, что железнодорожники будут со временем с радостью и с гордостью вспоминать, что среди них не было тех охваченных жаждой безумных заработков людей физического труда, которые ныне наблюдаются во многих государственных предприятиях и в других отраслях народного хозяйства. (Голоса справа: «Совершенно верно!» Аплодисменты справа.) Но, господа, я должен с печалью наблюдать, как ныне железнодорожниками предъявляются требования экономические и эти требования подкрепляются угрозою забастовки. Ведь забастовка в нынешних условиях войны, ведь это — смерть стране. (Голоса справа: «Верно!») И когда мы слышим, что предъявляются экономические требования железнодорожными служащими, подкрепляемые угрозою забастовки, то не кажется ли вам, что вы слышите, как вам говорят: «Дайте деньги, мы нуждаемся, но знайте, что мы сейчас пойдем и зарежем нашу родную мать». (Аплодисменты справа.)

Господа, я сказал, что мы прикоснулись вместо чистого источника к источнику отравленному, и я должен сказать, что у нас недостаточно оценивается, что мы не придаем всего того значения, которое нужно придавать тому влиянию, которое на наше русское дело оказывает германская агитация. Ведь, господа, если вы вспомните, что Германия желает использовать каждое обстоятельство в свою пользу, то как могла пройти она мимо такого громадного фактора, как русская революция. Если, господа, вы вспомните, организационный гений Германии, если вы вспомните, что во время революции все наши границы, не только нейтральные, но и военные, были открыты, если вы вспомните, что полицейский аппарат у нас разрушен и не восстановлен, если вы вспомните, что у нас выпущены из тюрем не только преступники, но тайные и явные германофилы, если всякий может надеть любую форму, куда угодно проникнуть и что угодно говорить, тогда вам станет ясно, какими сетями Германия должна была оплести наш бедный, наш темный, наш забитый народ. И вот, господа, если вы вдумаетесь во все выступления народных масс, то в большинстве из них вы отметите одну сторону. Все эти выступления или бо̀льшая часть этих выступлений вовсе не исходят от выгод революции, вовсе не исходят от выгод демократии. Они обычно исходят от невыгод государства и, следовательно, от выгод Германии. (Голоса справа: «Правильно!») Ярким примером тому служит смещение, повальное, массовое смещение всего опытного, знающего, умелого персонала во всех отраслях народного хозяйства

и замещение его часто сомнительным персоналом или оставление ответственных постов совершенно незамещенными. И мы видим, господа, что наше государство расстреливается по квадратам. Квадрат первый, войско, расстрелян. Квадрат второй, промышленность, расстрелян. Квадрат третий, земледелие, очень большой квадрат, расстрелян. Квадрат четвертый, железные дороги, расстрелян. (Аплодисменты справа. Голос: «Не клевещите!») И мы спросим: а что в это время делала наша государственная власть? Как она защищала русское государство от этого германского нашествия? И мы видим, господа, что русская государственная власть за счет русского государственного достояния страховала жизнь германским шпионам. (Голос слева из ложи бельэтажа: «Правильно!». Голос: «А Ленин?»)

Наша задача, как говорил нам министр-председатель, заключается в собирании всех живых сил страны, и при этом такое собирание живых сил страны возможно будет только тогда, если всякий опытный, талантливый, любящий свою родину человек получит свое место в устроении этой страны. Но, господа, была одна фраза *) в речи министра-председателя, которая дает место сомнениям, будет ли осуществлено это собирание этих живых сил страны, и это место в его речи следующее: он сказал, что мы должны спасти страну, революцию и свободу, и что он не понимает спасения родины без свободы. На это уже ответил здесь Маклаков: он сказал, что мы будем любить свою родину как свободную, так и несвободную. Мы все знаем, что родина не может быть счастлива без свободы. Но мы будем любить ее не только в счастьи, но и в несчастьи. (Голоса справа: «Правильно!») Господа, нужно, чтобы Временное Правительство поняло, что родина есть величайшая ценность сама по себе, а не ценность постольку, поскольку из нее извлекаются политические блага. И когда это будет понято, тогда всякий любящий родину талантливый, опытный и умелый человек будет допущен к делу строения родины, и не будет того, что было при старом режиме: были политически неблагонадежные люди, которые отстранялись от дела. (Голоса справа: «Правильно!» Аплодисменты.) Но ведь это был старый, преступный режим. Теперь у нас новый режим. Но, господа, мы не можем сказать, чтобы он не следовал этому недостойному образцу старого режима. У нас устраняются от дела талантливые и умелые люди.

От имени организаций союза инженеров и техников, работающих по путям сообщения, союза инженеров путей сообщения и секции по путям сообщения союза инженеров, от которых я являюсь докладчиком, я заявляю следующие наши положения:

«Для урегулирования дела транспорта необходимо: 1) введение трудовой повинности, регламентируемой строгой дисциплиной; 2) предоставление всех

*) *В подлиннике:* правда.

отраслей управления на железных дорогах ведению администрации, ответственной перед законами и назначаемой министром или уполномоченными им инстанциями; 3) для водворения порядка и устранения насилий над агентами и пассажирами необходимо немедленное создание на дорогах государственной милиции; 4) организации служащих должны быть построены на профессиональных началах, без права вмешательства в распорядительные действия администрации, и участие в этих организациях не должно наносить ущерба интересам службы; 5) всякие действия, направленные к насильственному прекращению движения, в военное время и период демобилизации, должны рассматриваться и караться, как государственное преступление; 6) недопущение самочинного удаления лиц администрации под страхом ответственности по закону; 7) для поднятия производительности труда необходимо: а) обеспечение железных дорог металлами и прочими материалами и оборудованием не только наравне, но даже впереди снабжения армии и б) широкое введение сдельной оплаты работ, установление минимума выработка, при поденных расчетах, установление внеурочных работ в связи с недопущением уменьшения на время войны продолжительности рабочего дня и пересмотр норм расценки труда параллельно с пересмотром в других промышленных предприятиях, с целью справедливого их согласования, но без обременения государственного бюджета; 8) широкое использование механических заводов и фабричных мастерских для нужд железных дорог.

Все указанные меры одинаково применимы и к водным путям, на использование коих, при недостаточно развитой сети железных дорог, необходимо обратить самое серьезное внимание, не упуская из виду необходимость срочной перестройки органов управления, ведающих водными путями».

Председатель [Прокопович.] Слово принадлежит представителю грузинской национальной группы Чхенкели [64]) .

Чхенкели. Граждане свободной России. Прежде всего, как член четвертой Государственной Думы, я должен здесь сделать одно заявление.

Председатель. Граждане, я прошу соблюдать порядок.

Чхенкели. В выработке той декларации, которая была прочитана отсюда от имени четвертой Государственной Думы, социал-демократическая фракция никакого участия не принимала. (Аплодисменты. Возгласы: «Браво!») Я имею право добавить, что и с.-д. фракции Государственной Думы первых трех созывов никакого участия не принимали в заявлениях отсюда. (Жест в сторону мест депутатов Государственной Думы. *) Аплодисменты. Крики: «Браво!» Голос с места: «А Алексинский?» «Неправда!» Чхеидзе с места: «Отдаю вам Алексинского, четырех Алексинских, двадцать Алексинских, Алексинский ваш». Смех, шум.)

---

*) *Слова:* жест... Думы *вписаны.*

Председатель. Я прошу соблюдать порядок. Продолжайте.

Чхенкели. Эта фракция, после того как роль третьеиюньской Думы сошла со сцены, работала и работает в этих рядах и принимала участие при выработке декларации, прочитанной моим другом Чхеидзе, и не только присоединяются, но активно участвовали эти фракции при выработке этого заявления. (Аплодисменты.)

Граждане свободной России. Мне предоставлено слово, как представителю грузинской национальности, а я скажу несколько слов, как член особого Закавказского комитета революционного Временного Правительства, комитета, олицетворяющего полную солидарность всех национальностей в Закавказье, единство мысли и идей, единство революционных выступлений. Граждане, национальности Закавказья, я имею полное право засвидетельствовать перед вами это, едины и солидарны не только между собою, но они едины и солидарны и с русским народом и с другими народами, населяющими великую страну. (Аплодисменты.) Я обращаюсь к так называемым инородцам, и я должен сказать: более нет инородцев в России. Есть единый российский народ с единой целью. (Аплодисменты.) Я обращаюсь к национальностям России, которые терпели страшное угнетение при старом режиме, с моим глубочайшим поздравлением, поздравлением от имени всех национальностей Закавказья, с освобождением от ига царизма, с освобождением от позора преследований и гнета. Если национальности, угнетаемые в России, если некоторые части этих национальностей еще думали при старом режиме или задавали себе вопрос: есть ли у нас одно отечество, можно ли Россию считать одним нашим отечеством для всех, если у кого-либо из них вкрадывалось какое-либо сомнение в этом отношении, в нас этого сомнения никогда не было, и в несчастьи мы говорили, что для нас есть единое отечество — Россия. (Аплодисменты.) Так вот, если в несчастьи, если в нашем угнетении было такое сомнение у кого-либо, теперь, при свободном режиме, при свободной России, в период великой революции, разумеется, этих сомнений у нас не должно быть, у нас есть единое отечество—Россия. (Аплодисменты.)

Обращаясь снова к своей теме о национальностях Закавказья, я должен сказать: до сих пор национальности Закавказья не делали ни одного сепаратного выступления, и они не сделают их и дальше. (Аплодисменты.) И эти национальности, я надеюсь, целиком, даже и цензовые части наших национальностей, я надеюсь, целиком присоединятся к той декларации, которая была прочитана отсюда товарищем Чхеидзе. (Аплодисменты.) Что же касается грузинской нации, то подавляющее большинство этой нации не только сегодня, но и при старом режиме стояло и стоит на ряду с российской демократией. (Аплодисменты.) Не нужно нам никаких доводов приводить, я не привык оправдываться, я привык только обвинять. И грузинская национальность имеет своих представителей здесь — Чхеидзе и Церетели. (Голоса с мест: «Да

здравствует вождь грузинской демократии Церетели!» Аплодисменты. [Возгласы]: «Да здравствует Чхеидзе!»)

Председатель. Слово предоставляется представителю грузинской национальной демократической партии Мачавариани [65]).

Мачавариани. Граждане России. Во всех речах, произнесенных с этой трибуны, слышалась священная тревога за Россию и за революцию. Надвигается, действительно, страшная опасность, страна на краю гибели. Единственное спасение—в героическом порыве всех народов, входящих в состав России, так как при наличности такого общего энтузиазма возможно укрепление завоеванных революцией свобод и достойная великого свободного народа защита фронта. Но вызвать этот порыв, зажечь энтузиазм возможно только единственным путем—путем признания и восстановления политических прав этих народов. Граждане России, ведь вся война ведется во имя раскрепощения народов, во имя прав и справедливости, но какое жестокое противоречие между этими священными идеями, выставляемыми напоказ для Европы и человечества и печальной действительностью у нас, внутри России.

Между Грузией и Россией был заключен трактат в 1783 году [66]). Грузия была союзницей России в то время, когда России не принадлежало ни одной пяди земли в Закавказье; только по приказу национального правительства Грузии были открыты Дарьяльские Фермопилы и пущены в Грузию русские войска. Помимо договорных отношений, разве Грузия не служила России верой и правдой? Со времени героя отечественной войны Багратиона до настоящего момента, не говоря о грузинах, как о борцах великой русской революции, геройски, самоотверженно защищающих все позиции революционной русской демократии, разве геройство грузина-воина не является одним из лучших украшений на знаменах русской армии? Разве теперь более двухсот тысяч грузин не проливают там, на фронте, безропотно, с песней на устах, свою кровь за общее дело России и ее союзников? (Аплодисменты.) За что они проливают свою кровь? Не за святость ли международных договоров? Но где же эта святость? Где хотя бы какое-либо уважение к правам грузин? Не только разорван ее клочок бумаги 1783 года, не только расхищено ее национальное богатство, но даже в таких элементарных вопросах права и совести, как религия, как канонический строй грузинской церкви, до сих пор продолжается глумление и издевательство над правами и национальным достоинством Грузии. Если тревога за Россию искренна, если выставляемые цели войны не скандальный обман всего мира, национальная честь русского народа требует, чтобы политические права Грузии были восстановлены. Как совершенно правильно изволил сказать в своей речи гражданин-председатель: «Нет свободы без родины, нет родины без свободы». Сто семнадцать лет прошло с тех пор, как Россия отняла у грузинского народа и свободу и родину. Довольно! Пора возвратить ему и то и другое. (Аплодисменты.) На-

стало время, когда русский народ, при дружном содействии вместе с другими народами и грузинского народа, разорвав цепи рабства и своею кровью отвоевав себе права гражданина, с негодованием должен отбросить от себя приемы старого правительства в отношении инородцев и сказать, наконец, живое слово любви и братства, всенародно признать и на деле восстановить попранные до сего дня политические права народов, входящих в состав России. (Аплодисменты.) Это вызовет новый порыв, это принесет на алтарь спасения России еще новые необходимые жертвы. Не бойтесь, граждане России, этой новой формы политического сожительства народов,— она ведет Россию к победе, во всяком случае, к почетному миру, она и только она может отвоевать для России почетное место среди культурных первоклассных мировых держав. (Аплодисменты.)

Председатель. Слово принадлежит представителю армянской национальной группы Назарьянцу [67]).

Назарьянц. Представители армянских политических партий, общественных организаций, в числе которых армянская революционная организация «Дашнакцутюн», армянская народная партия, московский армянский комитет и армянское сельскохозяйственное общество поручили мне сделать перед Государственным Совещанием следующее заявление. (Голоса: «Громче!»)

С глубоким волнением выслушали мы представителей Временного Правительства и призыв министра-председателя слиться всем в одной мысли, сосредоточиться на одном вопросе, вопросе спасения нашей общей родины, свободной России. Этот призыв еще более укрепил нас в убеждении, что в грозный час великой опасности, переживаемой страной, мы не должны сходить с позиции, занятой нами с первых же дней революции, когда мы заявили во всеуслышание, что до Учредительного Собрания мы воздерживаемся от национальных требований, которые могли бы явиться помехой в спокойной государственно-строительной работе Временного Правительства и российской демократии. (Аплодисменты.) И, сознавая, что наши интересы совпадают с интересами общегосударственными, мы заявили, что все наши силы предоставляем на служение родине, чтобы дать возможность довести страну в сохранности и целости до Учредительного Собрания. Во всех речах, раздававшихся здесь в продолжение трех дней, звучала одна и та же нота безъисходной скорби и тревоги. Россия, говорят, на краю гибели, и только нечеловеческими усилиями и чудом можно только еще спасти ее. Однако мы, сознавая весь ужас положения, говорим другое: если нужны нечеловеческие усилия, необходимо их сделать, так как мы верим, что Россия может быть спасена, что она должна быть спасена. Наш маленький народ в многовековой борьбе за свое существование не раз переживал моменты более страшные, более безнадежные. Но он живет и будет жить, ибо опасности и страдания еще более закалили в нем волю к жизни. Мы верим непоколебимо, что Россия, больная и слабая теперь, выйдет из тяжких испытаний обновленной и могучей, так как верим, что люди земли

русской уйдут с этого совещания с общим решением, с единой волей совершить подвиг, на который зовет их родина. Велики жертвы, данные армянским народом в течение нынешней войны, но мы, изнуренные постигшими нас в Армении бедствиями, мы, пославшие в армию многие тысячи добровольцев, сделаем еще усилие и принесем на алтарь русской свободы наше достояние, нашу кровь, дабы помочь Временному Правительству и российской демократии закрепить завоевания революции и остановить процесс разложения русской государственности, возродить мощь армии и создать свободную и сильную Россию, где в братском единении будут свободно жить и свободно развиваться все народы, ее населяющие.

Председатель. Слово принадлежит представителю армянской национальной группы Бабову.

Бабов. Граждане, на декларацию Временного Правительства старейшая армянская социал-демократическая организация «Гнчак» присоединяется к общей платформе всероссийской с.-д. рабочей партии и заявляет с своей стороны следующее:

Принимая во внимание, что настоящая война приняла грозный для нашего общего отечества характер, что великой революционной России грозит гибель, и свобода, завоеванная кровью русской демократии, может быть нами потеряна, что крушение революции и гибель демократии есть гибель государства, что представляется настоятельная необходимость укрепить революцию, что сила и авторитет власти тесно связаны с успехом во внутренней жизни страны и на фронте, что, наконец, удар, нанесенный на фронте, является ударом престижа демократии,—армянская социал-демократическая организация «Гнчак» в определенный политический момент спасение положения находит в следующем: в защите революционного правительства и в доверии к нему, в образовании единой сильной и твердой власти, в признании гражданами обязательным для себя подчиняться всем распоряжениям этого правительства, ибо свобода дает права, но она же обязывает каждого из нас (аплодисменты), в объединении всех социалистических, политических партий по вопросу, направленному к спасению отечества от полного развала, в объявлении решительной борьбы всякой анархии и контрреволюции, как единственном выходе из критического положения страны, и, наконец, в признании необходимости положить конец безответственным элементам справа и слева, ведущим своими выступлениями к еще большему углублению в стране анархии. (Аплодисменты.) Армянская социал-демократическая организация «Гнчак» уверена, что только при наличии этих условий возможно спасение страны, и она будет спасена. Организация «Гнчак» заявляет, что она всеми силами, всеми жертвами, всем своим достоянием безустанно будет поддерживать революционное правительство, помогать в деле спасения великой общей родины. С сохранением величия России сохраняются и все блага революции. Пусть русский народ помнит, что там, за хребтом Кавказских гор, он имеет верных сынов в лице

армянской демократии, проливающей вместе с ним кровь для спасения общей родины — великой России. Пусть русский народ знает, что среди этой демократии нет ни дезертира-солдата, ни рабочего, бегающего от работы на армию. (Бурные аплодисменты.)

Председатель. Слово предоставляется представителю еврейской национальной группы Грузенбергу [68].

Грузенберг. В страшные дни, когда исторические судьбы России совершаются на наших глазах, когда во многих городах и селениях русской земли дерзко развеваются вражеские знамена, когда во все углы жизни прокралась разруха, — в эти дни разделенный, как и все народы, на многообразные социальные классы и политические партии еврейский народ охвачен единым чувством преданности своей родине, единой заботой отстоять ее цельность и завоевания демократии. (Аплодисменты.) Если дореволюционная российская государственность была громадной тюрьмой, знавшей лишь арестантов и окарауливавших их тюремщиков, то самая жестокая камера, камера застенков, была отведена для шестимиллионного еврейского народа. С малых лет дети его познавали всю горечь бесправия. День за днем жизнь наносила им новые раны, все больше и больше их растравляла и усугубляла. Словно каторжные в пути, все евреи были скованы одной цепью бесправия и отчужденности. И все же еврейский народ в целом любил свою родину, и этой любви не могли подавить в нем кровавые бани, которые часто, очень часто, устраивала старая правительственная власть, будя в отбросах населения чувство ненависти, вражды и кровожадности. Брызги крови наших отцов, брызги крови наших матерей, наших братьев и сестер пали на еврейскую народную душу и зажгли в ее молодежи пламя неугасимой революционности. (Аплодисменты.)

Все казалось безысходным. Шли годы. Надежды, едва зарождаясь, отцветали. И вот в несколько дней русская революция уничтожила века несправедливости и мук, и она развернула перед всеми народами России грядущее светлое будущее. Мы не сомневаемся в творческом деле своей свободной родины и знаем, что на место жестокой старой тюрьмы будет воздвигнут светлый храм демократической государственности, в котором, не заглушая своей национальной самобытности, объединятся все народы России. (Аплодисменты.) Мы верим, мы хотим верить, что, сильное своим демократическим тылом, Временное Правительство найдет пути к спасению отечества, и в этой вере мы считаем необходимым сосредоточение в его руках полноты всей мощи верховной власти, достойной великой страны. Еврейский народ стремится к общеземскому согласию и порядку, чтобы успокоенная родина могла сосредоточить все силы на совершении главнейшей сейчас задачи. Пока почетный мир еще недостижим, надо напрячь все помыслы, все силы на неотложное дело обороны. (Аплодисменты.) Еврейский народ без разъедающих сомнений готов отдать этому делу и свои материальные и свои

интеллектуальные силы, готов отдать самое дорогое, весь свой цвет, всю свою молодость. В непоколебимом сознании своего воинского долга перед обновленной родиной, сыны его сольют на поле брани свою кровь с русской кровью. Братья, пощадите тех, кто не щадил своей жизни для завоевания общей свободы, и они отдадут бесстрашно ее и для спасения родины. (Аплодисменты.)

[Председатель.] Представитель национальной еврейской группы Абрамович [69]).

Абрамович. От лица всех социалистических партий еврейских, от лица еврейского пролетариата и всей еврейской революционной демократии я делаю следующее заявление:

Еврейский пролетариат и весь еврейский трудовой люд всегда рассматривал себя, как часть всей трудовой демократии России. И вместе с ним, вместе с пролетариатом, боролся за осуществление идеалов демократии и социализма. Не легкая это была борьба: мы были самой бедной, самой униженной частью, самой угнетенной нацией в России. На нас сыпались самые жестокие, самые беспощадные удары царизма и реакции, и испытанным орудием всегда было разжигание национальной вражды и проповедь ненависти к евреям. Не было того самого позорного и самого дикого обвинения, которое не было бы брошено еврейскому народу, не было того произвола, который не считался бы дозволенным по отношению к евреям. И не было того насилия, которое не было бы совершено старым режимом. Все эти преследования обрушивались особенной тяжестью на еврейскую бедноту, прежде всего на еврейский трудовой люд, обреченный таким образом на физическое и моральное вырождение. Но еврейский рабочий класс не сдался насилию. Он принял вызов и на зверства царизма ответил смелой революционной борьбой в рядах рабочего класса всей России. (Аплодисменты.) Не сгибаясь под тяжестью сыпавшихся на него ударов, не страшась преследований, репрессий, погромов, с презрением отворачивая головы от малодушных, еврейский пролетариат смело шел по избранному пути революционной борьбы в глубоком убеждении, что спасение свободы понятно только как победа революции в России. Залогом этой победы является объединение всей рабочей революционной демократии всей России. И в этом убеждении, в этой вере нас укрепляло то неослабевавшее сочувствие к нашей нужде и страданиям, та братская поддержка, которую всегда оказывал нам русский рабочий класс и революционное крестьянство. (Аплодисменты.)

Тяжел был наш путь, путь революционной борьбы. Он был богат жертвами и нашей пролитой кровью. Но мужественно и неуклонно шел по этому пути еврейский рабочий класс, рука-об-руку с трудовыми массами всей России. Наша надежда, наши упования оправдались, — свершилась революция и принесла долгожданную свободу России, всем ее народам и дала еврейскому народу возможность занять свое место, как равному, среди всех наций свободной России.

Кончилась вековая трагедия многомиллионного народа, смыт позор великого государства. (Бурные продолжительные аплодисменты.)

Но свободной России еще предстоят грозные и великие испытания. Победа революции еще не закреплена, стране грозит военный разгром на фронте и контрреволюция внутри. Наша родина переживает дни тяжелого кризиса, годину величайшего бедствия. И в этот час некоторые классы общества, охраняя свои эгоистические частные интересы, угрожаемые революцией, стремятся направить революцию на тот путь, на котором она, изолированная и оторванная от живого источника живых сил, от революционной демократии, неизбежно пошла бы по пути гибели. Завоевания революции подвергаются опасности, реакция поднимает голову, и вместе с ней, — мы это отчетливо осязаем и видим, — по стране уже начинают ползти мрачные тени прошлого, антисемитская и погромная агитация. И потому мы особенно остро сознаем, что всякое ослабление революционного напряжения у народов России, всякий сдвиг вправо неминуемо и прежде всего отразятся самым гибельным образом на положении еврейских трудящихся масс и что только полное закрепление побед революции, только полная и решительная демократизация всей жизни страны может навсегда положить конец угнетению еврейского народа в России и обеспечить ему все политические и гражданские права и то национальное самоуправление, в котором он нуждается. Вот почему еврейские рабочие и трудящиеся, не только как члены великой семьи трудящихся всего мира, не только как граждане свободной России, но и как евреи, кровно заинтересованы в дальнейшем укреплении революции в России.

Интересы всей еврейской революционной демократии самым тесным, неразрывным образом спаяны с интересами революционной демократии всей России, и она будет со всей энергией, со всей самоотверженностью продолжать борьбу в общих сплоченных рядах революционной России. Программа объединенных органов российской революционной демократии, изложенная на Всероссийском Государственном Совещании тов. Чхеидзе, является и нашей ближайшей программой. (Бурные аплодисменты.) Провозглашенный в ней принцип права наций на самоопределение, гарантирующий демократической республике России и всем населяющим ее народам полноту национальных прав, отвечает национальным потребностям трудящихся всех народов, в том числе и евреев. Удовлетворяя этим потребностям, идя навстречу стремлениям народов России устроить свою национальную жизнь на автономных началах, Временное Правительство будет способствовать сближению народов между собой и сплочению их в процессе общегосударственного строительства вокруг центральной революционной власти единой России. (Аплодисменты.)

Мы присоединяем поэтому все свои силы к усилиям всей демократии России для достижения общих наших целей со всей той энергией, со всей той стойкостью, на которую способны. Мы поддержим и органы революционной демократии и

опирающееся на нее революционное правительство в его деятельности, направленной к защите страны и революции и для достижения мира на основах, превозглашенных великой русской революцией. ([Возгласы:] «Браво!»)

[Председатель.] Слово представителя мусульманских организаций перводумца А. Топчибашева [70]).

Топчибашев. Граждане. На мою долю выпала высокая честь выступить перед настоящим всероссийским собранием от имени всех участвующих на Совещании мусульман, представляющих следующие демократические организации: 1) Всероссийскай мусульманский совет, 2) Всероссийский мусульманский военный совет (Шуро), 3) Комитет бакинских мусульманских общественных организаций, выполняющих функции Закавказского центрального комитета, 4) Центральный комитет объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, 5) Туркестанский краевой Совет, 6) Крымский областной комитет, 7) Киргизский и Башкирский областные Советы.

Возникшие в революционный период, и действуя почти во всех районах обширной России с мусульманским населением в 30 миллионов, означенные мусульманские демократические организации считают своим правом и долгом перед лицом Временного Правительства, революционной демократии и всех народов свободной России высказаться о волнующих мусульман чувствах, вызываемых событиями общегосударственной жизни в столь серьезный и ответственный момент. Обычно молчаливое, но всегда кричавшее в своем молчании, многомиллионное мусульманство России находит нужным быть услышанным в настоящем высоком собрании не для того, чтобы заговорить о вопиявших о себе веками и вопиющих и ныне нуждах своих, не для того, чтобы сетовать на несоответствие роли мусульман в государственно-общественной жизни страны, а в полном сознании своего гражданского долга перед родиной. Мусульмане возвышают свой голос, чтобы итти навстречу призывам гражданина министра-председателя и на вопрос его: «Где же вы?» — ответить: «Мы, мусульмане, были и остаемся на своем посту, на посту многомиллионной части государства Российского, не уклоняющейся от выполнения своих обязанностей и требований государства».

Едва показалось над Россией солнце свободы, как мусульманские народы, сбросив с себя ненавистные цепи деспотизма, воспрянули духом и с ликованием, надеждой на лучшую жизнь стали в ряды самых горячих сторонников нового строя на демократических началах, и не только сторонников, но и защитников олицетворяющего этот строй Временного Правительства, решив всемерно поддерживать все начинания народной верховной власти и итти по пути свободы вместе с революционной демократией. Такое свое отношение к революционному правительству и ко всем самоотверженным борцам великого переворота мусульмане проявили с первых же дней революции в своих восторженных резолюциях на всероссийских и краевых съездах. Везде и всюду, образовывая на демократических началах обществен-

ные и политические организации, мусульмане ставили и ставят во главу угла своих задач и действий, как незыблемое требование, поддержание правительства, укрепление и оборону завоеваний революции: свободы, равенства и братства. И на призыв министра-председателя мусульмане открыто отвечают, что они будут продолжать итти по этому же пути глубоко государственного характера, вне которого, по их пониманию, не представляется возможности спасения отечества при создавшихся условиях переживаемой действительности. Твердо уверовав, что этот именно путь приведет страну к торжеству революционной демократии всех народов великой России и завершит самую революцию установлением и закреплением в стране государственно-общественного строя на строго демократических началах, мусульмане заявляют о полной поддержке Временного Правительства в борьбе и с анархией и контрреволюционными попытками, откуда бы таковые ни исходили. Такова исходная точка мусульман России. И пусть мусульмане, их чаяния и требования еще мало известны, пусть они еще не для всех полноправные граждане, пусть ужасы голода более других уже знакомы мусульманам, пусть еще вчера вся Россия была свидетельницей кошмарного истребления мусульманского населения Семиречья, где до 83 тысяч вернувшихся из Китая на родину киркиз было истреблено или погибло от голода [71]), пусть в Туркестане и Крыму явно нарушаются интересы мусульманского населения при распределении продовольствия, пусть то же население другой окраины — Кавказа — несправедливо и незаслуженно выставляется, как преследующее какие-то агрессивные цели,—пусть все это и многое другое имеет место, о чем не здесь говорить, но мусульмане не сойдут с указанного пути в полной надежде на лучшее будущее, как залог торжества завоеваний великой русской революции. Из этого основного положения вытекает отношение мусульман к кардинальным вопросам переживаемого момента.

Величайшая мировая война, не знающая по ужасам своим себе примера, по неподдающимся учету жертвам людьми и средствами, ведя к катастрофическому развалу хозяйственно-экономическую жизнь страны, принимает все более грозный характер и грозит уже гибелью завоеваниям революции. Об участии мусульман в этой войне говорят полтора миллиона мусульман-воинов на фронте и добровольные полки кавказских мусульман, составляющие кавказскую туземную дивизию. Не нам свидетельствовать об их подвигах в сомкнутых рядах храброго русского войска.

Не из боязни быть побежденными, — величайшую в мире страну нельзя сломить, — но сугубо ужасные условия, созданные в стране павшим режимом, это страшное наследие деспотизма в образе продовольственной разрухи, начавшегося голода, финансового бедствия, обязывает нас, мусульман, единственно во имя блага родины сказать со всей революционной демократией: почетный мир, без аннексий и контрибуций, на основах свободного самоопределения народов. Этот лозунг — самоопределение народов — мусульмане кладут в основание форм

государственного устройства, оставляя разрешение самого вопроса до Учредительного Собрания, на котором они будут отстаивать для окраин федеративное устройство. Теперь же во имя интересов революционного государства и лозунгов революционной России мусульмане выставляют необходимость осуществления национально-культурной автономии, провозглашенной на всероссийском мусульманском съезде.

Касаясь вопроса об организации власти, мусульмане приветствуют коалиционный принцип, как единственно правильный. Ибо лишь правительство, сорганизованное на этом принципе, в состоянии под идейным контролем всех живых сил страны создать порядок, без которого немыслимо ни одно человеческое общежитие и наипаче государство. Касаясь организации власти на местах и проведения принципа децентрализации местного самоуправления и управления, с предоставлением всем местностям самой широкой самостоятельности в местных делах, мусульмане позволяют себе призвать правительство к более активным действиям в деле фактического осуществления на местах этих начал, так как от укрепления их на местах находится в тесной зависимости отношение ко всем начинаниям Временного Правительства со стороны местного населения, требующего проведения в жизнь объявленных Временным Правительством деклараций. Сказанное, в связи с необходимостью обязательного созыва Учредительного Собрания в указанный срок (27 ноября) без новой отсрочки, лишь укрепит положение правительства, что так необходимо для выполнения действительно гигантской работы, выпавшей на долю Временного Правительства. И новая отсрочка созыва Учредительного Собрания не должна быть допущена именно потому, что на нем ожидается решение таких вопросов государственной социальной жизни, как форма государственного устройства, аграрного и рабочего вопросов в интересах трудящихся классов, пока же в вопросах временного землепользования и арендной платы, установления размера рабочего дня, заработной платы и условий охраны труда Временное Правительство, не расстраивая производительных сил страны, должно твердо и неуклонно стоять на страже интересов трудящихся классов.

По национальному вопросу мусульмане находят необходимым единение всех народностей и установление контакта между ними, причем они заявляют, что будут поддерживать все народности в осуществлении их национально-политических идеалов на началах демократических, подлежащих окончательному обсуждению Учредительного Собрания. Мусульмане заявляют, что, стоя твердо на избранном ими пути, они также чувствуют в себе силу и волю к порядку, жертвам и труду, столь необходимым для укрепления и завершения завоеваний революции. Они уверены, что не далек день, когда свободная демократическая Россия осуществит у себя равенство и братство народов, в их числе и мусульманских, и явит миру небывалый в истории человечества пример уважения прав

всех народов, приглашая к раскрепощению на основах свободного самоопределения европейские государства по отношению ко всем подчиненным им народам, в числе их мусульманских народов в Европе, Азии и Африке. И тогда мы восторженно в один голос воскликнем: ex oriente lux!

[Председатель.] Представитель латышской национальной группы Залит [72]).

Залит. Благополучие государства в значительной степени зависит от правильного решения вопроса о положении в государстве малых народностей. К общему хору раздающихся здесь голосов разных народностей присоединяет свой голос и латышская группа представителей настоящего Государственного Совещания. На общее обращение министра-председателя к национальностям России мы отвечаем, что латыши не стремятся не только к отделению или отпадению от России, но даже к отмежеванию от нее. Тем не менее, как народ, латыши имеют свои особые интересы, которые они преследовали и будут преследовать, полагая, что этим они ущерба России не приносят. Латыши стремятся к объединению населенной ими территории в одну автономную единицу, где они желают сами ведать своими делами и устраивать свою судьбу, иметь там свои учреждения и пользоваться в них своим родным языком. Таким путем они надеются лучше достигать целей организованного общежития и лучше работать и в пользу великого своего отечества России. Взоры всех в настоящее время обращены на Ригу, этот главный город нашей Латвии. Это показывает, насколько важна для государства Российского населенная нами территория. Однако не только Рига и Лифляндия важны для России, но важна и нужна для нее и Курляндия. Почему же здесь не раздается о ней ни одного голоса, почему молчит о ней Временное Правительство? Неужели хоть на минуту можно колебаться в вопросе об участи Курляндии, неужели можно допустить, подобно некоторым предателям, что Курляндия уже окончательно потеряна для России и что даже стремление ее вернуть равносильно стремлению к аннексии? Латышский народ испытывает твердую надежду и ждет твердого, непреклонного заявления Временного Правительства о том, что Курляндия не может остаться под властью Германии. Правительство желает организовать победу и достигнуть почетного мира. В этом стремлении оно может рассчитывать на всестороннюю поддержку, на все жертвы латышей. Если народ нес бесконечные жертвы при прежнем режиме, то с бо̀льшим удовольствием, с большей готовностью, он понесет все эти жертвы при новом свете свободы. Поддержка же Временного Правительства во всех его демократических мероприятиях у нас мыслится непреложною обязанностью само собой, без всяких лишних слов и заявлений.

Председатель. Слово принадлежит представителю эстонской национальной группы Пиппу [73]).

Пипп. В грозный час жизни великого Российского государства Временное Правительство обратилось ко всем народам с призывом дать ответ по совести по

всем вопросам государственной жизни. К порядку, жертвам, единению ради дела обороны зовет народы России и всех революционное Временное Правительство. Мы, представители эстонского народа, считаем своим гражданским долгом указать на основные условия, необходимые для спасения нашей родины, свободы и дела революции. Мы заявляем, что в общих вопросах мы стоим за полное осуществление мероприятий, намечаемых общероссийской демократией, и на этом пути мы поддержим всемерно Временное революционное Правительство. Но мы считаем необходимым особо отметить один вопрос огромной государственной важности,— вопрос национальный.

Прежде всего, мы должны указать, что заявление главы Временного Правительства не находит для нас доброго слова. Наоборот, нам, не русским народам, напоминают о возможном счете и о великодушном прощении за отсутствие дружбы в дни опасности. Мы считаем, что такое отношение к нам глубоко несправедливо, ибо стремление наше к удовлетворению самых насущных и неотложных национальных требований — не явление центробежное, разрушительное, а истинный и единственно верный принцип государственного строительства. Разрешая этот вопрос, мы не ослабляем мощи Российского государства, не губим революции, а укрепляем ее завоевания. Поэтому эстонский народ, никогда не стремившийся к сепаратизму, никогда общероссийской демократии не изменявший, в годы первой российской революции претерпевший ужасы карательных экспедиций, издевательства над правом и личностью крестьян, рабочих и трудовой его интеллигенции, глубоко уверенный, что его судьба неразрывно связана с интересами всей демократии, по крайнему своему разумению и непреклонной воле, считает необходимым приступить к разрешению национального вопроса. Медлить нельзя. Только обещаниями ни один народ жить не может. Неопределенность положения может увеличить лишь стихийное недовольство масс. Основные потребности народа должны быть своевременно удовлетворены. Вместе с тем нужно начать работы к подготовке переустройства государства на началах, наиболее полно обеспечивающих свободу и самоопределение народов в демократической Российской республике на федеративных началах, где автономные области, в том числе Эстония, составляют равноправные члены дружной семьи российских народов.

До претворения в жизнь этой конечной цели в Учредительном Собрании, для немедленного достижения поставленных Временным Правительством целей порядка, жертвы и обороны, должны быть осуществлены те мероприятия, которые намечены по национальному вопросу в декларации органов революционной демократии. В частности, эстонский народ желает, чтобы полномочия местного высшего органа самоуправления—Земского совета—были расширены, и все дело местного управления передано в его ведение, чтобы, равным образом, немедленно были отменены всякие ограничения в пользовании эстонским языком и он был введен в школе

в суде и во всех органах местного управления и самоуправления. И, наконец, еще вопрос. Необходимо, чтобы окончательно и бесповоротно было *) признано наше право активного самодейственного участия в обороне государства, чтобы не повторялись явления прошедших месяцев, когда нам устройство наших национальных войсковых частей то разрешалось, то изменялось или отменялось. Мы своей безусловной верностью делу обороны, своими несоизмеримыми национальными жертвами в мировой войне, принесенными и которые мы еще готовы принести, приобрели право говорить с общерусской демократией, как брат с братом, равный в семье равных. Поэтому заявляем, что и в этом вопросе, в вопросе о защите наших селений, нив, берегов, у которых стоит могучий враг, мы хотим иметь нужную свободу и право необходимых действий. Ибо только в самодеятельности революционных народов спасение родины и дела свободы. Только политика доверия и взаимного понимания сможет сплотить все народы в дружную семью, и только общее согласие обеспечит тот порядок, который необходим для всего государства Российского. В деле спасения родины и дела революции эстонский народ исполнит свой долг безусловно и беззаветно.

[Председатель.] Представитель польского края и Белоруссии Смульский [74]).

Смульский. Я говорю по поручению и от имени образованных в революционный период польских исполнительных комитетов и польской окраинной рады, объединяющей двухмиллионные широкие массы и двухмиллионное польское население русское, и белорусское, т. е. те именно территории, на пространстве коих в настоящее время протекает боевой фронт действующих армий, где мы, поляки, составляя коренной, а не пришлый элемент, в течение веков работаем для местного благосостояния и культуры. В этой работе мы видим узы, связующие нас с этим краем. Мы считаем себя сынами этого края и, как таковые, чувствуем себя облеченными не только правами, но и гражданскими обязанностями по отношению к этой родной нам земле.

С момента падения самодержавной власти мы впервые сегодня призваны принять участие на равных правах со [всеми] гражданами в этом Государственном Совещании. В эту минуту общегосударственной опасности я не буду касаться тех святейших национальных идеалов, которые выражаются в укреплении благополучия и независимости объединенной Польши, возрождающейся в настоящее время благодаря справедливости провидения и неизбежному ходу истории. Я не буду распространяться также о наших нуждах, как национального меньшинства, как возрождающихся к автономной жизни Украины и Белоруссии. Но только с одним пожеланием в этой области мы считаем нужным обратиться к Временному Правительству, как назревшим и нетерпящим отлагательства. В то время,

*) *В подлиннике:* должно быть

когда во всей государственной жизни уже сегодня проводятся реформы, только в одной сфере правительство остается совершенно пассивным: это — сфера игнорирования прав национального меньшинства. Провозгласив общим лозунгом самоопределение национальностей, правительство, однако, не озаботилось изданием закона, предоставляющего национальным меньшинствам право хотя бы на самоопределение в делах культуры и просвещения. Напротив, мы имеем данные сказать, что заготовленный главным комитетом по народному образованию законопроект, подлежащий на-днях обсуждению в общегосударственном совещании по народному образованию, не только игнорирует, но идет совершенно вразрез с таким естественным требованием национальных меньшинств, и когда мы слышим упрек по адресу отдельных национальностей в их эгоизме, то мы спрашиваем себя: не в этом ли отношении Временного Правительства к назревшему вопросу коренится причина центробежного стремления? И пред нами всегда невольно встает опасность: не совершится ли с национальным вопросом то же самое, что на языке Столыпина выражалось фразой: «сначала успокоение, а потом реформа»? Эти опасения Временное Правительство должно рассеять, создав особое министерство по национальным вопросам. (Аплодисменты.)

Заявляя об этом, мы в то же время считаем себя обязанными выразить чувство искренней признательности русскому народу, сумевшему сорвать цепи векового рабства и снявшего эти цепи с порабощенных на ряду с ним царским самодержавием народов.

Так пусть же падут эти ненавистные цепи навсегда.

Не для злостной критики мы явились сюда. Мы явились, чтобы в минуту тягчайшей опасности, висящей над страной, громогласно заявить, что мы готовы принять участие в общегосударственной работе всех сограждан России для спасения страны на провозглашенных революцией идеалах равенства и свободы. Мы пришли, чтобы совместными усилиями найти путь к спасению страны и найденным путем итти рука-об-руку с вами. Этот путь указан Временным Правительством: единая сильная государственная власть, боеспособная армия, жертвы и построение жизни на местах на твердом основании законов. Один из предыдущих ораторов вспомнил о словах министра-председателя, обращенных к инородным национальностям: «Где же вы, почему мы не слышим голосов, отдающих себя всецело во имя борьбы со страшнейшим деспотизмом за всеобщую свободу?» Не к нам, полякам, было обращено это! С самого начала войны и до настоящего момента мы выполняли и выполняем вместе весь наш гражданский долг не только по мере сил, но, может быть, и свыше таковых. Разоренное Царство Польское, сотни тысяч беженцев, изгнанных из своих жилищ и скитающихся в нужде и голоде по необозримым пространствам России, разоренные и сожженные поля и села и города на боевом фронте и в тылу пусть будут ответом на призыв Временного Правительства к жертвам. Мы готовы вынести

жертвы и впредь, поскольку это будет необходимо для блага страны и ее спасения. Мы, воины-поляки, прилагаем все усилия к поддержанию и укреплению дисциплины в рядах армии и исполнению ее воинского долга до конца. (Аплодисменты.)

Во имя вашей и нашей свободы мы приветствуем стремление Временного Правительства создать единую сильную власть и построить жизнь на основе законов. Отсутствие власти и раздробление живых сил страны привели Россию к настоящему тяжелому положению. Здесь было сказано об ужасах, творящихся на фронте и в тылу. Здесь было сказано о разоренных городах и создаваемых целыми поколениями земельных культурах, разоренных дезертирами и дезорганизованными воинскими частями. Но оставим прошлое, замолчим о потерях и понесенных жертвах, ибо надвигается нечто более страшное. Надвигается смертельная опасность, угрожающая гибелью России и ее свободе, опасность, которая должна сплотить воедино усилия всех в борьбе за спасение страны и свободы. Это единение живых сил необходимо государству так же, как необходима сильная единая власть. Это единение сил и это укрепление власти должны быть достигнуты немедленно (аплодисменты), ибо малейшее промедление в этом деле — это есть смерть государства.

И мне вменено в обязанность пославшими меня на эту кафедру заявить настоящему высокому совещанию от имени польского населения, испытавшего на своей судьбе всю меру внутренних раздоров, всю пагубность слабости власти, а тем более многовластия (аплодисменты): Польша поплатилась за это более чем столетним игом. Да воспользуется Россия горьким опытом Польши. (Аплодисменты.)

Председатель. Слово принадлежит представителю литовской группы Янушкевичу [75]).

Янушкевич. От имени литовцев, участвующих в Государственном Совещании и принадлежащих к различным политическим партиям, имею честь заявить, что мы по общеполитическому вопросу вполне присоединяемся к декларации, которую прочел тов. Чхеидзе от имени революционно-демократических организаций. (Аплодисменты.)

Мы, члены четвертой Думы, и трудовики, и принадлежащие к другим партиям литовцы не дали своих подписей под декларацией четвертой Думы и протестовали там на собрании. (Аплодисменты.)

В критический момент, переживаемый Россией, усилия всех народов ее должны быть направлены к защите и укреплению завоеванной свободы и революции. Литовский народ и демократия долгие годы боролись, идя рука-об-руку с русским народом, за их общую свободу, и в эти роковые дни испытаний он считает своим долгом итти и бороться вместе до конца. Царское правительство в течение более ста лет всеми мерами стремилось

к искоренению литовского народа; оно не останавливалось даже перед тем, чтобы отнять у него печать на родном языке. Но ни политический, ни национальный гнет не смогли задавить в литовском народе стремления к сохранению своего национального существования, его энергии бороться за лучшее будущее и жажды к самостоятельному строительству своей жизни. И когда силами демократии всех народов России в 1905 году был нанесен первый удар царизму и приоткрыта дверь к свободе, литовский народ на своем всенародном сейме в Вильне 21 и 22 ноября 1905 года в лице своих 2 000 депутатов громко заявил о своем требовании политической автономии. Это требование он неоднократно повторял через своих депутатов во всех четырех Государственных Думах. Разразившаяся европейская война с первых дней ее возникновения превратила Литву в арену битв и принесла неисчислимые бедствия литовскому народу. Опустошенная, разоренная Литва была занята почти целиком германскими войсками. И не суждено было нашей родине увидеть у себя зари свободы одновременно с русским народом, но мы знаем, что весть о победе российской революции наполнила радостью исстрадавшуюся душу литовского народа, окрылила его надеждой на освобождение. И пора, говорим мы, Временному Правительству воплотить в жизнь провозглашенный органами революционной демократии принцип самоопределения народов в отношении к Литве в реальной форме акта и этим сохранить и укрепить связь между отделенной от нас железной стеной армии Литвой и революционной Россией.

В соответствии с требованиями, выставленными на виленском сейме в 1905 году, в соответствии с провозглашенными российской революционной демократией принципами, последний литовский сейм в Петрограде, выражавший волю демократической части литовского населения, находящегося в России, и вынес следующее постановление 4 июня с. г.: «Обратиться к Временному Правительству, а также к правительствам союзных и нейтральных стран с требованием признания: 1) права литовского народа на политическое самоопределение, 2) права литовского народа разрешить свою политическую судьбу в Учредительном Собрании Литвы, созванном на основании всеобщего, равного и тайного голосования, без различия национальностей и вероисповеданий, по пропорциональной системе, 3) права литовского народа, как заинтересованного, иметь своих представителей на международном мирном конгрессе». Но мы с прискорбием должны констатировать, что Временное Правительство до сих пор не приняло никаких мер к осуществлению чаяний и требований литовского народа. Наоборот, оно, признавая Польшу независимым государством и создавая ликвидационную комиссию Царства Польского, в компетенцию этой комиссии включило и Сувалкскую губернию, по преимуществу литовскую и посылавшую во все Думы исключительно литовских депутатов. Временное Правительство этим не только не ликвидировало вопиющую несправедливость Венского конгресса, раскроившего живое тело Литвы

на две части, но как будто его подтвердило и укрепило. В последнее время оно издало акт, коим каждый житель из Сувалкской губернии, если он хочет вернуться на родину, вынужден хлопотать не только у русской власти, но и у председателя ликвидационной комиссии Ледницкого [76]). Между тем, известно, что германцы выключили Сувалкскую губернию из состава Царства Польского. Литовский народ ожидает, что все эти ошибки Временного Правительства будут им исправлены, что российская демократия не допустит того, чтобы при заключении мира и размежевании государств территория Литвы стала предметом торга. Мы полагаем, что литовскому народу должно быть предоставлено право *) самому решить вопросы своего политического бытия в Учредительном Собрании всех частей Литвы, в том числе и Прусской **).

Председатель. Слово предоставляется представителю белорусской группы Красковскому.

Красковский. Граждане. Российская революция, низвергнув самодержавный всегубительный централизм, на своем знамени начертала великий принцип свободного самоопределения национальностей. Разбив цепи царизма, сковывавшие волю народов и их свободное развитие, российская революция открывает для народов России, а может быть, и всего мира новую эру независимости и свободного творчества. Национальные движения крепнут повсюду, и наступает уже тот исторический момент, когда ими главным образом будет определяться характер общественно-политического строительства жизни свободных народов. Россия — великое государство многочисленных народов и разнообразных областей. Национальные вопросы выдвигаются в ней особенно властно, и без правильного исчерпывающего решения их в эту грозную годину испытаний спасения России быть не может. Искони стоя на перепутьи между государствами, ведущими старый кровавый спор за политическое преобладание, являясь ареной и предметом их борьбы, Белоруссия претерпела и терпит всю тяжесть и все роковые последствия того положения, в которое поставил ее неумолимый рок истории. Опустошаемая и разоряемая в эпоху войны и раздоров, Белоруссия и в мирное время не могла и до сих пор еще не может вздохнуть свободно. Вчерашние завоеватели не покидают ее, а, оставаясь в ней, не только захватывают ее скудные достатки, но и стремятся поработить ее и духовно, столь же смело, сколько и беззаконно выступая от лица порабощенного ими трудового белорусского народа его представителями и насильственными спекулянтами. И если этому не будет возможно скорее положен предел, Белоруссии угрожает великая опасность быть раздробленной, насильнически разорванной на части. Этой грозной для Белоруссии и всей демократической России опасности необходимо смотреть прямо в глаза,

---

*) *Далее по рукописному тексту.*
**) *Далее по машинописному тексту.*

необходимо ясно и категорически раз [навсегда] установить, что этого смертельного растерзания живого национального организма в угоду чьих-либо империалистических своекорыстных замыслов и домоганий со стороны свободной демократической России допущено быть не может, что этой вопиющей исторической несправедливости революционная Россия не допустит никогда.

Страна демократическая, по преимуществу чисто крестьянская, ограбляемая людьми, живущими на их счет, лишенная все время каких бы то ни было органов самоуправления, — этой необходимой школы общественности, — Белоруссия является разительным примером того, как гибельно для народа и края хозяйничанье людей чужих и как опасно это для всей свободной демократической России. Не обладая правом по-своему и своими силами строить свою общественно-политическую жизнь, Белоруссия попрежнему наводнена чиновниками обрусителями столыпинского типа, проводящими в стране свою старую разрушительную политику. Администрация, школа, суд, все стороны общественно-политической жизни страны требуют коренного изменения, а его нет и не будет до тех пор, пока дело устроения края не перейдет в руки самой нации, имеющей право самостоятельного устроения своей судьбы в полном согласии с задачами и интересами всей России, всех народов, ее населяющих. Идея широкого краевого самоуправления, о которой здесь, в Государственном Совещании, было лишь упомянуто, должна быть развита, пополнена реальным содержанием и немедленно введена в жизнь нации, с предоставлением осуществления этого самим нациям, в меру их сил, стремлений и потребностей. Время не ждет. Враг свободы не дремлет. Каждый новый день лишь все больше закрепляет его позиции. Мероприятия необходимы спешные и решительные. Свобода, добытая дорогою ценой святых неисчислимых жертв и героических усилий всех народов России, — в опасности, и кто же лучше может охранить добытую свободу, как не сама исстрадавшаяся под тяжелым гнетом нация, могущая своей организованной сплоченностью и крепко, органически спаянная с другими, столь же сильными своей организованностью нациями всей России, объединенными в братский, свободный и мощный союз. Тогда легче будет приносить и те жертвы, которых требует теперь вся Россия и которые должны быть, как, например, в Туркестане, [где] вымирали чуть ли не целыми поселками не меньше чем до 70% в год. Тяжелая, разорительная война все время ведется на полях Белоруссии. Указывая на все эти жертвы, мы не думаем, однако, предъявлять какие-либо счета. Нет. В сознании великой необходимости этих жертв, народ белорусский нес их, безмерно несет и теперь, напряженно будет нести до конца, но он хочет иметь уверенность, что те тяжелые раны, которые нанесены Белоруссии, будут по мере сил государственных излечены, что в разоренном, опустошенном крае вновь возродится жизнь и что судьба [его] опять не будет отдана в руки, чуждые народу, [что жертвы будут] принесены всеми народами во что бы то ни стало и без всякого торга. Белоруссия

безропотно несла и несет великие жертвы. Вспомним только, как под влиянием какой-то дикой квази-наполеоновской идеи, при нашем отступлении 1915 г. систематически была разорена и опустошена двухмиллионная Гродненская губерния, в некоторых уездах которой были сожжены нами не только урожай на полях, запасы в гумнах, но и сами села целиком, так что остался только пепел на голой земле там, где была веками созданная культура. А горькая судьба наших беженцев, брошенных злой волей самодержавной бюрократии в столь губительные условия жизни?

В полном единении с демократией всех народов России идет Белоруссия по тернистому пути испытаний к светлому будущему свободной жизни и автономного строительства, с твердым сознанием, что только путем развития и укрепления отдельных частей великого целого, путем самодовлеющего развития каждой нации окрепнет, возродится всенародная Россия, водворится порядок, родится великий энтузиазм и самоотверженная готовность на еще большие великие жертвы, ради блага и счастья каждой нации, неразрывно связанной с благом и счастьем всей демократической свободной России *).

Председатель. Слово принадлежит представителю совета национальных социалистических групп Ивановскому.

Ивановский. Граждане, я имею честь выступать перед вами от имени членов-участников нынешнего совещания, от товарищей, партий, групп, объединенных в совет национальных социалистических партий. Мы в общем присоединяемся к резолюции по национальному вопросу, прочитанной здесь вчера гражданином Керенским от имени Совета Р. и С. Д. (Смех.) Граждане. Государственное Совещание мы увидим раз в жизни, поэтому я мог сделать ошибку. Мы присоединяемся к декларации, прочитанной от Совета Р. и С. Д. гражданином Чхеидзе. (Читает.)

Граждане, Временное Правительство обратилось ко всем общественным и групповым организациям с тем, чтобы они через своих представителей дали прямой и определенный ответ на запросы, обращенные к Государственному Совещанию.

По поручению участников Совещания, принадлежащих [к] нижепоименованным национальным социалистическим партиям России, объединяемым Советом: 1) грузинской революционной партии социалистов-федералистов [77]), 2) белорус-

*) *После Красковского согласно «Торгово-Промышленной Газете», выступал Гирш, который заявил:* В полном единении с демократией всех народов России, Белоруссия идет по тернистому пути испытаний к светлому будущему, к свободной жизни и автономному строительству, в твердом сознании, что только путем развития и укрепления отдельных частей великого целого, путем самодовлеющего развития каждой нации возможно правильное и здоровое строительство великой России.

Об этом выступлении упоминается и в «Русском Слове», где Гирш называется представителем чехо-словаков.

ской социалистичской Громады [78]), 3) партии еврейского объединения, 4) социалистов-народников Литвы [79]), 5) лейтгальской социалистической партии [80]), 6) осетинской социалистической группы, 7) мусульманской социалистической фракции мусульманского съезда, 8) эстонской трудовой народно-социалистической партии; 9) эстонской социал-демократической партии объединения, 10) калмыцкой организации, 11) латышской партии социал-революционеров, 12) эстонской партии социалистов-революционеров, считаем своим долгом сказать открыто:

Завоеваниям революции, осуществленной братскими усилиями демократии всех народов Российского государства, грозит смертельная опасность. Революция, завершенная нашими общими усилиями, революция, которая провозгласила своим лозунгом полное национальное самоопределение, в ясном сознании того, что новая Россия может и должна быть государством свободных и равных народов и в час тяжелого испытания революции, с судьбой которой связаны неразрывно судьбы демократии всех национальностей, нашей ближайшей задачей было, а теперь еще решительнее будет укрепление ее на благо всего государства и демократии всех народов. Ибо только в победе революции и укреплении революционной России единственный залог такого удовлетворения стремлений народов России к автономному устроению своей национальной жизни. Но мы должны здесь указать, здесь, всенародно, что до сего момента слишком мало сделано для объединения всех сил демократии национальностей в едином порыве всемогущего энтузиазма, так необходимого в момент коренного переустройства государства. Не к разложению ведут творческие силы народов России, а пробуждая широкие массы к органической национальной работе, они должны послужить могучим орудием государственного творчества. Временное Правительство должно призвать нас к себе на помощь и вселить тем самым уверенность даже в теряющих таковую, что власть революционной России является матерью, а не мачехой всех народов, что власть эта призвана самым решительным и последовательным образом защищать интересы всех нас, недержавных народностей.

Мы хотим напомнить об этом тем, кто часто забывает, что государство Российское есть государство национальностей, пестрая мозаика различно-национальных областей и уже по одной этой причине ближайшей задачей действительно дальновидного государственного творчества является создание единого всенационального порыва и энтузиазма. И не окриками, не исканием среди целых народностей предательских сребренников и иуд, целующих брата своего, можно сплотить вокруг себя все народы России. Нет и неоплатных должников среди нас: право на участие в празднике свободы России мы щедро выкупили своею кровью в 1905 году и ныне.

Мы всегда полагали, что путь к совместной работе лежит через взаимное доверие, взаимное уважение, взаимное понимание, и если сейчас замечаются хаотические проявления и стремления национальностей к удовлетворению своих

элементарных нужд, то только потому, что до сего момента не подысканы пути правового государственного удовлетворения таковых. Россия сейчас нуждается в спокойствии, а главное, в организованности. Эта организованность должна пройти снизу доверху, пройдя национальные толщи, оплести все государство. Мы уверены, что только в том случае, если к таковой организации будут призваны все народы Российского государства, то торжество революции обеспечено вполне: ведь недержавные народности составляют половину населения Российского государства.

Мы заявляем, что стремление национальных организаций к немедленному разрешению в полном объеме национальных вопросов, это — не стремление к непризнанию прав Учредительного Собрания, а ясное сознание необходимости водворять порядок, организоваться, чтобы легче пережить тяжелые минуты жизни перелома обновляющегося государства Российского. Мы уверенно считаем необходимым для достижения единения, спокойствия и организованности по всей территории государства немедленное проведение в жизнь следующих мер: 1) издание Временным Правительством декларации о признании за всеми народами права полного самоопределения; 2) издание декрета о равноправии языков, предоставление гражданам всех народностей права пользоваться родным языком при осуществлении гражданских и политических прав, в школе, судах, органах самоуправления; 3) немедленное проведение в жизнь закона о местном самоуправлении; 4) образование при Временном Правительстве полномочного совета по национальным делам, куда входили бы представители всех национальностей России, в целях как подготовки материала по национальному вопросу для Учредительного Собрания, так и выработки способов регулирования самых национальных отношений и форм до Учредительного Собрания.

Мы уверены, что все эти мероприятия устранят из жизни государства в этот тяжелый период острые моменты национальных взаимоотношений.

Да здравствует солидарность, да здравствует Российская революция.

Председатель. Объявляю перерыв на полчаса. Прошу собрание быть более точным, так как у нас еще осталось довольно много ораторов, а времени очень мало. После перерыва будет говорить генерал Алексеев.

Председатель [Керенский]. Прошу занять места. Генерал Алексеев. (Аплодисменты.)

Алексеев. Поистине грозные дни переживает наша родина. Все ваши мысли, граждане, я думаю, с надеждой и тревогой устремляются туда, где русская армия отстаивает честь и достоинство России, скажем больше, — где она выковывает ту или другую, славную или тяжкую судьбу России и поколений не только настоящего, но и поколений будущего. Немудрено, что из всех факторов народной мощи в настоящее время армия приковывает к себе наибольшее внимание. Жгучая

боль за судьбу родины невольно заставляет задать себе вопрос: справится ли армия с той великой задачей, которая на нее выпала, или восторжествует упругий нервами и настойчивый враг. Но есть еще и другие причины, по которым армия близка каждому из вас. Нет семьи, которая не выслала бы туда, на действующий фронт, отца, брата, сына, а иногда и нескольких членов семьи вместе. Вчера из уст генерала Корнилова мы выслушали о том тяжком положении, в котором находится армия. Что, действительно, представляла она в недавнем прошлом, что представляет она в настоящее время; что нужно для того, чтобы вернуть ей былую и недавнюю мощь и силу? Это — грозные, важные вопросы, и к разрешению или рассмотрению их нужно подойти спокойно, с крайним вниманием, без опасных преувеличений, но зато и без ненужных умолчаний. Мы переживаем трехлетнюю годовщину тех дней 1914 года, когда бурным потоком катилась победоносная русская армия по полям Галиции. 20 августа был взят Львов, 30 вся австрийская армия, разбитая, лишенная артиллерии, лишенная своих обозов, скатилась за Карпаты. Если мы не закончили этой операции штурмом Перемышля, то только в силу естественного утомления борцов и израсходования тех боевых запасов, с которыми можно было дерзнуть на это предприятие. Да в это же время произошло тяжелое несчастье, несчастье со второй армией, погибшей на полях Восточной Пруссии. То была жертва общему положению, то была плата за недостаток командования. Это несчастье не отразилось на судьбах армии, не наложило пятна на ее высокую доблесть, и русский народ, в сентябре месяце в 1914 году, с гордостью и с верою мог сказать, что он обладает армией, способной вести войну,— порывистой и храброй пехотой, искусной артиллерией, прекрасной кавалерией. Но в эти же дни обнаружился и большой недостаток в нашей подготовке. Мы в эти дни стали уже испытывать недостаток боевых средств.

Происходящий в настоящее время в Петрограде процесс по дням указывает на нарождение этого грозного вопроса, с которым нам впоследствии не приходилось расставаться почти в течение всего времени войны. Припомните, как в глубокую осень, в глубокой грязи, навстречу брошенным полчищам немецким, на помощь своим противникам, полчищам, направленным на Варшаву и Ивангород, совершала русская армия свой, скажу, знаменитый переход с берегов Сана на берега Вислы. Во-время подошли, противника разбили, Вислу и Варшаву в своих руках удержали. А за сим, какие эпические бои на Карпатах и в окрестностях той же Варшавы пережила русская армия и сколько спокойного геройского мужества проявила она в этих боях. Настал тяжелый 1915 год. Вы слышали не раз характеристику этого года, главным образом, в каких условиях приходилось бедной русской армии выполнять свою задачу. Лишенная снарядов, лишенная подготовленных укомплектований, она должна была сдаваться под напором сильного числом и вооружением противника. Но она сдавалась с честью, шаг за шагом, своей кровью обагряя каждый уголок своей родной земли. Много понесла она, но сохранила свой

великий русский воинский дух. И доказательством тому служит 1916 год, который с 22 мая развернул перед русским народом эти славнейшие страницы, которыми обозначено было победное шествие 1914 года. Да можно сказать, что в том же 1916 году были неудачи, неудачи на северном направлении, неудачи у Поставы и неудачи у Барановичей. Там мы встретились с таким совершенством и богатством [противника], против которого мы не могли противопоставить ничего соответствующего. И, конечно, сделали ошибки, за которые заплатили неудачей. Этими причинами объясняются наши последние неудачи в декабре 1916 г. и в январе 1917 г., когда блестяще начатый прорыв на митавском направлении окончился ничем. Вот в эту последнюю операцию явилось грозное предостережение: один из старых полков отказался итти в атаку, отказался итти в атаку под влиянием растлевающей агитации. Это служило предостережением, и на это действительно нужно было обратить внимание, и на борьбу с этим должны были быть направлены все силы здорового русского организма.

Эти два с половиной года войны дают нам право подвести такой итог: Россия обладала армией, сильной все-таки числом, но очень слабой в технике и бедной артиллерийскими средствами. Эта беднота часто граничила с нищенством, и из этого мы могли бы, быть может, выйти только в недавнее время. Мы обладали твердым, послушным и храбрым солдатом, в особенности в тех случаях, когда его вел за собой офицер. Была дисциплина, был порыв, и неправда, господа, если бы сказали, что нашего солдата гнала палка, плеть или пулемет. Нет, господа, было глубокое сознание долга, было единение между солдатом и офицером, был, наконец, закон, который карал нежелающих итти вперед. А разве не было тогда беглецов? Были. Но имейте в виду, господа, что после того, когда легли храбрейшие, потом стали к нам прибывать иногда совершенно сырые неподготовленные укомплектования. Были случаи, когда после двухнедельной подготовки солдаты прибывали на фронт. Это были младенцы, это были дети, но это были не солдаты. Немудрено, что в грозные часы развивающегося боя в них не находилось мужества. Но это были единицы и десятки, а тысячи и сотни тысяч солдат усердно исполняли свой долг. Старый кадровый офицер, знающий солдата, сжившийся с ним, любивший солдата и заслуживающий его веры, тот, господа, почти полностью погиб: или спит в земле сырой, или же инвалидом рассеян по широкой еще земле русской. На смену шел новый офицер, новой подготовки военного времени, сравнительно скромной подготовки, ибо нельзя было дать то же самое время, как при обыкновенных условиях. Менее искусен был этот офицер, но он с той же охотой отдавал свою жизнь и шел впереди солдата. Командный состав обрисовывал свои слабые и свои сильные стороны. Вот с такой, господа, во всяком случае армией одерживали победу. Она несла и поражения, но из этих поражений она выходила с честью. Вот с такой армией, сильной численностью и слабой в технике, сильной в своем нравственном облике и внутренней дисциплине, дошли мы до светлых, ясных дней революции.

В эту революцию, в эту новую жизнь внесли мы, конечно, и недостатки. Эти недостатки главным образом вытекали из того, что наша общенародная масса была, конечно, темна. Не мне здесь говорить, на ком за это вина. Но в общем наши достоинства были велики, наши недостатки были устранимы при систематическом спокойном их устранении. Спокойно, уверенно и легко перешла вся армия к новым порядкам, перешла потому, что с сознанием святости исполняемого долга сделали это высшие начальники и офицеры.

В руки новой власти поступила армия, которая способна была выполнять и дальше свой долг и наряду с союзниками вести многострадальную Россию к скорейшему окончанию войны. Но, к сожалению, армия, прочная и твердая, оказалась как будто и опасной для завоевания революции. Нужно было в это твердое тело армии пустить яду, и этот яд был пущен впервые в виде приказа № 1 [81]). Он сразу разложил два важнейших элемента нашей армии. (Голос: «А Сухомлинов?» Голос: «Молчите!») Этот приказ разложил солдатскую массу и офицерскую массу, противопоставив одну другой. Говорят, что этот акт отвечал моменту. Может быть. Но отвечал ли он миллионам моментов будущего, через которые должна пройти наша родина? Беспристрастная история в очень скором времени укажет место и этому акту: явился ли этот акт актом государственного недоразумения или актом государственного преступления. Но, господа, эту ядовитую пилюлю, может быть, переварила бы в недрах своего здорового организма армия, но широко мутной волной пустилась агитация в ряды нашей армии. С удостоверениями шли, без удостоверений шли немецкие шпионы, шли немецкие агенты. Армия превратилась в какой-то общий агитационный лагерь. Вместе с агитацией шла и литература под наименованием различных «Правд» и в темные массы несла она столько неправды. Вот с этим труднее было бороться. Сеяли ветер, и те, которые сеяли его честно, любя родину и армию, предлагая этим ветром просветить и освежить ряды армии, — они с ужасом увидели то, что они пожинают бурю. Но с каким злорадством увидели эту бурю те, кто выполнял веления немецкого генерального штаба и в карманах которых мелодично звенели немецкие марки. (Аплодисменты справа и в ложе военных.)

И как тяжко, господа, бороться было с этой именно стороной деятельности, испытал на себе военный министр и министр-председатель. Благородный порыв его встретил преграды. С его благородными призывами к самопожертвованию шла темная агитация, которая говорила *): зачем, гораздо лучше сохранить свою драгоценную жизнь. И этот последний призыв оказался сильнее призыва благородного.

В какой мере, господа, агитация захватила наши ряды, достаточно вам сказать, что в одном из больших городов нашего тыла устроенными оказались

---

*) *В подлиннике далее следует:* о том.

агитационные курсы для солдат. И вот беспорядки в одном из полков объясняются тем, что ученик этих курсов, вернувшийся в полк, несмотря на запрещение командира полка, несмотря на увещания полкового комитета, собрал митинг и объявил, что у него с командиром полка и комитетом пути не одинаковы. Дальше итти в этом деле агитации невозможно! Дальше последовала работа законодательная. Каким-то явочным порядком при главном штабе образовалась комиссия генерала Поливанова. Не добром она будет помянута историком русской армии, ибо там зародились все те идеи, которые пошли на разложение нашей армии. Там зародилась мысль об издании каких-нибудь определенных положительных законов об отнятии *) у офицеров и у начальников-солдат дисциплинарной власти **), там зародилась мысль приостановить действие общих военных законов. В самую критическую минуту переживания нами новых совершенно начал и новых настроений оказалось, [что] армия — без закона, без права осуждения виновных. Сознание безнаказанности охватило массы — и в этом большая ошибка.

Ведь нужно сказать, что с этими новыми лозунгами, новыми понятиями, выбрасываемыми в массу, наша масса не воспиталась одновременно и параллельно, она не поднималась в своем развитии. И вот на этой почве недостатка развития и развивались или появлялись те излишества, о которых говорить не приходится. Офицер в глазах солдата оказался врагом. Он, живущий одной жизнью, питающийся одной и той же пищей (ропот на скамье левых), шедший впереди в боях,— он оказался врагом солдата. Перед этим были случаи, что солдат, зная, что без офицера он не в состоянии достигнуть победы, он своим телом часто защищал офицера. Теперь настало другое время: он своей пулей в спину иногда поражал офицера. (Возгласы: «Позор!» Аплодисменты в ложе военных.)

Затем, господа, пошли комитеты. Комитеты тоже явились явочным порядком. Приходилось так или иначе регулировать их жизнь, но и до настоящего времени пока нет определенного, ясного положения, где предел власти, предел влияния комитета. При таком отсутствии определенности в законе, конечно, являлись поползновения во все вмешиваться, все взять в свои руки. Но в конечном результате трех с половиной — четырехмесячного существования этих комитетов что дали они? Подняли ли они дисциплину, слили ли офицерские и солдатские составы, произвели ли они высокий нравственный подъем и порыв в армии? Нет, нет и нет! Быть может, в некоторых случаях в деле хозяйства, в деле внутреннего управления они сделали кое-что, но взвесьте и положите на чашку весов пользу и вред, — последняя чашка перевесит. Но вчера верховный главнокомандующий сказал, что он идет навстречу существованию этих комитетов, с тем, чтобы эти коми-

*) *В подлиннике:* отнять.
**) *В подлиннике:* власть.

теты знали предел своих обязанностей, чтобы их проникновение за эту черту и за эту грань встречало ответственность по закону и по суду.

Уже вчера было сказано членом четвертой Государственной Думы П. Н. Милюковым об отношении командного состава к знаменитой декларации прав. Предвидели ли, господа, насколько будет тяжела доля командного состава, когда эта декларация станет законом? 11 мая она стала законом. И с этого момента еще тот порядок, который до того удерживался в рядах армии, он в действительности рассыпался. Армия полностью прикоснулась к политике. Она увлеклась митингами, она прикоснулась к желанию мира и к сохранению своей драгоценной жизни. Можно сказать, что с этого времени армия обратилась во всероссийский военный митинг, с участием немецких представителей. И в этих митингах умерла или заснула здоровая большая душа русского солдата.

И теперь, господа, великая задача — разбудить эту душу и бросить армию снова на те подвиги, в доказательство которых она так много дала в недавнем минувшем. Всякая тень даже внешнего уважения к начальникам после этой декларации исчезла из армии. Офицеры приняли на себя мученический подвиг. Ведь это же трудно сказать,— сегодня он унижен, оскорблен, он не имеет власти, он не имеет значения, сегодня он находится под подозрением, а завтра начался страшный момент боя,— иди впереди и веруй в то, что за тобой пойдут люди, тебя вчера унижавшие и оскорблявшие. Отдавайте какие угодно приказы, что боевые распоряжения обязательны. Нет, это уже трудно исполнить массе, вкусившей сладость неповиновения. Отдавайте приказы о том, что начальники в таких случаях обязаны использовать всецело революционную власть. Но ее применить трудно, ибо ее нет.

Итак, комитеты связали по рукам и по ногам начальников, они обезличили всех, начиная с ротных командиров и кончая командующими армиями. Ту же роль в отношении более старших сыграл институт комиссаров опять же вследствие отсутствия ясных и определенных указаний относительно того, что такое комиссар и какую роль он исполняет. И по этой части вчера определенно генерал Корнилов заявил, что он и комиссаров считает нужным сохранить, как временную меру, но поставить грань между комиссарами и между командующими. У каждого должен быть определенный и ясный круг своих обязанностей и ответственности перед правительством.

Я не останавливаюсь на более мелких законоположениях, которые, однако, постепенно влияли могучим образом на жизнь нашей армии. Но как отразились все эти факторы на жизни нашей армии? Была наша армия,— и не стало армии. Был порядок, была сильная дисциплина,— и не стало порядка, и не стало дисциплины. Обленился солдат. Недоверие его выросло ко всему до опасных пределов. Он стал нервен. Он поставил превыше всего стремление к скорейшему миру и стремление к спасению и сохра-

нению собственной жизни. При таких условиях офицерскому составу пришлось крайне тяжело.

Я уже сказал, что офицер принял на себя подвиг мученичества и дорогой ценой при таких условиях, ценой тысячи своих жизней, заплатил он и при прорыве 18 июня и в особенности при тяжелых днях поражения и отступления. Если я вам приведу один пример, безразлично на каком фронте, что в атаку пошло из полка 28 офицеров — свыше половины всего полка, 20 унтер-офицеров — $^1/_{16}$ часть полка и 2 солдата — $^1/_{1120}$ часть полка. (Возгласы: «Позор, позор!») Где же были остальные? Они со спокойствием взирали, как гибли эти доблестные герои, но пальцем не шевельнули для того, чтобы подать им руку помощи. (Возгласы: «Позор!»)

Но, господа, такие испытания было в пору переносить только сильным характерам. Слабые характеры, они пали, и поручики Хаустовы, фон-Сиверсы, Филипповы пестрят на страницах полков нашей армии. Не менее тяжелую принял на себя работу и командный состав. Что оставлено командному составу? Оперативные обязанности. Что ж? Как будто это есть приказчик или поденщик, которому армию или вообще войско подготовляет кто-то другой, а он должен выполнить задачу: составить проект наступления или оборонительную задачу. Нет, господа, перед государством, перед его верховной властью каждый из начальников должен нести ответственность, но он же должен иметь и все права и всю мощь по воспитанию, по подготовке и по обучению той армии или того войскового соединения, которое он бросает в страшный бой. Точно то же самое как в офицерском составе нашлись слабые духом, так и тут многие сдали позицию свою комитетам и комитеты стали управлять войсковыми частями. Я бы мог указать армию, в которой правил не командующий армией, а солдатский комитет этой армии. Многие, игнорируя офицера, подавали через его голову руку солдатам, потому что этим приобреталась легкая популярность и наименование начальника, понимающего истинные интересы массы и истинные запросы минуты.

Немного оздоровляется наша армия, но далеко еще до того, чтобы [мы] могли с верой сказать, что это выздоровление охватило всех, и мы идем надежно по пути восстановления нашей мощи и силы. Тяжело положение наших войск потому, что мы получаем совершенно неподготовленное укомплектование. Все, что находится в тылу, не привлечено к полезной работе. Все бездействует, а когда, господа, продуктивный труд 7—8 часов не занимает солдата, то это, конечно, растлевает и его душу, а подходящие к армии комплектования не воспитаны, в них уснул дух, и они совершенно не подготовлены к азбучному солдатскому делу. Таково положение трех элементов, входящих в состав нашей армии. Еще так недавно они составляли ведь прочное целое, связанное одним цементом—любовью к родине, сознанием своего долга перед отечеством и сознанием необходимости довести войну до конца. В настоящее время эти три элемента раз-

розненны. Они ничем не связаны и в среде многих из них горит желание скорей выйти из того тяжкого положения, которое создается войной и в особенности боем. Согласитесь с тем, что с такой армией вести войну, мечтать о победе нельзя. Из немногих частей, сохранивших воинский дух, воинский порядок, большинство частей, части кавалерии, казачьи, артиллерийские, инженерные, они сохранили свою душу, но пехоты, господа, за сравнительно немногими исключениями, пока у нас нет. Но что же делать? Неужели признать себя побежденными и склонить свою голову перед гордым, настойчивым врагом? Безусловно, нет. (Крики справа: «Браво!» Аплодисменты правых и частью левых, переходящие в овацию. Все встают. Крики справа: «Стыдно, позор!»)

Господа, и можно и должно воскресить нашу душу, оживить наш организм, заставить нас вспомнить свой долг, одерживать победы и довести войну до победного конца. Это можно, эта цель достижима. (Возгласы справа: «И должно».) И для этого нужна, господа, прежде всего решимость Временного Правительства быстро, энергично провести все те меры, которые оздоровят наш пока больной организм. Из этих мер, конечно, нужно взять все то, что идет на пользу армии. Потом, когда перейдем на мирное положение, когда утихнут боевые выстрелы, проводите те законы, которые так близки, быть может, в настоящее время солдатским массам нашей армии. Но прежде всего перед всем должны главенствовать: польза, спасение и интересы нашей родины (аплодисменты справа, возгласы: «Верно!») — перед интересами отдельных людей. Раз зовут нас здесь к единению, раз зовут нас к тому, чтобы жертвовать всем, что у нас есть, то неужели же, господа, так трудно пожертвовать призрачным каким-то преимуществом — существованием организаций (смех слева) на некоторое только время. (Шум и крики слева.) Пока должен быть один, единый святой организм. (Аплодисменты справа. Крики: «Браво, правильно!»)

Господа, порядок и дисциплина — без них не может быть армии. Назовите дисциплину железной, назовите ее сознательной, назовите ее истинной и прочной дисциплиной, и основы этих дисциплин,— возьмите любую армию света,— совершенно одни и те же, меняются несколько только лишь формы приложения этих оснований к жизни. Вот этим только и нужно руководствоваться в выборе тех реформ, которые так жизненно необходимы для нашей армии. А за сим начальники — из солдат ли, офицеров, из высшего командного состава — не должны побояться спокойно, самоотверженно, но в то же время настойчиво провести веления Временного Правительства в жизнь, имея в виду, что только твердая и сильная армия даст отечеству победу и спасение. (Аплодисменты справа.) Кое что в этом направлении сделано. Мы отказались от слов и убеждений, так как даже в недрах армии сознали, что одними словами и убеждениями сделать ничего

нельзя. Но, господа, слово, великое слово, всегда останется в руках начальников могучим двигателем на великое дело человечества. Но этим злоупотреблять нельзя. В критическую минуту жизни, в критический момент боя бросьте это слово, и за этим словом двинутся массы. Но если эти массы приучены всегда к этому слову, они теряют к нему уже всякое уважение и всякую веру. (Возгласы справа: «Верно, правильно!») Восстановлена, господа, смертная казнь. С тяжелым чувством применена эта мера, но она была необходима. (Возгласы сверху: «Палач!». Шум слева.) Но сделайте так, чтобы к этой мере приходилось прибегать только тогда, когда нет другого исхода. Необходимо, чтобы эта мера сохраняла свое устрашающее действие, но чтобы были приняты другие воспитательные меры, относительно которых вчера и говорил верховный главнокомандующий. Только путем этих мер мы устраним тяжелую необходимость такого решительного средства, как казнь, и в то же время постепенно, шаг за шагом начнем перевоспитывать душу нашего воина. Я не буду утруждать вашего внимания повторением того, что сказал в числе этих мер генерал Корнилов. Я скажу только одно: что [нужны] меры, а не полумеры. Полумеры будут только расширять и углублять тот развал, которым полна наша армия. (Голоса: «Верно!» Аплодисменты.) Истинная воинская дисциплина для всех, носящих военный мундир, должна поглотить собою дисциплину партий и групп. (Аплодисменты.) А мы вчера видели, что партийная дисциплина съела дисциплину воинскую. (Аплодисменты. Голоса: «Верно!») Скорее нужно эти меры проводить. Каждый потерянный день, по выражению великого человека, смерти безвозвратной подобен. Нужно скорее проводить и потому, что мы близимся к неизбежной зимней кампании.

Один из предшествовавших ораторов охарактеризовал здесь хорошо, насколько тяжела будет эта кампания с войском, которое недостаточно проникнуто чувством воспитания. Господа, только в этом и именно в этом — спасение России! А когда это будет проведено, то исстрадавшаяся душа нашей родины, измучившаяся душа каждого из вас, граждане, со спокойствием взглянет на свою армию, ибо она почувствует, что дело спасения родины находится снова в твердых, честных, верных и храбрых руках. (Аплодисменты.) *)

Председатель. Слово принадлежит представителю флота капитану 2-го ранга Каллистову.

Каллистов. У меня слишком мало времени, чтобы сказать всю правду о флоте, но я должен с горечью и с сердечной болью, которую во мне, моряке, вы, может быть, поймете, начать с того, что в речах, выслушанных нами

---

*) *«В Русском Слове»*: Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Правая и часть центра встают со своих мест и провожают бывшего верховного главнокомандующего шумными рукоплесканиями.

12 августа, не только ничего не было сказано о положении флота, но даже и самое слово «флот» здесь, в Москве, перед лицом страны, никем и ни разу произнесено не было. И мне было бы слишком больно сделать отсюда логический вывод. Но как понимать эту фигуру умолчания? Значит ли это, что во флоте благополучно, значит ли это, что с флотом неладно? Так как нельзя допустить, чтобы Россия в этот грозный час была равнодушна к призванному защищать ее флоту, то я, мысленно поднимая над московским Государственным Совещанием развевающийся третье столетие на океанах и морях наш славный Андреевский флаг, я заявляю, что флот российский еще не упразднен, что с флотом Балтийским, как бы тяжко он ни был развален Кронштадтом, еще не пытался после рижского сражения помериться силами флот германский, что флот Черноморский как был, так и остался, хотя и он болеет, господином Черного, когда-то «Русского» моря, что флотилии Северного Ледовитого и Тихого океанов и другие наши флотилии несут свою службу России.

Я пришел сюда с палубы вверенного мне эскадренного миноносца «Пронзительный», проплававшего в Черном море, в боевых походах за эту войну около 85 тысяч миль или, по-вашему, почти 150 тысяч верст. Пусть хоть эти цифры убедят вас в том, что флот, как может, работает. Но пусть и другие мои слова убедят, что трудная вообще служба на море стала теперь неизмеримо труднее. Сюда, в Москву, мы пришли исцелиться, и я назову вам главные болезни флота.

Болезнь первая—приниженное, бесправное положение офицеров, чувствующих себя последними людьми в государстве. Находящийся в Америке адмирал Колчак, самое имя которого не может не тревожить нашу революционную совесть, адмирал Колчак, которого американская демократия (з в о н о к п р е д с е д а т е л я) за его заслуги в борьбе за свободу оценит, быть может, иначе, чем это сделали мы, — этот адмирал Колчак говорил, а за ним повторю и я, что не матросы, наши доблестные боевые товарищи, виноваты в этой болезни, а виноваты те, кто до последних дней систематически проводил взгляд на офицеров, как на институт, только терпимый, как на неизбежное досадное зло в структуре свободного государства, как на людей, которым место только на запятках революции. И о пятнадцати флотских офицерах-декабристах, десятки лет томившихся в сибирской каторге, и о казненном лейтенанте Суханове, и о расстрелянном лейтенанте Шмидте, и о повешенном лейтенанте Никитенко они, эти гасители народного духа, матросам не говорили...

Болезнь вторая — понижение работоспособности, замечающееся среди значительной части и матросов, и портовых рабочих, и отчасти офицеров, как непреодолимое отражение общей российской разрухи, как результат слишком нервной политической жизни страны.

Болезнь третья — отрицательные последствия недавно проведенного, в порядке импровизации, упразднения во флоте корпуса кондукторов и сверхсрочно-

служащих. Это упразднение, лишив флот целых тысяч опытных техников по всем специальностям, обслуживавших в большинстве наиболее хрупкие, наиболее сложные механизмы, обошедшиеся трудовому народу в сотни миллионов рублей, грозит и, увы, уже начинает сказываться понижением материальной исправности и, следовательно, боеспособности флота. Если рецептом от понижения работоспособности может служить укрепление центральной власти и подъем духа во всей стране, то для лечения третьей болезни необходимы не принятые уже робкие полумеры, а скорейшее возвращение во флот на лучших условиях всех выброшенных за борт достойных работников.

Еще одно последнее слово. Когда я уезжал на Государственное Совещание, матросы и офицеры моего миноносца поручили мне поставить свечу у иконы Иверской божией матери, и это поручение исполнено. Мы знаем, что от свечки когда-то Москва сгорела. Дай бог, чтобы от свечи, зажженной в Москве черноморцами, разгорелось яркое пламя и чтобы в этом пламени сгорело все, что губит Россию.

Председатель. От Петроградского Совета офицерских депутатов Вржосек [82]).

Вржосек. Граждане, я буду говорить от Петроградского Совета, который идет в полном контакте вместе с Московским Исполнительным Комитетом и Советом его. Мне поручено в данном случае осветить только общие вопросы: о более частных, касающихся армий, будет говорить мой товарищ, представитель Московского Комитета.

Граждане, я должен сказать, что я говорю от того офицерства, которое с самого начала революции почувствовало, что между ним и демократической частью русского общества нет противоречий. (Аплодисменты.) Я вам скажу, что с чрезвычайной болью мы останавливаемся на том недоразумении, которое заставляет говорить здесь одних, что они хотят спасти родину, а других, что они хотят спасти революцию, и думают, что они противоречат друг другу. Нет, товарищи и братья, я считаю, что в данном вопросе противоречий нет, потому что невозможно спасти революцию, если не спасешь родину (аплодисменты), потому что не будет того вместилища, где бы гнездилась эта революция. Я скажу: верно говорят нам, что и униженную родину мы будем любить, да мы и любили ее такою. Но неужели тот, кто знал ее униженной, кто боролся за ее свободу, не скажет, что мы именно из любви к ней не хотим видеть ее бедной, нищей. Мы хотим видеть ее свободной, и поэтому нам надо спасти революцию. (Крики: «Правильно!» Аплодисменты.) Товарищи и граждане! Я прошу вас иметь в виду, что никакой партийности в деятельности нашего совета никогда не было, но для спасения родины и революции мы считаем, что надо совершенно отчетливо поставить задачи революции и на этих задачах, которых мы насчитываем только три, сосредоточить все свое внимание и все свои силы, чтобы не отвлекаться по сто-

ронам и чтобы не давать нашему народу такой задачи, которой он фактически вынести не может. Мы считаем и считали, что первая задача революции, это — справиться с внешним врагом так, как это достойно свободного народа, который смог завоевать свою свободу и должен завоевать полную возможность справиться и с внешним врагом. (Аплодисменты.) Мы считали второй задачей борьбу с той экономической разрухой, с разрухой питания, продовольствия, которая теперь грозит, как древний сфинкс, поглотить все наше государство. Невозможно удержать голодный народ от полосы анархии, и если голод надвигается, бесплодны будут мечты о спасении родины и революции. И затем третья задача: надо было созвать, и к этому надо стремиться, как к наиболее ясной и тяжелой задаче, Учредительное Собрание, которое будет полноправным хозяином, державным хозяином земли русской. Оно должно быть правильно организовано, и к нему и надо приготовиться. Надо помнить, что перед нами стоят колоссальные задачи. Надо передать народу землю, а для этого надо много знаний, надо много подобрать материалов, чтобы будущие законодатели не терпели никаких замедлений в своей работе. Возьмите национальный вопрос: это — тоже проблема громаднейшей важности. И вот почему мы считали, что всякие остальные вопросы могут приходить сюда только постольку, поскольку они с этими тремя историческим моментом поставленными вопросами соприкасаются. Прав ли был министр-председатель, когда в одном из заседаний правительства сказал: «Законодательствовать теперь нельзя, надо дело делать». Да, это—дело, которое необходимо непосредственно сейчас, потому что иначе есть опасность, что Учредительное Собрание никогда не будет законодательствовать. И вот, товарищи, я прошу вас обратить внимание на следующие мои слова и будьте уверены, что я говорю их не потому, что в меня закралась какая-то контрреволюция, а потому, что я пришел сюда для того, чтобы сказать всю правду. Я скажу вам, что те ошибки, в которых так великодушно признавались и представитель центрального земельного комитета, и представитель другого комитета тов. Церетели, которые с рыцарской откровенностью сказали: да, были ошибки, но о них надо теперь забыть, потому что были ошибки, но были и героические усилия закрыть раны, ими нанесенные». И теперь не время помнить об этих ошибках. Но те ошибки, которые сохраняют еще действенную силу, которые могут подорвать силу нашей армии и силу нашей страны, товарищи, их надо избегать. И я считаю действительной ошибкой то, что мы задали армии, задали простым людям, широким массам сразу две задачи: с одной стороны, мы говорим: боритесь до полного конца, вы должны победить во имя свободной родины, а с другой стороны, мы нашему пролетариату, нашей армии, стране, наиболее бедной духовными и материальными силами, задаем такую колоссальную задачу, которую не может взять на себя ни один пролетариат мира. И если вы, с одной стороны, говорите: «боритесь», с другой стороны, указываете на Стокгольм

и говорите: «ждите оттуда мира», разве вы не понимаете, какую драму создаете вы в душе человека, как вы разрываете ее на две части? (Аплодисменты. Возгласы: «Правильно!») Мы, теоретики, мы, люди научной мысли, конечно, сумеем примирить противоречия и в этих изгибах не потеряться. Но неужели вы думаете, что широкие народные массы не ждут детски-просто вести мира, как совершенно определенного указания оттуда. И разве вы думаете, что так легко стоять перед смертью? Если начальники отказываются положить солдата в цепи, потому что непосильных, нечеловеческих усилий требуется от него, чтобы потом встать, чтобы итти прямо на смерть, потому что это слишком трудно и нечеловеческим ужасом наполняется душа,—так разве можно в то же самое время его смущать мыслью о мире и говорить: ты должен думать одновременно и о борьбе, и о мире? (Аплодисменты.) Это, товарищи, психологически невозможно, и я боюсь, что когда так понимают разговор о мире, — а я знаю, что в армии существует такое понимание, — ибо они ждут, что в Стокгольме им дадут мир, и когда я в то же время знаю, что дал воинствующий германский империализм Германии не одной только буржуазии, но всему народу, то я знаю, почему вы протянутую руку до сих пор видели висящей в воздухе. И если это так, то надо бояться той страшной опасности, которая нахлынет на нас, когда эта надежда на мир не оправдается. Я желаю, чтобы вечный мир настал. И нет такого русского офицера, который не желал бы, потому что мы ведь не заражены германским империализмом или германским милитаризмом, — нет офицера, который не желал бы вечного мира, потому что это счастье народов, потому что это счастье родины. Надо помнить это, надо думать о том, как мы поступим тогда, когда Стокгольмская конференция провалится. Надо к этому быть готовыми, потому что мы, быть может, увидим тогда такие ужасы, перед которыми побледнеют все перенесенные опасности. Теперь, к чему же мы призываем вас? К самоограничению не только личных и классовых интересов, но и к самоограничению в постановке задач революции. Я счастлив отметить, что верховный главнокомандующий сказал, что офицеры не только показали пример, как надо умирать, — они показали пример, как надо самоограничиваться: голоса о наших нуждах вы до сих пор не слышали. И я вам говорю: вы его не услышите. Я зову вас к самоограничению и в постановке задач. Этого властно требует государственный разум. Если мы не ограничимся, не напряжем всех сил в полном единении всех демократических слоев для разрешения этих задач, мы не сможем спасти родину. Я приветствую то заявление, которое сделал тов. Церетели, и приветствую прежде всего совершенно открытую определенную позицию по отношению к войне, по отношению к трудовой повинности. Я приветствую также и то самоограничение, которое было им высказано: теперь есть государственные учреждения, основанные на демократическом представительстве, и роль Советов в их компетенции падает. Советы остаются для организации трудовых масс, но в государственном управлении вся полнота власти предостав-

ляется правительству. Только в единении и полном забвении обид друг другу мы можем искать спасения родины и, конечно, это единение должно быть образовано вокруг единого, мощного и полновластного правительства. (Аплодисменты.)

Председатель. Слово принадлежит представителю Совета союза офицерских депутатов Друцкому.

Друцкой. Московский Совет офицерских депутатов присоединяется к только что изложенным взглядам Петроградского Совета офицерских депутатов и считает нужным высказать следующие положения. Прежде всего, Совет полагает, что армия, как таковая, не может и не должна иметь своей особой обособленной политики. Государственная политика есть проявление воли народа. Выразителем этой воли является облеченное народным доверием правительство. Оно ведает политикой. Политика армии: это — воля ее вождя, воля народного военного министра, пользующегося народным доверием. (Аплодисменты.) Вне этого пути армия становится на путь, ведущий или могущий привести к военной диктатуре, а военная диктатура есть прежде всего гибель армии, а затем и гибель родины и ее свободы. ([Возгласы]: * «Правильно!» Аплодисменты.) Во имя воссоздания боеспособности армии, установления и поднятия авторитета командного состава Московский Совет офицерских депутатов признает необходимым в возможно спешном порядке точно, путем закона, и исчерпывающе определить права и компетенцию всех войсковых организаций и институтов, с точным установлением их деятельности в области административно-хозяйственной и просветительной. Но само собой разумеется, что Совет офицерских депутатов, кроме того и первее всего, останавливается на вопросе о необходимости укрепления и установления воинской дисциплины. С этого в армии надо начинать, ибо дисциплина есть основа существования армии. Но здесь необходимо подчеркнуть, что самое понятие о воинской дисциплине в армии в настоящее время, да и в прошлом, недостаточно ясно. Я позволю себе, как старый офицер и как профессор, имеющий сотни учеников-офицеров разных чинов, утверждать, что среди армии нет ясного и точного понятия о воинской дисциплине, единственно возможной во все времена и при всех формах правления, дисциплине в смысле воспитания духа. Мы должны помнить, что армия без дисциплины это есть дорого стоящая, вооруженная, чрезвычайно опасная для государства толпа. (Возгласы: «Правильно, верно!» Аплодисменты.) Мы считаем необходимым решительно протестовать против возмутительного, я скажу, прямо преступного обвинения офицерства в контрреволюционности. Я утверждаю, что это обвинение, во-первых, преступно морально, потому что это клевета (возгласы: «Правильно!»), преступно политически, потому что сеет рознь между офицерами и нашими братьями-солдатами.

---

*) *В «Русском Слове»:* Возгласы слева.

(Аплодисменты.) Не мученикам-героям, оскорбляемым, гонимым, убиваемым своими и умирающим за родину, за вас, бросать такие обвинения. ([Возгласы]: «Верно!» Аплодисменты.) Наш символ веры выражен в прекрасных, бесспорных и ясных словах нашего высшего начальника военного министра, министра-председателя: «Нет свободы без родины и любви к ней, и нет родины без свободы». (Аплодисменты.) Мы все — верные сыны матери-родины, истекающей слезами и кровью. Не будем спорить о том, кто раньше ей поможет. Все с благоговением, как один человек, кто хочет и кто может, утрем ей слезы и перевяжем ей раны. Это наш долг, это единственный смысл нашего существования.

Председатель. Представитель армейских и фронтовых комитетов. Кучин. (Аплодисменты.)

Кучин. Товарищи, граждане... (Голос с места: «Да здравствует революционная армия, ура!» Аплодисменты слева. Голос: «Позор вам!» Голос: «А, вы умеете сидеть, когда кричат: да здравствует армия?!» Шум.) Товарищи, граждане, у нас чрезвычайно...

Председатель. Прошу собрание сохранять тишину. Все собравшиеся одинаково приветствовали и приветствуют армию. Вместе с тем обе стороны, которые здесь находятся, одна встает, когда не встает другая, и наоборот, думая этим самым подчеркнуть свой большой патриотизм. Я думаю, что это совершенно неправильно и не отвечает нашему настроению, и просил бы в отношении армии, в особенности и вас ([обращаясь] направо), и вас ([обращаясь] налево) сохранять должное уважение и не вносить сюда личных партийных столкновений. ([Возгласы]: «Браво!» Аплодисменты всего зала.)

Кучин. Граждане. Я имею честь выступать перед Государственным Совещанием по полномочию фронтовой группы Государственного Совещания. Мы выступаем здесь от имени всех армейских и фронтовых комитетов всей действующей армии. Мы выступаем здесь, граждане, от имени тех широких масс солдат и офицеров, которые своей грудью защищают от Рижского залива до Черного моря страну и революцию. В первый раз широкие миллионные массы солдат и офицеров, в первый раз организованные солдаты и офицеры армии имеют возможность говорить перед всеми слоями, перед всеми классами Российской республики, перед всей страной. Мы считаем, товарищи, что наш голос имеет, несомненно, большое значение. Вы, товарищи и граждане, должны прислушаться к голосу всей армии, той армии, которая сейчас живет такой мучительной и сложной жизнью и от возрождения которой зависит спасение страны, спасение свободы, спасение всего существования государства. Вопрос об армии стал кардинальным вопросом нынешнего момента, и в этом вопросе необходимо разобраться. Здесь мы имеем, действительно, своих врагов и своих друзей. Еще больше мы имеем людей, которые... (Шум, голоса: «У армии нет врагов!» «Возьмите свои слова обратно!»)

Председатель. Позвольте, я свидетельствую, как председатель, что в настоящем зале есть разномыслящие, но нет элементов, враждебно настроенных к русской армии. (Аплодисменты.)

Кучин. Я счастлив, что здесь, в Государственном Совещании, нет врагов армейских комитетов. (Аплодисменты левой. Звонок председателя.)

Председатель. Я решительно предлагаю дать возможность представителям армейских комитетов высказаться так же спокойно, свободно и до конца, как было предоставлено представителям офицерского корпуса. (Аплодисменты левой.)

Кучин. Граждане. У нас чрезвычайно мало времени, и я просил бы вас не прерывать так часто мое выступление, чрезвычайно ответственное, которое я делаю по полномочию всех армейских и фронтовых комитетов. ([Возглас]: «Вы будьте осторожны в выражениях!»)

Вопрос об армии стал вопросом об организации армии и о мерах к спасению и возрождению армии. Для того, чтобы понять нынешнее состояние армии и те меры спасения, которые рекомендуются с разных сторон, необходимо знать, в каком состоянии армия встретила революционный переворот. Здесь мы, граждане, имели авторитетное указание в лице министра-председателя, что старый режим нам дал неподготовленный командный состав. Мы также здесь имели авторитетное указание бывшего военного министра А. И. Гучкова, который указал, что бездарность командования была одним из проявлений старого режима в армии, и мы знаем, что эта армия была больна. Мы знаем, что те бесчисленные жертвы, те героические жертвы, которые русский народ дал во имя защиты страны на полях первого года сражения, что эти жертвы, затем встретившие сухомлиновский режим, имея перед собою весь тот гнет, который установился в армии, все то предательство в армии, которое в солдатской массе убивало настроение, — что все эти жертвы в сознании солдатской массы казались несчетными. Мы знаем, что армия была больна, что известный процесс разложения шел в армии к моменту начала революции. Мы знаем, кто жил близко к солдатской массе, что глухое и темное брожение шло в широких глубинах и недрах армии дореволюционного периода. Мы знаем, что из теплушек, из трамвайных вагонов, из далеких темных землянок часто раздавались слова, указывавшие на озлобленное, темное, неясное настроение, которое иногда заставляло пугаться многого. Мы знаем это, и мы знаем, что рознь между солдатской массой и офицерами была до революционного времени, и мы знаем, что чувство озлобления, с которым сейчас еще приходится бороться лучшим представителям армии в лице армейских комитетов, это чувство озлобления было принесено солдатами в первые же дни революционного периода. Мы знаем это, граждане,—мы все, кто близко жил в солдатской массе. И мы знаем, как

в последнее время, до революции, увеличились репрессии вместе с ростом разложения в армии. Мы слышали во время сражения далекие выстрелы позади. Это были выстрелы расстрелов. И мы знаем, как часто применялись плети и розги; но многие не знают, какую бурю негодования [они] вызывали в солдатской массе, которая уже устала к тому времени и которая мечтала о далеком мире и тайно переживала чувство озлобления. Мы знаем, какую бурю вызывал этот тяжелый режим в армии, и когда совершился революционный переворот, армия приняла участие в этом революционном перевороте, и это признали все те, которые говорят сейчас, что в армии не должно быть политики. Сам председатель Государственной Думы Родзянко пользовался войсками и призывал их и встречал их, как носителей революционного переворота. А кто же приезжал в армию, как не Щепкин, кто же говорил солдатам: «вы имеете право на бунт»? И так наивно представлять себе, что армия, которая силою вещей, ходом всех событий приняла активную роль в развитии этих событий, чтобы эта армия могла не жить политической жизнью. И вот теперь начинают объяснять целый ряд явлений в армии, которые связаны с этой политической жизнью. Новое участие армии в государственном перевороте начинают объяснять целым рядом совершенно побочных обстоятельств. «Приказ № 1. Да он никакого значения не играл в армии! (Ш у м.) Я утверждаю, что кавказской армии он не был известен в тот момент, когда начали создаваться там комитеты. Мы утверждаем, что комитеты явились стихийным процессом в тот момент, когда старый порядок в армии рушился и не было ничего нового. Комитеты явились проявлением инстинкта самосохранения массы, мудрого инстинкта сознания представителей масс, которые знали, что им придется в чрезвычайно трудных условиях создавать новый быт армии, в чрезвычайно трудных условиях, так как пред ними была масса, только что вырвавшаяся из состояния рабства. Вот в таких условиях создавались комитеты.

Что сделали комитеты? — спрашивают здесь. Здесь указывают на целый ряд явлений разложения. Указывают, что морального подъема нет, что дисциплина пала и т. д., и т. д., и что в этом виноваты комитеты. Нет, мы утверждаем, что если бы в первые дни революции в армии не были созданы эти организации солдатской массы, эти организации, объединявшие солдат и офицеров, то мы не знаем, что было бы в армии, которая в страшно трудной обстановке освобождалась под выстрелами врага от рокового гнета. (А п л о д и с м е н т ы.) Что сделали комитеты с первого дня революции? Они произвели огромную работу организации массы, и если взять эту работу, если принять во внимание целый ряд столкновений, когда командный состав переживал, несомненно, мучительные минуты в этой сложной работе переработки всего устаревшего, когда многие представители отдельных комитетов не знали, может быть, тех пределов, в которых они работали, то это — внешность, это мелочь. За этой мелочью, за этой внешностью нужно видеть сущность всей работы комитетов. Мы знаем, что вся огромная жизнь армии

лежала перед комитетами. Мы знаем, если вы видели солдата в первые дни революции, мы знаем, с какой стихийной потребностью он шел и чувствовал, что ему нужно говорить, нужно организоваться. У него ничего не было. Ему нужно было давать то, чего он не знал. Это давали комитеты. Кто же первый, граждане, стал на защиту необходимости нормальных отношений солдат с офицерами? Комитеты.

Я утверждаю это про XII армию, представителем которой я являюсь. Это же мы знаем и про Петроград в первые дни революции. И там пришли к убеждению, что нужно установить нормальные отношения солдат с офицерами. Это говорил Петроградский Совет Р. и С. Д. в тот момент, когда могла вылиться в чрезвычайно тяжелую форму вековая озлобленность и угнетенность измученных солдат. Не забывайте этого, граждане! Мы знаем и утверждаем, что эта работа по приведению в нормальное состояние отношений между солдатами и офицерами велась, может быть, безнадежно велась, но с первых дней революции всеми солдатскими организациями.

Затем возникал целый ряд чрезвычайно важных вопросов. Комитеты должны были создаваться, как органы защиты прав солдат, так как раньше было только одно угнетение. Сейчас солдат стал свободен, и необходимо определенными усилиями и определенными органами защищать права солдат. Комитеты в этой плоскости тоже работали. И я не знаю, что было бы, если бы не принимали в этом участия комитеты. Дальше целый ряд вопросов возник в армии, и мы знаем, что комитеты сыграли в них огромную роль. Мы знаем, что не было ни одного комитета из ответственных представителей солдатских и офицерских масс, которые в своей деятельности не пришли бы на защиту прав солдат, которые не приняли бы участия в борьбе с разлагающим братанием. Мы знаем, что солдатская масса в широких размерах начала итти на это братание с понятным стремлением, [веря], что человек освободился, что он не хочет воевать, не хочет завоевывать других: «давайте поговорим с теми, которые сидят по ту сторону германской проволоки...» Здесь комитеты произвели огромную работу. Если сейчас нет братания в армии, то эту роль, несомненно, сыграли армейские комитеты. (А п л о д и с м е н т ы.)

Революция, граждане, не игрушка. Если она была мучительной в армии, если целый ряд конфликтов был в армии, то это потому, что это — революция. Вы понимаете, что огромная масса освободилась от рокового гнета. Что хотите вы от них, — чтобы они вели себя, как благоразумные, как благонамеренные граждане? Нет, они во многих случаях проявили незаконно, может быть позорно, свой гнев. Но что было бы, если бы не было комитетов? При комитетах создают примирительные комиссии, и те конфликты, которые в отдельных случаях могли бы иметь печальные результаты, проходили через организованное русло солдатских организаций. Здесь огромную роль сыграли армейские комитеты. Я считаю, что если сейчас в отдельных армиях мы переживаем период отсутствия антагонизма между солдатами и офицерами, то мы знаем, что в этом по существу закономерном и сти-

хийном процессе главное место занимает работа армейских комитетов. Но вот, граждане, наступил второй период, период разложения и дезорганизации армии. Вот в этот второй период видят какие-то посторонние влияния, здесь видят влияние выборных коллективов, здесь видят влияние чуждых, безответственных настроений и стремлений. Нет, граждане, необходимо понимать этот процесс, как стихийный процесс революции. Первый период революции прошел, как сознательная деятельность некоторых элементов солдатской массы, за которыми слепо и радостно шла солдатская масса. Во второй период эти тылы начинают выступать на сцену, и здесь прошел мучительный процесс в глубинах народной жизни. Эта солдатская масса обрадовалась революции, как скорому приходу мира. Этот вопрос родился еще раньше в солдатской массе, и задача революционной демократии была достойной задачей. Она эту стихийную потребность мира влила в русло международной борьбы за мир. Если не всегда удавалось эту идею воплотить в сознание широких масс, то эту работу, стихийное, темное стремление к миру, армейские комитеты производили, когда укрепляли идею энергичной обороны страны и говорили, что мир можно достигнуть только энергичной борьбой в международном масштабе. (А п л о д и с м е н т ы.) И здесь начался мучительный период разложения армии. Мы это все знаем, и знаем больше всего это мы, потому что мы были около масс в этот тяжелый момент. Мы пережили с этой массой все, что она пережила.

Этот период разложения, граждане, нужно особенно внимательно понять, чтобы сейчас говорить о том, что нужно делать в армии. Здесь, я повторяю, выступила на сцену тыловая сознательность. Эта тыловая сознательность верила в революцию, как скорый приход осуществления всех надежд, всех потребностей и чаяний солдатских масс, и эта тыловая сознательность начала разочаровываться, она начала самостоятельно переваривать всю ту огромную массу вопросов, которые в их мозг, в их жизнь выкинула революция, и они не были в состоянии переварить этого. Это вина всего, что произошло, это вина не людей и организаций, это беда российской революции, которая произошла в момент мировой войны и задыхалась в этой ужасной войне. Посмотрим на это. Нужно понять эти массы, которые выходили на сцену сознательной жизни, которые не могли справиться со всеми этими вопросами, с которыми они хотели справиться. И, естественно, началось разочарование в революции, которая не дала всего, что они хотели. Революция шла к дезорганизаторским настроениям. Если мы будем говорить о большевизме, мы будем говорить о нем, как об определенном кристалле, вокруг которого собрались эти дезорганизованные настроения масс. Не большевизм самостоятельно родил то ужасное, что было в армии, не большевизм безответственный, но большевизм жандармский, потому что жандармы и городовые вступали в армию под лозунгами большевизма и были тем ферментом, который разлагал те настроения, которые создавались в армии, и те положения, которые были там. И в этот момент мы видим

перед собою не взбунтовавшихся рабов, а эту тоскующую, ищущую бесплодно пути к своему возрождению массу, но не могущую найти.

И здесь с этой массой мы пережили [все это]. Вы думаете, что мы равнодушны к этому разложению, когда мы вместе с вами не аплодируем всем тем мерам железа и крови. Мы эти меры не принимаем, но не исключительно потому, что не ими одними можно разрешить вопрос о выздоровлении армии. Мы не аплодируем вместе с вами и вот почему,—потому что мы ведь, мы жили там с этой массой, ведь это нас вы не можете упрекнуть в равнодушии к тем ужасам в армии, о которых говорили, ведь это мы были под Тарнополем, это наших представителей убивали и избивали, это Романенко убили, Соколова избили, это наших двух представителей избила до полусмерти разъяренная толпа солдат, и все-таки мы вместе с вами не аплодируем. Это не взбунтовавшиеся рабы, которых можно покорностью заставить жить, как нужно жить. Мы знаем, что это масса темных людей, с которыми нужно иначе обращаться, помимо мер респрессивных. (Аплодисменты.) Граждане, это наших представителей избивали. Они вместе с этой массой умирали, и мы никогда не забудем представителей армейского комитета XII армии, члена президиума товарища Гуревича, который погиб за германской проволокой под Двинском, совершенно добровольно туда отправившись, помимо воли армейского комитета.

Произошел крах наступления. Начинается новый период в армии, и этот период характеризуется разнообразными настроениями. Здесь начинается в армии какое-то спокойствие, несомненный перелом, несомненная реакция против всего, что пережили массы, всего того тяжелого и отрицательного, с которым, может быть, бесплодно боролись армейские комитеты. И нужно сказать, что в этот предыдущий период армейские комитеты боролись и знали, что их работа необходима. Целый ряд представителей командного состава на местах всегда обращался к армейским комитетам, потому что они знали, что эти армейские, дивизионные и полковые комитеты есть та единственная организация, которая может спасти.

И сейчас то настроение, которое имеется в массах, это настроение характеризуется разнообразными чертами. Несомненный перелом есть, есть несомненное спокойствие, но, граждане, есть и другое, — есть чувство какого-то разочарования, и этого чувства мы тоже чрезвычайно боимся. И вот в этот момент нам необходимо перестраивать жизнь армии, в этот момент, когда еще не произошло разложения армии, нужно решительными мерами оздоровить армию, потому что от оздоровления армии зависит спасение страны. В этот момент создается та обстановка, которой мы боимся и которая нас обеспокоила. Эта обстановка датирована 4 июля. Это там произошел погром рядов демократии и там была приоткрыта дверь контрреволюции. И здесь в этот момент произошел другой перелом в армии, здесь мы почувствовали себя совершенно в иной обстановке. Здесь изме-

нились отношения многих представителей командного состава, и мы знаем целый ряд выступлений и запрещений, которые шли в разрез, несомненно, с потребностями жизни. Было запрещено междуфронтовое совещание представителей всех армейских и фронтовых комитетов, мы знаем, что также был разослан фронтовый приказ об отозвании всех представителей армии из общественных и правительственных учреждений, мы знаем, что в отдельных армиях были изданы приказы о том, чтобы предать суду тот суд, который неправильно судит. Мы знаем, что был издан приказ о роспуске того или иного дивизионного комитета. Я не могу перегружать вашего внимания всеми этими мелкими фактами, но я хочу указать на то, что создалась определенная обстановка, при которой меры репрессии начинали проводиться не в том направлении, в котором нужно, и мы чувствовали чрезвычайные затруднения в этом. Мы не можем не указать, что здесь вопрос о репрессиях и вопрос о комитетах становится в первую голову. Мы знаем этот новый вопрос о выздоровлении армии, — вопрос о комитетах становится в первую голову.

Почему-то в вопросе о комитетах сейчас столкнулись самые разнообразные мнения, и я хочу указать на то, что одними репрессивными мерами нельзя сейчас оздоровить армию. Мы не отказываемся от репрессивных мер и от мер воздействия, о принуждении в случаях непосредственных и преступных выступлений масс и отдельных представителей, но мы никогда не можем согласиться на лечение армии этими репрессивными мерами, потому что есть одно, чего нельзя забывать. Есть одно: это — солдатская масса и ее внутренняя жизнь. Потому что, если вы будете проводить исключительно репрессивные меры, ту систему, которая здесь предлагалась отдельными представителями командного состава, то увидите одно явление: вы увидите внешнюю покорность, вы увидите мнимую молчаливую покорность, которая создаст измену в самый ответственный момент. Нельзя забывать, что эта масса не взбунтовавшихся рабов. Армию никогда не знали. Армию представляли, как армию милых солдатиков, а теперь хотят представить, как армию хулиганов. Это неверно. Кроме тех ужасов хулиганских выступлений, которые знали поля последнего отступления в Галиции и о которых говорилось, мы знаем другую армию, которая живет определенной жизнью в широкой своей массе, жизнью, которую многие не знают, но которую нужно знать, чтобы решить вопрос, как бороться за оздоровление армии. И эта жизнь говорит нам многое. Если вы репрессивными мерами хотите оздоровить армию, то вы увидите, как солдат будет уходить от революции и в ней разочаровываться. Это страшное явление, потому что это упадок духа, и в этом упадке духа [вы] не найдете активного энтузиазма, который только и может спасти армию.

И здесь мы переходим к следующему явлению. Может быть, для тех, кто предлагает репрессивные меры, не ценность, что завоевал солдат свободу и его связь с революционным народом и с теми потребностями, которые выставляются, как

программа Временного Правительства. Но для солдата это ценность огромная. И этим потребностям и этим его надеждам о завоеванной свободе нет цены, потому что они для него бесценны и дороги, как чаяния всей его жизни. Мы знаем, граждане, что если вы сейчас будете проводить исключительно репрессивные меры, то солдат почувствует, что его обходят с разных сторон, что его начинают обходить и что ему ничего не дают. И если сейчас здесь предлагают улучшить материальное обеспечение офицеров, которые, действительно, может быть, мало получают, если сейчас говорят о восстановлении дисциплинарной власти начальников, то солдат почувствует, что это противосолдатская политика, и с этим нужно чрезвычайно осторожно обращаться. Эта противосолдатская политика оздоровления широких масс, мы это утверждаем, как бы [она] не заставила разочароваться многих. Мы хотим и мы выставляем определенную положительную программу. Мы повторяем: мы не отказываемся от мер революционного воздействия, и мы начали проводить эти меры в жизнь. Мы самочинно создали революционные трибуналы и судили дезорганизаторов и преступников, и только при нашем участии возможно было проводить те или иные меры против уголовных преступников, потому что без нас в среде армии, без армейских комитетов, командный состав и сейчас может встретить только тот отпор, который нежелателен. И в этот момент, я говорю, что эти репрессивные меры должны сочетаться с определенной работой армейских организаций и всех организаций солдатских, которые признаны всем командным составом на местах. Мы знаем целый ряд примеров признания этой необходимости: сам генерал Корнилов, командующий VIII армией, одним приказом создал при себе боевые комиссии в момент наступления. И мы утверждаем, что не может быть никакой речи об ограничении компетенции армейских и солдатских комитетов, не потому, что у нас самолюбие или любовь к своим организациям, а потому, что мы ставим вопрос о создании боеспособной армии.

Мы утверждаем, что в армии осталось много старого, о чем говорил здесь А. И. Гучков. Осталось много неспособного, много тяжелого. И здесь без армейских организаций нельзя ничего сделать. Сам командный состав признает это. И огромная работа снабжения, централизация снабжения, которая получила утверждение в ставке, все это, граждане, свидетельствует о том, что не только внутренний быт, не только контроль над хозяйством, не только культурно-просветительная работа, но и участие во многих областях жизни армии, совершенно не покушаясь на полную самостоятельность боевой, строевой и оперативной работы командного состава, должно быть предоставлено армейским организациям. И здесь мы хотим сказать, что здесь вопрос стоит так. Не о постоянной форме жизни армии я вам говорю. Нет. Мы переживаем еще революционный период. Если депутат Маклаков говорит, что комитеты были понятны в определенный период, то мы утверждаем, что в этот период они еще более понятны. Может быть, в постоянной армии не будет таких организаций, которые сейчас имеются в армии, но сейчас

армия является армией, переживающей революционный перелом, переворот. И в этот момент комитеты необходимы. Комитеты сейчас ведут активную работу поднятия авторитета командного состава. Если вы их ограничите или уничтожите, то и командный состав пострадает. И это будет только на вред армии. Нет никаких посягательств на те или иные функции командного состава в этом. И если были отдельные случаи, то за этими случаями нельзя не видеть существа демократических комитетов. Сейчас на местах налаживается работа комитетов с командным составом. Но, я говорю, определенные группы нам мешают. Когда, например, мы, получая «Вестник офицеров армии и флота», в этом «Вестнике» читаем, что необходимо установление дисциплинарной власти начальников, и затем там определенным образом говорится о безответственных коллегиальных учреждениях,—и я утверждаю, что такие выступления офицеров армии и флота разбивают нашу работу поднятия авторитета командного состава, и это мы видели на местах. (Бурные и шумные аплодисменты.)

В этот момент издается в ставке приказ, который предоставляет внутреннюю жизнь на собственное усмотрение [83]. Мы указываем, что эти выступления сейчас идут в разрез с задачами оздоровления армии. Мы не можем не указать еще на следующее явление, которое в общем ряде стремлений создать обстановку для репрессивных мер мешает общей нашей работе командных составов и армейских организаций. Вопрос о Риге. Мы все прочли интервью генерала Лукомского во всех газетах, где говорится, что положение наше тяжелое: если союзники не помогут, то Рига будет сдана. Но я спрошу, с каких пор высший командный состав, который всегда во имя обеспечения спокойствия общественного мнения, всегда, до некоторой степени, всегда прикрывал мрачную действительность, почему теперь эти мрачные краски, которые не соответствуют действительности...*). Я это утверждаю, граждане. (Аплодисменты слева. Крики: «Позор!»)

Граждане. Мы все прочли в газетах опубликованное по соглашению с командующим XII армией сообщение от исполнительного комитета XII армии, где говорится о действительном положении под Ригой [84], и мы вынуждены были сделать это потому, что всюду, и в Петрограде, и в Риге, мы встретили панику, и я говорю, что эта паника была вредна для оздоровления армии. (Аплодисменты слева и смех.)

Я не могу не указать еще на одно явление в подтверждение репрессивных мер. Здесь говорилось, что 54-й Сибирский полк... (Пуришкевич с места: 56-й — неправда!») Я утверждаю, что это бежал 54-й полк, и я сам принимал участие, как председатель комитета, в тех мерах, которые были приняты против этого полка. Три роты этого полка ушли из сторожевого охранения по приказу командного состава, но затем, когда им было приказано итти вперед и занять

---

*) *Так в подлинникe.*

прежнее положение, они отказались, и тогда, в согласии с командующим армией, было принято решение обезоружить и произвести расследование этого случая. Это обезоружение было произведено мною, как председателем комитета и комиссаром Временного Правительства, и никакого приказа об истреблении этого полка с тем, чтобы он потом пошел на позиции, не получалось *). (Шум.) Вот та обстановка репрессивных мер, которая была здесь указана. Я хочу указать, граждане, что вся эта обстановка говорит определенным образом, что отдельные репрессивные меры не могли быть нами приняты. Мы потеряли солдата, ту душу, о которой так хорошо говорил генерал Алексеев. Нужно разбудить душу солдата; если вы в нем убьете все чаяния и надежды заветные, которые в нем созданы революцией и освобождением его как гражданина и солдата *). Вот что мы хотели сказать.

Дальше в своей декларации, которая будет оглашена, мы укажем вам на значение комиссариата,—мы понимаем его пользу и комитетов революционной эпохи,—этот институт, конечно, несомненно, нам нужен, как проводник политики Временного Правительства, революционного правительства. Разграничение компетенции и установление границ в особенности необходимо, но нужно отказаться от подавления и ограничения армейских организаций, которые сейчас более, чем когда бы то ни было, по приказу командного состава на местах являются работниками в деле объединения армии и поднятия авторитета всего офицерского и командного состава.

Я хочу указать еще на одно обстоятельство, еще на один фактор, который необходимо должен существовать в армии. Это — связь армии со страной, с общей политикой страны. Армия, это — больное, чуткое тело, и все, что происходит в стране, отражается в армии. И хорошая политика страны необходима для армии. Но если здесь будет погублена такая политика, то и армия погибнет в своем самосознании. И мне хочется здесь указать, что фронтовые группы тесно связаны, как представители многомиллионной массы организованных солдат и офицеров, связаны с революционной демократией всего русского народа. (Возгласы: «Браво!» Аплодисменты слева.)

Я хочу указать на то, что определенная политика поддержки Временного революционного Правительства, отказ имущих классов от возможности власти и определенные выступления по особому тому соответственному предложению, которое диктуется из среды революционной демократии, необходимо внесет успокоение в армию *). Я указываю на то, что не может быть речи об ограничении революционной программы правительства по земельному и другим коренным вопросам народной жизни. (Аплодисменты. Возгласы слева: «Правильно».) Потому что как только солдат почувствует, что землю у него отнимают, мы знаем,

*) *Так в подлиннике.*

что будет тогда. Вот это мы хотели указать. Связь со страной становится громадным фактором в деле оздоровления армии. Настроение армии пока еще тяжелое, и мы до изнеможения работаем над ее оздоровлением, и определенные результаты уже получаются. Но не этой системой исключительно репрессивных мер можно создать это оздоровление.

Мы хотим и способны сказать вам, граждане, что это оздоровление армии может быть также создано сознанием, что мы—слой, который уже по существу всем пожертвовал, потому что он обречен на жертвы и стоит там, где только можно жертвовать. Готовность всех классов жертвовать во имя спасения страны и организация всех сил демократии и буржуазии во имя спасения страны и для помощи армии будет фактором, который соединит армию со страной и который, может быть, спаяет армию в ее частях. Спасем ли мы армию, мы не знаем, но если мы не спасем, то не спасет ее и командный состав *). Мы это знаем. Не будем раздавать друг другу патенты на патриотизм и спасение родины. Мы глубоко убеждены, что армейские организации сейчас необходимы, как государственная необходимость для спасения армии. Не о захвате власти мы говорим, нет, а о том, чтобы вместе с командным составом оздоровить армию, но оздоровить так, чтобы не погубить армию свободных солдат Российской республики. Мы знаем: тяжело положение армии, мы знаем, что тяжелое настроение армии есть, несомненно, проявление на местах антиобщественности, но перелом произошел, и если эти факторы мы введем в жизнь, если будет правильная политика здесь и правильная постановка нашей работы там, то мы вместе с командным составом создадим все те условия, при которых, может быть, сможем объединить армию и страну. Вот как мы ставим вопрос. Не нужно заниматься прогнозами, это бесполезно, нужно положить все силы, и я уверен, граждане, что, может быть, сегодня уже, уезжая в недра той солдатской массы, которая послала нас сюда, мы можем быть уверенными, что наш голос не будет голосом тех, кто перед равнодушным Цезарем проходил в своем последнем спокойствии,—что наш голос будет тем голосом, который встретит ответную поддержку и ответное сочувствие революционной армии. В этом наша уверенность, граждане и товарищи, что мы, фронтовая группа, сумеем объединить все живые силы вокруг Временного революционного Правительства, которое всегда поддерживало армейские комитеты, как это знает наш министр-председатель, и эту мужественную поддержку мы окажем всегда Временному Правительству, опирающемуся на все живые силы страны на почве программы 8 июля.

К у р о п а т к и н. Граждане, я вам хочу сказать также, как сказал предыдущий оратор, правду. (Г о л о с а с л е в а: «Родзянко уходит». Ш у м, з в о н о к п р е д с е д а т е л я.)

---

*) *В «Русском Слове» далее следует*: «Спасет»,—раздаются возгласы с офицерских скамей. К у ч и н: Нет не спасет! (Бурные аплодисменты на левой. Слышны возгласы: «Да здравствует революционная армия!», «Да здравствуют армейские комитеты!»).

Председатель. Господа, прошу сохранять спокойствие. Я уже просил всех по возможности оставаться в зале заседания ввиду чрезвычайной серьезности обсуждаемых вопросов, но не следует превращать мою просьбу в решительное воспрещение кому-нибудь выйти из зала.

Куропаткин. Положение в армии, граждане, здесь в достаточной мере было представлено безнадежным. Все отрицательные стороны ее жизни были отнесены за счет военно-демократических организаций. Предыдущий оратор ясно указал, что разложение армии,—и те, кто в армии был, это знают,—наступило далеко до революции, и причины этого разложения вытекали из всей суммы грехов старого правительства, сухомлиновского управления и самодержавного произвола. (Голоса: «Правильно, правильно!» Аплодисменты.) Кажущиеся правильными рассуждения и выводы военных ораторов грешат одним, мне кажется, очень важным: их рассуждения как бы отрицают самый факт революции. (Голоса: «Правильно!») Но я позволю себе напомнить: революция была и продолжается. (Голоса: «Правильно!») А потому, как организации, по словам представителя крестьянских депутатов Мартюшина, не дали рассыпаться всей крестьянской среде, так точно солдатские организации не дали рассыпаться армии и не сделали тот список, который прочтен здесь верховным главнокомандующим, еще в начале революции столь длинным, что он был бы грозным. (Голоса: «Эти не остались!» «Правильно, правильно!») Комитеты, на которые так много слышится нападок, оградили армию от этих ужасов. Когда в армию проник тяжелый так называемый «армейский большевизм», именно комитеты с ним боролись и только комитеты сумели этот большевизм у себя победить. Многие из тех, которые могли здесь советовать, не все могли бы войти в те части, куда входили мы, безоружные. (Голоса: «Браво!») Когда нас стаскивали с трибуны, мы продолжали говорить, что надо, и так, как понимала сознательная часть русской демократии. (Аплодисменты.) Когда наступил бой, армейские организации, члены армейского комитета, — я положительно знаю и сам видел, — шли с войсками. Действовали не только уговорами, но личным примером, и многие из них своей кровью и смертью отметили исполнение своего революционного долга. (Аплодисменты слева. Голоса: «Правильно!») Страна и армия переживают кризис, и надо считаться не с тем, с чем, может быть, хотелось, а с тем, что подсказывает действительность, и все рассуждения и выводы, не вытекающие из этого положения действительности, не могут быть правильными, раз неверен диагноз, неверны средства излечения. Покушения на организации, объединяющие народные и солдатские массы, подлинно заинтересованные в действительном проведении в жизнь всех завоеваний революции, бесцельны, вредны, порождают совершенно ненужное раздражение и, понятно, не могут иметь никакого реального осуществления. (Аплодисменты.) Мне кажется, не в этом направлении нужно работать, чтобы создать боеспособную армию. Надо прекратить будирова-

ние, справедливо трактуемое, как сожаление о безвозвратном прошлом. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.) Офицерство, показавшее, как следует умирать, должно показать, как надо жить (голоса слева: «Правильно!» Аплодисменты) и своей работой, знанием и заботливостью о солдате поднять свой авторитет. Нужна и в армии коалиция. Это не утопия, граждане и товарищи. В нашей армии, представителем которой я являюсь, V армии, этот принцип проведен в жизнь. Командный состав, общественные организации, представители революционной власти — комиссариат — работают дружно и совместно, и работа их в одном направлении: насаждают порядок, дисциплину, самое интенсивное обучение войск, и этим создается боеспособность армии. Я счастлив засвидетельствовать, — вчера я получил телеграмму, — эта работа дала уже хорошие и, я надеюсь, еще даст блестящие плоды. Командующим армией дан правильный тон, действительно способствующий возрождению армии.

И поверьте, не одними только мерами репрессий усиливается боевая подготовка армии, поднимается ее угасший дух. Наследие старого режима — некультурность масс—заставляет и повелительно требует все интеллигентные силы направить в сторону культуры. Надо во что бы то ни стало пробудить в среде наших малосознательных младших товарищей священное беспокойство за родину, ибо только тогда можно рассчитывать на спасение страны и с ней завоеваний революции. (Аплодисменты.)

От имени всей группы делегатов фронта, представляющих здесь всю действующую армию, я уполномочен сделать следующее заявление (оглашает заявление) *):

«Присоединяясь к общей декларации, оглашенной здесь от имени объединенной демократии страны, мы считаем необходимым подчеркнуть и развить те ее пункты, которые касаются вопроса об организации и поднятии боеспособности армии. Армия стоит в центре всех коренных вопросов жизни страны. От возрождения силы армии зависит спасение страны и революции. Мощь армии — в единой сильной революционной власти. Сильная власть в армии создается лишь при условии дружной работы всех живых творческих сил армии, и поэтому все, что способно понять грозящую стране опасность, должно сплотиться для энергичной беззаветной работы соответственно силам, способностям и поставленным каждому задачам. Один командный состав не сможет поднять боеспособность армии. В огромном большинстве своем прежний, дореволюционный, он до сих пор еще не пользуется необходимым доверием солдатских масс, и только в тесной совместной работе с органами солдатской самодеятельности, органически с массами связанными и в

*) *Декларация армейских и фронтовых комитетов печатается по «Известиям Московского Совета Р. Д.», № 140, от 18 (31) августа. В подлиннике приводится первый абзац декларации в рукописном виде; в том же объеме эта декларация приводится в «Русском Слове», № 188, от 18 августа.*

процессе революции выросшими, мыслимо и возможно восстановление боеспособности армии и поднятие революционной дисциплины на должную высоту. Должны быть точно и определенно разграничены права и обязанности всех основных элементов власти в армии: командного состава, армейских организаций и комиссаров. Командному составу должна быть предоставлена полная самостоятельность в области оперативной и боевой деятельности, решающее значение в области строевой и боевой подготовки. Наряду с этим необходимо полное отстранение командного состава от политического руководства армией. Проводниками единой революционной политики Временного Правительства, как представителя воли революционного большинства страны, должны являться комиссары. Компетенция этого важного и необходимого в переживаемую нами эпоху органа должна быть расширена и усилена. Деятельность этого органа, стоящего на страже законности в армии, должна быть поставлена в тесную связь с армейскими организациями. Солдатские организации, являясь органами солдатского самоуправления, должны получить в законе полное закрепление их прав и обязанностей, соответственно их действительной роли в жизни армии. При указанном взаимодействии командного состава, комиссариата и армейских организаций, работа всех творческих активных сил в армии найдет себе прочную опору в массах и сможет скорее всего восстановить боеспособность в армии. Только при таком взаимоотношении основных элементов власти в армии будет плодотворной та работа укрепления авторитета командного состава, при полном обеспечении личных и общественных прав солдатских масс, которая интенсивно ведется армейскими организациями.

Считаясь с большой несознательностью, низким уровнем гражданственности и наличием прямо преступных элементов в армии, мы признаем необходимость решительного революционного воздействия и принуждения в случае определенных преступлений в боевой жизненной работе в армии. Чрезвычайные меры революционного воздействия должны приниматься в согласии с комиссарами. Но мы самым решительным образом протестуем против наблюдающегося стремления в определенных кругах распространить репрессии и на здоровые элементы в армии, только на одних репрессиях построить мощь армии. Увлечение, а подчас и сознательное злоупотребление системой принуждений и репрессий, создавая мнимую покорность солдатской массы, в действительности влечет за собой массовый уход от революции даже и сознательных элементов армии, озлобляет массы, вновь возрождает и усиливает рознь между командным составом и солдатскими массами и не укрепляет, а разрушает боевой дух и боевую мощь армии. Также не поднятию, а разрушению боеспособности армии послужило бы и восстановление в настоящее время дисциплинарной единоличной власти начальников. В условиях нынешнего самосознания солдатской массы восстановление дисциплинарной власти начальников, будучи понято, как возвращение

к старому режиму, не создало бы никакой власти и подорвало бы самую основу для необходимой и сложной работы по созданию нормальной системы революционных судов в демократической армии.

Мы настаиваем на необходимости энергичного выдвигания на высшие командные должности всех выдающихся лиц из состава рядового офицерства, в большинстве стойко переносившего во все время войны вместе со всей солдатской массой все тяготы походной жизни. Оздоровление командного состава, при устранении от высшего командования всех неспособных и явно контрреволюционных лиц, создаст нормальные условия для работы, для работы по восстановлению и усилению боеспособности армии.

Должна быть усилена также работа центра по удовлетворению нужд солдатской массы, причем правительство и общество обязаны обратить усиленное внимание на обеспечение увечных воинов и их семей, а равно и на усиление, в меру финансовой возможности, помощи семьям призванных на войну, что в числе других мер даст солдату чувство уверенности, что страна и власть его не забыли. Настроение и состояние армии тесно связаны с общей политикой страны и правительства. Отказ имущих классов от бойкота власти, готовность на жертвы всех классов, укрепление революционно-творческой работы в стране, широкая организация участия всех демократических сил в обороне и в помощи армии и укрепление линии международной борьбы за мир сможет создать условия для спасения армии и возрождения ее боевой мощи».

Председатель. Слово принадлежит представителю центрального комитета всероссийского флота Абрамову.

Абрамов. Товарищи и граждане. От имени центрального комитета всероссийского военного флота, объединяющего весь всероссийский военный флот, мне поручено заявить, что всероссийский военный флот, составляя один из отрядов революционной демократии, всецело присоединяется к той декларации, которая здесь была прочитана тов. Чхеидзе. (Аплодисменты.) Во-вторых, мне поручено сказать несколько слов, как мы смотрим на вопрос о боеспособности армии и флота. Мы заявляем, что поднять боеспособность армии и флота вне военных армейских и флотских организаций невозможно, что уничтожить в настоящий момент или подорвать авторитет флотских организаций, это привело бы к полному уничтожению боеспособности флота. С другой стороны, мы всецело присоединяемся к декларации, которая была прочитана только что от товарищей представителей армейских комитетов о том, что командному составу должна быть предоставлена полная независимость в вопросах оперативных и технических боевой части. С другой стороны, российский революционный флот, составляя часть единого фронта и охраняя как до революции, так и во время революции территорию Российского государства, он стоял и стоит на страже завоеваний революции, и Временное Правительство без колебаний может опереться на силу россий-

ского флота в деле охраны страны и революции. (Аплодисменты. Крики: «Браво!») В противовес тем заявлениям, которые сделал генерал Каледин от имени казачества, где были выставлены пункты о том, что немедленно должны быть устранены Советы Р. и С. Д., о том, что немедленно должны быть устранены армейские военные организации, мы заявляем, что это может быть произведено только тогда, когда не будет существовать российского флота. В пунктах, прочитанных генералом Калединым, было заявлено о том, что казачество не имело в своей среде дезертиров. Я могу заявить от имени флота, что российский флот также не знал и не знает в своей среде дезертиров, но он это не афишировал и не афиширует, а считает своим долгом. (Возгласы: «Неправда, есть, а Кронштадт?»)

Мне говорят о Кронштадте. В Кронштадте не было дезертиров, в Кронштадте была безответственная агитация, которая привела к частичному разложению флота. Так это было и в армии. Но ни в Кронштадте, нигде в других местах не было дезертиров. Итак, заканчивая, товарищи, свое выступление, от имени всероссийского флота [скажу], что то, что мы думаем по вопросу о необходимости флотских и армейских организаций, это не есть мнение какой-нибудь одной высшей отдельной организации. Об этом думают одинаково как моряки далекой Тихо-Океанской эскадры и амурской речной флотилии, так одинаково думают моряки флотилий Северного и Великого океанов, так думает Черноморский флот и так думает Балтийский флот. Вне дружной совместной работы командного состава с этими организациями российского флота и поднятия его боеспособности он существовать не может. (Аплодисменты.)

Председатель. Временное Правительство и я, как председатель сегодняшнего собрания, полагаем к группам, здесь говорившим, присоединить еще одну группу, группу от русской истории, а именно: разрешите сказать Брешко-Брешковской, Крапоткину и Плеханову. (Голоса: «Просим!» Аплодисменты.) Я считаю аплодисменты эти, как согласие Государственного Совещания в этом вопросе нарушить раз навсегда неизменно исполнявшийся порядок ораторов и список ораторов.

Брешко-Брешковская. Благодарю вас, граждане, за честь, сделанную мне сейчас. Позвольте мне несколько слов сказать, как я понимаю положение вещей теперь. Слушая третьего дня и сегодня все речи, я прихожу к тому мнению, что это великое собрание является в то же самое время как бы анкетой для всей России. И вот мы видим, что наш русский народ, или, лучше сказать, население всего нашего Российского государства, экзамен свой выдержало и выдержало в положительном смысле. По крайней мере я, несмотря на свою глухоту, не выслушала здесь ни одного противоречия в речах выступавших здесь и не вычитала в газетах. Все в единении признают, что родина у нас есть и что эта родина достойна того, чтобы мы ее всеми силами защищали. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно!») Но, граждане, я давно живу, я многое из истории рос-

сийской пережила, передумала, перечувствовала и именно пережила. Я знаю, что слова и обещания иногда висят в воздухе подолгу, граждане, и потому я считаю, что в числе ваших обязанностей лежит немедленно же после этого собрания приступить к осуществлению того, чем вы задаетесь теперь. Я считаю, что наша армия должна в лице присутствующих, товарищи, получить уже своих вождей. Ведь беда нашей армии не столько во фронте, сколько в тылу. Наш тыл три года почти стоит без дела. Он скучает, он разлагается. И вот эти люди, которые, уже умудренные опытом, которые уже были там, в Петрограде и Москве, в разных советах и знают, что делается в армии, — половина из них, добрая половина, должна итти немедленно в тыл и организовать гарнизоны наши. Иначе вы ничего не добьетесь. У них нет учителей, у них нет друзей, у них нет наставников, и вместо того, чтобы в Петрограде и в Москве заниматься очень много времени так называемой вермишелью, т.-е. повседневными делами, идите туда и готовьте армию. ([Возгласы]: «Верно!» Аплодисменты.) Готовьте армию на великое дело. Граждане рабочие, тоже идите работать, не только слова говорите, и на народ и на армию. Россия теперь до последнего человека работает только на армию. У нас ее двадцать миллионов молодых здоровых людей. Надо их накормить, надо их обуть, надо их одеть, надо их снабдить оружием. Значит, вся Россия и все женщины русские работают только на нее, и потому, товарищи рабочие, — я не знаю, где вас искать сейчас глазами, но я обращаюсь к вам, — помните, что ваш труд есть такое же спасение для нашей республики, как и труд армии. ([Возгласы]: «Правильно!» Аплодисменты.)

Граждане цензовики, вы все, одаренные интеллектуальными способностями, так, как вы учились целые года, вы идите на помощь России. Где вы, где ваше знание, где ваше самоотвержение, где ваша работа на пользу родины? Мы ее не чувствуем! Теперь, когда сами вы знаете, что народ так нуждается в просвещении, где это просвещение? Кто в нем участвует, кто говорит о нем или проповедует? Я не вижу, я не слышу. Он остается опять без друзей, без учителей, без наставников, без старших, как оставался и раньше. Это же великая ошибка, граждане! Граждане, все мы говорили при царях о русском народе: «О, русский народ, великий народ, способный народ, самоотверженный народ, и только цари мешают ему проявлять себя». Граждане, теперь никто не мешает доблестному русскому народу! (Аплодисменты.)

Мне всего дано десять минут на мою речь. Граждане, что касается наших капиталистов, больших и малых, то я скажу перед всей Россией: на их душе громадный грех, кровавый грех! Граждане, я не пристрастный человек; вы знаете, из какой я сама среды вышла. Вы знаете, что у меня масса друзей из среды цензовых классов и среди разных людей. Я не пристрастный человек, но я скажу, что внутренние враги России — именно капиталисты и большие и малые торговцы, и они действительно заслуживают того, чтобы наше правительство обратило на них самое

энергичное, самое строгое внимание. Затем, я бы просила наше правительство, чтобы все, что есть в армии интеллектуального, интеллигентного, способного учить народ, пусть идет туда. Пусть идут туда потому, что мы остаемся в такой темноте, от которой и возможны только такие явления, которые теперь есть в России, — та страшная тьма, которую называют контрреволюцией. Нельзя этого допускать, что страна остается необученной, непросвещенной, необразованной. В Петрограде и Москве митинги каждый день, а в деревне никого нет. Граждане, учителя три года были на фронте, а учительницы до сих пор брались из контингента весьма низкого уровня, и таким образом те сто миллионов, на которые опирается Россия, безграмотны. Это нужно помнить, граждане, и это на вашем ответе, на ответе цензовиков, лежит. У вас есть все средства, есть литература, у вас есть писатели, есть свободные средства, и вы обязаны это взять на себя. Если вы этого не возьмете на себя, то вы будете отвечать перед Россией так же, как теперь капиталисты должны [ответить] перед ней, потому что, граждане, это ваша казна, это ваши капиталы, которыми вы обязаны делиться с народом. И вот, граждане, я говорю, что сердце мое с этой стороны радуется, слыша единогласие, слыша совершенное единодушие в вопросах о России, о ее благе, а с другой стороны, оно у меня так же замирает, как замирало 4 марта, когда я, сидя в Минусинске, получила телеграмму о том, что революция совершилась и народ свободен, и я могу вернуться. Да, я была в высшей степени счастлива и все-таки мое сердце дрогнуло: а как мы встретим и, главное, как мы проведем эту революцию, как достигнем того, что она может нам дать? Я опять повторяю слова прежде мною сказанные, что с завтрашнего дня, граждане, мы должны увидеть эти слова осуществленными на деле. Нужно осуществить не одними словами, а на деле. (А п л о д и с м е н т ы.)

К р о п о т к и н. Граждане и товарищи. Позвольте и мне тоже присоединить мой голос к тем голосам, которые звали весь русский народ раз навсегда порвать с циммервальдизмом и стать всем дружной стеной на защиту нашей родины и нашей революции. (А п л о д и с м е н т ы.) По-моему, родина и революция нераздельны. Родина сделала революцию, она должна ее довести до конца. В затяжной войне самые ужасные месяцы, это — последние месяцы войны. В эти последние месяцы решается, кто победил и кто побежден, и правду говорят немцы, что тот народ победит, у которого будет наибольшее мужество, наибольшая энергия, наибольшее единство в последние месяцы войны. Если бы немцы победили, последствия этого для нас были бы так ужасны, что просто даже больно говорить о них и пророчить такие вещи. Если русским народом овладеет усталость, то чем это кончится? Польша и Литва станут частью германского государства и увеличат германскую империю двадцатью миллионами народа. Курляндия отойдет к немцам, и тогда Рига и, может быть, Ревель, — во всяком случае Рига, — станет военной крепостью так же, как и Ковно. Для чего? Для защиты Германии? Нет, для нападения на Петроград и на Москву. (Г о л о с: «Правильно!») Я уже говорю не

о том, что произойдет, если они возьмут при этом Одессу и, может быть, даже Киев. Но что несомненно,—это то, что будет наложена громадная контрибуция, и в течение 25—30 лет мы должны будем обнищать так же, как Франция обнищала в первые 15—20 лет после поражения ее в 1871 году. Но знайте, товарищи, есть что-то худшее, чем все это: это психология побежденной страны. (Голоса: «Верно, правильно!») Психологию побежденной страны я пережил во Франции. Я не француз, но я с ними близко сошелся, и мое сердце болело, когда я видел, до чего Франция унижалась перед Александром и Николаем, до чего республика унижалась перед каким-то генералом Буланже, потому что она чувствовала себя до того побежденной страной, что прибегала ко всяким средствам, только чтобы избавиться от гнета этого поражения. Неужели и нам пережить это? Ни за что! (Аплодисменты всего зала.) Товарищи солдаты. Посмотрите, как итальянцы в эту самую минуту, борясь в местности ужасно гористой, где каждое орудие надо втаскивать руками по наклонам в 45 градусов, борясь вообще в ужасных условиях, одерживают победы и стремятся они так одержать их в данную минуту особенно для того, чтобы освободить нас в Румынии, где на нас, на Одессу, наступает австрийская армия. Берите с них пример, товарищи! (Аплодисменты правой. Голос: «Да здравствуют итальянцы!» Овации.)

Товарищи граждане, продолжать войну — одно великое предстоящее нам дело, а другое, одинаково важное, дело — это работа в тылу. Репрессивными мерами тут ничего не сделаешь. Нужно что-то другое. Нужно, чтобы русский народ во всей его массе понял и увидел, что наступает новая эра: такая эра, которая откроет всему народу возможность для каждого получать образование, жить не в той отчаянной нищете, в какой живет до сих пор русский народ, даже тогда, когда в Петрограде говорят, что он якобы зарабатывает миллионы, между тем как он во всякое время жил и живет вплоть до настоящего времени в ужасающей нищете. Нужно, чтобы народ русский понял, что мы все, господа, и вы (обращаясь направо), и вы (обращаясь налево) делаете все, чтобы этому народу жилось легче, чтобы ему открыть двери к свету, свободе и образованию. (Аплодисменты правой.) Разруха у нас идет ужасная. Но знайте, господа, что и в Западной Европе наступает новый период, когда все начинают понимать, что нужно строительство новой жизни, на новых социалистических началах. Возьмите Англию. Вы знаете, какая это была страна капитализма, заскорузлого капитализма, а между тем, если рассказать подробно, вы едва поверите, какой переворот совершается теперь в умах всего английского народа, сверху донизу, в особенности снизу доверху, в понятиях о собственности вообще, о земельной собственности, о социализме и коммунизме? Вы не только видите министра Ллойд-Джорджа, который произносит речи, проникнутые таким же социалистическим духом, как и речи наших товарищей социалистов, но дело в том, что в Англии, во Франции и в Италии

складывается новое понимание жизни, проникнутое социализмом, к сожалению, государственным, и в значительной степени, но также и городским. Позвольте же мне, граждане и товарищи, призвать вас к такой же строительной работе. Тут кто-то говорил, что неопытна оказалась наша демократия. Да, да. мы все неопытны в деле общественного строительства. Кроме тех немногих, которые с головой окунулись в рабочую жизнь Западной Европы, большинство из нас проводило время в русских тюрьмах, в «Крестах» и т. п., в Нарымах и Средне-Колымсках, или же [бывали] перелетными, как перелетные птицы, за границей, ждавшие весны в России, чтобы начать полет на восток. Мы многого не знаем, многому еще должны учиться. Но, господа, у вас есть (обращаясь вправо), — я не говорю про ваши капиталы, — у вас есть то, что важнее капитала: знание жизни. Вы знаете жизнь, вы знаете торговлю, вы знаете производство и обмен. Так умоляю вас: дайте общему строительству жизни ваши знания. Соедините их с энергией демократических комитетов и советов, соедините то и другое и приложите их к строительству новой жизни: эта новая жизнь нам необходима. (Возгласы: «Браво!» Бурные аплодисменты.)

Наша милая бабушка говорила вам об образовании. Да, это верная мысль, которую в шестидесятых годах высказывал также Стендаль для Англии. Ее стоит разработать и приложить ее к делу. Но не только это. Все нужно сделать, все нужно строить. У нас, в Петрограде, я видел хвосты, в которых жены рабочих стоят по два, по три, по четыре и пять часов, чтобы получить хлеб и немножко молока для своих грудных детей. Разве это организация? Где же вы, господа городские головы и организаторы городского хозяйства, что не можете упорядочить этого? Не ваша ли это обязанность, святая обязанность? Не обязанность ли это каждого из нас — строительствовать? Я мог бы привести вам пример невероятного самопожертвования во Франции и в Англии со стороны женщин всех классов, всех сословий, начиная от работниц и до высших богатых классов, чтобы сорганизовать жизнь на новых началах. Делайте то же и вы! Делайте это великое дело.

Я не могу долго занимать ваше время, но скажу еще одно. Мне кажется, нам, в этом Соборе русской земли, следовало бы уже объявить наше твердое желание, чтобы Россия гласно и открыто признала себя республикой (Голоса: «Правильно!» Все встают. Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.) При этом, граждане, республикой федеративной! Товарищи и граждане, заметьте, я не понимаю федерации в том смысле, в каком это слово употребляют, говоря о федерации в Германской империи: это не федерация. И если бы в России, на несчастье, различные народности разбились на мелкие государства: кавказское, украинское, финское, литовское и т. д., то это была бы такая катавасия (смех, аплодисменты), какую мы видим на Балканском полуострове. Это было бы поприщем для таких же интриг между всеми царь-

ками — романовскими, т. е. гольштейн-готторнскими, кобургскими и т. п. Нет, не такая федерация государства нам нужна, а федерация, какую мы видим в Соединенных Штатах, где хотя каждый штат имеет свой парламент и этот парламент заведует всеми внутренними делами, но во всех делах, где требуется согласие нескольких штатов или же всех штатов, там они выступают, как тесный союз, как действительная федерация. Вы знаете, как дружно они все поднялись теперь, когда потребовалось выставить силы американской демократии против подлой австро-германской монархии! (Шумные и продолжительные аплодисменты.) Недаром соединились против Германии все демократии всего мира. Даже китайская и та присоединилась и, поверьте, она поможет нам чем-нибудь хорошим.

Так вот, я думаю, мы не предвосхитим ничего из прав Учредительного Собрания, — я вполне признаю, что ему должно принадлежать суверенное решение в таком вопросе, — если мы, Собор русской земли, громко выразим наше желание, чтобы Россия была провозглашена республикой. Мы этим только облегчим работу Учредительному Собранию, и нам будут благодарны все остальные народы Европы и Америки. ([Возгласы]: «Правильно!» Бурные аплодисменты.)

Так вот, граждане, товарищи, пообещаемте же, наконец, друг другу, что мы не будем более делиться на левую часть этого театра и на правую. (Бурные аплодисменты.) Ведь у нас одна родина, и за нее мы должны стоять и лечь, если нужно, все мы, и правые и левые. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.)

Плеханов. (Встречен бурными, продолжительными аплодисментами всего зала.) Граждане и товарищи. Позвольте мне прежде всего сказать вам, что в своей весьма, впрочем, небольшой речи я не позволю себе произнести те слова, которые могли бы обострить взаимное раздражение между партиями, здесь представленными. (Бурные аплодисменты.) Я полагаю, что в тот торжественный и грозный час, который переживает в настоящее время наша родина, мы обязаны выдвигать на первый план не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет. (Бурные аплодисменты.) Но, само собой разумеется, гражданки и граждане, что от человека, который поседел под революционным знаменем, что от человека, который десятки лет сражался в рядах революционной демократии, вы не потребуете, чтобы он, говоря перед вами, склонил это знамя или отложил его в сторону. Я был революционером и остаюсь таковым, и я надеюсь, что у всех вас хватит терпимости, чтобы выслушать откровенную исповедь русского революционера. (Бурные аплодисменты.) В качестве революционера, я прежде всего признаюсь, что еще вчера, слушая здесь некоторые речи, я вынес тяжелое впечатление. Мне показалось, что некоторые политические партии отнеслись с очень большим предубеждением к революционной демократии. Мне казалось, гражданки и гра-

ждане, что некоторые из ораторов, говоривших здесь, говорили в таком тоне, что, по их мнению, лучше было бы, если бы ее совсем не существовало.

Один из ораторов сказал: «Неужели вы думаете, что революцию сделал рабочий класс или революционная демократия? Революцию сделала Государственная Дума в согласии со всей страной». (Некоторые неясные поправки с мест.) Заметьте, граждане, что я никого не обвиняю,—я только позволю себе подвести итог тем впечатлениям, которые я вынес. Мне послышались такие слова (крики с мест: «Они были сказаны!»), и когда они мне послышались, я сказал себе: тут есть доля истины, но есть и много заблуждения. Если точно формулировать то, что произошло ранней весной 1917 года, то надо будет сказать, что революцию сделала вся страна: народ восстал, разразилась буря, и наша Государственная Дума поддержала эту бурю. Она содействовала ее удачному исходу, и в этом ее великая заслуга. Мы были бы неблагодарными и близорукими людьми, если бы стали отрицать это. Но, гражданки и граждане, нужно помнить, что для того, чтобы против позорного режима самодержавия восстал, наконец, весь народ, для этого нужна была чрезвычайно продолжительная, упорная и самоотверженная работа. Нужно с историческим беспристрастием признать, что эту длинную, упорную, самоотверженную работу сделала именно крайняя революционная демократия. Это неоспоримый исторический факт. И если бы люди позабыли о нем, если бы они составили по этому поводу заговор молчания, то возопили бы камни, камни и дерево. Я говорю: «камни и дерево», потому что если в России тюрьмы строятся преимущественно из камня или кирпича, то сибирские этапы строятся преимущественно из дерева. (Бурные аплодисменты.)

Вот, гражданки и граждане, эти-то мирные убежища, эти-то каменные тюрьмы и деревянные этапы, можно сказать, насквозь пропитаны воспоминаниями о тех представителях крайней революционной демократии, которые всем пожертвовали для того, чтобы занести луч политического сознания в головы темной народной массы. (Аплодисменты.) Это надо помнить, господа! И каковы бы то ни были ошибки демократии, каково бы ни было ваше раздражение против нее, — я говорю это, обращаясь направо, — вы должны же сказать себе: а ведь, действительно, велики заслуги русской революционной демократии! Существуют такие партии, о которых можно заметить, [что] если бы они не сделали ни одной частной ошибки, если бы они были чисты, как ангелы небесные, то все-таки в их пассиве была бы огромная, непростительная ошибка. Эта ошибка заключается в самом факте их существования. Такой партией была, например, партия русского самодержавия и такой партией является теперь та, которая хотела бы сделать контрреволюцию, восстановить старый порядок. Партия самодержавия наделала множество частных ошибок. Я не хочу перечислять их здесь. Но повторяю, если бы по отношению к частностям партия эта отличилась ангельской чистотою, то факт ее существования не перестал бы быть колоссальной ошибкой. Есть другие пар-

тии, про которые можно сказать, что каковы бы ни были их частные ошибки, огромная заслуга этих партий заключается уже в том, что они существуют. Я не один раз смело и резко критиковал частные ошибки нашей крайней революционной демократии. Но здесь, на русском Государственном Совещании, я торжественно заявляю, что великая заслуга нашей крайней революционной демократии заключается уже в факте ее существования. Плохие политики те люди, которые хотели бы, чтобы эта демократия исчезла.

Обращаюсь к тем, кто представляет из себя буржуазию, или, так как этому термину начинают придавать некоторый привкус одиозности, — к представителям торгово-промышленного класса. Я скажу им: граждане, теперь настал такой момент, когда вам, в интересах всей России и в ваших собственных интересах, необходимо искать сближения с рабочим классом. Я помню, как один из представителей торгово-промышленного класса, встречая в Нижнем-Новгороде министра финансов Витте, говорил: «Мы смотрим вперед без боязни». Почему этот представитель торгово-промышленного класса смотрел вперед без боязни? Он был убежден, что перед русской промышленностью открывается блестящая будущность в союзе с русским самодержавием. Теперь все расчеты на то, что перед русской промышленностью может открыться блестящая будущность в союзе с русским самодержавием, должны быть совершенно отброшены. Да, отброшены! И я не позволяю себе предполагать, чтобы в вашей среде нашлось много людей, которые мечтали бы о восстановлении старого строя. (Возгласы: «Ни одного!» Аплодисменты.) Никто из вас не стремится к восстановлению старого порядка. Тем лучше, говорю я. Но если когда-то русская промышленность развивалась, опираясь на поддержку царского самодержавия, то я позволю себе утверждать, не боясь ошибиться, что отныне русская промышленность может развиваться только в том случае, если торгово-промышленный класс придет к соглашению с пролетариатом, если он поставит перед собой задачу широких социальных реформ. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно!»)

Граждане, не раз многие из вас говорили, да и кто из нас этого не говорил, что перед Россией в настоящее время стоит, между прочим, великая задача развития ее производительных сил. Вы согласны с этим? Мы, социалисты, тоже согласны. Совершенно очевидно, что страна, производительные силы которой стоят на низкой ступени развития, эта страна, конечно, не способна ни к политическому, ни к экономическому, ни к социальному прогрессу. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно!») Да, необходимо широкое развитие производительных сил. Это должно быть программой, которую ставят перед собой все те, которые, с той или с другой стороны, имеют отношение к общественно-производительному процессу. Но, граждане, всякий должен понимать и, надеюсь, всякий понимает в настоящее время, что во всякой передовой стране самой могучей, самой драгоцен-

ной, единственной незаменимой производительной силой является ее рабочий класс, ее трудящееся население. (Справа возгласы: «Правильно!»)

И если России в самом деле суждено поднять свои производительные силы на уровень передовых стран Запада, то это может случиться только в том случае, если широкая система социально-политических реформ выведет ее рабочий класс из того жалкого положения нищего-раба, в котором он находился до сих пор, к своему собственному горю и к позору всей России, и подымет его на уровень жизни рабочих самых передовых стран. (Возгласы: «Правильно!») Для этого необходим, повторяю, целый ряд широко задуманных реформ. Если вы, представители торгово-промышленного класса, пойдете с открытым сердцем по пути этих реформ, я утверждаю, что перед вами откроется путь чрезвычайно плодотворного соглашения с сознательными элементами рабочего класса.

Граждане. Обращаясь к революционной демократии, нередко с упреком говорят: она сделала то-то и то-то. Говорят, что она, между прочим, готова была заключить сепаратный мир. Нет! Если отдельные безумцы из среды этой демократии и позволяли себе такого рода преступные речи, то наша крайняя революционная демократия в своем целом никогда на сепаратный мир не пойдет. Я, который во многом расходился в последнее время с этой революционной демократией, позволю себе от лица ее сказать, от ее лица поручиться за то, что наша революционная демократия никогда не сделает такой низости. (Аплодисменты. Возгласы: «Правильно!») Мы отвергаем сепаратный мир, потому что мы не хотим изменить нашим союзникам. Мы не хотим изменить им, и мы с гордостью говорим, что они идут во главе цивилизации. Но что является привлекательным в тех передовых странах, которые являются нашими союзниками, между прочим, именно то, что эти страны суть широко демократические страны. Мне скажут, я знаю: «ну да, конечно, на такую демократию, которая существует в Англии и во Франции, разумеется, мы все согласны, против такой демократии мы ничего не имеем». И это, разумеется, очень хорошо. Но позвольте мне, граждане, сказать вам, в интересах исторического беспристрастия, что для того, чтобы в Англии, для того, чтобы во Франции установились современные демократические конституции, нужно было, чтобы каждая из этих стран прошла через период революции и чтобы в каждой из них в свое время выступила на историческую сцену партия крайней революционной демократии, та партия крайней революционной демократии, дочерью или, [если] вы предпочитаете, внучкой которой является mutatis mutandis, наша нынешняя крайняя революционная демократия. Итак, поверьте, что наша крайняя революционная демократия, несмотря на те ошибки, которые она сделала и которые она должна признать, — ибо самокритика, товарищи-социалисты, является первым признаком политической зрелости всякой данной партии и самым лучшим ручательством за то, что эта зрелость действительно наступила, — итак, если крайняя революцион-

ная демократия совершила известные ошибки, то, ведь, граждане, вам все-таки без нее не обойтись. Нельзя говорить: мы хотим, чтобы сохранились завоевания революции и чтобы не существовала революционная демократия. Ибо для того, чтобы сохранить завоевания революции, необходима деятельность, упорная и систематическая деятельность революционной демократии. (Аплодисменты.)

Граждане, положение наше таково, что вы, представители торгово-промышленного сословия, вы, которые в этой зале сидите частью направо, а частью в центре, вы должны понять, что в настоящее время для России невозможна ни экономическая жизнь, сколько-нибудь планомерная и сколько-нибудь плодотворная, ни успешная борьба с внешним неприятелем, если вы так или иначе не придете к соглашению с крайней революционной демократией, а путь для этого соглашения, повторяю, открыт. Раз вы готовы будете признать программу широких социальных реформ, у вас явится средство для соглашения с крайней революционной демократией. Ибо что такое декларация 8 июля, как не требование, как не желание крайней революционной демократии добиться известных реформ в интересах рабочего класса? Это я сказал, обращаясь направо.

Теперь, товарищи, позвольте обратиться к вам, налево. И если то или другое не понравится вам в моих словах, то прошу вас спокойно выслушать меня, ибо если бы оказалась ошибка в моей речи, вы должны сказать себе: человек, сорок лет работавший под революционным знаменем, может позволить себе роскошь некоторых частных ошибок. Товарищи, вспомните, когда печальной памяти Ленин на второй или на третий день по приезде своем в Петроград, выступив в Совете Р. и С. Д., доказывал, что рабочий класс вместе с батрацкими и крестьянскими депутатами должен немедленно захватить политическую власть в свои руки,—что вы ответили ему тогда? Вы, огромное большинство Петроградского Совета Р. и С. Д., сказали: нет, этой программы мы не принимаем, ибо Россия переживает теперь капиталистическую революцию, а когда страна переживает капиталистическую революцию, то рабочему классу захватывать власть, полную политическую власть, совершенно неуместно. И один из вас, я не помню, кто именно (голос слева: «Церетели»), напомнил чрезвычайно глубокие слова нашего общего учителя Фридриха Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего несчастья, как захватить полноту политической власти в тот момент, когда он еще не созрел для ее плодотворного употребления в дело. Неправда ли, эти слова были сказаны, и этим словам рукоплескало большинство Петроградского Совета? (Крики слева: «Правда!»)

Товарищи, раз вы стоите на этой точке зрения, раз вы понимаете всю политическую и теоретическую глубину этих слов, вы должны сообразно с этим определить свое отношение к торгово-промышленному классу. Не может быть

такой буржуазной революции, в которой не участвовала бы буржуазия. Не может быть такого капитализма, в котором бы не было капиталистов. Это неоспоримо, это надо понять и сообразно с этим надо действовать. Раз нам предстоит еще пережить более или менее длинный период капиталистического развития, то надо помнить, что этот процесс является двусторонним процессом, причем на одной стороне будет действовать пролетариат, а на другой буржуазия. И если пролетариат не хочет повредить своим интересам, а буржуазия не хочет повредить своим, то и тот класс и другой класс должны bona fide искать пути для экономического и политического соглашения. Позвольте мне, товарищи, напомнить вам вчерашние слова Церетели. Он произнес гордые и в известном смысле совершенно справедливые слова: «Вы говорите, что вы еще не знаете, за кем пойдет русский народ, но последние выборы (конечно, он имел в виду муниципальные выборы) своим исходом показали, что русский народ идет за крайней революционной демократией». Это действительно так, товарищи. И когда начнутся выборы в Учредительное Собрание, то, вероятно, русский народ, русские трудящиеся массы снова покажут, что они готовы итти за нашей крайней революционной демократией. Но, товарищи, что означает собою этот факт большого, в некоторых местах даже неожиданно большого успеха социалистов на муниципальных выборах? Этот факт означает, что мы все, революционеры и социалисты, подписали вексель на огромную сумму. Этот вексель был учтен рабочим классом и вообще трудящейся массой. Не может быть такого векселя, по которому не надо было бы платить. Точно так же и для вас, товарищи, настанет такое время, когда вам нужно будет платить подписанные вами политические векселя. Если вы совершили ошибку, которая заключается в изолировании самих себя, если бы вы не сделали всего нужного, чтобы привлечь к себе для совместной работы все живые силы страны, то вы не были бы в состоянии заплатить по этому векселю, не потому, чтобы у вас нехватило доброй воли, воля-то у вас была бы, но нехватило бы силушки. (Голоса слева: «Правильно!» Аплодисменты.) И тогда, когда бы мы оказались перед трудящейся массой в положении несостоятельного должника, как отнеслась бы к нам трудящаяся масса? Она отнеслась бы к нам с «насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом». В это положение ни в каком случае не должен позволить себе стать наш пролетариат в лице своих сознательных представителей.

Вспомните, товарищи, в те первые дни, когда я приехал сюда и когда еще было так много идиллического в наших взаимных отношениях, вы пригласили меня в Совет Р. Д., и я, обращаясь к вам, напомнил евангельское выражение: «Будьте кротки, как голуби, и мудры, как змеи». Я не требую от вас голубиной кротости, прибавил я, но я требую от вас змеиной мудрости. Теперь, товарищи, как и тогда, эта змеиная мудрость должна руководить всеми вашими действиями. Не бойтесь признать известные ошибки, которые вы совершили. Вчера тов. Церe-

тели, к моему величайшему удовольствию, намекнул, по крайней мере во второй своей речи, на них. Не бойтесь признать эти ошибки. Бойтесь повторить их. А так как речь идет о том, чтобы их не повторять, то признайте же, что вам безусловно необходимо столковаться с представителями торгово-промышленного класса. И помните, что, кроме этого класса и кроме пролетариата, есть еще целый ряд промежуточных слоев, которые будут восторженно приветствовать такое соглашение. Оно сделает нас сильными, оно сделает нас непобедимыми, и тогда нам не будут страшны никакие Макензены, никакие Гинденбурги. Если же, граждане,— говоря это, я обращаюсь направо и налево, — если мы не придем к такому соглашению, то что будет? Будет ваша гибель (обращаясь направо), будет ваша гибель (обращаясь налево), будет гибель всей страны.

Мне хочется напомнить вам одну ирландскую легенду о двух кошках, которые дрались одна с другою так упорно и так жестоко, что от них остались только хвосты. И вам, представители крайней революционной демократии, и вам, представители торгово-промышленного класса, не надо быть сторонниками такой борьбы, благодаря которой от вас не осталось бы ничего, кроме хвостов. Ведь тогда погибла бы наша общая мать Россия к великой радости германских империалистов. (Голоса справа и слева: «Верно, правильно!» Оживленные аплодисменты справа и слева.)

Керенский. Объявляю перерыв до без четверти семь. Нам осталось выслушать представителей торгово-промышленной группы, рабочей группы, сельскохозяйственной группы и кооперативов. Эти группы будут касаться вопросов экономической жизни страны. Поэтому я прошу, во-первых, чтобы вечернее заседание было более аккуратно и проявило большую трудоспособность, чем это было вчера. Я не могу назначить позже семи часов, потому что я должен сегодня закончить Государственное Совещание. Поэтому нам необходимо иметь в запасе не менее четырех часов. Я очень просил бы собравшихся притти так, чтобы в семь часов можно было открыть заседание. (Голоса: «Просим, просим!»)

ЗАСЕДАНИЕ 15 АВГУСТА.

(Вечернее)

Председатель. Заседание возобновляется. Слово предоставляется представителю группы сельскохозяйственных обществ и всероссийской сельскохозяйственной палаты Капацинскому.

Капацинский. Граждане. Московское общество сельского хозяйства уполномочило меня представить Временному Правительству ряд своих пожеланий, которые оно считает насущным в настоящий момент. К резолюции Московского общества сельского хозяйства присоединилось Вольно-экономическое общество [85]), Харьковское общество сельского хозяйства и целый ряд других сельскохозяйственных обществ и корпораций, а также совет Всероссийского съезда коннозаводчиков и коневодов [86]).

Памятуя о том, что эти демократические организации, стоя всегда на страже интересов сельского, в особенности крестьянского хозяйства, были не только носителями культуры, но и проводниками идеи свободы, братства и равенства, я твердо верю, что Временное Правительство с особым вниманием выслушает их представителя и выполнит незамедлительно нижеследующие пожелания: 1) с чувством глубокого удовлетворения мы откликнулись на призыв Временного Правительства собраться на всенародное Государственное Совещание и выражаем полную уверенность в том, что страна найдет в себе силы и сознание, необходимые как для принятия исключительных мер на фронте, так и для установления порядка в тылу; 2) мы удовлетворены той искренностью и полнотой, с которой глава Временного Правительства раскрыл грозную картину разрухи страны, и эта откровенность является основным условием, открывающим широкие общие пути работы Временного Правительства и общества по спасению родины; 3) но, признавая все сказанное, мы не можем не указать, что в правительственной декларации не уделено достаточно внимания сельскому хозяйству, в полном несоответствии с его общим значением в государственной и народной жизни страны и с его критическим состоянием в настоящее время; 4) мы горячо приветствуем выдвинутую русской революцией коренную земельную реформу, которая должна быть проведена в интересах трудового малоземельного земледельческого населения. В то же время мы в полной мере под-

держиваем решение Временного Правительства, что мероприятия, проводимые до Учредительного Собрания, не должны предрешать коренную земельную реформу, так как отступление от этого положения вносит сильную смуту не только в тылу, но и на фронте, что особенно опасно, так как вся наша армия почти всецело состоит из крестьян, чрезвычайно чутко и болезненно относящихся ко всем моментам подготовки аграрных реформ; 5) в целях своевременного беспристрастного и всестороннего освещения огромных задач аграрной реформы было бы желательно, чтобы Временное Правительство приняло меры к ускорению завершения работ по подготовке материалов, разработке и опубликованию проекта аграрной реформы, подлежащего внесению в Учредительное Собрание; 6) не считая категорически необходимым всемерное обеспечение проведения земельной реформы во всей ее полноте, мы считаем долгом заявить, что коалиционное Временное Правительство должно вполне ясно и властно заявить о недопустимости в интересах сохранения производительности сельского хозяйства земельных захватов, при чем необходимо, чтобы отдельные министры в своих циркулярах и инструкциях не давали бы противоречивых и уклончивых разъяснений по этому вопросу; 7) во время войны во избежание понижения продуктивности сельского хозяйства невозможно допускать какой-либо ломки налаженных сельских хозяйств. Если же государственная потребность в интересах сохранения или повышения производительности хозяйства вызывает необходимость какого-либо государственного вмешательства, то таковое должно производиться при непременном условии охраны сельскохозяйственных культурных ценностей; 8) при создании организуемых на демократических началах органов местного самоуправления, Временное Правительство должно объединить деятельность этих органов с деятельностью местных комитетов, передав функцию последних местному самоуправлению как в целях согласования их деятельности, так и в целях сокращения государственных расходов.

Граждане, этой резолюцией я высказал Временному Правительству мысль целого ряда обществ и корпораций и по отношению к ним всем закончил свои полномочия. Но я должен добавить в разъяснение и дополнение только что прочтенной резолюции. Как видно из нашей резолюции, мы верим коалиционному Временному Правительству и идем поддержать его в тяжелую минуту, когда поставлен вопрос о судьбе родины и свободы. Мы помним слова министра финансов Некрасова и несем правительству правду, одну только правду, хотя бы и горькую. Мы должны сказать Временному Правительству, что, уезжая после Государственного Совещания домой, где спросят нас обо всем, где в волнении ждут нашего ответа, мы должны с болью в сердце сказать: мы видели, но не слышали наших министров — министра продовольствия и министра земледелия. А как рвались мы их услыхать! Ведь их слова для нас, их программа — гарантия спокойствия в деревне. И больно нам, что не нашлось слов, не нашлось содержания, чтобы не только услыхать от нас правду, но и сказать ее нам. Быть мо-

жет, то, что в нашей резолюции мы просим, уже вводится в жизнь, и то, что мы думаем, стоит на очереди, не было даже предметом обсуждения. Эту боль, я уверен, правительство и само чутко поймет и учтет. Мы хотели отвечать, т.-е. нас звали к ответным речам, но опять-таки мы должны сказать правду: отвечать не на что, так как нам в общем почти ничего не сказали. И разве может быть брошено слово упрека министру торговли Прокоповичу, который, сам пробывши политический получас министром, взял на себя не более, как доклад по пяти министерствам. Для Государственного Совещания это как будто и слишком много, почему и содержания вышло по каждому докладу мало. Поэтому многое осталось за завесой необоснованных наших предположений. Мы должны добавить, что для спокойного сплочения всех нас в одну армию спасения родины мы все, вероятно, желали бы услыхать и министра иностранных дел, чтобы он в пределах возможного осветил нам политический горизонт. Этот горизонт не освещен, так как многие ораторы, приберегая эту ценность к концу речи, вместо этого увлекались обращением к нам с призывом братства и не успевали закончить своей речи. У нас, словом, нет впечатления законченности речей.

Спешу приступить к сущности затронутых мною вопросов, чтобы успеть их закончить. Сельское хозяйство разрушается... Разрушается хозяйство крестьянское и частновладельческое... И надо знать причины этого разрушения. В то время, как хозяйство частновладельческое разрушается от анархических действий бессознательной темной массы, от захватов земли, инвентаря и урожая, крестьянское хозяйство тоже разрушается от отсутствия инвентаря, от отсутствия рабочих рук и культурной помощи и руководства. И где засеяны поля, надо видеть, как и чем они засеяны. Это не посев, а какая-то квитанция на неурожай. Случилось это потому, что разруха транспорта идет уже давно, давно идет сокращение количества рабочих рук, давно идет планомерное неумение регулировать работу наших военнопленных. Но все же в первые годы войны как-то кризис был не так остер; теперь же сельское хозяйство стоит на пути полного разорения. У нас с момента революции, надо сказать правду, не было министерства земледелия, а было и есть министерство политической подготовки страны к проведению аграрной реформы. Сельское же хозяйство совершенно забыто и приходится вести ломку земельного строя не при нормальных условиях, а при кризисе сельского хозяйства всей страны, когда вместо полей явились какие-то площади пустырей... И вот явилась в сельской жизни новая дата, дата создания земельных комитетов. Казалось бы надо радоваться созданию первого учреждения, организованного на демократических началах. В результате оказалось, что создание этих комитетов, вместо благословения, внесло море распри, беззакония и смуты[87]). Дело в том, что правительство, не дав никаких инструкций волостным земельным комитетам, лишь указало, что инструкции волостным земельным комитетам дают уездные комитеты... И вот явилось уездное законодательное учреждение, которое на-

чало творить. При этом, конечно, в каждом уезде творчество приняло свою форму. Эта была первая искра, брошенная в взволнованный и без того народ... Казалось, надо бы исправить то, что так неосмотрительно сорганизовано. Этого не случилось. Наоборот, появились два незабываемых циркуляра Временного Правительства, из коих в одном говорится, что все захваченное крестьянами обратно уже не отдается, а во втором, — что охраняются те лишь хозяйства, кои, по мнению населения, считаются культурными. В результате вспыхнул не только пожар разгромов и грабежей с захватами земли, но началась поножовщина среди поселян... Этими двумя циркулярами сельское хозяйство, поистине, было отдано на грабеж и разграбление.

И вот, когда со свойственной ему чуткостью Церетели издал распоряжение [о] земельных захватах, сельское хозяйство на минуту вздохнуло свободно... До этого циркуляра были писаны елейным слогом воззвания, как надо вести себя благонравным сельским обывателям, ни слова не было о праве и законе, не было того языка, который крестьянин сразу понял бы и сознал, что это действительно настоящее распоряжение... Но в то же время, как приказ Церетели стал уже распространяться среди населения, появились делегаты правительства, именно министерства земледелия, которые в противовес приказу Церетели стали разъяснять и распространять заразу указанных выше циркуляров. Результаты не заставили себя ждать. В Самаре после доклада такого делегата губернский земельный комитет совместно с Советом Крестьянских Депутатов от 24 июля сего года постановил: приказ Церетели распубликовать, но с добавлением пункта шестого указанного выше циркуляра о том, что захваченное не возвращается. От захвата культурных сельских хозяйств пострадали не только владельцы, но и государство... Распылена концентрация фуража, нарушен севооборот, уничтожены племенные и молочные стада; словом, производительность сельского хозяйства понижена на огромный процент.

Наступает момент, когда вернутся в деревню те, кто, отдавая жизнь за родину и свободу, терпит годы страданий и тевтонского гнева в плену... Вернутся и те, кто в окопах грудью защищает каждую пядь земли и свободы... и, вернувшись, спросят они Временное Правительство: что же вы сделали для нас здесь, когда мы отдавали для вас жизнь там? И в ответ на это нет оправданий. И в этот тяжелый момент, мы, представители сельскохозяйственных обществ, первые берем на себя почин, все как один человек, отбросив все личные и партийные счеты, итти навстречу Временному Правительству и принести ему не только веру, но и готовность дать опору в восстановлении разрухи в тылу, разрухи в сельском хозяйстве. И Временное Правительство, видя нашу готовность, видя любовь нашу к родине, поймет, что не угрозы, о которых говорил здесь министр-председатель, не одни укоры, а слова правды, быть может и горькой, несем мы, чтобы не было ничего тайного, чтобы все бреши были открыты. Прежде всего, мы должны снять тот огуль-

ный упрек, бросаемый чуть ли не всему нашему крестьянству, судя по отчету прессы. По этим отчетам можно заключить, что вместо крестьянина-землепашца появился экспроприатор. И мы должны сказать, что если есть захваты и разгромы, если есть полная анархия, то виноват ли в этом крестьянин и по крайней мере один ли крестьянин? Временное Правительство знало, что ему оставила в наследство самодержавная власть. Временное Правительство знало, что эта старая власть страдала по примеру водобоязни боязнью грамотности и на бесправной темноте созидала свое благополучие. И этому темному, полуграмотному, обезумевшему от счастья, что наконец-то ему, исстрадавшемуся от стольких веков ожиданий, дается земля, этому человеку поручается правотворчество в стране. У нас есть и не отменен закон, который карает виновного в том, что дали ребенку оружие, и ребенок совершил преступление. А разве наше крестьянство не те же несведущие дети, разве это неизвестно правительству? И приказ Церетели таким образом был похоронен по третьему разряду... Вот какая согласованность в деятельности отдельных министерств, какое отсутствие планомерной работы. Судите, кто же виноват. Неужели наше крестьянство и комитеты? Виновато исключительно Временное Правительство. Благодаря этим двум циркулярам дезорганизация дошла до такой точки своего апогея, что волостной земельный комитет в Орше, получив приказ Главного земельного комитета о возврате немедленном захваченного, постановил оставить такой приказ без рассмотрения, так как он противоречит циркуляру правительства. Вот почему мы просим правительство дать ясное и властное распоряжение о запрете захватов и не давать подобных циркуляров. Мы просим согласованности действий и осмотрительного отношения.

Мы твердо верим, что Временное Правительство принимало, принимает и будет принимать все меры к спасению родины. Мы верим тому, что спасение это дорого всем, кто присутствует здесь. Но мы не верим, что вы уйдете отсюда, не достигнув соглашения, не соглашения партийного, а соглашения к труду, чтобы все как один человек поднялись на борьбу за свободную великую Россию. И если еще нет этого соглашения, то просто, мне кажется, потому, что еще не учтен с надлежащей оценкой в этом зале тот грозный час, когда идет вопрос о том — быть или не быть России. Как представитель сельскохозяйственных обществ, я сошлюсь вам на пример, когда в вашей семье, где часто ссоры идут годами, от злой руки загорается дом, то неужели в это время начнут вступать в соглашение и каждый член семьи доказывать свою правоту? Нет, в этот момент все, как один человек, кто любит гибнущее достояние, бросаются гасить пожар и бросаются часто в огонь, спасая то, что дорого, не щадя своей жизни и оберегая жизнь другого. Огонь прежде всего как бы сжигает вражду и ненависть, и люди братски берутся за общее дело спасения. И только потому нет единодушия пока здесь, в этом зале, того инстинктивного призыва, что кажется нам, что еще враг далеко. Но стоит отойти на мгновенье от партийных раздоров и трезво взглянуть на факты, и вы пой-

мете, что враг уже за нашими плечами. То, что сказал нам верховный главнокомандующий, подтверждает мое предположение. На очереди Рига. А если, спрошу я вас, затем Петроград? Тогда что? Тоже будем спорить о соглашении? Неужели враг действительно должен встать под стенами Москвы, чтобы взрыв патриотизма и единодушного подъема проявился в полной силе, и вся партийная и классовая, групповая рознь отошла бы прочь, когда идет вопрос о свободе или рабстве? И как бы ни были вы непримиримы в своих тезисах соглашения, как бы грозно и противоречиво ни звучали ваши голоса в кулуарах Совещания, мы вам не верим, что вы уйдете из этого зала, не сплотившись в одну мощную стальную броню, противопоставив ее зарвавшемуся нашему врагу.

Здесь несколько раз почему-то вспоминали слова Столыпина. Быть может, здесь они найдут больше применения. Вам, граждане, израненная наша родина, Русь, глядя на наши распри, скажет: «Не запугаете. Вы любите меня, вы не для того дали мне свободу, чтобы погубить, и вы пойдете, забыв все личные и партийные счеты, для спасения родины и свободы». К этому единению звал нас всех министр-председатель, к этому единению зовут нас вожди всех партий, к этому единению особенно ярко прозвучал голос одного из вождей демократии, нашего чистого Церетели. Так кто же посмеет в настоящий момент звать нас на путь классовой или партийной борьбы? Кто посмеет обострять эту вражду и этой враждой втыкать нож в спину истекающей кровью России? Это может сделать только тот, кто не любит России, это может сделать только предатель. Выйдем же из этого зала полные не только готовности спасти Россию, полные не только готовности верить и поддержать Временное Правительство, но полные любви к человеку, к своему ближнему. Тогда в этом совещании будут выкованы великие слова: братство, равенство и свобода.

Председатель. Слово принадлежит представителю Всероссийской сельскохозяйственной палаты, союза коннозаводчиков и других князю Кропоткину.

Князь Кропоткин. Война, которую приходится вести России и всем народам, отличается характером массовых призывов всего населения к участию в этой войне. Это — война народов, и потому для нее ценно сохранить единство, единомыслие, чтобы создать тот дух, который дает победу. Я перехожу к внутреннему строю внутренней жизни России и спрашиваю, как была направлена работа в тылу для создания этого духа? Земля тоже народная, но что совершилось на этой земле? На земле совершился ряд переустройств, необходимых и вызванных революцией, но это переустройство совершилось без инициативы сверху, и неподготовленным массам было предоставлено самим устраивать свою жизнь, как могут и как умеют. И вот появилась целая сеть организаций, комитетов, которые распространились по всей России без руководства, что создало волостной патриотизм взамен российского патриотизма. Этот патриотизм дал своеобразный взгляд на нужды своей волости, создал ту анархию, то разобщение интересов, которые не

позволяют вести государственное дело. Перед нами обрисовалось явление, крайне печально отразившееся на армии. В тот момент, когда сыновья дерутся на фронте, отцы разграбливаются, в тот момент, когда жена и мать получают удары экономические и насилие, в этот момент сыновья на фронте должны защищать землю, которую у них отнимают. (Шум. Протесты.) Господа, единство не может быть при таком направлении дела, а, следовательно, внутреннее устройство не дает возможности создать тот дух, который необходим для победы. При всей разрухе, которую переживала страна, совершился акт, совершенно не соответствующий тем свободам, которые мы с трудом завоевали. (Шум.) Мы пережили ряд насилий над личностью, явное проявление неуважения к человеку. Это необходимо устранить, это необходимо прекратить, и если мы искренно верим, что основы благополучия России заключаются в мощности армии, если нам дороги ее интересы, если мы хотим хранить целость России, удержать свободу, то мы должны создать такой внутренний порядок, который отвечал бы настроению духа армии и не вводил бы в смущение народную совесть.

Я хочу здесь обратить внимание на то, что эта политика вызвала ужасный вопрос. Я вспоминаю речь одного из министров нашего Временного Правительства, когда он определял надвигающуюся беду: «Нам не дают денег, нас на местах не слушают, солдаты не хотят воевать». Но, господа, почему это произошло? Почему крестьянство не дает хлеба? Почему народ протестует? (Шум, крики: «Это неправда!» Дают!») Никогда крестьянство в этом никто не смеет упрекнуть. Нужно вникнуть в ту продовольственную политику, которая осуществляется в данный момент и создает невозможное отношение к цене, к этому основному фактору производства. Нельзя, господа, предъявлять населению требование жертв и при этом говорить, что цена на хлеб не соответствует стоимости его производства, не покрывает расходов, как заявило правительство. От убытка жертвовать нельзя. Крестьянство, конечно, отстаивает свои интересы и должно их защищать, но дайте ему возможность верить, что забота о нем идет и распространяется во всей полноте, и тогда хлеб оно даст. Сохраняйте его экономические интересы, следите за его нуждами, дайте ему возможность получить вознаграждение за его труд и получить цену, которую он должен получить за свой хлеб. Затем я укажу на громадную сеть организаций, которая запутала внутреннее устройство России. Не виновата идея социализма, которую нельзя не уважать как идею, но кто ее исполнял и проводил в комитетах? Социалисты или их враги, — этого я не знаю. Я не социалист, но уважаю истинный социализм; но когда я вижу захваты, грабежи, насилия, то я должен сказать, что они ничего общего с социализмом не имеют и правительство должно отделить и заставить присосавшихся к социализму людей уйти от дела строительства страны. Я, господа, смотрю на ту разруху, которая происходит в данный момент, не как на разруху и удары, наносимые лично владельцам или отдельным собственникам. Смешно здесь говорить об этом в тот момент, когда Россия стоит

на краю гибели. Хотя мы пережили тяжелые дни, но это мелочь сравнительно с тем вопросом, который перед нами выступает. Надо помнить, что порядок нужен для прекращения насилия и для проявления со стороны правительства и общества уважения к святой жертве войны и ради этого уважения. И если порядка нет, нет и победы.

Нельзя проводить народную войну, не понимая того основного принципа, что воин, который ушел на фронт, сдает на попечение правительству и всему государству свою семью. Он должен требовать и имеет право требовать уважения к той жертве, которую он несет. Жертва воина — жертва великая и жертва святая. И поэтому порядок в тылу есть основная обязанность всех нас и правительства вместе.

Исходя из этого положения (читает):

«Всероссийская сельскохозяйственная палата совместно с Всероссийским союзом коннозаводчиков, с Северным сельскохозяйственным обществом и Всероссийским профессиональным союзом служащих во всех отраслях сельского хозяйства и сельской промышленности выражает глубокое сожаление о том, что правительство в своей декларации на Государственном Совещании не осветило с должной полнотой важнейший вопрос современной жизни России — степень обеспеченности страны продовольствием в связи с общим положением главнейшей отрасли народного труда — сельского хозяйства, считает долгом указать на то неописуемо тяжелое положение, в котором ныне находится все производство сельскохозяйственных продуктов. В полном противоречии с заявлением правительства, что оно стоит на страже личных и имущественных прав всех граждан и что права эти должны оставаться неприкосновенными впредь до Учредительного Собрания,— на деле на всем обширном пространстве нашего государства права эти ежедневно подвергаются грубому нарушению. Различные местные, земельные, продовольственные и иного наименования комитеты отчасти утверждают, отчасти сами постановляют захваты земель частных собственников, присвоение принадлежащего им живого и мертвого инвентаря и вообще вторгаются в распоряжение земельными имуществами, независимо от их размера, к явному ущербу не только отдельных землевладельцев, но и общего положения сельского хозяйства в стране. Неизбежным последствием всех этих незаконных действий является уменьшение общего количества получаемых с земли продуктов, причем в особенности страдают некоторые отдельные отрасли сельского хозяйства — высокие специальные культуры. Одновременно целый класс людей, а именно многочисленные служащие в хозяйствах, насильственно устраняется от заведывания делом и тем лишается средств существования.

Всеми этими действиями наносится непоправимый ущерб русскому сельскому хозяйству: созданные десятилетиями конные заводы, скотозаводческие и семенные хозяйства и вообще рассадники высшей сельскохозяйственной техники

всецело захватываются неорганизованными, неимеющими в своем составе лиц, способных вести сложное сельскохозяйственное дело, местными комитетами. Всеобщая разруха отразилась в такой же мере и на лесном хозяйстве: в одних местах владельцам воспрещается всякая рубка леса, хотя бы она производилась для надобности обороны, в других местах леса вырубаются местным населением в свою пользу по постановлению самочинных комитетов, без всякого плана и соображения с естественным приростом. Не лучше обстоит дело и в обширных казенных лесах, где большинство высшей администрации устранено, и все дело находится в руках низших служащих, нередко злоупотребляющих захваченной ими властью. Гибель русской сельскохозяйственной культуры, грозящая в ближайшем будущем голодом для крупных городских центров и для наших северных губерний, искони кормящихся привозным хлебом, одновременно обрекает нашу страну на положение данника Западной Европы.

Вместо того, чтобы содействовать улучшению тяжелого положения после войны путем усиленного вывоза главного предмета нашего международного товарного обмена — сельскохозяйственных продуктов, правительство своими распоряжениями разрушает земледелие со всеми его разнообразными ценными отраслями. Временное Правительство как бы задалось целью отнять охоту у кого бы то ни было прилагать свой труд, знание и капитал к использованию производительных сил земли. Особенно ярко это сказывается в установлении твердых цен на зерновые продукты. Определение твердых цен для одного предмета первой необходимости без одновременного и согласованного нормирования цен для других таких же предметов — по существу более чем несправедливо, да и самый размер установленной для главнейших хлебов цены совершенно не соответствует изменившимся со времени определения этой цены условиям производства хлеба. В результате получается тайная с огромным повышением цены продажа хлеба, получившая широкое распространение, а с другой стороны, противодействие со стороны земледельческого населения к уступке хлеба агентам правительства по твердой цене. На этой почве уже ныне создалось крайне напряженное, порождающее столкновения с агентами власти настроение сельского населения. При этом, как это было заявлено 8 августа сего года в общегосударственном продовольственном комитете министром продовольствия, для получения хлеба от населения в некоторых местностях было применено «физическое воздействие».

Государственный переворот произведен в тяжелую годину народных бедствий, прежде всего и главным образом вследствие того, что народ изверился в возможности сосредоточения всех народных помыслов и всей народной воли на осуществлении одной ныне первенствующей задачи «отражения вражеского нашествия на страну». Таким образом, сама собой намечалась основная обязанность Временного Правительства сплотить народ воедино для достижения главной цели — одоления врага. Увы! Временное Правительство избрало иной путь, угашая в

народе дух самопожертвования на пользу общую и львиной доблести. Оно насаждает в нем дух себялюбивого сепаратизма и неуважения к праву и труду человека. Сила народная не накопляется, не сосредоточивается, а распадается и распыляется, одновременно подтачиваются основы экономической мощи страны.

Мы считаем необходимым, чтобы Временное Правительство в целях успешного снабжения армии и страны продовольствием немедленно обеспечило земледельцам спокойную и свободную работу на местах и установило бы тот внутренний «земский мир», без которого сплоченный народный отпор врагу и спасение страны немыслимы.

Я, господа, еще хочу отметить, что мы были крайне удивлены, что у нас не было доклада министра земледелия и не была выдвинута та политика, которая необходима для России в будущем. Перед нами стоит громадная опасность экономической борьбы, которую нужно так или иначе предотвратить, выработать экономические условия, дающие возможность народу жить безбедно. (Аплодисменты справа.)

Озеров[88]). Господа. Как совершенно справедливо заметил в предшествующем заседании г. Плеханов, все мы жаждем социального мира. Но, господа, самый опасный враг социального мира, это—голод и холод, и если он со своей костлявой рукой подойдет к нам, (а он подойдет к нам), если, господа, мы разрушим нашу промышленность, разрушим наше сельское хозяйство, наш транспорт, то ни о каком социальном мире не может быть и речи. Господа, ведь нужно, чтобы и буржуазия и рабочий класс жили полной жизнью, а не то, чтобы от них остались одни только хвосты, о которых говорили. И вот, господа, я по долгу совести, как экономист, по поручению земельных банков имею честь сделать следующее заявление. Все мы сыны нашей родины, и не с узкой точки зрения земельных банков будем мы говорить в настоящую тяжелую минуту, а как сыны, кровью болеющие за свою родину-мать.

Мы жили, господа, в темноте, и до социалистического строя, по нашему глубокому убеждению, мы не доросли. Мы должны пока жить в капиталистическом строе, — мы не изжили его, — укрепляя его, а не разрушая его, сглаживая его дурные стороны, беря из него все лучшее, чтобы подготовить,—да, верно, с этим я согласен, — переход к другому, новому, лучшему социальному укладу. И мы должны себе это определенно сказать, что должна быть сильная власть, а не тень ее, которая в состоянии была бы это проводить. Власть, только говорящая, — не есть власть. Надо уметь, когда нужно, опираться на силу, на меч, и мы, повинуясь своей совести, должны сказать здесь эту правду, быть может, горькую правду, и упомянуть даже об ошибках, но с той целью, чтобы этих ошибок не повторять, и то, что из них остается, чтобы это исправить. У нас, господа, нет сейчас личной и имущественной безопасности. Надломлена наша победоносная грозная армия, которая

прежде без снарядов и вооружений, с голыми руками шла на врага, не щадя своей жизни и проливая кровь за родную родину, а с падением в ней дисциплины часть армии бежит, превращаясь в толпу недисциплинированных людей. Мы смотрели, как чумные бациллы разносились по нашей армии, и благодаря этому у нас был открыт фронт для неприятельской армии, и мы все, господа, виновны в том, что ни словом, ни делом мы не вмешались, быть может, во-время. Я обвиняю все русское общество.

Но теперь открывается фронт и нашей экономической жизни той разрухой, которая у нас имеет место. Промышленность обессиливается, она не будет подготовлена к демобилизации и не будет в состоянии встретить международную конкуренцию. Мы останемся без промышленности, а в ее развитии лежит одно из главнейших средств вылечить наш бюджет и предохранить от падения наш рубль. Господа, с расстройством нашей промышленности нам придется много ввозить из-за границы, вывозить нам будет, господа, нечего. Хлеба, с расстройством частновладельческих хозяйств, едва ли хватит нам самим, масла, яиц также, лес мы еще не скоро будем вывозить. И мы думаем, что разрушение промышленности — величайшее бедствие, это нож в спину русской революции, так как с разрушением ее придет голод в наши города. Разрушаются и сельские хозяйства допущением организованного захвата частновладельческих земель и инвентаря темными массами населения, так как говорят лишь об охране культурных имений и тем самым как бы оставляют на расхищение остальные имения. Но кто определяет, что такое культурное имение, да и охраняются ли они? Твердыми ценами внесена великая разруха в продовольственное дело, и понятно, почему крестьяне неохотно отдают свой хлеб в обмен на кредитные билеты. На них ничего почти нельзя купить в настоящее время, — ни ситца, ни железа, ни сахара, и, пожалуй, в политической экономии скоро и будут так определять русские бумажные деньги: это денежные знаки, на которые можно приобрести лишь военные займы и больше ничего. У нас, господа, раздавались кредитные билеты направо и налево и тем создавалась в стране масса гулящих денег, которые идут на базар и предъявляются в обмен на товары за всякую цену. Надо принять меры к строжайшей экономии.

Ограничением земельных сделок землевладелец лишен кредита. Этим брошена искра в пороховой погреб, уничтожено всякое желание работы у землевладельцев, в деревне идет брат на брата, культурные хозяйственные ячейки — наша великая ценность — гибнут. Мы стоим, и я лично стою, на точке зрения приемлемости и необходимости принудительного отчуждения. И когда потребуется, поддержим правительство в этом. Но сейчас не время социальных реформ и социальных экспериментов. (*Смех на крайней левой.*) Солдат в окопах должен думать о войне, а не о дележе земли. В области промышленности и сельского хозяйства проводится политика экономического поражения, если хотите. (*Аплодисменты.*)

Господа, в начале революции курс рубля поднялся за границей. Так за границей приветствовали наш новый режим. Но теперь там увидали наше творческое духовное банкротство, и он сильно упал. В течение четырех месяцев после революции у нас успели разрушить нашу грозную и доблестную армию, наши финансы, нашу промышленность, частновладельческое сельское хозяйство, наши железные дороги. Все мы слышали ссылки на полученное наследство от старого режима. А что теперь после четырех месяцев? Неудивительно, что мало подписываются на государственные займы: все боятся, что бумажка завтрашнего дня будет дешевле бумажки сегодняшнего, и вещи будут становиться дороже денег. Надо понять в экономической и финансовой политике, — и на это надо направить все усилия, — что все дело в создании новых ценностей, а между тем производительность труда у нас упала, а некоторые, — увы! — этой простой истине учатся на спине народного организма. Нам нужно всемерно бороться с товарным голодом, и, быть может, часть армии, находящуюся в тылу, надо отпустить на фабрики и заводы для работ, так как голод и холод—самый жестокий враг, и мы сейчас распропагандировываем самого опасного агитатора — голодный желудок, который может снести все. Это — контрреволюция. Мы приветствуем мысль о введении трудовой повинности.

У нас разгорается классовая вражда, натравливается рабочий на предпринимателя, крестьянин на помещика. У нас полное расстройство в администрации. У нас потакали пожеланиям толпы, в угоду ей был издан приказ № 1, разложивший нашу армию; в угоду ей обескровливается промышленность, опустошен казенный сундук. У нас это объяснялось тем, что для удовлетворения притязаний служащих хватит печатного станка. Уничтожается всякая власть на местах. И в России искусственно культивируется ленивая психология. Все впитывают в себя эту ленивую психологию и ею, боюсь, заразят деревню. И за это Россия, господа, вам не скажет спасибо.

Мы приветствуем от души заявление правительства, что оно сильно и использует свою власть в интересах целостности и спокойствия страны, и мы желаем, чтобы это на деле было доказано. Министр-председатель заявил, что все будет поставлено на свое место. Но надо делать это немедленно. Нельзя утопающего утешать тем, что начали вить веревку, чтобы ее ему бросить,— ведь он может за это время утонуть. Нельзя позволять себе роскоши дезорганизации армии и разрухи хозяйственной жизни. Армия должна быть вне политики со всеми последствиями, вытекающими из этого положения. И неведомых экспериментов во время войны производить нельзя. Дисциплина необходима не только для победного окончания войны, но если она не будет восстановлена до демобилизации, то во время демобилизации сколько городов будет разрушено, железные дороги остановятся, сколько будет насилий, хозяйственная жизнь придет в параличное состояние. Мы должны сказать трудящимся, и пусть они услышат это через это собрание. Каждый теперь должен

стоять на своем посту, забыть на время войны даже о восьмичасовом рабочем дне и напрячь все свои усилия, чтобы создать возможно больше ценностей и поднять производительность. Некоторые организации говорят все о спасении революции, о борьбе с контрреволюцией. Но, положа руку на сердце, скажите, — мы обращаемся к этим организациям: кто эти возможные контрреволюционеры? (Возгласы на скамьях левых: «Это вы!»)

Керенский Я прошу не вступать в пререкания.

Озеров. Забитый солдат, в котором при старом режиме не видали человека, крестьянин, который должен был трепетать перед каждым урядником или стражником, бесправный еврей, гонимый старообрядец, буржуазия, которой боялся старый режим,— что она посмеет свое суждение иметь? Нет, у старого режима нет сторонников. Но, углубляя и расширяя военную, политическую и общественную разруху, мы сами, господа, подготовляем контрреволюцию. При отсутствии личной безопасности, при голоде и холоде люди будут метаться из стороны в сторону и, мы боимся, будут обращать взоры к власти какой бы то ни было, гонимые в объятия страхом за свою судьбу. Да, вы вьете веревку на свою шею и на шею русской революции и нашей свободы. Надо иметь мужество говорить массам населения и неприятные вещи и быть выше толпы: свобода не есть свобода от труда, от совести, это не есть свобода рвать своекорыстно по кускам живое тело страны. Надо расстаться с несозревшими еще иллюзиями.

Керенский. Прошу Государственное Совещание сохранять такое же спокойствие, которое было до сих пор. Нам осталось уже немного, и мы не должны своим поведением нарушить то спокойствие, выдержку и серьезность, с которыми протекали те два дня.

Рябушинский [89]). Граждане. Позвольте мне, как представителю торговых организаций и как простому гражданину земли русской, высказать несколько соображений.

Прежде всего, позвольте мне заявить и еще раз повторить, что торгово-промышленный мир единодушно приветствовал свержение презренной царской власти и никакого возврата к прошлому, конечно, быть не может. Одновременно он же в будущем будет так же искренно приветствовать республиканский строй в России. Он желает также, чтобы настоящее Временное Правительство пользовалось всей полнотой власти, было мужественно сильным и душевно скромным. Наша торговля и промышленность переживают в настоящее время крайне тяжелое положение. Вы сами знаете, что деятели ее со всех сторон встречают определенное противодействие. Если вы обратитесь и посмотрите кругом, то вы увидите, сколько заколоченных лавок стоит во всех местах. Мы видим, что торгово-промышленный аппарат постепенно разрушается, мы видим, что многие старинные фирмы, которые имеют почтенное имя, ныне уже более существовать не могут. Все это, конечно, страшно пугает наш торгово-промышленный класс. Здесь было указано, что то недоверие, которое

существует в разных местах, — вот что заставляет отбрасывать от живого дела нашу торговлю. Но я бы сказал, что наше правительство, идя по неверному пути, само содействует тому, чтобы наша торговля отмирала. Если же мы посмотрим на те экономические пути, по которым направляется Россия, и, в первую очередь, на хлебную государственную монополию, ныне введенную без должных соображений, вы увидите, что это начинание, как вам было указано, будет стоить громадных сумм. Уже в настоящее время отпущено 500 миллионов рублей, которые лягут всей тяжестью на все население России. Здесь было сказано, что всюду новый строй проявляет творчество. Мы будем сами приветствовать это творчество, но, к сожалению, до сих пор мы и намека на это творчество не имеем. Все это является крайне печальным. Торгово-промышленный класс всегда будет приветствовать новые пути. Сама промышленность является тем прогрессивным началом, которое идет вперед и за собой ведет других. Одновременно были сделаны указания многими лицами и членами правительства, что наш торговый класс не несет должных жертв, не встречается в нем должного сочувствия к тем налогам, которые должны пасть на его плечи. (Чхеидзе с места: «Совершенно верно».) Это неверно. Нужно сказать, что торгово-промышленный класс всегда являлся исправным плательщиком налогов. Он в значительной сумме участвовал в том «займе свободы», который осуществился. Он не отказывается и в будущем нести все те тяготы, которые будут возложены на его плечи. Мы свой долг исполним, а если есть подобные заявления, то мы посмотрим, как другие классы населения исполнят свой долг и внесут *) подоходный налог. Одновременно, господа, мы должны заявить, что, внося эти суммы, мы, зная цену денег, конечно, будем требовать, чтобы наши жертвы были правильным образом использованы и чтобы расточительно не раздавались народные, государственные деньги. Это наше право, как и право каждого гражданина земли русской. Мы в то же самое время знаем, что и для налогов есть определенный предел, потому что если вы затронете капитал, эту живую силу, которая двигает промышленность, то от этого пострадаем не только мы, от этого пострадает класс рабочих и вся Россия. Тут ставится известная грань государственным взысканиям. Нельзя уничтожить воду, которая вращает колесо промышленной машины. Мы не протестуем и против того, чтобы в такое трудное время был наложен определенный контроль над действиями нашего промышленного аппарата. Это совершенно естественно, но в то же самое время наша свобода действий должна быть гарантирована, потому что поднадзорная промышленность и промышленность в цепях не имеет той должной инициативы, которая заставляет ключом биться промышленную жизнь. (Возглас слева: «Лицемер».) Мы сами знаем, каким могучим двигательным рычагом является частная инициатива.

*) *В подлиннике:* вынесут.

Переходя к вопросу финансовому, мы увидим, что те громадные суммы кредитных денег, которые заполняют всю Россию, конечно, гнетут и увеличивают стоимость жизни. Правительство старается извлечь эти лишние деньги путем займов. Конечно, те займы, которые осуществляются, недостаточны, и в этом направлении должно быть сделано новое усилие: но, конечно, мы в то же самое время знаем, что наше крестьянство, которое, может быть, и не участвует в должной мере в займах, имеет те миллиардные суммы, которые оно не хранит в банках, а хранит у себя. Этим оно совершает косвенно доброе дело, потому что, извлекая эти деньги из оборота, ослабляет рост дороговизны. Оно, конечно, не сознает этого, но если бы эти деньги появились, то дороговизна возросла бы еще больше. Появление этих денег задерживается тем, что наше крестьянство не может получить должного количества продуктов.

Здесь были случайные указания, что положение рабочего класса в должной мере не улучшилось. Конечно, это неверно. Это знает и сам рабочий класс. Я хотел бы возразить последнему оратору, г. Плеханову, который, возратившись из-за границы, не познакомился в полной мере с положением рабочего вопроса в России. Я отвечу тем, что приведу лишь несколько цифр. В области текстильной промышленности: за время войны прядильщики получили увеличение платы на 500%, в то же время, если возьмем твердые цены на хлеб, то увидим, что цена увеличилась приблизительно на 200%. Следовательно, положение рабочего в сравнении с крестьянином (шум) улучшилось в два с половиной раза. Я не говорю для того, чтобы кому-то это указать, но говорю, что это вопрос серьезный, на него нужно обратить внимание. И, конечно, ввиду падения денег не может быть речи об изменении создавшегося положения. Но я просто констатирую факт. Определенный ряд мер, гарантирующих нашу промышленность в будущем, которые намерено принять наше министерство, является вполне целесообразным, и мы уверены, что и рабочий класс их дружно встретит.

Переходя теперь к другим вопросам, я обращаю прежде всего внимание на те организации, часто самочинные и разнородные, которые охватили всю Россию, опутали всю Россию, как выразился один из крестьян, здесь говоривших. Может быть, во многом ее и запутали. Конечно, все эти организации должны быть введены в определенные рамки, в противном случае они нарушают правильное течение жизни, вмешиваясь в нее и идя даже, может быть, вразрез с общими видами нашего правительства. От этих организаций во многом страдает наша местная торговля. Конечно, это не значит, что мы враги каких-либо организаций, и я считаю нужным указать, что я сам первый уговорил московских рабочих, после того как с собрания вышли большевики, вступить в московский военнопромышленный комитет и этим положить начало московским рабочим организациям. Но я чувствую, что должен быть установлен в настоящее время определенный порядок.

Несправедливы заявления со стороны тех, которые указывают, что в настоящее трудное в жизни государства время торгово-промышленный класс занимает какое-то особое положение, что он отошел в сторону и не хочет помочь правительству и государству в эту ответственную минуту и, во всяком случае, преследует свои личные и классовые интересы. Я заявляю, зная те основные промышленные и торговые группы, к которым я принадлежу, что это совершенно неверно. Обратно,—я должен указать, что другие организации и другие демократические силы, которые выдвинулись в настоящее время, стали на такую точку зрения. Они говорят, что нас численно больше, а потому мы и правы. Во всяком случае, эта психология не в состоянии правильно направить промышленность и торговлю по тому пути, по которому они могли бы развиваться. Простая формула развития промышленных сил без содержания не даст результатов. Если посмотрим на прошлое, то увидим, что наш рабочий класс при старом строе страдал страшно, но в настоящую минуту я сказал бы, что он является господином положения. Если посмотрите на промышленность и торговлю, вы увидите, что она и при прежней власти страшно страдала и не могла развиваться хотя бы в масштабе европейском, тем более американском. Этому мешали. И потому мы страдали *) душой и содействовали тому, чтобы старая власть была убрана из пределов государства. Но в то же время мы видим, что и при настоящем, при новом, нами желанном строе наша промышленность и торговля не стали еще на правильные рельсы. Целый ряд, может быть, естественных противодействий переходного времени препятствует этому. Но мы ждем, что наконец все войдет в рамки, и мы в состоянии будем выдержать иностранный натиск. Война кончится, и иностранный капитал с силами и с средствами нахлынет и уничтожит, может быть, и нас, а вместе с нами и интересы рабочего люда. Это и есть страшный момент, к которому мы все должны готовиться, потому что мы думаем, что если мы будем ослаблены, то естественно впадем в экономическое рабство международного капитала. Это будет нежелательно ни для кого из нас. И мы приступим невольно тогда к распродаже естественных богатств России. Чужие будут эксплоатировать русский рабочий труд, но не мы. А мы — все-таки граждане России, и каждый из вас может сделаться ныне таким же промышленником и таким же торговцем, если у него есть энергия и воля. Все это говорит за то, насколько серьезно положение, которое мы переживаем. Я думаю, что настоящее Государственное Совещание должно явиться собранием, которое сумеет уяснить и нашу общую психологию, и те потребности, которые имеет вся Россия, независимо от классов, из которых она состоит. Пусть наше собрание явится тем всенародным судом, который оценит, кто прав, кто виноват, и укажет нам обоюдные ошибки, и мы лично, когда будет это нужно и будет доказано, признаем свои собственные промахи.

---

*) *В подлиннике*: стояли.

Все это, господа, заставляет нас обратить внимание и на самую конструкцию нашей высшей власти, потому что сама власть является той руководительницей, которая направляет жизнь страны в то или иное русло, подвергаясь, может быть, сама тем или иным течениям под влиянием тех или иных натисков, которые ведутся на эту власть. И потому мы в настоящее время, после реорганизации ее, к ней присматривались, и каждый из нас в этом собрании старается себе уяснить, насколько эта власть может сделаться властью общенациональной, насколько она может стать на сверхпартийную точку зрения, не подчиняясь кому бы то ни было и считаясь только с общим настроением всего населения страны. Я должен сказать, что, может быть, в последнем уверенности мы не имеем, потому что ближайшее прошлое не давало нам в этом отношении должных данных, а будущее является еще под сомнением. Третьего дня мы выслушали слова представителя высшей власти. Пред нами пронесся тогда ряд слов зелененьких, синеньких, красненьких, но мы не почувствовали того внутреннего убеждения и, может быть, того действительного энтузиазма, о котором здесь так много говорилось. Мы отмечаем, конечно, те ужимки царского наследия, которые мы усмотрели, но в то же время мы чувствуем, что момент слишком серьезен, что в этот момент должны отпасть все личные чувства, все то, что нас связывает, что нам мешает, — все должно быть отброшено, все должно быть подчинено государственной необходимости, для достижения тех целей, которые стоят перед нашим государством.

Мы понимаем, что в настоящее время Россией управляет какая-то несбыточная мечта, невежество и демагогия. Вот эти три начала, которые влекут Россию. И мы не знаем, куда, без путей, она будет доведена. Поэтому мы должны найти те патриотические слова, которые сумели бы нас всех объединить для того, чтобы мы, граждане, защитили Россию. Ведь до сих пор мы слышали слова об опасности, но мы не чувствовали еще того внутреннего чувства, которое бы нас сплачивало воедино. Неужели мы дойдем до того, что, в конце концов, под влиянием общего развала мы бросимся друг на друга, ища каких-то виновных? Этого мы допустить не можем и, конечно, не допустим. Но мы переживаем такое время, что сам народ во многих случаях станет потом кричать, почему мы его не остановили.

Мой срок истекает, я принужден, к сожалению, закончить свою речь. Мы будем ждать, что, наконец, мы соединимся вместе в этом общем труде, и, победивши нашего врага, в сонме великих народов голос России будет услышан, и она явится поборницей общей справедливости, равенства и братства. Мы же, господа, должны доделать во что бы то ни стало наше трудное дело. В противном случае, если мы не победим, то Россия погибла, погибла Россия, и это мы чувствуем все, господа. В настоящее же время необходимо нам найти тот общий язык, который нас бы объединил. Если наше постылое прошлое нас всех размежевывало, то пусть горе России нас всех соединит.

Председатель. Слово принадлежит представителю группы торгово-промышленных организаций Кутлеру [90]).

Кутлер. Граждане, свою речь от имени торгово-промышленной группы я считаю долгом начать с заявления, что группа всецело присоединяется к той декларации, которая сделана совещанию от имени членов Государственной Думы, ввиду чего я считаю излишним останавливаться на общеполитических вопросах, подробно и красноречиво освещенных в речах членов Думы, и перехожу прямо к вопросам экономическим и финансовым, имеющим ближайшее отношение к промышленности.

Начну с заявления министра торговли и промышленности о необходимости в течение войны, а вероятно некоторое время и по ее окончании, мер государственного распределения топлива, сырья, продовольствия и некоторых других товаров. Вполне понимая неизбежность ограничения торговли и промышленности ради охраны общих нужд государства, нельзя, однако, не указать, что меры этого рода при старом режиме приносили мало пользы, зачастую увеличивая экономический беспорядок в стране. Справедливость требует указать, что и новый режим не принес нам какого-либо в этом вопросе успеха. Его нельзя было, впрочем, и ожидать, ибо государственное распределение сырья и прочего представляет из себя сложную систему мер, тесно связанных между собой, для осуществления которых необходима стройная организация, строгая дисциплина всех входящих в состав системы элементов. Между тем революция привела за собой анархию, разрушила прежние организации и по сие время не создала на место их новых, достаточно прочных, действующих по строгой системе. Распались не только специальные учреждения, но даже общее управление страной. За отсутствием законных учреждений место их заняли самочинные. Несмотря на лучшие, быть может, намерения многих из них, они не оказались способными выполнить принятую на себя задачу, не будучи должным образом связаны ни с общим государственным механизмом, ни между собою и руководимые зачастую лицами, не обладающими никаким административным опытом и знанием. В большинстве случаев эти добровольные организации вносили в дело лишь путаницу и хаос. Впрочем, немногим лучше обстояло до сих пор дело и в некоторых образованных на основании новых законов учреждениях, например, в продовольственных комитетах, частью вовсе не организовавшихся, частью занявшихся вопросами, не подлежащими их компетенции, и по общему правилу не проявляющих склонности исполнять распоряжения центральной власти. Дело правильной организации распределительных органов государства еще целиком впереди, и в зависимости от того, будет ли удачно выполнена эта задача, зависит и успех в выполнении государством его распределительных функций.

Необходимо упомянуть, что успеху распределения топлива, сырья, продовольствия и т. п. могло бы чрезвычайно способствовать привлечение к ближайшему в нем участию частной промышленности и торговли, располагающих готовым для этой

цели аппаратом. Нельзя поэтому не пожалеть, что эти силы недостаточно использованы для дела распределения. Особенно настоятельно было бы скорейшее и самое полное использование торгового аппарата в продовольственном деле, пришедшем в совершенное расстройство и грозящем стране неисчислимыми бедствиями. Впрочем, в этом деле одними формальными исправлениями обойтись нельзя, и неизбежен в ближайшем будущем пересмотр твердых цен на хлеб, совершенно несогласованных с современными экономическими условиями и, в частности, с вознаграждением за земледельческий труд. Наряду с задачами по распределению товаров и припасов, нельзя не упомянуть и о транспорте их, не только не улучшившемся со времени революции, но, напротив, вследствие упадка производительности труда и анархии в деле управления железными дорогами пришедшем в совершенное расстройство, грозящее в будущем полною приостановкою железнодорожного движения.

Словом, в деле заведывания собственным хозяйством и направления хозяйства народного мы принуждены констатировать не только отсутствие какого-либо успеха, но, напротив, прогрессивный упадок, для предотвращения гибельных следствий которого необходимо привлечение деятельных организаторских сил и самый напряженный труд. В положении частной промышленности можно надеяться на предстоящую перемену к лучшему. Министр торговли и промышленности определенно заявил о необходимости поддержания и укрепления промышленности ради государственных целей, о необходимости прекращения анархических актов со стороны рабочей массы и предоставления владельцам рабочих предприятий свободного распоряжения ими, без вмешательства и контроля со стороны своих служащих и рабочих. Эти заявления идут навстречу самой острой нужде промышленности, которая требует дисциплины и порядка и не может развиваться в сфере анархии.

Не могу, однако, не высказать сомнения по поводу необходимости предполагаемого министерством труда государственного контроля над промышленностью. Поскольку контроль этот нужен для целей фискальных, он уже ныне осуществляется органами казны. При случае он может быть развит и улучшен, но об этом контроле нельзя говорить как о чем-то новом. Установлен законом контроль и над соблюдением действующих узаконений, регулирующих отношения между предпринимателями и рабочими. При новом строе в организации этого контроля также потребуются известные изменения, но этот контроль не является каким-либо нововведением, заслуживающим особого упоминания в ряду первостепенных экономических мер. Какой же еще контроль имеется в виду? Нельзя не выразить опасения, что новый контроль явится чем-то совершенно ненужным и даже чуждым тому капиталистическому строю промышленности, который в существе останется неизменным, а при этих условиях, кроме напрасной траты личных и материальных сил и напрасных трений в административной машине, ничего ожидать нельзя. Упомянув о понижении производительной силы труда, министр торговли и промышленности оста-

вил открытым вопрос о причинах этого важного и глубоко печального явления. Между тем выяснение его представляется существенным для определения мер борьбы с этой главнейшею болезнью народного нашего хозяйства, грозящею при дальнейшем ее развитии полным параличом хозяйственного аппарата. По мнению представителей промышленности, упадок производительности труда объясняется быстрым и часто превышающим разумные пределы ростом заработной платы, с одной стороны, и уменьшением практической пользы денег, с другой. Денег у рабочего и крестьянина оказывается неожиданно много, а производительного употребления им найти нельзя. Вот основная причина малой работы и малой продуктивности труда. Сюда за последнее время присоединились еще явления промышленной анархии, а также сокращение продолжительности рабочего дня и переход от сдельной заработной платы на часовую и поденную. Исправить создавшееся тягостное положение будет труднее, чем было бы предотвратить его ухудшение. Очевидно, что без регулирования государством цены на труд не представится возможным обойтись. Впрочем, это необходимо и для другой, не менее важной цели: согласования заработной платы с разумными ценами на товары. Те невероятные цены, которые установились ныне, очевидно, не могут сохраниться после войны, ибо при этих ценах никакая конкуренция с заграничными товарами невозможна, никакие пошлины не помогут. В сознании вреда бесконечного роста товарных цен Временное Правительство сохраняет и расширяет систему установления твердых цен на разные товары. Однако эта мера может привести к практическим результатам только при одновременном урегулировании стоимости труда, в противном случае, твердым ценам нельзя предсказать никакого практического успеха. В качестве меры, могущей разрешить вопрос о производительности труда и о вознаграждении его, министр торговли и промышленности упомянул о введении трудовой повинности. При всей теоретической привлекательности этой меры, нельзя, однако, не выразить сомнения в практической ее выполнимости. Трудно приступать к всестороннему регулированию труда, не изведав даже простейших приемов этого регулирования. Высказаться за эту меру в положительном смысле возможно было бы не ранее, как по ознакомлении не только с принципом ее, но и с предложениями о практическом ее осуществлении.

Заявление министра финансов, конечно, глубоко печально и рисует современное положение государства в глубоко трагическом виде. Представители торговли и промышленности имеют лишь нравственное удовлетворение заявить, что они предвидели печальную судьбу наших финансов и неоднократно в разных совещаниях предостерегали представителей финансового ведомства. Ныне мы видим, что зло глубоко сознано, и это дает нам надежду, что будут, наконец, приняты соответствующие меры. Сокращать и прекращать расходы, конечно, очень тяжело, но если это не будет сделано, то неизбежен финансовый крах, за которым легко может последовать и крах нового режима. Как бы ни была, однако,

велика экономия, имеющая быть достигнутой в государственных расходах, положение государственного казначейства будет исключительно тягостным, и это обязывает всех граждан русского государства к посильным жертвам на нужды казны. Торгово-промышленный класс, платежи которого в пользу казны за последние годы непрерывно и быстро росли, составляя главную статью роста обыкновенных доходов, заявлял уже в лице своих общественных организаций Временному Правительству о готовности своей и на дальнейшие жертвы на нужды государства. И если изданные Временным Правительством 12 июня сего года постановления об увеличении налогов подоходного и с прироста прибыли и об установлении налога поимущественного и вызвали со стороны представителей промышленности возражения, то не с точки зрения частных и личных интересов, а во имя охраны самой промышленности, как источника государственных доходов и условий экономической мощи страны. Сделанное в Государственном Совещании министром финансов заявление о непродуманности законов 12 июня и об опасности их для государственных интересов, требующих, чтобы иные источники дохода не истощались, дает представителям промышленности полное нравственное удовлетворение.

Председатель. Слово принадлежит представителю промышленных организаций фон-Дитмару.

Дитмар. По поручению представителей всероссийской промышленности и торговли я взял на себя задачу сообщения о положении некоторых важнейших отраслей народного и государственного хозяйства, отражающих в своем положении наши современные политические и экономические условия и, в свою очередь, коренным образом влияющих на всю экономическую жизнь страны.

Донецкий бассейн является главнейшим источником ископаемого угля для потребности железных дорог, флота, металлургических заводов, заводов, работающих на оборону, муниципальных сооружений и отопления населения в южной и отчасти в средней России. Несмотря на все неблагоприятные условия военного времени, предприятия посредством целого ряда мер увеличили добычу топлива в 1916 г. на 125 млн. пудов против 1915 г., доведя ее до 1 750 млн. пудов, но уже за первое полугодие нынешнего года добыча упала на 83 млн. пудов против второго полугодия 1916 г. и продолжает беспрерывно падать в течение последних месяцев нынешнего года. Средняя месячная добыча в первом полугодии 1916 г. была 140 млн. пудов, во втором полугодии — 151 млн. пудов, но, начиная с апреля сего года, добыча выражается в цифрах 121 — 127,5 — 127, наконец, в июле, приблизительно, в 110 млн. пудов. Такое падение добычи в течение ряда месяцев вызывается целым рядом причин, из которых главную роль занимает падение производительности рабочего, которая в свою очередь зависит от уменьшения числа выходов его на работу, сокращения рабочего времени и уменьшения интенсивности труда [91]). Влияет и на цифру этой расчетной производительности и на самый ход работ глубочайшее

расстройство транспорта и недостаток в снабжении рудников крепежным и строительным лесом и другими материалами, особенно железом, а также машинами и различными техническими принадлежностями. Производительность рабочих в цифрах по полугодиям выражается так: перед войной производительность была 4 500 пуд. в полугодие, в течение первого полугодия 1916 г. — 3 900 пудов, второго полугодия — 3 515 пудов и первого полугодия 1917 г. — 2 900 пудов, т. е. против первого полугодия на 26% меньше, а если взять довоенное время, то меньше на 36%. Взявши исходным пунктом ноябрь 1916 г., с которого состав рабочих и число входящих в него военнопленных оставалось почти одинаковым, получаем все-таки постепенное падение производительности с 600 пудов в ноябре 1916 г. до 457 пудов в июне, т. е. на 24%, а против средней месячной производительности до войны — на 44%. Это явление должно остановить на себе самое пристальное внимание, и оно имеет место во всех отраслях промышленности. Но, кроме причин, свойственных каждой отрасли промышленности, существуют общие коренные причины этого тяжелого и грозного явления, разрушающего нашу промышленность и все народное хозяйство в самых его основах. Можно сказать, что последствия этого неисчислимы, если не будут приняты общие оздоровляющие меры для всего нашего больного, тяжко больного хозяйственного организма и основы его, нашего внутреннего политического неустройства.

Падает добыча минерального топлива, падает снабжение топливом металлургических заводов юга. Падает и производство чугуна и железа на металлургических заводах юга России, дававших 80% всего производимого в России; падает выплавка чугуна на Урале. За первое полугодие выплавлено чугуна на юге 70 млн. пудов вместо 83 млн. пудов в первом полугодии 1916 г., а ежемесячная выплавка в последние месяцы (в июне и июле) была около 12 млн. пудов вместо возможной выплавки, установленной в прошлом году съездом горнопромышленников юга России на 1917 г., в 18 млн. пудов. Металлургические заводы являются потребителями огромных масс железной руды, кокса, угля, флюсов, и тяжкое расстройство транспорта в течение всей войны и в особенности теперь является важнейшей причиной ослабления их деятельности. Вместе с этим, как и везде, уменьшилась производительность рабочего. В свою очередь сокращение в таких значительных размерах выплавки чугуна и производства металлов пагубно отражается на деятельности машиностроительных и металлообрабатывающих заводов, сокращающих производство предметов обороны и воинского сооружения, паровозов, вагонов, столь необходимых в данное время. И железные дороги, не получая надлежащего количества подвижного состава, не могут улучшить движения. Сокращение доставки топлива для сахарных заводов повлекло к сокращению их деятельности и количества приготовляемого сахара в 1916 г., к каковой причине в 1917 г. прибавляются допущенные безнаказанно земельные захваты и неурядицы, повлекшие к сокращению

на одну треть площади посева свекловицы, а следовательно к дальнейшему сокращению производства сахара.

Вследствие расстройства транспорта и уменьшения добычи, несмотря на необходимость производства строительных работ, особенно в городах, где прямо свирепствует жилищный голод, топливо не дается для обжигания кирпича и извести и, при всеобщей дороговизне на все предметы, не представляется возможным производить, и как можно скорее, жилищные постройки. Не вывозится топливо заводам, изготовляющим огнеупорные изделия, даже находящимся в Донецком бассейне; сокращается их деятельность, а вследствие этого сокращается, — за невозможностью ремонта старых и постройки новых коксовых печей, самое производство, а вследствие этого и производство побочных продуктов коксования и производство необходимого для изготовления взрывчатых веществ бензола. Вследствие недостатка кокса сокращается производство чугуна и железа, что в свою очередь уменьшает производство металлургических и машиностроительных заводов, ремонт и постройку вагонов и паровозов. Получается заколдованный круг, из которого благодаря повсеместному падению производительности труда нет выхода.

Нефть. Обращаясь к кавказской нефтяной промышленности, видим, что в главнейшем районе, в Баку, добыча нефти на старых площадях уменьшилась приблизительно с 37 млн. пудов в месяц до 33 млн. пудов, а число рабочих увеличилось за это время с 33 000 до 45 000. На одного рабочего приходится теперь 783 пуда, а прежде приходилось 1 120 пудов. Такой упадок производительности объясняется перерывами в работе вследствие недостатка железа и материалов для работ, сокращением рабочего времени и в значительной степени понижением интенсивности работ [92]). Уменьшается все время число саженей, проходимых бурением, и с 65 000 погонных саженей, пробуренных в 1914 году, количество это, постепенно падая, дошло до 26 000 саженей, т. е. почти втрое меньше. Но мы должны дать себе ясный отчет в том, что это сокращение бурения в настоящем есть сокращение подготовительных работ для ближайшего будущего, вследствие чего будет сокращение нефтедобывания в ближайшем 1918 году, если не будут приняты все меры к поднятию добычи и к усилению бурения, как подготовительной работе для будущего. Необходим скорейший пуск для бурения [и] эксплоатации неразрабатываемых казенных нефтеносных земель, получение надлежащего количества железа и других материалов, также продовольствия и поднятия производительности рабочего труда.

Лес. Россия особенно богата лесными площадями, и творческая промышленная политика правительства должна направиться на всемерное поощрение лесоразведения и эксплоатации леса как в частновладельческих лесах, так и в огромных казенных площадях, ныне втуне лежащих. Дровяное топливо по количеству составляет главную массу потребляемого в России топлива, и над-

лежаще поставленная эксплоатация лесов не только создаст вечный источник топлива, но и даст массу строительного, поделочного леса и крепежного для рудников и шахт леса, без чего не может производиться добыча ископаемого угля и железных, медных и других руд. Эксплоатация леса с сооружением дорог и организацией разработок даст весьма ценный материал для вывоза его за границу после войны, для улучшения нашего расчетного баланса и для усиления средств государственного казначейства. Но в данную минуту, когда России грозит не только голод, но и холод, надо обратить самое серьезное внимание на работу заготавливающих общественных учреждений, как то «Центролес», которому поручено заготовить для потребностей железных дорог 4 500 000 куб. саж., а также земских и других учреждений и частных лиц в целях не только самого энергичного содействия их работе, но и согласованности их действия. Надо сделать все, решительно все, чтобы эта заготовка была завершена быстро и удачно, ибо она имеет решающее значение не только для железных дорог, но и для всего нашего производства чугуна, железа и стали, работы всех заводов обороны, действия городских сооружений водопроводов, освещения, трамваев, наконец, отопления всего населения. И это так потому, что ныне, вследствие недостатка древесного топлива на железных дорогах и невозможности немедленно обеспечить их таковым, для них предоставляется минеральное топливо Донецкого бассейна, как бы отнимаемое от других потребителей, в том числе и от металлургических заводов, но особенно от всех других промышленных предприятий, работающих на оборону, причем в последнее время этого топлива дается в среднем на такое предприятие в одной четверти потребности, а многие предприятия совсем не получают топлива. Стоят часто городские трамваи, сокращается электрическое освещение и подача воды, и предлагаются уже самые суровые, беспощадные меры к экономии топлива. Вот это положение создано, действительно, прежним режимом, именно не дававшим особому совещанию по топливу планомерно управлять снабжением всеми видами топлива для всех ведомств. Результат разрозненных операций на фронте и на железных дорогах, не подчинявшихся общей воле особого совещания по топливу, при неумении, а может быть при невозможности для руководителей последнего подчинить себе эти ведомства, было причиной катастрофического положения с топливом вообще, вследствие непроизводства железными дорогами заблаговременно заготовок древесного и даже каменноугольного топлива для своей потребности. Но и ныне создаются элементы такой же ведомственной разрозненности, и необходимо, чтобы в целях единства и согласованности действий было указано в проектируемом законе об охране лесов и их рубке, чтобы последняя могла быть производима не только с разрешения уездных земельных комитетов, но и с разрешения особого совещания по топливу, как высшего органа государства по всем вопросам топлива.

Надо, до крайности надо начать разработку и продолжать начатые работы по добыче подмосковного, уральского, кавказского угля, Юго-Западного края, боровичского и недавно начатых разработкой особым совещанием по топливу горючих сланцев вдоль Балтийской железной дороги. Эти сланцы геологически были известны давно, но промышленное их открытие произведено недавно, и эксплоатация этих миллиардных залежей готовит новую эру в развитии промышленности Петроградско-Ревельского района.

Т о р ф. Россия богата торфяными залежами, эксплоатация которых необходима в целях добычи топлива и превращения его на месте в электрическую энергию, передаваемую в места потребления. Но, к сожалению, необходимо констатировать то невнимание, с которым до сего времени относились к этому виду горючего материала (медленность и как бы неохота скорейшего разрешения вопросов об организации добычи, снабжения рабочими, выписки из-за границы машин для торфодобывания, постройки подъездных путей и т. д.). Пропускались целые заготовительные периоды, и ныне надо сказать, что особых надежд на усиление добычи торфа возлагать нельзя.

С и л а в о д о п а д о в. Как на источник энергии, необходимо указать на силу водопадов, почти совершенно у нас не эксплоатируемую, и силу падения воды, эксплоатируемую посредством запруд в слабой степени. Между тем, водопадов у нас имеется много и часто весьма большой мощности как на севере, так и на Кавказе и на Урале. Но, конечно, эксплоатация некоторых водопадов требует больших и сложных гидротехнических изысканий, работ и сооружений, требует сложного оборудования механизмом и машинами, получить которые из-за границы сейчас весьма затруднительно. Поэтому этот источник энергии [нельзя] считать полезным для настоящего и ближайшего будущего во всех случаях, но тем не менее серьезное значение его заставляет и ныне подготовлять возможность эксплоатации водопадов в возможно близком будущем [в] большем числе районов и осуществить те сооружения, полезность которых несомненна.

Как пример, можно указать на возможность сравнительно легкого и скорого устройства эксплоатации волховских порогов при передаче около 50 000 лошадиных сил на Николаевскую железную дорогу для электрификации последней, что освободит множество паровозов для работы движения и вагоны от перевозки угля. Точно так же колоссальное промышленное значение будет иметь шлюзование Днепра и шлюзование силы падения воды в порожистой его части, реки Риона и других водопадов и рек.

Машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность наша под влиянием войны чрезвычайно изменилась. Появилось много новых заводов, чрезвычайно расширились прежние, усилилось и улучшилось оборудование станками и аппаратами, установились новые приемы и способы работ, рас-

пространилось массовое изготовление предметов и, кроме того, распространилось производство точных работ. Все это произошло вследствие передачи массы военных заказов заводам, вследствие прилива капитала в промышленность и широкого кредита, оказываемого банками. Для работы были привлечены массы новых рабочих, а также женщин, в короткий срок при интенсивных работах на оборону освоившихся вполне с работой на станках. К работам на оборону были привлечены все заводы и железнодорожные мастерские. Это уже перешло границы разумности. Забыли о сельскохозяйственном машиностроении и о ремонте паровозов и вагонов. Потом уже, когда вопросы о вспашке и уборке хлеба стали тоже вопросами обороны, только тогда начали думать о ввозе иностранных сельскохозяйственных машин, ибо наши заводы заняты производством снарядов и прочего, и затем опять об обращении сельскохозяйственных машиностроительных заводов на их настоящую дорогу. Но это обращение уже застало заводы в полосе недостатка минерального топлива, чугуна и железа вследствие упадка деятельности металлургических заводов. Поэтому наладить производство сельскохозяйственных машин, столь необходимых в настоящее время, представляет уже трудности, но тем не менее надо думать, что с этим делом мы справимся легко, раз поднимется добыча топлива, увеличится производство металлов и усилится производительность рабочего. То же наблюдалось и с железнодорожными мастерскими. Несмотря на беспрерывную изнашиваемость вагонов и паровозов, во многих мастерских делались снаряды, ручные бомбы и пр., и даже оборудование мастерских станками и машинами было замедлено. В настоящее время расстройство транспорта главнейше приписывается неудовлетворительности производства ремонта паровозов, который уже не может сполна выполняться железнодорожными мастерскими вследствие невероятного падения производительности рабочих, несмотря на обеспеченность их ныне железом и материалами, и передается частным заводам.

Весьма значительное расширение старых заводов, постройка новых, огромное усиление оборудования подготовило машиностроительную и металлообрабатывающую промышленность к выполнению огромных военных требований, и необходимо констатировать, что наша промышленность необычайно чутко и бодро ответила на призыв общественных организаций в 1915 году и, объединившись с ними под общим девизом: «все для войны», проявила ту небывалую и повсеместную энергию в создании и усилении производства предметов военного снаряжения и снабжения, которая дала возможность армии получать требуемые для нее предметы от русских заводов в огромном числе, несмотря на все трудности установления новых производств, трудности с выпиской новых машин, с обучением технического и рабочего персонала и введением неизвестных ранее способов работ. Необходимо отметить, что армия снабжалась преимущественно в наибольшем числе именно русскими заводами, и к апрелю

сего года доставка в армию со стороны русских заводов по степени соблюдения сроков и исполнения норм оставила далеко за собой заграничные заводы. И если теперь поставка в армию снарядов и орудий, как сообщал верховный главнокомандующий, упала на 60%, самолетов-истребителей — с 50 до 10 в месяц и разведчиков — с 150 до 40, то причинами этого являются общие причины упадка всей промышленности.

Анархия на местах. Одним из печальных последствий неправильного хода революции явилось разложение административной и хозяйственной стороны жизни предприятий. Явилась анархия и произвол на местах, и это явление шло параллельно с таковым же в армии. Безответственные лица, собрания и самочинные комитеты устраняли наиболее ценных и важных для предприятий работников, вмешивались в хозяйственные распоряжения, нарушали технические распоряжения инженеров, наблюдавших за безопасностью работ, принимали и увольняли рабочих и служащих по своему усмотрению, налагали штрафы и налоги, организовывали выступления и предъявления неисполнимых предприятиями требований. Результатом получился террор предпринимателей и управляющих, жизнь которых была невыносимая и часто в опасности. Много предприятий лишилось лучших руководителей, и это отразилось на работе их. От имени всей русской промышленности и торговли мы считаем долгом принести низкий поклон руководителям, управляющим и служащим предприятий за их тяжелую, исполненную величайшего мужества работу.

Мы сделали краткий обзор, или как бы беглый обход, нашего важнейшего боевого промышленного фронта по добыче топлива, производства металлов и металлобрабатывающей промышленности. И мы видим, что производительность труда рабочих значительно уменьшилась, заработная плата значительность увеличилась, добыча и производство топлива, металлов, материалов, продовольствия уменьшились, уменьшились перевозки и снабжение предприятий и населения топливом, металлами и продовольствием, увеличилась неимоверно себестоимость производства, беспрерывно ухудшается финансовое положение предприятий, анархия на местах продолжается, много предприятий закрывается. Замирает транспорт, замирает промышленность, замирает торговля. Разрушение промышленности, и особенно основных отраслей ее по добыче топлива и производству металлов, грозит разрушением всего нашего экономического быта, грозит прекращением железнодорожного движения, прекращением снабжения армии и всего населения всем необходимым. Разрушение промышленности грозит всем завоеваниям революции, благополучному исходу войны и самому бытию России. Положение в высшей степени тяжелое, но не безнадежное, и выход должен быть найден.

Итак, существует общее хозяйственное расстройство и политическое неустроение, и для лечения этой общей болезни, кроме местных, временных и частных средств, необходимы общие меры лечения.

Члены Государственного Совещания различных групп и партий и члены Временного Правительства предложили целый ряд мер, и сделанные указания на ошибки прошлого и настоящего предохранят от повторения их в будущем.

1) Необходимо прежде всего «утвердить закон». Необходимо чтобы Временное Правительство точно и ясно особым декретом подтвердило всему населению: а) что все законы, не отмененные указами Временного Правительства, существуют в полном объеме, б) что неисполнение законов влечет для виновников законную ответственность и соответствующую кару. 2) Необходима независимая, единая, сильная государственная власть, не только убеждающая, но и принуждающая исполнять законы. 3) Необходим строгий, быстрый, нелицеприятный суд, охраняющий закон и право. 4) Необходима правильная организация правительственной власти на местах, независимой от каких-либо частных организаций и какого-либо постороннего давления. 5) Необходимо действительное обеспечение свободы личности, неприкосновенности имущества, собственности, свободы слова, собраний и союзов. 6) Необходима надлежащая организация самого Временного Правительства, которое должно быть составлено из лучших людей не узкоклассовых воззрений, а широкого государственного понимания и мудрости, стоящих выше партийных интересов и преследующих единую цель — спасение родины. При этих условиях нельзя будет требовать доверия к правительству: оно само собой явится. Все это необходимо для всех нас, для всей нашей жизни и это же необходимо для промышленности, ибо она не может развиваться в государстве, в котором попран закон и право, в котором нет гарантий личной безопасности и неприкосновенности имущества и собственности. 7) Необходима планомерная, экономическая и финансовая политика Временного Правительства и меры привлечения иностранного и русского капитала в промышленность и торговлю и всякое поощрение промышленной инициативы. 8) Необходима наибольшая организованность и планомерность в деле снабжения рабочих промышленных предприятий предметами продовольствия, особенно в основных отраслях ее, наравне с армией. 9) Необходимо как со стороны Временного Правительства, так и профессиональных и классовых организаций всемерное ослабление остроты классовой борьбы, так тяжело влияющей на экономическую и политическую нашу жизнь, и направление этой борьбы в русло классового сотрудничества на пользу родины и свободы. 10) Промышленность при старом режиме была всегда под подозрением, и представители старого режима хорошо знали, что развитие промышленности, с образованием мощных классов рабочих и предпринимателей, с необходимостью социального законодательства и создания необходимых свобод, не может умещаться в рамках старого режима. И как при старом режиме, так и теперь промышленники являются сторонниками самого широкого социального и рабочего законодательства, поощрения производительности труда и творческой индивидуальной и общественной промышленной деятельности. И вот потому, что про-

мышленность — сила созидательная, сила творческая, она требует лишь прогрессивных форм строя и быта, несовместимых с самодержавным строем.

Промышленники сделали все, что могли, когда война и голос русской общественности потребовали наивысшего напряжения сил для увеличения числа изготовляемых русской промышленностью предметов военного снабжения и снаряжения и усиления через то боеспособности армии. В самое тяжелое время жизни нашей родины мы, может быть, уже слабеющими руками, но с наивысшим напряжением нашей воли и разума до конца будем удерживать промышленность от разрушения, ибо разрушение ее, как и разрушение армии, есть гибель родины. И мы идем со всеми нашими силами, нашим опытом и знанием навстречу правительству, навстречу армии, навстречу крестьянству, рабочим, всем слоям и классам населения, всем организациям, всем, которые желают совместно работать и ковать будущее государства. Но мы никогда не пойдем с теми, кто открыто или скрыто преследует цели, несовместимые с честью, достоинством и благом России, или кто в своей работе ставит свои личные, групповые или классовые интересы выше общенародных и государственных.

Мы приветствовали и содействовали революции свергнуть старый удушавший нас, нашу личную, общественную и государственную жизнь режим. И мы думали, что революция выявит как темные, так и светлые стороны нашей жизни и создаст устремление в последнем направлении, и думали, что в сознании величайшего момента в жизни народа, строительства всего его будущего, и в сознании величайшей опасности неправильных шагов пред лицом жестокого врага, мы думали, что это сознание не разъединит, а сплотит все классы населения в общем понимании, взаимном доверии и любви к родине. И это нужно, смертельно нужно теперь, ибо без этого нет совместной работы, без этого — гражданская и междунациональная борьба, без этого — гибель России, без этого может случиться то, о чем сказал один из членов первой Государственной Думы, священник Концевич: «что даже самое имя России останется лишь в летописях истории». Если мы верные сыны нашей родины и братья между собою, так сойдемтесь же ближе, поймем друг друга, обратим великие слова «свобода, равенство и братство» в дело и спасем родину.

Керенский. Прошу членов Государственного Совещания, которые имеют письменные резолюции или постановления, а также произносят свои речи по запискам, передавать их стенографисткам, так как они не успевают, особенно при быстроте чтения, записывать, и тех, кто имел резолюции и постановления в предыдущем, прошу также передать свои материалы стенографисткам. Слово принадлежит члену четвертой Государственной Думы Бубликову.

Бубликов. Граждане. Я вхожу на эту кафедру единственно для того, чтобы ответить на поставленный в упор торгово-промышленной буржуазии вопрос,

вопрос о жертвах, вопрос, поставленный благородным вождем русской демократии гражданином Церетели. Я буду отвечать не в форме полемики и не потому, чтобы у меня не было в запасе ядовитых слов, и не было готового счета, а потому, что я уверен и полагаю, что самые блестящие мои доказательства того, что, может быть, весь вопрос о жертвах надо пересмотреть, самые мои ядовитые выпады, в чью бы то ни было сторону будут не к выгоде класса и без пользы для страны, потому что существо вопроса о спасении финансов нашей родины лежит не в жертвах.

Совершенно в том же порядке, в каком установленная должность главноуговаривающего в армии не может ее спасти, так и должность главноусовещающего в области финансов не сможет спасти наши финансы. Финансы наши спасет спокойно продуманная, основанная на знании страны финансовая политика. Для того, чтобы создать здоровые финансы, нужно знать дело финансов и знать нашу страну. Вся русская акционированная промышленность и торговля заключают в себе немного свыше пяти миллиардов рублей. В переводе на нынешний постыдный курс русского рубля в долларах, это — один миллиард долларов, и, следовательно, вся русская промышленность умещается свободно в кармане одного американского гражданина-миллиардера. Если весь ее дивиденд в 1915 г. составляет неполные полмиллиарда рублей, то какая жертва может спасти Россию, у которой к 1 января 1918 г. фатально неизбежно будет минимум 60 миллиардов долга? Какая жертва этой ничтожной промышленности, которая нам оставлена в наследство ушедшим режимом, может спасти положение? Нам может спасти положение только величайшее напряжение промышленного творчества, и торгово-промышленный класс величайшую свою государственную повинность усматривает именно в том, чтобы в самом широком масштабе на пользу родины проявить это творчество. (Аплодисменты.) И торгово-промышленный класс обращается туда, где и вы часто, господа, почерпаете вашу мудрость. Он напоминает немецкое правило: во время войны нужна организация, а не импровизация. А мы в момент войны, соединенной с революцией, приступили к невиданной в мире импровизации, импровизации упразднения торгово-промышленного сословия.

Нас обвиняли здесь в дезертирстве. А кто устранил нас снизу до верху от дела работы на пользу родины? Мы ли ушли сами из торговых организаций внизу, мы ли отказались состоять там? Нас устранили и снизу и сверху. (Аплодисменты.) Но не обидой проникнуты мои слова, а глубоким горем, что родина в момент, когда требовалось величайшее напряжение государственного строительства, была охвачена неудачной мыслью, что его можно осуществить легко и скоро, выведя из игры одну из крупнейших сил в стране, силу давно уже проявившую ту или иную долю способности к творчеству. И вот теперь, когда на третий день нашего совещания, мы услышали долгожданные слова, когда нам в первый раз протянули братскую руку, эта рука,

заявляю я от торгово-промышленного класса, не повиснет в воздухе. Не повиснет, пусть она в первый раз протянута, не повиснет, пусть вы совершили великую ошибку: вы аплодировали словам, что торговля и промышленность есть враг страны. Мы ждем и верим, что эти старые пережитки, что эти мотивы, взятые с Запада, где все, может быть, построено на борьбе, где забыли о любви, эти слова выйдут из русского обихода, и что, предлагая нам коалицию сил, вы дадите ее не только честной, как вы предлагали, но и возможно уважительно относящейся к другой стороне. (Аплодисменты.) И тогда торгово-промышленный класс будет иметь величайшее для него счастье в ряду с вами, плечо к плечу, стоять в рядах работников, на пользу новой счастливой России, России, которую он много лет жаждал видеть свободной и в создании которой он в лице своих представителей принимал известную долю участия и от которой он никогда уже не отступится. Ибо только в этой атмосфере свободы сможет он выполнить величайшую задачу, перед ним лежащую: на пользу России осуществить то творчество, на основе которого вся Россия могла бы стать благоденствующей, то творчество, которое дало бы ему возможность так же, как это делает богатая, сильная заграничная промышленность, щедро оплачивать по заслугам своих любимых сотрудников-рабочих и не заставлять их нести изнурительный труд за ничтожную цену, как тогда, когда эта промышленность сама еле дышит на ладан. ([Возгласы]: «Браво!» Аплодисменты.) И мы предлагаем вам все наши знания, наш опыт, чтобы избегнуть излишних потрясений, и чтобы произвести всю эту творческую работу в кратчайший срок и с величайшей пользой не для нас, а для нашей всеми нами горячо любимой родины. (Аплодисменты всего зала. Бубликов и Церетели жмут друг другу руки. Бурная овация.)

Председатель. Слово принадлежит представителю южной торговли и промышленности Соколовскому.

Соколовский. Я поднимаюсь на эту трибуну в качестве представителя группы южных торгово-промышленных организаций, и я полагаю, что я выражу настроение и надежды тех торгово-промышленных кругов, которые верят в творческую силу российской демократии, которые жили и будут жить идеалами этой демократии. Здесь, в этом национальном собрании, должна быть раскрыта вся народная душа, и я полагаю, что каждый, кто здесь сидит, независимо от места, которое он занимает, должен стараться по крайней мере увидеть правду, а мы [далеки] от этой правды.

Я — представитель торгово-промышленного класса. Посреди этих представителей не мало видных деятелей, которые признают заслуги Советов Р. и Кр. Д., которые признают, что в то время, когда стране угрожала анархия, когда мы боялись братоубийственного кровопролития, среди этих Советов нашлось много людей, которые, жертвуя своей жизнью и подставляя свою грудь штыкам солдат, уговаривали и старались утишить разбушевавшиеся страсти. (Апло-

дисменты.) И вот под этим настроением я все же чувствую, что у меня за эти два дня встало много вопросов, можно сказать, проклятых вопросов, на которые почти нет ответов.

Я не могу касаться всех этих вопросов. Мне дано мало времени. Но на одном из них я хочу остановиться.

Здесь, в этом зале, перед нами прошло много представителей обоих лагерей, и все они звали к единению. Не далее, как сегодня, с одной стороны звал к единению Кропоткин и Плеханов, а с другой — Рябушинский и вот теперь Бубликов. И мы видели трогательную сцену, как представители обоих лагерей пожали друг другу руки, и все-таки я чувствую, что единения нет в этом зале (голоса: «Есть, есть!»), и я опасаюсь, что завтра, когда мы разойдемся, мы разойдемся в разные стороны, и несчастная Россия снова будет предоставлена своему развалу и распаду. (Голоса: «Неправда». Голос: «Черный ворон».)

Я на один из этих тревожащих меня вопросов получил вчера ответ из уст Церетели. Он сказал, что здание должно быть построено до конца, и пока революционное здание строится и пока оно не будет окончено, нельзя убрать лесов. И я спрашиваю: кто же перестраивает здание, когда дом горит? Я задаю себе вопрос: не чувствует ли определенная группа или лидеры этой группы, что теперь соотношение политических сил таково, что надо спешить с постройкой этого здания, что это соотношение сил может измениться? Когда на фронте две борющиеся армии измеряют соотношение своих сил количеством штыков, находящихся на той или другой стороне, то я это понимаю. Но я не знаю случая в истории, чтобы при социальном строительстве соотношение сил измерялось штыками. И вот я думаю, что мысль человеческого устройства, человеческого общества, это такая мысль, которая никогда не опиралась на штыки. Здесь сидящие представители разнообразной мысли, социалистической мысли в России, они пришли сюда в результате кровавой, почти вековой, борьбы, за ними стоят великие тени тех, которые погибли в тундрах холодной Сибири и в казематах российских тюрем. Их была горсть, против них миллионы штыков, и все-таки они победили.

И вот я думаю, делая вывод из этих кратких соображений, что мы не можем и не должны иметь правительства из людей, принадлежащих к определенным партиям и действующих или выводящих свои действия на основе соображения о соотношении сил. Правительство русское во время войны должно быть надпартийным и надклассовым, оно должно состоять из людей, которые имеют в виду исключительно благо российского государства, которые должны думать об этом благе и ставить себе целью великую единую счастливую Россию.

Я позволю себе привести те тезисы, которые наша группа выработала (читает):

«Группа представителей южных торгово-промышленных организаций, выслушав декларацию правительства в Государственном Российском Совещании, созванном Временным Правительством, почитает долгом совести заявить: 1) Первым и основным требованием настоящего переходного момента истории России, когда закладывается фундамент для строительства Российского государства, мы считаем единение, единение всех классов, всех групп, всех народов на почве общенациональных стремлений. 2) В грозный час испытаний, когда исконный враг России попирает землю российскую и угрожает самому существованию страны, как великой державы, призывы к жертвам должны найти единодушный отклик, и не может быть речи ни об их размерах, ни о том, кто должен их нести. Жертвуя жизнью наших братьев и детей и орошая их дорогой кровью поля родной страны, мы должны считать себя в праве потребовать жертв от всех классов, всех групп, всех народов и громко протестовать против какого-либо использования с чьей бы то ни было стороны несчастья родины для своих групповых, классовых или национальных интересов. 3) Правительство российское до созыва Учредительного Собрания, как единственного правомочного органа говорить от имени нации и творить ее волю, должно быть внеклассовым и общенациональным, опирающимся исключительно на велениях своей совести по отношению к государству и его будущему, так как в период, когда формируется государственная жизнь, на месте борьбы восставших к жизни новых сил господствует хаос отношений, стремлений и порывов отдельных лиц, групп и классов, еще не выявивших своего настоящего политического лица и своего места в жизни государства. Надо помнить, что действительное соотношение сил в социальном строительстве определяется историей и что только не противоречащие ее ходу усилия могут дать действительные, а не эфемерные успехи. 4) Страна наша, вследствие исторической бедности ее общественной жизни, отличается чрезвычайно ограниченным кругом лиц, пользующихся популярностью и доверием широких масс населения, независимо от своей партийной и классовой принадлежности. Поэтому лицо, обладающее популярным именем, является чрезвычайно ценным национальным достоянием, авторитетом которого следует дорожить и под который во всяком случае не следует подкапываться. Такой личный авторитет в особенности ценен теперь, когда разрушена старая власть и необходимо строить новую. 5) Мы полагаем, что великое государство может жить и развиваться только на широком экономическом базисе и что в области экономического строительства необходима цельная, ясная и откровенная программа, без недомолвок и без туманных определений. Нужно честно и прямо сказать массам правду, всю правду. Нужно сказать то, во что одинаково верят искренние, знающие и вдумчивые деятели самых противоположных лагерей, а именно: что мы переживаем период капиталистического строя, что этот период в России только начинается, что избегнуть и перескочить через него нет возможности и что поэтому без капитала не удастся возродить страну: нужно сказать правдиво массам, что действенных капиталов в России мало, что ап-

парат экспедиции заготовления государственных бумаг не есть аппарат для производства ценностей, что капиталы необходимо привлечь из-за границы; нужно сказать и то, что капитал идет туда, где ему выгодно, и не пойдет туда, где для его развития создаются неблагоприятные условия; нужно сказать направо и налево, что экономический успех основан на дружном и согласном сотрудничестве капитала и труда, что охрана труда, основанная на демократическом рабочем законодательстве и обеспечении трудового населения, является краеугольным камнем культурного экономического строительства, его прочности и его успехов. 6) Вера наша в российскую демократию безгранична. Российские народы и при самодержавном режиме были глубоко демократичными. Россия была, есть и будет страной демократической. Поэтому мы призываем представителей торгово-промышленного класса к вполне искреннему сотрудничеству с демократическими группами и горячо надеемся, что правительство, рожденное революцией и на нее опирающееся, будет проводить свою строительную государственную программу вместе с демократией и для достижения демократических идеалов, завещанных нам светлыми борцами за свободу России».

Председатель. Слово принадлежит представителю всероссийского союза земельных собственников Мельникову [93]).

Мельников. Граждане. Здесь вы слышали неоднократно призыв к единению и жертвам. Всероссийский союз земельных собственников готов на единение и жертвы. В своей программе он черным по белому говорит, что он признает и считает государственно-необходимым отчуждение земли у крупных землевладельцев, и только с этой точки зрения, только с этой государственной точки зрения союз смотрит на весь земельный вопрос. Но, господа, я должен сказать, что по недоразумению, по тому увлечению, которое диктуется теперь стране, в которой бушуют страсти, земельные собственники обыкновенно понимаются, как один только немногочисленный класс, класс так называемых помещиков. Я обращаю ваше внимание на то, что это глубокая, коренная, а может быть, смотря по последствиям, и роковая ошибка. Мы, земельные собственники, объединяем не только тот землевладельческий класс, против которого теперь так много говорится дурного, но и огромный класс крестьян-собственников, таких крестьян, населяющих такие области и местности, которые не могут себе представить другого пользования землей, как только на праве собственности. Я не буду утруждать вас примерами, но возьмите вы наш обширный Туркестанский край, где даже безземельные крестьяне отказываются получить землю иначе, как на правах собственности. (Голос: «Неправда».) Возьмите наш весь Юго-Западный край, возьмите Малороссию и подумайте, нет ли в том течении, которое здесь осуждалось, в этом украинском течении отчасти и той причины, которая касается земельных законов и землепользования. (Голос: «Ничего подобного».) Но, господа, я повторяю, мы на жертвы готовы, но мы в этом вопросе, в этом основном, серьезнейшем вопросе, особенно во время войны, мы тре-

буем только правды. Мы знаем, что в настоящее время среди городского населения, среди крестьянского населения, в которое брошен заманчивый лозунг: «земля и воля», этот лозунг производит свое чарующее действие, но те, кто бросил этот лозунг, говорили ли они, сколько этой земли, где ее можно взять, как ее можно взять, сколько времени на это потребуется и сколько средств на это потребуется? Мы здесь слышали, что земельные комитеты, которые образованы в настоящее время, стоят ни много, ни мало, как 140 или 120 миллионов рублей в год. Господа, сколько времени нужно для того, чтобы эти земельные комитеты, пока до Учредительного Собрания поставленные, как нам здесь заявляли, только для того, чтобы изучить и подготовлять этот вопрос, сколько этим земельным комитетам или каким-нибудь другим органам, которые будут поставлены на место них, сколько лет потребуется для того, чтобы весь этот огромный вопрос разрешить так, чтобы он действительно был разрешен государственно, без всяких эксцессов на пользу всему народу? Я не ошибусь, если скажу, что на это потребуется не один десяток лет. Сосчитайте, сколько средств потребуется на эти комитеты, и когда вы сосчитаете, вы, может быть, и другую арифметическую задачу сделаете, и у вас получится цифра, которая была бы достаточна для покупки земли на эти деньги, которые ассигнованы только на одну эту организацию. (Шум, движение.) Но, господа, моя речь не к тому. Мы считаем, что какие бы законодательства ни выходили по этому вопросу, мы покорно и безропотно им подчинимся. Мы протестуем лишь против того, что во время ужасной и страшной войны этот вопрос разрешается, несмотря на то, что громко заявлялось о том, что до Учредительного Собрания он разрешен не должен быть, что это незыблемое право только Учредительного Собрания. Я не буду затруднять вашего внимания. Я знаю, что многих, кто смотрит на этот вопрос с одной стороны, моя речь ни в чем не убедит, и я кончаю ее. Я скажу только еще два слова: если воля народа, если воля Учредительного Собрания потребует даже черного передела, мы покоримся этой воле, но мы глубоко и всей душой протестуем против передела «черновского». (Аплодисменты.)

[Председатель.] Представитель группы рабочих профессиональных союзов Гриневич [94]).

Гриневич. Граждане и товарищи. От имени рабочих профессиональных союзов на московском Государственном Совещании поручено выступить здесь перед вами президиуму, в лице председателя и двух его товарищей, Всероссийского центрального совета профессиональных союзов, выбранного на всероссийской конференции профессиональных союзов в Петрограде, состоявшейся в июне месяце, на которой присутствовали 220 делегатов, представлявших собой 1 475 тысяч организованных в профессиональные союзы рабочих. Граждане и товарищи. Раньше чем приступить к изложению своей речи, я хочу заявить от имени большинства организованных в профессиональные союзы рабочих, что мы всецело присоединяемся к той декларации, которая была прочтена вчера нашим товарищем Чхе-

идзе. (Аплодисменты на скамьях левых.) И если, товарищи и граждане, к сожалению, первое присоединение приходится произносить от имени только большинства, то от имени всех профессионально организованных рабочих мы присоединяемся к той экономической, финансовой, рабочей программе, которая принята Всероссийским Съездом Советов Р. и С. Д. (Аплодисменты.) И, товарищи и граждане, еще с большей энергией мы присоединяем мощь профессионально организованных рабочих для защиты тех организаций, тех Советов и комитетов, которые созданы в процессе русской революции, заключая, таким образом, на крайнем левом фланге единый революционный фронт русской демократии. (Аплодисменты.)

Граждане и товарищи. Мы только что здесь выслушали благородный призыв гражданина Бубликова. Мне позволено будет кстати вспомнить в этом собрании революционную программу гражданина Бубликова в ночь с 27 на 28 февраля, его телеграмму к железнодорожникам, которой он записал свое имя в истории русской революции [95]). (Бурные аплодисменты по адресу Бубликова.) Но, граждане и товарищи, ведь нам, к сожалению, приходится считаться не с благородными порывами, а с целым рядом выступлений и целым рядом действий, и если мы здесь выслушали благородный призыв гражданина Бубликова, то мы слышали здесь же и речь его сотоварища гражданина Рябушинского, и нам никогда нельзя забыть тех речей, которые произносились на только что закончившемся съезде торгово-промышленных деятелей. Граждане и товарищи. Но не для этого я возбуждаю этот вопрос здесь, чтобы вести перед этим высоким собранием тяжбу рабочего класса с классом торгово-промышленным. Здесь мы собраны для того, чтобы по мере наших сил, по мере нашего разумения разрешить вопрос государственного характера, дать ответы на поставленные нам Временным революционным Правительством в целом ряде областей вопросы так, чтобы каждая группа, каждый класс, каждая организация дали свой ответ. И вот я думаю, что нам не место здесь решать вопросы классовой борьбы, которая при всех условиях и при всех ситуациях существует и вызывается тем капиталистическим строем, существование которого здесь ведь никем не отрицается. Граждане, не в этом сейчас вопрос.

Перед нами стоит теперь вопрос, которым мы уже два дня занимаемся, не считая первого дня, когда мы слушали выступления революционного правительства. Здесь были призывы и к самопожертвованию и к самоограничению. Были моменты, когда мы выступали то одной стороной, то другой стороной, были моменты, и это нужно с удовольствием установить, когда мы вставали все, как один человек, приветствуя то, что нам дорого, как русским гражданам, и все-таки между нами есть, я бы сказал, какое-то недоразумение, какое-то непонимание. Вот на этом непонимании, которое обнаруживалось при обсуждении целого ряда вопросов, которыми мы занимаемся уже в течение этих двух дней, даже в те моменты, когда мы, казалось, были едины, я хотел бы остановить ваше внимание. Ведь, в самом деле, когда мы

занимались вопросами политическими, когда мы говорили о роли Советов Р. и С. Д., об организации революционной власти, когда мы сегодня следили за горячим спором, искренне с каждой стороны ведшимся, потому что каждая сторона отстаивала свою точку зрения по своему разумению и по своей совести, спор, который каждому из нас так близок и дорог сердцу,— вопрос об организации армии, — мы, товарищи и граждане, наблюдали одно разногласие, одно непонимание. Мы должны здесь установить, в чем заключается это взаимное непонимание. Когда революция победила, когда мы перешли в русскую свободную жизнь, то, естественно, весь строй нашей жизни должен быть теперь построен на совершенно других основаниях, чем тот, в котором мы жили до сих пор, иначе нам незачем было бы бороться. Мы потому и пришли к победе, что весь старый режим, весь старый уклад, весь старый строй во всех областях не только государственной жизни, не только организации государственной власти, но весь социально-экономический строй и весь уклад народно-хозяйственной жизни был построен на совершенно отживших принципах. Революция победила не только для того, чтобы революционная власть создала наверху другие принципы управления, даже не только для того, чтобы были провозглашены те или иные политические свободы,— нет, революция победила для того, чтобы весь строй нашей жизни построить на новых началах самодеятельности широких масс населения во всех областях жизни. И вот, касаясь той области, о которой мы сейчас говорим, и не касаясь тех вопросов, которыми мы уже занимались два дня, я скажу, что и здесь мы, представители организованного пролетариата, и представители торгово-промышленного класса, очевидно, стоим на двух разных точках зрения. Ведь сегодня гражданин Рябушинский здесь, с этой кафедры, опять повторил эту фразу о «самочинных организациях», забывая, что ведь именно теперь время для этих «самочинных организаций». Наконец, пора приступить к тем организациям, которые создаются в процессе творчества народных масс. Пора подойти к ним с другой точки зрения, не как к организациям самочинным, а как к организациям, без которых невозможно возрождение экономических сил России. (Аплодисменты.)

Граждане и товарищи. У меня слишком мало времени для того, чтобы я здесь посвятил вас в историю русского рабочего профессионального движения. Я скажу только, что в то время, когда реакция со времени разгона первой и второй Государственных Дум разрушала шаг за шагом рабочие профессиональные организации, которые в процессе строительства должны были брать на себя руководство экономической борьбой рабочих масс, в это время во весь этот период предприниматели имели возможность создавать и укреплять свои организации. Революция 1917 года дала возможность рабочим воплотить свои силы и в профессиональные организации, но естественно, что за четыре - пять месяцев рабочий класс, его сознательные и передовые слои, не могли еще влить в свои организованные рамки, не могли подчинить окончательно влиянию своих организаций все широкие, бессознатель-

ные рабочие массы. И как в вопросе политическом, как в вопросе организации армии, так в области социально-экономической, граждане, мы встречаемся, с одной стороны, с непониманием, с другой стороны, к сожалению, с сознательным извращением тех событий, которые происходят в экономической жизни страны, потому что, если добросовестно проследить шаг за шагом за деятельностью профессиональных рабочих организаций, за которые только и может отвечать рабочий класс, потому что за стихийные проявления никто не отвечает, если проследить деятельность профессиональных рабочих союзов, то вы увидите, что все эти пять месяцев [она] была направлена к тому, чтобы содействовать организации производства, ввести организацию в экономическую борьбу, чтобы установить известную планомерность в достижении тех экономических улучшений существования рабочих масс, необходимость которых вы, конечно, не будете отрицать. Я, к сожалению, имею очень мало времени, чтобы вам иллюстрировать это на целом ряде фактов. Я не имею возможности коснуться здесь целого ряда экономических вопросов, которые ставит сейчас перед нами рабочая жизнь и постоянная борьба рабочих и предпринимателей. Я коснусь только двух - трех вопросов, наиболее существенных, считая, что эти вопросы — вопросы государственной важности. И потому я позволю здесь о них говорить только потому, что и государственной власти, и всем остальным классам, и всему народу должны быть открыты глаза, чтобы они знали, чего рабочий класс через посредство своих профессиональных организаций добивается.

Я позволю себе короткое отступление. Здесь говорят, что благодаря рабочим разрушена промышленность, благодаря непомерным требованиям рабочих существует разруха транспорта и т. д., и т. д. Но, граждане и товарищи, нужно же, в самом деле, говорить правду. Ведь два с половиной года войны Россия жила *) при условиях царского режима, при условиях военного положения, когда ни одна рабочая организация не существовала, когда те жалкие остатки профессиональных союзов, которые сохранились от прошлого, были разбиты и разгромлены. Что же, за это время, когда рабочий класс не мог предъявлять никаких требований и когда промышленность обогащалась, за это время русская промышленность, русский промышленный капитал смог поставить организацию производства, смог поставить русское народное хозяйство так, чтобы мы могли хотя бы только существовать? Нет, не мог. И не мог потому, что этот рабочий класс, без которого ничто не может быть создано в народном хозяйстве, этот рабочий класс был порабощен. Он не имел возможности проявить своей самодеятельности. И теперь, когда перед нами стоит вопрос о страшной опасности, перед которой стоит Россия, которая всем нам дорога и в защиту которой мы все одинаково выступаем, я говорю, в этот страшный ответственный час рабочие

*) *В подлиннике:* вела.

профессиональные организации, руководя неустанно классовой борьбой пролетариата, они вместе с тем содействуют и организации производства и содействуют поднятию культурного уровня рабочих масс, они содействуют введению в известные организованные рамки стихийного рабочего движения. Выступавший здесь представитель от фронтовых комитетов обрисовал вам ужасную картину, когда приходится встречаться со стихийностью рабочих масс. Но вы знаете, что и среди широких рабочих масс, благодаря всей преступной политике царского режима господствует безграмотность, некультурность, и нужна была колоссальная энергия более сознательных передовых элементов рабочего класса,—и в этом отношении Советы Рабочих Депутатов оказали нам громадную помощь, и в этом их громадная заслуга, — чтобы стихийное движение рабочих масс за улучшение своего до сих пор голодного существования, часто бессознательное движение, и всякого рода насилия ввести постепенно, шаг за шагом, в организованное русло.

Я не имею возможности познакомить вас с постановлениями нашей всероссийской конференции, я не имею возможности ознакомить с постановлением совещания по обороне в Петрограде, в котором принимали участие рабочие организации [96]). Вы увидели бы там проявление государственного смысла, решение задачи, как вести свою классовую борьбу, охраняя вместе интересы всего целого, охраняя интересы всей России, потому что классовая борьба рабочих вовсе не нарушает национальных интересов. Почему? Да потому, что рабочие, как и остальные классы, заинтересованы в развитии производительных сил страны, заинтересованы в том, чтобы увеличить национальный доход, и борьба ведется за более справедливое распределение этого национального дохода. До сих пор этого справедливого распределения не было, — и этого права борьбы рабочего класса за более справедливое распределение национального дохода вы не можете отрицать за ним, потому что поставленный в лучшие экономические условия, в лучшие условия труда, в более культурные условия, в более гигиенические условия существования, более сытый, более образованный рабочий будет действительно здоровым и сильным гражданином на пользу развития всем нам родной страны — России.

Я, товарищи и граждане, хотел остановиться на вопросе о производительности труда. Это вопрос, которым, как вы знаете, каждый день вся буржуазная пресса запугивает всю Россию, бьет этим вопросом по рабочему классу. И меня удивило, что здесь, когда министр торговли и промышленности читал доклад по министерству труда, то он не счел нужным указать на недавно им утвержденный коллективный договор, который был заключен петроградским союзом рабочих по металлу с союзом предпринимателей, фабрикантов и заводчиков, который установил минимум выработки. Я могу указать также на коллективный договор профессионального союза печатников, который также устанавливает минимум выработки. Вы видите, что рабочий класс в своих организованных

выступлениях не гонится за платой только. Он сам ставит вопрос о том, что плата должна быть за труд и количество труда должно быть точно установлено. Кроме того, я вам скажу, что когда говорится об уменьшении производительности труда, то говорится это так, будто бы падение производительности русской промышленности всецело зависит от нерадения, от нежелания рабочих работать. Но, граждане и товарищи, помимо благородства слов внутри этих стен, необходимо благородство и вне этих стен, нужно благородство и в действиях, и пусть представители торгово-промышленного капитала правдиво укажут, почему русская промышленность так пала. Потому что, обогащаемая военными сверх-прибылями во время войны, она не имела никаких стимулов для улучшения своих машин, своих станков, для поднятия производительных сил страны. Пусть они укажут правдиво, что производительность труда упала благодаря продовольственной разрухе, благодаря тому ужасному положению, в котором находится рабочий класс, благодаря отмене во время войны законов об ограничении женского и детского труда, прошедшей при поддержке промышленного класса, благодаря влившимся в рабочий класс новым элементам женского труда и труда подростков, необученных, неподготовленных, неквалифицированных, которые не могли так производить, как производили раньше.

Вот, граждане и товарищи, обсуждая эти вопросы, нужно сказать,— мое время, к сожалению, кончается, и я не успел коснуться других вопросов,— что да, мы выйдем из этого тупика, из этого политического, военного и промышленно-экономического тупика тогда, когда поймем все друг друга и когда скажем, что наш новый демократический строй, наша новая революционная Россия должна быть построена на основах, с одной стороны, решительного проведения повсюду принципа самодеятельности, а с другой стороны, и наиболее справедливого распределения национального дохода. (Бурные аплодисменты.)

Рязанов. Граждане и товарищи. Мой предшественник сказал вам, что он является представителем большинства всех рабочих, организованных в профессиональные союзы. Мы тут не будем спорить о большинстве и о меньшинстве, — факт тот, что я являюсь представителем тех рабочих, организованных в профессиональные союзы, которые известны под именем интернационалистов. (Аплодисменты крайних левых.) Тов. Гриневич счел нужным подчеркнуть, что и та часть рабочих, мнение которых он считает себя в праве выражать, присоединяется целиком к политической программе Советов Р., С. и Кр. Д. Но это не значит, что я, являющийся представителем меньшинства, не присоединяюсь к этой программе; что то меньшинство, которое, если хотите, стоит за нами, отделяется от дела революционной демократии. Оно оставляет за собой только скромную честь быть крайним левым крылом этой революционной демократии. (Аплодисменты слева). Я не буду вести теперь спор с нашей левой стороной,— у нас спор простой, у нас спор только о том,

как углубить завоевания революции, как укрепить то, что было завоевано рабочим классом, солдатами и той частью офицерства, которая сразу стала на сторону революции. Спор у нас сводится к вопросу о том, насколько крепка та комбинация власти, которая выступила перед вами в сегодняшнем Государственном Совещании. Наш спор сводится к тому, насколько крепка и основательна надежда, возлагаемая на (жест направо) этот сектор. (Смех.) И вот я должен сказать: я гражданина Бубликова знаю по нашей совместной работе в Экономическом совете. Мне приходилось уже там отмечать его глубокое знание транспортного дела и понимание недостатков старого режима в этом транспортном деле. И все же, несмотря на то, что я видел рукопожатие, которым он обменялся с тов. Церетели, хотя я слушал его благопожелание, его уверение в том, что торгово-промышленный класс и этот сектор готовы на это единение, я должен сказать: я слышу это пожелание, но у меня нет веры. Я не поверил бы даже, если бы гражданин Рябушинский расцеловался с тов. Чхеидзе. (Смех.) История французской революции нам сохранила память о поцелуе Ламурэ, о том поцелуе, которым обменялись две части Собрания Национального,— не рабочий класс и не буржуазия, а две части буржуазии,— и вы знаете, что никогда так свирепо не разгорелась эта борьба, как после этого поцелуя. (Смех.) И именно потому, что у меня нет этой веры, я обращаюсь теперь к этой стороне. Передо мной та партия, которая считает себя носительницей культуры, просвещения, всего того, чем мы, интеллигенция, чем мы все, революционная демократия, всегда гордились, как тем вкладом, который внесла Россия в общую сокровищницу всех народов. Это — партия народной свободы. Не может быть у меня этой веры сегодня, когда я слышал речь гражданина Родичева. Гражданин Родичев. Ваши слова будут слышать теперь по всей России, где соберутся длинные хвосты тех рабочих и тех работниц, среди которых, по вашим словам, раздается теперь постыдный лозунг: «Обогащайтесь». Я бы вам советовал, гражданин Родичев, поучиться у гражданина Бубликова.

Керенский. Без личных обращений. (Аплодисменты слева, крики справа.)

Рязанов. Поверьте мне, граждане, что если бы у меня было время, я бы мог вам всем ответить. Не мешайте. (Смех и шум.)

Керенский. Если собрание не будет сохранять тишины, мне придется прибавить срок оратору. (Шум, смех.)

Рязанов. Когда сегодня при ваших рукоплесканиях и в особенности при вашем одобрении представитель транспорта и судоходства, кажется гражданин Фролов, сделал сравнение рабочих, предъявляющих требования предпринимателям, буржуазии, с тем разбойником, который говорил: «Дай мне денег, а иначе убью родину-мать», рабочие и мы, которым приходилось встречаться не с гражданином Бубликовым, нам приходит другое сравнение: как назовете вы того кулака, того предпринимателя, который, видя перед собой слезницу, просьбу, а после и требова-

ния работниц и рабочих, получающих теперь два, полтора рубля в день (смех справа), как вы назовете этого кулака, этого предпринимателя, когда, несмотря на все угрозы этого разбойника, он сейчас выдвигает родину-мать и, прячась за ней, говорит: «стреляй в эту родину-мать, только не касайся моего кошелька, моей мошны»? (Аплодисменты слева и протестующие возгласы справа.)

Вы говорите о падении производительности труда. Вы обвиняете в этом жадность рабочих, требующих чрезмерно высокой заработной платы. И вот тут позвольте... Я не буду перечислять все эти факты для гражданина Бубликова и стоящих с ним на одной точке зрения людей, изучавших политическую экономию. Это будет бесполезно. Других я все равно не могу убедить, — тут у меня для этого слишком мало времени. Нет, но если вы перечисляете факторы падения производительности труда, то я вас прошу принять во внимание [одно]: как может работница или рабочий, если изо дня в день они недоедают, если свои вымотанные долгими годами рабочие силы они не в состоянии [поддержать] на эти жалкие крохи, которые перепадают огромному большинству рабочих, [как могут они] восстановить свою нормальную работоспособность? (Возгласы справа: «А какая их заработная плата, какие цены?») Я не буду вам напоминать о всех тех объективных условиях, о которых вы забываете, когда вы ищете виноватых. Но я вам напомню другую причину, о которой вы забываете и на которую нам приходится наталкиваться. Точно так же, как в армию, путем непрерывных мобилизаций в течение трех лет, в стране, не подготовленной по своему промышленному развитию к такому интенсивному непрерывному ведению войны, так же, как и в эту армию, бросаете одну за другой массу необученных, еще плохо приспособленных к этому организму солдат, реагирующих взрывами стихийного недовольства, точно так же, должны и вы это знать, нам, представителям профессиональных союзов, — министерство труда вам может это рассказать, с каким успехом мы боремся с забастовками — с гораздо большим успехом, чем министерство труда (аплодисменты, смех), — профессиональным союзам приходится иметь дело с несознательными массами, с тем, что вы называете темным элементом русского народа, которые вбрасываются в этот сложный механизм крупных капиталистических предприятий, которые не имеют времени пройти через школу дисциплины и сознательности рабочих и профессиональных организаций и реагируют на требования этого механизма тем, что вы называете эксцессами. Это есть одна из главных причин того падения производительности труда, поскольку это падение зависит от самих рабочих сил.

И вот тут позвольте и дальше провести это сравнение с армией. Мы теперь в состоянии войны. Но война, как сказал это гражданин Кропоткин, может кончиться через несколько месяцев. И вот, граждане, вам придется стать лицом к лицу с другой проблемой, не менее важной, чем та проблема, которая вас занимает: каким образом ту многомиллионную массу солдат, которая теперь

находится на фронте, каким образом эту многомиллионную массу солдат привезти назад на родину, разместить ее по городам и селам, но так, чтобы этот процесс прошел безболезненно, чтобы этот процесс не выродился в катастрофу, перед которой ужасы внешней войны побледнеют. И тут я вам говорю, что только с помощью армейских и солдатских комитетов, с одной стороны, которые эту массу, солдатскую массу, будут дисциплинировать на фронте, с помощью профессиональных организаций в тылу, развитию которых вы должны способствовать, а не ставить препятствия, только с помощью этих двух демократических организаций, выросших и вскормленных великой русской революцией, вам удастся, быть может, сгладить все шероховатости страшно трудного процесса демобилизации армии, перевода всей промышленности на мирную ногу.

Вы ищете виноватого в рабочем классе и забываете его заслуги в деле освобождения страны, его роль в революции 1905—1906 гг., заветы которой мы теперь выполняем. За те годы, которые прошли с тех пор, у нас хватило мужества только на то, чтобы ограничиваться платоническими протестами. А теперь, когда после десяти лет реакции начался процесс революции, то вы, годами выносившие терпеливо гнет старого порядка, вы, годами выносившие муки крестьянства, муки рабочих, ленские расстрелы,— теперь, когда едва прошло четыре - пять месяцев, когда эта огромная революционная волна, снесшая на своем пути столько непреодолимых препятствий, едва только входит в свои пределы, вы уже вопиете: «дайте нам порядок», вы уже тоскуете по старому порядку... (Гром аплодисментов.)

Председатель. Слово принадлежит представителю профессиональных союзов Чиркину.

Чиркин. Граждане. Здесь с различных сторон и по различным поводам делались обвинения по адресу рабочего класса. Граждане. История общества есть история борьбы классов. Эту формулу вы можете припомнить и теперь припомните ее потому, что многие из вас пришли сюда, чтобы это позабыть. Между тем, в тех нападках, в тех обвинениях рабочих и революционной демократии, которые делались с этой трибуны, в этих нападках именно проявилась наиболее ожесточенная классовая борьба, наиболее сильное желание выявить именно классовую борьбу, классовую противоположность интересов тех групп, которые стремятся дискредитировать и рабочее движение, и революционную демократию. Я говорю опять не для того, чтобы здесь повторять еще раз о классовом антагонизме, против которого вы считаете своим долгом бороться. Я говорю, что правильно понятая классовая борьба даст нам возможность сделать более правильный вывод отсюда. И вот, граждане, те нападки... (Шум.)

Председатель. Пока не наступит тишина, я не предоставлю слова оратору.

Чиркин. ...те нападки, которые тут делались по адресу рабочего движения и Шульгиным, и другими ораторами, утверждения, ссылки на митинговый ремонт паровозов, указание на то, что в этой стороне проявляется теперь классовый эгоизм, как будто на той стороне (жест направо) классовый эгоизм отсутствует, утверждение того, что рабочий класс в борьбе за улучшение, за удовлетворение самых необходимых своих требований забывает общенациональные задачи,— граждане, это безусловно не так, потому что, если бы вы видели, как формируется эта рабочая борьба там, на местах, в этой нашей промышленности, то вы увидели бы, что это обвинение в достаточной степени вздорно, если бы вы знали, что работа наша на местах главным образом сводится к тому, чтобы регулировать отношение труда к капиталу, чтобы самую борьбу рабочих за улучшение условий ввести в свои рамки, чтобы регулировать эту борьбу рабочих с предпринимателями так, чтобы правильность производства не нарушилась.

Разрешите мне иллюстрировать это некоторыми фактами, имеющимися в моем распоряжении, из таких крупнейших заводов, как Коломенские, представителем которых я являюсь, где я очень долго работал, производство которых я знаю. В таких крупнейших производствах, — потому что Коломенские заводы захватили почти целый район и не только определяются производством Коломенских заводов, но зависят и в тесной связи находятся с Сормовскими заводами, — когда рабочие регулируют свой труд установлением определенных условий, как это рабочие считали своим долгом при сокращении рабочего времени до восьмичасового рабочего дня, они ставили своей задачей не сокращать производство, а нормировать его так, чтобы производительность труда не понижалась, а повышалась. Таков был первый период, когда рабочие организации сами стояли на всех фабриках и заводах, когда все свободные наши силы стояли за то, чтобы призвать рабочих улучшить свое положение, призвать к тому, чтобы производительность труда их не понизилась а повысилась; в значительной степени это сделано. С первой половины мая месяца на таком крупнейшем заводе, как Коломенский, и в целом ряде связанных с ним производство во всяком случае увеличилось. Так, за первую половину мая на Коломенских заводах производительность труда увеличилась до 8%. Такое повышение производительности наблюдалось, например, и во второй половине мая. Между тем теперь через самый небольшой промежуток времени, в июне месяце, в конце первой половины и второй половины, мы наблюдали несколько иную картину. Мы видим, что производительность труда начинает падать, а потом падение производительности труда начинает быстро доходить до таких размеров, которые не могут не бросаться в глаза рабочим организациям. Иллюстрирую свое положение примером. Когда к нам приехал представитель министерства труда, чтобы разобрать специфический случай, разобрать ссылку со стороны заводоуправления, известную, документально подтвержденную военным ведомством, морским ведомством и перешедшую в министерство труда,—ссылку на то, что рабочие дезорганизуют, тормо-

зят, мешают и не дают возможности к сроку выполнить необходимый военный заказ, и когда нам предъявили эти документы в присутствии представителя министерства, и мы пытались выяснить, в чем дело, то оказалось, что эта документальная ссылка, эти бумаги прошли через головы рабочих организаций, профессиональных организаций, заводских комитетов и Совета. Все они не подозревали о том, что заводоуправление сочло своим долгом дать соответствующий материал, дискредитирующий всех рабочих, в соответствующее ведомство, не проверив, не подвергнув его обсуждению в соответствующих рабочих профессиональных организациях, которые были в этом заинтересованы не меньше, чем само заводоуправление. Почему оно это сделало? Оказалось, что эти документы сплошной вымысел. То, что зафиксировано в этих документах, не соответствует никакой действительности. Речь в них идет о том, что заводоуправление не в состоянии выполнить военный заказ к сроку, выполнить теплоходы, ссылаясь на то, что рабочие не допускают сверхурочных работ, тормозят работу, каждый день предъявляют требования о повышении заработной платы. Когда поставили вопрос директору заводоуправления, считает ли он это справедливым, он уклонился от прямого ответа и заявил, что острота вопроса уже миновала и он не считает возможным подвергать его обсуждению в присутствии [представителя] министерства труда. Из этого, граждане, вы можете наблюдать что в данном случае воспользовались ссылкой на рабочих потому, что нужно было свалить собственную неподготовленность и неприспособленность при существующих условиях самой администрации выполнить к сроку необходимые заказы. И оказалось, что эти документы фальшивые, хотя и были подтверждены особым заводским совещанием и подписаны потом рабочими. Таким образом, по расследовании дела, документы эти оказались сформулированными без ведома и прочтения самих рабочих и ничего общего с действительностью не имели. Из такой политики вы можете видеть, граждане, как поступает заводоуправление, когда ему нужно свалить с больной головы на здоровую.

Более того,— в целом ряде текстильных производств, которые мне пришлось объехать самому, я наблюдал следующую картину: в одном шелкопрядильном производстве не было топлива. Все элементы производства имелись налицо, между тем производство не могло функционировать только потому, что не было топлива. И тогда рабочие сами поставили вопрос ребром. Рабочие стали добиваться от предпринимателя того, чтобы он употребил известные усилия, чтобы предприятие функционировало, потому что предприятие работает в значительной степени на оборону. Тогда предприниматель поставил условия рабочим и заводскому комитету, что если они согласятся на то, чтобы взять на себя издержки на покупку бочек для нефти, то за самую нефть он заплатит сам. Я представляю вам судить о таких выступлениях, когда предприниматель не успевшим ориентироваться в сложном механизме рабочим предлагает такие условия. (А п л о д и с м е н т ы.)

Наконец, я должен заметить, что то, о чем говорил министр Некрасов, совершенно верно и в действительности имеет место. Когда нужно предпринимателю получить ссуду, предприниматели различными путями воздействуют на своих рабочих, чтобы они посылали различные телеграммы. Такие случаи были, и я в своей практике при объезде Московской губернии наблюдал в Озерах, что предприниматели вынуждали рабочих посылать своих представителей в особые московские совещания и в министерство труда и в различные ведомства, чтобы добиться, чтобы производство функционировало, добиться того, чтобы правительство субсидировало их предприятие. Между тем, когда мы создали комиссию, оказалось, что все элементы для производства имеются налицо: имеется и топливо, и сырье, и железо, и все необходимые элементы, из которых составляется производство. В чем дело, почему самое производство не функционировало правильно? Только потому, что предприниматель хотел значительную долю того, что он теперь переплачивает на заработную плату, свалить на правительство.

Профессиональные организации и здесь остаются на высоте своего положения. Граждане, не только здесь, но и в Петрограде на заводе Лесснера, на заводе Бремера, на заводе «Динамо» и на целом ряде других заводов, там, где рабочие в силу необходимости взяли производство в свои руки, там, где предприниматели по тем или иным причинам уклонялись от производства, рабочие умели вести дело. Это засвидетельствовано целым рядом протоколов и заводскими совещаниями, которые утверждают, что когда рабочие заинтересованы в исполнении заказов, они исполняют ранее срока и аккуратно их делают. В целом ряде других производств мне пришлось наблюдать, — потому что приходилось участвовать в бесчисленном множестве этих конфликтов, как представителю профессионального движения,— там, когда положение изменилось не в пользу промышленности, предприниматели стали употреблять невероятные усилия для того, чтобы саботировать производства. Может быть, вы, граждане, со мной не согласитесь, может быть, вы будете спорить. Я только сошлюсь на одно обстоятельство. Когда вывешивается объявление, что производство не может функционировать, потому что рабочая плата повысилась на 100%, а производительность труда понизилась, положим, на 50%, когда вывешивается объявление, что производство не может функционировать правильно и закроется, рабочие, само собою, ставятся в невероятное положение. Вместо того, чтобы совместными усилиями выйти из этого положения, развить производительность труда, потому что профессиональными организациями ведется усиленная работа не для того, чтобы понизить производительность труда, а для того, чтобы производительность труда повысить до максимума, и когда создается такая психологическая атмосфера, когда рабочий не уверен, что он, если придет завтра, получит работу у станка, а будет вывешено объявление, что завод закроется,— при такой психологической атмосфере всякий импульс к тому, чтобы рабочий действовал по директивам профессиональных учре-

ждений, отпадает. Такие факты были отмечены и в буржуазной печати. Таких фактов пред лицом русского общества прошло не мало. Министерство труда может подтвердить, сколько оно ликвидировало конфликтов, сколько раз оно предотвратило возможность закрытия крупнейших предприятий только потому, что они старались свалить с больной головы на здоровую. И таким образом и здесь, граждане, рабочие организации, профессиональные союзы находятся на высоте своего положения. Здесь ведется классовая борьба, но правильно понятая классовая борьба не исключает и понижения производительности труда, и саботирования промышленности, как это делается со стороны предпринимателей, но, наоборот, классовая борьба все эти элементы считает необходимыми, и там, где это возможно, производительность труда возрастает, а не падает.

Я возвращаюсь к таким крупным производствам, как Коломенские заводы, и должен совершенно определенно сказать, что там после изменений условий труда производительность возросла на 8%. Но затем во второй половине мая она упала до 5%; но когда нам представляют статистику, санкционированную известными административными лицами, и говорят, что рабочие стоят не на должной высоте, так как производительность труда пала, то при ближайшем расследовании оказывается, что когда на 20% понижена была производительность труда, в это время чугунолитейный отдел в целом крупном производстве не функционировал, стоял за отсутствием топлива. Между тем, граждане, вам должно быть известно, что предприниматели в первый период, когда приходилось рабочим регламентировать условия труда, стремились к тому, чтобы вывесить таблички на воротах о закрытии предприятий, и когда рабочие с помощью собственной революционной инициативы могли бы продолжать производство, они оказались бы без необходимых элементов, с пустыми руками, без топлива, без железа, без сырья. И предприниматели расхищали сырье и топливо, чтобы только иметь оправдание и вывесить соответствующий циркуляр на воротах, что фабрика закрывается вследствие чрезмерных требований рабочих. И нам приходилось предотвращать это не только в интересах рабочего движения, но в интересах национальной обороны, в отсутствии которых вы нас обвиняете.

Граждане, нами это делалось и в большей степени, чем кем-либо другим. Нами это будет и впредь делаться. Но мы не отказываемся и от классовой борьбы и будем попутно и усиленно вести ее, и когда саботаж производства будет делаться предпринимателями, там они встретятся с неуклонным отпором со стороны организаций, которые создались и функционируют и в лице заводских комитетов, и профессиональных организаций в государственном масштабе, и с профессиональными союзами на местах. (Аплодисменты.)

Председатель. Председатель военно-промышленного комитета Гучков.

Гучков. Господа, когда я слышал страстные нападки, раздающиеся с этой кафедры против промышленности, меня охватило глубокое и печальное не-

доумение. Неужели нашей русской промышленности можно поставить в вину то, что она совершила за эти последние годы и месяцы войны? Господа, я, который стою во главе центрального военно-промышленного комитета, т. е. группы тех общественных организаций, которые пытались после тяжких неудач на Карпатах вызвать к жизни частную промышленность, мобилизовать ее и направить на оборону родины, я должен констатировать глубокую и несправедливую ошибку, которую совершают все, которые только в нападках и осуждении находят оценку деятельности нашей русской промышленности. Я утешаюсь только одним,— что история и в недалеком будущем оценит ту громадную заслугу, которую русская промышленность, класс русских промышленников и все их сотрудники, сверху донизу, несут перед родиной. Господа, если судьба войны за последние месяцы до революции повернулась в благоприятную сторону, если армия почувствовала себя снабженной и в боевом, и в интендантском отношении так обильно, как никогда, то это громадная заслуга именно русских промышленников, которые среди самых неблагоприятных условий и тяжелых рисков, среди пожара войны пошли на эту работу. И если, господа, теперь мы стоим у разбитого корыта нашего народного хозяйства, если эта промышленность едва дышит на ладан, если целые отрасли ее замирают, то это не вина руководящих кругов русской промышленности, [а] вина тех общих условий нашей новой жизни, которые помимо их, вопреки им, против них были созданы нынешними хозяевами страны.

Господа, мы прослушали целый ряд докладов со стороны представителей промышленности. Печальную картину экономической разрухи нарисовали нам эти доклады, дополнив только то, что говорили представители правительства. Господа, вся эта печальная картина приводит нас опять к тому же основному вопросу,— к вопросу о создании центральной государственной власти. Проблема власти, вопрос о создании нормальной сильной власти в центре, является жизненным вопросом для России. Я уже указывал раньше на основную причину тех неудач, которые постигали до сих пор все попытки в этом направлении. Эта причина заключается в односторонности этих попыток и в однобокости того фундамента, который подводится под эту власть. Но есть еще, господа, одна причина этих неудач. Эта причина кроется в самом характере тех демократических элементов, которые объединились в «революционную демократию». По своей истории лишенные государственной школы и государственных традиций, они по самой своей природе не обладают инстинктом государственности. Поэтому эта демократия оказалась органически неспособной к созданию каких бы то ни было прочных форм властвования, и тем менее к созданию нормальной и сильной государственной власти. (Голоса справа: «Правильно». «Верно».) Всюду, куда она ни проникала, во всех разнообразных ячейках нашего народного и государственного организма, она действовала как сильно разлагающий реактив. Печальная картина нашего отечества служит лучшим тому доказательством.

«Русская революционная демократия» с той социалистической идеологией, которая ей свойственна, и с теми приемами практического социализма, которые она применила всюду, куда она вошла, совершила тяжкий грех перед родиной. Гибель страны, распад государства, тяжкие бедствия, которые еще ждут русский народ и которые жестоко обрушатся именно на широкие народные массы, это мы должны поставить в счет той односторонней, нетерпимой и сектантской политике, которая велась вождями этой демократии. Господа, шесть месяцев назад было еще одно оправдание этому в той фанатической вере, которую вносили в свою роковую работу некоторые из вождей этой демократии. Господа, сохранилась ли эта вера и ныне в наших сердцах? Или и здесь надежда растоптана и вера оплевана? В одной из своих речей, направленных против германских социал-демократов, Бисмарк, указывая на невыработанность и туманность положительной программы социал-демократии, выразил ироническое пожелание, чтобы была отведена г. социал-демократам какая-нибудь страна или территория, «которую не жаль», где они могли бы провести опыты с применением приемов «практического» социализма в явлениях народного хозяйства. Воображаю, каким радостным смехом засмеялся бы железный канцлер, если бы он узнал, что при одном из его преемников, а может быть и с его участием, Россия была отведена под опытное поле для применения экспериментов по практическому социализму и именно в момент последней и решительной схватки с Германией. (Голоса: «Браво». Аплодисменты. Голос: «Позор».) И вот поэтому всякие попытки построить у нас твердую государственную власть на одностороннем фундаменте русской революционной демократии роковым образом осуждены на неудачу. Только широкий общенациональный фундамент, гармонически заключающий в себе все составные элементы государственного и народнохозяйственного организма, включая сюда и все демократические элементы (голос: «А-а»), может служить прочной и верной опорой для истинно государственной власти. Это элементарный урок истории и политической науки, и мы усваиваем его только теперь путем тяжелого и наглядного обучения. Усвоили ли эту истину представители власти? Надеюсь, что да. (Голоса: «Нет».) Пожелают ли они провести ее в жизнь? Хотелось бы верить. Но смогут ли? Вот вопрос. Ибо для того, чтобы создать власть, нужна тоже власть. Но от этой задачи мы не уйдем, с ней мы стоим и падаем. И на ее разрешение должны напрячь все свои усилия и представители правительства, и все, кому дороги судьбы родины.

Господа, целый мир идей и верований отделяет нас, не социалистов, от людей «того берега». Не столько личные и классовые интересы разделяют нас, а иное понимание структуры человеческого общества и задач государства. В будущем Учредительном Собрании, в целом ряде будущих русских парламентов скрестят свои шпаги сторонники обоих лагерей. Но как ни велики эти мировые вопросы, волнующие и раздирающие человечество, какими они кажутся нам ничтожными в настоящий момент, когда перед нами выступает грозный призрак гибели родины.

И от имени тех общественных кругов, из чьих рядов я вышел, от имени той буржуазии, которую клянут и распинают, я тоже говорю вам: да, мы пойдем с вами на общую работу и на общие жертвы, но жертвы эти должны быть принесены не классовым интересам, а интересам государства, и эта общая работа должна быть честной, товарищеской, равноправной работой. Мы пойдем в сотрудники, но не пойдем в статисты! (Аплодисменты.)

Председатель. Представители продовольственных комитетов и представители кооперативов часть своего времени предоставили представителю казачьих войск Всероссийского Исполнительного Комитета Совета Р. и С. Д. есаулу Нагаеву [97]).

Караулов. Он вчера сказал, что он не представитель казачьих войск... (Голос с места: «Он исключен». Голос с места: «Он больше [чем] представитель, потому что он народный представитель». Аплодисменты.)

Караулов. Я никого не боюсь, не беспокойтесь...

Председатель. Член Государственной Думы Караулов, призываю вас к порядку и предлагаю не вступать в беседу с ораторами на кафедре.

Караулов. Слушаюсь. (Голос: «Скажите, кого вы представляете?»)

Нагаев. Я сейчас скажу. (Читает): «Ответ генералу Каледину члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Р. и С. Д. А. Нагаева».

Я прошу меня простить, граждане, что вследствие непредвиденных обстоятельств я выступаю не в порядке прений, но я считаю своим долгом ответить генералу Каледину.

«Генерал Каледин вчера в своей речи взял на себя смелость говорить от имени двенадцати казачьих войск *). Я буду значительно скромнее. Сам участник войны и строевой казачий офицер из действующей армии, в Центральный Комитет Совета я послан съездом Кавказского фронта, в состав которого входят казачьи части семи казачьих войск. Делегаты этих казачьих частей на фронтовом съезде высказали совершенно определенные пожелания. Эти пожелания и будут базисом соображений, которые я выскажу здесь. Буду говорить я и как председатель казачьей секции Всероссийского Центрального Комитета Р. и С. Д. **). В дни, когда отчизна наша переживает страшные испытания, когда родине нашей грозит величайшая опасность, мы все, по мере сил своих, должна быть готовы на жертвы. Все мы должны разделять несчастье народа и, объединившись в последнем страшном усилии, должны спасти нашу родину от военного разгрома и вместе с тем спасти революцию, которая должна принести миру величайшие культурные ценности, которая должна сделать Россию великой страной

*) *В «Русском Слове» далее следует:* Протесты из ложи офицеров.

**) *В «Русском Слове» далее следует:* Смех и иронические возгласы из ложи офицеров.

свободы. И вот во имя единения для этой цели я хочу сказать генералу Каледину: «не отрывайте казачество от народа»...

Председатель. Прошу не обращаться к отдельным лицам, прошу обращаться к собранию.

Нагаев (продолжает читать). «Не воскрешайте дни позора казачества, когда прежде вольные казачьи общины были приспособлены самодержавием для целей угнетения. Слишком тяжелы воспоминания об этом *). В то время, когда многие из нас, казаков, в 1905 году были в рядах революции, когда у нас были свои безвестные мученики за свободу, вы, желающие вновь натравить казачество против родного народа в лице его полномочных органов— Советов, вы были тогда верными слугами самодержавия **). Не вам вести казачество к возрождению. В первые дни великой революции казачество на улицах Петрограда выдержало экзамен. Выдержало оно экзамен и в дни кризиса 3—5 июля, когда оно во имя верности Временному Правительству и полномочным органам народа, Советам, пролило свою кровь на тех же улицах Петрограда и с величайшей бережностью отнеслось к крови народной, не пролило ни единой капли ее, не поддалось провокации» (Голоса: «Слава революционному трудовому казачеству». Голос: «Германские марки»... Шум, крики, протесты. Голос: «Молчать». «Там провокатор».) ***)

Председатель. Я предлагаю человеку, бросившему оратору — представителю русской армии, в лицо оскорбление, быть смелым и сказать, кто он. (Голос: «Это не представитель казачества». Крики, шум. Голоса: «Трус!». «Трус!»)

Председатель. Есаул Нагаев и все присутствующие здесь русские люди совершенно удовлетворены молчанием труса ****). (Голос:

---

*) *В «Русском Слове» далее следует*: Бурные аплодисменты слева. Движение в ложе офицеров.

**) *В «Русском Слове» далее следует:* Бурные аплодисменты слева. Возгласы: «Да здравствует революционное казачество». Возгласы протеста из офицерской ложи. Атмосфера в собрании накаляется. Председатель тщетно звонит, но начавшегося возбуждения он не в силах успокоить.

***) *В «Русском Слове»*: Бурные аплодисменты слева. Возгласы: «Слава революционному трудовому казачеству». Сильные протесты из ложи офицеров. Слышатся отдельные фразы. Слова: «Вы ответите за это!» И, наконец, как удар хлыста: «Германские марки». Эти слова производят впечатление разорвавшейся бомбы. В зале поднимается невероятный шум. Представители Советов вскакивают со своих мест, угрожают кулаками офицерской ложе. Слышны крики: «Провокаторы!»... Безумолчно дребезжит председательский звонок. Кажется, еще момент и начнется свалка. Председателю, наконец, удается восстановить относительное спокойствие.

****) *В «Русском Слове» далее следует*: Бурные аплодисменты на скамьях крайней левой. Из глубины офицерской ложи выходит капитан Скаржинский и заявляет: «Хотя я не произнес этих слов, но я солидарен с ними». Сильный шум. *Возгласы:* «Долой

«Я извиняюсь, я не произнес того слова». Шум. Голоса: «Долой его!» «Долой его!»)

Председатель. Я считаю, с согласия собрания, эпизод исчерпанным. (Аплодисменты, голоса: «Правильно».)

Нагаев (продолжает читать). «Поэтому нет у нас основания не гордиться именем «казак». Однородное, чуждое большевизму, спаянное дисциплиной, не знавшее дезертира, рядовое казачество представляет сплоченную силу. Но верно ли то, что оно, это рядовое казачество, требует разогнать Советы? Верно ли, что все двенадцать войск постановили упразднить все комитеты и Советы? Насколько мне известно, совет союза казачьих войск участвовал в составлении прочитанной генералом Калединым декларации, но: 1) Не все войска представлены в совете союза казачьих войск,—не пожелали в нем принять участие забайкальцы, амурцы и уссурийцы [и] отозвали своих делегатов вследствие недоверия к совету союза казачьих войск. 2) Фронтовое казачество, т.-е. лучшие силы казачества, представлены в совете союза казачьих войск чрезвычайно слабо. 3) Ряд казачьих частей на фронте определенно не доверяет совету союза казачьих войск, — поступили протесты целых дивизий, донские полки в Петрограде 11 августа вынесли резолюцию, резко осуждающую руководителей донских войск. 4) Совет союза казачьих войск, являясь сословно кастовой организацией, не выражает интересов трудового казачества. 5) Такой рискованный и ответственный шаг, как ультимативное требование роспуска всех Советов, не имел право делать не только генерал Каледин, но и совет союза казачьих войск без всероссийского казачьего съезда, тем более, что всероссийский казачий съезд принял две резолюции: о Всероссийском Съезде Советов Р. и С. Д. и о Совете Кр. Д., в которых он признал [их] важное значение «как в государственном, так и в политическом отношении», считает их истинными выразителями интересов, с одной стороны, крестьянства, с другой стороны, всей демократии и призывает их к поддержке Временного Правительства. Где же последовательность? Где же нравственное право на такое выступление? Не введен[ы] ли инициато[ры] прочитанной генералом Калединым декларации в заблуждение? Не действуют ли за их спиной какие-то посторонние силы, чтобы, натравив казачество на народ, в крови Варфоломеевской ночи потопить и революцию и свободу? И если такие силы есть, я определенно заявляю: не ошибитесь,—рядовое казачество за вами не пойдет, рядовое казачество, не забывшее опыта 1905 года, не пойдет против народа.

Для того, чтобы посеять рознь между казачеством и народом в своекорыстных интересах, безответственные люди в войсках пытаются натравить казачество на крестьян. Распространяют слухи, будто у казачества хотят отобрать землю. Я

его, вон! Это не казак, а трус!» К барьеру офицерской ложи подходит другой офицер, полковник генерального штаба Сахаров, и становится рядом с капитаном Скаржинским.

утверждаю, что ни одна революционная партия не думает этого. (Проект с.-р., внесенный во вторую Государственную Думу, п. 6.) Да и что можно отобрать, когда в том же Донском войске земли, в среднем, не свыше трудовой нормы и есть настолько малоземельные округа, что земли там, очевидно, придется прибавить. Никакие группы не навязывают нам, казачеству, своей воли. Но решение всенародного Учредительного Собрания должно стать для нас законом. На Учредительном Собрании русский народ будет справедлив ко всем. Безответственные лица в войсках ради своих корыстных целей пугают казачество тем, что его хотят расказачить, говорят о том, что над казачеством будет произнесен смертный приговор. Какой смертный приговор? Мы говорим, что казачество со своим своеобразным укладом, со своим особенным самоуправлением нисколько не противоречит демократическим принципам. (Возгласы: «Правильно».) Казачьему старшине выгодно удержать сословно-кастовые привилегии, а трудовому казачеству выгодно устранить сословные ограничения. Кто был бесправнее казака при самодержавии? Его дутые, фиктивные привилегии не окупались тяжелой справой на свой счет, бесконечной службой и чертой оседлости; это только у евреев и у казаков была черта оседлости. (Возгласы: «Правильно». Аплодисменты слева.) Так почему казачество должно итти разными дорогами с русским народом? Почему его вы натравливаете против Совета? Но вы непоследовательны: если вы требуете распустить Советы, то прежде всего вы должны потребовать роспуска совета союза казачьих войск *)» (бурные аплодисменты слева), определивших срок своих полномочий вопреки всем демократическим организациям на три года. (Продолжительные аплодисменты слева, смех, возгласы: «Браво».)

Министр-председатель. Ваше слово кончено. (Аплодисменты, переходящие в овацию.) [Председатель.] Председатель продовольственного комитета рабочей партии Капцан.

---

*) *В «Известиях Московского Совета Р. Д.» далее следует:*

Далее в своей речи Нагаев отметил, что на всякие выступления посторонних авантюристических групп казачество сумеет ответить:

— Через наши трупы, через трупы казаков, работающих в этих Советах, вы можете распустить Советы. (Шумные аплодисменты.) Но когда Советов не станет, когда не станет сдерживающего и организующего начала перед призраком голода среди разрухи, не вызовете ли вы из земли духа мятежа, духа бунта рабов, новую пугачевщину, которая сметет и вас, и нас, и всю интеллигенцию, и не оставит в России камня на камне. Осторожней с огнем!

Во имя спасения страны, во имя великого будущего свободной демократической республики, во имя блага самого казачества мы призываем все казачьи войска к объединению не на платформе, навязанной чужой волей русскому народу, а на единой всенародной демократической платформе, которое выражает Временное Правительство, прислушиваясь к голосу народа. (Шумные аплодисменты.)

Я предлагаю лицам в этой ложе прекратить разговоры с партером и обратно.

Капцан. Я разойдусь с тов. Рязановым в оценке отношений к тому, что здесь происходило в связи с заявлением, сделанным гражданином Бубликовым. Я, как рабочий, очень хотел бы возразить г. Гучкову, который как бы задался умышленно целью доказать, что тов. Рязанов будто прав, и плохую услугу он оказал гражданину Бубликову. Но я вынужден отказаться от ответа г. Гучкову, потому что выступаю здесь по специальному вопросу, по поручению членов совещания представителей продовольственных комитетов.

Представители продовольственных комитетов подписались под той декларацией, которую прочитал тов. Чхеидзе (аплодисменты слева), и оно понятно. Мы представляем собою часть единой армии революционной демократии. В своей деятельности продовольственные комитеты непосредственно опираются на деятельность Советов Р., С. и Кр. Д. В нашей работе главное место занимают интересы армии, снабжение армии всем необходимым, и мы приветствуем армию не аплодисментами на собраниях, а непосредственной поддержкой, которую мы по мере своих сил и по мере своего разумения оказываем армии. Советы Р. и С. Д. помогают нам и в организации и в деле постановки продовольственного вопроса на местах, и к тому, что здесь говорили о роли Советов, мы от имени продовольственных комитетов заявляем, что если бы не существовали эти Советы, невозможно было бы при тех тяжелых условиях, в которых мы взялись за продовольственное дело, невозможно было бы изменить положение дел таким образом, что когда в мае в некоторых армейских частях запасов хватало на два дня, к 15 июня положение изменилось во много раз лучше,— запасы удалось довести до 30 и 45 дней. Это, конечно, очень мало сравнительно с тем, что было необходимо сделать. Но вы знаете, в каких тяжелых условиях нам приходилось работать на-спех. Если бы не Советы, то те, которые говорят о том, что крестьяне не дают нам хлеба, то эти ораторы, говорящие об этом и говорящие о том, что это—продолжение формулы «постольку, поскольку», оказались не только ограниченными в своей буржуазности Шульгиными, но и ограниченными в потреблении. Хлеб крестьяне дают, и они имеют право требовать от нас, и мы об этом заявляем Временному Правительству, что должен быть, наконец, положен конец тому положению, при котором крестьяне, продавая хлеб по твердым низким ценам, сами либо совсем не могут получить необходимых продуктов, либо должны получать их по чрезвычайно высокой цене. (Жидкие аплодисменты.)

В этом отношении нужно сказать, что в деле продовольствия во многих местах нам удалось уже создать организации на местах. Но мы наталкиваемся на препятствия, которые Временное Правительство совместно с продовольственными организациями на местах должно устранить. Указывая на эти недочеты, мы делаем это не в укор и не в осуждение, а для того, чтобы указать на необходимость дело иначе поставить. Мы считаем необходимым, чтобы немедленно было приступлено к прове-

дению в жизнь единственного плана снабжения населения продуктами продовольствия и предметами массового потребления. Но мы встречаем затруднения вот какого рода. Нет единой целостной политики благодаря составу Временного Правительства. Когда мы об этом говорим, мы прекрасно знаем, каковы те условия, в которых вам, товарищи министры, приходится работать. Мы знаем, что у вас тяжелая работа, тяжелая ответственность, сложная работа. Но к этому нужно стремиться сейчас, не медля ни часу. Мы наталкиваемся на препятствия, лежащие в плоскости того, что не успели еще выработать единого плана в этом отношении, и поэтому необходимо, чтобы это единство возможно скорее было осуществлено.

Нам приходится соприкасаться в нашей деятельности с работой земельных комитетов, работой исполнительных комитетов народной власти, и так как не урегулированы точно взаимоотношения, не определена компетенция этих организаций, мы часто не в состоянии справиться с теми задачами, которые мы обязательно должны решить и которые мы наверное решили бы легче и скорее, если бы в этом отношении было сказано все, что необходимо, и облегчена была бы возможность работы тех организаций, которые соприкасаются с нами и продовольственными комитетами. Мы говорим о необходимости единого плана снабжения продуктами продовольствия. Для правильного распределения этих продуктов массового потребления мы считаем необходимым, чтобы были установлены твердые цены на эти продукты и чтобы немедленно приступили к монополизации мануфактуры, железа и т. д. На установлении твердых цен настаивают и деревня и город: нельзя брать у крестьян и скот и хлеб по твердым, низким, по сравнению с другими продуктами, ценам, а их заставлять получать по очень высоким ценам. Но установление этих твердых цен недостаточно, потому что мы знаем, что твердые цены обходятся совершенно спокойно теми, кто может их обходить. Твердые цены были установлены на продукты питания, но этих продуктов потребитель не мог получать и вынужден был либо оставаться без них, либо платить значительно дороже. Мы знаем и сейчас, что массу продуктов скрывают, а те, которые могут тем или иным путем платить дороже, твердые цены ломают, и население и крестьяне должны платить дороже. Поэтому твердые цены сами по себе недостаточны. Необходимо, чтобы вы, товарищи министры, шли в этом направлении дальше и сказали следующее слово,—установили на эти товары монополию, как установили монополию на хлеб. Но даже до того, как вы приступите и будете осуществлять эту программу, мы настаиваем решительно на том, чтобы твердые цены оставались незыблемыми, вопреки тому, что здесь говорили представители других классов. Мы настаиваем на этом в интересах той бедной части крестьянства, которая раньше, имея запасы, отдала их по твердым ценам и сейчас в недородных губерниях должна приобретать хлеб по более высоким ценам. Этого допустить нельзя. И в интересах и городского населения и крестьянской бедноты мы считаем необходимым, чтобы твердые цены

на хлеб были удержаны и чтобы неуклонно и решительно проводилась хлебная монополия.

Один из ораторов говорил о том, что крестьяне не дают хлеба и что приходится прибегать к вооруженной силе. Это неверно. Это неправда. Крестьяне давали хлеб и дадут, если мы сейчас хоть сколько-нибудь обеспечим их предметами, необходимыми для них, и перестанем ограничиваться обещаниями, делающимися в течение пяти месяцев. Тогда они отдадут и те остатки, которые у них имеются. Сейчас мы выкачали [хлеб] из запасов бедных крестьян в целом ряде губерний, оставив их в недородных местах без хлеба, а к силе вооруженной нам приходится прибегать тогда, когда крупные посевщики добровольно не отдают, и мы обращались тогда к Советам Р. и С. Д. за помощью, которая нам оказывается, и хлеб мы достаем и в армию отправляем.

Для того, чтобы дело снабжения было поставлено возможно более удовлетворительно, продовольственные комитеты считают необходимым, чтобы дело продовольствия, дело снабжения, было сосредоточено в руках продовольственных комитетов. В качестве главного технического аппарата мы привлекаем кооперативы и работаем с ними в полном согласии. Это не значит, что мы отбрасываем частные фирмы, ибо губерния, представителем которой я являюсь, Самарская губерния, как и министр торговли и промышленности [указал], пользуется частными [фирмами] и не отбрасывает всех тех, кто может быть использован для дела. И в этом отношении, когда нам нужно было в нашей организации совместно работать с представителями других классов и с особоуполномоченным Башкировым, мы сумели работать вместе, не разлагая организации, и теперь мы продолжаем эту работу таким образом, что наша губерния в смысле скорости срока поставки и в смысле полноты занимает первое место по счетным ведомостям министерства продовольствия. Мы, к сожалению, часто наталкивались в Самарской губернии на то, что здесь называли саботажем со стороны частных фирм, и здесь, конечно, эти частные фирмы мы устраняем и будем устранять их впредь.

В той правде, которую сообщили министры 12-го числа, представители продовольственных комитетов считают своим долгом заявить, что если не будут приняты меры для организации всенародно-хозяйственной жизни страны, то и стране и армии угрожает голод. Мы знаем положение на местах. Мы знаем, что костлявые руки, о которых говорил обладатель совсем не костлявых, а очень цепкой руки, что эта костлявая рука уже сейчас постоянно напоминает нам в продовольственных комитетах о необходимости удовлетворить страшную нужду жителей целых районов и губерний. Мы считаем потому своим долгом заявить, что этот план, который был намечен в декларации правительства, и то, что было намечено на продовольственных съездах, и все то, что необходимо для того, чтобы организовать производство, организовать распределение и снабжение, — все это [должно] было [быть] сделано безотлагательно.

Товарищи министры. Сейчас предстоит нам произвести огромную в этом отношении работу. Дает себя чувствовать отсутствие организации рынков труда, дает себя чувствовать целый ряд недочетов в областях продовольствия и производства, в области перевозок. Все, что можно в этом отношении сделать, должно быть сделано безотлагательно. И тогда мы сумеем справиться безотлагательно с той задачей, которая стоит перед нами. Кроме того, когда уже сейчас говорят о твердых ценах и когда в газетах промелькнуло известие о том, что министр-председатель сказал, что хлебная монополия будет отменена, сейчас это мешает нашей работе на местах. Начинают прятать хлеб, подвоз уменьшился, и поэтому мы не можем доставлять на фронт то количество, которое доставлялось раньше, и в губернии с недостатком хлеба, в губернии голодающие посылать не можем. Если бы нам удалось укрепить центральную власть, то укрепление власти на местах последовало бы. Мы, представители продовольственных комитетов, считаем необходимым указать на это обстоятельство революционного порядка, поддержание революционного творчества и в центре и на местах. *) Тогда можно будет нам смягчить трагизм положения, который мы здесь чувствуем. Поэтому необходимо осуществить ту программу, которая была объявлена министром торговли и промышленности, и немедленно приступить к организации производства и установлению твердых цен и монополий на продукты. Продовольственные комитеты дают материал различный... (Председатель прерывает оратора звонком.)

Тогда я вынужден буду прервать и остановиться на другом вопросе, не менее важном. Я лично пережил очень много за сегодняшний день и за вчерашний, начиная с речи тов. Церетели. Я, как рабочий, не привык до сих пор слышать того, что здесь нам говорил гражданин Бубликов. Мы до сих пор слышали совершенно иные речи от торгово-промышленников. Но сегодня сказано было от имени торгово-промышленников новое слово, дано обязательство [перед рабочим классом и перед страной. Если это будет] выполняться, то [тогда] пусть знает об этом страна, пусть знают об этом и наши союзники и пусть знают об этом наши враги. Это были слова гражданина Бубликова, который заявил: рука, протянутая вчера, не повиснет. Вот это сказал и затем подошел к нашему тов. Церетели и протянул ему руку. Мы заявляем, что, принимая программу 8 июля, мы при этом пошли на ограничения, пошли вполне сознательно. И после всего этого, что вы здесь сказали, я спрашиваю: вы, гражданин Бубликов, принимаете программу 8 июля?

Председатель. В речах обращения не делают.

Капцан. Принимают ли те, от имени которых говорил гражданин Бубликов, то обязательство, которое было дано здесь, или нет?

---

*) *Так в подлиннике.*

Председатель. Ваше время кончилось.

Капцан. Я должен констатировать, что, таким образом, тов. Рязанов, к сожалению, был прав в своем предположении.

Никитин. В виду того, что предполагается речи напечатать, то я очень прошу завтра с двух часов дня ораторов явиться в городскую думу и там исправить свои речи в стенограмме. Кроме того, представить материалы, которые желают, чтобы были помещены в стенографическом отчете.

Председатель. Объявляю перерыв на четверть часа.*)

Керенский. Прошу занять места. Перед перерывом произошел печальный эпизод, [когда один] из ораторов получил довольно оскорбительное восклицание. Я рад засвидетельствовать, что лицо, выкрикнувшее эти слова, принадлежащее к русской армии, полковник генерального штаба Сахаров это сейчас же заявил, когда я спросил, [но] по условиям акустики и отдаленности его местонахождения до меня и до собрания это заявление не дошло. Не входя в личную оценку этого заявления, я рад, что моя уверенность в том, что представитель русской армии всегда отвечает за свои слова, оправдалась. Вместе с тем, в связи с этим же выступлением, сделанным есаулом Нагаевым, как представителем Кавказского фронта и совета казачьего отдела Совета С. и Р. Д., [укажу], что его речь, как просил меня заявить здесь представитель казачьих войск, сказана не от имени казачьих войск, что сказал и сам есаул Нагаев. Вместе с тем, в это сообщение вкралось недоразумение, а именно, генерал Каледин здесь говорил не от имени совета казачьих войск, а от делегации казачьих войск, куда, как только часть, вошел и совет казачьих депутатов,—таким образом, генерал Каледин мог говорить формально от имени тех двенадцати казачьих войск, которые представили сюда своих делегатов. Вместе с тем я еще раз выражаю свою глубокую уверенность, что все говорящие здесь говорят плохо или хорошо, с чьей бы точки зрения, безразлично, но говорят по совести и своему убеждению, не стремясь к каким-либо целям, не специально натравливая кого-либо на другое лицо, не преследуя каких-либо других целей и не служа другим интересам, кроме цели сказать правду и интересов служения государству. Это заявление относится как к тому эпизоду, который был, так и вообще к этому собранию, которое продолжается третий день и которое, в виду его исключительной серьезности, мне кажется, должно оставить у нас у всех, за всеми политическими, социальными расхождениями, одно глубокое убеждение, что каждый говорил то, что он думал нужным для страны сказать, и

*) *По «Русскому Слову»* во время перерыва идут какие-то переговоры между министром-председателем и офицерской ложей, в которых принимает участие и командующий войсками московского военного округа. В зале появляется генерал Каледин, медленно проходящий в комнаты, занимаемые министрами. А. Ф. Керенский принимает генерала Каледина в небольшой аудиенции и затем возобновляет заседание.

так, как он это по своему глубокому убеждению совести [счел] правильным сказать.

Сахаров (с места). Я готов дать удовлетворение есаулу Нагаеву. (Аплодисменты справа. Голоса слева: «Дуэль в военное время!?» «Да!?» Возгласы слева: «С такими не дерутся». Голос из ложи левого бельэтажа: «Георгиевских кавалеров не оскорбляйте».)

Керенский. Я еще раз прошу иметь в виду, что мы здесь присутствуем на Государственном Совещании, и всякий личный обмен мнений, разговоры, переговоры нужно оставить. (Возгласы: «Правильно». Аплодисменты.)

Беркенгейм. Граждане. Я выступаю перед вами, как представитель 50 тысяч кооперативных организаций России, включивших в свой состав до 20 миллионов членов, охватывающих своими экономическими организациями около половины населения России. Мы знаем, правда, что эти сельскохозяйственные, потребительные, кредитные и рабочие кооперации, которые объединены вместе, не всецело охватывают своим влиянием все это количество населения России, но мы считаем, что в этом совещании наше слово должно иметь свое место и свой вес. Долгие годы тьмы и мрака являлась русская кооперация носителем общественности в стране, она объединила в себе много тех лучших сил, которые выявили себя в дни революции. Она учила русских граждан действенной практической общественности.

Один только раз со времени русской революции выступила русская кооперация политически. Это было сейчас же после февральских дней, когда мы заявили, что нам нужно всем одно: демократическая республика и свободное волеизъявление народа в Учредительном Собрании. Нам было предложено тогда помочь правительству в продовольственном деле, в деле распределения продуктов первой необходимости. И скромно, без единого слова, отступая назад на политической арене, принялись мы, кооператоры, чернорабочие русской общественности, за это дело. Мы считаем, что теперь, в этот грозный и страшный час, мы тоже должны еще раз сказать свое слово. Мы не знаем партий в нашей среде. Мы объединяем всех, и в нашей среде мирно работают рядом, плечо к плечу, различные слои русской общественности. И от имени этой внепартийной кооперации я заявляю, что мы всемерно присоединяемся к декларации революционной демократии, которая была прочтена здесь. (Крики: «Браво!» Аплодисменты слева.)

Более чем кто-либо мы знаем ту громадную общественную роль, которую сыграли Советы в истории русской революции и какую играют они сейчас в утверждении русской общественности. Мы тем более имеем право заявить это, что настоящим своим заявлением сейчас революционная демократия, в лице советов и других общественных организаций, протягивая свою руку другим слоям русского населения, на деле доказывает свою политическую зрелость.

свою готовность и свое умение разобраться в положении вещей и правильно исторически серьезно оценить его. Мы заявляем, что, присоединяясь к этому заявлению революционной демократии, мы не мыслим себе управление Россией иначе, как единым, целостным, надпартийным. Мы заявляем, что Россия нуждается сейчас больше всего в единой, в целостной и сильной власти. Всецело доверяем мы этому правительству, собранному, выбранному из лучших русских людей, мы доверяем ему и обязуемся всемерно его поддерживать. (Бурные аплодисменты.) Мы заявляем, что ответ на вопрос, желают ли собравшиеся здесь порядка, готовы ли они на жертвы, хотят ли обороны страны, ответ на это мы дадим. Должен быть твердый порядок восстановлен внутри страны. Единая железная воля должна держать в крепких руках всю жизнь страны и, прежде всего, охватить собою ее экономическую жизнь. Как люди прежде всего практики, дела, мы считаем, что сейчас вопрос и дело не столько прекрасны в программах, сколько в воплощении их в жизнь. Мы имеем уже удовлетворительную систему прямого обложения. Граждане, что из нее сейчас воплощено будет? Нам нужны дела. И в этой области нужно создание прочного, крепкого, настоящего аппарата, который воплощал бы в жизнь то, что задумано, то, что найдено нужным, и то, что найдено пригодным.

В области экономической жизни, — я должен заявить, — что кооперация никогда не добивалась укрепления ее положения мерами государственной власти. Кооперация свободна. Свободной она была и при старом, крепостном романовском режиме. Свободной она осталась и останется теперь. Она прочна и вечна, и завоевания ее таковы, что вместе с другими они перейдут и потомству. Мы занимаем в хозяйстве, в экономической жизни только те позиции, которые освобождаются благодаря слабости торгового аппарата, и в настоящее время начинаем занимать в промышленной жизни, в нашем промышленном строительстве то место, которое освобождается там благодаря слабости промышленного аппарата, и мы считаем при всем этом, что силы кооперации, ее громадная хозяйственная мощь недостаточно используется в настоящее время революционным правительством. Мы считаем, что в этом деле имеется неясно, неопределенно выраженная двойственность политики и в продовольственном деле, и в деле снабжения, и в ряде других отраслей. Мы считаем, что правительство делает ошибку, считая возможным значительную часть хозяйственных функций возложить, повидимому, на муниципальные аппараты. Носители будущей государственной власти, наши муниципальные аппараты, наши города и наши земства будут слишком много иметь своих задач и своего дела. И было бы совершенно достаточно, если бы за ними остались лишь публично-правовые функции и в этой области — в экономической и в продовольственной. И мы считали бы, что больше в деле надо возлагать на дело свободного творчества народа, на его кооперативные организации. Мы думаем, что система правильно и последователь-

но проведенных государственных монополий, в связи с последовательным и правильно проведенным регулированием хозяйственно-экономической жизни, должна лечь сейчас в основу экономических мероприятий. Мы считаем, прежде всего, неизменной хлебную монополию. Считаем, что цены твердые на хлеб должны остаться неизмененными. Я должен констатировать, что единственный оратор, который здесь говорил от имени крестьянства об изменении твердых цен и от имени крестьянства, заявил, что крестьяне хлеба не повезут. От имени крестьянства не имеет права выступать никто. (Аплодисменты.) Вместо слова «земледелец», он должен был поставить по праву «землевладелец», а это не одно и то же, и даже не «землевладелец», а «помещик», и это не одно и то же. Я должен заявить, что такого рода приемы подсовывать волю помещиков желаниям земледельческого населения теперь не могут иметь успеха, и крестьянство, единодушное вообще в своих органах представительства, стоит на другой, противоположной с помещиками точке зрения.

Правильная регулировка промышленности должна, само собой разумеется, воссоединить и регулирование прибылей, и регулирование промышленной жизни, и регулирование труда и должна закончиться в конечном счете всеобщей трудовой повинностью.

Граждане и товарищи. Мы слышали в эти дни, как встречались друг с другом два мнения, как бы отдельные течения единой Руси: труд и буржуазия, трудовая демократия и буржуазные силы. Мы считаем, это мы, кооператоры, считаем, что сейчас перед этим моментом русской истории не может быть места безграничному противоположению этих понятий. Мы знаем, что интересы труда, интересы капитала различны. Мы знаем, что есть отдельные отличные классовые интересы и антагонизм, они будут и есть долгое время, но теперь, но сейчас, когда речь идет не о том, как делить народный доход, а о том, чтобы создать его, чтобы создать силу, которая могла бы сохранить от развала нашу родину, которая сейчас, мне казалось, должна заменить классовые противоречия, сейчас единая народная кооперативная воля должна стать на первое место. Мы считаем, что этой единой общей народной воле нет силы, способа противостоять. (Аплодисменты.)

Мы слышали здесь, нам много и долго говорили о гибели России. Граждане, не верно это. Нет речи о гибели России, — гибели России не может быть, она не погибнет. Разве мы знаем, что такое настоящие лишения? Разве неправда, что мы в наших лишениях в продовольственном деле подходим к тому, что Германия испытывает уже два года войны? (Голос: «Браво». Аплодисменты.) Разве мы не знаем, что, при нашей голодной норме в три четверти фунта, в Германии дают в полтора раза меньше? Граждане! Что если бы мы [соединились] все вместе для того, чтобы создать эту единую творческую силу?! Для того, чтобы создать, выковать это могучее оружие, у нас все есть, — у нас есть люди, есть сила, у нас нет

только творческого порыва, у нас нет даже естественного творческого воодушевления, нехватает единой воли. В этот страшный момент она должна быть создана. Теперь, в этот страшный момент, не может быть места равнодушию, боязни, разногласию, холодности. Граждане. Те слои, те партии, которые сейчас не поймут этого, они совершат над собою акт политического самоубийства. Им не может быть места. (В центре голоса: «Правильно». Аплодисменты.) И пусть будет критика, и пусть будет недовольство, и пусть будут компромиссы и взаимные уступки, и сопровожденные еще большей критикой, с одной стороны, еще большим недовольством, с другой стороны, а все-таки на деле в жизни мы будем едины. (Аплодисменты.)

Товарищи, граждане. Нам предстоят тяжелые дни, не забывайте этого! Мы должны быть все готовы и к лишениям, и к холоду, и к голоду. Мне, как председателю московского продовольственного комитета, в точности и ясности видно и понятно, что то тяжкое и опасное положение, в котором мы находимся, оно не безвыходно. Одно только ясно, что к этим лишениям, к этому, говорю, голоданию мы должны быть готовы, мы должны его перенести, мы должны терпеть целый ряд тяжких лишений. Не все благополучно в этом деле. Но я твердо верю,—и эта вера не только моя, это вера всех кооперативных организаций, что будет и хлеб и помирятся с лишениями, но для этого надо запрячь тоже в это дело общую народную волю.

Я должен отметить: в продовольственном деле не совсем правильно указал министр Некрасов на то, что оно стоит народу 500 миллионов рублей. Продовольственное дело казначейству не стоит ничего. (Аплодисменты. - [Возгласы:] «Браво».) Расходы на продовольственные комитеты есть расходы торговые, и они покрываются теми естественными, ничтожными в общем размере спекулятивной жизни надбавками на хлеб. Тем не менее, я лично считаю, что эти суммы, эти расходы могли бы быть в значительной мере сокращены и должны быть сокращены. Для этого министерство должно опираться в своих заготовках, в своей работе больше на готовый общественный аппарат, чем на вновь создаваемые, поскольку это дело касается не регулировки, не норм законодательных, не норм публично-правовых, а норм чисто деловых. Мы, кооператоры, считаем, что к этому делу должны быть в значительной мере привлечены и торговые аппараты. Мы не считаем, что торговля, как таковая, нам враждебна, нам противоположна. Мы боремся со спекулятивной торговлей и считаем, что дело чести честной торговли помочь нам, помочь государству в этом деле, и в деле снабжения может и должен быть использован под определенным общественным и государственным контролем торговый аппарат и промышленный аппарат в частной промышленности.

Товарищи и граждане. Я не знаю, придется ли когда-нибудь России и ее истории переживать такой страшный, такой решительный поворотный момент, ка-

кой переживаем мы сейчас. Нам кажется, что наше дело, что наша роль, роль деловых кооперативных организаций, прямо и определенно сказать во всеуслышание, что, признавая всю правильность, всю целость, всю значительность позиции революцнонной демократии, будучи с ней всецело всеми своими помышлениями, всем своим прошлым и всем своим будущим, сейчас, в этот поворотный момент, в этот страшный судный день, мы вместе с другими считаем долгом своим всех русских граждан позвать к единству для общей цели, сплотиться как можно в общем порыве и заявить вместе со всеми: «В единении сила». (Аплодисменты.)

Керенский. Государственное Совещание заканчивается. Временное Правительство, несмотря на все трудности и сомнения, которые испытывали многие перед этим совещанием, все-таки созвало его и в этом не раскаивается. Временное Правительство полагало и полагает, что даже если бы конкретно, реально близких результатов это совещание и не дало, то его огромное значение оставалось бы все-таки в том, что граждане государства Российского всех классов, партий и национальностей собрались и открыто высказали друг перед другом то, что они думают, то, что, по их мнению, нужно для государства в этот миг великой поистине опасности.

Я верю и даже знаю, что одно уже достигнуто, — достигнуто большое понимание друг друга, достигнуто большее уважение друг к другу, достигнуто большее и общее сознание, что бывают такие времена, когда каждый во имя целого, себя и близких своих и по крови, и по классу забыть должен. Временное Правительство получило возможность как бы снять моментальный снимок политических настроений страны. И вся гамма настроений, красок и стремлений раскрылась перед ним. И раскрылось не только то, что здесь говорилось, но и то, что чувствовалось и что отчасти здесь не договаривалось и что уходило в те потемки общественно-политической жизни, которой не настало, может быть, еще время громко проявить себя.

Временное Правительство, конечно, не понимает этого собрания, как проявление чувства всеобщего единения и всеобщего согласия. Жизнь государства, это — жизнь, вмещающая в себе интересы совместимые и несовместимые, а иногда и вовсе непримиримые. Из этого собрания еще больше вынесли мы убеждение, что задача всякого Временного Правительства, всякого вообще правительства в настоящее время в государстве русском, заключается в том, чтобы добросовестно, во имя единого, во имя целого государства все, что только мыслимо, примирить, все, что только мыслимо, согласить, или все, что только мыслимо, хотя бы временно отсрочить, объединить и, главным образом, объединить не столько в лицах, сколько в своей деятельности и в своих целях.

Временное Правительство пришло сюда со словами: «Государству нужны порядок, жертвы и труд». И вы, кто должен был ответить, каждый за себя,

сказали: «Мы будем жертвовать, мы дадим свой труд и мы хотим порядка». К сожалению, часто это сопровождалось отговоркой: «Мы это сделаем, если то же сделают наши соседи». Нужно, значит, чтобы кто-нибудь начал. Я глубоко убежден, что начнут те, кому всех дороже свободная родина, кому всех дороже та борьба, которую мы ведем за будущее и кому всех ненавистнее этот призрак приближающегося позора и унижения. (Аплодисменты всего зала.) Временное Правительство знает и слышит все, что творится в стране. Временное Правительство, как я уже сказал в субботу, не мыслит и не понимает, как можно управлять против воли страны или хотя бы в чем-нибудь не отвечая воле этой страны. Но, вместе с тем, Временное Правительство и каждый, кто был уже у власти, они знают, как это трудно найти то, что действительно отвечало бы подлинной воле страны. Каждый, кто приходит говорить с властью, каждый видит только часть, а мы по своему положению видим все. Если не видим, то это наша вина, но должны видеть все. (Голос: «Браво!» «Правильно».) И часто бывает, что как только уйдет человек от власти, он перестает видеть все и, видя только часть, тем энергичнее может напасть на тех, кто стоит у власти. (Аплодисменты слева.)

И разве вам, граждане, не ясно из того, что вы слышали здесь, что примирить различные взгляды на вещи, различные интересы и установить общее понимание вещей так трудно, иногда почти невозможно? Разве здесь люди, одинаково стремящиеся только к благу государства, не говорили о тех же самых вещах совершенно различно, и разве каждый из вас, когда выслушал противоположное освещение того или другого вопроса и другую точку зрения, — разве каждый из вас не понял, что тут он немного не все видел, а теперь увидел больше? (Голос: «Правильно».) И вот в этом и есть невыносимая трудность той власти, которая будет честно стремиться только к этой общей воле и к этим общим задачам. Где критерий? Кто скажет? И где весы? Это — человек с его недостатками, с его способностью восприятия только так, как он может. И если отсюда нам говорят: «Вы уже продались буржуазии, вы уже продали интересы революции и народа, вы служите чуть ли не восстановлению старого порядка», говорят не [те], которые здесь сидят и которые понимают задачи государства, а те, кто здесь сегодня не представлен и с кем, когда нужно было, мы сумели справиться и подавить их восстание на народную власть. Но ведь в то же время нам говорят, что мы только миражи и тени, что на самом деле мы находимся во власти каких-то, с вашей точки зрения (указывая на правую сторону) темных сил. Нам говорят, что мы не свободны в своей деятельности. И здесь я тоже должен сказать, что Временное Правительство не зависит ни от каких сил, находящихся вне Временного Правительства, за исключением только одной единственной силы, это — силы народной воли, которую мы ищем. (Аплодисменты.) И такая власть всегда будет встречать на своем пути много критиков, но мало поддержки, потому

что каждый чувствует, каждый класс и каждая партия чувствует, что в полной мере его желания не удовлетворены, и каждый думает, что это потому, что не смеет его все желания удовлетворить тень власти, занимающая не принадлежащее ей место. И вы видели, что это, может быть, и не так, потому что в доводах, которые приводились здесь, вы слушали иногда ту правду, которой вы сами еще не знали.

Я не буду подводить итогов тех суждений, которые были здесь высказаны. Я должен только сказать, что все, что здесь было высказано, будет принято Временным Правительством к руководству и согласованию во имя интересов страны и ее спасения. (Шумные аплодисменты.) Я должен также сказать, что то, что, по убеждению нашему, не будет отвечать интересам государства [не будет проведено], какое бы давление ни было на нас оказано, если бы даже это давление переходило в физическое принуждение или в угрозу к нему, — мы делать то, что не отвечает общему мнению, по нашей совести, не станем. (Бурные аплодисменты.) Нам говорили: как быстро Временное Правительство ведет к гибели страну, и количеству преступлений и грехов, которые мы сделали, не было пределов. Но забыли о том, что Временное Правительство существует еще только шестой месяц, а империя существовала 300 лет. Забыли, что многие, и это я знаю, не хотели брать власть из рук старого правительства, рассуждая мудро и для себя очень хорошо: «Зачем в последние часы войны мы возьмем на себя ответ за чужие грехи?» Временное Правительство этого ответа взять на себя не побоялось, не побоялось еще в том своем первом составе, не побоялось и теперь, потому что знает, что кроме суда современников есть еще суд истории. (Бурные аплодисменты.)

Забыли еще одно,—забыли войну. Забыли этот страшный призрак, который уничтожает жизни и расхищает богатства, который ведет все народы к обнищанию и с которым, не нам чета, организованная и со старой культурой власть после третьего года войны с трудом справлялась. И этот чужой грех — войну — мы берем на себя. Мы не только не говорим: остановите сейчас, но говорим: будь проклят тот, кто скажет, чтобы мы прекратили бой сейчас. (Бурные аплодисменты.)

Да, нам трудно, потому что мы знаем силу человеческого невежества не только низов, но и всего русского общества, невежества не элементарного, конечно, а в вопросах государственных и в вопросах управления. ([Возгласы:] «Верно», «Правильно!») И мы знаем, что, может быть, мы падем под ударами. Это — совершенно внешне правдивое, потому что все факты действительны, но внутренне на неправде построенное нападение, потому что все, что было в прошлом, возлагают на последнего, который пришел только для того, чтобы это прошлое отбросить навсегда в безвозвратную даль. (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.) И это линия средняя, это линия даже не

средняя, это линия подлинно—только линия, которая думает о государстве. Этот путь тернист и тяжел, и не даром же менялось в составе Временное Правительство. Многое, что теперь вменяют в вину нам, сидящим здесь, совершилось и сделалось фактом жизни тогда, когда я только один был от имени всей демократии в первом Временном Правительстве. (Аплодисменты.) Что же,—или я обладаю и обладал такой силой, что заставлял людей делать, что я хочу, а не то, что они хотят? Нет, потому что это была жизнь и так было нужно делать, и по-другому сделать было нельзя в тех исторических условиях, в которых мы жили. И кто бы ни пришел к власти, сейчас же будет делать то, что нужно для жизни. И Временное Правительство, более демократическое в своем составе теперь, принимает меры воздействия и физического принуждения, которых не делало Временное Правительство первого состава. (Возгласы: «Правильно!») И то, что ставится теперь Временному Правительству первого состава, не принадлежавшему к демократии в его большинстве, в вину, то я ставлю ему в заслугу, потому что именно Временное Правительство первого состава проявило ту выдержку и ту, я бы сказал, государственную мудрость, что оно не хотело применять всех мер, которые в условиях того времени не были бы поняты населением, не были бы поняты вами, теперь здесь сидящими справа, и привели бы к обратным задачам и не приблизили бы, а усложнили бы и затруднили бы дорогу нашу вперед. (Аплодисменты.)

Я никогда не забуду, господа члены Государственного Совещания, того дня, когда мы сидели в кабинете военного министра Гучкова и когда было нам доложено, что вооруженные люди идут, чтобы нас снять. И мы все единогласно ответили: «Для охраны нас никаких мер не принимать». (Шумные аплодисменты всего зала.) Это была подлинная вера в силу разума, мудрости народа. Только тогда, когда против власти, не применявшей насилия и ни в чем не идущей по пути старой власти, это насилие было применено, тогда мы сказали: «Здесь кончается разум, а может быть, и совесть, и здесь мы будем бороться, как с неразумными вещами».

И сегодня, позвольте мне сказать не от имени Временного Правительства, а от себя, я чувствую, что не все понимают необходимость пути, который не ставит себе целью, который требует сегодня физической силы. Я чувствую, что, может быть, будет применен этот опыт с той или иной стороны, но тогда только вы увидите, что [власть], казавшаяся бессильной, была единственно возможной в настоящих условиях силой, и что как только Временное Правительство или кто-нибудь другой пойдет, может, самыми железными, самыми решительными шагами, но удовлетворяя до конца только одну какую-нибудь задачу и какой-нибудь один интерес, и он уничтожит то, что существует сейчас, и он откроет и начнет сам великую гражданскую войну и великое потрясение, где, может быть, погибнем все мы.([Возгласы:] «Верно!») И поэтому до последнего часа мы

должны отстаивать это единственное, что может делать сейчас власть, — примирить то, что можно примирить, вести всех к одной цели, отметая и, если нужно, отрубая только то, что не хочет подчинить свои желания общей воле, а наоборот, насилием общую волю хочет подчинить своим желаниям. (Аплодисменты.)

Здесь говорили: «Столыпин». Столыпин насилием и принуждением волю большинства подчинял своему желанию и попытки протеста против него подавлял железом и кровью. Теперь только то, что нужно всем и огромному большинству, без различий классов, то, что нужно государству, то отстаивает власть и отметает только то и тех, кто хочет это большинство своим желаниям подчинить. И всюду, всюду, если вы всмотритесь в жизнь, вы увидите, что нужно найти то, что нужно государству и что не вызывает распыления * и распада.

Временное Правительство считает, что самыми основными, самыми важными, самыми жизненными сейчас вопросами являются: вопрос армии и вопросы возрождения и укрепления финансово-хозяйственной жизни. Все, что можно сделать для этого, мы хотим сделать. И мы ждем помощи разума страны, мы ждем, чтобы то, что было сказано здесь, было исполнено на самом деле, и чтобы это символическое рукопожатие дало бы в жизни те результаты, которые нужны. Мы же будем все делать для того, чтобы содействовать этому сближению интересов в настоящий момент, вместе с тем ограждая справедливые нужды и потребности каждой из примиряющихся сторон. (Аплодисменты.) И, может быть, обе стороны скажут, что они недовольны, потому что каждая из них не получит в полной мере своего удовлетворения.

Но есть еще более страшный и более жизненный для страны вопрос, это — вопрос [об] армии. И я, как военный министр и морской, и все мы, как Временное Правительство, мы скорбим, что в вопросе и суждениях об армии были допущены некоторые чересчур волнующие стороны заявления, потому что организм армии в настоящих условиях жизни государства Российского, когда армия — доподлинно вооруженный народ, когда армия открыта со всех сторон для всяких политических влияний, каждое неосторожное слово, каждое слишком резкое выступление болезненно по отдельным нервам бьет всех, кто на фронте, и я уже получаю отклики тех разговоров и тех заявлений, которые делаются здесь. Для меня одинаково и бесконечно дорого то, что переживает каждый член армии, — офицер или солдат безразлично. И моя задача, задача военного министра, и задача Временного Правительства заключается в том, чтобы в этом вопросе знать меру вещей и чтобы создать и бороться за такие условия, при которых не понижалась бы боеспособность армии и не распадалась бы ее сила. И смею заверить еще раз, что только тогда, когда мы чувствуем, что это может дать обратные результаты, мы не соглашаемся на те или иные мероприятия. И я думаю, что и для армии, — для ее раз-

---

* *В подлиннике:* «распадения».

личных частей и слоев, — открылось немножко больше правды о самой себе, чем она знала до сих пор, потому что сегодня и вчера подведены итоги этих пяти месяцев, прошедших со дня революции. И я должен, господа члены Государственного Совещания, сохранить в этом вопросе объективность. Я должен напомнить, что те, кто говорил здесь о необходимости коренного резкого перелома в жизни армии, на котором верховное командование не стоит, — эти люди или забыли, или не знают действительности и прошлого. Они забыли о том, что не по доброй воле пришли комиссары и я в армию и флот, а только потому, что тогда и сейчас еще это нужно, потому что сейчас еще не могут правильно жить и исполнять свои функции армия и флот, оставаясь в своих основных элементах, так сказать, с глазу на глаз. И если здесь говорили то, что правильно и справедливо, что возмутительно и часто гнусно, то забыли о том, что когда-то, что еще будет, то есть отмена прав организаций, то будет по их мнению, а в действительности в полной мере никогда не будет *. В настоящих условиях многие командующие сейчас прибегают к таким мерам воздействия, которые недопустимы, и мне и верховному главнокомандующему приходится принимать экстренные и решительные меры. Нужно и здесь предоставить лицам, отвечающим за армию и на фронте и в тылу, сделать то, что нужно, не вовлекая и не создавая вокруг дела армии того нездорового любопытства и попыток давления, которые вредны родине и вредны армии. (А п л о д и с м е н т ы с л е в а.) Временное Правительство, господа члены Государственного Совещания, закрывая настоящее собрание еще раз выражает вам всем глубокую признательность, что вы все пришли до одного, кого мы позвали, вы пришли [помочь] нам в тяжелом и трудном деле, невыносимом по той ответственности, которая падает на нас. Может быть, не сбудутся те надежды, которые связывает каждый из нас, присутствующих, с этим Государственным Совещанием. Может быть нехватит сил у государства нашего так быстро найти дорогу к спасению, как это нужно. Но каждый из нас всегда, надеюсь, будет помнить, что сумели русские граждане в тяжкий и трудный час сойтись друг с другом, забыть все ничтожное, мелкое, все, что сознательно и бессознательно усиливает вражду, и каждый по своему разумению и сознанию говорил только о государстве, о родине, о ее боли и звал только к общему, единому делу, спасению этой бесконечной, этой дорогой, неизмеримой для нас ценности, которой нет имени, потому что о родине, уже слишком часто о ней, слишком часто говорят, забывая о смысле ее содержания, мало думают, мало думают все, и, если позволено мне будет сказать от имени Временного Правительства, — каждый из нас будет помнить то, что он сказал сегодня и в эти дни нужного для страны, и будет исполнять это в своей жизни.

Мне часто говорят, что я слишком верю и много мечтаю. Сегодня, члены Государственного Совещания и граждане земли русской, я не буду больше

---

* *Так в подлиннике.*

мечтать. Я попробую меньше верить, — ведь часто эту веру, которая не имеет пределов, веру в человека, в его душу, в его совесть и разум ставят в вину власти, — ставят в вину, что она недостаточно управляет, так как управляют все без веры, в подозрении, в сомнениях в честность ко всем и в борьбе за власть во что бы то ни стало. Этого не было и этого не будет. (Слева аплодисменты и крики: «Браво!») Если бы каждый из вас мог хотя бы на одну секунду взглянуть на все, что творится и делается в стране, взглянуть сразу и все увидеть и понять, вы бы не говорили так, как вы говорите. Но пусть будет то, что будет. Пусть сердце станет каменным, пусть замрут все струны веры в человека, пусть засохнут все те цветы и грезы о человеке (возглас сверху: «Не нужно!»), над которыми сегодня, с этой кафедры, говорили презрительно и их топтали. Так сам затопчу. Не будет этого. (Возглас сверху: «Не можете вы этого сделать, — ваше сердце вам этого не позволит».) Я брошу далеко ключи от сердца, любящего людей, я буду думать только о государстве. И пусть знают, что все, чего вы хотели и чего не было, может быть. (Возглас: «Да здравствует Временное Правительство!») Может быть, все те формы власти, о которых вы тоскуете, и эта тоска об этой власти, давящей сверху, это — тоска о том самодержавии, которое вы уничтожили (возглас: «Будь оно проклято!»), это непонимание, что сила власти только в общественном мнении и в воле всего народа и что в каждой мере, связанной с жестокостью, она должна быть более осторожной, чем в жизни самого дорогого для себя существа, потому что нет дороже блага и нет дороже ценности, как родина и народ. (Аплодисменты.)

Завтра мы вернемся к новому тяжелому долгу, труду и службе государственной, завтра мы вернемся в наши обыденные условия. Сегодня же позвольте от имени Временного Правительства вам сказать, что никогда не погибнет наша родина и никогда никто не возьмет у нее свободы, которая завоевана всем народом.

(Члены Совещания встают с мест и устраивают горячую овацию Керенскому, которая длится несколько минут. Возгласы: «Да здравствует революция!» «Да здравствует Российская республика!» «Ура!» «Да здравствует Керенский!»)

Керенский. Объявляю Государственное Совещание окончившим свои работы и закрытым. (Возгласы: «Да здравствует революция!»)

Заседание закрыто в 1 час 20 минут ночи.

К СПИСКУ УЧАСТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ.

Печатаемый ниже список участников Государственного совещания составлен на основании сохранившихся мандатов, отдельных списков и данных делопроизводства мандатной комиссии, делопроизводство которой не дошло до нас полностью. Список этот охватывает около 1 500 человек и потому является неполным, так как на Совещании принимало участие, судя по отметкам на мандатах, более 2 500 человек (комиссия по созыву Совещания состав участников Совещания определяет в 2 414 человек).

Сохранившийся «список учреждений и лиц, приглашенных на Государственное Совещание в Москве 12 августа 1917 г.», охватывающий около 1 200 представителей, позволяет более или менее точно установить как учреждения, приглашенные к участию на Совещании, так и нормы представительства, предоставленные этим учреждениям.

Согласно этого «списка», который мы не публикуем за его обширностью, количество представителей от отдельных учреждений можно представить в следующем виде:

Исполнительному Комитету Всероссийского Совета Кр. Д. было предоставлено 100 мест, ЦИК Советов Р. и С. Д. — 100, губернским земствам — по 3 места, губернским объединенным комитетам — по 2 места, из них Казанскому и Саратовскому — по 3 места, Харьковскому и Киевскому — по 5, Московскому и Петроградскому по 15 мест; Закавказскому и Туркестанскому комитетам — по 5 мест, Украинской Раде — 5 мест. Губернским и областным продовольственным комитетам — по 2 места.

Высшим учебным заведениям было предоставлено по 1 месту, столько же получили ученые учреждения и общества, кроме Академии наук, которой было дано 3 места, Академии художеств — 2 места, Всероссийским литературным и педагогическим обществам — по 2 места По 3 места было предоставлено всероссийским научным обществам — Географическому и Техническому. Сельскохозяйственные общества получили по 1 месту.

Профессиональным союзам было предоставлено: Центральному бюро профессиональных союзов — 24 места, и 26 мест отдельным представителям временного центрального совета профессиональных союзов. Кооперативам было представлено по 1 месту, кроме отдельных объединений, которые получили от 2 до 7 мест. Также по 1 месту получили кредитные ссудосберегательные товарищества. Совет всероссийских кооперативных съездов, Народный банк и съезд представителей союзных объединений получили по 10 мест.

Совет Съездов представителей промышленности получил 40 мест, Всероссийский союз торговли и промышленности — 20, Совет Съездов горнопро-

мышленников Юга России — 15, Совет Съездов биржевой торговли и сельского хозяйства — 20, Совет Съездов деятелей по средней и мелкой промышленности и торговле — 5, Объединенная организация частных железных дорог — 3, Московский комитет торгово-промышленных организаций — 20 мест.

Союз земельных собственников получил 20 мест.

Национальным группам было предоставлено от 1 до 5 мест. Советы депутатов трудовой интеллигенции — 20 мест. Советы присяжных поверенных — по 2 места на округ.

Армии — фронтовым и армейским комитетам было предоставлено по 2 места, центральным комитетам Балтийского и Черноморского флота по 1 месту. Штабам военных округов по 1 месту. Верховный главнокомандующий — 1 место, штаб Верховного главнокомандующего, управляющий военным министерством, комиссарверх, начальник ген. штаба, военный совет — по 1 представителю, товарищи военного министра — 3, политическое управление армии — 2 места. Казачьим войскам, Терскому, Уральскому, Кубанскому, Оренбургскому было предоставлено по 3 места, Астраханскому — 1, Союзу казачьих войск — 4 места.

Таковы нормы представительства главнейших учреждений, представленных на Совещании. Однако фактическое представительство как учреждений, так и отдельных лиц на Совещании, как было указано выше, было значительно больше. Наиболее крупным пробелом в публикуемом списке является отсутствие в списке членов Государственных Дум всех четырех созывов, общее количество которых по данным комиссии по созыву Совещания составляло 488 человек. Таким образом кроме участвовавших на Совещании членов Государственных Дум, для полноты состава Совещания нехватает еще около 500 человек, мандаты которых еще не выявлены архивом.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕТА КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Акимов А. А.
Алексеев М. А.
Аносов И. М.
Архипов А. П.
Асланов Н. С. (Витебск).
Бахрушин Н. И.
Бехтерев Л. Н.
Бороздин Я. А.
Бочаров А. В.
Бочко М. Г.
Брешко-Брешковская Е. К.
Бунаков И. И.
Бутов М. Н.
Быховский Н. Я.
Вишняк М. В.
Владыкин В. Т.
Воробьев И. В.
Врациан С. Л.
Гамзагурди П. Я.
Ганичев П. М.
Геловани А. Ю.
Гиляревский В. В.
Гликин Ф. М. (Могилев).
Глушков Я. А.
Гончаренко Т. С.
Горохов А. В.
Гоц А. Р.
Григорьев Г. Г.
Дерзибашев О. Я.
Davidson
Дручков П. Д.
Ерофеев А. Г.
Ефимов Д. Н.
Задворный С. Т.
Зенкин В. К.
Иващенко И. М. (Петроград).
Ильин Р. С.
Калашников Д. И. (Старобельск).
Каушан С. Е.
Кафтанчиков Е. И.
Киселев-Мокроусов Я. А.
Клидзинь Ю. Н.
Коведяев И. Н.
Колядко Л. С.
Кондратенко Г. Н.
Кондратьев Н. Д.
Котык Е. С.
Кочетов П. М.
Кремянский С. Е.
Кривицкий В. А.
Криворотный П. С.
Кузьмин Е. А.
Кучеров Е. А.
Латыпов А. С.
Лукьянов М. Я.
Магарамов М.
Макаров Ф. М.
Максимов М. А.
Малыщицкий С. М.
Мамырин А. В.
Мартюшин Г. М.
Марченко А. А.
Маслов С. Л.
Микеладзе Р. С.
Москалев Т. С.
Назарьянц Р. И.
Невзоров В. П.
Никольский Н. Н.
Никонов А. Н.
Никитин В. М.
Новиков И. Л. (Витебск).
Обиняков И. Г.
Огановский Н. П.
Орехов Н. А.
Остроумов Н. В.
Оцуп П. А.
Павлов В. Е.
Пасечный И. П.
Пашеткин М. Е.
Пересумкин Ф. Ф.
Пипер М. А.
Пичкуров С. Ф.
Платов М. М.
Подрез И. Р.
Подшебякин Е. М.
Пономарев С. Д.
Попов Н. П.
Попов Ф. Г. (Петроград).
Пратиан С. Л.
Прозоров Д. Д.
Романов А. С.
Рубанович И. А.
Рыбин И. Н.
Савицкий А. В.
Саломатин А. Е.
Салунов С. Ф.
Сампилон Д. С.

Семиряжко Ф. К.
Синодский И. А.
Скворцов И. Ф.
Соколов Н. Н.
Солодов Г. Н.
Сорокин И. С.
Сорокин Ф. Д.
Степаненко П. Ф.
Степанов И. И.
Суетин А. А.
Сухотько Т. Г.
Тихомиров И. В.
Толстых Н. С.
Топчиу Д. Г.
Триус И. Г.
Турапин М. Л.
Тюленев А.
Тяпкин Е. Ф.
Усатов Н. Ф.
Филиппов Н. Д.
Фотин С. Ф.
Фрейфельд Д. Я.
Чайковский Н. В.
Чередник А. А.
Чернышев И. П.
Чечулин М. А.
Чумаченко П. В.
Шапошников С. И.
Шутков Ф. А.
Шуть М. М.
Щадилов А. И.
Яковлев А. И.

ВСЕРОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ.

Говжеев М. П.
Пономарев Г. М.
Савин И. В.
Спиридонов Д. С.
Столяров И. Я.
Филатов В. В.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Алексеевский В. А.
Алексеевский Л. Н.
Аппенянский И. И.
Берг Е. С.
Бинасик М. С.
Бобыль Г. Е.
Богданов Б. О.
Бройдо М. И.
Бухарцев П. В.
Вайнштейн С. Л.
Волович В. Н.
Гамбаров П. Ю.
Гендельман М. Я.
Гомбарг В. В.
Гринберг З. Г.
Гусев С. А.
Данилов И. И.
Даценко И. С.
Дейс И. Г.
Дембо А. О.
Жуков И. П.
Завадье В. З.
Захватаев И. В.
Зоф В. И.
Ивановский В. В.
Исув И. А.
Капелинский Н. Ю.
Клюхин С. М.
Кондратенко П. И.
Кочергин И. С.
Кудрявцев С. А.
Ланскер И. М.
Лапинский П. Л.
Левич И. В.
Лепский С. М.
Либер М. И.
Лившиц Н. А.
Мазуренко Г. П.
Мартов Ю. О.
Маслич Н. Х.
Мостинский В. М.
Нагаев А. Г.
Павлов М. А.
Панков Г. Г.
Позерн Б. П.
Рабинович К. Н.
Розенблюм-Фирсов Д. С.
Романов А. Б.
Роненсон М. Е.
Русов Н. В.
Сагирашвили Д. А.
Садовский М. А.
Соколов П. А.
Сомов А. В.
Сосулин А. И.
Сохранов С. А.
Суриц.
Теодорович И. А.
Фаддеев Д. П.
Федоров.
Хинчук Л. М.
Церетели И. Г.
Черепанцев Г. Е.
Чхеидзе Н. С.
Шер В. В.
Шиф И. М.
Юренев К. К.

СОВЕТЫ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Александров А. Ф. (Кишенев).
Арансон Д. Л. (Оренбург).
Арзуманянц (Кишенев).
Вардоянц М. К. (Тифлис).

Годовный А. (Севастополь).
Гринфельд В. И. (Кишенев).
Зандер С. И. (Екатеринослав).
Каценеленбоген Г. (Витебск).
Кожихов (Псков).
Матвеев-Слякин (Двинск).
Савков В. М. (Москва).
Цулая П. Л. (Тифлис).
Шохерман (Псков).

ГРУППА ПЕРСОНАЛЬНО ПРИГЛАШЕННЫХ.

Засулич В. И.
Крапоткин П. А.
Лопатин Г. А.
Морозов Н. А.
Новорусский М. В.
Панкратов В. С.
Плеханов Г. В.
Фигнер В. Н.

ГУБЕРНСКИЕ ЗЕМСТВА.

Адаменко В. Ф. (Черниговское).
Александров П. Н. (Подольское).
Андреевский А. А. (Минское).
Апушкин А. А. (Костромское).
Арбузов Ф. Е. (Тульское).
Аст К. Ф. (Эстляндское).
Бажанов В. В. (Тамбовское).
Бажбеук-Меликов П. З. (Бессарабское).
Баскин Г. И. (Самарское).
Бененсон М. Е. (Таврическое).
Болдов М. Д. (Пензенское).
Бонч-Осмоловский А. У. (Владимирское).
Бонч-Осмоловский М. Ф. (Симбирское).
Буянов П. Е. (Рязанское).
Вагин Л. С. (Таврическое).
Валяев А. Ф. (Самарское).
Ваткевич И. С. (Могилевское).
Вегер В. И. (Казанское).
Везикко А. И. (Петроградское).
Ворошилов К. К. (Таврическое).
Выдрин Н. П. (Астраханское).
Гачечиладзе А. Д. (Уфимское).
Георгиевский А. А. (Симбирское).
Гольм А. К. (Петроградское).
Грузинов А. Е. (Московское).
Демидов П. А. (Нижегородское).
Дмитриев В. А. (Костромское).
Дружинин Н. М. (Вологодское).
Дудич В. С. (Подольское).
Дунаев Г. В. (Павлоградское).
Дышкант К. М. (Волынское).
Дюбюк Е. Ф. (Костромское).
Евреинов В. А. (Курское).
Ершов М. Д. (Тульское).
Зиньковский Т. К. (Саратовское).
Зубачев М. Д. (Пензенское).
Иванов А. И. (Петроградское).
Игнатьев К. И. (Могилевское).
Кандыба В. Э. (Волынское).
Карсаевский Н. О. (Пензенское).
Коропачинский Ц. Ф. (Уфимское).
Корчагин А. А. (Оренбургское).
Круж Г. Г. (Эстляндское).
Купчинов В. М. (Харьковское).
Курочкин В. И. (Черниговское).
Куршевиц К. И. (Видземское).
Кухтин А. М. (Ставропольское).
Лавров Н. С. (Самарское).
Манжос-Белый В. И. (Ставропольское).
Марченко П. Е. (Харьковское).
Маслов С. Н. (Орловское).
Матвеев И. П. (Ярославское).
Матвеичев Ф. Е. (Нижегородское).
Мейеровиц З. Г. (Видземское).
Месснер И. Б. (Московское).
Назимов В. Л. (Псковское).
Нарожицкий М. А. (Московское).
Наумов Г. М. (Вятское).
Неелов П. В. (Олонецкое).
Неклюдов Г. Е. (Рязанское).
Овчинников М. П. (Саратовское).
Пашковский Е. В. (Вятское).
Писарев А. Н. (Калужское).
Положенцев Д. Д. (Орловское).

Пушкарев Б. Г. (Курское).
Пущин И. Н. (Орловское).
Раевский В. И. (Воронежское).
Раевский П. И. (Тульское).
Русанов (Тамбовское).
Саблин Б. Л. (Вологодское).
Савичев И. Д. (Олонецкое).
Салазкин С. С. (Рязанское).
Смыслов А. Д. (Оренбургское).
Сперанский А. М. (Симбирское).
Степин Ф. Н. (Астраханское).
Сун Я. П. (Видземское).
Урусов А. Д. (Ярославское).
Фахретдинов Г. Р. (Оренбургское).
Фон-дер-Беллен А. А. (Псковское).
Хомутов И. А. (Нижегородское).
Челищев Д. Н. (Калужское).
Ченыкаев В. Д. (Саратовское).
Шишков А. М. (Вологодское).
Шмидт А. К. (Бессарабское).
Шуринов К. К. (Воронежское).
Эйшинский Ф. Г. (Псковское).
Яхнин В. М. (Калужское).

ГОРОДСКИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ. *

Абзнакидзе В. И. (Владимир).
Александров А. А. (Вологда).
Алферов А. Д. (Москва).
Андреев В. А. (Тамбов).
Андреев П. Г. (Воронеж).
* Антоненко И. Н. (Чернигов).
Антонов И. А. (Рязань).
Аристархов А. А. (Курск).
Арманди А. М. (Москва).
Артемьев Н. И. (Москва).
Афанасьев Л. И. (Симбирск).
Ахтямов И. А. (Уфа).
* Ахун Н. Я. (Курск).
Баев Г. В. (Владикавказ).
Барановский В. Ф. (Оренбург).
Баратаев С. М. (Симбирск).
Бат А. Г. (Казань).
Басовский И. Б. (Воронеж).
Белостоцкий В. Г. (Москва).
Бехли Ю. Ю. (Могилев).
Бройтман Р. Я. (Каменец-Подольск).
Брюхатов Л. Д. (Москва).
* Булатов А. Н. (Ташкент).
Бурышкин П. А. (Москва).
Бухарин Н. И. (Москва).
Вальден П. И. (Рига).
Вараксин Б. А. (Самарканд).
Весман И. И. (Рига).
Волькенштейн Ф. А. (Петроград).
Воробьев Н. И. (Кострома).
Ворожейкин Н. Ю. (Екатеринослав).
Воронин (Казань).
Гальперин Л. Е. (Москва).
Ганчель В. Г. (Н.-Новгород).
Гедеоновский А. В. (Москва).
Гельман И. Г. (Москва).
Гельфгот А. П. (Москва).
Гильдин Х. Л. (Одесса).
Гизбург А. М. (Киев).
Голубовский Л. Б. (Харьков).
Гольм А. К. (Петроград).
Горшков П. Н. (Пермь).
Григорьев Г. Н. (Самара).
Гун А. Л. (Новороссийск).
Гурвич Е. А. (Минск).
Гуревич С. Г. (Смоленск).
Дерман А. Б. (Симферополь).
Дидрихсон Н. Г. (Ставрополь).
Довженко В. Д. (Киев).
* Доррер Г. У. (Асхабад).
Дорф Д. Я. (Москва).
Дубровину В. В. (Кишинев).
* Дыбенко Ф. Е. (Орел).
Ермолаев Н. Н. (Петроград).
Жирковский И. Н. (Ярославль).
Житков А. А. (Архангельск).
Загорский К. К. (Петроград).
Зарецкая С. М. (Москва).
Заходер А. Б. (Н.-Новгород).
Зеленя А. Ф. (Новороссийск).

* Звездочкой помечены лица, мандатов которых не сохранилось, но которые помещены в списке представителей городских самоуправлений.

* Злобин П. В. (Минск).
* Золотарев А. У. (Киев).
Иванов С. В. (Петроград).
Ильяшевич А. Н. (Пермь).
Исаев А. А. (Петроград).
Карелин В. А. (Харьков).
* Карпенко С. Ф. (Каменец-Подольск)
* Карпинский А. М. (Чернигов).
Касимов К. (Баку).
Кириченко С. Д. (Херсон).
Коганович П. К. (Кострома).
Кондратьев М. П. (Иваново-Вознесенск).
Кононов А. Г. (Смоленск).
Коростовцев Н. Н. (Екатеринослав).
Красовский Н. Н. (Вятка).
* Красинский А. П. (Тула).
Крохмаль В. Н. (Петроград).
Кругликов Ф. И. (Астрахань).
Ладков Е. М. (Харьков).
Латынин К. К. (Владикавказ).
Леви И. И. (Петрозаводск).
Левинский Ю. И. (Кишенев).
Линдтрон Г. Т. (Новочеркасск).
* Литов В. П. (Ростов-на-Дону).
Лузин Ф. И. (Москва).
Макаров Н. А. (Казань).
Манжос-Белый С. И. (Ставрополь).
Мануилов А. А. (Москва).
Мартьянов А. Н. (Калуга).
Матвеев М. С. (Нахичевань-на-Дону).
Марков В. Н. (Харьков).
Махров Н. Ф. (Харьков).
* Медведев В. В. (Тула).
Мельников А. П. (Псков).
Мильчик И. И. (Петроград).
Минор О. С. (Москва).
Мирандов Д. Г. (Таганрог).
Морозов В. С. (Москва).
Москвин В. А. (Тверь).
* Мухатадин-Ханов (Ташкент).
Мясников А. А. (Кустанай).
Незлобин П. И. (Киев).
* Неручев А. В. (Тифлис).
* Нестеровский Б. Ю. (Москва).
Николаев А. А. (Ростов-на-Дону).
Новгородцев П. И. (Москва).
Окинчин Ф. И. (Новгород).
Орлов В. И. (Москва).
Переверзев В. Ф. (Орел).
* Пермачев К. В. (Омск).
Петерсон Э. Ю. (Ревель).
Пикер-Мартынов А. С. (Петроград).
Пименов Г. Е. (Петрозаводск).
* Писаревский С. Н. (Витебск).
Подбельский П. П. (Самара).
* Поляк В. Н. (Саратов).
Попов И. П. (Симферополь).
* Постников С. П. (Петроград).
Потапов А. А. (Владимир).
Прорвич В. Г. (Рязань).
Постников С. П. (Петроград).
Пятницкий Б. И. (Могилев).
Ратнер Е. М. (Москва).
Родионов В. А. (Вологда).
Розенталь У. Л. (Херсон).
Руднев В. В. (Москва).
Русяев П. Д. (Кустанай).
Савинов И. Т. (Ярославль).
Сахаров В. Ф. (Москва).
Секретов Ф. Ф. (Новочеркасск).
Скворцов И. И. (Москва).
Скворцов И. М. (Москва).
Слоницкий С. М. (Житомир).
Стариков Н. Б. (Астрахань).
Старокадамский Л. М. (Архангельск).
Студенецкий С. А. (Москва).
* Тавбина А. П. (Петроград).
Тер-Погосян М. М. (Эривань).
* Тиков А. А. (Тифлис).
Тыркова А. В. (Петроград).
* Устряев И. Н. (Тамбов).
Филатьев Г. В. (Москва).
Фосс Н. Х. (Калуга).
Фролов А. С. (Омск).
* Хачатриан С. А. (Эривань).
Ходжа-Казиев Сеид Махмуд Хан Мухамед Мухиддин (Ташкент).
Хренов М. И. (Грозный).
Челноков М. В. (Москва).
Чемряев И. Н. (Тамбов).
Чертков Д. К. (Саратов).
Чикаленко. Л. Е. (Киев).
Чуцкаев С. Е. (Оренбург).
Шапот С. А. (Псков).
Ширяев А. Е. (Пермь)

Шишкин И. Е. (Тверь).
Шлиппе С. И. (Москва).
Штейнберг И. З. (Уфа).
Шуравин П. А. (Вятка).
Щупак Я. Д. (Петроград).
Эфрос А. М. (Москва).
Яницкий Ю. Д. (Житомир).

ГУБЕРНСКИЕ КОМИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

Адамов А. А. (Баку).
Альшанский В. В. (Терский И. К.).
Антонович Д. Г. (Киев).
Белоусов П. Е. (Вильно).
Вергис П. Р. (Казань).
Богданов Е. С. (Грозный).
Богданов М. И. (Витебск).
Богомазов М. И. (Москва).
Бырдин Н. Н. (Кубанск. обл. исп.).
Васильев К. И. (Воронеж).
Верниковский А. И. (Уфа).
Владиславлев В. М. (Н.-Новгород).
Вологин П. А. (Симбирск).
Голубков В. М. (Самара).
Григорьев Н. И. (Воронеж).
Гуревич С. А. (Астрахань).
Давидович М. А. (Смоленск).
Данилов К. И. (Новгород).
Елкин А. Г. (Самара).
Жихарев Н. С. (Тамбов).
Забелин Л. В. (Тверь).
Зажурило К. А. (Тула).
Закутаев Т. А. (Самара).
Зиньковский П. М. (Курск).
Зубаир Темир-Хоснов (Дагест. обл. исп.).
Илюшин П. Ф. (Баку).
Исконицкий М. П. (Одесса).
Ишеев В. П. (Тамбов).
Калинин Г. И. (Москва).
Касаткин А. А. (Кострома).
Келлер Б. А. (Воронеж).
Клириков Д. К. (Астрахань).
Козлов В. А. (Харьков).
Комаров Н. В. (Олонец. губ. ком.).
Константинов А. А. (Оренбург).
Косач Н. П. (Волынск).
Коссович В. С. (Бессараб. губ. и. к.).
Костюк С. В. (Подольск).
Краснов (Ставрополь).
Кузьмин-Караваев Д. В. (Минск).
Кутузов М. Н. (Н.-Новгород).
Курбанбек-Газы-Назаров (Ташкент).
Кухаркин В. И. (Тула).
Лазарев П. С. (Одесса).
Левинсон И. Я. (Москва).
Левицкий В. А. (Москва).
Липец Д. Ф. (Могилев).
Литкенс Е. А. (Москва).
Лукин А. И. (Москва).
Луценко Е. И. (Владивосток).
Максимович Н. И. (Саратов).
Майоров И. А. (Иваново-Вознесенск).
Макеев Н. В. (Владимир).
Малис Ю. А. (Вятка).
Матцков А. В. (Витебск).
Михайлов И. А. (Терской обл. ком.).
Моргулис З. Г. (Киев).
Назаев С. П. (Рязань).
Немов И. Г. (Москва).
Нехотяев А. Н. (Казань).
Новиков (Филашев) А. И. (Омск).
Олейник Я. С. (Москва).
Орлов Т. М. (Могилев).
Петров Д. Т. (Симбирск).
Петрусевич К. А. (Минск).
Прохоров Г. И. (Олонецк).
Риш А. Г. (Орел).
Рождественский М. Г. (Курск).
Руанет М. А. (Казань).
Рыжаков А. И. (Вятка).
Саломатин П. И. (Пенза).
Самулевич П. А. (Подольск).
Серов В. И. (Вологда).
Силич А. Е. (Волынский губ. и. к.).
Скибенко А. М. (Новгород).
Скороходов (Кострома).
Смирнов В. А. (Киев).
Стрелков А. М. (Чернигов).
Тихонов А. Н. (Уральск).
Тихомиров Д. С. (Пермь).
Ткаченко М. Н. (Тургайск. обл. упр.).

Трегулов Г. М. (Уфа).
Трифонов И. И. (Владимир).
Трусов А. А. (Приморск. обл.).
Унтилов В. К. (Смоленск).
Федоров Ф. Г. (Москва).
Фрумкин И. О. (Киев).
Хмелевцев И. Ф. (Чернигов).
Ховрин А. А. (Москва).
Хренков Н. А. (Рязань).
Червяков Н. В. (Харьков).
Чернышев А. А. (Ставрополь).
Чудновский А. А. (Воронеж).
Шаляхин Л. П. (Екатеринослав).
Шиллинг С. М. (Псков).
Шнейдман М. И. (Тверь).
Ярошевский Н. С. (Киев).

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

Авилов-Глебов Н. П.
Андреев А. А.
Антипов Д. Я.
Аралович Н. Н. (Харьков).
Асаткин А. Н.
Батурский-Цейтлин.
Бахутов А. М.
Беленький З. М.
Белицкий Г. И.
Берлацкий Б. М.
Бовшовский.
Бронштейн-Гарви П. А.
Волков И. Г.
Гинзбург-Кольцов Б. А
Гожанский.
Гольдман (Харьков).
Гонигберг Г. И.
Елизаров М. Т.
Жеделев И. П.
Запутряев-Градский (Н.-Новгород).
Зуль Б. Г.
Казаров И. А.
Каммермахер М. С.
Каплан А. А.
Кемп Ф. А.
Коган-Гриневич М. Г.
Козлов В. А.
Крижановская З. П.
Лисянский А. А. (Одесса).
Лозовский-Дризо С. А.
Магидов Б. И.
Максимов К. Г.
Мгеладзе И. В.
Минц Я. В.
Невзоров П. П.
Озол Ф. И.
Осипов И. Д.
Павлов (Харьков).
Петров П. П.
Познанский Я. М.
Рабинович Л. М.
Ромейко-Рабинович (Екатеринослав).
Рубцов.
Рязанов Д. Б.
Сахаров В. В.
Сергеев В. С.
Слуцкий (Киев).
Суворов (Екатеринбург).
Татарчуков А. Н.
Тихомиров А. Е.
Федоров Г. Ф.
Хехадзе (Тифлис).
Цыперович Г. В.
Чиркин В. Г.
Чистов Н. И.
Чураев А. Е.
Шляпников А. Г.
Шмидт В. В.
Юзефович-Шпинак.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ.

Артемьев Н. А. (Федер. союз объед. раб. петрогр гор. общ. самоупр.).
Бару Н. И. (Проф. об-во комм. и торг. служ.).
Бердяга А. А. (Всеросс. союз служ. госуд. б.).
Брегвадзе Л. Я. (Делегатск. собрания сл. в отд. и учр. гл. к-та ВЗС).
Бройде С. О. (И. к. Моск. совета депут. торг.-пром. служащ.).
Буксин И. М. (Проф. союз раб. печатн. труда Моск. района).
Бурдаков А. И. (Нижегор. совет проф. союзов).
Бушкович В. И. (Федер. союз объед. раб. петрогр. гор. общ. самоуправл.).
Васильев Е. В. (Всеросс. о-во десятн. техн. строит.).
Васильев М. Н. (И. к. Московского совета депут. торг.-пром. служ.).

Возницын Н. Н. (Петроградск. союз союзов служ. гос. учр.).
Вольский И. А. (Всеросс. союз техн. м-ства почт. и телегр.).
Ганштейн И. А. (Союз союзов Саратовской губ.).
Голубев Н. М. (Ц. с. местн. к-тов сл. и раб. всех учр. и предпр. моск. гор. общ. упр.).
Григорьев А. И. (Союз служ. Сев.-зап. управления шоссейн. дорог).
Гросман И. М. (Ростово-Нахичеванск. центр. бюро проф. союзов).
Гусев С. И. (Всеросс. центр. союз союз. служ. в прав., общ. и частн. учр.).
Девяткин-Федоров А. Ф. (Проф. союз раб. печатн. труда Моск. района).
Дунаев В. И. (Комитет организ. служащ. Моск. гор. общ. упр.).
Дьяков Ф. С. (Проф. союз металл. Макеевск. горн. района).
Знаменский Д. И. (Всеросс. почтово-телегр. союз).
Ильинич И. Н. (Всеросс. союз служ. перевозки почт по ж. д.).
Каплан А. А. (Всеросс. проф. союз раб. и сл. таб., гильз. и спич. фабр.).
Касаткин В. Л. (Моск. проф. о-во торг.-пром. коммун. служ.).
Касатов А. К. (Проф. союз раб. печатн. труда Моск. района).
Качоровский Н. К. (Федер. союз объед. рабоч. Петрогр. гор. общ. самоупр.).
Кинг И. М. (Всеросс. почт.-телегр. союз).
Колганов Я. П. (Всеросс. совет проф. орг. торг. и пром. служ.).
Коротченко К. М. (Ростово-Нахичеванск. центр. бюро проф. союзов).
Кулябко-Корецкий В. А. (Всеросс. союз техн. м-ства почт и телегр.).
Ландо В. М. (Всеросс. проф. союз труд. в сахарн. пром-сти).
Линьков А. Н. (Союз союзов земск. работн.).
Липчин С. Б. (Делег. с-сия служ. в отд. и учр. гл. к-та ВЗС).
Макаров Н. М. (Проф. союз раб. печ. труда Моск. района).
Матеранский Н. М. (Всеросс. совет проф. союзов торг.-пром. служ.).
Мельников М. А. (Союз союзов потр. раб. Черн., Аз., Дон., Куб., Дон. и др. порт.).
Меерсон С. М. (Ц. совет торг.-пром. служащих).
Михайлов А. Ф. (Союз союзов земск. работн.).
Монахов А. И. (Ц. с. местн. к-тов сл. и раб. всех учрежд. и предпр. Моск. гор. общ. упр.).
Нечисткин М. К. (Всеросс. проф. союз труд. в сахарн. пром-сти).
Новиков А. В. (Всеросс. союз техн. м-ства почт и телегр.).
Островский А. А. (Харьковск. ц. б. проф. союзов).
Павлов В. С. (Уфимск. совет проф. союзов.)
Перевозников П. В. (Делег. с-сия служ. в отд. и учр. гл. к-та ВЗС).
Плотников М. А. (Уфимск. совет профсоюзов).
Попов М. П. (Всеросс. союз союзов земск. работн.).
Попов Н. М. (Всеросс. почт.-телегр. союз).
Пфафродт (Бруно) Г. И. (Всеросс. союз раб. металл.).
Рабинович М. Я. (Всеросс. совет проф. союз. торг.-пром. служ.).
Ратов М. А. (Всеросс. почт.-телегр. союз).
Ревякин Ю. В. (Могилевск. губ., общ., полит., проф. организ.).
Рогов М. И. (Всеросс. совет проф. союз. торг.-пром. служ.).
Родзянко С. Ф. (Всеросс. проф. союз. служ. во всех отрасл. сельск. хоз. и сельскохоз. пром-сти в Киеве).
Розендорф И. Х. (Всеросс. союз служ. перевозки почт по ж. д.).

Романенко М. Д. (Всеросс. центр. союза союзов служ. в прав., общ. и част. учр.).
Святогор К. Ф. (Всеросс. союз служ. гос. контроля).
Семин Ф. (Проф. союз горнорабоч. об-ва Унион).
Сибиряков В. И. (Нижегородск. совет проф. союз.).
Слуцкий Л. М. (Киевск. ц. б. проф. раб. союз.).
Соколов И. И. (Союз союз. сл. гос. учр. Петрограда).
Суслов В. В. (Моск. проф. об-во торг.-пром. комм. служ.).
Таубин И. С. (Совет деп. сл. ф.-з. предпр. Москвы и окр.).
Тарарухин К. Н. (Моск. проф. об-во торг.-пром. комм. служ.).
Телешев А. Н. (Ц. с. местн. к-тов сл. и раб. всех учр. и предпр. Моск. гор-общ. упр.).
Тоболкин П. П. (И. к. Моск. совета депут. торг.-пром. служ.).
Тягний М. И. (Союз союзов порт. раб. Черн., Аз., Дон., Куб., Дон., Буг. порт.).
Урусов Л. В. (Союз союзов служ. гос. учр. Петрограда).
Харьковцев Н. И. (Всеросс. союз служ. м-ства финансов).
Чижик Н. Б. (Комитет организ. служ. московск. гор. общ. управл.).
Чернов И. А. (Всеросс. проф. союз служ. во всех отр. сельск. хоз. и сельскохоз-пром-сти).
Шапошников Ф. И. (Всеросс. совет проф. союзов торг.-пром. служ.).
Шатон Е. В. (Одесское ц. б. рабочих профсоюзов).
Яковлев М. В. (Всеросс. почт.-телегр. союз.).

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ РАБОЧИХ МЕТАЛЛИСТОВ.

Батышев И. Г.
Горбачев А. М.
Дьяков Ф. С.
Епифанов В. Г.
Мельничанский Г. Н.
Полонский В. И.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ.

Вомпе П. А.
Гарест Л. М.
Залуговский Я. Н.
Климин Б. В.
Малицкий А. Л.
Орехов М. Д.
Пазенко В. Н.
Сенюшкин Ф. М.
Фремке В. Р.
Чухманенко И. И.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ СОЮЗ.

Добытин В. П.
Науман В. Г.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ИНЖЕНЕРОВ.

Ворошилов А. К.
Головченко А. П.
Долгов А. Н.
Кричевский С. И.
Макарьев Т. Ф.
Максимов Г. Г.
Николаев Н. К.
Семенов М. Н.
Соханский В. И.
Суткевич И. А.
Щетинин С. С.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ИНЖЕНЕРОВ И ТЕХНИКОВ, РАБОТАЮЩИХ ПО ПУТЯМ СООБЩЕНИЯ.

Бехтерев Н. Н.
Душкин Г. Я. (Всероссийский союз техников всех специальностей).
Конецкий Н. И.
Кутузов В. З. (Совет депутатов служащих фабрично-заводских предприятий Москвы и округа).
Нагродский В. А.
Санников Н. С. (Комиссия всероссийских технических союзов).
Табунин (Московский совет депутатов фабрично-заводских служ.).
Фролов А. Н.

СОВЕТ ВСЕРОССИЙСКИХ КООПЕРАТИВНЫХ СЪЕЗДОВ.

Союзы потребительских и кооперативных обществ.

Авраамов С. Н. (Тула).
Автономов Х. В. (Доно-кубано-терское).
Андреев Ф. С. (Гомель).
Алексеевский Н. В. (Калачев).
Анисимов А. А. (Петроград).
Анисимов В. И.
Архипов А. С. (Николаев).
Багровский И. И. (Москва).
Белоусов В. Я. (Москва).
Беркенгейм А. М. (Москва).
Бицкий И. Г. (Валк).
Боголепов И. А. (Сибирь).
Борзяков Г. Ф.
Бутенко Ф. Э.
Брук С. Л. (юг России).
Вайванцов Н. С. (Архангельск).
Васильев Е. А. (Петроград).
Вахмистров В. К. (Москва).
Власевич Е. Ф. (Москва).
Волынкин В. И. (Петроград).
Воронович Я. Ф. (Екатеринослав).
Вырво Т. Т. (Петроград).
Галевич В. А. (Киев).
Галкин И. В. (Ардатов).
Ганин И. А. (Кострома).
Гапонов Г. Н. (Муром).
Генкин Д. М.
Герман К. К. (Москва).
Гиндин Г. М. (Полтава).
Гликсберг Л. М.
Головацкий Ф. Я. (Южно-Урал.).
Горобцов А. П. (Каменское).
Гречко А. М. (юг России).
Гринберг Б. Я.
Гринер В. С. (Архангельск).
Гриценко И. Ф.
Гудков И. П. (Петроград).
Демичев Д. А. (Череповец).
Дешеулин П. К. (Ярославль).
Дибольд Г. Г. (Харьков).
Дизенгоф И. У. (Киев).
Дилигенский Н. В. (Средне-волжский).
Дорошевский П. В. (Петроград).
Дьяконов Б. М. (т-во льноводов).
Егоров Е. И. (Москва).
Ерпылев А. Г. (Саратов).
Еремеев В. И. (Уральск).
Желудков А. А.
Зайцев Б. П. (Смоленск).
Зайцев П. Н. (Верхне-кизильский).
Зимин А. И. (Кострома).
Золотов Г. И. (Москва).
Зубарев Г. И. (т-во льноводов).
Иванов П. А. (почтово-телеграфное в-ство).
Ионов Ф. Ф.
Карлик Н. М. (совещ. потр. об-в).
Карнаухов М. П. (юг России).
Качалкин Т. С. (Москва).
Кильчевский В. А.
Клементьев А. И. (Волго-каспийское).
Клюев И. Я. (Рязань).

Комух Д. В. (Днепровский).
Костин В. В.
Кочергин М. И. (Елец).
Кузнецов В. А. (Вологда).
Куренных Н. Н. (Москва).
Кухоренко М. И. (Петроград).
Лаврухин А. Н. (Москва).
Лебедев А. В. (Прохоров).
Ленская Е. О. (Москва).
Линицкий П. М. (Енисейск).
Липаев В. А. (Воловско-птанское т-во).
Лобков Т. Ф. (о-во закупок «Кооперация»).
Макушин Н. Н. (Москва).
Малахов А. Е. (Ванск).
Малеин В. Д. (Тверь).
Малолетенков Н. В. (Москва).
Матвеев В. В. (Петроград).
Мелешкин Н. А. (Нижний-Новгород).
Мельников П. Ф. (т-во льноводов).
Меркулов А. В.
Мешалкин И. И. (Москва).
Миролюбов П. А. (Ставрополь).
Мясников А. Я. (Уральск).
Мясников С. А. (Москва).
Надеждинский К. И. (т-во льноводдов).
Назаров Г. В. (Гжатск).
Нестеров С. Н. (Охтенский порох. завод).
Никитин Б. В. (Серпухов).
Новопавловский В. И. (совещ. потребительских об-в).
Одинцов К. М. (Рыбинск).
Однобдюдов В. Н. (Москва).
Остальцов В. И. (Сибирь).
Пиков А. Н. (Вятка).
Полеченков А. Я. (Москва).
Тыльцев К. П. (объед. потреб. о-ва).
Распутин И. С. (Шадринск).
Рожков М. А. (Москва).
Розов Н. Н. (т-во льноводов).
Ростфельд Б. К. (Петроград).
Рудич В. А.
Руднев Н. Ф. (Доно-кубано-терское).
Рынденко Н. А. (Кашира-Венев).
Самородский Д. М. (Петроград).
Сандомирский Г. Б.
Сазонов В. В. (Дмитров).
Семенов А. Е. (Владикавказ).
Семенов И. Н. (Козлов).
Семечко (Киев).
Сергеев Г. И. (Москва).
Сергеев Д. В. (Москва).
Серебряников А. В. (Могилев).
Скавыш И. Д. (Никополь-Мариуполь).
Смертин Н. П. (Петроград).
Смирнов Ф. И. (Владимир).
Солодовников А. М. (Москва).
Спиридонов И. Ф. (совещ. потреб. об-в).
Спорышов И. М. (с. Павлово).
Сребдольский Д. С. (Брянск).
Старцев А. В. (Северо-восточн. район).
Стенцель З. С. (Москва).
Степен Г. К. (Москва).
Суворов М. А. (совещ. потреб. об-в).
Сучак М. А. (Ачинск).
Тапильский А. Н. (т-во льноводов).
Таратута О. Г. (Петроград).
Тарутин И. И. (Северо-восточн. район)
Тихомиров В. А. (Богородск).
Ткачуков М. П. (Саратов).
Толочко Д. В. (Мелитополь).
Толстой И. А. (Калуга).
Триханов С. П. (Симбирск).
Уваркин Н. П. (Ворсма).
Унт И. Д. (Вологда).
Филаретов В. С. (совещ. потреб. об-в).
Филиппович Е. Ф. (Киев).
Фролов И. С. (Приуральский).
Хейсин М. Л.
Хмелинин В. Ф. (Челябинск).
Худеньких С. И. (Северо-восточн. район).
Цедербаум С. О. (Петроград).
Целлариус В. М. (юг России).
Чаянов А. В.
Чекулаев И. Г. (совещ. потреб. об-в).
Черкасов И. А. (Москва).
Шелихин П. И. (Царицын).
Щепетов П. А. (Москва).
Штанге А. Г. (Павлов).
Эндлин М. Е. (Чернигов).
Юсупов М. Ш. (Уфа).

МОСКОВСКИЙ НАРОДНЫЙ БАНК.

Гасенко Д. И.
Крылов К. И.
Лурье Е. С.
Сбитников С. Г.
Хлюстиков М. Я.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД РАБОЧИХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ.

Адно Л. М.
Анисимов А. А.
Арсеньев Н. А.
Брейдо Г. Е.
Владимиров В. В.
Гаврилов И. И.
Гольцикер Г. Д.
Гусаков П. М.
Давыдов К. П.
Денисов С. А.
Иванов В. К.
Иванушкин Н. А.
Игнатов И. И.
Квойная С. И.
Клюев К. С.
Комолов П. М.
Коппель Г. Г.
Корочкин С. Ф.
Косарбатов А. А.
Кравец Е. Б.
Крайтанов И. А.
Кропачев П. А.
Ларионов С. Д.
Левин А. Г.
Маслов Ф. В.
Матвеев И. М.
Никольский А. И.
Овчаренко В. И.
Осеменс Ф. Ф.
Постников П. Д.
Розен Л. Б.
Селезнев Ф. М.
Скоблов Г. И.
Темненков Ф. Д.
Терехов А. И.
Тихонов И. К.
Ткаченко М. П.
Третьяков П. И.
Трифонов Г. Г.
Трофимов В. И.
Трофимов М. С.
Тризин Т. И.
Усиков В. А.
Хлебодаров В. К.
Храмов И. Т.
Цедербаум Я. Н.
Шрамченко К. Д.
Эпштейн Я. И.

СОЮЗ КРЕДИТНЫХ И ССУДОСБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ ТОВАРИЩЕСТВ.

Аганин А. М. (Сасово).
Андрианов В. У. (Ярославль).
Анисимов Ф. Я. (Нижний-Новгород).
Бобриков П. М. (Об-во для содействия арт. делу).
Бражников П. П. (Мелитополь).
Важенин А. Ф. (Челябинск).
Гитис Н. А. (Житомир).
Горшков И. И. (Москва).
Демидов И. А. (Москва).
Дианов А. Д. (Екатеринослав).
Емельянов П. А.
Жданов М. И. (Вятка)
Зак Л. С. (Петроград).
Земляков Ф. К. (Сибирь).
Ильин А. Г. (Бугульма).
Казанцев Ф. П. (Оренбургско-Тургайский край).
Капустин И. С. (Уфа).
Колтышев А. А. (Петроград).
Константинов У. А. (Александр.).
Корнев Г. Я. (Кострома).
Кулаков С. В. (Донбасс).
Лазарев М. И. (Муром).
Лихоносов Д. Г. (Воронеж).
Максимов Е. Д. (Петроград).
Наконечный Е. И. (Кострома).
Новоселов Н. П. (Ржев).
Орлянский В. Е. (Царицын).
Пажитнов К. А. (Петроград).
Панфилов А. К. (Ковров).
Пекарский В. Ф. (Петроград).
Перепелица С. В. (Южно-донск.).
Петров Г. Л. (Глухов).
Попунов А. Т. (Сызрань).
Рожков Г. Н. (Казань).
Розов Г. Л. (Кременчуг).
Салынь О. К. (Ливны).
Сапфиров А. В. (Рязань).
Слышков И. К. (Рыбинск).
Старков К. М. (Уфа).
Столяров Н. К. (Орск).
Стороженко А. Н. (Лохвицы).
Сулим В. М. (Николаев).

Сыркин Г. И. (Нежин).
Терехин В. Ф. (Новоузенск).
Третьяков Г. И. (Камышин).
Френклер Н. А. (Кимры).
Чумаченко П. Г. (Переяславль).
Шатилов С. М. (Козлов).

ГУБЕРНСКИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ КОМИТЕТЫ.

Беляев М. В. (Чернигов).
Воскресенский Е. Д. (Тверь).
Гинцбург А. К. (Псков).
Голодковский Е. И. (Могилев).
Калашников Д. И. (Старобельск).
Капцан.
Новицкий В. С. (Витебск).
Обухов В. М. (Петроград).
Павлов Н. М. (Казань).
Розен В. В. (Курск).
Рыжов Н. И. (Тверь).
Супрасский Е. И. (Курск).
Богданов М. В. (Олонецк).

СОВЕТ СЪЕЗДОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ.

Арандаренко В. Н.
Бачманов А. А.
Белоножкин А. И.
Белоцветов Н. А.
Бенуа М. Н.
Берлин Я. М.
Ватаци Э. А.
Вольтман В. Н.
Воробьев В. И.
Грауман Л. Ф.
Гукасов П. О.
Гурвич М. Я.
Давыдов Е. Ф.
Добрынин Ф. А.
Дынин И. А.
Залшупин М. С.
Зубашев Е. Л.
Коняев Ф. И.
Котновский Л. П.
Кульман Н. К.
Кутлер Н. Н.
Левестам Г. Г.
Любович Е. Л.
Маргулисс М. С.
Мещерский А. П.
Михин С. И.
Могиленский Е. А.
Монахов Н. В.
Новоселов С. С.
Оболенский А. Д.
Паппе М. Б.
Погребов П. А.
Полляк С. Г.
Прядкин Я. Д.
Ратьков-Рожнов А. Н.
Розенблат Е. Ф.
Рохович Г. Я.
Токарский М. А.
Соколовский С. Н.
Троцкий-Сенютович В. Н.
Фельдман А. Я.
Федоров М. М.
Феррейн Ф. А.
Цейтлин А. Л.
Шмидт Ф. П.
Шпергазе Л. И.
Эфрон Б. А.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМИТЕТЫ.

Свида С. Б. (Пензенский).
Трофимов М. С. (Костромской).

СОВЕТ СЪЕЗДОВ ГОРНОПРОМЫШЛЕННИКОВ ЮГА РОССИИ.

Белявский А. З.
Богоявленский Н. И.
Гребель Н. Г.
Дитмар Н. Ф.
Дымшиц М. М.
Козакевич П. П.
Оцуп А. А.
Рутченко А. В.
Соколов В. С.
Скарута Н. И.
Тикстин П. А.
Трескин И. Е.
Фенин Н. В.
Эйлер Л. П.

СОВЕТ СЪЕЗДОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БИРЖЕВОЙ ТОРГОВЛИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Абрамов С. П.
Александров В. П.
Бабиевский А. К.
Гутник С. М.
Ленков С. И.
Лихонин В. М.
Рабинович И. М.
Рафалович А. Л.
Слабошевич А. Ц.
Уржумцев В. В.
Фридман Ю. В.

БЮРО ЮЖНЫХ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

Буковинский М. Т.
Буяльский Л. С.
Варшавский Б. Б.
Грохольский З. С.
Гутерманов Л. Г.
Лев А. И.
Липгарт Э. Э.
Марголин А. Д.
Питцкен В. А.
Шерешевский Я. А.
Якобсон Г. А.

СОВЕТ СЪЕЗДОВ ДЕЯТЕЛЕЙ ПО СРЕДНЕЙ И МЕЛКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛЕ.

Кудрявцев В. В.
Рузский Д. П.
Садыкер А. М.
Фидлер Ф. Ф.
Фишер К. О.

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ БИРЖЕВОЙ ТОРГОВЛИ.

Вигель А. И.
Лаптев И. П.

КОМИТЕТ СЪЕЗДОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АКЦИОНЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ БАНКОВ.

Озеров И. Х.
Поляков И. Л.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК ОБЩЕСТВ ВЗАИМНОГО КРЕДИТА.

Губин Л. Л.
Захарьев Н. А.
Ломшаков А. С.

СОВЕТ ЧАСТНЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ.

Байдак Н. Д.
Печковский В. Н.
Шмидт Ф. И.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ЗЕМЕЛЬНЫХ СОБСТВЕННИКОВ.

Бабкин Е. Ф.
Байбус И. С.
Баллас М. К.
Бекарюков К. З.
Бржозовский В. Б.
Вульферт Ю. В.
Гурко В. И.
Дмитренко Г. В.
Иконников Н. Ф.
Ильин Н. Н.
Каверзнев В. Н.
Касаткин-Ростовский Н. Н.
Косов В. Ф.
Кропоткин А. А.
Левшин С. Ф.
Меллер-Закомельский В. В.
Мельников Н. А.
Налбандов В. С.
Романов Н. К.
Шлиппенбах А. П.

Ипогорский-Ленкевич И. В. (Минский союз землевл.).
Ластовский И. С. (Союз сельск. хозяев Виленск. губ.).
Шестаков М. П. (Южно-русское общество поощр. землед. и сельск. пром-сти).

ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Водолажский П. И. (Боромлянское).
Зворыкин Н. Н. (Северное).
Зиновьев А. М. (Московское).
Капацинский (Московское).
Китлов Н. С. (Рязанское).
Котиков Н. С. (Смоленское).
Лакиер Н. М. (Таганрогское).
Паншин Б. А. (Уманско-Липовецкое).
Пересыпкин П. Н. (Доно-терско-кубанское).
Русинов В. Ф. (Лохвицкое).
Руссановский А. П. (Подольское).
Сатин Н. Н. (Тамбовское).
Соболев М. Н. (Харьковское).
Студенов (Ташкентское).
Тейтель А. В. (Самарское).
Третьяков С. Ф. (Полтавское).
Урусов Г. П. (Доно-терско-кубанское).
Федотов А. Я. (Московское).
Филатов Н. М. (Славяносербское).
Швиттау Г. Г. (об-во южн. России).
Шермазанов Г. Т. (Орловское).

ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ.

Алов А. А. (Ново-александровский сельскохозяйств. ин-т).
Анцыферов А. Н. (Харьковский коммерческий институт).
Арциховский В. М. (Донской политехнический ин-т).
Беловод И. И. (Нижегородский политехнический ин-т).
Бехтерев В. М. (Психо-неврологический ин-т).
Билимович А. Д. (Киевский университет).
Вальден П. И. (Рижский политехнический ин-т).
Вериго Б. Ф. (Пермский университет).
Верховский Б. В. (Петроградский женский медицинский ин-т).
Вехов (Ростовский университет).
Воронов А. А. (Петроградский технологический ин-т).
Георгиевский Н. Н. (Петроградский женский политехнический ин-т).
Гербурт-Гейбович В. Ф. (Харьковский технологический ин-т).
Гольденгаммер Д. А. (Казанский университет).
Гольцман К. М. (Казанский ветеринарный институт).
Гримм Д. Д. (Петроградский университет).
Гриневецкий В. И. (Московское высшее техническое училище).
Дедюлин А. В. (Харьковский ветеринарный ин-т).
Заболотнов П. П. (Саратовский университет).
Заборовский С. А. (Екатеринославский горный ин-т).
Железнов В. Я. (Петровская сельскохозяйственная академия).
Климов А. Ф. (Новочеркасский ветеринарный институт).
Кобылкин В. Н. (Московский институт инженеров путей сообщения).
Коренчевский В. Г. (Военно-медицинская академия).
Косинский В. А. (Киевский политехнический ин-т).
Косяков В. А. (Институт гражданских инженеров).

Лапин П. Д. (Казанская духовная академия).
Левинсон-Лессинг Ф. Ю. (Петроградский политехнический ин-т).
Малиновский И. А. (Варшавский университет).
Мензбир М. А. (Московский университет).
Морозов Г. Ф. (Петроградский лесной ин-т).
Никитин В. В. (Петроградский горный ин-т).
Пио-Ульский Г. Н. (Институт инженеров путей сообщения).
Покровский И. А. (Московский коммерческий ин-т).
Пучковский С. Е. (Юрьевский ветеринарный ин-т).
Пятницкий П. П. (Харьковский университет).
Рубашкин В. Я. (Юрьевский университет).
Савич С. Е. (Петроградские высшие женские курсы).
Саноцкий А. С. (Воронежский сельскохозяйственный институт).
Сидоров А. И. (Московское техническое училище).
Соколов А. М. (Петроградский технологический ин-т).
Сонгайло М. А. (Петроградские сельскохозяйственные курсы).
Сыромятников Б. И. (Константиновский межевой институт).
Тареев М. М. (Московская духовная академия).
Тарле Е. В. (Петроградский коммерческий ин-т).
Хвостов В. М. (Московские высшие женские курсы).
Хвостов М. М. (Казанский университет).
Четвериков И. П. (Киевская духовная академия).
Ширяев В. Н. (Демидовский юридический лицей).
Шпаков А. Я. (Новороссийский ун-т).
Эйхенвальд А. А. (Московский народный ун-т имени А. Л. Шанявского).

УЧЕНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ОБЩЕСТВА.

Анучин Д. Н. (Об-во любителей естествознания при Московском ун-те).
Бенуа Л. Н. (Академия художеств).
Браунштейн Е. П. (Харьковское медицинское об-во).
Вавин Н. Г. (Юридическое об-во при Московском ун-те).
Гедовиус А. К. (Уральское об-во любителей естествознания).
Голицын Н. В. (Русское историческое общество).
Дейнега В. А. (Московское об-во испытателей природы).
Дьяконов М. А. (Российская академия наук).
Жбанков Д. Н. (Об-во русских врачей в память Н. И. Пирогова).
Иванов Д. Л. (Русское техническое об-во).
Каблуков Н. А. (Об-во имени Чупрова).
Колли А. Р. (Об-во естествоиспытателей при Варшавском ун-те).
Комаров В. Л. (Русское географическое об-во).
Куркин П. И. (Об-во русских врачей в память Н. И. Пирогова).
Лаппо-Данилевский А. С. (Российская академия наук).
Любавский М. К. (Об-во истории и древностей российских при Московском ун-те).
Максимов С. П. (Русское техническое об-во).
Павлов А. П. (Объединение русских естествоиспытателей и врачей).
Рихтер Д. И. (Вольно-экономическое об-во).

Ростовцев М. И. (Российская академия наук).
Сакулин П. Н. (Об-во любителей российской словесности при Московском ун-те).
Таманов А. И. (Академия художеств).
Тимофеев Т. Е.(Об-во испытателей природы при Харьковском ун-те).
Тулупов Н. В. (Московское отделение Русского технического об-ва).
Чаянов А. В. (Вольно-экономическое об-во).
Шокальский Ю. М. (Русское географическое об-во).
Щеповский И. В. (Московское отделение Русского технического о-ва).
Щепотьев С. А. (Русское техническое об-во).

СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

Бек Л. А.
Вознесенский Н. Н.
Горяем, доктор.
Гран М. М.
Гуревич Г. Я.
Дитерихс М. М.
Дубовский В. Е.
Извольский Н. А.
Кирпичников С. Д.
Кондратьев.
Кремлев.
Маковецкий.
Маркелов С. П.
Мельгунов С. П.
Муралевич В. С.
Николаев П. Н.
Петровский, д-р
Рейхель.
Рогавин А. Г.
Романов Н. И.
Туркельтауб И. С.
Фукс.
Хрущов.
Цегарели.
Челищев В. Н.
Чехова М. А.
Чудецкий Р. И.
Шевяков Н. Л.
Щепкин Н. Н.

СОВЕТЫ ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ.

Благовещенский В. В. (Петроград).
Воскобойников А. А. (Москва).
Гольденвейзер Я. С. (Киев).
Доброхотов Д. Н. (Москва).
Кавмичев П. П. (Новочеркасск).
Капеллер В. А. (Москва).
Козлов С. А. (Харьков).
Красильщиков И. З. (Саратов).
Крупнов С. Г. (Киев).
Недзвецкий К. В. (Петроград).
Никонов А. А. (Саратов).
Оболенский П. И. (Новочеркасск).
Переверзев Л. Н. (Харьков).
Ротенберг А. Ф. (Казань).
Степанов И. И. (Казань).
Тесленко Н. В. (Москва).

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СОЮЗА.

Егоров Д. Н.
Кольцов Н. К.
Подкопаев Н. И.
Прозин М. И.

ВСЕРОССИЙСКИЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ.

Боровский К. М.
Герд В. А.
Головин Я. Г.
Загрубский М. Н.
Золотарев С. А.
Игнатьев В. А.
Колосов А. Я.
Малышев М. П.
Половинкин А. А.
Торпаков П. Г.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ЗЕМСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Звягинцев Е. А. Иорданский Н. Н. Серополко С. О.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ УЧАЩИХ ВЕДОМСТВА М-СТВА ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Инкулец И. К.

ВСЕРОССИЙСКАЯ СЕКЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ ВЕДОМСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ.

Лукин М. Г. Фердинандов А. В.

КОРПОРАЦИЯ УЧАЩИХ НАЧАЛЬНЫХ УЧИЛИЩ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.

Андреевская М. Н. Намитниченко А. А. Сольдин А. А.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПЕДАГОГОВ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.

Борис А. Г. Минин П. М.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩЕСТВ.

Большаков В. И. (предст. старообрядцев).
Булгаков С. Н. (предст. совета мир. церк.-прих. общин Москвы).
Заленцов И. И. (предст. Рыбинского религ.-филос. о-ва).
Платон (архиеп.) (предст. правосл. духовенства).
Полянский Н. М. (предст. совета мирян церк.-приход. общин Москвы).
Проханов И. С. (предст. союза евангелических христиан).
Сироткин Д. В. (предст. старообрядцев).
Тихон (предст. епарх. духовенства Москвы).
Трубецкой С. Н. (предст. совета мир. церк.-прих. общин Москвы).
Уфимский А. (предст. прих. общин духов. Москвы).

ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП.

Абрамович (еврейская).
Бабов (армянская).
Валидов (туркест. краев. мусульм. совет).
Войнилович Э. А. (польская).
Гольдман (латышская).
Гирса (чехо-словацкая).
Грузенберг О. О. (евр. народн. партия).
Залит И. П. (латышская).
Ивановский (совет нац. групп).
Красковский (белорусская).
Ландау Г. А. (евр. демокр. партия).
Лопацинский С. И. (польская).
Мачивариани (груз. нац. дем. партия).
Назарьянц (армянская).
Пипп (эстонская национальная).
Смульский (польская и белорусская).
Тер-Огинянц Г. (армянск. общ. орг. Кавказа).

Топчибашев А. (мусульманск. орг.).
Ходжаев (туркест. краев. мусульм. совет).
Хургин И. Я. (Ц. к. объед. евр. соц. раб. партии).
Чхенкели А. И. (грузинская национальная).
Чукаев (туркест. краев. мусульм. совет).
Янушкевич Н. О. (литовская).

СОЮЗ ЭВОЛЮЦИОННОГО СОЦИАЛИЗМА.

Васильев В. А.
Гуревич Б. А.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЛИГА РАВНОПРАВИЯ ЖЕНЩИН.

Тыркова А. В.
Шишкина-Явейн П. Н.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМИТЕТЫ.

Барановский И. И. (Пермь).
Башкиров В. М. (Н.-Новгород).
Богомаз К. А. (Киев).
Вормс А. Э. (Москва).
Гурвич М. Я. (Ростов-на-Дону).
Гучков А. И. (Центральный).
Карпов С. Г. (Москва).
Нардов К. Н. (Центральный).
Роговский М. А.
Саввин Н. Н. (Центральный).
Свацын А. А.
Смирнов С. А. (Москва).
Фенин А. И. (Харьков).
Шишков Т. А. (Центральный).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ.

Козлов Н. П.
Ночевкин Н. П. (Москва).
Пальчинский П. И. (Петроград).

ВСЕРОССИЙСКИЕ ЗЕМСКИЙ И ГОРОДСКОЙ СОЮЗЫ.

Александров М. А. (Земгор).
Алексеев Г. А. (Главный комитет ВЗС).
Астров Н. И. (Всер. союз городов).
Баранский Н. Н. (Дел. собр. сл. Гл. к-та ВЗС).
Беляев Н. А. (Союз раб. и сл. Земгора Моск. района).
Дживилегов А. К. (Гл. к-т Всер. союза городов).
Диатроптов П. Н. (Гл. к-т ВЗС).
Залкинд Л. Б. (Всер. союз городов).
Каншин И. А. (Всер. земск. союз).
Клафтон А. К. (Самарский комитет земсоюза).
Леви В. Л. (Всер. союз городов).
Леонтьев С. М. (Земгор).
Лопухин Н. С. (Гл. к-т ВЗС).
Львов Г. Е. (Земгор).
Мошкович А. Г. (Земгор).
Пешехонов А. А. (Перск. губ. зем. к-т ВЗС).
Попов А. И. (Всер. союз городов).
Сабашников М. В. (Гл. к-т союза гор.).
Сухотин Л. М. (Земгор).
Сысин А. Н. (Всер. союз гор.).
Третьяков С. М. (Всер. союз гор.)
Ушаков М. В. (Гл. к-т ВЗС).
Хмелев Н. Н. (Гл. к-т ВЗС).
Шипов С. Д. (Земгор).
Щепкин Д. М. (Гл. к-т ВЗС).
Яхонтов В. И. (Земгор).

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ВОЕННЫХ ВРАЧЕЙ АРМИИ И ФЛОТА.

Дембо Григорий.
Дерябин Виктор.
Заблоцкий Александр.
Субботин Григорий.
Юревич Вадим.

ВОЕННОЕ ВЕДОМСТВО.

Алексеев М. В. (б. верх. главн.).
Архангельский Н. И. (нач. гл. штаба)
Барановский (нач. каб. воен. м-ра).
Брусилов А. А. (б. верх. главн.).
Дудоров (морское м-ство).
Кисляков (тов. мин. пут. сообщ. на театре воен. действий).
Лебедев В. П. (управл. воен. м-ством).
Маниковский А. А. (пом. воен. мин-ра)
Романовский В. В. (нач. ген. штаба).
Савинков Б. В. (упр. воен. м-ством).
Степун Ф. А. (нач. политупр. воен. м-ства).
Туманов (тов. воен. мин-ра).
Якубович (тов. воен. мин-ра).
Юденич (главн. Кавказск. фр.).
Толстой (пом. нач. политупр. воен. м-ства).

ПРЕДСТАВИТЕЛИ КАЗАЧЕСТВА.

Арахонцев (Донское).
Богаевский М. П.
Булатов (казач. круга и Ташкента).
Гарчуков (Донское).
Каледин (Совет каз. войск).
Попов (Донское).
Протопопов (Донское).
Тарасов.
Худяков А. Ф. (Сов. союза казачьих войск).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ АРМИИ И ФЛОТА.

Абрамов (Центр. к-т воен. фл.).
Баткин Ф. (флот).
Винтерфельд Ф. Г. (Центр. арм. орг. Кавказа).
Генике Н. А. (Центр. арм. орг. Кавк.).
Деомидько С. Я. (И. к. кр. д. солдат Ю.-з. фр.).
Каллистов (флот).
Кучин Г. Д. (арм. и фронт. к-ты).
Ломоносов Георгий (Арм. к-т кавк. армии).
Микучевский Н. Ю. (1-й ополч-кий корпус).
Онипко (Балтфлот).
Пиржимов (Центр. арм. орг. Кавказа)
Синодский И. А. (И. к. кр. д. солдат Ю.-з. фронта).
Тарханов (Центр. арм. орг. Кавказа).
Триус И. Г. (И. к. кр. д. солдат. Ю-з. фронта).

СОВЕТ ОФИЦЕРСКИХ ДЕПУТАТОВ АРМИИ И ФЛОТА.

Александров Н. П.
Вржосек С. К.
Друцков А. С.
Корольков
Куропаткин.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ УВЕЧНЫХ ВОИНОВ.

Вармин Е. Г. (Петроград).
Вишневский Н. И.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ГЕОРГИЕВСКИХ КАВАЛЕРОВ.

Скаржинский.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ В МОСКВЕ.

1. В виду исключительных переживаемых событий и в целях единения государственной власти со всеми организованными силами страны, созвать 12—14 августа Государственное Совещание в Москве.

2. Поручить организовать упомянутое в предшедшем 1-м отделе Совещание министру почт и телеграфов совместно с министром торговли и промышленности и путей сообщения.

3. Отпустить по смете канцелярии Временного Правительства 1917 г. на расходы, сопряженные с созывом упомянутого в отделе 1-м Совещания, 50 000 руб., с отнесением этой издержки на счет кредитов на непредусмотренные сметой экстренные, в течение года, надобности.

(Выписка из журнала заседаний Временного Правительства № 144, от 31 июля 1917 г.)

ТЕЛЕГРАММА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТ 31 ИЮЛЯ О СОЗЫВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ.

(Городским думам, земским управам, университетам и ученым учреждениям, кооперативным и профессиональным организациям, Советам Р., С. и Кр. Д., фронтовым армейским Советам и т. д.)

Временное Правительство, в виду исключительности переживаемых событий, в целях обращения правительства ко всем организованным силам страны, постановило созвать в Москве с 12 по 14 августа Государственное Совещание. К участию в этом Совещании привлекаются: представители политических, общественных, демократических, национальных, торгово-промышленных и кооперативных организаций, руководители органов демократии, высшие представители армии, научных учреждений, члены Государственной Думы четырех созывов. Особые приглашения будут посланы верховному главнокомандующему и бывшему министру-председателю кн. Львову. Собрание предполагается устроить в Нико-

лаевском дворце, в Кремле. Государственное Совещание откроется докладом министра-председателя, который ознакомит членов Совещания с положением страны и с программой деятельности нового правительства. Затем выступят с докладом представители отдельных ведомств — с речами, посвященными выяснению отдельных отраслей государственного управления и государственного хозяйства. Организация Государственного Совещания поручена министру почт и телеграфа совместно с министром торговли и промышленности и министру путей сообщения. Ожидается свыше тысячи участников.

РЕЗОЛЮЦИЯ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б) О МОСКОВСКОМ СОВЕЩАНИИ АВГУСТА 1917 г.

Государственная власть в России целиком переходит в настоящий момент в руки контрреволюционной империалистической буржуазии, при явной поддержке мелкобуржуазными партиями эсеров и меньшевиков. Политика разжигания и затягивания войны, отказ дать землю крестьянам, отобрание прав у солдата, восстановление смертной казни, насилие над Финляндией и Украиной, наконец, яростный поход против наиболее революционной части пролетариата, — с.-д. интернационалистов, — таковы наиболее яркие перспективы господства контрреволюционной политики. Для закрепления своего влияния и своих позиций контрреволюционная буржуазия стремится создать сильный общероссийский центр, объединить свои силы и выступить во всеоружии против пролетариата, против демократии. Этой цели и призвано служить созываемое на 12 августа Московское Совещание.

Московское Совещание, составленное в преобладающем большинстве из представителей таких учреждений свергнутого революцией строя, как царская Государственная Дума, являющаяся гнездом контрреволюции, и из представителей многочисленных организаций крупнейшей буржуазии, имеет своей задачей подделать общенародное мнение и ввести тем самым широкие народные массы в обман. В то время как самим созывом Московского Совещания организуется центр контрреволюционной буржуазии, — Советы, солдатские и крестьянские комитеты систематически низводятся до роли простых придатков империалистического механизма. В то время как собирается Московское Совещание, Учредительное Собрание откладывается все дальше и дальше. Буржуазия осторожно, но неуклонно идет к своей цели, к срыву Учредительного Собрания, к подмене его такими органами, где ей обеспечено преобладание.

Вследствие этого Московское Совещание имеет своей задачей санкционировать контрреволюционную политику, поддерживать затягивание империалистической войны, встать на защиту интересов буржуазии и помещиков, подкрепить своим авторитетом преследование революционных рабочих и крестьян. Таким

образом, Московское Совещание, прикрываемое и поддерживаемое мелкобуржуазными партиями, — эсерами и меньшевиками, — на деле является заговором против революции, против народа.

(«Рабочий и Солдат», № 14, от 8 августа.)

РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ ОТ 10 АВГУСТА.

Стоя на точке зрения Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в оценке созываемого Московского Совещания, конференция признает необходимым:

1. Предложить всем товарищам делегатам на Совещании немедленно организовать там все революционные элементы вокруг требований последовательной революционной демократии и, огласив нашу декларацию, в которой необходимо разоблачить как контрреволюционный характер Совещания, так и предательскую политику буржуазных партий и покрывающих их вождей меньшевиков и социалистов-революционеров, демонстративно покинуть Совещание.

2. Организовать массовые кампании митингов протеста против Совещания.

3. Призвать в согласие с решением Совещания представителей 41-го профессионального союза пролетариат Москвы к однодневной стачке протеста 12 августа.

(«Социал-Демократ», № 132, от 12(25) августа.)

ИНСТРУКЦИЯ Ц. И. К. СОВЕТОВ Р. и С. Д. ДЕЛЕГАЦИИ Ц. И. К. НА МОСКОВСКОМ СОВЕЩАНИИ *).

Инструкция.

1. В Московском Совещании члены Ц. И. К. участвуют, как делегация Ц. И. К.

2. Члены делегации Ц. И. К. не имеют права выступать в Совещании ни от своего имени, ни от имени тех или иных фракций без согласия президиума Ц. И. К. Советов Р. и С. Д.

3. Члены делегации Ц. И. К. не могут давать никаких подписей под заявлениями на Московском Совещании тех или иных групп без согласия президиума Ц. И. К.

4. В делегации Ц. И. К. Советов Р. и С. Д. имеют право участвовать те группы и лица, входящие в состав Ц. И. К., какие признают первые 3 пункта.

---

*) Принята на заседании Ц. И. К. 10 августа.

5. Лица и группы, принадлежащие к Ц. И. К., нарушившие эти постановления, лишаются немедленно же своих мандатов.

6. Ни одно ответственное выступление делегации Ц. И. К. не может решаться без предварительного обсуждения его в общем собрании всей делегации.

7. Делегация Ц. И. К. на Московском Совещании обладает всеми правами Ц. И. К. Советов Р. и С. Д.

8. Для решения текущих вопросов исключительной важности дел, требующих срочности, Ц. И. К. уполномачивает коллегию из 5 лиц, которые в указанных случаях действуют от имени Ц. И. К. Советов Р. и С. Д.

9. Общие собрания Ц. И. К. Советов Р. и С. Д. и Бюро Ц. И. К. во время Московского Совещания в Петрограде могут происходить лишь по постановлению указанной в пункте 8 коллегии.

(«Известия», № 141, от 11 августа.)

ВОЗЗВАНИЕ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б) О ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ.

Развитие контрреволюции вступает в новую полосу. От разгромов и разрушений она переходит к закреплению занятых позиций. От разгула и бесчинств — к «законному руслу» конституционного строительства.

Можно и нужно победить революцию, говорят контрреволюционеры. Но этого мало. Нужно еще получить на это одобрение. Причем нужно устроить так, чтобы одобрение дал сам «народ», «нация» и не в Питере только или на фронте, но во всей России. Тогда победа будет прочной. Тогда добытые завоевания могут послужить почвой для будущих новых побед контрреволюции.

Но как это устроить?

Можно было бы ускорить созыв Учредительного Собрания, единственного представителя всего русского народа, и спросить у него одобрения политики войны и разорения, разгромов и арестов, избиений и расстрелов.

Но на это буржуазия не пойдет. Она знает, что до Учредительного Собрания, где большинство составят крестьяне, она не добьется ни признания, ни одобрения политики контрреволюции.

Поэтому она добивается (добилась уже) отсрочки Учредительного Собрания. Она, вероятно, будет и дальше отсрочивать его, с тем, чтобы добиться, наконец, его полного срыва.

Но где же «выход»?

«Выход» — в подмене Учредительного Собрания «Московским Совещанием».

Собрать совещание из купцов и промышленников, помещиков и банкиров, членов царской Думы и прирученных уже меньшевиков и эсеров с тем, чтобы,

объявив это совещание «общенациональным сбором», добиться от него одобрения политики империализма и контрреволюции, переложения тягот войны на плечи рабочих и крестьян, — вот где «выход» для контрреволюции.

Контрреволюции нужен свой парламент, свой центр, и она его создаст.

Контрреволюции нужно доверие «общественного мнения», и она его создаст.

В этом вся суть.

В этом отношении контрреволюция идет тем же путем, что и революция. Она учится у революции.

У революции был свой парламент, свой действительный центр, и она чувствовала себя организованной.

Теперь контрреволюция старается создать его в самом сердце России, в Москве, руками,— ирония судьбы,— эсеров и меньшевиков.

И это в то время, когда парламент революции низведен до положения простого придатка буржуазно-империалистической контрреволюции, когда Советам и комитетам рабочих, крестьян и солдат объявлена смертельная война.

Не трудно понять, что при таких условиях совещание, созываемое на сегодня в Москве, неминуемо превратится в орган заговора контрреволюции против рабочих, которым угрожают локаутами и безработицей, против крестьян, которым «не дают» земли, против солдат, которых лишают свободы, добытой в дни революции, заговора, прикрываемого «социалистическими фразами» эсеров и меньшевиков, поддерживающих это совещание.

Поэтому задача передовых рабочих:

1. Сорвать с совещания маску народного представительства, выставив на свет его контрреволюционную противонародную сущность.

2. Разоблачать меньшевиков и эсеров, прикрывающих это совещание флагом «спасения революции» и вводящих народы в обман.

3. Организовать массовые митинги протеста против этой контрреволюционной махинации «спасителей»... барышей помещиков и капиталистов.

Товарищи! Созывайте митинги и выносите резолюции протеста против «Московского Совещания».

Присоединяйтесь к путиловцам и организуйте сегодня в знак протеста против «совещания» сборы в пользу гонимой и преследуемой партийной печати.

Не поддавайтесь на провокацию и не делайте сегодня никаких уличных выступлений.

(«Пролетарское Дело» от 12 августа.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПРЕЗИДИУМ Ц. И. К.

Мы, представители фракции большевиков в Ц. И. К. Советов Р. и С. Д., считаем необходимым заявить следующее:

Ни один революционер, ни одна революционная партия не может и не имеет права авансом гарантировать ни при каких условиях отказа от своего права покинуть то или иное совещание, если того требуют их революционная совесть и интересы представляемого ею класса.

Посему мы заявляем, что, отказываясь от выступления в качестве самостоятельной фракции Ц. И. К. Советов Р. и С. Д. в порядке активного участия в Совещании, мы не можем гарантировать, что в известный момент, в зависимости от фактического осуществления нашего прогноза относительно контрреволюционного характера, состава и целей Совещания, мы оставляем за собой, как и всякий член любого собрания, право покинуть его в тот или иной момент. Мы считаем лишение нас мандатов грубейшим нарушением всех наших прав, как представителей наиболее активной части пролетариата и как членов Ц. И. К., и считаем, что если такое решение будет принято и всей делегацией, делегация Ц. И. К. превратится из делегации Ц. И. К. Советов Р. и С. Д. в фракционное собрание с.-р. и меньшевиков.

По поручению большевистской делегации

В. Ногин.

12 августа 1917 г.

(«Известия Московского Совета Р. Д.», № 137, от 13 августа.)

ПИСЬМО ПРЕЗИДИУМА Ц. И. К. НА ИМЯ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ.

В ответ на ваше заявление от 12 августа президиум, на основании постановления Ц. И. К., подтверждает, что вы не можете быть допущены к участию в составе делегации Ц. И. К., так как отказываетесь свое поведение на съезде согласовывать с постановлением большинства. Только всей делегации, как целому, может принадлежать право решения вопроса о целесообразности ухода с Совещания, ибо демонстративный уход с Совещания есть вполне определенный политический акт.

Вашим постановлением действовать в этом вопросе самостоятельно вы сами выключили себя из состава делегации Ц. И. К.

Председатель Н. Чхеидзе.

(Там же.)

ДЕКЛАРАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ, ЧЛЕНОВ ДЕЛЕГАЦИИ НА МОСКОВСКОМ СОВЕЩАНИИ.

Смертельная опасность грозит делу революции: помещики и буржуазные партии готовят рабочим, солдатам и крестьянской бедноте кровавую расправу, собираются восстановить неограниченное угнетение и насилие над народными массами, целиком вернуть себе власть над ними.

В этот час правительство, называющее себя правительством «спасения революции», не выступает против контрреволюции, против партий, отстаивающих восстановление помещичье-буржуазной кабалы и требующих продолжения разбойничьей войны. Наоборот, оно призывает отъявленных контрреволюционеров на Государственное Совещание в Москву, обеспечивает им там подавляющее большинство, собирается окончательно договориться с ним и открыто опереться на них в дальнейшей своей работе. Клейменных врагов народа Временное Правительство всенародно признает спасителями страны, могильщиков революции объявляет ее живыми силами. Так Временное Правительство подводит итог всей своей политике, направленной на борьбу с рабочими, газеты и организации которых оно громит, на борьбу с солдатами, которых оно одарило восстановлением смертной казни, на борьбу с крестьянами, которым оно не дает земли.

Временное Правительство само стало орудием контрреволюции и международной реакции. Оно созвало Московское Совещание, чтобы здесь почерпнуть новые силы для нового похода на все завоевания революции. Ободренные этой дружественной политикой, враги народа — помещики, банкиры, заводчики — сплотились вокруг партии к.-д. для спасения своих военных барышей, поместий и капиталов. Московское Совещание для контрреволюционных палачей — удобнейшая возможность столковаться, удобнейшая ширма для организации всероссийского контрреволюционного заговора. Кадетским предварительным совещанием уже создан постоянный политический центр контрреволюции, опирающийся на вооруженную поддержку командных верхов армии и реакционной части казачества.

Московское Совещание является грубой подтасовкой и извращением народной воли. Одновременно с его созывом, созыв Учредительного Собрания, подлинного народного представительства, откладывается вновь на два месяца, благодаря проискам буржуазии, неуклонно идущей к своей цели — полному срыву Учредительного Собрания и к замене его таким учреждением, где ей было бы обеспечено большинство.

Ведя подкоп против Учредительного Собрания, буржуазная контрреволюция вместе с тем открыто противопоставляет Московское Совещание Советам Рабочих и Солдатских Депутатов. При помощи его она надеется нанести решительные удары этим органам, на которые рабочий класс возложил обязанность

охраны интересов революции, обязанность борьбы за мир, за землю и за хлеб. Однако партии социалистов-революционеров и меньшевиков, которым ныне принадлежит большинство в Ц. И. К. Советов, не воспротивились созыву Московского Совещания, не попытались бороться против этой затеи, явно идущей на пользу контрреволюции, и не могли бороться, ибо сами стояли за соглашение, за совместную работу с буржуазно-помещичьей коалицией, сами шли все время на уступки ей, отказывались от передачи всей власти рабочим, солдатам и крестьянам, предложили поделиться властью с буржуазной контрреволюцией.

Московское Совещание показывает самым широким слоям городской и крестьянской бедноты, что необходима энергичная борьба против контрреволюции; рабочий класс, надежный страж и оплот революции, первый заявил свой открытый протест против московского смотра контрреволюционных сил, организованного Временным Правительством. Всеобщая забастовка московского пролетариата выражает мысль и волю всего сознательного пролетариата России, разгадавшего игру контрреволюции. Боевому кличу мобилизовавшейся буржуазии рабочий класс противопоставил свой лозунг пролетарско-крестьянской революции.

Мы, члены революционной партии пролетариата, явились сюда не для того, чтобы вступать в переговоры с врагами революции, а для того, чтобы протестовать от имени рабочих и беднейших крестьян против созыва контрреволюционного сбора, чтобы разоблачить пред всей страной истинный его характер. Но нам решили закрыть рот, и это решение проведено при содействии с.-р. и меньшевиков из советского большинства. Однако мы уверены, что наш голос и наш протест дойдут до народных масс, которые все более сплачиваются вокруг нас, вокруг революционной партии пролетариата. От имени его мы заявляем: пролетариат не допустит торжества буржуазных насильников. Пролетариат доведет революцию до конца, обеспечит крестьянам землю, народу — мир, хлеб и свободу.

Российский пролетариат, сообща с международным пролетариатом, положит конец господству капитала над порабощенным человечеством.

Большевики-делегаты от городского самоуправления.
Большевики-делегаты от профессиональных союзов.
Большевики-члены делегации рабочих кооперативов.
Большевики-представители комитета общественных организаций.
Большевики-делегаты союза городских служащих.
Большевики-делегаты армейского и флотского комитета.
Большевики-члены делегации Ц. И. К. Советов, не допущенные на Совещание *).

(«Социал-Демократ», № 133 от 15 (28) августа).

---

*) «Пролетарий» № 4, от 30 (17) августа, сообщает: «Декларация эта не была прочтена на Совещании... Она была сдана в президиум Совещания». В примечаниях к XXI т. Соч. Ленина (стр. 515), а также в примечаниях к протоколам Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (стр. 15) ошибочно указано, что декларацию огласил Рязанов.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Три года империалистической войны, переход всей промышленности на работу «на оборону», рост новых предприятий, вызванный исключительно требованиями войны, непрерывный рост изношенности орудий, заполнение фабрик и заводов неквалифицированным трудом женщин, подростков, детей и военнопленных, спекуляция и ажиотаж крупной и средней буржуазии, бешеная прибыль буржуазии при непрерывном разорении крестьянства и обнищании рабочих масс, колоссальный рост выпуска бумажных денег, непрерывный рост военных расходов привели к катастрофическому падению всей промышленности и «великому финансовому и денежному кризису», о котором говорил Керенский.

Приводим по «Вестнику Временного Правительства» данные, характеризующие соотношение доходов и расходов в России ко времени Государственного Совещания: «...на мобилизацию армии и флота и их содержание, на снабжение запасами продовольствия, обмундирования и снабжения, а также фуражом и обозным имуществом, на заготовление для артиллерии снарядов и других предметов вооружения, на судостроение, на инженерное имущество, медикаменты и пр. ассигновано казначейством до 1 сентября 1917 г. — 41 392,7 млн. руб., в том числе на армию — 30 944,6 млн. руб. и на флот — 2 057,9 млн. руб.».

О темпе роста военных расходов говорят следующие цифры: к 1 января 1915 г. израсходовано было 2 546 000 000 руб., к 1 января 1916 г.— 11 920 000 000 руб., к 1 января 1917 г. — 27 187 000 000 руб., а за 8 месяцев 1917 г. — 41 392 714 672 руб.

В 1914 г. обыкновенных доходов поступило 2 828 млн. руб., в 1916 г., несмотря на повышение налогов, при военных расходах в 12 млрд., доходов поступило только около 4 млрд. За 1917 г. по проекту росписи на 1917 г. должно было поступить доходов в казну всего 4 млрд.

Временное Правительство за время своего существования не провело ни одной сколько-нибудь серьезной меры для улучшения экономического и финансового положения государства. Даже те меры типа «государственного капитализма», которые проводились во всех без исключения воюющих странах, Временное Правительство не решилось проводить из опасения нарушить интересы капиталистов.

[2]) Керенский говорит о неудаче им же затеянного июньского наступления, закончившегося Тарнопольским прорывом, когда «русские войска бросили фронт не под напором и натиском немцев, а «по малодушию и трусости».

А как дело обстояло в действительности — мы видим из статьи Я. А. Яковлева об июньском наступлении: «18 июня русской буржуазии» («Известия» 1927 г., № 151, 153, 158 и 159):

«Состояние российской армии к июню 1917 г. исключало какую бы то ни было возможность серьезной наступательной операции на фронте. Это великолепно знали верхи российской буржуазии. Это великолепно знали командные верхи. Но наступления требовала Антанта. Революционное настроение русских рабочих и крестьян революционизировало европейский пролетариат и влияло на состояние армии: во французских войсках начались стихийные волнения. На протяжении всего нашего фронта шло братание с австро-германскими солдатами и помимо желания командования воюющих сторон установилось перемирие. Антанте необходимо было во что бы то ни стало разбить это настроение пролетарских масс, заставить русских солдат итти в наступление, чтобы показать европейским рабочим и крестьянам, что и русская революция совершилась для того, чтобы закончить победоносно войну, затеянную буржуазией Антанты.

Кроме того, державы Антанты еще в ноябре 1916 г. решили нанести окончательный удар Германии весной 1917 г. И наступление русской армии по всему фронту было согласовано антантовскими генералами с царским правительством. Оно задержалось Февральской революцией и было отложено. Керенский как военный министр вместе со Ставкой вел систематическую подготовку наступления разными путями: расформированием ненадежных воинских частей и усмирением бунтующих, уговариванием, формированием ударных батальонов и национальных частей. Но из всей этой подготовки ничего не вышло. Маршевые роты, направляемые на фронт, либо вовсе не хотели итти, либо не доезжали до фронта. С позиций бежали в тыл, по домам. Отказывались повиноваться приказам итти в наступление.

18 июня началось наступление.

При той чехарде командующих, которая происходила в подавляющем большинстве случаев без всякого стратегического и политического смысла, ибо одни генералы сменялись другими большею частью по случайным поводам, — от недели к неделе сменялись и отдельные подробности плана (наступления)».

Наступление на Юго-западном фронте ведет генерал Гутор, сменивший Брусилова. В его распоряжении четыре армии: Особая, 11-я, 7-я и 8-я. Основная цель операции — прорвать фронт на участке Поморжаны — Пржежаны и в направлении на Глиняны — Львов. Особая армия должна была прикрывать операции, не допуская переброски немецких сил. 8-я армия под командой генерала Корнилова предназначалась для прикрытия операций со стороны Карпат. Но план командования был сорван в первые же дни. Уже 20 июня приостановилось наступление 7-й армии, натолкнувшись на сопротивление немцев, а 24 июня прекратила наступление 11-я армия. В это время 8-я армия Корнилова проводит операцию вне всякого плана. «Это вне всякого плана проведенное наступление одной из армий при срыве наступления 11-й и 7-й, при полной неподвижности остального фронта, и стратегически было только удачной авантюрой. Стремясь к политическому эффекту, Корнилов не считается с опасностями, которые грозят правому флангу 8-й армии при занятии Калуша». «С 30 июня по 6 июля 8-я армия перегруппировалась с целью дальнейшего развития наступления, потеряв вместе с прочими армиями за эту операцию до 14 процентов своего состава — 1 222 офицера и 37 500 солдат. Германскому командованию не было трудно, конечно, перебросить за это время необходимые для контр-наступления силы. Это было тем более легко, что на западном фронте ясно обнаружился провал начавшегося наступления союзников». В результате германского контр-наступления — разгром нашего Юго-западного фронта.

[3]) Войсковые комитеты были созданы солдатскими массами непосредственно после Февральской революции. На фронте, как и в тылу, они создавались явочным порядком. Временное Правительство вынуждено было санкционировать существование этих коми-

тетов, в то же время непрерывно борясь с солдатами за превращение этих комитетов в своеобразный орган хозяйственного управления, состоящий при командном составе. В этом Временному Правительству помогали меньшевики и с.-р., поддерживавшие организацию июньского наступления и всю политику Временного Правительства по сохранению обороноспособности армии во имя продолжения империалистической войны. Как показали ближайшие события, особенно корниловщина, за меньшевистско-эсеровской верхушкой комитетов уже в то время не было поддержки солдатской массы. Поэтому и в октябре меньшевистско-эсеровская комитетская верхушка оказалась таким же генералом без армии, как и высший контрреволюционный командный состав.

[4]) Керенский характеризует комиссаров, как представителей центральной революционной власти, призванных «ограждать армию от анархии слева и от попыток восстановления старых порядков справа». В действительности же эти комиссары, как Савинков и Филоненко, поддерживали контрреволюционное выступление Корнилова и во время совещания в ставке главнокомандующего 16 июля 1917 г. поддерживали все реакционные меры царских генералов, вплоть до разгона Советов, введения смертной казни на фронте и в тылу и т. д.

[5]) Временное Правительство в борьбе с ростом революционного движения рабочих, солдат и крестьян прибегало к самым решительным мерам. Для борьбы с этим движением Временное Правительство издавало свои «железные законы», — как их называет Керенский, — которые должны были вызвать «страх всех, где есть и где нет совести». Одним из первых был издан закон «о принятии мер против лиц, угрожающих обороне государства, его внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе», от 2 августа. Указывая, что «действия судебных органов недостаточны для борьбы с покушениями отдельных лиц на существующий государственный строй», этот закон предоставлял «особые и чрезвычайные полномочия министру военному и внутренних дел для ареста лиц, деятельность которых особенно угрожает обороне государства и внутренней его безопасности» («Вестник Вр. Пр.», № 127, от 10/23 августа 1917 года).

Охраняя и защищая интересы союзников, Временное Правительство издает закон, карающий тюремным заключением до 3 лет «виновных в оскорблении дружественной державы, ее верховного главы, ее правительства, посла, посланника или иного дипломатического агента действием, словом или в распространенных, либо публично выставленных произведениях печати, письме или изображении» («Вестник Вр. Пр.», № 127, от 10/23 августа 1917 г.).

В августе же Временное Правительство издало закон «о наказании лиц, виновных в призыве во время войны к неисполнению касающихся железнодорожной службы законов» или «законных распоряжений власти». По этому закону любая железнодорожная забастовка, с требованием повышения нищенского оклада железнодорожников, приравнивалась к государственному преступлению и каралась «заключением в исправительном доме на срок до 3 лет или заключением в крепости на тот же срок» («Вестник Вр. Пр.», № 141, от 27 августа (9 сентября) 1917 г.).

Самым главным из «железных законов» Керенского было введение смертной казни на фронте по требованию генералов, командующих и так далее. На основании этого закона высшее командование имело право расстреливать целые полки за неисполнение приказа.

Против «вредной» агитации большевистской прессы военному министру и министру внутренних дел «в виде временной меры» было предоставлено право без суда и следствия закрывать всякую газету, журнал «за призыв к неповиновению распоряжениям военной власти и к неисполнению воинского долга» и за призыв к гражданской войне. Редактор

закрытой газеты привлекался к суду («Вестник Временного Правительства», № 142, от 28 августа (10 сентября) 1917 г.).

⁶) Приводим декларацию Временного Правительства от 8 июля 1917 г., которая была программой деятельности Временного Правительства и ко времени Государственного Совещания:

«Граждане! Настал грозный час. Войска германского императора прорвали фронт русской народной революционной армии. Это страшное дело было для них облегчено преступным легкомыслием и слепым фанатизмом одних и изменой и предательством других. Развалом и распадом угрожали и те и другие самым устоям новой свободной России. В этот грозный момент, когда могут пользоваться общественным смятением таившиеся силы контрреволюции, перестроившееся Временное Правительство явно сознает ответственность, которая всей своей тяжестью падает на его плечи, но правительство полно твердой веры в силы великого русского народа. Временное Правительство верит в быстрое оздоровление политической жизни страны после того, как вышла наружу и разрешилась в остром кризисе заразительная болезнь, подтачивающая народный организм. Временное Правительство верит, что этот кризис — к выздоровлению, а не к смерти.

Сильное этой верой, Временное Правительство готово действовать со всей той энергией, каковой требуют чрезвычайные обстоятельства времени.

Своей первой основной задачей Временное Правительство считает напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка от всяких анархических и контрреволюционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти. Вместе с тем своей внешней политикой оно снова и снова подтвердит, что революционная армия может итти в бой с твердой верой в то, что ни одна капля крови русского солдата не прольется ради целей, чуждых правосознанию русской демократии, провозгласившей открыто перед лицом всего мира свои мирные лозунги.

В этих целях Временное Правительство, осуществляя начала внешней политики, возвещенные декларацией правительства 6 мая, имеет в виду предложить союзникам собраться на союзную конференцию в течение августа для определения общего направления внешней политики союзников и согласования их действий при проведении принципов, провозглашенных русской революцией. В конференции этой Россия будет представлена наряду с лицами дипломатического ведомства также представителями русской демократии.

Продолжая работу государственного строительства и в других областях на началах, возвещенных декларацией 6 мая, Временное Правительство считает необходимым немедленно выполнить ряд мероприятий, осуществляющих означенные начала. Временное Правительство примет меры, чтобы выборы в Учредительное Собрание состоялись в назначенный срок (17 сентября) и чтобы подготовительные мероприятия были закончены заблаговременно для обеспечения правильности и свободы выборов. Скорейшее введение городского и земского самоуправлений на основах всеобщего прямого, равного и тайного голосования, с повсеместным их распространением, является первейшей задачей правительства в области внутренней политики. Придавая вместе с тем особое значение созданию на местах органов власти, облеченных доверием всего населения, Временное Правительство теперь же привлечет к организации местной власти представителей общественных организаций для образования коллегиальных органов областного управления, объединяющих ряд губерний.

В стремлении к последовательному проведению в жизнь страны начал гражданского равенства Временное Правительство издаст в ближайшем времени постановление об уничтожении сословий, а равно окончательном упразднении гражданских чинов и орденов, за исключением жалованных за боевые отличия.

Для решительной борьбы с хозяйственной разрухой и дальнейших мероприятий по защите труда немедленно приступают к работам учрежденный при Временном Правительстве Экономический совет и Главный экономический комитет, в задачи которых входит выработка общего плана организации народно-хозяйственного труда, разработка законопроектов и общих мер по урегулированию хозяйственной жизни и контроля промышленности, а также согласованное и планомерное проведение их в жизнь.

В области рабочей политики разработаны и в ближайшие дни будут проведены законопроекты о свободе коалиций, биржах труда и примирительных камерах. Разрабатываются законопроекты о 8-часовом рабочем дне, о всесторонней охране труда, о введении всех видов социального страхования с распространением их на все категории наемного труда.

Мероприятия Временного Правительства в области земельного вопроса попрежнему определяются убеждением, что в соответствии с основными потребностями нашего народного хозяйства и неоднократно выражавшимися пожеланиями крестьянства, а равно провозглашенными всеми демократическими партиями страны программами, в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль о переходе земли в руки трудящихся.

На этой основе и разрабатывается тот проект земельной реформы, который будет предложен на рассмотрение Учредительного Собрания.

Очередными мероприятиями Временного Правительства будут: 1) полная ликвидация разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики; 2) меры, обеспечивающие полную свободу Учредительного Собрания в деле распоряжения земельным фондом страны; 3) упорядочение земельных отношений в интересах государственной обороны и продовольствия страны путем расширения и укрепления сети организуемых государством земельных комитетов и с точно определенными законом правомочиями в области решения текущих вопросов сельскохозяйственной политики, не предрешающих основного вопроса о праве собственности на землю, как входящего лишь в компетенцию Учредительного Собрания; 4) устранение путем такого закономерного регулирования поземельных отношений той серьезной опасности, которою являются для государства и для будущей аграрной реформы земельные захваты и тому подобные самочинные местные способы разрешения земельных вопросов, противоречащие принципу общегосударственного плана будущей земельной реформы.

Объявляя о поставленных задачах, Временное Правительство полагает, что оно в праве рассчитывать в своей тяжкой ответственной работе на беззаветную одушевленную помощь всех живых сил страны. Оно требует от всех жертвенной готовности отдать все — свою силу, состояние, самую жизнь для великого дела спасения страны, которая перестала быть для населяющих ее народов суровой мачехой, которая стремится всех их объединить на началах полной свободы и равноправия.

8 июля 1917 г.».

(«Вестник Временного Правительства», № 100, от 9 июля 1917 г.).

В. И. Ленин, подводя итоги деятельности этого коалиционного правительства за один месяц, пишет:

«Нынешнее правительство проводит постепенно, но неуклонно, именно ту политику, которую партия к.-д. систематически проповедывала и подготовляла с марта 1917 г. Возобновление и затягивание империалистской войны, прекращение «болтовни» о мире, предоставление министрам права закрывать газеты, потом съезды, потом производить аресты и высылки, восстановление смертной казни, расстрелы на фронте, разоружение рабочих и революционных полков, наводнение столицы контрреволюционными войсками,

начало арестов и преследований крестьян за «самочинные» захваты, закрытие фабрик и локауты, — вот далеко еще не полный список мер, которые яснее всего рисуют картину буржуазной контрреволюции бонапартизма».

(Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 84—85; впервые напечатано в газете «Пролетарий», № 6, от 19 августа 1917 г.).

[7]) Предложение папы Римского о мире было сделано всем воюющим державам и Соединенным Штатам Америки 4 августа 1917 г. Папа предлагал: 1) всеобщее сокращение вооружений; 2) особые третейские суды для разрешения спорных вопросов между всеми государствами; 3) всеобщее сотрудничество всех наций в деле восстановления разрушенных областей; 4) свободу плавания по морям; 5) возвращение Германией занятой ею Бельгии, а также эвакуация областей и государств, занятых воюющими государствами друг у друга; 6) пересмотр вопроса об Армении, Балканских государствах и о Польше.

Союзники избрали президента Соединенных Штатов Вильсона «своим глашатаем перед лицом человечества» для ответа папе на ноту мира. Вильсон открыл карты буржуазных правительств союзников, заявив, что «предлагаемый папою мир означает восстановление старого порядка в Европе, когда германская буржуазия побивала на всех рынках буржуазию Англии, Франции, Италии, России, Соединенных Штатов и т. д.». «Мы не можем принять слова нынешних руководителей Германии, как гарантии длительного положения, — заявлял далее Вильсон, — если оно не будет формально подтверждено действительным выражением воли самого германского народа. Мы должны дождаться изъявления намерений великих народов центральных держав» («Русское Слово», № 188, от 18 августа).

Керенский повторяет слова американских, английских и французских буржуазных правительств. Предложение папы было маневром со стороны германского империализма, пытавшегося выйти из войны на основании фактического закрепления сделанных им в течение войны захватов. Государства Антанты решительно отклонили этот маневр, рассчитывая в дальнейшем при затяжке войны одержать полную победу над германским империализмом. Керенский здесь выступает в своей обычной роли агента англо-французского империализма.

[8]) По манифесту Временного Правительства от 7 марта 1917 г. отменялись: 1) все незаконные распоряжения царского правительства с 1892 г., начало руссификаторской политики Бобрикова, изданные помимо финляндского сейма; 2) закон об общеимперском законодательстве 1910 г., изданный Столыпиным и проведенный через III Государственную Думу и Государственный Совет; 3) все законы, принятые Государственной Думой и Государственным Советом на основании закона 1910 г.; 4) все распоряжения, изданные военными властями во время мировой войны (но за ними сохранилась сила вплоть до окончания войны и заключения мира). В этом же манифесте было обещано в самом ближайшем времени созвать сейм, который должен был рассмотреть проекты Временного Правительства о новом устройстве Финляндии. Финляндскому же народу торжественно подтверждалось «сохранение его внутренней самостоятельности, прав его национальных — культуры и языков» и т. д.

Вскоре после созыва сейма губернатор Зейн был заменен М. А. Стаховичем, сенаторы, назначенные царским правительством, заменены новыми из членов сейма, был создан коалиционный сенат, где, как и в сейме, перевес был на стороне социал-демократов.

Финляндский сенат внес во Временное Правительство законопроект о некотором расширении прав сената. Сенат, по этому законопроекту: 1) имел право решать в окон-

чательной форме все местные дела, за исключением общегосударственных, и дела, касающиеся русских граждан и русских учреждений в Финляндии; 2) эти последние дела поступали на рассмотрение Временного Правительства; 3) генерал-губернатор решал, какие дела следует передать на рассмотрение финляндского сената и какие должны быть рассмотрены Временным Правительством; 4) Временное Правительство имело право созывать и распускать сейм.

Этот законопроект был передан правительству в апреле 1917 г. до открытия заседаний сейма. Временное Правительство встретило этот законопроект, как «желание Финляндии отделиться от России», и только в июне первым коалиционным правительством законопроект был утвержден. В июне сейм внес новые поправки в мартовский свой законопроект. Сейм требовал, чтобы: 1) верховные права русской власти передавались не финляндскому сенату как верховной палате, а нижней палате — сейму; законопроект, принятый сеймом, становился законом, право veto упразднялось; 2) русским властям предоставлялось право окончательного решения только во внешней политике, в военном законодательстве и управлении; 3) сейм назначал высшую административную власть в крае и членов сената; 4) сам сейм разрешал вопрос о созыве и роспуске сейма. Третье чтение законопроекта в сейме было 4 (17) июля, 5 (18) июля законопроект был признан спешным и был принят 136 голосами против 55.

18 июля Временное Правительство в ответ на это решение сейма опубликовало манифест о роспуске финляндского сейма с назначением новых выборов на 1 и 2 октября, нового стиля, а созыва сейма не позднее 1 ноября. В этом манифесте, подписанном всеми министрами, Временное Правительство указывало, что вся полнота власти с отречением императора перешла к Временному Правительству, которое не может поступаться правами народа державы Российской до решения Учредительного Собрания. Далее в манифесте подчеркивались самочинные действия финляндского сейма, его стремление «предвосхитить волю будущего Российского Учредительного Собрания и упразднить уполномочия российской власти в делах финляндского законодательства и управления». Самые решения сейма квалифицировались, как меры, нарушающие «в корне... действующую финляндскую конституцию». В заключение манифест предупреждал: «Пусть же народ финский сам взвесит свою судьбу».

В то же время по приказу Ставки и верховного главнокомандующего были посланы в Финляндию одна бригада 45-й дивизии, 5-я Кавказская казачья дивизия и штаб 1-го конного корпуса. Войскам был дан приказ: «В случае проявления враждебных действий со стороны финляндцев, надлежит предупредить местное население и финляндские гражданские власти, что города, в первую очередь Гельсингфорс, подвергнутся разгрому» (распоряжение ставки Северного фронта и Петроградского военного округа от 21 июля 1917 г., за № 5352, подписанное генералом Лукомским).

*) Центральная Украинская Рада в мае отправила в Петроград специальную делегацию. Делегация представила Временному Правительству меморандум, в котором требовала организации при Временном Правительстве должности особого комиссара по делам Украины, выделения украинцев в отдельные войсковые части, учреждения на Украине областного комиссара и особого комиссара украинца средней и высшей школы, занятия административных должностей лицами, владеющими украинским языком, ассигнования особых средств в распоряжение Центральной Рады.

В ответ на эти требования Украинской Рады, ни в каком случае не напоминающие о желании Украины отделиться, Временное Правительство опубликовало постановление, в котором заявляло, что Центральная Рада в Киеве не выражает мнения всего украинского народа, и что автономию Украине может дать только Учредительное Собрание.

Что касается организации украинских войсковых частей, то Временное Правительство признало возможным осуществить это частично, что и было обещано военным министром в Киеве.

Одновременно военный министр Керенский запретил украинский войсковой съезд, указав, что всякое обращение о разрешении съездов, не входящих в систему общей войсковой организации, он вынужден отклонить. Украинский войсковой съезд собрался вопреки постановлению правительства и постановил: «признать запрещение съезда незаконным и свои постановления обязательно проводить в жизнь».

Центральная Рада признала, что она «использовала все способы, чтобы войти в соглашение с Временным Правительством по поводу провозглашения принципа автономной Украины», и 15 июня избрала генеральный секретариат с председателем Винниченко во главе.

Временное Правительство целую неделю между 20 и 27 июня создает комиссию для отправки в Киев для переговоров с Радой. Не находится министров, которые бы пожелали ехать на Украину, чтобы уговорить генеральный секретариат «согласовать автономию с петроградским правительством».

Центральная Рада между тем издает «Универсал ко всему украинскому народу», в котором объявляет об автономии, о выборе генерального секретариата и приступе к работе этого секретариата. В универсале говорится: «Украинская демократия не питает враждебности к Петрограду, но... имеет свою собственную власть, которую она сама создала и которой она целиком доверяет».

Временное Правительство, наконец, собралось начать переговоры с Радой.

29 июня в Киев из Ставки прибыли министры Временного Правительства: И. Г. Церетели, М. И. Терещенко и А. Ф. Керенский, и начались совещания с генеральным секретариатом. В Петрограде на время совещания все Временное Правительство перебралось на центральный телеграф, откуда по прямому проводу разговаривало с тремя своими министрами в Киеве. Церетели, Терещенко и Керенский сообщили, что пришли к соглашению с Радой, — пошли на уступки, признали автономию Украины. Но когда в заседании Временного Правительства 4 июля Церетели и Терещенко прочли текст соглашения с Радой, министры-кадеты заявили, что они подают в отставку, так как не согласны с самим текстом договора и так как центральный комитет кадетской партии постановил не соглашаться на автономию Украины.

16 июля Временным Правительством нового состава было послано приглашение в Киев генеральному секретариату прислать делегацию для новых переговоров. Секретариат прислал 5 своих министров. 27 июля обсуждается во Временном Правительстве вместе с делегацией Рады проект автономии Украины, выработанный юридической комиссией при Временном Правительстве, так называемая «Инструкция Украинскому секретариату».

Несмотря на протесты делегации Украинской Рады, «Инструкция» принимается и отправляется на рассмотрение Центральной Рады. В этой инструкции хотя формально и признается автономия Украины, но Временное Правительство считает украинскими только 5 губерний: Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую (за исключением 4 уездов), между тем как Рада считала украинскими и Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую губернии и северные уезды Таврической. Генеральный секретариат утверждается Временным Правительством, и вся работа секретариата как предварительная, так и окончательная, в виде издания законов, проходит и утверждается Временным Правительством.

Таким образом, украинская мелкобуржуазная демократия получила наглядный урок непосредственной связи революционной борьбы рабочих против Временного Пра-

вительства с возможностью осуществить даже в самых ограниченных пределах автономию Украины. До тех пор, пока не были разгромлены питерские рабочие, Временное Правительство вынуждено было итти на ряд серьезных уступок националистической буржуазии Украины. После июльского разгрома питерских рабочих Временное Правительство, превратившись лишь в прикрытие осуществившейся генеральской диктатуры, отказалось от им же принятого соглашения с Центральной Радой и вступило на путь решительной борьбы даже с самыми скромными национальными требованиями украинской мелкой буржуазии.

[10]) Земельные комитеты были созданы Временным Правительством 21 апреля 1917 г. Комитеты официально были организованы «для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным Собранием». На деле Временное Правительство имело в виду создать в лице земельных комитетов организацию, которая отвела бы нарастающее крестьянское недовольство в русло разработки всяческих планов, проектов, разных вариантов реформ и таким образом обеспечила бы помещикам полное спокойствие. Осенью земельные комитеты стали ареной ожесточенной борьбы крестьянских низов, представленных в волостных земельных комитетах, и старых земских верхушек, а также верхушки эсеров, захвативших в свои руки большинство губернских и уездных земельных комитетов.

[11]) Продовольственные комитеты были введены Исполнительным Комитетом Государственной Думы 2 апреля 1917 г. В их ведение входило: 1) общее руководство продовольственным делом, 2) исполнение нарядов центральной власти для нужд армии и населения. Губернским комитетам поручалась организация местных, уездных, волостных, мелкорайонных и городских комитетов. Столичные города, Петроград и Москва, имели свои самостоятельные комитеты, подчиненные непосредственно министру внутренних дел.

В состав губернских продовольственных комитетов входили представители: 1) земского и городского самоуправления; 2) районных союзов, кооперации, производств и потребительских, а где их нет — губернских кооперативных совещаний; 3) местных Советов Р. и С. Д. или больничных касс; 4) крестьянских союзов и 5) губернских сельскохозяйственных обществ.

[12]) В то время как повсюду на фабриках и заводах были организованы фабрично-заводские комитеты, игравшие огромную роль в революции, в Октябре превратившиеся в орган революционного восстания, Временное Правительство уже 23 апреля издало положение о рабочих комитетах, которым хотело удержать рабочих в рамках чисто экономических, цеховых интересов.

По этому положению список членов комитета обязательно сообщался администрации предприятия, и самый комитет должен был собираться в помещении, отводимом хозяином предприятия. Служащим разрешалось избирать свои особые комитеты. Пункт 8-й гласил: «Постановления, инструкции, определяющие взаимоотношения между комитетом и администрацией заведения, в частности, порядок сношений комитета с администрацией, условия и порядок освобождения выборных от работ на время исполнения ими их обязанностей, место и время выборов предварительно обсуждаются в совместном заседании комитета и представителей администрации заведения и устанавливаются взаимным соглашением обеих сторон».

Согласно п. 9 этого положения, предметами ведения рабочих комитетов являются: «а) представительство рабочих перед администрацией заведения по вопросам, касающимся взаимоотношений между предпринимателями и рабочими, как-то: о заработной плате, рабочем времени, правилах внутреннего распорядка и т. п.; б) разрешение вопро-

сов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими заведений; в) представительство рабочих в их сношениях с правительственными и обществен ными учреждениями; г) заботы о культурно-просветительной деятельности среди рабочих заведения и о других мероприятиях, направленных к улучшению их быта».

Рабочие прошли мимо этой попытки Временного Правительства охолостить их важнейшую революционную организацию. Правительственное положение о комитетах нигде не осуществлялось. Оно лишний раз только разоблачало лицо Временного Правительства, как прямого и открытого агента капитализма.

О военнопромышленных комитетах см. примечание 51-е.

[13]) Имеется, очевидно, в виду образование коллегиальных органов областного управления, объединяющих ряд губерний, о чем было объявлено в декларации Временного Правительства 8 июля (см. примечание № 6).

[14]) Экономический Совет был основан 21 июня «для выработки общего плана организации народного хозяйства и труда, а также для разработки законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни». Совет был организован при Временном Правительстве под председательством министра-председателя или его заместителя. В него вошли: все министры, представители от Совета Р. и С. Д. — 3 делегата, от Совета съездов промышленности и от банков — 3 делегата, от кооперативов — 3, от Совета съезда биржевой торговли и сельского хозяйства — 3, от Совета съездов мелкой и средней промышленности — 1, от профессоров — 3, союза городов — 1 и т. д.

Организация Экономического совета была данью Временного Правительства меньшевистским настояниям установить видимость государственного контроля над частным капиталом. На деле все ограничилось законом об его создании, так как Временное Правительство, как орган буржуазии, не имело какого-либо намерения действительно в чем-либо ограничить интересы капиталистов, а меньшевики в качестве верных агентов буржуазии, связанных к тому же коалиционной политикой, не решались противопоставить частно-капиталистическим интересам какие-либо серьезные мероприятия, ограничивающие хищничество капиталистов.

[15]) Установление Временным Правительством твердых цен на предметы широкого потребления носило лишь декларативный характер, поскольку в отношении торговли, так же как и в отношении капиталистических предпринимателей, правительство не решалось предпринимать никаких мер, действительно ограничивающих хищническую спекуляцию.

[16]) Главный Экономический комитет был таким же бумажным учреждением, как и Экономический совет. Просуществовав четыре месяца, он даже не приступил к решению тех задач, о которых говорит Прокопович в своей речи.

[17]) Так называемый «Голодный бунт» в Астрахани был вызван распоряжением городской продовольственной управы уменьшить хлебный паек с $^3/_4$ фунта до $^1/_2$ фунта. 9 августа рабочие на заводах, лесных пристанях, трамваях, извозчики и др. в знак протеста объявили о прекращении работ. Рабочие с окраин собрались в центре города, окружили здание городской управы, требуя хлеба. В ответ на это город был объявлен на военном положении, вся власть над городом передана начальнику гарнизона, и началась расправа с «бунтовщиками».

[18]) Особое совещание по топливу, «Осотоп», учреждено царским правительством 17 августа 1915 г. для объединения мероприятий по обеспечению топливом.

[19]) О всеобщей забастовке в Москве — см. предисловие.

[20]) I Государственная Дума просуществовала от 27 апреля по 9 июля 1906 г., имела всего 38 заседаний.

По партийному составу в ней преобладали кадеты — 166 депутатов, за ними шли трудовики — 98, беспартийных — 87, с.-д. — 18, польское коло — 35, мирнообновленцев — 37, партии демократических реформ — 4, правых — 54.

В. И. Ленин о I Думе писал:

«Начинает работать Дума. Маленьким расширением свобод народ пользуется вдесятеро больше кадетов. Кадетская Дума моментально оказывается позади народа по своему настроению и решительности. Эпоха кадетской Думы (май и июнь 1906 г.) оказывается эпохой наибольших успехов партий, стоящих левее кадетов: трудовики обгоняют кадетов в Думе, на народных собраниях порицают кадетов за робость, растет пресса с.-д. и с.-р., усиливается революционное крестьянское движение, брожение в войсках, оживляется пролетариат, истощенный декабрем. Эпоха кадетского конституционализма оказывается эпохой не кадетского и не конституционного, а революционного движения. Это движение заставляет распустить Думу». «Объективная причина гибели кадетской Думы не в том, что она не сумела выразить нужды народа, а в том, что она не осилила революционной задачи борьбы за власть»...

(Сочинения, т. X, стр. 7—9).

[21]) Это требование «ответственной и единой власти» в организации командования армией было выставлено всеми командующими фронтами еще на совещании в Ставке главнокомандующего, происходившем 16 июля 1917 г. под председательством Керенского. На этом совещании министр-председатель и министр иностранных дел не только согласились с требованиями генералов, но заявили, что Временное Правительство «занято теперь разработкой мер, которые идут иногда даже дальше, чем предполагает генерал Деникин». (Деникин требовал уничтожения армейских комитетов, правительственных комиссаров, восстановления в армии старой дисциплины и власти командиров и создания «отборных, законопослушных частей», «как опору против военного бунта...».)

По существу эта же программа осталась и ко времени Государственного Совещания. Требования военной клики здесь горячо защищались представителями буржуазии, при дружных аплодисментах всего собрания.

[22]) Трудовики, или трудовая партия организовалась после революции 1905 г., перед выборами в I Государственную Думу. В I Государственной Думе она шла сначала вместе с кадетами и только под конец блокировалась с с.-д. фракцией. Трудовики отражали интересы более зажиточной части крестьянства. Они внесли в Государственную Думу свой аграрный проект, в котором требовали конфискации всех земель казенных, а также частновладельческих с выкупом за счет государства. После Февральской революции трудовики объединились с партией народных социалистов, образовав одну трудовую народно-социалистическую партию.

Народно-социалистическая партия (н.-с.) была также организована в 1905 году оппортунистическим кружком литераторов-народников, группировавшихся около журнала «Русское Богатство». Партия считала легализацию непременным условием своей деятельности и ради этого шла на крупные программные и тактические компромиссы. После Февральской революции н.-с., как и трудовики, сошлись на старой программе трудовиков и фактически ничем не отличались от кадетов. Они не играли никакой роли в Февральской революции, оставаясь небольшой литературной группкой, не умевшей создать какой бы то ни было массовой организации. Лидеры н.-с.: В. А. Анисимов, Н. П. Огановский, В. А. Мякотин, А. Н. Пешехонов (министр во Вр. Пр-ве).

[23]) II Государственная Дума просуществовала от 20 февраля 1907 г. до 2 июня 1907 г. По партийному составу во II Государственной Думе было: с.-д. — 65, с.-р. — 36.

трудовиков — 101, народных социалистов — 15, мусульманской фракции (примыкавшей к левым) — 28, к.-д. — 91, польское коло (примыкавшее к к.-д.) — 46, партия демократич. реформ — 1, октябристов — 43, беспартийных (примыкавших к правым) — 62, крайних правых (членов союза русского народа) — 12.

О II Государственной Думе В. И. Ленин в статье: «Близкий разгон Думы и вопросы тактики» пишет следующее:

«Для правительства созыв Думы был вынужденной необходимостью. Надо было попытаться еще раз при наивысших возможных репрессиях созвать народное представительство ради соглашения с буржуазией. Опыт явно не удался. Военно-полевые суды и все прочие прелести столыпинской конституции чрезвычайно помогли революционной агитации в незатронутых дотоле массах и дали из глубины мужицких масс левую Думу.

Кадеты, эта партия центра в русской революции, ослаблены по сравнению с первой Думой. Кадеты поправели несомненно, но при такой Думе, в такой момент правительство совершенно не в состоянии заключать с ними сделки. С октябристами кадеты могли бы слиться, и они неуклонно идут к этому: достаточно назвать г. Струве и г. Головина. Но в том-то и особенность данного положения, что нет кадетско-октябристского большинства в Думе. Весь «центр» безнадежно раздавлен обостренной борьбой крайних: монархистами справа и левой частью Думы. Эта часть достигает двух пятых. Ее роль в Думе громадна. Ее влияние в народных массах очень велико. Ее растущая связь с этими массами не может быть оборвана никакими полумерами. Разгон Думы диктуется для правительства необходимостью: не прибегая к насилию, оно не в состоянии выпутаться из создавшегося положения»...

(Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 27).

Аграрный вопрос, как и в I Думе, был самым важным вопросом, из-за которого царское правительство с самого начала решило и II Думу распустить. В. И. Ленин дает следующую характеристику отношения различных партий во II Думе к вопросу о земле: «1) правые и октябристы, разница между ними, как увидим, во II Думе сколько-нибудь существенно не проявлялась; 2) кадеты; 3) правые и октябристские крестьяне, стоящие, как увидим, левее кадетов; 4) беспартийные крестьяне; 5) народники или трудовики-интеллигенты, стоящие несколько правее 6) трудовиков крестьян, затем 7) социалисты-революционеры; 8) «националы», представители нерусских народностей, и 9) социал-демократы».

Сделав подробный разбор отношения к аграрной программе каждой из этих групп, В. И. Ленин подводит итог аграрным прениям во II Думе:

«Правые помещики обнаружили самое ясное понимание своих классовых интересов, самое отчетливое сознание условий как экономических, так и политических, сохранение своего господства, как класса, в буржуазной России. Либералы по существу примыкали к ним, пытаясь предать мужика в руки помещика посредством самых презренных и лицемерных приемов. Народнические интеллигенты вносили в крестьянские программы привкус бюрократизма и мещанского резонерства. Крестьяне самым бурным и непосредственным образом выразили стихийную революционность своей борьбы против всех остатков средневековья и всех форм средневекового землевладения, не вполне отчетливо сознавая политические условия этой борьбы и наивно идеализируя «обетованную землю» буржуазной свободы. Буржуазные националы примыкали к крестьянской борьбе более или менее робко, будучи в значительной степени проникнуты узкими взглядами и предрассудками, порожденными особенностью мелких народностей. Социал-демократы решительно защищали дело крестьянской революции, выявляя классовый характер современ-

ной государственной власти, но не были в состоянии последовательно руководить крестьянской революцией вследствие ошибочности партийной аграрной программы».

(Сочинения, т. XI, стр. 459, 491).

[24]) В правительственной декларации, зачитанной 8 марта 1907 г., председателем совета министров было обещано проведение ряда реформ, из которых многие, по словам министра, уже были проведены в порядке 87 статьи. При этом Столыпин ссылался на проведенный закон 4 марта о свободе собраний и союзов. (Этот закон фактически, как известно, запрещал союзы, которые преследуют «цели, угрожающие общественному спокойствию или безопасности», передавал все общество в руки «органов административной юстиции», отмечал, что «отношение правительственной власти к политическим обществам должно определяться в зависимости от условий времени и места» и т. д.) Самое чтение декларации Столыпин закончил предупреждением: если Дума выдвинет иную но «общей мысли» программу, правительство само «решит добросовестно, совместима ли она с благом государства, с его укреплением и возвеличением...»

Эта речь была встречена «молчанием», и Государственная Дума подавляющим большинством приняла формулу перехода к очередным делам, не выражающую ни доверия, ни порицания.

К.-д. усиленно доказывали, что во имя лозунга «беречь Думу во что бы то ни стало» необходимо оставить без ответа декларацию правительства. Больше того — они предлагали во время чтения с.-д. декларации покинуть в знак протеста зал заседаний.

От имени с.-д. фракции выступил И. Г. Церетели. Его речь вызвала взрыв возмущения правых, несмотря на то, что в декларации меньшевиков, как указывали большевики, не было ни слова о социализме, не дана была оценка текущего момента, не была ясно выражена с.-д. аграрная программа и т. д., наконец, в декларации было подчеркнуто: «с.-д. фракция старается опираться на законные права Думы...»

Столыпин в своей ответной речи грозно напомнил: что «Государственной Думе волей монарха не дано право выражать правительству неодобрение, порицание или недоверие», что нападки с.-д. не вызовут паралича власти, что министерская скамья — не скамья подсудимых и т. д.

Разбор тактики меньшевиков во II Государственной Думе дал В. И. Ленин в ряде статей, см. XI том Сочинений.

[25]) III Государственная Дума была созвана 1 ноября 1907 г. на основании закона 3 июня 1907 года.

Ленин дает следующую оценку этому закону: «Избирательный закон 3 июня 1907 года (столыпинский) всего больше «разгромил» выборные права именно крестьян. Достаточно напомнить, что число выборщиков от землевладельцев этот закон увеличил с 1 952 до 2 594, т. е. на 32,9%, а число выборщиков от крестьян и казаков уменьшил более чем вдвое: с 2 659 до 1 168, т. е. на 56,1%. Кроме того, по закону 3 июня депутаты в Думу от крестьянской курии (официальное название: «от съезда уполномоченных от волостей») выбираются не крестьянскими только выборщиками, как прежде, а всем составом губернских избирательных собраний, т. е. большинством помещиков и крупных капиталистов».

(Сочинения, т. XV, стр. 362).

Новая выборная система лишала рабочих и целые группы крестьян права выборов; было введено повышение имущественного ценза; количество депутатов сокращено с 520 до 442. Партийный состав III Думы: октябристов — 125, правых (членов союза русского народа) — 51, группа правых октябристов — 11, националистов и примыкавших к правым — 90, к.-д. — 53, трудовиков — 14, с.-д. — 15, прогрессистов

и мирнообновленцев — 39, беспартийных — 17, группа польского коло — 11, польско-литовско-белорусская группа — 7, мусульманская группа — 9. Председатель Думы — октябрист А. И. Гучков, и весь президиум — правый. Дума поддерживала безоговорочно царское правительство и просуществовала пять лет, уступив место такой же черносотенной IV Думе.

Характеристику III Думы дает резолюция декабрьской конференции партии в 1908 году «О современном моменте и задачах партии», принятая на основе проекта резолюции, предложенного В. И. Лениным:

«а) Старое крепостническое самодержавие разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лжеконституционными формами. Открыто закреплен и признан государственным переворотом 3 июня и учреждением III Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии. Став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы, самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала. Их мелкие раздоры используются для поддержания абсолютизма, который вместе с этими классами ведет бешеную борьбу с обнаружившими свою силу в недавней массовой борьбе социалистическим пролетариатом и демократическим крестьянством. б) Таким же буржуазным характером отличается и аграрная политика современного царизма. Он потерял всякую веру в наивную преданность крестьянской массы монархии. Он ищет союза с богатыми крестьянами, отдавая им деревню на разграбление. Самодержавие делает судорожные усилия, чтобы поскорее сломать все общинно-надельное землевладение и укрепить исключительно частную поземельную собственность...»

(Собр. сочинений В. И. Ленина, т. XI, ч. II, приложение, стр. 532).

[26]) 7 июля, в 7 часов вечера, генерал Корнилов принял командование всем Юго-Западным фронтом. В тот же день он послал Временному Правительству телеграмму, в которой говорилось: «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, ... бежит... Это бедствие может быть прекращено, и этот стыд или будет снят революционным правительством, или, если оно не сумеет этого сделать, неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди... Выбора нет: революционная власть должна стать на путь определенный и твердый... Необходимо немедленно... введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий... Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов...»

На другой день, 8 июля, в 11 часов утра, сообщая верховному главнокомандующему генералу Брусилову о прорыве на фронте, Корнилов категорически заявляет: «Нахожу безусловно необходимым»... применение «исключительных мер, включительно до введения смертной казни на театре военных действий»... Копии этой телеграммы посылаются Керенскому, Львову и Савинкову. Брусилов немедленно телеграфировал Временному Правительству, что он считает «безусловно необходимым немедленное проведение в жизнь мер, просимых генералом Корниловым».

8 же июля Корнилов, не дожидаясь правительственной санкции своих предложений, в порядке боевого приказа, послал всем командующим армиями и комиссарам телеграмму, в которой предлагал, в случаях самовольного ухода с позиций, «не колеблясь» применять «против изменников огонь пулеметов и артиллерии...»

9 июля министр-председатель Керенский по телеграфу подтвердил и одобрил все мероприятия Корнилова, приказывая не стесняться применять оружие как к целым вой-

сковым частям, так и к отдельным чинам, виновным в неисполнении боевых приказов, в призыве или агитации к этому.

Это распоряжение было немедленно передано в виде боевого приказа по всем частям.

[27]) Архиепископ Платон — представитель черносотенного духовенства. Даже на церковном соборе, происходившем в Москве во время Государственного Совещания, где к.-д. были наиболее левыми, он, по словам Введенского, «выделялся, как ярый черносотенец» («Церковь и Государство» А. Введенского).

[28]) Имеется в виду форма присяги, утвержденная Временным Правительством 7 марта. Присяга по своей формулировке мало чем отличалась от присяги царского времени. Присягавший клялся «перед богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству, как своему отечеству...», обязывался «повиноваться Временному Правительству, ныне возглавлявшему Российское государство, впредь до установления воли народа Учредительным Собранием», «повиноваться всем поставленным... начальникам» и т. д. Присяга заканчивалась словами: «В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знамением...» и т. д., для магометан вместо этой фразы была: «Заключаю сию мою клятву целованием преславного Корана...» и т. д.

К этой присяге и солдатские рабочие массы отнеслись резко-отрицательно. Петроградский Совет Р. и С. Д., считая «текст присяги неприемлемым», 12 марта поручил И. К. «войти в переговоры с Временным Правительством для выработки формы присяги». «До выработки же новой формулы присяги к опубликованной присяге не приводить, а где это сделано, считать присягу недействительной». Временное Правительство вынуждено было пойти на уступки и отменить эту присягу до разрешения вопроса Учредительным Собранием.

[29]) Всероссийский съезд старообрядцев всех толков в Нижнем-Новгороде 26 июня 1917 г. выразил Керенскому полное доверие, обещая «горячему патриоту, покинутому единомышленниками», и правительству «готовность всемерно помогать... в тяжелую годину испытаний».

По земельному вопросу тот же съезд высказался за выкуп помещичьей земли по «справедливой оценке», т. е. за кадетскую программу. И на этом съезде и на Государственном Совещании от имени старообрядцев выступали старообрядческие верхи — богатые фабриканты и купцы.

[30]) Об этой «братской» и «свободной» жизни казачества свидетельствуют следующие факты: в 1845 году донским офицерам стали отводить участки из войсковых земель на 15-летний срок, причем обер-офицерам давали по 200 десятин, штаб-офицерам по 400, а генералам отставным — 800, служащим — 1 600 десятин. Вскоре эти участки перешли в пожизненное владение, вместо пенсий. Войсковые генералы и чиновники пожизненным владением не удовлетворились и решили закрепить эти земли за своим потомством. Александр II подписал их проект. По этому проекту 1 187 741 десятина земли должны были быть отняты у казаков и закреплены в потомственное владение донских чиновников. Когда началась разверстка земель, то оказалось, что имеется в наличности только 500 000 десятин, каковые и были закреплены в потомственное владение за помещиками — донскими офицерами и чиновниками. Действительный размер классовых противоречий в казачестве вскрылся в процессе гражданской войны, которая подняла против казачьих верхов огромные казачьи массы.

[31]) Политическая платформа Всероссийского Совета Кр. Д. исчерпывалась прямой и безоговорочной поддержкой Временного Правительства.

В вопросе о войне Совет считал, что необходимо «вести активную защиту страны, не останавливаясь ни перед какими жертвами и приняв самые решительные меры к под-

нятию боевой силы армии как для оборонительных, так и наступательных действий». Его платформа по вопросу о земле сводится к признанию невозможности немедленной передачи земли крестьянам и к призыву ждать разрешения аграрного вопроса до Учредительного Собрания.

1-й Всероссийский Съезд Кр. Д. происходил в Петрограде 4—28 мая. Председательствовал на съезде Н. Д. Авксентьев. На этом съезде был избран И. К. Совета Кр. Д., в составе: от с.-р. — В. М. Чернов, Е. К. Брешко-Брешковская, А. Ф. Керенский, В. Н. Фигнер, П. В. Вихляев, Н. Д. Соколов, П. П. Рубанович, Н. Д. Авксентьев, И. Н. Бунаков, Н. Я. Быховский, Н. Д. Кондратьев, С. С. Маслов, М. В. Вишняк, С. Л. Маслов, В. А. Кильчевский, В. К. Вольский, Г. Покровский, В. Я. Гуревич, А. Р. Гоц; трудовики — Н. В. Чайковский, Г. А. Мартюшин, И. Е. Пьяных, М. Е. Березин, В. И. Дзюбинский; от н.-с. — Н. П. Огановский, В. А. Мякотин; беспартийные — В. М. Никитин, П. А. Сорокин, А. Е. Тесля, И. П. Пасечный. Президиум И. К. состоял только из одних с.-р.: председатель — Н. Д. Авксентьев, товарищи председателя — И. Н. Бунаков-Фундаминский, Мартюшин, Г. Покровский.

Самый Съезд целиком прошел под руководством правых с.-р. В резолюции по земельному вопросу Съезд высказал ряд принципиальных положений о необходимости «перехода всех земель... в общенародное состояние... без всякого выкупа», социализации земли и т. д., но самое осуществление своей программы откладывал «до созыва Учредительного Собрания», ждал от Временного Правительства «всемерного содействия свободному проявлению воли трудового народа в области подготовки и осуществления перед Россией великого земельного переустройства» и категорически запрещал крестьянам «явочные и захватные действия», запашку помещичьих земель и прочие «неправомерные поступки», «способные затруднить и осложнить дело реформы...». Временному Правительству Съезд выразил полное доверие, одобрил коалицию с буржуазией и участие социалистов в правительстве. По вопросу о войне Съезд принял социал-шовинистическую резолюцию, горячо поддержал готовившееся на фронте наступление и предлагал «принять самые решительные меры к поднятию боевой силы армии как для оборонительных, так и наступательных действий».

[32]) Академический союз — организация либеральной профессуры в 1905—1906 г.г. После кровавого воскресенья, 9 января 1905 года, 12 января была опубликована записка 342 ученых о нуждах русской школы. Эту записку и нужно считать первоначальной программой академического союза. 25—28 марта 1905 года в Петербурге был первый делегатский съезд академического союза. Платформа съезда говорила об «объединении деятельности ученых и высших учебных заведений для достижения академической свободы и автономии». На следующем съезде в Москве, 25 августа 1905 года, академический союз по поводу «академической свободы» и «автономии» требовал, чтобы новый академический закон до внесения его в Гос. Думу «был представлен на обсуждение профессорских коллегий».

Оформление политических группировок сделало ненужным академический союз, и его члены разбились по политическим партиям.

После Февральской революции академический союз возродился на съезде в Москве 7 июня 1917 г. Союз открыто защищал интересы крупной буржуазии, поддерживал Временное Правительство всех созывов и кадетскую партию.

[33]) Всероссийский учительский союз — организовался в 1905 г. Бойкотировал выборы в I-ю Государственную Думу. В июне 1906 г. состоялся съезд союза в Финляндии. На этом съезде было решено от бойкота выборов в Государственную Думу отказаться и отдать голоса трудовикам. Осенью 1906 г. союз был разгромлен царским правительством.

В 1917 г., несмотря на все попытки близких к кадетам элементов воссоздать союз как политическую организацию, он никакой политической роли не играл.

[34]) Всероссийская лига равноправия женщин организовалась в Москве 8 апреля 1917 г. В нее вошли: московское общество вспомоществования женщин врачей, комиссия защиты прав еврейских женщин, московское общество женщин юристок, общество мусульманских женщин, всероссийский женский республиканский демократический союз и др. Политическая платформа лиги: поддержка Временного Правительства, доведение войны до победного конца, демократическая республика. По вопросу об участии женщин в выборах в Учредительное Собрание лига требовала издания Временным Правительством закона об избирательных правах женщин.

[35]) Вечером 29 апреля военный и морской министр А. И. Гучков заявил Временному Правительству о своем решении уйти в отставку. 30 апреля он послал на имя министра-председателя следующее письмо: «Милостивый государь, князь Георгий Евгеньевич. Ввиду тех условий, в которые поставлена правительственная власть в стране, а в частности власть военного и морского министра в отношении армии и флота, условий, которых я не в силах изменить и которые грозят роковыми последствиями армии и флоту, и свободе, и самому бытию России, — я по совести не могу долее нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины, и потому прошу Временное Правительство освободить меня от этих обязанностей».

Выступая того же 30 апреля на съезде делегатов с фронта, А. И. Гучков в длинной речи перечислял все свои заслуги перед армией и фронтом и свой уход объяснял невозможностью работать «в угаре», когда «зашли за ту роковую черту, за которой начинается... разрушение армии». На частном совещании членов Государственной Думы 4 мая Гучков определенно заявлял, что у него руки связаны, что только поэтому он должен уйти в отставку и уступить место тем, у кого руки свободны.

5 мая Временное Правительство приняло отставку Гучкова.

Вся деятельность Гучкова была направлена против прав солдат, за твердую и единую власть, за крепкую дисциплину. В. И. Ленин называет Гучкова одним из наиболее «цинично откровенных представителей империализма» и причину его ухода объясняет тем, что «через Гучкова нельзя было увлечь массы на продолжение империалистской, захватной войны, войны из-за дележа колоний и аннексий вообще».

«Гучков, — писал Ленин, — только еще грозится применять насилие против масс, а Керенскому пришлось осуществлять эти угрозы...»

[36]) М. В. Родзянко — один из лидеров партии 17 октября. Эта партия создалась из правого меньшинства земских съездов 1904—1905 г.г., из реакционной крупной буржуазии и из элементов царской бюрократии.

В Думах всех созывов октябристы неуклонно поддерживали царское правительство; во время империалистической войны, в моменты поражений, опасаясь революции, разыгрывали комедию оппозиции.

[37]) Имеется в виду поездка в Киев Церетели, Керенского и Терещенко для переговоров с Радой (см. примечание 9-е).

[38]) IV Государственная Дума, колеблясь между рабским послушанием царскому правительству и словесной буфонадой против него в дни поражений на фронте или подъема революционного движения, просуществовала до самой Февральской революции. Безусловно, у наиболее дальновидных лидеров буржуазии был план превратить Государственную Думу в источник новой власти в том случае, если не удастся предотвратить победы революционного движения в стране. Этот план не был осуществлен, по-

скольку Государственной Думе не удалось ни уговорить царизм пойти на уступки, ни заменить победоносную революцию парламентской болтовней, ни возглавить Февральскую революцию в качестве «законного» парламента России. Хотя формально Государственная Дума была распущена Временным Правительством только непосредственно перед Октябрем, фактически в течение Февральской революции она уже не играла никакой политической роли.

Наибольший политический след в истории страны оказала в Государственной Думе небольшая группка в 5 большевистских депутатов (Бадаев, Муранов, Петровский, Шагов и Самойлов), которая вплоть до ареста (в ноябре 1914 г.) и ссылки в Сибирь (в феврале 1915 г.) играла роль легального центра нелегальной большевистской партии.

[39]) И. Г. Церетели — бывший депутат II-й Государственной Думы, лидер грузинских меньшевиков, сделавшийся после Февральской революции лидером русских меньшевиков, наиболее последовательный сторонник соглашательства меньшевиков с буржуазными партиями, стоявшими за доведение войны до победы, за реакционную политику Временного Правительства.

[40]) Милюков — лидер партии к.-д. Конституционно-демократическая партия либеральной буржуазии образовалась в 1905 г. Учредительный съезд был в самый разгар октябрьской забастовки. В нее влились две основные группы: земцы конституционалисты — либеральные помещики, члены «союза освобождения» — представители буржуазно-демократической интеллигенции (П. Б. Струве со своим журналом «Освобождение») и лица свободных профессий. Основные пункты программы: парламентарная монархия с двумя палатами; отчуждение помещичьих земель, с выкупом «по справедливой (не рыночной) оценке»; улучшение быта рабочих с допущением, где возможно, 8-часового рабочего дня.

После Февральской революции к.-д. стали руководящей партией Временного Правительства всех созывов, сохраняя роль эту и тогда, когда у них не было формального большинства в правительстве.

[41]) События 20—21 апреля разыгрались в связи с опубликованием министром иностранных дел Милюковым 18 апреля ноты к союзникам, в которой он подтверждал верность Временного Правительства всем договорам царского правительства с союзниками и готовность продолжать войну до победного конца. Ответом на эту ноту явилось массовое выступление 20—21 апреля солдат Петроградского гарнизона и рабочих с лозунгами: «Долой Милюкова», «Да здравствует мир» и т. д. Во время демонстраций произошел ряд столкновений с патриотическими манифестациями, в результате которых было много раненых и убитых. Милюков был вынужден уйти в отставку. Правительственный кризис разрешился только 5 мая.

Обращение Временного Правительства, о котором говорит Милюков, было опубликовано 26 апреля. В этом обращении, указав на поставленные им себе задачи и их выполнение, Временное Правительство говорит, что «трудности задачи... грозят сделаться неодолимыми. Стихийные стремления осуществить желания и домогательства отдельных групп и слоев населения явочным и захватным путем... грозят разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину... Такое положение угрожает привести к распаду внутри и к поражению на фронте». Призывая к укреплению власти, Временное Правительство сообщает, что оно «с особой настойчивостью возобновит усилия, направленные к расширению его состава путем привлечения к ответственной государственной работе представителей тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством». (Речь идет о коалиции к.-д. с меньшевиками и эсерами.)

[42]) Вопрос об отмене дореволюционных порядков в армии, ставивших солдат в совершенно бесправное положение и в полную зависимость от командного состава, был поставлен прежде всего самими солдатами — непосредственными участниками революции.

Под диктовку этих солдатских масс 1 марта Совет Р. и С. Д. издал «Приказ № 1 по гарнизону Петроградского округа». Этот приказ предлагал всем воинским частям: «1) немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов», 2) избрать представителей в Совет Р. Д., 3) подчиняться «во всех своих политических выступлениях» Совету Р. и С. Д. и комитетам, 4) исполнять приказы военной комиссии Государственной Думы, если они не противоречат приказам и постановлениям Совета. Пункты 5-й — 8-й приказа гласили:

«5. Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но в частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

8. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и в частности обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов».

Этот приказ Совета по Петроградскому гарнизону получил широкое распространение в тылу и на фронте, но под давлением правительства 5 марта меньшевистско-эсеровский Совет издал приказ № 2, значительно ограничивающий значение приказа № 1.

Одновременно по соглашению с верхами Совета Временное Правительство издает, за подписью военного министра Гучкова, приказ № 114 по военному ведомству, которым Временное Правительство пытается свести на-нет приказ № 1. Приказ Гучкова предлагал: 1) заменить наименование «нижний чин» наименованием «солдат», 2) «отменить титулование», заменив обращениями: «господин генерал, господин полковник...» и т. д., 3) обращаться к солдатам на «вы», 4) отменить существовавшие запрещения для воинских чинов курения на улицах и в общественных местах, посещения клубов и собраний, езды внутри трамваев, участия в политических союзах и обществах и т. д.

Дальнейшая разработка положения о правах солдат была передана особой комиссии под председательством генерала Поливанова.

Одновременно продолжал работать и Совет С. Д., который 9 марта принял постановление об общих правах солдат. Это постановление уже не было опубликовано Советом в виде приказа, а было передано, как материал, в правительственную комиссию.

В этой комиссии Поливанова постановление Совета тщательно было отредактировано и, конечно, не в пользу солдат. К целому ряду пунктов были сделаны такие оговорки, что эта декларация прав солдата, по определению июньской Всероссийской конференции военных организаций Р. С.-Д. Р. П., явилась «в целом ряде важнейших пунктов... декларацией бесправия солдат». В этом же постановлении конференции указываются эти важнейшие пункты. Так, п. 3, предоставляющий солдатам права «свободно и открыто высказывать и исповедывать устно, письменно или печатно свои политические,

религиозные, социальные и прочие взгляды», сводится к нулю указанием, что все эти права предоставляются военнослужащим во «внеслужебное время». Пункт 10-й, который говорил об отмене денщиков, заменял денщиков вестовыми. Пункт 14-й, категорически заявлявший: «Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда», следующей же фразой в этом же пункте фактически отменялся: «но в боевой обстановке начальник имеет право под своей личной ответственностью принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против неисполняющих его приказания подчиненных». Конференция заявляла, что этот пункт — «позор и издевательство над свободой и над правами солдата-гражданина». Последний пункт декларации — 18-й, по которому: «Право назначения на должности, и в указанных законом случаях временного отстранения начальников всех степеней от должностей, принадлежит исключительно начальникам»..., конференция оценила, «как оставление основ старой постоянной армии и проведение в жизнь реакционной программы Гучкова».

Еще до издания декларации, в конце апреля она была послана в окончательной редакции в Ставку, откуда была разослана главнокомандующим всех фронтов. 1—2 мая происходит совещание главнокомандующих в Могилеве. Их отношение к изданию декларации было резко отрицательное: Брусилов, говоря о возможности наступления, заявлял: «Однако, если выйдет приказ с декларацией, то наше дело безнадежно... С введением декларации я уйду в отставку...» Генерал Алексеев определенно присоединился к заявлению Брусилова: «Этому многие последуют, начиная с меня». Генерал Щербачев: «Если декларация будет объявлена, все рушится». Генерал Гурко говорил, что отмена обязательного отдавания чести (пункт 12-й) «есть узаконенное право солдата наносить оскорбление своему начальнику» и т. д. и т. д. Самое чтение декларации прерывалось возгласами: «Это такой абсурд!»

Генерал Алексеев, зачитывавший декларацию, закончил ее замечанием: «Наше горе в том, что мы вместо составления устава внутренней службы стараемся объявить вырванные отдельно права и ни слова не стараемся говорить об обязанностях».

О том же в один голос заявляли главнокомандующие и 4 мая на совместном заседании с Временным Правительством и представителями И. К. Совета Р. и С. Д. Им никто не возражал. Но требование солдатской массы об издании декларации было настолько сильно, что декларацию пришлось издать. 11 мая она была подписана и опубликована в виде приказа по армии и флоту, за подписью военного и морского министра А. Ф. Керенского.

Массовые резолюции протеста отдельных воинских частей и фронтовых съездов требовали пересмотра декларации в целом и отмены ряда пунктов. Агитация меньшевиков и с.-р. за декларацию не имела у солдат никакого успеха. Июльская конференция военных организаций только подытожила эти массовые требования в своей резолюции: «...декларация должна быть отменена и заменена другой декларацией — широких прав солдата, соответственно принципам демократии».

[43]) Этого документа ни в газетах, ни в делах архива найти не удалось.

[44]) Имеется в виду постановление Временного Правительства от 2 августа 1907 г.: «О принятии мер против лиц, угрожающих обороне государства, его внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе». В этом постановлении, изданном за подписью министра председателя А. Ф. Керенского и министра юстиции Зарудного, военному министру и министру внутренних дел, «по взаимному их соглашению», предоставлялись «исключительные полномочия»:

«I. 1) Постановлять о заключении под стражу лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей обороне государства, внутренней его безопасности и завое-

ванной революцией свободе, 2) предлагать указанным в пункте 1-м лицам покинуть в особо назначенный для сего срок пределы государства Российского с тем, чтобы в случае невыбытия их или самовольного возвращения они заключались под стражу в порядке пункта 1-го настоящего постановления.

II. Предоставить военному министру и министру внутренних дел установить правила о порядке принятия мер, указанных в отделе I».

Эти исключительные меры пресечения, по постановлению Временного Правительства, были направлены в первую очередь против лиц, наносящих «непоправимый вред делу революции и самому государству Российскому» злоупотреблениями «свободой, дарованной революцией». Они должны были «в боевых и революционных условиях жизни» «предотвратить возможность преступным замыслам дозревать до начала их осуществления», — применение одного судебного воздействия признавалось уже недостаточным, чтобы «в самом корне пресекать... опасную для государства деятельность отдельных лиц».

Таким образом этот закон предоставлял министрам Временного Правительства право ареста, высылки, заключения любого гражданина без всякого суда. (См. «Вестник Временного Правительства», № 127, от 10 августа.)

[45]) В. В. Руднев — член центрального комитета с.-р., — городской голова Москвы после перевыборов городской думы, в июле 1917 г., когда большинство получили с.-р. и меньшевики.

[46]) Астров — член Ц. К. партии к.-д., бывший городской голова Москвы, представлял кадетскую часть московской городской думы, после перевыборов в июле 1917 г. оказавшейся в меньшинстве.

[47]) А. А. Исаев — меньшевик, председатель московского союза городских служащих, член московской городской управы.

[48]) Всероссийский союз городских и земских служащих создался из двух прежде самостоятельных союзов: городских служащих и служащих в земствах. Эти два союза слились на съезде в Москве 1—4 июля 1917 г. Съезд по партийному составу состоял из: меньшевиков — 34, с.-р. — 40, большевиков — 7, трудовиков — 9, к.-д. — 6. На съезде была принята меньшевистско-эсеровская платформа, в основу которой были положены постановления I Всероссийского Съезда Советов.

[49]) Совет депутатов трудовой интеллигенции организовался в Москве 4 мая 1917 г. по инициативе комитета общественных организаций. Совет формально объединял профессиональные и профессионально-политические организации лиц, живущих интеллигентным трудом. Такие же советы были организованы в ряде губернских городов. Фактически же это были подсобные кадетские организации как по своему составу, так и по руководителям.

[50]) Союз Союзов служащих во всех отраслях сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности возник из союзов провинциальных земских служащих. На съезде в июле 1917 г. союз объединил служащих земских и сельских хозяйств, в том числе и служащих частных предприятий и служащих помещичьих имений, вплоть до управляющих.

[51]) Военно-промышленные комитеты были организованы российской буржуазией в 1915 г. со следующими задачами: 1) создать политический буржуазный центр, 2) организовать перекачку государственных средств через военные заказы в руки капиталистов и 3) втянуть рабочих в русло буржуазных организаций. В наибольшей степени удавшейся надо считать вторую задачу. Совершенно неудавшейся надо признать третью задачу, поскольку никого, кроме заведомых ликвидаторов и предателей рабочего класса, не имев-

ших никакого влияния в широких рабочих массах, Гучкову и Рябушинскому не удалось втянуть в свои ряды.

Во главе Киевского областного военно-промышленного комитета стоял известный сахарозаводчик М. И. Терещенко.

[52]) Пироговское общество было основано в 1882 году под названием «Русское хирургическое общество в память Н. И. Пирогова». На съезде 5 апреля 1917 г. переименовано во Всероссийский союз врачей. Политическая платформа союза отличалась от кадетской только некоторыми более либеральными формулировками. Профессиональные требования: организация союзом врачебно-санитарного дела впредь до созыва Учредительного Собрания; практическое ведение врачебно-санитарного дела сосредоточить в руках земств и городов и самоуправляющихся больничных касс.

[53]) Общество петроградских врачей было основано в 1882 г. и входило в Пироговское общество, а затем во Всероссийский союз врачей.

[54]) Временным Правительством был учрежден при военном и морском министерстве комитет военно-технической помощи, куда входили военные врачи и инженеры. 18 апреля 1917 г. в Петрограде был созван съезд врачей армии и флота, выработавших платформу Всероссийского союза военных врачей, в которой заявлялось о полной поддержке Временного Правительства; о необходимости вести войны до «уничтожения германского империализма»; о введении 8-часового рабочего дня, но «не в настоящий момент войны».

[55]) Московский совет присяжных поверенных составлял часть Всероссийского союза юристов, объединившихся на съезде в Москве 14 мая 1917 г. Союз ставил своей целью: «объединить русских юристов, практиков и теоретиков для содействия правовой жизни России, для укрепления правового строя в России, а также для совместной разработки вопросов и права» и «возродить и воспитать в русском обществе уважение к самой идее права». (См. «Утро России», № 119 от 14 мая 1917 г.)

[56]) Всероссийский союз георгиевских кавалеров был учрежден еще при царском правительстве, назывался «думой георгиевских кавалеров», куда могли входить только офицеры, получившие георгиевские кресты. После Февральской революции союз объединил офицеров и солдат, «георгиевских кавалеров», и активно поддерживал все контрреволюционные мероприятия и выступления.

[57]) Всероссийский союз увечных воинов организован инвалидами империалистической войны — офицерами и солдатами. Союз требовал: «всей полноты власти Временному Правительству, а Советам Р. и С. Д. только право контроля; довести войну до победного конца; все земли: удельные, монастырские, церковные и частновладельческие передать государству, которое «наделит ими всех желающих и могущих обрабатывать личным трудом». На деле союз был контрреволюционной черносотенной организацией. Таков же был и Петроградский союз увечных воинов.

[58]) Союз эволюционного социализма — хилое создание интеллигентов из кадетов и правых меньшевиков. Он был центром той части интеллигенции, которой претил открыто буржуазный характер кадетской партии. Организаторами союза были матросы-интеллигенты — В. И. Аристархов, делегат от Черноморского флота — Розенберг, бывший меньшевик Борис Гуревич и др. К союзу примыкали выходцы из кадетской партии — профессор П. А. Гронский и Б. Велихов. Союз стремился объединить прогрессивно-демократические и умеренно-социалистические элементы. Союз стоял за поддержку Временного Правительства и доведение войны до победного конца.

[59]) Почтово-телеграфный союз возник в 1905 г., принимал участие в революции 1905 г. В конце 1906 г. был разгромлен царским правительством и снова организовался в мае 1917 г. Сначала в Москве, потом в Петрограде и провинции организовались четыре сою-

за: 1) почтальоны и низшие служащие почтамта, 2) телеграфисты, 3) железнодорожные почтовики и 4) чиновники. В первом союзе руководили большевики и сочувствующие им. Во втором и третьем союзе верховодили анархисты-синдикалисты и с.-р., а в последнем преобладало влияние меньшевиков. На всероссийском съезде в Петрограде, в июне 1917 г., все четыре союза объединились в один почтово-телеграфный. Избранный съездом центральный комитет союза состоял в большинстве из меньшевиков и с.-р., с которыми вступил в борьбу петроградский союз. Вскоре большинство провинциальных союзов присоединилось к большевистской части союза и требовало роспуска старого Ц. К., но Ц. К. не подчинился воле большинства провинциальных союзов и не созывал нового съезда до Октябрьской революции.

[60]) Грузинов представлял группу старых земцев цензовиков-дворян.

[61]) Салазкин представлял группу земцев, прошедшую по новым выборам и выставлявшую программу так называемого демократического блока, куда входили наряду с меньшевиками и с.-р. и левые кадеты.

[62]) Всероссийский железнодорожный Учредительный Съезд происходил в Москве с 15 июля по 25 августа 1917 г. Политические требования съезда формулированы были председателем съезда Д. М. Ореховым: «Мы должны способствовать Временному Правительству водворить порядок и довести страну до Учредительного Собрания». Съезд требовал от Временного Правительства прибавки жалованья железнодорожным служащим в размере 15%.

Продолжительность рабочего дня устанавливалась следующая: для конторщиков — 6 часов, для рабочих — 8 часов.

Прожиточный минимум (максимальный) определялся для Петрограда в 650 руб., минимальный для Средней Азии — в 300 руб.

Съезд признал и необходимость контроля Союза над ж.-д. хозяйством. «Союз должен взять в свои руки — говорилось в резолюции Съезда,— все управление и всю организацию хозяйства железных дорог на началах полного самоуправления при строгом проведении децентрализации и демократизации».

Съезд железнодорожников отразил переломный момент развития движения железнодорожников. Руководство в союзе еще сохранили в своих руках представители наиболее обеспеченной части служащих, наиболее далеких от рабочего класса. В то же время огромное давление на съезд оказывали массы железнодорожников, доведенные Временным Правительством до крайнего обнищания. Поэтому и на самом железнодорожном съезде уже вскрылись противоречия между тенденцией резкой экономической борьбы с Временным Правительством за повышение зарплаты и политического доверия к Временному Правительству. Эти противоречия между политическим доверием к Временному Правительству и организацией экономической борьбы с ним особо ярко проявились во время сентябрьской всероссийской ж.-д. стачки, которая нанесла Временному Правительству огромный удар, несмотря на то, что стачку возглавляли меньшевистско-эсеровские элементы, стоявшие за поддержку Временного Правительства.

[63]) Всероссийский союз инженеров и техников путей сообщения организовался в Петрограде 15 марта 1917 г. Согласно основному положению союза, задачей его является: доведение войны до победного конца, защита и укрепление демократических свобод, содействие улучшению и усилению железнодорожного, водного и шоссейного транспорта, удовлетворение профессиональных потребностей членов союза.

[64]) Грузинские меньшевики работали главным образом среди крестьян. В первые три Государственные Думы от Грузии прошли одни с.-д. меньшевики. Платформа грузинских меньшевиков во всех основных вопросах та же, что и русских.

В годы гражданской войны, в эпоху господства меньшевиков в Грузии, Чхенкели занимал пост министра иностранных дел грузинской «демократической» республики и вел активную борьбу с Советской Россией.

[65]) Мачавариани — представитель национально-демократической грузинской партии, по программе близкой русским к.-д. От кадетской программы программа национально-демократической грузинской партии отличалась тем, что кадеты в национальном вопросе были партией российского высокодержавного национализма, а грузинские национал-демократы были партией грузинского национал-шовинизма. Партия объединяла нарождающуюся грузинскую буржуазию, помещиков и кулацкое крестьянство. Лидерами партии были: Н. Николадзе, Михаил Церетели и Спиридон Келия.

[66]) Согласно трактату 24 июля 1783 г., грузинский царь Ираклий признал над собою верховную власть русского императора.

[67]) Дашнакцутюн, армянская националистическая партия, возникла в Турецкой Армении в начале 90-х гг. Цель партии — создание единой Армении. В программных и тактических вопросах близка к партии с.-р. В 1917 г. дашнакцутюн выступили со следующей программой: единая российская федеративная республика, уравнительное землепользование, обобществление крупных финансовых, промышленных и торговых предприятий, государственный контроль над промышленностью, всеобщая трудовая повинность, право наций на самоопределение, автономия Турецкой Армении, Закавказская федерация. Несколько позже от партии откололась левая часть, работавшая в контакте с левыми эсерами.

[68]) Еврейская национальная группа, которую представлял Грузенберг, объединяла несколько группировок, где главную роль играли сионисты.

Сионисты были партией еврейской буржуазии, стремившейся отвлечь внимание еврейских рабочих от классовой борьбы с капиталистами и создать собственное государство в Палестине. В 1917 г. свои надежды на создание в Палестине государства сионисты связывали с предположениями английского империализма создать в Палестине колонию и использовать там евреев в качестве своей опорной базы против коренного арабского населения. Сионисты признавали Временное Правительство единственно правомочным революционным правительством, требовали доведения войны до победного конца и призывали евреев-солдат бороться за «новую Россию наравне со всеми остальными национальностями, населяющими Россию».

[69]) Еврейскими социалистическими партиями, от имени которых выступал Р. Абрамович, были: Бунд, Поалей-Цион и «Серп». Бунд — одна из старейших социал-демократических партий России, возникшая в Польше в 1897 году и поставившая задачей борьбу еврейского рабочего класса с царским самодержавием.

В первые же годы деятельности Бунда в тактике его ясно обозначились элементы оппортунизма и национализма. В 1906 г. Бунд вошел в ряды Р. С.-Д. Р. П. В дальнейшем с каждым годом исчезали его отличия от меньшевиков, и в 1917 г. Бунд работал с ними в полном контакте. После Октябрьской революции Бунд раскололся, и подавляющее большинство рабочих, входивших в его состав, перешло к большевикам.

Поалей-Цион — еврейская партия, пытавшаяся соединить в своей платформе сионизм с социал-демократией.

Еврейская партия «Серп» была так же, как и Поалей-Цион, националистической партией, пытавшейся разрешить национальный вопрос путем создания в России для евреев, вне зависимости от территории, орган национально-политической автономии.

[70]) Политическая платформа мусульманских организаций, от имени которых выступал Топчибашев, в общероссийских вопросах в основном совпадала с кадетской: форма

государственного устройства России — демократическая республика на национально-федеративных территориальных началах, причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются национально-культурной автономией; для регулирования общих духовно-культурных вопросов мусульманских народностей России и солидарных выступлений учреждается центральный общемусульманский орган для всей России с законодательными функциями в этой области.

[71]) События, о которых говорит оратор, были частью общих событий в Туркестане в 1916—1917 годах.

Поводом к ним послужило привлечение местного населения к работам в тылу армии. Основной же причиной движения были совершенно невыносимые методы колониального разбоя и национального угнетения, с помощью которых управляло окраинами царское правительство. Движение началось 13 июля 1916 г. в Самаркандской области и сразу же приняло форму открытого восстания, затем движение перекинулось в Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Семиреченскую области. В Семиреченской области восстание киргиз охватило ряд районов. Киргизы, теснимые войсками, укрылись вместе с семьями, скотом и имуществом в пределах Китая.

[72]) Основное ядро Латышской народно-национальной партии составлял крестьянский союз Латвии. Требования автономии Латвии со своим учредительным собранием и своим национальным правительством отличали ее от кадетов. По аграрному вопросу было требование создать национальный земельный фонд из земель дворянских всех категорий — рыцарских, казенных, майоратных, при этом помещики, которые купили свои имения, а не получили их в виде подарка, при отчуждении получают вознаграждение. Из этого национального земельного фонда безземельные могут купить землю.

[73]) Эстонская национальная партия так же, как и латышская, требовала выделения Эстляндской и части Лифляндской губернии в автономную единицу. Эта партия представляла объединение эстонской средней и мелкой буржуазии.

[74]) Смульский выступал от имени польских общественных организаций Белоруссии, объединявших ряд буржуазных организаций и группировок, которые требовали независимости Польши и автономии Белоруссии.

[75]) Литовская национальная партия возглавлялась Литовским национальным советом, который требовал: созыва учредительного собрания Литвы, которое должно установить форму правления Литвы, а также отношение ее к другим народам. После окончания войны судьбу Литвы должно было определить все население литовской территории путем плебисцита. К территории Литвы должны быть отнесены губернии Виленская, Ковенская и Сувалкская. Форма устройства России — федерация демократических республик, куда входит на федеративных началах Литва. Всероссийское Учредительное Собрание и мирный конгресс представляют право Литовскому учредительному собранию решить вопрос о характере русско-литовских отношений и о внутреннем устройстве самой Литвы.

[76]) Ликвидационная комиссия по делам царства Польского была учреждена Временным Правительством 15 марта 1917 г. Постановлением 15 июля Временное Правительство распространило круг ведения ликвидационной комиссии в области выдачи паспортов на жителей всех оккупированных местностей, тем самым легализуя отдачу Литвы Польше.

[77]) 1) Грузинская революционная партия социалистов-федералистов была основана грузинским писателем Джорджадзе. В 1903 г. партия издавала журнал «Georgie» (Грузия). В программе партии: русская федеративная демократическая республика, куда входит на федеративных началах Грузинская республика. Аграрная и рабочая про-

грамма целиком повторяет программу социалистов-революционеров. Лидер партии — Г. Ф. Зданович — старый с.-р.

[78]) Белорусская Революционная Громада возникла в 1902 г. В 1903 году на I съезде Громада целиком приняла программу П. П. С. и новое название: «Белорусская социалистическая Громада». Социалистическая Громада являлась представительницей мелкой буржуазии. 25 марта 1917 г. в Минске состоялась 1-я партийная конференция, на которой было решено поддержать Временное Правительство и «энергично готовиться к Учредительному Собранию, пропагандируя Российскую Федеративную Республику и автономию Белоруссии». Империалистическую войну Белорусская Громада считала «войною революционной России против германского милитаризма». По аграрному вопросу Громада требовала «передачи земли в собственность трудящемуся на ней пароду», но «решительно осуждала анархические выступления на почве аграрных отношений». «Высказываясь за автономную Белоруссию в Российской Федеративной Республике, конференция постановила заняться тщательной разработкой этого вопроса, устанавливая границы автономной Белоруссии в соглашении с соседями: литовцами, великоруссами, украинцами».

Белорусская социалистическая Громада в начале 1917 г. не имела большого влияния в Белоруссии. В Минском Совете Р. и С. Д., образовавшемся в марте, она не имела даже своего представителя.

К середине 1917 г., на 2-й конференции, созванной в Петрограде, в Громаде наметилось деление на народников и марксистов.

В октябре 1917 г., на 3-й конференции Громады, делегаты уже резко разделились на две группы: левую и правую. Группировавшиеся вокруг левой части Громады вскоре влились в Р. К. П. (б). Оформившаяся правая группа, большинство Громады, руководила контрреволюционными выступлениями в Белоруссии.

[79]) Партия народных социалистов Литвы возникла в 1902 г., сформировалась окончательно в 1905—1906 гг. В конце мая 1917 г. на первом Литовском сейме вышла из состава сейма вместе с с.-д. Объединяла мелкую городскую буржуазию и кулацкое крестьянство.

[80]) Лейтгальская социалистическая партия трудового народа примыкала по своей программе к латышским и литовским национал-народникам, требовала автономии Лейтгалии (уезды Люцинский, Режицкий, Двинский и Иллукстский, Витебской и Курляндской губерний, а также смежные с этими уездами волости соседних губерний). Партия требовала конфискации всех частновладельческих, именных, удельных, кабинетских, церковных и монастырских земель и бесплатной передачи их трудовому крестьянству.

[81]) См. примечание 42-е.

[82]) Петроградский и Московский Советы офицерских депутатов были организованы в начале революции и представляли ту часть офицерства, которая целиком поддерживала Временное Правительство и все его мероприятия.

[83]) Несмотря на этот приказ Ставки об ограничении прав солдатских комитетов, Керенский не постеснялся перед лицом всей страны объяснить тревогу солдат за судьбу своих организаций пропагандой «разного рода подозрительных лиц, стремящихся использовать неустойчивые настроения армии в целях внесения дальнейшей разрухи в ее ряды».

(Приказ № 477 по кабинету военного министра от 1 августа.)

[84]) Вокруг сдачи Риги шла бешеная спекуляция контрреволюционеров из Ставки и Временного Правительства, поскольку сдача Риги открывала в дальнейшем возможность уничтожить революционный Петроград силами германского империализма и в то же

время облегчала контрреволюции объявить большевистскую пропаганду основной причиной поражений на фронте.

[85]) Вольно-экономическое общество было основано в 1765 г. Оно занималось собиранием и разработкой сведений об экономической жизни России в пределах, дозволенных царским правительством, стараясь не касаться рабочего вопроса. Выдвинуло много буржуазных ученых либерального направления. Правительство несколько раз закрывало общество. Последний раз общество было закрыто в 1910 г. Вновь открылось после Февральской революции в 1917 г., никакой роли после этого не играло, являясь одной из многочисленных организаций буржуазии.

[86]) 25 июля 1917 г. в Москве состоялся съезд крупных помещиков, владельцев больших конских заводов. На съезде был организован союз коннозаводчиков и коневодов. Главные требования союза: признание за частным культурным коннозаводством государственного значения; признание конских состязаний необходимейшим условием развития культурного коневодства; государственная денежная помощь; государственное обеспечение существования коннозаводства в стране.

[87]) См. примечание 10 е.

[88]) Земельные банки, от имени которых выступал проф. Озеров, во время империалистической войны, до самой Февральской революции, усиленно занимались спекуляцией земельными владениями разорившихся дворян. После Февральской революции, когда для большинства помещиков стала ясной неизбежность перехода земли в руки крестьян, и помещики добивались повышения стоимости помещичьей земли и удержания в своих руках крупных поместий, земельные банки всецело поддерживали эти стремления помещиков выдачей ссуд и игрой на повышение на акции земельных банков. Поэтому земельные банки требовали от Временного Правительства принятия мер против «самовольных захватов» крупных имений и объявления о переходе частновладельческих земель к крестьянам только с выкупом.

[89]) Рябушинский — председатель московского отдела союза торгово-промышленных организаций. Свои убеждения и отношения к революции он более ясно, чем на Государственном Совещании, сформулировал на съезде фабрикантов и заводчиков в Москве 4 августа, где он выступал от имени всей крупной буржуазии.

В своей речи на этом съезде он заявил, что «настоящая революция была революцией буржуазной», а потому «те лица, которые управляют государством, должны буржуазно мыслить», а Советы Депутатов этого не хотят понять. Поэтому «нужно, чтобы было разбито несколько армий, чтобы наше доблестное офицерство пострадало до крайности для того, чтобы Советы Депутатов переменили на время свои убеждения». Сейчас буржуазия ничего не может изменить, надо выждать момент, когда она сможет взять власть в свои руки. Для этого «нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и Советов, чтобы они опомнились»...

[90]) 30 июля 1917 г. в Петрограде избран был главный комитет объединенной промышленности, представлявший собой нечто вроде главного штаба воинствующей буржуазии. Сюда вошли: представители от Совета съездов промышленности и торговли, от акционерных банков, металлообрабатывающей промышленности, горнопромышленности Урала, бакинских нефтепромышленников, частных железных дорог, союза каменноугольной промышленности Донецкого бассейна, всероссийского общества сахарозаводчиков, союза писчебумажных фабрикантов и др. Формально главные задачи комитета объединенного союза были: 1) содействовать образованию союзов промышленных предприятий, 2) объединять, согласовывать и направлять действия входящих в состав союза организаций по вопросам нормировки рабочего дня рабочих и служащих в предприятиях,

3) действовать объединенным фронтом против вмешательства рабочих и в управлении предприятием, 4) выступать объединенно в конфликтах между профессиональными союзами и предпринимателями, 5) в отношениях между правительством и промышленниками, 6) разрабатывать и принимать меры к развитию и упрочению промышленности, 7) ходатайствовать перед правительством об издании новых или об изменении существующих законов, или принятии мер для развития и упрочения положения промышленности в государстве. На деле же главною целью этой организации была помощь корниловщине.

[91]) Средняя месячная производительность одного горнорабочего в Донбассе в пудах была (см. «Известия Особого совещания по топливу» № 7, 1917 г.):

	1916 г.	1917 г.		1916 г.	1917 г.
Январь	721	535	Июнь	663	469
Февраль	660	492	Июль	620	437
Март	746	536	Август	566	422
Апрель	737	424	Сентябрь	602	423
Май	636	472	Октябрь	602	442

До 1916 г. производительность труда шахтера падала очень слабо. В 1916 г. произошел резкий перелом в сторону понижения производительности. С февраля до октября (включительно) 1916 г. производительность труда понизилась на 8,8%. В 1917 г. производительность труда упала за тот же период на 10,2%. Таким образом темп падения производительности в 1917 г. лишь немногим превосходил падение производительности в 1916 г.

[92]) Добыча нефти действительно падала. В 1916 г. она составляла 599,1 млн. пуд., в 1917 г. — 581,3 млн. пуд., т. е. на 17,8 млн. пуд. меньше. Во всем бакинском нефтяном районе было добыто за первые 9 месяцев 1917 г. на 52,3 млн. пуд. меньше, чем за январь—сентябрь 1916 г. На четырех главных бакинских площадях было добыто за 7 месяцев революции 156,6 млн. пуд., на 42,3 млн. пуд. меньше, чем за тот же период в 1916 г. Но даже и это количество добытой нефти транспорт неспособен был вывезти из Баку. В Астрахань было доставлено всего 280 млн. пуд., вместо намеченных к вывозу 320 млн. пуд. Фактически завоз на волжские пристани дал всего 262 млн. пуд., вместо предположенных 305 млн. пуд. Председатель съезда бакинских нефтепромышленников А. О. Гукасов указывает на следующие причины падения производительности труда на бакинских промыслах: 1) нехватка материала на 40—50%, 2) сокращение буровых работ, 3) тяжелый продовольственный кризис, 4) железнодорожная разруха, 5) несоответствие оплаты труда рабочих и служащих с ростом дороговизны. Поэтому, — заявлял Гукасов, — «развить темп работ при таких условиях или сохранить тот, который сейчас существует, не представляется возможным». (Журнал «Нефтяное Дело» № 1, 1917 г.)

[93]) Союз земельных собственников, от имени которых выступал Мельников, организовался в апреле 1917 г. для защиты интересов крупных помещиков. Первый всероссийский съезд был в июле 1917 г. Учредителями и руководителями союза были помещики: Н. Н. Львов (бывший министр Временного Правительства), В. В. Гурко, князь А. А. Крапоткин, граф Ф. А. Уваров, барон В. В. Меллер-Закомельский, Ф. В. Шлиппе, М. Л. Кандяков, А. В. Кривошеин. Главные центры союза были в Москве и Петрограде. В Москве союзом издавалась газета: «Всероссийский союз земельных собственников».

[94]) Гриневич — меньшевик ликвидатор, представлял формальное меньшевистское большинство во Всероссийском Центральном совете профсоюзов. Насколько это формальное меньшевистское большинство не отражало действительных настроений рабочего

класса, лучше всего демонстрирует всеобщая стачка протеста против Государственного Совещания, проведенная в Москве центром профессиональных союзов под руководством большевистского комитета.

[95]) Имеется в виду телеграмма Бубликова, который был назначен Временным Комитетом Государственной Думы комиссаром в министерство путей сообщения. Эта телеграмма, с сообщением об успешном ходе Февральской революции, была разослана по всем линиям железных дорог, и таким образом о происшедшем в Петрограде перевороте и всех текущих событиях в тот же день узнала вся Россия.

[96]) Совещание по обороне страны было созвано ВЦИК 7 августа. На нем присутствовали представители ЦИК, Государственной Думы, Петроградского и Московского Советов, городских дум Петрограда и Москвы, профсоюзов, кооперативов и других организаций — всего свыше 600 человек. Цель Совещания, по словам Чхеидзе — «создать вокруг обороны страны демократическую организацию». 8 августа был принят план организации «Исполнительного Комитета по организации обороны страны». Аналогичные комитеты должны были быть созданы во всех крупных городах.

Основной задачей этих комитетов Совещание считало «привлечение к непосредственной работе по обороне страны всех организаций демократии — политических, профессиональных, кооперативных, организаций местного самоуправления...»

Большевики, которые по оглашении своей декларации ушли с заседания, указывали, что: «Предпринятая советским большинством организация содействия «обороне страны» обслуживает вовсе не интересы страны, а интересы буржуазии, которая неслыханно обогащается от войны и получает возможность использовать рабочий класс в своих империалистических целях». Далее, в пункте 7-м декларации, говорилось: «Использование рабочего класса в империалистических целях выражается в стремлении втянуть пролетарские организации в общий механизм обслуживающего войну империалистического государства...»

В заключение заявлялось, «что революционные социал-демократы отказываются давать средства для продолжения империалистической войны» и «хотя бы косвенно способствовать империалистической политике нынешнего правительства контрреволюционной диктатуры».

[97]) Приводим опубликованные в «Известиях Московского Совета» в связи с происшедшим инцидентом письмо Нагаева и постановление совещания войсковых организаций:

«Открытое письмо русской печати есаула Нагаева.

Я крайне возмущен безобразным искажением смысла моей речи, произнесенной на Государственном Совещании 15 августа в бульварных газетах, к которым присоединилось и «Время». Газеты «Копейка» и «Трудовая Копейка» сообщают в скобках, что я большевик. Искажены и факты инцидента, сопровождающего мою речь. Вкрались неточности во многих газетах, достойных полного уважения.

Дабы раз навсегда положить предел сознательной и бессознательной провокации, ошибкам и взаимному непониманию, заявляю:

1) Я не являюсь представителем семи казачьих войск; я — представитель Кавказского фронта, в состав которого входят казачьи части семи казачьих войск, делегаты коих на фронтовом съезде, образовав особую казачью секцию, высказали совершенно особые пожелания, послужившие мне, казаку, входившему в эту казачью секцию, базисом высказанных мною соображений. Говорил я так же и как председатель казачьей секции В. Ц. И. К. Советов Р. и С. Д. Все это заявлено в моей речи, в стенограмме, к которой я отсылаю желающих сделать справки.

2) Разъяснение министра-председателя Керенского о том, что генерал Каледин формально прав, говоря от имени 12 казачьих войск, — совершенно справедливо. Мои возражения генералу Каледину сводились к тому, что он нравственно неправ, опираясь на отдельных представителей всех войск, игнорировавших голос трудового казачества. Совет же союза казачьих войск, имевших своих представителей на Государственном Совещании, неправ и формально по причинам, высказанным в моей речи. Против него главным образом были направлены мои обвинения.

3) Я не большевик. Не смешивая идейный большевизм с отдельными агентами Германии и провокаторами, проникшими в его среду, я решительно осуждаю тактику большевизма, способную, по моему мнению, привести и родину и революцию к гибели. Я убежден, что лишь в последнем страшном усилии наступлениями на фронте, мощным ударом можно приблизить мир и спасти родину от развала.

4) Выдержка из стенограммы моей речи:

«Казачьи общины со своим своеобразным укладом, со своим особым широким самоуправлением нисколько не противоречат демократическим принципам. Но казачьему старшине выгодно удержать сословно-кастовые привилегии, а трудовому казачеству выгодно устранить сословные ограничения. Кто был бесправнее казака при самодержавии? Его дутые, фиктивные привилегии не окупались тяжелой справой на свой счет, бесконечной службой и чертой оседлости. Да, только у евреев и казаков была черта оседлости».

Отсюда видно, что я являюсь выразителем интересов трудового революционного казачества. Так и прошу меня рассматривать. На всякие же попытки со стороны бульварных или контрреволюционных газеток пользоваться моими выступлениями в провокационных целях я отныне отвечу лишь презрением.

Прошу все газеты, могущие отнестись терпимо к чужой точке зрения, настоящее письмо перепечатать.

Есаул Нагаев».

(«Известия Московского Совета», № 142, от 20 августа.)

«Постановление совещания войсковых организаций действующей армии и флота В. Ц. И. К. Советов Р. и С. Д.

В заседании Государственного Совещания 15 августа, во время речи представителя Кавказской армии и председателя казачьей секции В. Ц. И. К. Советов Р. и С. Д., выступавшего по поручению делегатов всех войсковых организаций действующей армии и флота, есаула Нагаева, представитель союза георгиевских кавалеров полковник генерального штаба Сахаров позволил себе прервать есаула Нагаева возмутительным оскорблением, крикнув по его адресу: «германские марки». Вслед за этим представитель в Совещании того же совета георгиевских кавалеров капитан Скаржинский заявил во всеуслышание, что он присоединяется к словам полковника Сахарова.

Считая, что в лице есаула Нагаева полковник Сахаров и капитан Скаржинский осмелились оскорбить В. Ц. И. К. Советов Р. и С. Д. и уполномочившие есаула Нагаева на выступление в Государственном Совещании войсковые организации всей действующей армии и флота, мы высказываем свое крайнее негодование и решительно протестуем против возмутительной и недостойной выходки полковника Сахарова и капитана Скаржинского в исключительной обстановке Государственного Совещания, явно носившей характер провокационного приема политической борьбы.

Учитывая, кроме того, что заявление полковника Сахарова о готовности дать есаулу Нагаеву удовлетворение является способом уклонения путем поединка от общественно-

политической ответственности за свой низкий поступок, мы заявляем, что мы не считаем поединок средством разрешения вопросов личной и политической чести кого бы то ни было, а тем более представителей общественных организаций, и потому мы запрещаем нашему товарищу, есаулу Нагаеву, участвовать в поединке.

Не сомневаясь в том, что ни в союзе георгиевских кавалеров, ни в революционной армии нет места бесчестным клеветникам, мы уверены, что союз георгиевских кавалеров и все офицеры русской армии найдут способ заклеймить поступок полковника Сахарова и капитана Скаржинского.

Настоящее постановление опубликовать в печати и сообщить союзу георгиевских кавалеров, главному управлению генерального штаба, фронтовым комитетам всех фронтов и 7-му Оренбургскому казачьему полку.

По уполномочию представителей фронтовых и армейских комитетов: Кавказского, Северного, Западного, Юго-Западного, Французского, Румынского и Центрофлота.

Председатель совещания войсковых организаций
Действующей армии и флота — Печерский.

Председатель В. Ц. И. К. Советов Р. и С. Д. — Н. Чхеидзе.

Москва 16 августа 1917 г.».

(«Известия Московского Совета», № 139, от 17 августа.)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

